

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939 – 1945

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

А. А. ГРЕЧКО (председатель)

Г. А. АРБАТОВ, В. А. ВИНОГРАДОВ, П. В. ВОЛОБУЕВ, Б. Г. ГАФУРОВ,
С. Г. ГОРШКОВ, А. А. ГРОМЫКО, А. А. ЕПИШЕВ, А. С. ЖЕЛТОВ, П. А. ЖИЛИН
(заместитель председателя), Е. М. ЖУКОВ (заместитель председателя), С. П. ИВАНОВ,
Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ, В. М. КОЖЕВНИКОВ, В. Г. КУЛИКОВ (заместитель председа-
теля), С. К. КУРКОТКИН, Е. Е. МАЛЫЦЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, И. В. ПАРОТЬКИН,
П. Н. ПОСПЕЛОВ, А. И. РАДЗИЕВСКИЙ, С. И. РУДЕНКО, А. М. РУМЯНЦЕВ,
М. И. СЛАДКОВСКИЙ, Т. Т. ТИМОФЕЕВ, П. Н. ФЕДОСЕЕВ (заместитель
председателя), С. К. ЦВИГУН, С. М. ШТЕМЕНКО

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1974

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939 – 1945

ТОМ ВТОРОЙ

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВТОРОГО ТОМА

Г. А. ДЕБОРИН (главный редактор), О. Ф. СУВЕНИРОВ (заместитель главного редактора), А. А. БАБАКОВ, В. Г. КЛЕВЦОВ, М. Н. МАШКИН, Е. Ф. НИКИТИН, Ю. А. ПОЛЯКОВ, В. П. СЕРЕГИН, В. Я. СИПОЛС, К. К. ШИРИНЯ

ВВЕДЕНИЕ

Второй том «Истории второй мировой войны» посвящен событиям последних четырех предвоенных лет — с осени 1935 г. по 31 августа 1939 г. Он охватывает время от первых актов агрессии европейского фашизма до предвоенного политического кризиса.

В эти годы шла напряженная борьба миролюбивых сил против все более нараставшей опасности мировой войны. Первые акты агрессии правящих кругов и военщины Германии, Италии, Японии были своего рода пробой сил, ими проверялась степень противодействия и единства со стороны государств и народов, способных дать отпор зачинщикам войны.

Такая проверка показала, что правящие круги Англии, Франции и США, в силу своей классовой позиции, не намерены защищать дело мира, к чему призывал Советский Союз. Что же касается рабочего класса в капиталистических странах, то он был расколот политикой правых социалистических лидеров.

Коммунистическая партия и Советское правительство видели, что начинается процесс вползания капиталистического мира в мировую войну, и своевременно предупреждали о нависшей над человечеством опасности. В марте 1935 г. И. В. Сталин в беседе с британским лордом хранителем печати А. Иденом сказал, что «положение сейчас хуже, чем в 1913 году».

На вопрос Идена «почему?» И. В. Сталин ответил: «Потому, что в 1913 году был только один очаг военной опасности — Германия, а сейчас имеются два очага военной опасности — Германия и Япония»¹.

В то же время 1935 год отличался от 1913-го размахом и силой антивоенного движения, во главе которого находился Советский Союз. Это движение сыграло важную роль в том, что военная развязка наступила не сразу, а лишь спустя четыре года.

Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило оценку Центрального Комитета ВКП(б) и Советского правительства: с осени 1935 г. европейский фашизм перешел к открытой вооруженной агрессии. Захват Эфиопии Италией, ремилитаризация Рейнской зоны, германо-итальянская интервенция в Испании, расширение японской агрессии в Китае, захват Австрии и Чехословакии — все это взаимосвязанные звенья единой цепи непосредственной подготовки второй мировой войны. Фашизм на глазах всего мира открыто закладывал основы пресловутого

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М., 1973, стр. 247.

«нового порядка» в Европе, грозившего человечеству неисчислимыми бедами и страданиями, истреблением целых народностей и наций. Япония в это время вела разбойничью войну за порабощение Китая

Капиталистический мир постепенно вползал в новую войну. Этот процесс проходил не стихийно. Он организовывался и направлялся правительствами наиболее агрессивных держав (Германия, Италия, Япония) при участии их империалистических конкурентов (Англия, Франция, США). Непосредственными инициаторами войны были страны фашистского блока, и прежде всего гитлеровская Германия. Большая доля вины за развязывание войны ложится и на правящие круги из англо-франко-американского лагеря политика «невмешательства» сопутствовала итало-германской интервенции в Испании, позиция «нейтралитета» — захвату Австрии, мюнхенский сговор — порабощению Чехословакии.

Как и в предыдущие годы, фашистской агрессии и политике развязывания второй мировой войны противостояли мощные миролюбивые силы. Главной из них являлся Советский Союз, где укреплялся новый, социалистический строй, были достигнуты большие успехи в решении национального вопроса, осуществлена культурная революция, выковано несокрушимое единство всего общества. Хозяйственные успехи СССР, рост духовной культуры советского народа, строительство современных вооруженных сил и активная миролюбивая внешняя политика Советского государства оказывали благотворное влияние на весь ход международных событий.

Советский Союз представлял собой могущественный оплот мира. В его конкретных предложениях по созданию коллективной безопасности сливались воедино интересы защиты и первого в мире социалистического государства, и национальной независимости всех народов, которым угрожала фашистская агрессия.

Внешняя политика Советского государства активно противодействовала возникновению мировой войны, стремилась помешать агрессорам создать антисоветский фронт.

Своими успехами в мирном социалистическом строительстве и борьбой против фашизма и войны Советский Союз показывал трудящимся всех стран правильный путь в сложном и запутанном лабиринте событий предвоенных лет. Он ориентировал их на правильное и умелое сочетание национальных и интернациональных интересов в антифашистском движении, призывал к единству действий в вооруженной борьбе в защиту суверенитета и безопасности народов и государств. Советские люди оказывали морально-политическую и материальную поддержку народам Китая, Эфиопии, Испании, Чехословакии, что усиливало их сопротивление фашизму. В свою очередь политика Страны Советов встречала поддержку международного рабочего класса, демократических слоев населения всех континентов земли.

В эти годы возрастала пролетарская солидарность трудящихся различных стран, ширилась их совместная борьба против фашизма и агрессии. Ярким примером этого было участие советских добровольцев в защите Испанской республики, создание интернациональных бригад, сражавшихся против итало-германских интервентов и фашистских мятежников. В боях против общего врага лучшие представители рабочего класса многих стран продемонстрировали нестигаемую волю, величайшее мужество и братское содружество.

Немалый вклад внесли героические советские добровольцы и в борьбу китайского народа против японских захватчиков.

По примеру СССР в антивоенное движение включались передовые силы капиталистических стран во главе с пролетариатом и его боевым авангардом — коммунистическими партиями. Решения VII конгресса Комин-

терна, принятые летом 1935 г., ориентировали международный рабочий класс и его организации на создание широкого антифашистского народного фронта. Предвоенное пятилетие, как отмечалось на XVIII съезде ВКП(б), было насыщено крупными боями трудящихся за единство действий рабочего класса, за единство профсоюзного движения, за антифашистский народный фронт¹.

В капиталистических странах главной миролюбивой и антивоенной силой являлся рабочий класс. Однако большой вред антифашистской борьбе трудящихся наносили вожди правых социалистов. Они не извлекли уроков из разгрома рабочих организаций в Германии, Австрии, Чехословакии и других странах и продолжали свою раскольническую деятельность, занимали антикоммунистическую позицию, а в ряде случаев активно выступали против Коминтерна, его тактики единого антифашистского народного фронта.

Советскому Союзу угрожала опасность быть втянутым в вооруженную борьбу сразу на двух фронтах — на западе и востоке — в условиях враждебного отношения к нему правящих реакционных кругов Англии, Франции и США. Это отношение особенно наглядно проявилось летом 1939 г. в срыве Англией и Францией военных переговоров с СССР. Эта обстановка таила в себе тяжелые последствия не только для Советского государства, но и для всего мирового революционно-демократического и национально-освободительного движения.

Чтобы изменить исключительно неблагоприятную для Советского Союза обстановку и оттянуть, насколько возможно, нападение агрессора, Коммунистическая партия и Советское правительство в августе 1939 г. приняли предложение Германии заключить с ней договор о ненападении. Это был вынужденный, но единственно правильный шаг, предопределивший в огромной степени благоприятный для Советского Союза и для всех свободолюбивых народов исход второй мировой войны.

События, связанные с непосредственной подготовкой и развязыванием второй мировой войны, находятся в центре острой идеологической борьбы.

Усилия реакционной буржуазной историографии имеют своей целью затушевать и скрыть ответственность международного империализма за непосредственную подготовку и развязывание второй мировой войны. Такие стремления далеко не случайны, ибо события предвоенных лет наиболее рельефно обнажают преступность всей системы современного монополистического капитализма, столкнувшего человечество в бездну мирового вооруженного конфликта.

Реакционная историография западных стран преднамеренно умалчивает о том, что итало-эфиопская война и интервенция Германии и Италии в Испании, вторжение Японии в Северный и Центральный Китай свидетельствовали, что агрессоры начали вооруженным путем осуществлять свои планы мирового господства.

Особенно много усилий реакционные историки прилагают к тому, чтобы обелить предвоенную политику «невмешательства» Англии, Франции и США, выдать ее за стремление уберечь человечество от большой войны. Они отвергают само понятие «предвоенный политический кризис», отстаивают версию, не имеющую ничего общего с действительностью, будто война возникла случайно, в результате ошибок и дипломатических просчетов тех или иных государственных деятелей. Во многих работах предыстория войны сводится к описанию дипломатических акций и взаимоотношений политических деятелей. Все это делается для того, чтобы

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет (далее — XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет). М., 1939, стр. 50—58.

скрыть от народов главную, коренную причину войны — ее экономическую обусловленность самой природой государственно-монополистического капитализма.

Описанию и анализу хода событий, происходивших с осени 1935 г. по август 1939 г., когда мир стоял на пороге войны, посвящен данный том «Истории второй мировой войны». В нем исследуется роль международного империализма в непосредственной подготовке и развязывании этой войны, показана героическая борьба Советского Союза и трудящихся многих стран за ее предотвращение.

В томе рассмотрены процессы размежевания империалистических сил и формирования военных блоков, даны оценки внутреннего политического и экономического положения, а также состояния вооруженных сил государств двух капиталистических группировок накануне военной схватки.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ТОМА

Г. А. ДЕБОРИН и О. Ф. СУВЕНИРОВ (руководители), И. Ю. АНДРОПОВ, А. А. БАБАКОВ, Б. И. БАРОМЫКИН, А. В. БЕШЕНЦЕВ, В. И. ГАНТМАН, П. А. ЖИЛИН, И. Н. КАВЕРИН, В. Г. КЛЕВЦОВ, Ф. Б. КОМАЛ, Д. Ф. МАКИЕВ, В. Г. МАРКЕВИЧ, П. Е. МАСЛЕННИКОВ, М. Т. МЕЩЕРЯКОВ, В. Н. НЕКРАСОВ, Г. И. НЕХОНОВ, Е. Ф. НИКИТИН, И. Д. ОСТОЯ-ОВСЯНЫЙ, Ю. Н. ПАНКОВ, И. В. ПАРОТЪКИН, О. А. РЖЕШЕВСКИЙ, А. С. САВИН, Р. Б. САМОФАЛ, Б. Г. САПОЖНИКОВ, В. В. СОКОЛОВ, Г. М. ТАВРОВСКАЯ, Г. С. ФИЛАТОВ, В. Т. ФОМИН, С. К. ЦВИГУН, Н. М. ЧЕРЕПАНОВ, К. К. ШИРИНЯ, Н. Н. ЯКОВЛЕВ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ИМПЕРИАЛИЗМ — ВИНОВНИК
РАЗВЯЗЫВАНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

ПЕРЕХОД ФАШИЗМА К ВООРУЖЕННОЙ АГРЕССИИ

1. Захватнические действия Италии и Германии

Стремительное укрепление германского фашизма, бесцеремонно разорвавшего Версальский договор, и лихорадочная гонка вооружений нацистского государства, развернувшаяся при поддержке США, Англии и Франции, создали в середине 30-х годов предгрозовую атмосферу в Европе, привели к резкому изменению соотношения сил империалистических держав.

Германия по сравнению с Англией и Францией быстро выдвигалась вперед в экономическом и особенно военном отношении. Создав свои вооруженные силы и милитаризовав всю жизнь Германии, гитлеровцы все более нагнали. Они уже не заискивали перед Англией и Францией, а разговаривали с ними «на равных основах». Но первой воспользовалась новой обстановкой фашистская Италия.

Анализируя тенденции развития итальянского империализма, В. И. Ленин в 1915 г. весьма точно подметил, что прежняя революционно-буржуазная Италия «превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы... в Италию грубой, отвратительно реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи»¹.

Планы экспансии итальянского фашизма предусматривали захват обширных территорий в Африке, на Балканах и в Дунайском бассейне, во всем Средиземноморье. Первым объектом фашистской агрессии становится Эфиопия — единственное государство в Восточной Африке, которое в силу ряда обстоятельств (соперничество великих держав, исключительно выгодное стратегическое положение, патриотизм и мужество народа, сложные географические условия) сумело сохранить относительную политическую независимость. Расположенная на кратчайших путях из Средиземного и Красного морей в Аравийское море и Индийский океан, она представляла собой важную стратегическую позицию.

Подготовка Италии к захвату Эфиопии началась, по признанию Муссолини, еще в 1925 г. Сначала предполагалось аннексировать ее «мирным путем» с помощью договора о дружбе (1928 г.). Однако это не удалось². Тогда начиная с осени 1932 г. итальянские империалисты приступили к тщательной разработке планов вооруженного вторжения и порабощения эфиопского государства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 15.

² I. Kirkpatrick. Mussolini. A Study in Power. New York, 1964, p. 306.

Затем последовала непосредственная подготовка к нападению на Эфиопию. В Эритрее, Сомали и Ливии (итальянских колониях) сосредоточивались войска, строились и реконструировались морские порты, аэродромы, военные базы, к эфиопским границам прокладывались шоссейные дороги. За три года в метрополии и колониях были развернуты вооруженные силы в 1 300 тыс. человек. Для перевозки экспедиционной армии было подготовлено, зафрахтовано и закуплено более 155 морских судов общим тоннажем примерно 1 250 тыс. тонн ¹.

Для ведения войны Италия резко увеличила закупки в США вооружения, самолетов, авиамоторов, запасных частей, нефти, сырья и других военных товаров. Англия расширила поставки Италии угля, никеля и прочих стратегических материалов. За девять месяцев 1935 г. Германия продала Италии угля в четыре, а машин в два раза больше, чем за такой же период 1934 г. Французские заводы Рено поставляли для итальянской армии танки; импорт автомобилей в итальянские колонии возрос в 20 раз ².

Прикрываясь лозунгами «цивилизаторской миссии» и «установления порядка в Абиссинии», правительство Б.Муссолини провоцировало военные столкновения на эфиопских границах, проводило подрывную деятельность, стремясь вызвать в стране междоусобицу. 5 декабря 1934 г. в 100—150 км от границы с Итальянским Сомали в районе Уал-Уала произошел серьезный инцидент. Итальянский гарнизон внезапно напал на эфиопский военный отряд. В результате вооруженной провокации обе стороны понесли большие потери. Правительство негуса Хайле Селассие I обратилось в Лигу наций с просьбой предотвратить итальянскую агрессию, отвести смертельную угрозу, нависшую над страной, которая является членом Лиги наций ³.

Лишь спустя девять месяцев после событий в Уал-Уале Совет Лиги наций приступил к обсуждению итало-эфиопского конфликта. Как всегда в таких случаях, агрессор пытался доказать «правомерность» своих разбойничьих действий. В каких только грехах не обвинил он страну, которую избрал для захвата, и даже предложил исключить Эфиопию из Лиги наций. Представители капиталистических государств, на словах ратовавшие за право всех членов Лиги наций на независимость, никаких конструктивных предложений не внесли. Все свелось лишь к созданию «комитета пяти» (Англия, Франция, Испания, Польша и Турция) в целях общего изучения итало-эфиопских отношений и изыскания средств для мирного разрешения вопроса.

Советский Союз решительно выступил в защиту государственного суверенитета Эфиопии, хотя и не имел с ней дипломатических отношений. 5 сентября 1935 г. народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов на заседании Совета Лиги обратил внимание на то, что «налицо несомненная угроза войны, угроза агрессии, которую не только не отрицает, а, наоборот, подтверждает сам представитель Италии. Можем ли мы пройти мимо этой угрозы?..»⁴. От имени Советского правительства он предложил Совету «не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги»⁵. Через несколько дней на заседании Генеральной Ассамблеи Лиги наций глава советской делегации вновь призвал государства, ответственные за

¹ Р. К с и л а н д е р. Завоевание Абиссинии в 1935—1936 гг. Опыт и уроки первой современной войны в капиталистических условиях (далее — Завоевание Абиссинии в 1935—1936 гг.). Перевод с немецкого. М., 1941, стр. 15, 27.

² Д. В о б л и к о в. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860—1960. М., 1961, стр. 66—67.

³ «League of Nations». Official Journal, 1935, May, p. 572.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVIII, стр. 494.

⁵ Там же, стр. 496.

сохранение мира, принять все меры к усмирению агрессора. Однако эта высокая международная организация ничего не сделала для защиты Эфиопии. Бездействие Лиги наций развязало руки Риму, который заканчивал последние приготовления к войне.

Фашистские государства все больше захватывали инициативу в международных отношениях. Это давало им значительные преимущества в осуществлении агрессивных замыслов. Германию вполне устраивало, что экспансия Италии нацелена на юг и, следовательно, ее внимание к Центральной и Юго-Восточной Европе, где немецкие интересы сталкивались с итальянскими, надолго будет отвлечено. К тому же общественное мнение, считало германское правительство, неизбежно будет приковано к итальянской агрессии в Африке.

Создавшуюся ситуацию стремилась использовать и Франция, которая намеревалась за счет Эфиопии укрепить отношения с Италией, не допустить ее сближения с Германией и добиться ослабления позиций Англии в государствах Азии и Африки. В начале января 1935 г. премьер-министр Франции П. Лаваль встретился с Муссолини. Итальянский диктатор доверительно поделился с ним своими планами. Результатом визита явилась опубликованная 7 января декларация о франко-итальянском сотрудничестве. Было достигнуто соглашение об изменении франко-итальянской границы в Африке. Франция пошла на значительные уступки, передав Италии 20 процентов акций железной дороги, соединявшей французский порт Джибути с Аддис-Абебой (столицей Эфиопии), остров Думейра, 800 кв. км на границе Итальянской Эритреи напротив Баб-эль-Мандебского пролива и 125 тыс. кв. км территории, прилегающей к южной границе с Ливией, а также согласилась продлить до 1965 г. льготы итальянским поселенцам в Тунисе ¹. Позднее Лаваль хвастливо заявлял, что он «подарил ему (Муссолини. — *Ред.*) эту Эфиопию» ². Французский премьер объяснял свои уступки итальянскому агрессору тем, что и Франция выиграла от этого, так как канализировала экспансию Италии в Африку вместо Юго-Восточной Европы, в которой французский капитал имел серьезные экономические интересы.

Посвидетельству американского посла в Германии У. Додда, в этой сделке французское правительство рекомендовало Италии осуществлять захват Эфиопии по частям. Додд записал в своем дневнике: «У меня был интересный разговор с французским дипломатом Арманом Бераром, который откровенно сказал: «Мы заключили пакт с Италией, хотя Муссолини нам и очень неприятен... и нам пришлось пообещать ему аннексию Абиссинии. Я надеюсь, что Муссолини достаточно умен, чтобы присоединить эту страну по частям, как мы это сделали в Марокко. Мы настаивали на этом перед итальянцами...» ³

Результаты секретных переговоров Лавалья и Муссолини были доведены до сведения Лондона. Форин офис (британское министерство иностранных дел) дало понять, что, если не будут затронуты британские интересы в отношении озера Тана и реки Голубой Нил, Англия не намерена противодействовать итальянской агрессии. Главная ее забота, как сообщал своему королю в феврале 1935 г. министр иностранных дел Д. Саймон, занять такую позицию в итало-эфиопском конфликте, которая не окажет «неблагоприятного влияния на англо-итальянские отношения» ⁴.

¹ J. Wheeler-Bennett, S. Heald (Eds.). Documents on International Affairs, 1935. Vol. I. London, 1936, p. 19—24.

² Цит. по: А. Симон, Г. Уотерфилд и др. О тех, кто предал Францию. М., 1941, стр. 373.

³ Ambassador Dodd's Diary, 1933—1938. New York, 1941, p. 247.

⁴ I. Kirkpatrick. Mussolini. A Study in Power, p. 310; H. Nicolson. King George the Fifth. His Life and Reign. London, 1967, p. 673.

По свидетельству английского журналиста Дж. Прайса, подобная мысль была высказана Р. Макдональдом (бывшим премьер-министром двух лейбористских правительств) в беседе с Муссолини. Дуче поинтересовался, как Англия отнесется к факту вторжения его армии в Эфиопию. Политический лидер Великобритании цинично ответил: «Англия — леди. Женщинам нравятся активно наступательные действия мужчин, но при условии соблюдения секретности. Поэтому действуйте тактично, а мы не будем возражать»¹. Эту позицию подтвердила и конференция в Стрезе (апрель 1935 г.), на которой представители Англии и Франции дали понять представителям Италии, что их правительства не собираются мешать захватническим действиям Муссолини против Эфиопии, если это не поколеблет их позиций в колониях.

Политику попустительства итальянскому агрессору проводили и Соединенные Штаты Америки. Еще в 1934 г. американское правительство уклонилось от посредничества в вопросе об Эфиопии и всячески способствовало тому, чтобы она «осознала, что никто на свете не окажет ей помощи», окончательно отказалась от «преувеличенных представлений о независимости и согласилась с умеренными требованиями Италии»². 31 августа 1935 г., когда вторжение в Эфиопию было уже предрешено, американский конгресс принял закон о нейтралитете, запрещающий вывоз военных материалов в воюющие страны. Это означало, что захватчик, не столь зависевший от ввоза военных материалов, получал реальное преимущество перед жертвой агрессии. Таким образом, правящие круги Франции, Англии и США твердо взяли курс на поощрение агрессии итальянского фашизма.

В ночь на 3 октября 1935 г. внезапно, без объявления войны, итальянские войска вторглись в Эфиопию. Предпринимая нападение одновременно с трех направлений, командование итальянской армии рассчитывало применить современное вооружение, новые методы борьбы и в короткий срок разделаться со своей жертвой.

Северный фронт под командованием престарелого генерала де Боно, а затем маршала Бадольо, имея в своем составе большую часть войск вторжения, развернулся у границы Эфиопии с Эритреей. Главный удар он наносил силами трех армейских корпусов (десять дивизий) в направлении Дессие, Аддис-Абеба. Наступление на двух других направлениях играло вспомогательную роль. Южный (сомалийский) фронт, имевший две оперативные группы (по две дивизии в каждой), должен был активными действиями в направлении на Харар сковать как можно больше эфиопских сил. Центральная группа войск (одна дивизия и вспомогательные части) служила связующим звеном между обоими фронтами. Она имела задачу наступать из района Ассаба на Дессие через пустыню Данакиль. Большое значение в операциях против эфиопской армии итальянское командование придавало активным действиям своих военно-воздушных сил.

Развертывая войну в Африке, Италия заботилась и о своем положении в Европе. Для поддержания роли Италии как гаранта Локарнского пакта Муссолини взамен отправленных в Эритрею и Сомали соединений немедленно сформировал новые дивизии. В результате армия метрополии не только не уменьшилась, а даже увеличилась. Муссолини хвастливо заявил, что будет держать под ружьем призывников 1911—1914 годов рождения до тех пор, пока сочтет нужным, и что «900 тыс. солдат полностью обеспечивают нашу безопасность... Они снабжены новейшим оружием,

¹ G. Price. Extra-special Correspondent. London, 1957, p. 242.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS). 1934. Vol. II. Washington, 1951, p. 758.

выпущенным... военными заводами», которые «в течение нескольких месяцев работают полным ходом»¹.

Страх за судьбу своих колоний в Индии и Африке заставил Англию принять меры предосторожности. Она подтянула в район Средиземного и Красного морей из метрополии, Сингапура и Гонконга крупные военно-морские и воздушные силы. После перегруппировки английский морской и воздушный флот имел на Средиземноморском театре 7 линкоров, 3 авианосца, 25 крейсеров, 65 эсминцев, 15 подводных лодок, 400—450 самолетов. Крупные силы флота (линкоры, крейсера, авианосцы) находились в Александрии (13 кораблей), в Гибралтаре и Адене (по 6 боевых единиц), в портах Мальты — 7 подводных лодок².

Фашистская Италия начала срочно прикрывать свои военно-морские базы и морские коммуникации. Ее главные морские и воздушные силы сосредоточились в портах юга Апеннинского полуострова и Сицилии (76 кораблей, в том числе 2 линкора, 13 крейсеров, 34 эсминца, 17 подводных лодок). В район Восточного Средиземноморья (острова Лерос и Родос, порт Тобрук) были выдвинуты 4 эсминца, 27 подводных лодок и торпедных катеров, а в Красное море — 4 крейсера, 5 эсминцев, 6 подводных лодок и 1 авиатранспорт³. Для усиления вооруженных сил совершенствовались мобилизационная система, подготовка военных кадров, противовоздушная оборона, осуществлялась централизация военного производства.

Напад на Эфиопию, итальянские фашисты внимательно следили за тем, как будет реагировать на их действия мировое общественное мнение, в частности таких стран, как Англия и Франция. Это накладывало определенный отпечаток на характер действий итальянских войск.

Итальянский генеральный штаб ориентировал командование своих войск в Эфиопии, чтобы они, захватив определенный район, тщательно осваивали оккупированную территорию, строили дороги, мосты, налаживали работу тыла. Это должно было создать условия для проведения последующих операций.

Итальянская армия на северном фронте действовала массированно, не расчлняясь на отдельные колонны. К этому ее вынуждали характер местности и героическое сопротивление частей прикрытия эфиопской армии. Несмотря на военно-техническое превосходство, итальянские захватчики продвигались медленно, несли большие потери, а на отдельных участках даже оставляли свои позиции. До конца года они овладели лишь незначительной частью территории страны, достигнув на севере рубежа Адиграт, Адува, Аксум, на юге — Герлогуи, Горрахей, Доло.

Опыт первых месяцев войны показал, что для захвата Эфиопии требовалось значительно больше сил и средств, чем располагали итальянцы. Они выдвинули на театр войны еще восемь дивизий и огромное количество боевой и вспомогательной техники. Всего к середине февраля 1936 г. в Восточную Африку было направлено 14 500 офицеров, 350 тыс. солдат, до 60 тыс. человек вспомогательного персонала (не считая 80—100 тыс. человек из местного населения), 510 самолетов, 300 танков, 800 орудий, 11 500 пулеметов, 450 тыс. винтовок, 15 тыс. автомобилей, 80 тыс. вьючных животных, 1800 радиостанций и много другого военного имущества⁴.

Сосредоточение большой массы итальянских войск, боевой техники, оружия, снаряжения, продовольствия, горюче-смазочных материалов,

¹ Цит. по: Итало-абиссинская война. Киев, 1935, стр. 43.

² Е. Т а т а р ч е н к о. Воздушные силы в итало-абиссинской войне. М., 1940, стр. 39—40.

³ Т а м ж е, стр. 41.

⁴ Н. К о р с у н. Итало-абиссинская война 1935—1936 гг. М., 1939, стр. 68; Р. К с и л а н д е р. Завоевание Абиссинии в 1935—1936 гг., стр. 85, 126.

доставлявшихся в Восточную Африку морским путем на протяжении многих месяцев, стало возможным вследствие попустительства большинства членов Лиги наций. Призванная защищать территориальную целостность и политическую независимость своих членов, Лига наций не прислушалась к предложению СССР принять решительные меры для прекращения военных действий. К ней было приковано внимание всего мира, от нее ждали не слов, а действий, но она не сделала ничего для предотвращения войны.

Борьба Советского Союза и других миролюбивых сил в защиту Эфиопии вынудила Лигу наций объявить Италию агрессором и вынести решение о применении к ней некоторых экономических санкций. Запрещались ввоз оружия и ряда других товаров, предоставление займов и кредитов. Однако основная мера — эмбарго на поставку Италии нефти и ряда других военно-стратегических материалов — не получила поддержки Лиги наций.

Но и такие урезанные меры показались многим государственным деятелям Запада слишком суровыми. При обсуждении вопроса о применении экономических санкций к Италии представители Австрии и хортистской Венгрии выступили против них, премьер-министр Франции заявил о намерении «продолжить поиски мирного разрешения вопроса». Британский дипломат применение санкций к Италии поставил в зависимость от позиций Германии и США. Что касается американского правительства, то оно отказалось участвовать в осуществлении решений Лиги наций, принятых против итальянской агрессии. Как только началось обсуждение этого вопроса, посол США в Риме Лонг немедленно направил государственному секретарю Хэллу телеграмму: «Если в Женеве будет принято решение о введении санкций (против Италии. — *Ред.*), я искренне надеюсь, что американское правительство не присоединится к ним. Это вызовет тяжкие последствия у нас в Штатах и ненужные осложнения»¹. Беспокойство Лонга оказалось излишним. 9 октября Хэлл поручил американскому посланнику в Женеве уведомить всех членов Лиги наций, что «США будут следовать своему курсу самостоятельно»².

Отказ США, Германии, Австрии, Венгрии от участия в санкциях и нежелание Англии и Франции проводить их в жизнь создали для Италии благоприятные условия, ибо в ее импорте эти государства играли главную роль. Соединенные Штаты Америки поставляли Италии 72 процента парафина, более 60 процентов хлопка-сырца, 40 процентов чугунного лома, 27 процентов машинного оборудования и стального лома, 26 процентов никеля. Германия давала 40 процентов угля, 25 процентов проката, 11 процентов железа и стали, 7 процентов никеля. Доля Австрии в итальянском импорте составляла 28 процентов леса, 23 процента специальной стали, 12 процентов железа и стали. Венгрия являлась важным поставщиком продовольствия³. Следовательно, меры, принятые Лигой наций против итальянских колонизаторов, как это признал Черчилль, представляли собой «не настоящие санкции, способные парализовать агрессора, а всего лишь такие противоречивые мероприятия, которые агрессор мог терпеть, поскольку, несмотря на свою обременительность, они в действительности стимулировали воинственный дух итальянцев»⁴.

Советское правительство всемерно стремилось к тому, чтобы оказать помощь эфиопскому народу. Представители СССР подчеркивали, что решение Лиги наций о санкциях может быть действенным лишь в том слу-

¹ FRUS. 1935, vol. I, p. 836.

² Peace and War United States Foreign Policy 1931—1941. Washington, 1943, p. 23.

³ П. Л и с о в с к и й. Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М.—Л., 1936, стр. 188—189.

⁴ W. C h u r c h i l l. Memoirs of the Second World War. Cambridge (Mass.), 1959, p. 79.

чае, если в Италию будет запрещен ввоз важнейших видов военно-стратегического сырья. Впрочем, это отлично понимали и некоторые руководители западных держав. «Если бы были применены тотальные санкции, — писал впоследствии Хэлл, — продвижение Муссолини тотчас было бы остановлено»¹. Но большинство членов Лиги лишь на словах соглашались с необходимостью порвать с Италией экономические отношения, а на деле продолжали снабжать ее военно-стратегическими материалами, особенно нефтью, которая имела первостепенное значение для исхода эфиопской кампании. Большая роль в этом принадлежала США. Их экспорт нефти в ноябре 1934 г. в денежном выражении составил 447 тыс. долларов, а в ноябре 1935 г. — 1 млн. 252 тыс. Поставки американской нефти в итальянские владения в Африке в стоимостном выражении за тот же период поднялись с 12 тыс. до 451 тыс. долларов².

Стремясь, чтобы санкции против агрессора были наиболее эффективными, СССР выступил с предложением запретить ввоз нефти в страну, совершившую агрессию. Это предложение поддержали девять государств — членов Лиги наций (Аргентина, Голландия, Индия, Ирак, Новая Зеландия, Румыния, Сиам, Финляндия, Чехословакия), поставлявших в Италию 75 процентов потребляемой ею нефти. Такие меры могли оказать решающее воздействие на события в Эфиопии.

В Риме забили тревогу. Муссолини обратился к Лавалю с просьбой не допустить применения нефтяных санкций³. Французский премьер-министр вступил в переговоры с английским правительством, которое, в свою очередь, выразило опасение, что, если Лига наций решит ввести эмбарго на экспорт нефти в Италию, США, не считаясь с этим решением, увеличат ввоз нефти в эту страну и английские нефтяные компании потеряют итальянский рынок.

Корыстные интересы большого бизнеса победили: Англия и Франция не только отказались от эмбарго, но и пошли дальше. Вступив в тайный сговор, они с ведома Муссолини разработали план раздела Эфиопии. 9 декабря 1935 г. Лаваль и министр иностранных дел Великобритании С. Хор подписали секретное соглашение о «мирном урегулировании» эфиопской проблемы. Негусу предлагалось «уступить» Италии две провинции — Огаден и Тигре, а также область Данакиль. В обмен Эфиопия получила бы от Италии узкую полосу эритрейской территории с выходом к морю в Ассабе. Она должна была также принять на службу итальянских советников.

Эфиопия отклонила англо-французское предложение.

Пользуясь обстановкой, итало-фашистские захватчики сосредоточили крупные силы против Эфиопии и создали решающий перевес в средствах борьбы. Они начали активные боевые действия с решительными целями. На этом этапе итальянское командование стремилось побудить эфиопскую армию к контрнаступлению, чтобы затем разгромить ее.

Новый главнокомандующий итальянскими войсками Бадольо (он же командующий северным фронтом) весьма опасался перехода патриотов Эфиопии к изнурительной партизанской войне в дополнение к оборонительным действиям регулярной армии. Один из итальянских журналов по этому поводу писал: «...для нас существенно важно всячески воспрепятствовать тому, чтобы маневренная война, которую мы хотели навязать врагу, превратилась в войну на истощение»⁴.

¹ The Memoirs of C. Hull. Vol. 1. New York, 1948, p. 471.

² M. G a l l o. L'Affaire d'Ethiopie aux origines de la guerre mondiale. Paris, 1967, p. 180.

³ Два года спустя Муссолини в доверительном разговоре с Гитлером признал, что без нефтяных поставок он вынужден был бы прекратить войну в Восточной Африке «в течение недели» (P. S c h m i d t. Hitler's Interpreter. London, 1951, p. 97).

⁴ «Nazione Militare», 1936, № 7—8, p. 555.

Чтобы быстрее сломить сопротивление эфиопов, итальянское командование пошло на чудовищное преступление: решило применить отравляющие вещества, огнеметные средства и разрывные пули, запрещенные международной конвенцией. В середине декабря 1935 г. маршал Бадольо и генерал Грациани обратились к Муссолини с просьбой предоставить им «полную свободу действий в использовании удушливых газов». «Применение газов допустимо»¹, — незамедлительно ответил дуче.

Над городами и даже небольшими населенными пунктами Эфиопии итальянские самолеты начали распылять в больших количествах иприт. Пары и капли иприта поражали население, скот, посевы. Бомбы с отравляющими веществами сбрасывались в места сосредоточения войск негуса, не имевших прикрытия с воздуха. Босые, легко одетые эфиопские солдаты были особенно уязвимы.

Хайле Селассие писал впоследствии: «Мы атаковали пулеметные гнезда противника, его артиллерию, голыми руками захватывали танки, мы переносили воздушные бомбардировки, но против отравляющих газов, которые незаметно опускались на лицо и руки, мы ничего сделать не могли»². Армия несла большие потери. Огромными были жертвы и среди мирного населения. Как явствует из представленного в 1946 г. доклада эфиопского правительства, всего во время войны и оккупации погибло более 760 тыс. воинов и жителей Эфиопии³. «Это не война, — заявлял один из очевидцев, работник миссии Красного Креста, — это даже не избиение. Это казнь десятков тысяч беззащитных мужчин, женщин и детей с помощью бомб и отравляющих газов»⁴.

В Эфиопии создалось критическое положение. Политика «нейтралитета», проводимая США, лишила Эфиопию возможности приобретать вооружение, в котором армия негуса испытывала острую нужду. К концу декабря 1935 г. эфиопские войска получили только 4 тыс. винтовок и 36 пушек. Западные державы с особой нарочитостью соблюдали «нейтралитет». Вашингтон отказал эфиопскому правительству даже в просьбе продать два санитарных самолета и в то же время выступал против закрытия для агрессора Суэцкого канала, через который подвозились к фронту итальянские воинские части, вооружение, продовольствие. Закрыть канал «означало бы, — заявлял Хор, — конец коллективным действиям», то есть попыткам Англии и Франции договориться с Италией. Аналогичной позиции придерживалась и Япония, отказавшая Эфиопии в закупке оружия и противогазов.

Опираясь на численное превосходство, преимущества в технике и вооружении, используя преступные методы ведения войны, итальянские захватчики в феврале — апреле 1936 г. на северном фронте нанесли ряд тяжелых ударов в районах Макалле, Тембиена, озера Ашанги и вышли к городу Дессие. На южном фронте армия Грациани, оттеснив эфиопские войска, заняла Дагабур и Харар. 5 мая итальянцы овладели столицей страны Аддис-Абебой.

За две недели до захвата столицы Эфиопии агрессором в Совете Лиги раздался взволнованный голос главы делегации эфиопского государства, еще раз взывавшего о помощи: «Народ Эфиопии никогда не покорится. Сегодня он задает вопрос пятидесяти двум государствам: какие меры пред-

¹ Documents on Italian War Crimes. Submitted to the United Nations War Crimes Commission by the Imperial Ethiopian Government. Vol. I. Addis-Ababa, 1949, p. 5.

² Цит. по: Н. Корсун. Итало-абиссинская война 1935—1936 гг., стр. 83.

³ E. Pankhurst. The Ethiopian People: Their Rights and Progress. Woodford, S. a., p. 12; A. Barker. The Civilizing Mission. The Italo-Ethiopian War 1935—6. London, 1968, p. 293.

⁴ K. Nelson, A. Sullivan (Eds.). John Melly of Ethiopia. London, 1937, p. 240.

полагают они принять, чтобы дать ему возможность продолжать борьбу?»¹ В ответ западные державы одна за другой стали отказываться от применения санкций против Италии. Первой это сделала Англия. Лига наций распалась в своем полном бессилии, а главное, в нежелании обуздать агрессора. Так Эфиопию бросили к ногам фашистского диктатора.

9 мая, когда итальянцы захватили не более трети территории Эфиопии, Муссолини объявил об ее «окончательном» завоевании. Декретом фашистского правительства Эфиопия объединялась с Эритреей и Итальянским Сомали в единую колонию — Итальянскую Восточную Африку. Дуче лицемерно заявил: «Мир с населением Абиссинии — свершившийся факт. Различные племена бывшей империи ясно показали, что они хотят спокойно жить и работать под трехцветным флагом Италии»². Но народ Эфиопии не склонил головы перед захватчиком и развернул партизанское движение.

Агрессия фашистской Италии против Эфиопии явилась важным этапом на пути развязывания второй мировой войны. Захват этой страны укрепил позиции итальянского империализма в Африке, Красном море и на кратчайших путях из Европы в Азию. Вместе с тем положение Англии и Франции здесь, в одном из узловых районов мира, резко ухудшилось. В тылу Египта Италия создала плацдарм для последующих захватов чужих земель. В результате произошло дальнейшее обострение империалистических противоречий в Африке.

Война против Эфиопии была своего рода генеральной репетицией агрессоров. Она еще раз показала, что разбойничьи методы ведения войны стали «нормой» для империалистических захватчиков.

Война в Эфиопии, а главное, вся политика попустительства агрессору со стороны США, Англии и Франции положили начало новому этапу предвоенной истории. По откровенному признанию английского военного историка и теоретика Б. Лиддел Гарта, создавшееся положение «побудило Гитлера к новому вызывающему шагу в марте 1936 г.»³.

Безнаказанная агрессия Италии в Эфиопии, итоги плебисцита в Саарской области дали гитлеровским лидерам основание сделать вывод, что наступила удобная пора для прямого нарушения Версальского и Локарнского договоров и осуществления захватнических планов в Европе. Первым актом предусматривался неожиданный и одновременный ввод более чем 30-тысячной немецкой армии в Рейнскую демилитаризованную зону по заранее разработанному немецко-фашистским генеральным штабом плану — операция «Шулунг». Маскировочным прикрытием замышляемой авантюры должен был стать антисоветский тезис, будто франко-советский пакт несовместим с духом локарнских соглашений и угрожает Германии. Гитлер кичливо заявил: «Москву нужно подвергнуть карантину». Абсурдность измышления гитлеровцев была очевидной, поскольку и Франция, и СССР никаких территориальных претензий к Германии не имели, а их договор о взаимопомощи предусматривал только ответные действия против агрессии. Задуманная фашистами акция была связана с огромным риском для них. Впоследствии один из главных подручных Гитлера — генерал Иодль признал: «У нас было беспокойное чувство игрока, поставившего на карту всю свою карьеру».

Агрессивный акт гитлеровской Германии в Европе подготавливался в тесном контакте с фашистской Италией. 25 февраля 1936 г. между ними

¹ История дипломатии. Т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 1965, стр. 623.

² Цит. по: R. Greenfield. Ethiopia. A New Political History. London, 1965, p. 228—229.

³ The Liddell Hart Memoirs 1895—1938. Vol. I. New York, 1965, p. 290.

было заключено соглашение о мерах борьбы против советско-французского пакта и об общей линии политики в отношении Локарнского договора¹. Вторжение германских войск в Рейнскую зону должно было отвлечь внимание Англии, Франции и США, на неопределенное время отложить вопрос о нефтяных санкциях против Италии и позволить ей без помех завершить заключительные операции в Эфиопии. По просьбе Муссолини Гитлер перенес предусмотренную планом дату наступления на неделю раньше.

7 марта 1936 г. немецко-фашистские батальоны вторглись в Рейнскую демилитаризованную зону и заняли ее, не встретив отпора. Неожиданный успех окрылил агрессора, германские войска вышли на французскую границу. Пытаясь оправдать свои действия, фашистские заправилы уверяли, что они лишь обеспечивают свой тыл для организации войны против СССР и для того, чтобы Франция, связанная с Советским Союзом договором о взаимной помощи, не осмелилась выполнить его условия. И как ни странно, в Париже, Лондоне и Вашингтоне заявления гитлеровских главварей встречались с доверием, в то время как очевидные факты игнорировались.

Торжествующий Гитлер поспешил заявить: «Дух Версальского договора уничтожен». И добавил: «В Европе должен возникнуть новый порядок». Вот когда был предан огласке разбойничий план германских монополистов, план порабощения народов Европы и превращения их в бессловесную «рабочую скотину». «Адольфу Гитлеру было позволено выиграть первую битву второй мировой войны, не открывая огня», — справедливо отмечал английский историк Уилер-Беннет². Фашистский диктатор надменным жестом «бросил перчатку» к ногам изумленной Франции. Система гарантий и союзов, созданных ею, трещала по всем швам. На ее восточных границах вновь заблестели штыки вооруженных сил германского рейха.

Францию в жизненно важном для нее вопросе беззастенчиво предал ее традиционный союзник. Правительство Великобритании отказалось выполнять обязательства по Локарнскому договору, поскольку демилитаризация Рейнской зоны будто бы не затрагивала «жизненно важных британских интересов»³. Английский министр иностранных дел Иден утверждал: «... поскольку демилитаризованная зона была создана в основном ради безопасности Франции и Бельгии, именно правительства этих двух стран должны решить, насколько она для них важна и какую цену они готовы заплатить за ее сохранение...»⁴ Участие Англии в совместных действиях министр иностранных дел Великобритании считал нежелательным.

По свидетельству английского историка Дж. Хьюзинги, англичане более чем охотно восприняли заверения лорда Лотиана о том, что Гитлер не допустил ничего, кроме возвращения «своего собственного приусадебного сада»⁵. Таким образом, по оценке Хьюзинги, комфорт оказался превыше чести.

Франция не получила поддержки и со стороны Лиги наций. После долгих словопрений Лига наций ограничилась лишь признанием факта нарушения Версальского и Локарнского договоров. Так из-за капитулянтской политики западных стран нарушитель международных соглашений

¹ «Известия», 24 февраля 1936 г.; «Daily Worker», February 26, 1936.

² J. Wheeler-Bennett. Munich. Prologue to Tragedy. London, 1963, p. 253.

³ E. Robertson. Hitler's Pre-War Policy and Military Plans 1933—1939. London, 1963, p. 69.

⁴ A. Toynbee (Ed.). Survey of International Affairs, 1936. London, 1937, p. 260—261.

⁵ B. Pitt (Ed.). History of the Second World War. Vol. I. Paulton, 1966, p. 35.

вновь остался безнаказанным. Голос Советского Союза, призывавшего обуздать фашизм, оказался одиноким.

Рейнская зона, захваченная фашистской Германией, стала ее плацдармом против Франции.

2. Итало-германская интервенция в Испании и политика «невмешательства»

Летом 1936 г. жертвой захватнических действий Италии и Германии стала Испания. К тому времени в агрессивных планах фашистских держав она заняла особое место. Это объяснялось тем, что победа народного фронта на парламентских выборах в Испании, а затем во Франции стимулировала борьбу всех народов Западной Европы против фашизма и войны, за мир и демократию; начали складываться благоприятные условия для образования международного фронта против угрозы новой мировой войны.

Задолго до интервенции германский и итальянский фашизм завязал тесные связи с испанскими реакционными и фашистскими организациями. Так, в 1933 г., сразу же после создания испанского «воинского союза», германская и итальянская агентура поспешила установить с ним постоянные контакты. Гитлер обещал финансовую поддержку фашистской партии («испанская фаланга»), основанной в 1933 г. На аппарат абвера (германскую военную разведку) и гестапо он возложил переброску оружия в Испанию для фашистских отрядов, а на заграничный отдел нацистской партии — ведение пропаганды через проживавших там немцев. Муссолини в марте 1934 г. заключил с испанскими монархистами соглашение, обязуясь содействовать свержению республики. Испанию неоднократно посещал глава абвера В. Канарис, который еще до назначения его на этот пост установил там тесные контакты с реакционно настроенными лицами, в том числе будущим главарем фашистского мятежа Франко.

Германские разведчики активно вербовали в Испании шпионов, диверсантов и террористов, создавали тайные склады оружия, вели работу по объединению контрреволюционных сил и совместно с главарами испанских фашистов готовили вооруженный мятеж. Непосредственное участие в этом принимали такие кадровые разведчики, как Рау и подполковник генерального штаба Бер. Накануне мятежа Рау был направлен Канарисом в Испанию, чтобы помочь Санхурхо и Франко в организации разведывательной работы на территории республики. Совместно с ними и другими фашистскими генералами он разрабатывал план военного мятежа, в частности восстания мадридского военного гарнизона, которое, по замыслу заговорщиков, должно было сыграть решающую роль в свержении республиканского правительства.

Абвер активно содействовал вмешательству Италии в испанские дела. По поручению Гитлера Канарис совместно с начальником итальянской разведки генералом Роатта разработал план участия фашистской Италии в борьбе против Испанской республики, который был принят Муссолини.

Накануне мятежа Испания фактически была превращена в один из основных опорных пунктов гитлеровской разведки в Юго-Западной Европе. Многочисленные филиалы этой разведки на территории Испании и Испанского Марокко финансировались из Германии и получали оттуда директивные указания. Под вывесками различных германских представительств, фирм, компаний, бюро и т. п. они создавали в стратегически важных центрах Испании широкую агентурную сеть. Среди завербованных были самые различные лица: от реакционно настроенных видных государственных чиновников, генералов и офицеров испанской армии, профессоров и заводских инженеров до хозяев кабачков и харчевен, торговцев оружием и различных проходимцев.

В последующем это позволяло фашистам выявлять планы республиканского правительства, а также командования вооруженных сил и противодействовать их осуществлению. Так, фашистские агенты из числа старых военных специалистов, находившихся в окружении премьер-министра и министра обороны Ф. Ларго Кабальеро, не только снабжали своих хозяев ценнейшей разведывательной информацией, но и всячески препятствовали строительству новой регулярной республиканской армии. Под влиянием этих «специалистов» Ларго Кабальеро противился созданию генерального штаба и введению института военных комиссаров. После разоблачения органами безопасности республики подрывной деятельности адъютанта генерала Миахи, начальника штаба астурийских правительственных войск и ряда других лиц из состава командования было установлено, что они являлись агентами фашистской разведки и систематически информировали ее о планах командования, состоянии республиканских войск, их передислокации, характере вооружения.

Серьезную ставку гитлеровская разведка делала на проживавших в Испании немцев — членов различных «союзов» и «объединений», представлявших собой филиалы национал-социалистской партии. Захваченные республиканцами в первые дни гражданской войны в Барселоне и других городах архивы испанского филиала «Аусландорганизацион» раскрыли методы шпионской, пропагандистской и иной подрывной деятельности германских разведывательных служб и неоспоримо доказали их непосредственное участие в фашистском мятеже. В Мадриде, Барселоне, Валенсии, Мурсии и других городах республиканскими органами безопасности были вскрыты и обезврежены созданные германской разведкой крупные фашистские организации, готовившие вооруженные выступления. Для своего укрытия они использовали помещения даже дипломатических и иных официальных представительств капиталистических (особенно латиноамериканских) государств. В Мадриде, например, в здании перуанского посольства было обнаружено и арестовано 800 вооруженных фашистов, снабженных радиостанцией; другая группа нашла убежище в помещении мадридского «дипломатического госпиталя».

Немецко-фашистские разведывательные органы широко использовали организацию испанских троцкистов (ПОУМ), федерацию анархистов Иберии (ФАИ) и национальную конфедерацию труда (НКТ), часть членов которых сотрудничала с разведками фашистской Германии и Франко, по их заданиям занималась сбором шпионской информации на территории, не занятой мятежниками, вела злобную клеветническую агитацию против республиканского правительства.

Вооруженное выступление мятежников в Испании активизировало контрреволюционную деятельность троцкистов и членов белогвардейских эмигрантских организаций в других странах. В частности, троцкисты из Парижа пересылали своим единомышленникам в Мадрид, Валенсию, Барселону антимарксистскую литературу.

В июле 1936 г. после парижской конференции троцкистов их «международный секретариат» направил в Барселону своих людей для установления контакта с ПОУМ и активизации ее антиправительственной деятельности. Несколько позднее для переговоров с Франко об условиях переброски русских белогвардейцев и участия их в боях против республиканских войск выезжал бывший царский генерал Шатилов — один из руководителей белоэмигрантского так называемого «Российского общевойскового союза» (РОВС), который активно сотрудничал с немецко-фашистской разведкой. Вербовку белоэмигрантов и их отправку в Испанию вели члены другой контрреволюционной эмигрантской организации — «Братства русской правды», известной своими связями с германской, японской и другими разведками.

Агрессоры надеялись, что испанская реакция установит «новый порядок» легальным путем. Но мощное антифашистское движение народных масс сорвало эти замыслы. Вот почему после победы народного фронта на парламентских выборах Германия и Италия стали активно поддерживать реакционные силы в подготовке фашистского переворота, делая ставку на военщину. Однако, будучи невысокого мнения о ее возможностях, генеральные штабы Германии и Италии планировали свое вмешательство во внутренние дела Испании. Факты свидетельствуют, что уже в марте — апреле 1936 г. в верховном командовании вооруженных сил Германии (ОКВ) решались вопросы об активном участии германских вооруженных сил в перевороте. По данным, которыми располагало Советское правительство, в ОКВ предпринимались серьезные подготовительные шаги к интервенции в Испанию, причем план проведения операции предусматривал внезапность и быстроту. В марте 1936 г. в Берлине генерал Санхурхо, которого прочили в руководители мятежа, получил от нацистских главварей заверения в оказании ему всей необходимой помощи. Германский и итальянский генеральные штабы не только знали в деталях планы заговорщиков, но и активно участвовали в их разработке.

При всем совпадении интересов в испанском вопросе, между Германией и Италией существовали серьезные противоречия. Союзница рейха намеревалась превратить Средиземное море в «итальянское озеро» и овладеть французскими колониями в Северной Африке. Немецкие фашисты рассчитывали, что их партнер, увязнув в Испании, будет не в состоянии противодействовать захвату Австрии и укреплению позиций Германии в Средней Европе, а также в придунайской зоне и в странах Балканского полуострова.

Немаловажную роль в планах обоих государств играли военно-стратегические цели. В одном из документов германского посольства в Мадриде отмечалось, что если Германия и Италия займут Иберийский (Пиренейский) полуостров, то они смогут «взять Францию в тиски с юга, с тем чтобы французы узнали, что значит вести войну на два фронта».

Еще определеннее это положение было выражено в меморандуме МИД Германии, подготовленном в октябре 1938 г. Его авторы писали: «Заполнение военного и политического вакуума на Пиренейском полуострове, что уже в значительной степени достигнуто, означает коренное изменение в положении Франции... Связь Франции с ее колониальной империей станет проблематичной. Гибралтар потеряет свою цену, свобода прохода английского флота через пролив будет зависеть от Испании, не говоря уже о возможности использовать Пиренейский полуостров для операций подводных лодок, легких морских сил, а также авиации... Европейский конфликт, в котором ось Берлин — Рим будет противостоять Англии и Франции, приобретет совершенно иной вид, если сильная Испания присоединится к оси Берлин — Рим». Эти стратегические и политические цели, указывалось далее, потребуют «сделать все возможное, чтобы позволить Франко добиться быстрой победы» и «обеспечить тесную зависимость Испании от оси Берлин — Рим»¹.

Утвердившись на Пиренейском полуострове, фашистские державы получили бы возможность перерезать коммуникации, которые связывали Англию и Францию с их колониальными владениями в Африке и Азии, установить контроль над значительной частью бассейна Атлантического океана и Средиземного моря. Испания стала бы выгодным плацдармом для развития агрессии на Африканском континенте, удобной военно-морской базой, трамплином для прыжка в Латинскую Америку. Реализацию подоб-

¹ Documents on German Foreign Policy (1918—1945) (далее — DGFP). Series D. Vol. III. Washington, 1950, p. 763.

ных замыслов гитлеровское руководство рассматривало не только как способ всемерно улучшить свое положение на случай конфликта с Англией и Францией, но и как один из этапов укрепления политико-экономических позиций для решения в будущем главной задачи — войны против СССР.

Особое место занимала Испания и в экономических планах фашистского блока. Она давала около 45 процентов мировой добычи ртути, более 50 процентов пирита, являлась крупным экспортером железной руды, вольфрама, свинца, цинка, калийных солей, серебра и других полезных ископаемых, необходимых для военной промышленности¹. Захват источников стратегического сырья позволил бы блоку значительно усилить экономический потенциал в ущерб будущим противникам. Доверенное лицо Геринга в Испании И. Бернгард отмечал в 1937 г., что цель экономических усилий Германии «должна заключаться в глубоком проникновении в главные источники полезных ископаемых Испании...»². Именно с этой точки зрения он предлагал оценивать эффективность интервенции.

Германский монополистический капитал всегда стремился вытеснить из экономики Испании английские и французские монополии. Еще в 1935 г. общество «Металь АГ», капитал которого составлял 42 млн. марок, совместно с итальянскими концернами решило создать управление по эксплуатации железорудных богатств Испании, чтобы сделать Германию «полностью независимой от Англии, Франции и Швеции»³.

Не случайно в самом начале интервенции возникли специальные акционерные полугосударственные компании («Хисма», «Робак», «Софиндус», «Сафни») с задачей максимально укрепить позиции германо-итальянского монополистического капитала в Испании и обеспечить военную промышленность сырьем⁴. Помогая испанской реакции, правящие круги Германии и Италии исходили прежде всего из экономических интересов своих монополий. Так, согласно договору от 28 ноября 1936 г., заключенному Италией с Франко, Испания должна была предоставить ей «все льготы для пользования портами, воздушными линиями, железными и шоссейными дорогами, а также для торговых сношений не прямым путем»⁵. В беседе с начальником протокольного отдела МИД Германии Бюловым-Шванте в 1937 г. Муссолини заявил, что Италия, учитывая наличие богатых запасов сырья в Испании, затратила на «испанское предприятие» миллиарды лир и заинтересована вернуть их⁶. В свою очередь германское имперское министерство хозяйства добивалось от франкистов гарантий на сохранение собственности немецких компаний. Геринг прямо связывал оказание помощи «национальной Испании» с обеспечением германских интересов в ее экономике⁷. Таким образом, политические, экономические, а также военнo-стратегические цели германского и итальянского фашизма были направлены на превращение Испании в опытный полигон и использование ее для реализации планов завоевания мирового господства. Агрессоры расценивали испанскую акцию как пробу сил, которая в случае удачи, по откровенному высказыванию Муссолини, позволит союзникам «взяться за

¹ Р. О в и н н и к о в. За кулисами политики «невмешательства». М., 1959, стр. 22—23.

² Цит. по: Война и революция в Испании. 1936—1939. Т. I. М., 1968, стр. 207.

³ А. Н о р д е н. Так делаются войны. О закулисной стороне и технике агрессии. Перевод с немецкого. М., 1972, стр. 76.

⁴ В 1937 г. «Хисма» вывезла в Германию 1 620 тыс. тонн железной руды, 926 тыс. тонн серного колчедана и 7 тыс. тонн других руд. (O. D a n k e l m a n n. Franco zwischen Hitler und den Westmächten. Berlin, 1970, S. 58.)

⁵ Документы министерства иностранных дел Германии. Германская политика и Испания (1936—1943 гг.) (далее — Германская политика и Испания). Вып. III. М., 1946, стр. 9—10.

⁶ Там же, стр. 15.

⁷ А. Н о р д е н. Die spanische Tragödie. Berlin, 1956, S. 33, 35.

все страны по очереди, чтобы, где это необходимо, заставить их бороться против большевизма»¹. Одна из целей интервенции в Испании состояла в том, чтобы резко ослабить антифашистское движение в буржуазной Европе.

17 июля 1936 г. испанские части, расположенные в Испанском Марокко, подняли мятеж против республики и на следующий день полностью овладели всей зоной протектората. 18 июля большинство гарнизонов Испании присоединилось к мятежникам. Руководители мятежа рассчитывали в кратчайшие сроки сломить сопротивление верных республике частей и взять власть в свои руки. Немалые надежды они возлагали и на разногласия внутри народного фронта, особенно на капитулянтские элементы буржуазно-республиканских партий. Мятежникам удалось привлечь на свою сторону значительную часть испанской сухопутной армии и гражданской гвардии, более половины артиллерийских полков и иностранный легион. В первую неделю из 145-тысячной армии поддержало бунтовщиков 100 тыс. солдат и офицеров². Используя внезапность выступления и бездеятельность республиканского правительства, мятежники захватили Испанское Марокко, Канарские и Балеарские острова (кроме острова Менорка), укрепились в ряде провинций Северной и Юго-Западной Испании. Руководителям мятежа казалось, что в стране не найдется такой силы, которая сможет им противостоять.

Но десятки тысяч рабочих, служащих, студентов, крестьян, представителей интеллигенции по призыву компартии и организаций народного фронта поднялись на защиту республики. «Стеной своих тел» они остановили фашизм. Отряды народной милиции и оставшиеся верными республике солдаты и офицеры в упорных боях разгромили восставшие гарнизоны в Мадриде, Барселоне, Валенсии, Картахене, Малаге, Бильбао, Сантандере и других крупных промышленных и административных центрах страны. Матросы и унтер-офицеры сорвали попытки мятежа на большинстве кораблей флота. Верность республике сохранили военно-воздушные силы. К концу июля положение мятежников на полуострове оказалось настолько критическим, что некоторые из их руководителей уже подумывали о капитуляции и бегстве.

Но именно в то время, когда военно-фашистский мятеж угасал под мощными ударами народных масс, в испанские события вмешались внешние силы. На помощь пришла вся мировая реакция, и в первую очередь фашистские державы. 22 июля генерал Франко, принявший на себя командование африканской армией после гибели генерала Санхурхо, направил в Берлин и Рим группы офицеров с просьбой о содействии. Через несколько дней Гитлер решил отправить в Испанское Марокко транспортные самолеты для переброски франкистских войск на материк. Аналогичное решение принял и Муссолини. 28 июля германские и итальянские самолеты прибыли в Тетуан и приступили к транспортировке войск Франко через Гибралтарский пролив. Возник обширный плацдарм мятежников на юге Испании. 2 августа в территориальные воды Испании вошли соединения германских и итальянских кораблей.

В конце июля в Германии был создан особый штаб «W», которым руководил сначала генерал Вильберг, затем генерал Енеке. На этот штаб возлагалась задача переброски в Испанию военной техники, специалистов, а в дальнейшем и воинских частей³. Кроме того, гитлеровцы сформировали морскую группу «Нордзее», создавшую «мост» между германскими,

¹ Германская политика и Испания, вып. III, стр. 16.

² Э. Л и с т е р. Наша война. Перевод с испанского. М., 1969, стр. 41; J. M o d e s t o. Soy del quinto regimiento. Paris, 1969, p. 28.

³ M. M e r k e s. Die deutsche Politik gegenüber dem Spanischen Bürgerkrieg 1936—1939. Bonn, 1961, S. 28.

португальскими и испанскими портами, захваченными мятежниками¹. В течение 1936—1939 гг. не менее 170 германских судов осуществляли военные перевозки в Испанию².

В августе 1936 г. по приказу Гитлера полковник Варлимонт, произведенный вскоре в генералы, был назначен главнокомандующим немецкими вооруженными силами в Испании и представителем вермахта при Франко. Подобные шаги предпринял и Муссолини. Для координации действий различных военных ведомств он распорядился создать при МИД Италии испанский отдел под руководством своего подручного Пьетромарчи. В то же время агенты испанских мятежников в Риме привлекали добровольцев, предлагая им обмундирование, снаряжение, питание и 50 лир в день³.

Фашистские агрессоры прикрывали интервенцию шумной кампанией под лозунгом «борьбы с большевизмом» и старались убедить правящие круги Англии, Франции и США, что не собираются покушаться на их интересы в Испании.

Во всем мире поднялась волна глубокого возмущения, честные люди планеты требовали применить санкции к фашистским интервентам. На первых порах Германия и Италия тщательно маскировали свои агрессивные акции: войска перевозились под видом туристов, коммерсантов и специалистов производства, а вооружение и боеприпасы — под маркой железного лома, сельскохозяйственных машин и удобрений. Для транспортировки военных грузов фрахтовались суда под флагом нейтральных государств.

Нарастающий поток германской и итальянской военной техники обеспечил мятежникам в августе — сентябре значительные преимущества над республиканцами, особенно в авиации. Целые армады немецких и итальянских бомбардировщиков новейшей конструкции совершали налеты на позиции республиканских войск. Республиканцы могли противопоставить им 85 устаревших самолетов, из которых в середине октября осталось в строю всего 1 бомбардировщик и 2 истребителя.

Используя превосходство в технике, франкистские войска в августе развернули встречное наступление с севера и юга на город Бадахос. Овладев им, северная и южная армии соединились. Затем генерал Франко направил основной удар на Мадрид, а частью сил атаковал Ирун и Сан-Себастьян. Захват мятежниками этих двух пунктов лишил республиканский север связи с Францией.

С конца октября 1936 г., особенно после официального признания 18 ноября Германией и Италией правительства Франко, интервенция в Испании приобрела качественно новый характер. Если раньше фашистские страны посылали только военную технику и специалистов, то теперь направляли целые воинские соединения. О размахе помощи франкистам со стороны Германии и Италии свидетельствует тот факт, что военные поставки обошлись этим странам не менее чем в 1 млрд. долларов⁴. Были брошены авиационные, танковые, зенитные, инженерные и другие немецкие части, входившие в состав так называемого «легиона Кондор», в котором насчитывалось 250 самолетов, в том числе 100 бомбардировщиков и 140 истребителей, 180 танков, сотни противотанковых орудий и других средств. По подсчетам самих гитлеровцев, стоимость переброски, содержа-

¹ Interbrigadisten. Der Kampf deutscher Kommunisten und anderer Antifaschisten im national-revolutionären Krieg des spanischen Volkes 1936 bis 1939. Berlin, 1966, S. 279.

² Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 198.

³ Институт военной истории Министерства обороны СССР. Документы и материалы (далее — ИВИ. Документы и материалы), инв. № 7126, л. 14.

⁴ Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 200, 204.

ния и обеспечения этого «легиона» с 7 ноября 1936 г. по 31 октября 1938 г. составила более 190 млн. рейхсмарок¹. Являясь главной ударной силой немецкого фашизма в Испании, он стал крупным учебным центром, где прошли военное обучение 56 тыс. офицеров и кандидатов в офицеры франкистской армии².

Германия и Италия стремились «пропустить через испанский фронт» как можно больше солдат и офицеров для овладения боевым опытом. В среднем ежемесячно в бою находилось 10—12 тыс. немцев и 40—45 тыс. итальянцев. Всего в течение 1936—1939 гг. на стороне мятежников в разное время воевало более 300 тыс. иностранных солдат, из них не менее 50 тыс. немцев, 150 тыс. итальянцев, 20 тыс. португальцев, группы фашистов из других стран Европы, а также около 90 тыс. марокканцев³.

За первые два года войны Германия направила генералу Франко 650 самолетов, 200 танков, 700 артиллерийских орудий⁴. Италия, по официальным данным, поставила мятежникам около 2 тыс. орудий, 7,5 млн. снарядов, около 241 тыс. винтовок, 325 млн. патронов, 7633 автомашины, 950 танков и бронетранспортеров, 1000 самолетов⁵, 17 тыс. авиабомб, 2 подводные лодки и 4 миноносца. Она израсходовала 14 млрд. лир, что в шесть раз превышало затраты ее партнера⁶.

Активно помогал мятежникам и папа римский. По сообщению польского военного атташе в Риме от 4 января 1937 г., Ватикан давал Франко 2 млн. лир в день⁷.

На испанской земле фашисты проверяли принципы своей военной доктрины, особенно методы ведения тотальной войны. Варварские бомбардировки и обстрелы городов и селений (Герники, Аликанте, Дуранго, Барселоны и других), массовые расстрелы мирных граждан⁸, морской разбой, политические и идеологические диверсии — все эти атрибуты тотальной войны отрабатывались фашистскими армиями на Пиренейском полуострове, чтобы в еще более чудовищной форме использовать их в будущей мировой войне. Фашистские державы провели «примерку» важнейших сторон коалиционной стратегии и тактики.

Немецкие фашисты превратили Испанию в огромный полигон, на котором опробовали боевую технику, совершенствовали вооружение и отрабатывали способы их применения. Придавая огромное значение в будущих операциях авиации и моторизованным войскам, гитлеровцы практически испытали все новейшие типы выпускавшихся в Германии самолетов («Дорнье-17», «Юнкерс-88», «Хейнкель-51», «Мессершмитт-109»), образцы зенитной и противотанковой артиллерии, стрелкового оружия, возможности танков и автомашин. Особый интерес проявлялся к советскому вооружению. По заявлению подполковника франкистского генштаба Баррозо, в декабре 1936 г. немцы и итальянцы спешно эвакуировали с поля боя образцы трофейных советских танков для тщательного исследования у себя в стране⁹. Летом 1938 г. гитлеровский генерал Рейхенау откровен-

¹ Pasaremos. Deutsche Antifaschisten im national - revolutionären Krieg des spanischen Volkes. Berlin, 1970, S. 168.

² M. M e r k e s. Die deutsche Politik gegenüber dem Spanischen Bürgerkrieg 1936—1939, S. 34.

³ El balance de veinte años de dictadura fascista. Las tareas inmediatas de la oposición y el porvenir de la democracia española. Documento del Comité Central del Partido Comunista de España. Praha, 1959, p. 35.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 7, стр. 57.

⁵ Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 202—203.

⁶ Trent'anni di storia politica italiana (1915—1945). Torino, 1967, p. 229.

⁷ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7126, л. 14 об.

⁸ Так, итальянские офицеры расстреляли 1500 жителей острова Мальорки («News Chronicle», November 26, 1936).

⁹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7126, л. 8 об.

но признал, что «Испания для Германии стала высшей школой войны», более полезной, «чем десять лет обучения в мирных условиях»¹.

Итало-германская интервенция изменила соотношение сил между врагами и защитниками Испанской республики и стала определяющим фактором военного превосходства франкистов. Война в Испании вызвала серьезные изменения в расстановке сил внутри самого фашистского блока. Италия, направившая значительные силы в Испанию и в то же время вынужденная держать большую армию в непокоренной Эфиопии, оказалась не в состоянии оспаривать гегемонию в фашистском блоке и впоследствии потеряла свое положение равноправного партнера. Однако подписанное 25 октября 1936 г. германо-итальянское соглашение — ось Берлин — Рим — содержало «полюбовное» разграничение сфер влияния на Балканах и в Дунайском бассейне.

Итало-германская интервенция создала непосредственный очаг войны в Европе. Если бы Испанская республика в соответствии с нормами международного права и устава Лиги наций получила поддержку государств, от которых во многом зависел мир в Европе, факел войны можно было бы погасить в кратчайшие сроки. Но правящие круги Англии, Франции и США, как и ранее в отношении Эфиопии, заявили о «невмешательстве» в испанские дела. Возникшая в недрах английского консервативного кабинета Болдуина, эта политика была провозглашена французским правительством, во главе которого стоял правый социалист Л. Блюм².

В ноябре 1936 г. американский посол в Париже Буллит убеждал министра иностранных дел Франции Дельбоса, что, если Франко не получит немедленной помощи от Италии и Германии, «Испания быстро окажется в руках коммунистов, а за ней вскоре последует и Португалия».

«Невмешательство» — одно из проявлений политики «умиротворения» — было вызвано к жизни антикоммунизмом многих политических деятелей Запада, их страхом перед «советской революцией» в Испании, победа которой могла усилить революционные тенденции во Франции и других странах. К предложенному французским правительством пакту о невмешательстве в течение августа 1936 г. присоединились 27 европейских государств. Соглашение предусматривало запрещение экспорта, реэкспорта и транзита в Испанию и ее владения всех видов оружия, военных материалов и техники, затем оно было дополнено договором о запрете посылки в Испанию иностранных волонтеров. Многочисленные протесты правительства Испанской республики, охарактеризовавшего политику «невмешательства» как блокаду, были отвергнуты Францией и Англией, утверждавшими, будто у них одна цель — «предотвращение международного конфликта»³.

Инициаторы и сторонники «невмешательства» мотивировали необходимость подобного курса тем, что в противном случае война в Испании может перерасти в общеевропейскую. Данный тезис не выдерживает критики, ибо в тот момент фашистские державы ни в военном, ни в экономическом отношении еще не были готовы к такой войне. Об этом свидетельствует следующее. Летом 1937 г., когда нацисты приняли директиву «О единой подготовке вермахта к войне», предусматривавшую «особую операцию «Рихард» — военные действия в «красной Испании», они не собирались из-за Испании начинать войну в Европе. Выступая на совещании нацистской верхушки в ноябре 1937 г., Гитлер говорил, что он предпочи-

¹ «Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung», Basel, 1938, № 36, S. 1169.

² C. A u d r y. Léon Blum ou la politique du Juste. Paris, 1955, p. 120—123.

³ Архив внешней политики СССР (далее — АВП), ф. 97, оп. 14, п. 2, д. 4, лл. 21, 22.

тает затяжную войну в Испании: «С германской точки зрения нежелательна 100-процентная победа Франко. Мы сейчас заинтересованы в продолжении и сохранении противоречий в Средиземноморском бассейне»¹.

Кроме того, правящие круги Германии и Италии в тот момент явно опасались единых действий своих потенциальных противников. Например, статс-секретарь германского министерства иностранных дел Дикгоф осенью 1936 г. предлагал отказаться от отправки войск в Испанию в случае решительной реакции Англии, Франции и США². В свою очередь Муссолини послал войска в Испанию, лишь убедившись, что ни Англия, ни Франция не собираются предпринимать действий в поддержку Испанской республики³.

В тех случаях, когда фашистские державы встречали более или менее упорное сопротивление Англии и Франции, они тут же ограничивали помощь франкистам. В ответ на пиратские действия итальянского флота и авиации, парализовавшие торговое судоходство в Средиземном море⁴, по инициативе Англии и Франции в сентябре 1937 г. в Нионе (Швейцария) была созвана конференция европейских стран, которая поручила английскому и французскому флотам обеспечить безопасность судоходства вплоть до уничтожения пиратов. Агрессорам пришлось умерить свои аппетиты. Германский министр иностранных дел Нейрат в беседе со своим итальянским коллегой Чиано прямо рекомендовал итальянцам «соблюдать осторожность в мероприятиях, связанных с испанским конфликтом», и получил от него заверения, что итальянская сторона будет более осмотрительна «при торпедировании большевистских судов, а также в проведении других мероприятий»⁵.

Многочисленные факты свидетельствуют, что, если бы Англия, Франция и США руководствовались в отношении Испании элементарными нормами международного права и решительно выступили против интервентов, фашистские державы были бы вынуждены отказать Франко в помощи, а республиканское правительство имело бы реальные возможности быстро покончить с мятежом. Соединенные Штаты Америки формально не принимали участия в политике «невмешательства», но полностью разделяли ее цели. В мае 1937 г. американский конгресс принял новый закон о нейтралитете. Этот закон предоставлял президенту право разрешать продажу военных материалов воюющей стране за наличный расчет и при условии их вывоза ее транспортом. У республиканской Испании не было ни валюты, ни океанских судов. Закон на практике обернулся против нее. Зато без всяких ограничений США снабжали мятежников. Сами франкисты признавали, что «без американских грузовиков, без американских кредитов мы бы никогда не смогли выиграть войну»⁶.

Таким образом, из-за политики «невмешательства» и «нейтралитета» Испанская республика оказалась в плотном кольце экономической блокады. Она могла покупать оружие, военно-стратегическое сырье, медикаменты и продовольствие только в СССР. Министр иностранных дел республики Х. Альварес дель Вайо справедливо отмечал, что так называемое «невмешательство» в действительности представляло собой «настоящую, прямую и непосредственную интервенцию в пользу мятежников»⁷.

¹ Цит. по: В. Ушаков. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961, стр. 83.

² DGFP. Series D, vol. III, p. 155—156.

³ FRUS. 1936, vol. II, p. 577.

⁴ За два года войны фашистский флот и авиация многократно нарушали суверенитет Франции; атаковали 42 французских и 156 английских судов. Было потоплено 4 французских и 28 английских кораблей и повреждено соответственно 5 и 29.

⁵ Германская политика и Испания, вып. III, стр. 12.

⁶ Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 228.

⁷ J. Alvarez del Vayo. L'Espagne accuse. Paris, 1937, p. 14.

Осуществление этой политики было возложено на созданный в сентябре 1936 г. лондонский комитет, состоявший из послов 27 европейских государств, аккредитованных при английском правительстве. Советский Союз направил в комитет своих представителей, чтобы добиться прекращения помощи мятежникам со стороны империалистических государств. Однако как англо-французские «миротворцы», так и фашистские агрессоры стремились использовать комитет, чтобы задуть республиканскую Испанию.

Что касается Лиги наций, где хозяйничали те же англо-французские «миротворцы», то она ограничивалась демагогическими призывами к сохранению мира в Европе. Несмотря на многочисленные требования Советского Союза применить к интервентам положения устава Лиги наций, эта организация принимала обтекаемые резолюции, в которых выражалось лишь «беспокойство» по поводу событий в Испании и «методов» действий некоторых стран, противоречащих международному праву.

Разительную противоположность трагедии Испании и безмятежного покоя богатых кварталов Лондона и Парижа образно отразил великий чилийский поэт Пабло Неруда в наполненных гневом и болью строках:

Когда Испания ногтями рыла землю,
Париж был весел и беспечен;
Испания последней кровью обливалась,
а Лондон подстригал свои газоны
и холил лебединые пруды.

Проводя политику «невмешательства», правящие круги Англии и Франции исходили прежде всего из своих классовых целей. В фашистских мятежниках они видели защитников власти и привилегий господствующих испанских классов, а также гарантов неприкосновенности своих капиталов, вложенных в экономику этой страны. Стоимость акций английских и французских монополий, имевших капиталовложения в Испанию, резко возросла в связи с начавшимся мятежом и интервенцией. Так, если накануне мятежа стоимость одной акции английской компании «Рио Тинто» составляла 975 франков, то в ноябре 1936 г., когда фашистские войска стояли у стен Мадрида, — 2600, в марте 1937 г., во время наступления итальянцев под Гвадалахарой, — 3400, а после их поражения — 2500 франков¹. Монополисты Англии, Франции и США рассматривали фашистских агрессоров как мощный бронированный кулак, способный разгромить революционное движение в Европе и гарантировать сохранение социального статус-кво.

В то же время правящие круги этих держав не могли не учитывать, что вторжение фашистских агрессоров в Испанию создает серьезную угрозу их колониальным владениям в Африке и Азии, ухудшает их военно-стратегические и политические позиции в случае возможного столкновения с Германией и Италией. Поэтому Англия и Франция пытались найти общий язык с мятежниками, договориться с Франко о гарантиях своих капиталовложений в Испании, нейтрализовать проникновение германского и итальянского капитала в испанскую экономику и не допустить окончательного перехода «националистической» Испании на сторону фашистских держав.

Характеризуя позицию правящих кругов Франции, советский полпред Я. Суриц отмечал: «Испанская проблема расколола страну на два лагеря, но даже среди сторонников Франко большинство будет против допущения итальянцев и немцев к пиренейской своей границе. Они строят

¹ R. B r a s i l l a c h. Histoire de la Guerre d'Espagne. Paris, 1969, p. 229.

все свои расчеты (конечно, ложные) на уверенности, что при посредстве Англии, которая также заинтересована в недопущении итальянцев и немцев в Испанию, можно будет легко прибрать к рукам Франко и при помощи «золотого» и иных ключиков «освободить» его от германо-итальянской опеки»¹.

Этим, в частности, объясняются многочисленные попытки Англии и Франции добиться «мирного урегулирования» испанской проблемы. Так, в критический момент, когда фашистские войска в начале ноября 1936 г. подошли к окраинам Мадрида, правительства Англии и Франции выступили с предложением о «мирном урегулировании» испанского конфликта путем создания «временного правительства» под контролем европейских государств и превращения Испании в федерацию полуавтономных областей. Весной 1937 г. в разгар боев на реке Харама и под Гвадалахарой Англия вновь попыталась навязать республиканской Испании «перемирие» с мятежниками². В то же время Великобритания прилагала большие усилия, чтобы установить прямые контакты с правительством Франко. Уже в октябре — ноябре 1936 г. она завязала с ним торговые отношения, а в начале 1937 г. в захваченной мятежниками зоне открылись английские консульства. В ноябре правительство Чемберлена фактически признало правительство Франко.

В свою очередь фашистские мятежники пытались использовать противоречия на Пиренеях между Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Италией — с другой, для укрепления своих позиций как внутри страны, так и на международной арене.

Когда после поражения интервентов и мятежников под Мадридом фронт стабилизировался, франкистское командование внесло серьезные коррективы в военные и политические планы. Теперь основные усилия направлялись против северных провинций республики — Страны Басков и Астурии. На изменении направления главного удара в первую очередь настаивала Германия, заинтересованная в эксплуатации этого крупного горнопромышленного района.

Как только фашистские войска захватили Бильбао, Франко разрешил английской компании «Орконера» возобновить вывоз железной руды из этого порта, за что ему был предоставлен кредит в 1 млн. фунтов стерлингов³. Германия, крайне обеспокоенная заигрыванием Франко с Англией, потребовала от него в ультимативной форме гарантий своих экономических интересов. В течение марта — июля 1937 г. она добилась подписания трех испано-германских протоколов, по которым мятежники обязались заключить торговый договор с Германией, без ее согласия не вести экономических переговоров с другими странами, отправлять в рейх сырье и различные товары для оплаты военных поставок, а также разрешить немецким монополистам разведку и эксплуатацию минеральных ресурсов метрополии и ее владений⁴. Вскоре после этого германские компании приобрели концессии на 73 испанских горнорудных предприятия и, чтобы увеличить вывоз сырья, приступили к их модернизации. Стремясь не допустить подобных сделок Франко с Англией, гитлеровцы прямо заявили ему, что Германия усилит свою помощь только в том случае, если последний обеспечит ее поставками руды⁵.

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы (далее — СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны). М., 1971, стр. 74—75.

² Р. О в и н н и к о в. За кулисами политики «невмешательства», стр. 114—115, 153—154.

³ Там же, стр. 170.

⁴ О. Д а н к е л м а н н. Franco zwischen Hitler und den Westmächten, S. 61.

⁵ Германская политика и Испания, вып. III, стр. 42.

Англия, Франция и США рассматривали политику «невмешательства» как средство создания единого фронта капиталистических государств против Советского Союза. В 1936—1937 гг. подобная линия еще не проявилась в полной мере, поскольку этому мешала позиция демократической общественности мира, которая не только солидаризировалась с испанским народом, но и оказывала ему всестороннюю поддержку. Вынужденные считаться с этим, правительства Англии и Франции прибегали к маневрированию в политике «невмешательства». Они то смягчали блокаду Испанской республики, то усиливали ее.

Однако в конце 1937— начале 1938 г., когда во Франции и Англии к власти пришли сторонники прямого сговора с фашистскими державами (Даладье и Чемберлен), антисоветская тенденция в политике «невмешательства» стала доминирующей. По этому поводу советский полпред в Лондоне И. М. Майский писал: «Чемберлен глубоко враждебен коммунизму и СССР. Ему совершенно не по силам перешагнуть через эту вражду ради создания единого фронта миролюбивых держав даже в целях защиты Британской империи. Больше того, он считает, что германский и итальянский фашизм смогут еще пригодиться английской буржуазии в качестве тарана в борьбе с «коммунистической опасностью», идущей с востока. Вот почему вся его внешнеполитическая установка базируется не на сопротивлении агрессорам, а на сделке с агрессорами за счет третьих стран, если возможно, то и за счет СССР»¹.

Особенно сильное давление со стороны капитулянтских кругов Англии и Франции республиканская Испания испытала в период захвата Германией Австрии и подготовки ею расчленения Чехословакии. В марте — апреле 1938 г. интервенты и мятежники нанесли мощный удар на арагонском фронте и прорвались к Средиземному морю. Отрезав Каталонию от центральной и южной части страны, они вышли на подступы к Валенсии, что резко ухудшило стратегическое и политическое положение республики. Именно в этот момент правящие круги Англии и Франции снова усиленно добивались от республиканского правительства заключения «почетного мира» с мятежниками. В августе 1938 г. Англия и Франция в ультимативной форме вновь потребовали от правительства республики прекращения огня. Политические дельцы Франции даже намеревались ввести свои войска в Каталонию и этим побудить республиканцев к капитуляции².

Одним из главных актов политики «невмешательства» Англии и Франции в этот период были переговоры с Германией и Италией об отзыве волонтеров и предоставлении Франко права «воюющей стороны»³. Чемберлен предлагал Италии создать своеобразное «средиземноморское Локарно». В качестве платы за это Англия соглашалась на то, чтобы эвакуация итальянских «добровольцев» из Испании носила чисто символический характер.

Однако переговоры об эвакуации волонтеров, продолжавшиеся долгие месяцы в лондонском комитете по невмешательству, были сорваны Гитлером, Муссолини и Франко, тактика которых, по мнению начальника политического отдела германского МИД Вейцекера, заключалась в том, «чтобы любой ценой избежать удаления «добровольцев» из франкистской армии»⁴. Фашистские державы всячески оттягивали решение этого вопроса с помощью «искусных контрвопросов, оговорок и контрпредложений». А тем временем война продолжалась. Пока шли переговоры, Германия и

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 210.

² Д. П р и ц к е р. Подвиг Испанской республики. 1936—1939. М., 1962, стр. 300—301.

³ Les Archives secrètes du compte Ciano. 1936—1942. Paris, 1948, p. 257.

⁴ Германская политика и Испания, вып. III, стр. 31.

Италия резко увеличили поставки военных материалов и оружия франкистам. К осени 1938 г. Испанская республика оказалась в плотном кольце блокады.

Итало-германская интервенция и политика «невмешательства» Англии, Франции и США значительно осложнили борьбу испанского народа против мятежников. Однако агрессорам не удавалось задушить республику в течение почти трех лет. Это объясняется тем, что в ее защиту выступила международная демократическая общественность во главе с Советским Союзом, который всемерно содействовал сплочению сил испанских антифашистов, патриотов¹.

СССР продолжал требовать, чтобы соглашение о невмешательстве в испанские дела в равной степени соблюдали все, в том числе фашистские, державы. На XVII пленуме Лиги наций в сентябре 1937 г. М. Литвинов говорил, что Советский Союз, стремясь положить конец агрессии, присоединился к соглашению о невмешательстве, «несмотря на то что считает принцип нейтралитета неприменимым к борьбе мятежников против законного правительства и противоречащим нормам международного права...»².

Но после того как политика «невмешательства» превратилась в средство удушения испанской демократии, а ее инициаторы и фашистские агрессоры пренебрегли нормами международного права в отношении Испанской республики, Советское правительство 7 октября 1936 г. предупредило, что «ни в коем случае не может согласиться превратить соглашение о невмешательстве в ширму, прикрывающую военную помощь мятежникам со стороны некоторых участников соглашения» и что, если подобная практика не прекратится, оно «будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения»³. Поскольку западные державы не изменили своей политики, правительство СССР 23 октября уведомило участников соглашения о принятии им решения «вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие...»⁴.

Даже те, кто не испытывают симпатий к коммунизму, вынуждены признавать, что меры, принятые Советским Союзом, совершенно справедливы, поскольку они были направлены не только на оказание законной помощи Испанской республике, но и на сохранение безопасности и мира в Европе⁵.

Советский Союз максимально использовал все дипломатические каналы для разоблачения фашистских агрессоров и англо-французских «миротворцев». Представители СССР в лондонском комитете и Лиге наций вели упорную борьбу в защиту Испанской республики, за мобилизацию мирового общественного мнения против фашизма. Усилия Советского государства сыграли важную роль в срыве попыток правящих кругов Англии и Франции за спиной Испанской республики сговориться с фашистскими агрессорами в 1936—1938 гг.

На заключительном этапе войны правящие круги Англии и Франции открыто выступили на стороне фашистских мятежников. В конце января 1939 г. Чемберлен и Даладье в ультимативной форме потребовали от правительства республики немедленной капитуляции перед Франко. 9 февраля английский крейсер «Девоншир» поддержал вторжение мятежников на принадлежавший республиканцам остров Менорка. 27 февраля Англия и Франция разорвали дипломатические отношения с республикой и признали правительство Франко.

¹ См. главы вторую и шестую.

² М. Л и т в и н о в. В борьбе за мир. М., 1938, стр. 123.

³ «Правда», 8 октября 1936 г.

⁴ «Правда», 24 октября 1936 г.

⁵ D. C a t t e l e. Communism and the Spanish Civil War. Los Angeles, 1956, p. 76.

Политика «невмешательства», упорно проводившаяся Англией, Францией и США, значительно подорвала международный фронт антифашистских сил и дала возможность их противникам занять выгодные стратегические позиции для последующих агрессивных акций, непосредственно открывавших путь ко второй мировой войне.

3. Дальнейшее расширение японской агрессии

Безнаказанный захват Эфиопии, развертывание итало-германской интервенции в Испании явились для Японии вдохновляющими примерами в расширении ею экспансии на Дальнем Востоке. Закрепившись в Маньчжурии, японская военщина участила провокации на границах Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

Готовя широкую агрессию против СССР, японские милитаристы старались обеспечить свою страну необходимым для войны промышленным и сельскохозяйственным сырьем, независимо от импорта, а также создать важный стратегический плацдарм на Азиатском материке. Эту задачу они надеялись решить захватом Северного Китая.

В этой части страны было сосредоточено около 35 процентов угольных и 80 процентов железорудных запасов Китая, имелись залежи золота, серы, асбеста, марганцевых руд, выращивались хлопок, пшеница, ячмень, бобы, табак и другие культуры, поставлено производство кож и шерсти. Северный Китай с его 76-миллионным населением мог стать рынком сбыта товаров японских монополий. Поэтому не случайно японское правительство в программе покорения Северного Китая, принятой советом пяти министров 11 августа 1936 г., предусматривало, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, прояпонскую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных сооружений...»¹.

Пытаясь на протяжении ряда лет отторгнуть Северный Китай методом инспирированного движения за его автономию и используя для этого продажных китайских генералов и политиканов, японские милитаристы так и не добились успеха. Тогда правительство Японии выдвинуло курс новых открытых вооруженных захватов в Азии. В Маньчжурии усиленными темпами строились военные заводы и арсеналы, аэродромы и казармы, прокладывались стратегические коммуникации. Уже к 1937 г. общая протяженность железных дорог здесь равнялась 8,5 тыс. км, причем новые дороги прокладывались в основном к советской границе. Количество аэродромов возросло до 43, а посадочных площадок — до 100. Нарастали и вооруженные силы. К 1937 г. Квантунская армия имела шесть дивизий, свыше 400 танков, около 1200 орудий и до 500 самолетов. В течение шести лет в Маньчжурии побывало 2,5 млн. японских солдат².

Войну с Китаем правящие круги Японии рассматривали как составной элемент подготовки нападения на Советский Союз. С момента оккупации Маньчжурии в 1931—1932 гг. японские милитаристы стали называть Северо-Восточный Китай «жизненной линией» Японии, то есть линией дальнейшего наступления на Азиатский континент. Их стратегический план предусматривал подготовку и развертывание большой войны прежде всего против СССР. Захват его дальневосточных территорий оценивался правящими кругами Японии как главное условие установления японского владычества над всей Азией.

¹ История войны на Тихом океане. Т. II. Японо-китайская война. Перевод с японского. М., 1957, стр. 67.

² М. Рагинский, С. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников. М.—Л., 1950, стр. 196, 250.

Ведущую роль в выработке агрессивных планов с целью создания «великой Японии до Байкала и Тибета» играли Окада, Тодзио, отец японского фашизма Хиранума, один из видных вождей «молодого офицерства» Итагаки и другие лидеры милитаризма. Эти вдохновители откровенно захватнической политики проповедовали идею широкого «использования силы», которая будет представлять собой развитие «императорского пути» («кодо») и приведет «к освобождению народов Азии».

За год до нападения на Китай, 7 августа 1936 г., премьер-министр Хирота, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, министр финансов разработали программную декларацию об основных принципах национальной политики. Она предусматривала внедрение японской империи в Восточную Азию, а также экспансию в район стран Южных морей путем активной дипломатической деятельности и военных усилий на суше и море¹.

Японские империалисты понимали, что в одиночку им не удастся реализовать свои планы на Дальнем Востоке. Необходимый им мощный союзник нашелся в лице гитлеровской Германии, которая была не менее озабочена поисками надежного партнера.

Сближение двух империалистических хищников протекало под флагом антикоммунизма. Обе стороны надеялись получить от этого альянса важные политические выгоды. Германия рассчитывала с помощью Японии осложнить обстановку в районах Восточной и Юго-Восточной Азии и тем самым оттянуть силы Советского Союза на Дальний Восток, а Англии, Франции и США — на Тихоокеанский театр, что, по мнению фашистских руководителей, должно было укрепить позиции Германии в Европе, на Средиземном, Балтийском и Северном морях. А Япония ожидала от Германии поддержки в своей агрессивной политике против Советского Союза и Китая.

Сговорившись, Германия и Япония 25 ноября 1936 г. подписали «антикоминтерновский пакт». Спустя месяц Япония, идя навстречу пожеланиям Германии и Италии, признала режим Франко.

В качестве первых практических шагов по реализации секретных статей заключенного договора японские милитаристы планировали «уничтожить русскую угрозу на севере» под предлогом «создания прочной обороны Японии в Маньчжурии». При этом отмечалось, что военные силы должны быть готовы нанести сокрушительный удар по самой мощной армии, которую СССР смог бы развернуть вдоль своих восточных границ. На основе этого в 1937 г. были составлены военные планы и планы «самообеспечения», «чтобы быть готовым к историческому этапу в развитии судьбы Японии, который должен быть достигнут, невзирая ни на какие трудности»².

План захвата Китая был наиболее четко выражен в рекомендациях начальника штаба Квантунской армии Тодзио, направленных 9 июня 1937 г. генеральному штабу и военному министерству. В них говорилось, что нападение на Китай с целью обеспечения тыла Квантунской армии желательно осуществить до развертывания действий против СССР³.

В 1933—1937 гг. Япония, используя капитулянтскую политику гоминьдановского правительства, сумела укрепиться не только в Маньчжурии, но и в провинциях Хэбэй, Чахар, частично в Суйюани и Жэхэ.

Открытая экспансия японского империализма нашла моральную, дипломатическую и материальную поддержку со стороны США, Англии

¹ История войны на Тихом океане, т. II, стр. 340—343.

² Цит. по: М. Рагинский, С. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 191.

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. 3970, оп. 1, д. 195, л. 5754.

и Франции. Намереваясь удушить национально-освободительное движение в Китае руками японской военщины, они стремились использовать Японию и как ударную силу против Советского Союза. Под ширмой традиционного изоляционизма, политики «невмешательства» и «нейтралитета» Соединенные Штаты значительно усилили снабжение Японии металлом, горючим и другими стратегическими материалами. За первое полугодие 1937 г., предшествовавшее началу войны в Китае, экспорт товаров в Японию возрос на 83 процента. В 1938 г. Морган и другие финансово-монополистические воротилы предоставили японским фирмам заем на сумму 125 млн. долларов.

Англия защищала Японию в Лиге наций. Ее пресса много писала о военной слабости Китая и могуществе Японии, о способности последней быстро покорить своего соседа, что, по существу, являлось провоцированием агрессивных действий Японии. Английское правительство, не заинтересованное в поражении Китая, тем не менее желало максимального его ослабления, так как опасалось, что рядом с Индией и Бирмой (в то время британскими колониальными владениями) возникнет единое независимое китайское государство. Кроме того, Англия считала, что сильная Япония могла бы служить не только орудием борьбы против СССР, но и противовесом США на Дальнем Востоке.

Летом 1937 г. Япония приступила к осуществлению плана захвата всего Китая. 7 июля подразделения 5-й смешанной бригады генерала Кавабэ напали на китайский гарнизон, расположенный в 12 км юго-западнее Бэйпина (Пекина), в районе моста Лугоуцзяо. Личный состав гарнизона оказал врагу героическое сопротивление¹. Спровоцированный японцами инцидент послужил поводом для начала очередного этапа войны в Китае, войны более широкого масштаба.

Форсированием военных событий летом 1937 г. японские милитаристы хотели помешать начавшемуся процессу создания антияпонского фронта в Китае, побудить гоминьдановское правительство вернуться к братоубийственной гражданской войне, продемонстрировать свою «военную мощь» фашистскому партнеру по «антикоминтерновскому пакту». К этому времени создалась благоприятная обстановка для вторжения в Китай: Англия и Франция показали полное нежелание препятствовать итало-германской интервенции в Испании, а Соединенные Штаты Америки не хотели из-за Китая ввязываться в борьбу с Японией.

Правящие круги Японии рассчитывали и на то, что военно-техническая отсталость Китая, слабость его центрального правительства, которому зачастую не подчинялись местные генералы, обеспечат победу через два-три месяца.

К июлю 1937 г. для действий в Китае японцы выделили 12 пехотных дивизий (240—300 тыс. солдат и офицеров), 1200—1300 самолетов, около 1000 танков и бронемашин, более 1,5 тыс. орудий. Оперативный резерв составляли часть сил Квантунской армии и 7 дивизий, размещенных в метрополии. Для поддержки с моря действий сухопутных войск выделялись большие силы военно-морского флота².

В течение двух недель японское командование стягивало в Северный Китай необходимые силы. К 25 июля здесь были сосредоточены 2, 4, 20-я пехотные дивизии, 5-я и 11-я смешанные бригады — всего более 40 тыс. человек, примерно 100—120 орудий, около 150 танков и бронемашин, 6 бронепоездов, до 150 самолетов. От отдельных боев и стычек японские войска вскоре перешли к проведению операций в направлениях на Бэйпин и Тянь-

¹ 抗日战争史, 台北, 1966年, 21頁。

² Б. Сапожников. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1941). М., 1970, стр. 41—42.

цзинь. После овладения этими крупнейшими городами и стратегическими пунктами Китая генеральный штаб планировал захват важнейших коммуникаций: Бэйпин — Пучжоу, Бэйпин — Ханькоу, Тяньцзинь — Пукоу и Лунхайской железной дороги. 31 августа после тяжелых боев японские соединения заняли укрепления в районе Нанькоу, а затем овладели городом Чжанцзякоу (Калган).

Японское командование, непрерывно подтягивая резервы, расширяло наступление. К концу сентября в Северном Китае действовало более 300 тыс. солдат и офицеров¹. 2-й экспедиционный корпус, наступавший вдоль железной дороги Бэйпин — Ханькоу, в сентябре 1937 г. занял город Баодин, 11 октября — Чжэндин и узловую станцию Шицзячжуан, 8 ноября пал крупный город и промышленный центр Тайюань. Гоминьдановские армии, неся большие потери, отходили к Лунхайской железной дороге.

Одновременно с наступлением на севере японцы развернули военные действия в Центральном Китае. 13 августа их войска численностью 7—8 тыс. человек при поддержке флота завязали бои на подступах к Шанхаю, район которого обороняло около 10 тыс. гоминьдановцев. Ожесточенные бои шли в течение трех месяцев. За это время численность 3-го экспедиционного корпуса Мацуи увеличилась до 115 тыс. человек. На его вооружение поступило 400 орудий, 100 танков, 140 самолетов². Применяв маневр на окружение и используя отравляющие вещества, японцы 12 ноября овладели Шанхаем и создали реальную угрозу гоминьдановской столице — Нанкину³. Японская авиация бомбила Шаньтоу (Сватоу), Гуанчжоу (Кантон), остров Хайнань, подготавливая условия для высадки своих сил в важнейших пунктах Юго-Восточного и Восточного Китая.

Используя достигнутый успех, японские войска во второй половине ноября 1937 г. начали наступление вдоль железной дороги Шанхай — Нанкин и шоссе Ханчжоу — Нанкин. К концу ноября им удалось охватить Нанкин с трех сторон. 7 декабря 90 самолетов подвергли город варварской бомбардировке. 12 декабря японцы ворвались в столицу и пять дней чинили кровавую резню гражданского населения, в результате которой погибло около 50 тыс. человек⁴.

С захватом Шанхая и Нанкина у японцев образовалось два изолированных фронта: северный и центральный. В течение последующих пяти месяцев шла ожесточенная борьба за город Сюйчжоу, где японские захватчики использовали отравляющие вещества и пытались применить бактериологическое оружие. После двух «генеральных наступлений» японцам удалось объединить эти фронты и овладеть всей железной дорогой Тяньцзинь — Пукоу.

Итоги боев показали, что, несмотря на слабое техническое оснащение армии Китая и отсутствие у него военно-морского флота, японцы не смогли осуществить идею одноактной войны. Правящим кругам Японии приходилось считаться и с возрастающим недовольством народа, и с антивоенными настроениями в армии. Огромные экономические и внутривнутриполитические трудности правительство Японии решило преодолеть путем «чрезвычайных мер»: установления полного военного контроля над экономикой,

¹ Japanese Aggression and the League of Nations. 1937. Geneva, S. a., p. 7.

² Архив Министерства обороны СССР (далее — Архив МО), ф. 1, оп. 2103, д. 22, л. 152.

³ Б. Сапожников. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1941), стр. 63; Архив МО, ф. 4, оп. 631, д. 1/п, лл. 261—264.

⁴ История современной китайской революции. Перевод с китайского. М., 1959, стр. 367.

ликвидации всех демократических свобод и организаций, введения системы фашистского террора против трудящихся.

Кабинет Коноэ, являвшийся органом диктатуры реакционной военщины и монополистического капитала, намеревался разрядить внутриполитическую обстановку в стране развязыванием военных действий на советской границе. Предпринимая оккупацию Маньчжурии, командование Квантунской армии разработало оперативные планы: «Хэй» — против Китая и «Оцу» — против СССР. Последний предусматривал оккупацию советского Приморья. В дальнейшем этот план неоднократно пересматривался и уточнялся. На 1938—1939 годы намечалась концентрация основных японских сил в Восточной Маньчжурии. На первом этапе боевых действий против СССР предусматривался захват Никольска-Уссурийского, Владивостока, Имана, а затем Хабаровска, Благовещенска и Куйбышевки-Восточной¹. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику.

Используя напряженную обстановку, сложившуюся в Европе в связи с подготовкой фашистской Германии к захвату Чехословакии, Япония решила ускорить нападение на МНР и Советский Союз. В июле 1938 г. она обвинила СССР в нарушении границ с Маньчжоу-Го и развернула вокруг этого широкую пропагандистскую и дипломатическую кампанию. Одновременно милитаристы готовили открытую вооруженную провокацию в районе озера Хасан, недалеко от стыка границ Маньчжоу-Го, Кореи и советского Приморья.

Еще в 1933 г. Квантунская армия, готовясь к нападению на СССР, провела топографическое изучение района, границы которого проходят по реке Тумень-Ула и высотам западнее озера Хасан, откуда хорошо просматривается местность. Противник решил овладеть этими высотами, так как они господствовали над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и другим городам Приморья. Одновременно он намеревался прощупать силы Советской Армии на этом участке и на практике проверить свой оперативный план.

15 июля 1938 г. японские дипломаты предъявили Советскому правительству требование вывести пограничные войска с высот Заозерная и Безымянная, якобы принадлежащих Маньчжоу-Го. Они отказались принять во внимание представленный советской стороной текст Хунчуньского протокола, подписанного Китаем в 1886 г., с картами, из которых было видно, что претензии японской стороны незаконны.

К 29 июля японцы подтянули к границе несколько пехотных и кавалерийских соединений, три пулеметных батальона, отдельные танковые, тяжелоартиллерийские и зенитные части, а также бронепоезда и 70 самолетов. В составе этой группировки насчитывалось более 38 тыс. человек. Но после двухнедельных ожесточенных боев японские войска были наголову разгромлены и отброшены за пределы советской границы.

Бои у озера Хасан нельзя рассматривать как пограничный инцидент. Запланированные генеральным штабом, они были санкционированы пятью министрами и императором Японии. Нападение представляло агрессивную акцию против СССР. Победа советского оружия вдохновила китайских патриотов, морально поддержала бойцов китайских вооруженных сил и явилась сдерживающим фактором в развертывании Японией войны на Дальнем Востоке.

Осенью 1938 г. Япония перенесла стратегические усилия на юг Китая. 22 октября 1938 г. ударом с моря японская армия захватила Гуанч-

¹ М. Рагинский, С. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 248—249.

жоу¹. С потерей этого порта Китай оказался изолированным от внешнего мира. Через пять дней 240-тысячная группировка японцев, наступавшая от Нанкина вверх по Янцзы, при поддержке 180 танков и 150 самолетов овладела трехградьем Ухань и перерезала единственную железнодорожную магистраль, пересекавшую Китай с севера на юг от Бэйпина до Гуанчжоу. Связь между военными районами гоминьдановской армии была прервана. Гоминьдановское правительство эвакуировалось в Чунцин (провинция Сычуань), где и находилось до окончания войны. К концу октября 1938 г. японцам удалось захватить огромную территорию Китая с главными промышленными центрами и важнейшие железные дороги страны. Первый этап японо-китайской войны, когда японцы вели наступление по всему фронту, закончился.

Новый этап агрессии характеризовался политическим и экономическим наступлением японского империализма. Военные же действия проводились с ограниченными целями. Так, 10 февраля 1939 г. японские десанты захватили остров Хайнань, а в марте — Наньвэй (Спратли). Позже японцы провели наступательную операцию южнее Янцзы, в результате которой 3 апреля заняли Наньчан; в мае ожесточенной бомбардировке подвергли Чунцин, а в июне оккупировали портовый город Шаньтоу. Однако эти операции не имели большого стратегического значения: линия фронта в течение нескольких лет оставалась более или менее стабильной. Японцы не решались бросить против китайских вооруженных сил хорошо сколоченные, технически оснащенные части, сосредоточенные на границах с СССР. Это в значительной степени облегчало положение Китайской республики.

Захватив наиболее важные в экономическом и стратегическом отношении районы Китая и учитывая большое влияние прояпонских элементов в правительстве Китая, неспособность, а иногда и нежелание гоминьдановского командования вести активную войну, японское командование рассчитывало добиться капитуляции гоминьдановского руководства политическими, а не военными средствами.

Однако китайский народ не прекращал борьбы против агрессора. К концу 1938 г. на оккупированной японскими войсками территории, и особенно на их слишком растянутых коммуникациях, активные действия развернули китайские партизанские отряды. Для уничтожения партизанских отрядов и их баз, расположенных в Северном и Центральном Китае, а также на острове Хайнань, японское командование организовало несколько «истребительных» походов. Однако покончить с партизанским движением ему не удалось.

Усиленно эксплуатируя экономические ресурсы страны, японские монополисты попытались создать на оккупированной территории обширную военно-промышленную базу. К этому времени в Маньчжурии, уже превращенной в основной военно-экономический и стратегический плацдарм японского империализма, действовали крупные концерны и их филиалы (компания Южно-Маньчжурской железной дороги, маньчжурская компания по развитию тяжелой промышленности «Манге» и другие). По всему Китаю возрождались старые и создавались новые концерны (компания по развитию Северного Китая, компания по возрождению Центрального Китая). Основное внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, прежде всего металлургической, энергетической, нефтяной, а также производству вооружения и боеприпасов. Продолжалось строительство военных заводов и арсеналов, портов и аэродромов, росло число военных поселений. К границам Советского Союза и Монгольской Народной Республики из Северо-Восточ-

¹ 抗日战史, 83—86頁。

ного и Северного Китая форсированными темпами подводились стратегические железные и шоссейные дороги, для строительства которых использовался принудительный труд миллионов китайских рабочих и крестьян.

Агрессивные действия японских империалистов наносили серьезный ущерб интересам монополистических кругов США, Англии и Франции, имевших в Китае большие капиталовложения. С 25 августа 1937 г. японский флот и армия блокировали побережье Китая и закрыли устье Янцзы для судов всех государств, авиация бомбила иностранные корабли, концессии и различные американские и английские миссии. Препятствуя деятельности иностранных предпринимателей, японская администрация установила в оккупированных районах контроль над валютой и таможнями.

Захватив остров Хайнань, японцы вышли на подступы к английским и французским владениям. Однако правящие круги империалистических держав, надеясь на столкновение Японии с СССР, не предпринимали против нее эффективных мер и ограничились лишь дипломатическими жестами. Летом 1939 г. конгресс США, вновь рассматривая вопрос о «нейтралитете», принял решение сохранить в силе законы 1935—1937 гг. Президент Рузвельт в послании конгрессу 4 января 1939 г. признал, что закон о нейтралитете не содействовал делу мира. Этим он подтвердил, что политика правящих кругов США объективно способствовала развязыванию странами-агрессорами мировой войны, а жертвы нападения не могли рассчитывать на закупку в Соединенных Штатах Америки военных материалов.

Несмотря на то что американские интересы были ущемлены на Дальнем Востоке больше, чем в Европе, США в течение двух первых лет войны, самых тяжелых для Китая, не оказали ему существенной помощи в борьбе с японскими агрессорами¹. В то же время американские монополии поставляли в Японию все необходимое для осуществления этой агрессии, а значит, и для подготовки «большой войны» против СССР. Только в 1937 г. США экспортировали в Японию более 5,5 млн. тонн нефти и свыше чем на 150 млн. иен станков. В 1937—1939 гг. они предоставили Японии военные материалы и стратегическое сырье на сумму 541 млн. долларов, что составило почти 70 процентов всего американского экспорта в эту страну². Не менее 17 процентов стратегических материалов шло в Японию из Англии.

Расширению японской агрессии в Китае способствовала и политика империалистических держав в Лиге наций. Так, 6 октября 1937 г. Лига ограничилась лишь резолюцией о «моральной поддержке» Китая. Конференция 19 государств в Брюсселе отклонила советское предложение о применении санкций против Японии.

Фашистская Германия рассчитывала на скорую победу Японии. В этом случае высвободились бы силы японской армии для нападения на СССР с востока. Гитлеровцы также надеялись, что после поражения чанкайшистское правительство войдет в «антикоминтерновский пакт».

Германия и Италия, несмотря на разногласия между ними, продолжали снабжать восточного союзника вооружением и держали в японской армии технических специалистов, авиационных инструкторов, многие из

¹ Лишь спустя 20 месяцев после начала войны в Китае, 8 февраля 1939 г., правительство США предоставило ему кабальный «тунговый» заем на 25 млн. долларов для закупки вооружения. В результате этого «займа» все тунговое масло, производимое в Китае, оказалось в США. Англия же выделила займы Китаю еще позднее — 15 марта и 18 августа 1939 г. в размерах, не имевших серьезного значения, когда боевые действия регулярных войск, по существу, закончились и началась борьба против 8-й и Новой 4-й национально-революционных армий.

² В. А в а р и н. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952, стр. 247, Б М а р у ш к и н. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937—1939 гг.). М., 1957, стр. 35, 53, 96, 109, 153.

которых принимали непосредственное участие в воздушных налетах на китайские города ¹.

Японские милитаристы понимали, что без изоляции Советского государства никакие военные усилия не могут привести их к победе в Китае, и поэтому проявляли огромную заинтересованность в нападении Германии на Советский Союз. Афишируя приверженность духу «антикоминтерновского пакта», они заверяли гитлеровское руководство в том, что Япония присоединится к Германии и Италии в случае войны против СССР. 15 апреля и 24 июня 1939 г. советский военный разведчик Р. Зорге, основываясь на данных германского посла в Японии Отта, сообщал в Генеральный штаб РККА, что, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий ². Развернутую оценку политики Японии в отношении СССР давал военно-морской атташе Италии в докладе Муссолини 27 мая 1939 г.: «... если для Японии открытым врагом является правительство Чан Кай-ши, то врагом № 1, врагом, с которым никогда не может быть ни перемирия, ни компромиссов, является для нее Россия... Победа над Чан Кай-ши не имела бы никакого значения, если бы Япония оказалась не в состоянии преградить путь России, отбросить ее назад, очистить раз и навсегда Дальний Восток от большевистского влияния. Коммунистическая идеология, естественно, объявлена в Японии вне закона, самая лучшая армия Японии — Квантунская — стоит на континенте на страже приморской провинции. Маньчжоу-Го было организовано как исходная база для нападения на Россию» ³.

Стабилизировав фронт в Китае, японская военщина, несмотря на поражение в районе озера Хасан, вновь обратила хищные взоры на север. Осенью 1938 г. генеральный штаб японской армии приступил к разработке плана войны против СССР, получившего кодированное наименование «План операции № 8». В рамках этого плана разрабатывалось два варианта: вариант «А» предусматривал нанесение главного удара в направлении советского Приморья, «Б» — в направлении Забайкалья. Военное министерство настаивало на проведении плана «А», генеральный штаб вместе с командованием Квантунской армии — плана «Б». В ходе дискуссии победила вторая точка зрения, и с весны 1939 г. развернулась активная подготовка к осуществлению агрессии против МНР и СССР согласно плану «Б»⁴. К лету 1939 г. численность японских войск в Маньчжурии достигла 350 тыс. человек, имевших на вооружении 1052 орудия, 385 танков и 355 самолетов; в Корее находилось 60 тыс. солдат и офицеров, 264 орудия, 34 танка и 90 самолетов ⁵.

Осуществлением своих планов японские милитаристы рассчитывали приблизить заключение военного союза с Германией и Италией, поставить под сомнение способность СССР выполнять свои обязательства по взаимопомощи и этим содействовать провалу переговоров Советского Союза с Англией и Францией.

МНР давно привлекала Японию. Овладение этой страной дало бы ей крупные стратегические выгоды, о которых ясно говорил начальник штаба Квантунской армии Итагаки в беседе с японским послом в Китае Аритой в 1936 г. Он заявил, что МНР «является очень важной с точки зрения японо-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Сибирской железной дороги, соединяющей советские терри-

¹ Архив МО, ф. 1, оп. 2083, д. 15, л. 194.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 334, 463.

³ I documenti diplomatici italiani. Ottava serie. 1935—1939. Vol. XII. Roma, 1952, p. 37—38.

⁴ 大東亜戦争公刊戦史, 第8巻, 大本営陸軍部<1>, 東京, 昭和42年, 585頁。

⁵ Архив МО, ф. 1, оп. 2082, д. 33, л. 96.

тории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия (МНР. — *Ред.*) будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в распоряжении»¹.

Советское правительство знало о захватнических планах Японии в отношении Монгольской Народной Республики. Верное своему союзническому и интернациональному долгу, оно заявило в феврале 1936 г., что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость. 12 марта 1936 г. состоялось подписание советско-монгольского протокола о взаимной помощи против агрессии.

Стремясь оправдать свои агрессивные действия, японцы пошли на подлог. На своих топографических картах они обозначили границу Маньчжоу-Го по реке Халхин-Гол, которая фактически проходила восточнее. Это, по их мнению, должно было создать «правовую основу» для нападения.

В начале 1939 г. Советское правительство официально заявило, что «границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную»².

Однако милитаристы не вняли этому предупреждению и скрытно подтянули к границам МНР крупную группировку войск. Они не только вели усиленную разведку, но и неоднократно нарушали границы. Наиболее серьезный инцидент произошел 11 мая. На другой день японцы ввели в бой пехотный полк, поддержанный авиацией, и, оттеснив пограничные заставы монгольской Народно-революционной армии, вышли к реке Халхин-Гол. Так началась необъявленная война против МНР, длившаяся более четырех месяцев.

Боевые действия на территории Монгольской Народной Республики совпали с переговорами японского министра иностранных дел Ариты с английским послом в Токио Крейги. В июле 1939 г. между Англией и Японией было заключено соглашение, по которому Англия признала японские захваты в Китае. Таким образом, правительство Великобритании оказывало дипломатическую поддержку японской агрессии против МНР и ее союзника — СССР.

Обстановкой, сложившейся на границах МНР, воспользовались и США. Всемерно поощряя Японию к войне, американское правительство сначала продлило на шесть месяцев аннулированный перед этим торговый договор с ней, а затем полностью восстановило его. Заокеанские монополии получили возможность положить в карман крупные прибыли. В 1939 г. Япония закупила в Соединенных Штатах в десять раз больше железного и стального лома, чем в 1938 г. Монополисты США продали Японии на 3 млн. долларов новейших станков для авиационных заводов. В 1937—1939 гг. США взамен получили из Японии золота на 581 млн. долларов³. «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»⁴, — писал торговый атташе США в Китае. Кроме того, Японии оказывалась и финансовая помощь.

¹ М. Рагинский, С. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников, стр. 260.

² Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, стр. 475.

³ «Federal reserve bulletin», 1939, April.

⁴ Цит. по: И. Попов. Япония. М., 1940, стр. 94.

Провокационные нападения японцев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол представляли собой не что иное, как «антикоминтерновский пакт» в действии. Однако расчет агрессоров на поддержку их гитлеровской Германией не оправдался. Добиться каких-либо уступок со стороны СССР и МНР также не удалось. Захватнические планы японских милитаристов рухнули.

Разгром японцев на Халхин-Голе, их стратегические неудачи в Китае, кризис в отношениях с Германией, вызванный заключением советско-германского пакта о ненападении, явились сдерживающими факторами, временно разъединившими силы агрессоров.

* * *

Порабощение Эфиопии, захват Рейнской зоны, удушение Испанской республики, развертывание войны в Китае являлись звеньями одной цепи империалистической политики конца тридцатых годов. Агрессивные государства — Германия, Италия и Япония — при прямой поддержке США, Англии и Франции стремились путем локальных войн и военных конфликтов как можно скорее раздуть пожар мировой войны. Острое соперничество между империалистическими державами вступало в новую фазу. Обычные формы борьбы — конкуренция на рынках, торговая и валютная война, демпинг — давно были признаны недостаточными. Речь теперь шла о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем открытого вооруженного насилия.

ОТНОС НАРОДОВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

1. Сопротивление Эфиопии итальянским колонизаторам

Вероломное нападение фашистской Италии на Эфиопию подняло народ страны на национально-освободительную борьбу против колонизаторов за самостоятельность и независимость своего государства. Эта справедливая борьба протекала в условиях экономической отсталости Эфиопии.

Страна занимала обширную территорию (1,2 млн. кв. км), равную площади Англии, Франции и Италии, вместе взятых, с населением 12 млн. человек, довольно пестрым в национально-племенном отношении и находившимся на различных стадиях социально-экономического развития. Наряду с феодально-крепостническими отношениями во многих районах страны сохранялись еще довольно значительные остатки патриархального строя и рабства.

Разноплеменное население занималось примитивным земледелием и скотоводством. Национальную промышленность представляли несколько десятков ремесленных и полукустарных предприятий. Добыча полезных ископаемых и торговля находились в руках иностранных компаний и монополий (в том числе итальянских). Некоторыми провинциями Эфиопии управляли назначаемые императором наместники, в остальных военная, гражданская и судебная власть принадлежала крупным феодалам и вождям племен.

Стремление императора создать унитарную систему государственного управления и покончить с остатками феодальной раздробленности вызывало недовольство части его вассалов. Империалистические державы, заинтересованные в ослаблении Эфиопии, не раз использовали такое недовольство для организации сепаратистских мятежей ¹.

За несколько лет до войны правительство Хайле Селассие предприняло первые шаги в создании централизованной современной армии. Под руководством бельгийской военной миссии удалось перевооружить и обучить лишь императорскую гвардию (около 10 тыс. человек)²; основная же часть эфиопской армии — регулярные войска провинций и племен — сохраняла свою феодальную организацию. Ни общевойсковых соединений, ни крупных воинских частей не существовало. Армия состояла из различных по численности отрядов, возглавляемых знатными феодалами (ра-

¹ G. R o c h a t. *Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia. Studio e documenti 1932—1936.* Milano, 1971, p. 444—445.

² Н. К о р с у н. *Итало-абиссинская война 1935—1936 гг.*, стр. 27.

сами). Наиболее боеспособным элементом для пополнения армии были 50 тыс. солдат, служивших ранее по найму в итальянских колониальных войсках ¹.

Против оснащенной современными средствами вооруженной борьбы итало-фашистской армии эфиопы могли выставить в начале войны 350—450 тыс. солдат, 200—300 станковых и легких пулеметов, до 200 полевых артиллерийских орудий, до 50 зенитно-артиллерийских установок. Авиация была представлена 7 пассажирскими самолетами, средства связи — 7 радиостанциями. Всеобщее ополчение, которое разворачивалось в случае объявления мобилизации, могло дать до 600 тыс. воинов, но для его оснащения не хватало оружия, так как в стране имелось всего 500—600 тыс. винтовок устаревших образцов ². Лишенная современных средств моторизации, эфиопская армия была малоподвижна. Основным транспортным средством были мулы. Армия не имела ни централизованной системы снабжения, ни какого-либо подобия организованного тыла. Каждый солдат должен был нести с собой запас еды на несколько дней и заботиться о своем пропитании.

Правительство Эфиопии настойчиво искало возможности предотвращения войны. Начало мобилизации откладывалось, а для того чтобы наблюдатели Лиги наций могли убедиться в неспровоцированной агрессии, эфиопы открыли границу с Эритреей, отведя свои войска в глубь страны.

В середине 1935 г., когда Эфиопии непосредственно угрожало фашистское вторжение, «западные демократии» окончательно отказали ей в поставках вооружения; французское правительство дошло до того, что даже не разрешило вывезти из порта Джибути закупленное ранее оружие ³.

Утром 3 октября 1935 г., через пять часов после того, как итальянские самолеты начали бомбить мирные города и села Эфиопии, в стране был объявлен приказ о мобилизации. «Поднимайтесь все, — говорилось в нем. — Берите в руки оружие и спешите на защиту своей страны» ⁴.

В ответ на призыв правительства десятки тысяч мужчин и женщин всех возрастов, национальностей, профессий, вероисповеданий, объединенные общим патриотическим порывом, спешили со всех сторон через горы, леса и пустыни, чтобы встать в ряды защитников родины. Активизировали свою деятельность созданные еще в июле — августе 1935 г. Ассоциация эфиопских патриотов, объединявшая 14 тыс. христиан и мусульман, и Красный Крест Эфиопии ⁵. Храбрые и мужественные эфиопы готовы были отдать за свободу отечества все, что имели, — имущество и жизнь. Но чтобы устоять перед превосходящей военно-технической мощью крупной империалистической державы, ее регулярной армией, этого было недостаточно.

Необученные и плохо вооруженные ополченцы не были подготовлены к современной войне, как, впрочем, не были к ней готовы и их командиры. Из всех военачальников, возглавивших армии, военное образование имели только трое, включая императора. Такие престарелые воины, как военный министр рас Мулугета, рас Касса и другие, участвовавшие в разгроме

¹ G R o c h a t *Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia*, p 382

² Н К о р с у н *Итало абиссинская война 1935—1936 гг*, стр 28, A D e l B o s a *La guerra d'Abissinia 1935—1941* Milano, 1965, p 38, G R o c h a t *Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia*, p 382, Р К с и л а н д е р *Завоевание Абиссинии в 1935—1936 гг*, стр 9

³ В Я г ъ я *Эфиопия в 1941—1954 гг* М, 1969, стр 13

⁴ A B a r k e r *The Civilizing Mission*, p 129

⁵ A D e l B o s a *La guerra d'Abissinia 1935—1941* p 40

итальянских войск при Адуа в 1896 г., рассчитывали и теперь в течение нескольких дней разбить противника большими массами слабо вооруженных войск.

Хайле Селассие не разделял оптимизма этих военачальников. Понимая трудности борьбы с превосходящими силами противника, он предвидел длительную войну и предпочитал партизанскую тактику и подвижную оборону как способ сдерживания итальянского наступления. План его заключался в том, чтобы, уклоняясь от решительных сражений и медленно отступая в глубь страны, сохранить силы регулярной армии и ополчения нетронутыми до начала сезона дождей, когда военные действия будут приостановлены и Лига нации сможет принять эффективные меры по обузданию агрессии. И даже если такие меры не будут приняты, завлечение итальянских войск в глубь территории Эфиопии опасно растянет их линии коммуникаций и облегчит эфиопам партизанские действия в войне на истощение¹. Высокие моральные качества отважных эфиопских воинов и условия горной местности как нельзя лучше соответствовали партизанской тактике, ведению на горном театре малой войны.

Негус требовал от своих воинов: «Будьте хитры, сражайтесь с врагом один против одного, двое против двух, пятеро против пятерых, но только не массой. Прячьтесь. Неожиданно наносите удар. Ведите партизанскую войну»².

Освободительная война эфиопского народа затянулась на несколько лет, до ноября 1941 г. На первом этапе — с 3 октября 1935 г. по 9 мая 1936 г. — эфиопская армия оказывала организованное сопротивление и вела регулярные бои и сражения.

С октября до середины ноября 1935 г. на северном фронте (пока в центральных районах страны шла мобилизация и развертывание основных сил) итальянской армии численностью до 250 тыс человек противостояли лишь немногочисленные силы прикрытия под руководством расов Сейюма и Гуксы³. Уклоняясь от решительных схваток с превосходящими силами противника, эфиопские войска наносили им ощутимые удары, устраивая засады и совершая рейды по гылам.

На южном фронте пустынная местность не позволяла развернуть партизанские действия. В этих условиях армии расов Насибу и Десты вынуждены были отступать. Но как только эфиопы достигли труднодоступной, удобной для засад местности, они смогли не только остановить противника, но и нанести ему ряд сильных ответных ударов.

Под прикрытием сдерживающих действий эфиопы подтягивали силы на северный фронт. В ноябре армия раса Сейюма пополнилась 40 тыс. воинов раса Кассы, в середине декабря к Макалле подошла из Аддис-Абебы 80-тысячная армия раса Мулугеты, из Годжама в район Аксума привел 30-тысячную армию рас Имру⁴. Это позволило эфиопам провести ряд сражений с решительными целями.

15 декабря 1935 г. объединенная группа войск под предводительством расов Имру и Айелу нанесла внезапный удар по правому флангу итальянских войск в районе Аксума. Пока один из ее отрядов теснил итальянцев

¹ A. Duprey De l'invasion à la libération de l'Éthiopie Vol I Paris, 1955, p 274, A. Barker The Civilizing Mission, p 133—134

² Цит по Н. Корсун Итало-абиссинская война 1935—1936 гг, стр 64.

³ A. Barker The Civilizing Mission, p 161 Подкупленный итальянцами, рас Гукса в первые же дни войны перешел с небольшим отрядом на сторону противника

⁴ Переброска эфиопских войск к фронту сильно затруднялась отсутствием транспорта и действиями итальянской авиации. Армия раса Мулугеты добиралась пешком по ночам, разбившись на небольшие группы, два месяца (A. Barker The Civilizing Mission, p 161, 217, 218, Н. Корсун Итало-абиссинская война 1935—1936 гг, стр 40, 43).

к ущелью, другой отрезал им путь к отступлению. В ожесточенных боях эфиопские воины сумели захватить и вывести из строя много танков противника. Забираясь на танки, они ломали, разбивали траки, открывали люки и захватывали экипажи в плен. Через месяц армия расов Кассы и Сейюма атаковала противника в провинции Тембиен.

Натиск эфиопов вынудил захватчиков оставить город Абби-Адди. Обе стороны понесли большие потери. В результате весь правый фланг итальянских войск был оттеснен. 19 января их положение на этом участке фронта стало критическим. В ожесточенных сражениях, длившихся больше месяца, значительные силы итальянцев не раз были отрезаны и окружены эфиопами, но избегали полного уничтожения из-за интенсивного применения авиации и отравляющих веществ.

Успехи, достигнутые эфиопскими войсками в декабре 1935 г. — январе 1936 г., воодушевляли население этой страны на борьбу с оккупантами, вызывали дезертирство и брожение в итальянских колониальных войсках. Однако в конце января наступление эфиопской армии приостановилось.

Развернувшиеся в феврале — апреле 1936 г. на обоих фронтах бои привели эфиопскую армию к поражению.

Но, несмотря на варварские методы ведения войны, итальянцы еще долго не могли окончательно сломить сопротивление эфиопов. После гибели большей части армии император Эфиопии Хайле Селассие 3 мая 1936 г. покинул страну. Во главе временного правительства стал рас Имру.

Сдача Аддис-Абебы и отъезд императора, хотя и вызвали замешательство в рядах патриотов, тем не менее не сломили их воли к сопротивлению. Остатки эфиопских войск не сдались на милость победителя, они продолжали борьбу, которая с мая 1936 г. вступила в новый этап, длившийся до апреля 1937 г. Эфиопская армия, перестав существовать как организованное целое, распалась на отдельные группы, которые отступили в западные и южные провинции страны. Наиболее крупными были отряды раса Имру, действовавшие в провинциях Годжам, Воллега, Илубабор; раса Десты — в провинции Сидамо; раса Насибу — в Северо-Восточном Хараре, деджазмача¹ Фикре Мариама, действовавшего вдоль железной дороги Аддис-Абеба — Джибути в провинции Шоа. Лишь немногие из расов согласились сотрудничать с итальянцами².

Гарнизоны итальянцев, занявшие наиболее крупные города и центры, были изолированы бездорожьем друг от друга и от баз снабжения. Когда начались дожди, «победители» оказались в затруднительном положении. Единственная железная дорога в течение нескольких месяцев была блокирована партизанами, а гарнизоны, подвергавшиеся постоянным налетам, огораживались итальянцами колючей проволокой.

В 1936—1937 гг. итальянское командование предприняло против отрядов эфиопов ряд крупных карательных операций. В тылу эфиопских войск были высажены воздушные десанты, диверсионные группы, с фронта их теснили подвижные могоризованные колонны, действия которых поддерживались и обеспечивались бомбардировочной авиацией. Группа войск захватчиков при поддержке 253 самолетов³ во главе с заместителем начальника главного штаба ВВС генералом Пинна нанесла удар по отряду раса Имру.

Эфиопы сопротивлялись стойко, в ряде боев они одержали победу над итальянцами. В каждом бою потери оккупантов достигали 8—12 тыс.

¹ Д е д ж а з м а ч — соответствует званию генерал-лейтенанта, командовал отдельной армией.

² А. Д е л В о с а. *La guerra d'Abissinia 1935—1941*, p. 194—195.

³ Е. Т а т а р ч е н к о. Воздушные силы в итало-абиссинской войне, стр. 173.

человек¹. Но в конце декабря 1936 г. итальянцы окружили, разгромили патриотов и взяли в плен раса Имру².

Операцией против войск раса Десты лично руководил вице-король Итальянской Восточной Африки Грациани. В ней участвовало большое количество войск и свыше 220 самолетов. Упорное сопротивление эфиопов затянуло боевые действия на пять месяцев — до конца февраля 1937 г. Исход их в пользу итальянцев решило химическое оружие.

Разместив гарнизоны во всех наиболее значительных населенных пунктах Западной и Южной Эфиопии, Грациани поспешил донести в Рим, что всякое сопротивление в стране ликвидировано. Но 19 февраля 1937 г. два молодых патриота совершили на самого Грациани покушение в Аддис-Абебе. На население обрушилась волна кровавых репрессий. Резня в столице продолжалась трое суток, погибло более 9 тыс. человек. Количество жертв по стране достигло 30 тыс.³. Людей сотнями расстреливали из пулеметов. Женщин и детей закалывали на улицах, сжигали заживо в домах. Мужчин привязывали к машинам и волокли по земле или бросали под колеса грузовиков. Итальянские оккупанты уничтожали патриотов, всех тех, кто мог в условиях Эфиопии воздействовать на национальное самосознание народа и возглавить массовое сопротивление оккупантам. Патриоты проявляли исключительное мужество. По признанию Грациани, многие из них шли на казнь со словами: «Да здравствует независимая Эфиопия!»

Фашистский террор не сломил народного сопротивления. В стране нарастало национально-освободительное движение, в котором приняли участие все слои населения, невзирая на религиозные и этнические различия.

Еще в апреле 1936 г., когда стало ясно, что эфиопская армия не сможет выстоять перед превосходящей мощностью противника, ведущего войну преступными методами, Ассоциация патриотов Эфиопии в Аддис-Абебе начала готовиться к народной войне против захватчиков. Было организовано обучение молодых эфиопов правилам партизанской войны. Ассоциации удалось вооружить первые партизанские отряды во главе с бесстрашными патриотами Абебе Арегаем и Фикре Мариамом. Накануне вступления итальянцев в столицу она настояла на том, чтобы временное правительство для дальнейшего руководства войной переехало в город Горе (Юго-Западная Эфиопия). Часть патриотов осталась для организации подпольного сопротивления в столице, где вскоре были созданы Организация эфиопской молодежи и Ассоциация женщин-добровольцев. Подпольные группы сопротивления начали осуществлять саботаж и диверсии⁴.

Постепенно национально-освободительное движение стало принимать более организованный характер. После февральских репрессий 1937 г. в ряды патриотов перешли многие из тех, кто по тем или иным причинам мирился с оккупантами.

Летом 1937 г. в Амбо, близ Аддис-Абебы, состоялась встреча руководителей патриотического движения нескольких провинций, во время которой был создан комитет единства и сотрудничества. Он ставил своей задачей добиться объединения сил и координации действий разрозненных партизанских отрядов, для чего было избрано единое командование и по-

¹ Д. В о б л и к о в. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860—1960, стр. 117—118.

² A. D e l B o s c a. La guerra d'Abissinia 1935—1941, p. 197—198.

³ E. P a n k h u r s t. The Ethiopian People: Their Rights and Progress, p. 12; H. J a c k s o n. The Fighting Sudanese. London, 1954, p. 37.

⁴ R. G r e e n f i e l d. Ethiopia. A New Political History, p. 220—221, 229; «Ethiopia Observer», vol. XII, 1968, № 2, p. 78.

литическое руководство. Начальником объединенного штаба стал рас Абебе Арегай, политическим секретарем — Блатта Такеле¹. Последний объехал провинции Воллега, Годжам, Бегемдер и другие, чтобы добиться консолидации усилий всех групп сопротивления. Комитет наладил выпуск нелегальной газеты, поддерживал связь с правительством Хайле Селассие в Лондоне, собирал денежные средства, добывал оружие, медикаменты, боеприпасы, продовольствие, налаживал связь партизан с населением, снабжение отрядов².

Итальянский фашизм установил в Эфиопии режим колониального грабежа, насилия и террора. Монополистический капитал спешил прибрать к рукам природные ресурсы страны. Лучшие земли, отнятые у эфиопов, отдавались итальянским переселенцам, количество которых планировалось довести до миллиона³. Коренное население захватчики рассматривали как «низшую расу». Оно должно было стать источником дешевой рабочей силы. В стране вводился принудительный труд: крестьян заставляли четыре дня в неделю работать на оккупантов, тысячи городских жителей сгонялись на различные строительные работы, где они гибли от голода и болезней. Не желая подчиняться захватчикам, эфиопы уходили в леса и горы к партизанам, бежали в соседние страны. Для восполнения рабочей силы фашисты вербовали рабочих в Китае, Центральной Африке и в самой Италии.

Партизанское движение все более расширялось. То в одной, то в другой провинции вспыхивали стихийные народные восстания, в которых участвовали десятки тысяч повстанцев. Весной 1937 г. восстание охватило провинции Волло и Тигре, область Данакиль. В августе того же года на борьбу против оккупантов поднялось все население провинции Годжам⁴. Число партизан в 1938—1939 гг. достигло 400 тыс. человек⁵. Вооруженная национально-освободительная война в Эфиопии вступила в третий этап и приобрела характер партизанской борьбы.

Эфиопы действовали против своих врагов небольшими отрядами одновременно в различных частях огромной территории страны, и эта тактика оказалась успешной. Она вынуждала итальянцев дробить свои силы, непрерывно перебрасывать их из одного района в другой. В колониальных войсках итальянцев все чаще вспыхивали восстания. Перебив своих командиров, солдаты с оружием переходили на сторону патриотов, создавали партизанские отряды⁶. В начале 1939 г. Абебе Арегай возглавил все патриотические силы Эфиопии⁷.

В результате самоотверженной борьбы эфиопских партизан оккупационный режим сохранялся к началу второй мировой войны только в тех городах и населенных пунктах, где у итальянцев имелись сильные гарнизоны. Многие военные базы были блокированы партизанами, и снабжение находившихся в них войск осуществлялось с помощью самолетов⁸. Область Данакиль и некоторые районы в провинциях Годжам, Шоа, Волло, Бегемдер и Воллега полностью находились в руках эфиопов⁹. 1 января 1939 г. итальянский министр иностранных дел Чиано записал в своем дневнике. «Эфиопия, по сути дела, вся охвачена восстанием, и

¹ R. Greenfield *Ethiopia. A New Political History*, p. 242—243.

² «Ethiopia Observer», vol XII, 1968, № 2, p. 65

³ A. Del Boca *La guerra d'Abissinia 1935—1941*, p. 212

⁴ «Ethiopia Observer», vol XII, 1968, № 2, p. 86—87

⁵ Д. Вобликов *Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860—1960*, стр. 118

⁶ «Ethiopia Observer», vol XII, 1968, № 2, p. 79—80

⁷ A. Del Boca *La guerra d'Abissinia 1935—1941*, p. 219

⁸ «Ethiopia Observer», vol XII, 1968, № 2, p. 86—89

⁹ A. Del Boca *La guerra d'Abissinia 1935—1941*, p. 219, 227; «Ethiopia Observer», vol XII, 1968, № 2, p. 63.

размещенным там 65 батальонам приходится отрабатывать свое содержание»

Таким образом, героический эфиопский народ, брошенный буржуазными «демократиями» и отданный на растерзание итальянскому фашизму, проявил мужество и стойкость в сопротивлении захватчикам. Его борьба стала одним из факторов, способствовавших как общему подъему национально освободительного движения накануне второй мировой войны, так и антифашистской ориентации этого движения, разоблачению империализма как врага колониальных и зависимых народов мира. Опыт вооруженной борьбы эфиопского народа продемонстрировал, какие огромные возможности для борьбы с фашизмом таят всенародное сплочение и применение партизанских форм войны.

Об этих способах борьбы писал в свое время Ф. Энгельс: «Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной»¹.

Развивая эти положения в новых исторических условиях и учитывая опыт первой мировой войны, В. И. Ленин говорил, что наступает эпоха, когда война маленького государства против гиганта становится неизбежной. В определенной международной ситуации, при известных явлениях внутри «гигантов», писал он, можно «безнадежную» войну сделать «надежной»². Убедительным подтверждением марксистско-ленинских положений явилась героическая борьба небольшого восточноафриканского государства за свою свободу и независимость.

В то же время опыт войны в Эфиопии показал, что борьба малых стран с фашизмом в одиночку, без дипломатической и материальной, в том числе военной, помощи антифашистских сил других стран, крайне затруднительна. Единственной страной, которая оказала всемерную моральную и дипломатическую поддержку Эфиопии, был СССР. Однако отсутствие прочных политических и дипломатических связей между Эфиопией и Советским Союзом, а также полная географическая изоляция Эфиопии не позволили предоставить ей необходимую материальную помощь.

Но, несмотря на это крайне невыгодное положение, национально-освободительное движение эфиопского народа показало возможность успешной вооруженной борьбы народов против фашистской агрессии.

2. Национально-революционная война Испанской республики

Вооруженное вмешательство фашистских государств во внутренние дела Испании резко изменило ситуацию не только внутри страны, но и на международной арене.

Борьба испанского народа явилась крупной схваткой сил демократии и прогресса с фашизмом. Она стала одним из значительнейших событий в освободительном движении народных масс капиталистических стран.

Испанской республике пришлось вести войну как против внутренней контрреволюции, так и против объединенных сил фашистских держав — Германии и Италии, агрессивные действия которых поощряла политика «невмешательства» Англии, Франции и США. Начавшаяся на Пиренейском

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 416.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 8.

полуострове гражданская война переросла в национально-революционную войну, в ходе которой народ стремился уничтожить испанский фашизм, ликвидировать опасность, угрожавшую национальной независимости страны, и одновременно добивался глубоких общедемократических преобразований.

По своему характеру и содержанию демократическая революция в Испании вышла далеко за рамки обычных буржуазных революций. Это была революция народная, национальная, антифашистская, в которой роль пролетариата, выступавшего в союзе с крестьянством, мелкой и средней буржуазией, объединенными в народный фронт, постоянно возрастала. На древней иберийской земле рождалась демократическая республика нового типа. Испания стала первой страной в Западной Европе, в которой была установлена демократическая диктатура широкой коалиции политических сил — от коммунистов до католиков, опиравшаяся на парламент.

Вмешательство фашистских держав во внутренние дела Испании позволило мятежникам избежать разгрома. Последние активно накапливали силы, намереваясь решительным ударом взять Мадрид.

Регулярным войскам мятежников, насчитывавшим около 60 тыс. человек, противостояли отряды народной милиции, формировавшиеся, как правило, по партийному и профсоюзному принципу. Они были вооружены преимущественно стрелковым оружием и не имели опытных командных кадров, координация действий между ними отсутствовала. Каждый отряд выполнял приказы только своей организации, не считаясь с задачами других. При всем героизме бойцы-республиканцы не смогли сдержать ударов противника. Положение становилось угрожающим.

В начале сентября республиканское правительство Х. Хиралья, оказавшееся не в состоянии организовать сопротивление фашизму, ушло в отставку. В новое правительство, которое возглавил социалист Кабальеро, вошли представители всех антифашистских партий и организаций народного фронта, в том числе коммунисты. Правительство народного фронта приняло срочные меры для упрочения обороны республики: начало формирование первых десяти бригад регулярной Народной армии, развернуло строительство укреплений под Мадридом, обратилось к правительству СССР с просьбой направить в Испанию военных советников и продать республике оружие и технику.

Огромную работу по формированию Народной армии вела Коммунистическая партия Испании (КПИ). Созданный ею пятый полк народной милиции стал колыбелью и первой боевой школой будущих «стальных батальонов». В течение нескольких месяцев около 70 тыс. защитников республики было направлено на фронт¹. Компартия призвала крепить единство народного фронта и предпринять все возможное, чтобы отстоять Мадрид. Лозунг коммунистов «No pasaran!» был сразу подхвачен всеми антифашистами Испании. В упорных боях 7—8 ноября 1936 г. энергией и самоотверженностью патриотов удалось остановить фашистские войска на окраинах столицы.

Бои под Мадридом позволили выиграть время для создания Народной армии, реорганизации и укрепления тыла, мобилизации ресурсов страны. В результате усилий КПИ в республике началось осуществление важных социально-экономических преобразований. Была проведена аграрная реформа, покончившая с помещичьим землевладением и обеспечившая поддержку со стороны трудящегося крестьянства. В 1938 г. компартия добилась национализации банков, транспорта, крупной и частично

¹ Э. Л и с т е р. Наша война, стр. 73; П. С а м о й л о в. Гвадалахара. М., 1940, стр. 16.

средней промышленности. Она решительно выступила против насильственной «коллективизации», проводившейся анархистами в отдельных местах, за производственную кооперацию на добровольных началах.

Произошли изменения в государственном аппарате. Органы безопасности, полиция и другие учреждения пополнились представителями из народа. Был принят ряд законов об охране труда, социальном страховании, увеличении заработной платы, уравнивании женщин в общественных и политических правах с мужчинами; сделаны значительные шаги в области культуры, переставшей быть привилегией господствующего класса. Двери университетов распахнулись для трудящихся. Тысячи людей обучались грамоте в армии. Заметных успехов достигла республика в решении национального вопроса.

Одним из важнейших мероприятий, осуществленных в ходе войны и революции, явилось создание регулярной Народной армии. При ее формировании республиканцам пришлось преодолеть сопротивление анархистов, выступавших против строительства регулярной армии и налаживания военного производства, скрытый саботаж и предательство части старого офицерства, стремление каждой партии иметь «свои войска», нехватку командных кадров. Надо было научить солдата дисциплине, покончить с беспечностью и благодушием, самовольным уходом с фронта. Последнее явление имело настолько широкое распространение, что за три недели боев под Мадридом состав некоторых колонн менялся восемь раз.

По инициативе коммунистической партии вводится институт политических комиссаров. Являясь «становым хребтом, душой и мускулами» армии, коммунисты превратили свою партию в самую влиятельную и боевую партию республики. К марту 1937 г. ее численность выросла по сравнению с июлем 1936 г. в 2,5 раза и достигла почти 260 тыс. (не считая 45 тыс. в ОСПК¹), среди них 60 процентов было промышленных и сельскохозяйственных рабочих². Более 120 тыс. коммунистов героически сражались на фронте. Вместе с членами Объединенного союза молодежи (ОСМ) они составляли от одной трети до половины личного состава действующих частей и соединений республиканской армии³.

Большую роль в сопротивлении испанского народа фашизму сыграли международное движение солидарности, помощь и всемерная поддержка со стороны демократических сил мира. 29 июля 1936 г. Долорес Ибаррури от имени ЦК КПИ и других антифашистских сил обратилась к трудящимся всех стран с призывом помешать удушению демократии в Испании, ибо ее поражение неизбежно повлечет развязывание мировой войны⁴. «В победе испанского народа заинтересованы все те, кто не хочет в своей стране фашистского варварства,— писал в те дни Г. Димитров.— Его победа — это победа всей международной демократии, победа прогресса и культуры над фашистской реакцией, победа фронта мира над фашистскими поджигателями войны»⁵.

Верный принципам пролетарского интернационализма, советский народ выступил в первых рядах борцов за спасение испанской демократии. По всему Советскому Союзу прошли демонстрации солидарности с республиканской Испанией. На 120-тысячном митинге, состоявшемся

¹ О С П К — Объединенная социалистическая партия Каталонии, в которую влились четыре рабочие партии, в том числе коммунисты.

² Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 582.

³ К. М а й д а н и к. Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936—1937. М., 1960, стр. 170.

⁴ Д. И б а р р у р и. Единственный путь. Перевод с испанского. М., 1962, стр. 273.

⁵ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения в двух томах. Т. 1 (1906—1937 гг.). Перевод с болгарского. София, 1967, стр. 754.

3 августа 1936 г., трудящиеся Москвы решили собрать средства для защитников Испании; по инициативе работниц фабрики «Трехгорная мануфактура» отправлялись медикаменты, продовольствие, одежда. Только за три месяца 1936 г. в фонд помощи республике было собрано 47 млн. 595 тыс. рублей¹. Тысячи спасенных от смерти испанских детей обрели вторую родину в Советском Союзе. Оказывая посильную помощь революционным массам Испании, трудящиеся СССР рассматривали борьбу против агрессии фашистов не как частное дело испанцев, а как «общее дело всего передового и прогрессивного человечества»², — говорилось в телеграмме Генерального секретаря ЦК ВКП(б) ЦК компартии Испании.

Советский Союз решительно выступил против вмешательства фашистских держав во внутренние дела Испании, требовал от Лиги наций срочных мер для пресечения агрессии, прекращения снабжения мятежников оружием и снаряжением, вывода итало-германских войск. Но существовавшее международное соглашение о невмешательстве в испанские события на деле превратилось в средство удушения революции, лишь прикрывавшее военную помощь мятежникам со стороны фашистских государств.

Удовлетворяя просьбу правительства Кабальеро, Советское правительство дало согласие поставлять оружие и военную технику Испанской республике. В письме Советского правительства от 21 декабря 1936 г., адресованном Кабальеро, говорилось: «Мы считали и считаем своим долгом, в пределах имеющихся у нас возможностей, прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил»³.

Сначала поставка военных материалов оплачивалась той частью золотого запаса Испании, которая в октябре 1936 г. была депонирована в Государственном банке СССР. С осени 1938 г. правительство Советского Союза предоставило Испании кредит на сумму 85 млн. долларов⁴. Первые пароходы с советским оружием прибыли в Картахену и Аликанте в октябре 1936 г. Основной поток вооружения направлялся через черноморские порты. С октября 1936 г. по март 1937 г. более 25 судов СССР, Испании и других стран перевозили оружие и технику для республики⁵. За это время республиканская армия получила из Советского Союза 333 самолета, 256 танков, 60 бронеавтомобилей, 3181 станковый и 4096 ручных пулеметов, 189 тыс. винтовок, 1,5 млн. снарядов, 376 млн. патронов, 150 тонн пороха, 2237 тонн горюче-смазочных материалов. Кроме того, СССР направил 21 самолет, 16 танков, 243 орудия, 126 минометов, 874 пулемета, 62 640 винтовок, 441 тонну пороха, 11 автомашин, закупленных во Франции, Чехословакии, Швейцарии и других странах⁶.

Поставки осуществлялись на основе правил международной торговли. «Продавая нам оружие, — отмечал министр иностранных дел Испанской республики Х. Альварес дель Вайо, — русское правительство придерживалось обычных норм международного права»⁷.

Доставка оружия и техники была сопряжена с огромными трудностями из-за блокады морского побережья республики флотами Герма-

¹ Из истории международной пролетарской солидарности. Документы и материалы. Сборник V. Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом против развязывания второй мировой войны (1933—1937). М., 1961, стр. 384, 436.

² «Правда», 16 октября 1936 г.

³ Цит. по: Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 419.

⁴ Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939. М., 1972, стр. 240.

⁵ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6408, л. 5.

⁶ Там же, лл. 12—13.

⁷ J. Alvarez del Vayo. Freedom's Battle. New York, 1940, p. 78.

нии и Италии, а также политики французского правительства, неоднократно закрывавшего границу. С октября 1936 г. по июль 1937 г. фашистские пираты задержали 96 советских судов, а 3 из них потопили ¹. В 1960 г. франкистский адмирал Ф. Басторрече открыто признал, что за время войны в Испании фашистский флот (преимущественно итало-германский) потопил 53 и захватил 348 судов общим водоизмещением почти 650 тыс. тонн. Помимо того, им было задержано в море около 1000 судов.

Все это неблагоприятно сказывалось на объеме и темпах советской помощи. Трудность доставки оружия в республику заключалась еще и в том, что при проходе черноморских проливов транспорты попадали в поле зрения фашистских разведок, тут же сообщавших итальянскому флоту их названия и характер грузов ². Однако благодаря хорошо организованной системе проводки большинство кораблей благополучно прибывало в порты республиканской Испании.

Немаловажную роль в обеспечении проводки судов с оружием сыграл республиканский флот, для которого обеспечение морских коммуникаций являлось основным содержанием боевых действий. По данным советского главного морского советника в Испанской республике, доставка транспортов наиболее успешно осуществлялась с октября 1936 г по август 1937 г.

С августа 1937 г. вследствие усилившейся блокады поставки советской техники из черноморских портов резко снизились, а с октября их пришлось полностью прекратить. Они были возобновлены в декабре 1937 г. из балтийских и северных портов, но носили эпизодический характер из-за трудностей транспортировки грузов через территорию Франции.

Если до сентября 1937 г. Советскому Союзу удалось направить Испанской республике 52 транспорта с военными грузами, то в 1938 г. — только 13, а в январе 1939 г. — всего 3. Общее поступление боевой техники и оружия показано в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Оружие и боевая техника, поставленные СССР в республиканскую Испанию с октября 1936 г. по январь 1939 г.³

Боевая техника и вооружение	Периоды			Итого
	1 10 1936 г — 1 8 1937 г	14 12 1937 г — 11 8 1938 г	25 12 1938 г — 28 1 1939 г	
Самолеты	496	152	—	648
Танки	322	25	—	347
Бронеавтомобили	60	—	—	60
Орудия	714	469	3	1 186
Пулеметы	12 804	4 910	2 772	20 486
Винтовки	337 793	125 020	35 000	497 813

По просьбе правительства республиканской Испании Советский Союз направил военных специалистов и советников. Инструкция, которой они руководствовались, запрещала какое бы то ни было вмешательство во внутренние дела республики. В письме Советского правительства правительству Испании от 21 декабря 1936 г. подчеркивалось: «Им (советникам. — *Ред.*) категорически было предложено не упускать из виду, что при всем сознании солидарности, которым проникнуты в настоящее вре-

¹ АВП, ф 415, оп. 8, д. 3, лл. 15, 16, 17.

² DGFP Series D, vol. III, p. 433; Центральный государственный архив Советской Армии (далее — ЦГАСА), ф. 35082, оп 1, д. 381, л. 14.

³ Составлена по: ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6408, лл. 6—7, 12—13, 14—15.

мя испанский народ и народы СССР, советский работник, будучи иностранцем в Испании, может принести действительную пользу лишь при условии, если он будет строго придерживаться рамок советника и только советника»¹.

Советские военные специалисты оказали огромную помощь республиканцам в создании регулярной Народной армии, а также в подготовке и проведении важнейших операций против интервентов и мятежников. Нередко в критические минуты боя они сражались вместе с испанскими братьями, проявляя мужество и храбрость. Главными военными советниками республиканской армии в разные периоды войны были Я. К. Берзин, К. М. Качанов, Г. М. Штерн. Советниками в частях, соединениях и штабах работали П. И. Батов, П. П. Вечный, Н. Н. Воронов, П. А. Иванов, В. Я. Колпакчи, Н. Г. Лященко, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, М. И. Неделин, И. Н. Нестеренко, Е. С. Птухин, А. И. Родимцев, Б. М. Симонов, Я. В. Смушкевич, М. С. Шумилов, В. А. Юшкевич и другие. Большую помощь оказывали военные атташе советского посольства: В. Е. Горев, Н. Г. Кузнецов, генеральный консул в Барселоне В. А. Антонов-Овсеенко.

В составе республиканской авиации доблестно сражались более 160 советских летчиков-добровольцев. Среди них Ф. А. Агальцов, Н. Ф. Баланов, В. М. Бочаров, С. И. Грицевец, С. П. Денисов, П. А. Джибелли, К. И. Ковтун, К. И. Колесников, И. И. Копец, А. И. Минаев, Ф. Т. Опрощенко, Н. А. Остряков, М. М. Поливалов, Г. М. Прокофьев, И. И. Проскуров, П. В. Рычагов, А. К. Серов, С. Ф. Тархов, Б. М. Туржанский, Г. И. Тхор, П. В. Угроватов, И. А. Хаванский, М. А. Харьковский, В. С. Хользунов, М. Н. Якушин и другие. Мужественно боролись с врагом советские танкисты: П. М. Арман, К. Я. Билибин, С. М. Быстров, Ф. К. Ковров, С. М. Кривошеин, П. Е. Куприянов, А. В. Никонов, В. М. Новиков, С. К. Осадчий, Д. Г. Павлов, Д. Д. Погодин, Н. А. Селицкий, П. А. Цаплин, М. В. Юдин и другие. Вместе с испанскими моряками в охране морских коммуникаций и боевых действиях против военных кораблей противника участвовали советские моряки: В. А. Алафузов, Н. Е. Басистый, И. А. Бурмистров, А. Г. Головкин, В. П. Дрозд, Н. П. Египко, И. Д. Елисеев, С. С. Рамишвили и другие.

За все время войны в Испании на стороне республики сражались и трудились около 3 тыс. советских добровольцев — военных советников, летчиков, танкистов, моряков, различных специалистов и т. п. Около 200 добровольцев погибли, защищая республику. Лучшим из лучших 59 посланцам Советской страны за мужество и отвагу, проявленные в боях, было присвоено звание Героя Советского Союза².

Советские добровольцы снискали любовь и уважение испанского народа. В «Истории Коммунистической партии Испании» говорится: «Из той обширной моральной и материальной помощи, которую оказывала испанскому народу страна социализма, особо выделяется, как неувядаемое и волнующее воспоминание, деятельность героических советских добровольцев, прибывших в Испанию, чтобы обучить наших солдат и молодых командиров Народной армии обращению с новейшим военным снаряжением и современному военному искусству. Проявляя мужество и скромность, они показали, как следует сражаться в воздухе и на современных танках, как следует бороться с самолетами и танками противника. Советские добровольцы заслужили право занять почетное место в истории нашей войны»³.

¹ Цит. по: Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 420.

² ИВИ. Документы и материалы, ппв. № 6408, лл. 8, 15, 16, 19, 39.

³ История Коммунистической партии Испании. Краткий курс. Перевод с испанского. М., 1961, стр. 134.

Высоко оценил поддержку СССР премьер-министр Испанской республики Хуан Негрин: «Помощь, которую оказывал нам Советский Союз, была помощью без условий, советами без требований, она была предельно благородной и самоотверженной»¹.

Героическую борьбу испанского народа против фашизма активно поддерживали все демократические силы, отдававшие себе отчет в том, что от исхода битвы между демократией и фашизмом в Испании во многом зависят судьбы Европы. Во всем мире развернулось невиданное по размаху и мощи движение солидарности с испанским народом, в котором приняли участие представители различных классов и социальных групп, люди разных политических и религиозных убеждений. Особенно активную роль в этом движении играл международный пролетариат, коммунистические партии, профсоюзные и молодежные организации, прогрессивная интеллигенция.

Оказание эффективной помощи демократическим силам Испании являлось важнейшим интернациональным долгом мирового коммунистического движения. Исполком Коминтерна (ИККИ) стремился осуществить широкую программу единых действий всех антифашистских сил, которая предусматривала развертывание международной кампании в защиту Испанской республики, а также вербовку добровольцев, имеющих военную подготовку, для отправки в Испанию².

С этой целью 21 июня 1937 г. в Анмаса (Франция) по инициативе Коминтерна была организована встреча с делегацией Социалистического рабочего интернационала, на которой удалось достигнуть договоренности о проведении совместной политики в испанском вопросе³. Однако лидеры Социнтерна нарушили это соглашение. После Анмаса вплоть до конца войны в Испании они не откликнулись ни на один призыв Коминтерна и практически ничего не сделали в поддержку испанского народа. Подобная политика объективно облегчала маневры англо-французских «миротворцев» и способствовала фашистской агрессии в Испании.

ИККИ неоднократно обсуждал вопросы организации помощи Испанской республике. Для координации усилий, предпринимаемых компартиями и другими демократическими силами, был создан в Париже координационный комитет. Кроме сбора средств он занимался закупкой и отправкой в Испанскую республику оружия и военной техники. Французская компартия основала даже специальную компанию «Франс-Навигасьон»⁴.

Самым существенным вкладом мирового коммунистического и рабочего движения в борьбу испанского народа явилось создание интернациональных бригад. Первые группы антифашистов-добровольцев вступили в сражение еще в июле — августе 1936 г. Из многих стран земного шара стекались антифашисты в Испанию, чтобы вступить в бой с фашизмом.

Люди многих стран поняли, что фашистский мятеж в Испании — угроза и для них, и стремились отдать свой военный опыт, энтузиазм, организаторские способности делу справедливой борьбы испанского народа.

Добровольцы преодолевали большой и трудный путь, часто без паспортов и виз, без денег, в товарных поездах, в ящиках под вагонами, в трюмах пароходов; за ними охотились пограничная охрана, полиция, жандармерия, контрразведка. Приходилось следовать по бездорожью, глу-

¹ Цит. по: Д. П р и ц к е р. Подвиг Испанской республики. 1936—1939, стр. 202.

² Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, стр. 460.

³ Л. Л о н г о (Г а л л о). Интернациональные бригады в Испании. Перевод с итальянского. М., 1960, стр. 347, 351.

⁴ Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939, стр. 290.

хими ущельями и скалистыми горными перевалами. Польский антифашист Б. Нисенбаум, пробираясь в Испанию, сидел в тюрьмах Чехословакии и Австрии, перешел через Альпы и только после пяти месяцев мытарств сумел добраться до цели¹. Некоторые так и не смогли преодолеть все препятствия и погибли в пути. Однако никакие трудности не смогли удержать интернационалистов.

В городе Альбасете была организована база для формирования интернациональных бригад. Первая из них — XI, сформированная в конце октября 1936 г., уже 8 ноября вступила в бой под Мадридом. Вслед за ней были созданы XII, XIII, XIV, XV и 129-я бригады, принявшие активное участие в боях на различных участках фронта.

В интернациональных бригадах сражались антифашисты из 54 стран, в том числе 8,5 тыс. французов, около 5 тыс. немцев, почти 5 тыс. поляков, 4 тыс. итальянцев, 2 тыс. англичан, столько же чехов, 1,7 тыс. австрийцев, тысяча венгров². Общее число интернационалистов-добровольцев, по подсчетам одного из руководителей интербригад — К. Сверчевского, превысило 42 тыс. человек³. Интернационалисты потеряли в боях, пропавшими без вести, ранеными и умершими от ран не менее 20 тыс. бойцов⁴. Например, из итальянских добровольцев, участвовавших в боях, не менее 600 погибло и пропало без вести, в том числе 356 коммунистов, не менее 2 тыс. было ранено, в том числе 861 коммунист, не менее 100 взято в плен фашистами, в том числе 23 коммуниста, из них ни один не вернулся домой⁵.

Значительное количество бойцов и командиров интернациональных бригад составляли коммунисты: 39 процентов общего числа польских⁶, 46 — итальянских⁷, 55 — венгерских⁸, 70 процентов болгарских добровольцев⁹. Вместе с ними сражались тысячи социалистов, анархистов, либералов, католиков, протестантов, беспартийных рабочих, служащих, военных, студентов, представителей интеллигенции и т. п. Интернациональные бригады были реальным воплощением блока различных социальных сил — народного антифашистского фронта. Для оказания эффективной помощи испанскому народу Коминтерн и коммунистические партии направили в Испанию таких активных борцов с фашизмом, как П. Тольятти, Ф. Далем, В. Кодовилья, Л. Лонго, Т. Бак, Г. Баймлер, Г. Коль, К. Контерерас, М. Штерн, Г. Рейхер, К. Сверчевский, Ф. Мюнних, В. Чопич, Б. Парович, С. Димитров, М. Залка, Я. Гал, Дж. ди Витторио, А. Марти, Л. Ренн, Р. Фокс.

В конце 1936 г. интербригады стали пополняться испанскими бойцами, которые к лету 1937 г. составляли до 60 процентов их состава. В это же время из интербригад были сформированы 35-я и 45-я республиканские дивизии.

Интернациональные формирования сыграли важную роль в борьбе испанского народа против фашизма. Их высокая дисциплина и мужество,

¹ Ochotnicy wolności. Książka wspomnień dąbrowszczaków. Warszawa, 1957, str. 352.

² Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939, стр. 44, 86, 99, 128, 152, 193, 290, 314.

³ «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 172.

⁴ Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939, стр. 17.

⁵ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов. Под общей редакцией П. Тольятти. Перевод с итальянского. М., 1953, стр. 308.

⁶ «Z pola walki». Kwartalnik poświęcony dziejom ruchu robotniczego. Warszawa, 1965, № 1 (29), str. 185—186.

⁷ Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939, стр. 152.

⁸ Magyar önkéntesek a Spanyol nép szabadságharcában. Budapest, 1959, 21 old.

⁹ Д. С и р к о в. В защита на Испанската република. 1936—1939. София, 1967, стр. 99.

героическое поведение в боях способствовали укреплению морально-политического духа защитников республики, особенно на первом этапе войны, когда еще не было регулярной армии.

Интербригады являлись частью формировавшейся Народной армии республики. Декретом правительства от 23 сентября 1937 г. по предложению руководства интербригад они были включены в состав регулярной армии и подчинялись ее командованию.

Интернациональные бригады были выражением «пролетарского интернационализма, антифашистских чувств народов и подлинного патриотизма... Беспредельный героизм, проявленный иностранными добровольцами во многих сражениях.. служил стимулом и примером для бойцов-испанцев; образцы сплоченности и дисциплины, проявленные «добровольцами свободы», находили благотворный отклик на фронте и в тылу. Героические интернациональные бригады завоевали право занять почетное место в рядах тех, кто на протяжении всей истории человечества сражался за свободу, прогресс и мир; они завоевали вечную благодарность всех испанских демократов»¹ — так компартия Испании оценила вклад интернациональных бригад в борьбу испанского народа с фашизмом.

Формировавшаяся в ходе упорных боев Народная армия успешно отбивала все атаки противника на Мадрид. Провал попыток овладеть столицей лобовыми атаками заставил фашистское командование изменить направление ударов. В феврале 1937 г. оно нанесло удар на южном фронте в районе Малаги силами итальянского экспедиционного корпуса в составе четырех дивизий. Итальянцам удалось сломить сопротивление разрозненных здесь частей республиканцев и 8 февраля захватить Малагу. Одновременно фашисты перешли в наступление на реке Харама южнее Мадрида, пытаясь окружить его. Для нанесения удара они сосредоточили свои лучшие силы, поддерживаемые немецкими танками, артиллерией и авиацией. Однако теперь противнику противостояли не разрозненные отряды милиции, а закаленные в боях части регулярной Народной армии.

Республиканские войска и интербригады не только выдержали удар фашистов, но, измотав их в оборонительных боях, 18 февраля перешли к решительным контратакам и потеснили врага к исходным позициям. Битва на Хараме была первым крупным сражением, которое выиграла Народная армия республики.

Позднее Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов писал: «По характеру и массовости боевых действий войск, по боевому применению новейшего вооружения и боевой техники Харамское сражение может быть отнесено к сражениям современной войны»². Стойкость республиканских войск, их наступательный порыв были столь велики, что франкистский генерал А. Кинделан вынужден отметить в своих мемуарах: «...никогда еще противник не действовал так решительно, никогда еще он не был так готов к штурму»³.

Потерпев поражение на реке Харама, мятежники и интервенты 8 марта предприняли новое наступление на столицу — с севера, из района Гвадалахары, силами итальянского экспедиционного корпуса. Республиканцы имели здесь лишь плохо вооруженную дивизию неполного состава. Прорвав фронт, итальянцы стремительно двинулись на Мадрид. Республиканское командование перебросило войска с южного участка мадридского фронта, что позволило в короткий срок создать группировку в составе трех пехотных дивизий, двух полков кавалерии и танковой бригады⁴.

¹ История Коммунистической партии Испании. Краткий курс, стр. 135—136.

² Под знаменем Испанской республики 1936—1939. М., 1965, стр. 125.

³ А. Кинделан. Mis cuadernos de guerra. Madrid, 1945, p. 65.

⁴ Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I, стр. 570.

Сюда же была переброшена почти вся авиация. Измотав противника упорной обороной, республиканцы 18 марта нанесли контрудар. Итальянцы были отброшены от стен Мадрида. Победа под Гвадалахарой убедительно показала всему миру, что республиканская армия способна не только успешно обороняться, но и столь же успешно наступать.

Весной 1937 г. перед Испанской республикой открылись новые перспективы. К этому времени на центральном и южном участках фронта завершилось создание регулярной Народной армии. В начале мая республиканцы имели под ружьем более 410 тыс. человек, а франкисты — 258 тыс. Благодаря помощи Советского Союза защитники республики добились временного перевеса сил в танках и авиации. Если в ноябре 1936 г. у них в строю было 98 самолетов, в марте 1937 г. — 118, в мае — 226, то в июне — 278 самолетов, в то время как у интервентов и мятежников в июне — 230 самолетов¹. Хотя и крайне медленно, налаживалось производство патронов, снарядов, гранат, броневигов и т. д. Командование республиканской армии приступило также к формированию тактических резервов.

Достигнутые успехи следовало незамедлительно закрепить наступательными операциями. Но вместо этого глава правительства Кабальеро при поддержке лидеров анархо-синдикалистов, опасаясь роста авторитета компартии, мешал выполнению тех декретов, которые были подписаны под влиянием коммунистов. Он пытался даже запретить всякую партийную деятельность в армии и сместить членов КПИ с командных постов. Завершение строительства регулярной армии затягивалось, единое командование, несмотря на предложения компартии, так и не было создано. Советский главный военный советник Г. Штерн отмечал, что, «боясь коммунистов, «вожди» хотят растащить или угробить основную силу революции — мадридскую армию, а если надо, то и с Мадридом вместе...».

В начале мая 1937 г. лидеры ФАИ и ПОУМ, используя терпимость к ним Кабальеро, спровоцировали контрреволюционный путч в Каталонии, пытаясь подорвать единство народного фронта и захватить власть в свои руки. Путч был подавлен, а Кабальеро 17 мая ушел в отставку.

Новое правительство возглавил видный деятель социалистической партии Х. Негрин. Правительство Негрина энергично приступило к осуществлению мер, необходимых для укрепления обороны республики. В короткий срок на всех фронтах (кроме Севера) было покончено с остатками милиционной системы в армии, создано единое военное министерство (вместо бывших трех — военного, морского и воздушного). Руководство всеми операциями сосредоточилось в главном штабе под началом генерала В. Рохо. Повысилась роль высшего военного совета. Принимались меры по укреплению тыла.

Лето и осень 1937 г. явились периодом наибольших успехов компартии. В сентябре она насчитывала 329 тыс. членов, из которых 167 тыс. находились в действующей армии. Численность входивших в КПИ коммунистов Бискайи и Каталонии составляла соответственно 22 и 64 тыс. человек. 17 августа представители КПИ и социалистической партии подписали программу совместных действий, что значительно способствовало объединению сил в народном фронте.

Чтобы ослабить наступление фашистов на Бильбао и Сантандер, а республиканским войскам Севера дать возможность перегруппироваться и привести себя в порядок, командование летом и осенью 1937 г. осуществило целую серию наступательных операций.

В начале июля 1937 г. республиканцы силами трех корпусов, насчитывавших более 60 тыс. солдат и офицеров, 129 танков, 43 броневика,

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6408, лл. 31—35.

217 орудий и 140 самолетов¹, нанесли внезапный удар по фашистским войскам под Мадридом в направлении Брунете. В течение двух дней они заняли большую территорию, но затем, хотя противник не оказал серьезного сопротивления, прекратили наступление, рассчитывая перемолоть резервы врага в обороне. Фашистское командование вынуждено было временно приостановить наступательные операции на Севере и перебросить свои войска под Мадрид. Здесь развернулись изнуряющие кровопролитные бои. В конце июля мятежникам удалось прорвать фронт республиканцев и оттеснить их на прежние позиции, а затем возобновить наступление на Севере.

Вторая крупная операция (август — сентябрь 1937 г.) была осуществлена республиканскими силами (8 дивизий) в районе Сарагосы. Преодолевая упорное сопротивление врага, республиканские части в сложных условиях горной местности успешно продвигались вперед и даже прорвались на внешний обвод укреплений Сарагосы. Однако эти действия не смогли задержать фашистского наступления на Севере, где 22 октября противник захватил последний оплот республиканцев — город Хихон.

Операции показали возросшую боеспособность Народной армии, но поставленная цель не была достигнута. В действиях республиканцев повторялась одна и та же ошибка: стремление овладеть сразу многими второстепенными объектами, что приводило к распылению сил. Республика не имела четкого стратегического плана ведения войны, вследствие этого тактические успехи на одних фронтах не получали поддержки на других. Нечеткое управление и взаимодействие ослабляли силу удара, истощали ресурсы.

Республиканское командование недооценило необходимость создания стратегических и оперативных резервов. Лишь в июле 1937 г. оно приступило к их формированию, создав для этой цели маневренную армию в составе трех корпусов.

К концу 1937 г. выявилось серьезное несоответствие между общими успехами, достигнутыми республикой, и методами военного и политического руководства, которые не обеспечивали выполнение стоящих перед страной задач. Революционный энтузиазм масс разбивался о косность и инертность высших командиров, скованных профессиональными предубеждениями и обветшалыми традициями. Последние придерживались пассивно-оборонительной стратегии, не верили в творческие силы трудящихся. Характер же национально-революционной войны требовал смелых, наступательных действий с широким привлечением народных сил. Пропасть между воодушевлявшими народ идеями и целями, с одной стороны, и позицией ответственных руководителей армии и страны, с другой, углублялась на протяжении всей войны. В трудные для республики моменты сепаратисты, «оборонцы» и капитулянты подрывали ее силы.

Военный министр социалист И. Прието проводил политику своего предшественника Кабальеро. Он не верил в возможность победы и стремился во что бы то ни стало, даже ценой ослабления армии и тыла, подорвать влияние компартии. С потерей северных провинций (октябрь 1937 г.) в армии и руководстве некоторых партий народного фронта возникли капитулянтские настроения.

Несмотря на это, даже в условиях ухудшения международного положения республики и усиления интервенции подавляющее большинство испанского народа и армии верило в победу правого дела. В декабре 1937 г. республиканцы провели крупную операцию под Теруэлем, пытаясь предотвратить готовившееся фашистами наступление на Мадрид. В районе Теруэля они сосредоточили 5 корпусов, в том числе части хорошо воору-

¹ Guerra y revolución en España. Т. III. М., 1971, p. 148, 149.

женной и обученной маневренной армии, 135 орудий, 92 танка, 60 броневиков и почти всю авиацию¹. К 22 декабря части Народной армии завершили окружение Теруэля, а в начале января 1938 г. полностью овладели городом.

Посчитав эту операцию законченной, республиканцы начали отводить войска и технику на южный фронт. Фашистское командование, воспользовавшись этим, бросило на Теруэль крупные силы. В течение января — февраля в этом районе разгорелись ожесточенные бои. Обескровленные дивизии республиканцев были вынуждены сдать город.

Неудача под Теруэлем значительно ослабила республиканскую армию. В начале марта 1938 г. фашистские войска перешли в наступление на восточном фронте. Республиканцы оказались не в состоянии остановить врага. 15 апреля части противника вышли к Средиземному морю в районе Винароса, отрезав Каталонию от центральной и южной зон страны. Отсюда фашистские войска начали наступление на Валенсию. Стремясь сломить героическое сопротивление испанских патриотов, германская и итальянская авиация усилила бомбардировки городов. Только в первой половине 1938 г. она совершила более 600 налетов на Барселону, Валенсию, Аликанте и Мадрид.

В середине апреля на восточном фронте сложилось крайне тяжелое положение. В докладе начальника главного штаба В. Рохо премьер-министру Х. Негрину указывалось, что части этого фронта потеряли в боях около 100 тыс. винтовок, 3 тыс. пулеметов, всю сеть связи, 30—40 процентов транспорта. Если накануне фашистского наступления на восточном фронте республиканцы имели 220 тыс. бойцов, то в середине апреля их осталось около 88 тыс.

В эти тяжелые для республики дни Англия, США и Франция выступили прямыми пособниками интервентов. 16 апреля, на второй день после прорыва франкистов к Средиземному морю, Англия заключила «джентльменское соглашение» с Италией, признав особые интересы Италии в Испании. Как вынуждена была отметить английская газета «Ньюс кроникл», это соглашение явилось позорным договором с итальянским диктатором, который заключен с целью удушения демократии в Испании².

В мае испанское правительство обратилось в Лигу наций с требованием применить коллективные действия против агрессоров на основании статьи 16 Устава, но творцы политики «невмешательства» сделали все возможное, чтобы не допустить этого. Более того, 13 июня 1938 г. французское правительство окончательно закрыло франко-испанскую границу, а конгресс Соединенных Штатов отклонил предложение о снятии эмбарго на продажу оружия республиканской Испании. Правительства «демократических» стран Запада, по существу, открыто встали на путь поддержки фашистской агрессии, на путь борьбы против демократии. Возник единый империалистический фронт против республиканской Испании.

Тяжелое положение на фронте пытались использовать капитулянтские элементы, сгруппировавшиеся вокруг Прието. Они требовали прекращения сопротивления и заключения «почетного мира» с Франко. Республика оказалась в опасности. В этой обстановке по требованию компартии и под давлением народных масс Прието был выведен из состава правительства. Были предприняты решительные меры, чтобы изменить положение на фронте: спешно формировались новые части, развернулось строительство укреплений, расширялось военное производство. 30 апреля правительство опубликовало широкую политическую программу, извест-

¹ J. M o d e s t o. Soy del quinto regimiento, p. 138—139.

² «The News Chronicle», November 16, 1938.

ную под названием «13 пунктов», которая явилась основой для сплочения всех антифашистских сил Испании. Компартия полностью поддержала эту программу и призвала создать национальный фронт, чтобы вовлечь в борьбу с интервентами жителей не только республиканской зоны, не принадлежавших ни к какой партии, но и тех жителей оккупированной зоны, которые находились под влиянием фашистских организаций¹. Неутомимая пропагандистская и организационная деятельность компартии в массах позволила консолидировать народный фронт, мобилизовать трудящихся на усиление сопротивления врагу.

Чтобы сорвать планы врага, республиканское командование приняло крупное наступление на каталонском фронте. 25 июля войска республиканцев форсировали реку Эбро в нижнем ее течении на 150-километровом фронте и, отбросив застигнутого врасплох врага, начали быстро продвигаться вперед. Фашистское командование было вынуждено прекратить наступление на Валенсию и срочно перебросить силы против республиканцев, наседавших с севера.

В июле 1938 г. «комитет по невмешательству» принял решение о выводе всех добровольцев из Испании. Правительство республики, стремясь добиться отзыва войск итало-германских интервентов и учитывая, что республиканская армия в это время насчитывала 869 тыс. человек, согласилось отозвать интербригады. Германия и Италия с ведома Лондона и Парижа превратили это решение в фарс: эвакуировав потрепанные части, они взамен прислали новые.

В середине ноября под натиском превосходящих сил врага республиканцы вынуждены были оставить плацдарм на западном берегу Эбро. Неудача на Эбро и последствия мюнхенского сговора отрицательно сказались на моральном духе Народной армии и населения. Не хватало продовольствия.

К концу 1938 г. на исходе были людские резервы. За 1937—1938 гг. в армию было призвано около 1 млн. человек (7,1 процента из 14 млн. населения). Промышленность в основном обеспечивала фронт боеприпасами, но армии не хватало стрелкового оружия. Республиканцы уступали противнику в авиации, артиллерии, танках.

В конце декабря 1938 г. фашисты начали большое наступление в Каталонии. В нем участвовало более 400 тыс. человек при поддержке танков, артиллерии, авиации. Противник превосходил войска республиканцев по численности и огневой мощи в два раза, а на направлениях главных ударов — в четыре-пять раз.

Каталонская армия имела 176 тыс. бойцов, 240 танков и броневинов, 134 самолета, около 280 орудий, причем значительная часть техники была изношена в боях. Части республиканцев оказали стойкое сопротивление врагу, и лишь огромное превосходство фашистов в технике позволило им неуклонно развивать наступление.

К 9 февраля 1939 г. Каталония полностью оказалась в руках фашистов. Потеря лучших сил республиканской армии, большого количества вооружения и основной промышленной базы явилась тяжелым ударом для республики.

Но даже в такой ситуации республиканцы еще могли сопротивляться: в центральной и южной зонах армия насчитывала 700 тыс. человек, имела 280 танков и броневинов, 100 самолетов² с достаточным количеством боеприпасов и опиралась на пояс мощных укреплений. Однако моральный дух армии и населения был подорван поражением в Каталонии, пропагандой капитулянтов, усталостью, трудностями в снабжении про-

¹ История Коммунистической партии Испании. Краткий курс, стр. 186.

² Э. Листер. Наша война, стр. 289.

довольствием, ухудшением международного положения республики из-за признания Англией и Францией правительства Франко. Предательские элементы во главе с командующим армией центра полковником С. Касадо и правым социалистом Х. Бестейро воспользовались обстановкой и при поддержке английской разведки развернули подготовку к контрреволюционному перевороту. Так в последний период войны против республики выступили все, кто предпочел фашизм победе демократической революции.

Капитулянты активизировались и в правительстве Негрина, пребывавшем после падения Каталонии в полном бездействии. Главный удар заговорщики нацеливали против компартии, которая предпринимала попытки организовать дальнейшее сопротивление врагу. Коммунистов обвиняли в том, что они, препятствуя заключению «почетного мира» с Франко, стремятся затянуть кровопролитие. Правительство так и не предприняло реальных попыток подавить заговор в зародыше. 4 марта заговорщики подняли мятеж в Картахене, а 5 марта захватили власть в Мадриде. Народный фронт распался, правительство Негрина покинуло страну.

Только коммунисты попытались оказать сопротивление предателям. Однако большинство частей, руководимых коммунистами, находилось на фронте, а те тыловые части, которые были брошены на подавление мятежа, не смогли его ликвидировать.

Предатели начали переговоры с Франко об условиях перемирия, но тот потребовал немедленной капитуляции. 28 марта фронт был открыт предателями, и к 30 марта вся территория республики оказалась занятой фашистскими войсками.

Война в Испании была одной из самых кровопролитных в Европе перед новой мировой войной. В ходе военных действий, воздушных боев, бомбардировок и репрессий на захваченных франкистами территориях погибло более 1 млн. человек.

Поражение Испанской республики укрепило стратегические и политические позиции фашистских держав в Западной Европе, позволило им дезорганизовать и ослабить сопротивление фашизму со стороны демократических сил. Испанская демократия погибла в результате действий ряда неблагоприятных для нее внешних и внутренних факторов. Важнейшие из внешних факторов, предопределивших поражение испанского народа, — итало-германская интервенция и англо-французская политика «невмешательства».

Советский Союз сделал все возможное, чтобы помочь антифашистским силам Испании, но географическая отдаленность и противодействие правительств Англии и Франции препятствовали его усилиям. При всем размахе движения солидарности с Испанской республикой раскол в рядах рабочего класса и капитулянтская политика правых социал-демократов привели к неблагоприятному для нее соотношению сил на международной арене.

В поражении испанской демократии сыграли свою роль и внутренние факторы. Отсутствие прочного единства рабочего класса и народного фронта ослабляло сплоченность антифашистских сил, не позволяло пролетариату обеспечить свою гегемонию в коалиции с антифашистскими партиями, пресечь подрывную деятельность капитулянтов и пораженцев. Промедление с созданием регулярной армии привело к потере значительной части территории республики в начальный период войны, а преобладание оборонительной стратегии помешало нанести мощные удары по врагу, что могло бы обеспечить перелом в военных действиях в пользу республики. Не была создана и военная экономика, на необходимость которой указывала компартия.

Борьба мужественного испанского народа, продолжавшаяся 986 дней, имела большое историческое значение. Это было серьезное препятствие на пути развязывания агрессорами второй мировой войны.

В противоборстве с фашизмом политика народного фронта прошла суровое испытание на прочность и жизнеспособность. Идея единства коммунистов, социалистов, католиков, республиканцев, беспартийных, проверенная в огне сражений на Пиренейском полуострове, получила впоследствии развитие в ходе борьбы трудящихся во многих странах. Опыт боев в Испании явился настоящей боевой школой для будущих руководителей антифашистского движения, борцов за демократию и социализм, многие из которых стали видными руководителями коммунистических партий, народных правительств и армий народно-демократических и социалистических государств.

3. Борьба китайского народа против агрессии японского империализма

Неблагоприятные внешние и внутренние условия борьбы народа Китая за независимость, территориальную целостность и свободу особенно настоятельно требовали национального единства.

Китай находился в полуколониальной зависимости от крупнейших империалистических держав. Промышленность и сельское хозяйство были на крайне низком уровне. В стране преобладало мануфактурное и кустарно-ремесленное производство, а на долю тяжелой индустрии приходилось лишь 18,1 процента всей продукции¹. К 1937 г. в Китае добывалось не более 16 млн. тонн угля, 1,2 млн. тонн железной руды, 500 тонн нефти; 21 доменная печь производила 1 млн. тонн металла в год². При населении 450 млн. рабочий класс насчитывал лишь 5 млн. человек, из них 3 млн. были заняты на мелких полукустарных предприятиях³.

Сельское хозяйство не обеспечивало потребностей страны в продовольствии и сырье. Более пятидесяти процентов безземельных крестьян арендовали землю на кабальных условиях у помещиков⁴. Структура внешнеторгового оборота была типичной для полуколониальной страны⁵. Развитию экономики Китая препятствовало усиленное проникновение иностранного капитала, которому в 1937 г. принадлежало около 65 процентов всех вкладов в китайскую промышленность⁶.

В стране продолжалась затяжная гражданская война между войсками гоминьдановского правительства и народно-революционными армиями Китая.

Еще в те месяцы, которые отделяли нападение Японии на Маньчжурию от ее дальнейшего вторжения в Китай, народ страны в многотысячных стачках и забастовках, массовых шествиях и демонстрациях изъяснял волю дать отпор японской агрессии. Распространенной формой анти-японского движения был бойкот японских товаров, он охватил почти все торговые центры. Повсюду возникали «союзы за спасение родины», создавались пункты сбора пожертвований в фонд защиты страны.

На оккупированной территории Китая ширилась борьба с агрессорами. К концу 1935 г. в Маньчжурии действовали семь партизанских

¹ «Советское китаеведение», 1958, № 1, стр. 62—63.

² В. М а с л е н н и к о в. Китайский народ в борьбе за свободу и независимость. М., 1948, стр. 48.

³ The Chinese Year-book. 1935—1936. Shanghai, S. a., p. 901.

⁴ I b i d., p. 841.

⁵ М. С л а д к о в с к и й. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953, стр. 288.

⁶ Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959, стр. 267.

армий, в 1936—1937 гг. было создано еще четыре. В них сражалось более 450 тыс. человек¹. В начале 1937 г. эти армии были сведены под единое командование Объединенной северо-восточной антияпонской армии, руководство которой осуществлял видный деятель компартии Китая Ян Цзин-юй.

С этого времени Объединенная антияпонская армия стала действовать согласованно с 8-й и Новой 4-й армиями. Для лучшего осуществления взаимодействия Объединенная армия была разделена на три фронтовых объединения. Первое — под командованием Ян Цзин-юя — состояло из 1-й и 2-й армий и действовало на юге; второе — под командованием Чжоу Бао-чжуна — объединило 4, 5, 7, 8-ю армии и оперировало на востоке; третье фронтовое объединение под командованием Ли Чжао-линя в составе 3, 6, 9, 11-й армий действовало на севере Маньчжурии.

Для успешной борьбы против японской агрессии необходим был единый антияпонский фронт. Инициатором создания такого фронта выступила Коммунистическая партия Китая. Коминтерн всемерно помогал КПК в решении этой задачи. Еще летом 1935 г. Исполком Коминтерна настоятельно советовал китайским коммунистам сплотить все силы страны. В его рекомендациях говорилось, что в этот фронт должны входить все слои китайского общества, а острие борьбы КПК должно быть направлено против японских агрессоров, капитулянтов и контрреволюционеров.

Ныне китайская историография замалчивает особое значение решений VII конгресса Коминтерна и выработанного с помощью ИККИ «Обращения ЦК КПК и китайского советского правительства к народу об отпоре Японии и спасении родины» от 1 августа 1935 г.². Выдающееся значение этого обращения состояло в том, что впервые компартия Китая обращалась ко всем партиям и политическим группировкам с призывом «прекратить гражданскую войну, с тем чтобы мобилизовать всю мощь страны (людские резервы, материальные и финансовые ресурсы и вооруженные силы) на борьбу за священное дело сопротивления Японии и спасения родины»³.

Новая тактика китайских коммунистов предусматривала временный союз с гоминьданом и сосредоточение основных сил партии и рабочего класса на борьбе против японских оккупантов.

В создавшейся обстановке компартии нелегко было изменить свою тактику. Главным препятствием стала деятельность левых сектантов в руководстве КПК, скрытыми единомышленниками которых были Мао Цзэ-дун и его сторонники⁴. Они не проводили различия между национальной буржуазией и близкими к ней в гоминьдане общественными группами, с одной стороны, и стоявшими у власти реакционными помещиками и компрадорской буржуазией — с другой.

Сторонники левосектантских взглядов главным врагом китайского народа считали гоминьдановцев и исключали возможность сотрудничества с ними в борьбе против японских захватчиков. Левые сектанты не учитывали противоречий между гоминьдановцами и японскими империалистами. Подобные взгляды, прикрывающиеся ссылками на особые китайские условия, свидетельствовали об отступлении от принципов марксизма-

¹ 中国革命史讲义, 北京, 1959年, 321, 322页。 Есть основания полагать, что эти данные завышены.

² Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении (далее — Коминтерн и Восток). М., 1969, стр. 350, 351.

³ 吳民, 萧枫, 从「五四」到中华人民共和国的诞生, 北京, 1951年, 147—148页。

⁴ Новейшая история Китая. 1917—1970. М., 1972, стр. 181.

ленинизма, о неумении правильно применять его положения в конкретных условиях ¹.

Действия китайской Красной армии против гоминьдановских войск становились теперь несвоевременными. Они могли привести лишь к расширению гражданской войны, большим потерям и срыву единого фронта. Необдуманно было наступление в начале 1936 г. по так называемому «стратегическому плану» Мао Цзэ-дуна. Хотя этот «поход» из провинции Шэньси через реку Хуанхэ в провинцию Шаньси проводился под лозунгом борьбы против японских захватчиков, он был направлен против гоминьдановских войск. Красная армия, понеся значительные потери от превосходящих сил гоминьдановцев, была вынуждена вернуться в Шэньси ². Однако вскоре командования северо-восточной и северо-западной армий гоминьдана (маршал Чжан Сюэ-лян и генерал Ян Ху-чэн) согласились на переговоры с представителями КПК.

Заключению перемирия между обеими сторонами способствовали сильные антияпонские настроения личного состава северо-восточной армии, солдаты и офицеры которой в основном были выходцами из Маньчжурии и тяжело переживали оккупацию родных мест. Не считаясь с этим, руководство КПК планировало создать совместно с армиями Чжан Сюэ-ляна, Ян Ху-чэна и юго-западной группировкой милитаристов, выступившей за отпор Японии, объединенную армию, чтобы ударить с севера и юга по армиям нанкинского правительства ³. Следовательно, руководители КПК во главе с Мао Цзэ-дуном делали главный упор на вооруженную борьбу против Чан Кай-ши, а не против агрессоров. Такая позиция, по существу, только содействовала японской агрессии в Китае.

Коминтерн подверг критике ошибочную линию руководства КПК ⁴ и рекомендовал пересмотреть отношение к гоминьдану в целом и к нанкинскому правительству в частности. Он указал, что одновременная борьба КПК против японских захватчиков и нанкинского правительства ошибочна и, более того, авантюристична. Для борьбы с Японией необходимо добиться соглашения с гоминьданом, используя его вооруженные силы как самые мощные в стране ⁵. Рекомендации Коминтерна, обобщавшие мнение той части КПК, которая придерживалась марксистско-ленинских позиций, помогли китайским коммунистам преодолеть ошибочную линию Мао Цзэ-дуна и его группы.

25 августа 1936 г. ЦК КПК обратился к гоминьдану с письмом, в котором предлагал сотрудничество в борьбе против общего врага, а 17 сентября Политбюро ЦК КПК приняло решение, обосновавшее новую политику КПК в отношении гоминьдановского правительства.

Однако Чан Кай-ши намерен был продолжать боевые действия против Красной армии Китая. В начале декабря 1936 г. он прибыл в Сиань,

¹ Левосектантские взгляды в руководстве КПК и Центрального советского района проявились еще в 1933 г., когда командование 19-й гоминьдановской армии, восставшей против Чан Кай-ши, обратилось к этому руководству с предложением о сотрудничестве в борьбе с японскими захватчиками. Однако Мао Цзэ-дун, подталкивая 19-ю армию на решительные действия против войск Чан Кай-ши, не допустил предоставления ей необходимой поддержки. Вскоре 19-я армия была разгромлена. Это явилось одной из причин вынужденного стратегического отступления войск 1-го фронта на север страны (Новейшая история Китая. 1917—1970, стр. 154—155). Впоследствии группа Мао Цзэ-дуна обвинила в левосектантском уклоне своих противников — сторонников линии Коминтерна Ван Мина и Бо Гу.

² В этих боях погиб один из выдающихся военных деятелей КПК — основатель революционной базы Шэньси — Ганьсу — Нинся Лю Чжи-дань (新名詞辞典, 上海, 1952年, 9021頁).

³ Коминтерн и Восток, стр. 361.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, стр. 81—95.

⁵ Там же, стр. 88—89.

где размещались штабы Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна, заключивших с КПК соглашения о перемирии и подготовке к совместной борьбе с японскими захватчиками, намереваясь использовать эти армии для междоусобной войны. Убедившись в намерениях Чан Кай-ши, войска этих армий арестовали его и прибывших с ним руководителей гоминьдана.

Эти события свидетельствовали о внушительной оппозиции в самой гоминьдановской армии. В то же время было очевидным, что от мирного решения инцидента зависело не только прекращение гражданской войны, но и судьба единого антияпонского национального фронта. Коминтерн справедливо считал, что в той обстановке лишение Чан Кай-ши свободы, а тем более жизни, на чем особенно настаивал Мао Цзэ-дун¹, было бы ошибочным. ИККИ рекомендовал ЦК КПК разрешить конфликт мирными средствами². По совету ИККИ в декабре 1936 г. в Сиани собрались представители ЦК КПК и командования Красной армии — Чжоу Эн-лай, Е Цзянь-ин, Бо Гу и другие. В результате двухнедельных переговоров с Чан Кай-ши было достигнуто устное соглашение о прекращении гражданской войны³.

Своевременные, решительные рекомендации Коминтерна руководству КПК, поддержанные большинством китайских коммунистов, предотвратили опасный курс, на который толкали партию Мао Цзэ-дун и его окружение. В апреле 1937 г. КПК и гоминьдан заключили соглашение о сотрудничестве. Гоминьдановские лидеры обещали отказаться от войны против КПК и ее армии. В свою очередь коммунисты обязались преобразовать Красную армию в «воинскую единицу Национально-революционной армии»⁴, подчинив ее центральному правительству и военному комитету в Нанкине⁵.

Однако обе стороны оказались непоследовательными в проведении общей политики. Гоминьдановцы на отдельных участках продолжали вести боевые действия против войск Красной армии и партизанских отрядов, возглавляемых коммунистами, а руководство КПК, прежде всего Мао Цзэ-дун, признавшее, что противоречия между КПК и гоминьданом заняли «второстепенное, подчиненное место», в качестве первоочередной задачи вновь выдвигало «замену режима»⁶. Эта политика Мао Цзэ-дуна, а также поражение недостаточно подготовленного «западного похода» войск 4-го фронта Красной армии (35 тыс. человек) в Синьцзян в конце 1936 — начале 1937 г., почти полностью разгромленных превосходящими силами местных милитаристов, мусульманских генералов из рода Ма, значительно ослабили военные силы КПК и нанесли огромный ущерб делу борьбы против японских агрессоров.

Тем не менее к лету 1937 г. были созданы условия для объединения всех сил китайского народа на борьбу с японскими захватчиками. Под давлением народных масс лидеры гоминьдана и руководители КПК были вынуждены прекратить гражданскую войну и искать пути для сотрудни-

¹ Об этом рассказывает американский журналист и проповедник маоизма Э. Сноу, находившийся в то время в Яньани (E. Snow. Random Notes on Red China (1936—1945). Harvard, 1957, p. 1).

² «Коммунистический Интернационал», 1936, № 18, стр. 76.

³ Современная китайская историография замалчивает значение ИККИ в мирном разрешении сианьского конфликта, приписывая главную роль руководству КПК во главе с Мао Цзэ-дуном (Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 1. Перевод с китайского. М., 1952, стр. 436; Мао Чу-хуан. Краткая история КПК. Перевод с китайского. М., 1958, стр. 144; Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. Перевод с китайского. М., 1952, стр. 48; История современной китайской революции, стр. 341).

⁴ Очерки истории Китая в новейшее время, стр. 294.

⁵ 中国革命史参考资料, 四期, 北京, 1957年, 4页.

⁶ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 1, стр. 457.

чества. Война Японии против Китая, начавшаяся в июле 1937 г., ускорила создание единого фронта. 23 сентября Чан Кай-ши официально согласился сотрудничать с КПК, признав легальное положение компартии, существование особого пограничного района и вооруженных революционных сил.

Образование единого антияпонского национального фронта — важное завоевание китайского народа, победа линии Коминтерна. В этот фронт вошли все слои китайского общества: рабочие, крестьяне, национальная буржуазия, а также часть помещиков.

22 августа 1937 г. в результате переговоров между представителями гоминьдана и КПК был издан приказ о переименовании главных сил Красной армии, находившихся тогда на северо-западе страны, в 8-ю национально-революционную армию Китая (в соответствии с нумерацией войсковых соединений, сражавшихся на фронте, она впоследствии стала называться 18-й армейской группой 2-го военного района). Командующим армией был назначен Чжу Дэ, его заместителем — Пэн Дэ-хуай, начальником штаба — Е Цзянь-ин, начальником политуправления — Жэнь Би-ши. В 8-ю армию вошли три дивизии: 115-я (войска бывшего 1-го фронта и 15-й полк Красной армии) — командир Линь Бяо, заместитель Не Жун-чжэнь; 120-я (2-й фронт) — командир Хэ Лун, заместитель Сяо Кэй; 129-я (бывшие войска 4-го фронта) — командир Лю Бо-чэн, заместитель Сюй Сян-цян. После реорганизации 8-я армия, численность которой была определена в 45 тыс. человек, выступила на фронт в провинцию Шаньси. Семь охранных полков, военно-политическая академия, высшая партийная школа остались в Шэньси.

8-я армия сразу включилась в боевые действия. В конце сентября 1937 г. части 115-й дивизии этой армии, заманив 5-ю японскую дивизию генерала Итагаки в дефиле в районе горного прохода Пинсингуань, нанесли внезапный удар с флангов и тыла. Они вывели из строя более 3 тыс. солдат и офицеров противника, захватили много транспорта, конского состава, вооружения, задержав на некоторое время продвижение японских войск к Тайюаню ¹. Через месяц части 129-й дивизии совершили внезапный налет на японский аэродром и уничтожили более 20 самолетов ².

Несмотря на достигнутое между КПК и гоминьданом соглашение, в гоминьдане продолжали господствовать прояпонские настроения, а руководство КПК встало на путь «всемерного сохранения своих сил» и проведения «самостоятельных», «независимых» боевых операций ³ преимущественно в виде партизанских действий на оккупированной японцами территории. Еще 16 июля 1936 г. в беседе с Э. Сноу Мао Цзэ-дун сказал, что в войне с Японией «мы должны будем избегать всяких крупных, решительных сражений» ⁴.

Линь Бяо писал по этому поводу в Коминтерн: «Когда начались бои между японской армией и армией гоминьдана, я неоднократно запрашивал разрешения у ЦК организовать против японцев сильный удар. Ответа я никакого не получил, и мне пришлось дать бой под Пинсингуанем по своей инициативе... Эта победа в решительной форме изменила создававшуюся в то время критическую обстановку в Северном Китае и привела к тому, что народ Китая стал славить нашу армию и уверовал в свои силы». В заключение он отметил, что руководство ЦК КПК не стремилось к «крупным боям» с японскими захватчиками, «тогда как возможности для подобных боев были и есть» ⁵.

¹ Saga of Resistance to Japanese Invasion. Peking, 1959, p. 1—23.

² S. G e l d e r. The Chinese Communists. London, 1946, p. 164.

³ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 2, стр. 32, 79, 133.

⁴ Там же, стр. 203.

⁵ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6408, л. 50.

Позицию руководства КПК в этом вопросе недвусмысленно выразил Мао Цзэ-дун: «Наша решительная политика состоит в том, чтобы 70 процентов усилий тратить на собственный рост, 20 процентов — на поддержание сотрудничества и 10 процентов — на борьбу с Японией»¹.

С самого начала антияпонской войны в Китае сложилось два фронта борьбы, резко отличавшихся по характеру, стратегии и тактике: партизанский фронт в тылу врага, руководимый компартией, и фронт регулярных войск во главе с национальным правительством Китая². Гоминьдановские армии применяли тактику фронтальной обороны, сдерживая натиск основных сил японских войск, иногда нанося им контрудары. Войска, руководимые коммунистической партией, вопреки указаниям Мао Цзэ-дуна активно сражались с гарнизонами врага, наносили удары по его коммуникациям, поднимали на борьбу население, расширяя свои базы.

В октябре 1937 г. представители КПК пришли к соглашению с гоминьдановским правительством о реорганизации партизанских отрядов Центрального и Южного Китая в Новую 4-ю национально-революционную армию. Приказом военного комитета нанкинского правительства ее командующим был назначен видный военный деятель КПК Е Тин, а его заместителем — один из руководителей партизанского движения — Сян Ин. В январе 1938 г., когда был создан штаб армии в Наньчане, в ее состав вошли три отдельных соединения численностью 12 тыс. человек³.

В активную борьбу против японских интервентов включились сотни тысяч корейцев, проживавших на территории Северо-Восточного Китая. К началу 1936 г. значительно активизировала свои действия корейская Народно-революционная армия (КНРА), проводившая боевые операции в юго-восточной части Северо-Восточного Китая. 5 мая в районе Чанбая под руководством корейских коммунистов была создана Лига возрождения родины («Чогук кванбокхве») — первый в истории Кореи единый антияпонский национальный фронт. К началу 1937 г. в своих рядах она насчитывала свыше 200 тыс. человек⁴ и распространила свое влияние не только на приграничные районы Северо-Восточного Китая, но и на Корею.

После нападения Японии на Центральный и Северный Китай и начала ангияпонской войны китайского народа значительно активизировалась деятельность корейской эмиграции, среди которой руководящее влияние принадлежало национальной буржуазии. Находившиеся на территории Китая Корейская национально-революционная партия, Лига освобождения Кореи и Революционная лига Кореи в декабре 1937 г. приняли решение о создании Лиги национального фронта Кореи. В декларации говорилось: «Мы, три организации, ведем одну и ту же борьбу за освобождение и свободу корейского народа. Однако на прошлых этапах каждая из нас существовала отдельно и самостоятельно, не было сплоченности и объединения. Мы должны объединиться с китайской нацией для усиления антияпонского фронта»⁵.

В течение 1936—1937 гг. партизанские части КНРА под командованием Ким Ир Сена провели бои за город Фусун, операции в районе Чанбай, Цзяохэ, Хуадянь. О размахе боевых действий против японо-

¹ Позднее это положение было распространено Мао Цзэ-дуном и на случай нападения Японии на СССР (П. В л а д и м и р о в. Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973, стр. 58).

² 中国共产党簡史, 北京, 1956年, 16頁.

³ Новейшая история Китая. 1917—1970, стр. 175.

⁴ 군사 지식, 1960년, 8호, 44페이지.

⁵ «Тихий океан», 1938, № 2, стр. 173—174.

маньчжурских войск и полицейских сил свидетельствует тот факт, что только за 1937 год на северо-востоке Китая партизанами было проведено свыше 3900 боев¹.

К началу 1938 г. 250 тыс. партизан², среди которых было много корейцев, действовали в 18 уездах Северо-Восточного Китая. Напуганные размахом активности китайских и корейских партизан, японские колониальные власти для проведения карательных экспедиций направили в район их деятельности крупные полицейские формирования и части регулярных войск Квантунской армии.

В этих условиях руководство КНРА наметило перенести часть боевых операций на территорию Кореи. Особо важное значение приобрели операции «поход на родину» (июнь 1937 г.) и «трудный поход» (зима 1937/38 г.).

В первой операции партизанские дивизии, скрытно сосредоточившись на северном берегу реки Ялуцзян (Амноккан), переправились через реку на корейский берег и совершили налет на небольшой приграничный городок Почхонбо. При следовании на партизанскую базу в Чанбае 30 июня в местечке Цзяньсаньфэнь они вынуждены были вступить в ожесточенный бой с крупными силами карателей. Оккупанты понесли большие потери: было убито и ранено свыше 1500 солдат и офицеров³.

После совещания командиров и политработников партизанских отрядов в Наньпайцза (ноябрь 1938 г.) войска КНРА перешли к новой тактике — действиям по направлениям. В связи с тем что в район основной базы в Чанбае были подтянуты крупные силы карателей (свыше 10 тыс. человек), части второго направления провели сложную операцию, получившую название «трудный поход», с целью выйти из-под удара и сохранить свои силы. За 100 дней в условиях зимы и бездорожья они преодолели по горно-таежной местности расстояние более 1000 ли⁴.

Успешное осуществление этой операции и выход партизанских частей в мае 1939 г. в район Мусана (Корея) явились новым подтверждением жизнеспособности КНРА. Действия ее партизанских отрядов воодушевляли корейских трудящихся на продолжение борьбы против японских колонизаторов. О крепнувшем единстве в борьбе против интервентов свидетельствовало и то, что некоторые корейские коммунисты занимали руководящие посты в китайских партизанских формированиях (Ким Чак был политкомиссаром 3-й объединенной армии, Цой Ён Ген — начальником района (дивизии)).

В то время когда китайский народ поднимался на борьбу с японскими захватчиками, прояпонски настроенные члены гоминьдановского правительства держали курс на капитуляцию Китая. Они завязывали контакты с японским правительством через германского посла Траутмана, главу военной миссии Фалькенхаузена, английских послов в Китае и Японии Кэрра и Крейги, американского посла Джонсона, дипломатических работников Германии и Италии. Но, опасаясь взрыва возмущения народных масс, гоминьдановские лидеры не решались открыто пойти на переговоры с Японией и принять ее унижительные требования.

В тех случаях, когда гоминьдановские генералы отходили от присущей им пассивной оборонительной тактики, удавалось достичь некоторых успехов в ходе боевых действий. В конце марта 1938 г. группировка японских войск (до 60 тыс. человек), сосредоточенная на восточном участке Лунхайской железной дороги, начала продвижение на Сюй-

¹ 군사 지식, 1960년, 9호, 14페이지.

² «Тихий океан», 1938, № 1, стр. 122.

³ 군사 지식, 1960년, 9호, 16페이지.

⁴ 인민군, 1962년, 6호, 29페이지. Ли — корейская мера длины, равная 0,393 км.

чжоу, чтобы соединить северный фронт с центральным. 6 апреля в районе Тайэрчжуана (северо-восточнее Сюйчжоу) произошло крупное сражение. Китайские войска нанесли удар во фланг наступавшим японским дивизиям и одержали победу. Японцы потеряли 30 тыс. убитыми, ранеными и пленными; свыше 10 тыс. солдат и офицеров в панике бежали с поля боя¹. Успех под Тайэрчжуаном развеял легенду о непобедимости японских самураев. Однако гоминьдановские генералы не только не сумели закрепить успех, но вскоре и утратили его.

В начале мая 1938 г., оправившись от поражения под Тайэрчжуаном, японские соединения снова начали наступление на Сюйчжоу. Удар наносился двумя группировками — с севера и юга. Для проведения этой операции японцы сосредоточили более 200 тыс. солдат и офицеров, около 400 танков. Китайские войска насчитывали более 400 тыс. человек, но у них не доставало боевой техники, боеприпасов, а оружие было устаревших образцов.

Особенно напряженные бои, продолжавшиеся с 12 июня по 27 октября 1938 г., развернулись за Ухань. Несмотря на стойкость китайских солдат в обороне и смелость в контратаках, врагу удалось захватить трехградье Ухань (города Ханькоу, Ханьян, Учан) и порт Гуанчжоу².

Разнородность китайской армии, разнотипность ее организации, оснащения и вооружения, сепаратизм генералов-милитаристов, слабое взаимодействие между войсками предопределили участь Ухани и Гуанчжоу. Потеря этих городов явилась крупным поражением для Китая. Однако китайское командование сумело отвести свою главную группировку войск на новые рубежи обороны, сохранив силы и материальную часть. Основная стратегическая задача агрессоров — уничтожение китайской армии — оказалась невыполненной, а их положение ухудшилось: фронт растянулся, войска оторвались от баз снабжения, возросла угроза глубоким тылам со стороны партизан.

Оказавшись перед перспективой изнурительной затяжной войны, японцы в начале 1939 г. вынуждены были перейти к обороне, изображая ее как акт «доброй воли» японского правительства, якобы стремившегося к установлению новых отношений с Китаем, основанных на сотрудничестве Японии, Маньчжурии и Китая в совместном строительстве «нового порядка» в Восточной Азии³.

Воспользовавшись прекращением крупных военных действий на фронте, Чан Кай-ши разбил всю территорию Китая на военные районы (зоны) и развернул подготовку к наступлению на партизанские базы. Это было следствием своего рода негласного соглашения реакционных кругов гоминьдана с японцами, направленного на борьбу против народных войск, руководимых КПК.

Провокационные акции гоминьдановских частей в партизанских районах начались еще осенью 1938 г. в провинции Хэбэй. Особенно активизировались они после V пленума ЦИК гоминьдана (январь 1939 г.), который утвердил инструкцию «О мерах по ограничению деятельности чуждых партий»⁴. Выполняя ее требования, реакционеры распространяли в народе клеветнические измышления о компартии Китая и Советском Союзе, нападали на штабы партизанских частей, зверски убивали коммунистов. 12 июня 1939 г. гоминьдановцы заживо замуровали в пещере восемь партизанских руководителей из провинций Хунань, Хубэй, Цзянси.

¹ China Handbook. 1937—1945. New York, 1947, p. 304.

² 太平洋戦争史, 第3巻, 東京, 昭和47年, 150頁。

³ 大東亜戦争公刊戦史, 第8巻, 大本営陸軍部<1>, 576頁。

⁴ Новейшая история Китая. 1917—1970, стр. 193.

В гоминьдане продолжали усиливаться реакционные тенденции. Обострились его отношения с компартией, активизировалась борьба гоминьдана против демократических сил страны. К весне 1939 г. гоминьдановское командование сняло с фронта более 30 дивизий и сформировало специальную группу войск для блокады особого пограничного района, прекратило снабжение 8-й и Новой 4-й армий вооружением, денежным и вещевым довольствием.

Несмотря на столь неблагоприятную внутривнутриполитическую и военную обстановку в Китае, Япония была далека от достижения своих целей. Приступая к военным действиям, японские империалисты рассчитывали на молниеносную победу. Они надеялись на свое экономическое превосходство, политику «невмешательства» США, Англии, Франции, содействие и помощь фашистской Германии и Италии и были уверены, что японская армия, используя свое превосходство в военной технике, за короткий срок разгромит слабо вооруженные китайские войска. Однако агрессоры недооценили силу сопротивления и возможности многомиллионного народа Китая, не учли того, что на его стороне будет вся прогрессивная мировая общественность.

Китайские трудящиеся хорошо знали, что Советский Союз всегда поддерживает освободительную борьбу угнетенных народов. Советский Союз, как и в 20-е годы, пришел на помощь китайскому народу и оказал ему моральную и материальную поддержку. 21 августа 1937 г. был подписан договор о ненападении между Советским Союзом и Китаем. Это ускорило ход переговоров о предоставлении кредитов. 1 марта и 1 июля 1938 г. СССР заключил с Китаем два торговых договора, предоставив Китаю кредиты на сумму 100 млн. долларов для закупки в СССР военных и других материалов. В соответствии с первым договором были подписаны три контракта, по которым Советский Союз поставил в Китай 297 самолетов, 82 танка, 425 пушек и гаубиц, 1825 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн. винтовочных патронов, а также другие виды военной техники и снаряжения¹. По контракту, заключенному в соответствии со вторым договором, СССР направил в Китай 180 самолетов, 300 пушек, 1500 ручных пулеметов, 500 станковых пулеметов, 300 грузовых автомашин, авиационные моторы, запасные части, снаряды, патроны и другие военные материалы². С 25 июня по 1 сентября 1939 г. Китаю было дополнительно передано 120 самолетов, 83 авиамотора, запасные части к самолетам, орудия, боеприпасы и другое военное имущество³.

13 июня 1939 г. СССР заключил новый договор с Китайской республикой о предоставлении ей кредита на 150 млн. долларов. 20 июня был подписан контракт о поставке специального оборудования и военных материалов на сумму 14,6 млн. долларов. По этому контракту Советский Союз поставил Китаю 250 пушек, 4400 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 500 грузовых автомашин, около 16,5 тыс. авиабомб, свыше 500 тыс. снарядов, 100 млн. патронов⁴. По трем последующим контрактам было направлено более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 пушек, 1300 пулеметов и много другого военного имущества. Всего с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение.

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 650.

² Там же.

³ Там же, стр. 457, 690.

⁴ Там же, стр. 458—459, 691.

После того как японцы захватили Гуанчжоу, а англичане стали чинить препятствия на Бирманской дороге, грузы из СССР переправлялись по Синьцзянскому тракту протяженностью 3 тыс. км. Он проходил от советско-китайской границы через Синьцзян и провинцию Ганьсу. И днем и ночью советские шоферы перевозили необходимые грузы. К лету 1938 г. по тракту было переброшено около 6 тыс. тонн различных грузов. Бомбардировщики (СБ, ДБ, ТБ) перегонялись летными экипажами, а истребители доставлялись в разобранном виде до города Хами, где их собирали и по воздушному мосту направляли на фронтовые базы.

По просьбе нанкинского правительства в Китай в конце 1937 г. прибыла первая группа советских военных советников и специалистов, которые работали в центральных штабах и управлениях, учебных заведениях, при командующих военными районами и в войсках¹. Они помогали китайским командирам и начальникам в планировании операций, подготовке и проведении маневров и учений войск. К сожалению, некоторые их рекомендации и пожелания саботировались Чан Кай-ши, военным министром Хэ Ин-цинем и антисоветски настроенными командирами.

Плодотворную работу в Китае вели главные военные советники М. И. Дратвин, К. М. Качанов, А. И. Черепанов; старшие советники в центральном аппарате и войсках И. П. Алферов, А. А. Алябушев, П. Ф. Батицкий, А. К. Берестов, Н. А. Бобров, А. Н. Боголюбов, А. В. Васильев, С. П. Константинов, Р. И. Панин и другие. Самоотверженно трудились старшие советники родов войск: по авиации — П. Н. Анисимов, Ф. П. Полянин, П. В. Рычагов, Г. И. Тхор, Т. Т. Хрюкин; по танкам — П. Д. Белов, Н. К. Чесноков; по артиллерии — И. Б. Голубев, Я. М. Табунченко, И. А. Шилов; по инженерным войскам — И. П. Бабуров, А. Я. Калягин, А. П. Ковалев и другие. Многие советские советники и специалисты были награждены китайским орденом «За заслуги в строительстве и боевых действиях сухопутных, морских и воздушных сил страны». В организацию помощи Китаю много усилий вложили советские полпреды И. Т. Луганец-Орельский и А. С. Панюшкин, военный атташе П. Ф. Жигарев. К середине февраля 1939 г. в Китае работало и участвовало в борьбе с японскими захватчиками 3665 советских военных специалистов². В Синьцзяне (Кульджа) работала военно-воздушная школа, где проходили подготовку китайские летчики. Преподавателями и инструкторами были советские специалисты. С ноября 1937 г. советские летчики-добровольцы активно участвовали в боях с японскими захватчиками. Они наносили тяжелый урон авиации, морскому транспорту, наземным войскам противника. Их эскадрильи не раз появлялись над городами Нанкин, Гуанчжоу, островом Тайвань.

Четырнадцать советским летчикам, защищавшим небо Китая, Ф. П. Полянину, В. В. Звереву, А. С. Благовещенскому, О. Н. Боровикову, А. А. Губенко, С. С. Гайдаренко, Т. Т. Хрюкину, Г. П. Кравченко, С. В. Слюсареву, С. П. Супруну, М. Н. Марченкову, Е. М. Николаенко, И. П. Селиванову, И. С. Сухову было присвоено звание Героя Советского Союза³. 31 мая 1938 г. в одном из воздушных боев летчик А. А. Губенко впервые в истории советской авиации применил таран, за что был награжден Золотым орденом Китайской республики. Летчики других стран не осмеливались идти на такое. Советские же летчики-добровольцы шли на смертельный риск во имя жизни, во имя своего интернационального долга.

¹ Архив МО, ф 40, оп 115449, д 7, л 48

² В И Ленин и советская внешняя политика. М., 1969, стр 164.

³ «История СССР», 1972, № 3, стр. 106—112.

Не всем добровольцам суждено было увидеть вновь старых друзей, леса Подмосковья, украинские степи... Они навечно остались лежать в китайской земле, в могилах, вырытых под Нанкином, Ханькоу, Сианью, Чунцином.

В ожесточенных боях за освобождение китайского народа отдали жизнь более 200 советских добровольцев, в том числе командиры отряда бомбардировщиков Г. А. Кулишенко и отряда истребителей А. С. Рахманов. На обелиске, возвышающемся в Ухани, начертано: «Память о советских летчиках будет вечно жить в сердце китайского народа. Пусть этот благородный дух пролетарского интернационализма, присущий рабочему классу, всегда развивает и укрепляет братскую нерушимую дружбу китайского и советского народов»¹.

Помощь Советского Союза была важнейшим фактором отпора Китая японским милитаристам. В начале войны в стране имелось 1 900 тыс. солдат и офицеров, 500 самолетов, 70 танков, 1000 орудий разных калибров, 10 крейсеров, 15 сторожевых и торпедных катеров², но в решающих оборонительных боях за свою столицу китайская армия потеряла все самолеты, танки, артиллерию и военно-морской флот. Благодаря самоотверженным усилиям СССР Китай не только выстоял под сильными ударами японских войск, но и сумел к середине 1939 г. восстановить и развернуть крупные вооруженные силы: 245 пехотных, 16 кавалерийских, одну механизированную дивизии (3 млн. человек), имевшие на вооружении в первой линии 800 тыс. винтовок, 50 тыс. пулеметов, 1075 орудий, 213 танков, 150 самолетов. В резерве ставки, запасных частях, местных и охранных войсках, а также партизанских соединениях насчитывалось 1,5 млн. человек.

Последовательная политика СССР, его бескорыстная помощь Китаю удержали нанкинское правительство от капитуляции, способствовали укреплению его антияпонской позиции и оказали огромное влияние на консолидацию сил китайского народа. Советскую военную помощь высоко оценивал даже Чан Кай-ши. В письме на имя К. Е. Ворошилова от 28 июня 1939 г. он писал: «Наша страна уже более двух лет ведет войну с Японией. Благодаря глубоким симпатиям и сочувствию народов Советского Союза Китаю оказана материальная и моральная помощь, дающая возможность проводить длительную освободительную войну»³.

Верный интернациональному принципу защиты жертвы агрессии, Советский Союз неизменно поддерживал обращения Китая в международные организации об оказании ему помощи и принятии коллективных санкций против японского агрессора. Разгром японских войск у Хасана и на реке Халхин-Гол облегчил борьбу китайского народа, вселил уверенность в окончательной победе.

Действенная помощь Коминтерна способствовала тому, что компартия Китая выработала и осуществила переход от гражданской войны с гоминьданом к новой тактике, направленной на объединение всех сил нации для отпора японским захватчикам. Огромную роль в этом отношении сыграли исторические решения VII конгресса Коминтерна (1935 г.). Разработанная в соответствии с этими решениями линия позволила не только уберечь партию и Красную армию от разгрома, но и стала важным фактором политической жизни страны.

Фракционная группа Мао Цзэ-дуна, вставшая во главе КПК, затрудняла деятельность партии и серьезно ослабляла ее. Эта группа

¹ Б. Б о р о д и н. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937—1941. М., 1965, стр. 169, 171.

² А. К а л я г и н. По незнакомым дорогам. М., 1969, стр. 49, 61, 75, 77, 79.

³ Цит. по: В. И. Ленин и советская внешняя политика, стр. 164.

не раз ставила под угрозу срыва тактику единого фронта. Сектанты не понимали или не хотели понять, что создание единого фронта КПК с гоминьданом являлось в тех условиях единственно правильным путем национального освобождения Китая. Они выступали против сотрудничества с гоминьданом и панкинским правительством, возглавляемым Чан Кай-ши, а без этого нельзя было добиться прекращения гражданской войны и объединения всех сил страны.

Жертвы китайского народа, понесенные в течение первых двух лет войны, составили почти 1,5 млн. человек. Кровавая дань японскому империализму не поколебала решимости китайского народа отстоять свою независимость. Японский агрессор, потеряв полумиллионную армию, вынужден был пересмотреть свои планы и перейти от стратегии сокрушения к стратегии лавирования и выжидания, накапливания сил и укрепления своих позиций, чтобы затем наиболее выгодно использовать международную обстановку в Европе.

* * *

Борьба эфиопского, испанского и китайского народов с итальянскими, немецкими и японскими захватчиками была важным событием всемирной истории. Эти народы стали первыми жертвами фашистской агрессии и первыми смело вступили на путь вооруженного отпора ей, внося свой вклад в борьбу международного рабочего движения против фашистской опасности, за мир и национальную независимость.

Уроки, полученные в этих войнах, способствовали развитию антифашистского и антивоенного движения, помогли коммунистическим и рабочим партиям, всем прогрессивным силам лучше и полнее подготовиться к будущим, еще более грозным испытаниям. В сражениях на испанской и китайской земле закалились и приобрели драгоценный военный и политический опыт многие будущие командиры и руководители вооруженных сил и партизанских отрядов, беззаветно сражавшиеся с фашизмом во второй мировой войне.

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР — ПРЯМОЙ КУРС НА РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ

1. Захват Австрии фашистской Германией

Со второй половины 1937 г. развитие событий в капиталистическом мире, все более втягивавших человечество в войну, значительно ускорилось. Фашистские государства — Германия и Италия — встали на путь форсированной подготовки войны за мировое господство. 5 ноября в Берлине состоялось тайное совещание нацистских главарей, на котором Гитлер провозгласил основной тезис своей политики расширения «жизненного пространства»: «Для решения германского вопроса может быть только один путь — путь насилия».

Главнейшей целью агрессивной программы гитлеровцев было уничтожение Советского Союза. Но большая часть немецких монополистов считала, что к войне с таким сильным противником, каким являлся Советский Союз, Германия еще не подготовлена. Поэтому завоевание СССР предусматривалось лишь на завершающей фазе борьбы за господство в Европе, когда, по их расчетам, появится возможность использовать военно-экономические ресурсы всей Западной Европы. «...Война против Советского Союза, — отмечал германский дипломат Клейст, — остается последней и решающей задачей германской политики»¹.

На первом этапе войны, говорил Гитлер, «германская политика должна иметь в виду двух заклятых врагов — Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы являлся бельмом на глазу...»². Но прежде всего фашистские главари планировали захват Австрии и Чехословакии, что существенно усилило бы военно-промышленный потенциал рейха и улучшило его стратегические позиции как против Англии и Франции, так и против СССР.

В основе плана захвата Австрии и Чехословакии лежал расчет на использование благоприятной обстановки, которая сложилась в результате политики западных держав, отвергших предложения Советского Союза о создании в Европе системы коллективной безопасности. Политическая близорукость буржуазных лидеров Запада, порожденная классовой ненавистью к Советскому Союзу и боязнью потерять свои привилегии, придавала немецким фашистам уверенность в безнаказанном уничтожении противников поодиночке. Продолжая курс на попустительство агрессии, правящие круги Англии, Франции и США в конце 1937 — начале 1938 г.

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 234.

² DGFP. Series D, vol. I, p. 32.

предпринимают все более откровенные попытки прямого сговора с фашистскими государствами.

Наибольшую активность проявляла английская дипломатия. Подъем революционного движения в Западной Европе, победа народного фронта во Франции и Испании, интернациональная солидарность трудящихся, ярко проявившаяся во время германо-итальянской интервенции против Испанской республики, — все это вызывало глубокую тревогу правящих кругов Великобритании. Хозяева Сити видели в фашистах Германии и Италии «естественных» союзников и спешили достигнуть с ними полного взаимопонимания в борьбе против «красной опасности». Еще в 1936 г. в Кливдене — штабе британских «умиротворителей» — вынашивалась идея тайной встречи премьера Болдуина с Гитлером¹. Встав во главе кабинета, Чемберлен вернулся к этому вопросу. Было принято решение направить для доверительной беседы с нацистским диктатором одного из столпов кливденской клики — Галифакса, входившего в состав кабинета в качестве лорда — председателя совета.

19 ноября 1937 г. в Оберзальцберге состоялась встреча Галифакса с Гитлером. Британский представитель, назвав Германию «бастионом Запада против большевизма», сообщил о желании своего правительства достигнуть «лучшего взаимопонимания» с Германией, чтобы в дальнейшем при участии Франции и Италии создать основу для «продолжительного мира в Европе»². Гитлер без труда узнал в предложениях Галифакса знакомые черты антисоветского «пакта четырех», создание которого оставалось идеей фикс английской дипломатии на протяжении всего предвоенного периода. Глава рейха выдвинул свои условия: снять с Германии «моральное и материальное клеймо Версальского договора» и пересмотреть в ее пользу судьбу колоний, которых Германия лишилась в итоге первой мировой войны.

Выразив готовность английского правительства в дальнейшем вернуться к колониальной проблеме, Галифакс поспешил перейти к обсуждению вопросов об изменениях в европейской системе государств. «К этим вопросам, — заявил он, — относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...»³ Таким образом, если еще недавно фашистская дипломатия могла только догадываться о том, что британское правительство «втихомолку» сбросило со счетов страны Центральной Европы, то теперь она получила подтверждение из уст его официального представителя.

Происходила быстрая смена курса и во французской политике: от союза с СССР и коллективной безопасности к тайному сговору с гитлеровцами и предоставлению им «свободы действий» на Востоке. Осенью 1937 г. в Париже премьер-министр Франции Шотан обсуждал с эмиссаром Гитлера Папеном европейские проблемы. Выразив полное понимание намерений Германии усилить свое влияние в Центральной и Восточной Европе, премьер заявил: «Передайте фюреру, что, если бы мы сумели с ним перевести европейские отношения на новую, более здоровую основу, это было бы крупной вехой в мировой истории»⁴.

В том же направлении действовала и американская дипломатия. Представители США устанавливали все более тесные контакты с гитлеровцами. В ноябре 1937 г. посол Соединенных Штатов Америки во Франции Буллит

¹ T. J o n e s. A Diary with Letters. 1931—1950. London, 1954, p. 205.

² Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, стр. 10, 16, 17.

³ Там же, стр. 35—36.

⁴ DGFP. Series D, vol. 1, p. 44.

встретился с Герингом и президентом рейхсбанка Шахтом. Геринг проинформировал Буллита, что Германия в ближайшее время аннексирует Австрию и Судетскую область Чехословакии¹. Американский представитель не высказал никаких замечаний. В том же месяце личный адъютант Гитлера капитан Видеман посетил Нью-Йорк, чтобы договориться с американскими руководящими деятелями о предоставлении Германии «свободы рук» на Востоке². Одновременно в Сан-Франциско состоялось секретное совещание немецких дипломатов Типпельскирха и Киллингера с представителями крупнейших американских монополий. Предметом обсуждения являлись вопросы сотрудничества «в освоении богатейших рынков России и Китая»³.

Результаты политики поощрения агрессии не заставили себя ждать. Если в сентябре 1937 г. Гитлер полагал, что Германия в ближайшее время не будет провоцировать «взрыв» на австрийской почве, и, планируя нападение на Чехословакию и Австрию, обусловливал это благоприятными возможностями — вовлечением Франции в конфликт с Италией в связи с событиями на Пиренейском полуострове, то теперь он резко изменил тактику.

Германия начала форсированную подготовку к вторжению в Австрию. Планы ее аннексии в Берлине вынашивались давно. В программе создания «великой Германии», изложенной в «Майн кампф», аншлюс рассматривался в качестве первоочередной задачи⁴.

Активную роль в подготовке и осуществлении аншлюса сыграла фашистская разведка. Руководствуясь указанием Гитлера, что «Австрия должна быть возвращена великой германской родине»⁵, спецслужбы рейха с 1933 г. развернули бурную деятельность против этой страны. По плану «Отто» на них возлагался подрыв ее изнутри с последующим захватом власти нацистами.

Основными направлениями подрывной деятельности фашистской разведки в Австрии являлись: проведение в широких масштабах нацистской агитации и пропаганды, направленной на подрыв государства; создание разветвленных фашистских организаций, групп и вооруженных формирований и руководство их антиправительственной деятельностью; создание широкой агентурной сети в наиболее важных звеньях государственного аппарата; активная поддержка фашистов в их стремлении захватить власть. С этой целью разведывательные органы Германии направляли в Австрию своих кадровых разведчиков и агентов под видом коммерсантов, членов «германо-альпийского союза», спортсменов и т. п. Активной подрывной деятельностью занимались и сотрудники германского посольства в Вене.

Гитлеровская разведка опиралась на существовавшие в Австрии нелегальные фашистские организации; установив контакт с главарями этих организаций, она направляла и координировала их подрывную деятельность.

¹ FRUS. 1937, vol. I, p. 171.

² В. Ф о м и н. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг. М., 1963, стр. 224.

³ Congressional Record. Vol. 88, pt. 10, p. 3134—3135.

⁴ Попытка захвата Австрии была предпринята гитлеровцами еще в июле 1934 г. Однако организованный ими фашистский путч в Вене и убийство австрийского канцлера Дольфуса не дали ожидаемых результатов. Италия, планировавшая широкую экспансию в Дунайском бассейне, решительно воспротивилась аншлюсу: подтянув к Бреннерскому перевалу четыре альпийские дивизии, она вынудила Гитлера отступить.

⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах (далее—Нюрнбергский процесс (в семи томах). Т. II. М., 1958, стр. 20.

Спецслужбы Германии оказывали австрийским нацистам большую и разностороннюю помощь. В их распоряжение систематически переводились значительные суммы денег; только в декабре 1935 г. «австро-германскому комитету помощи» поступило из Германии 110 тыс. марок. В 1936 г. по указанию гитлеровского министра Шахта австрийским фашистам ежемесячно переводилось 200 тыс. марок. В целях конспирации деньги адресовались определенным промышленным предприятиям Австрии, откуда передавались фашистам.

Немецко-фашистская разведка по нелегальным каналам поставляла в Австрию оружие, боеприпасы и другое снаряжение; в страну систематически забрасывалось большое количество фашистской литературы.

Наряду с использованием существовавших в Австрии фашистских организаций гитлеровская разведка принимала меры к созданию новых. Именно с ее помощью возник ряд штурмовых и охранных отрядов, которые действовали под непосредственным руководством одного из главарей немецко-фашистской разведки — Кальтенбруннера.

Для подготовки аншлюса спецслужбы фашистской Германии, опираясь на свою агентуру, совместно с австрийскими нацистами прибирали к рукам основные звенья государственного аппарата. В результате нажима на канцлера и президента через завербованных чиновников правительственных учреждений нацистам удалось назначить своих агентов на важные государственные посты.

В течение 1936—1937 гг. сотрудники разведывательных органов Германии и австрийские фашисты сумели проникнуть в департамент канцлера, главную дирекцию общественной безопасности, в министерства финансов, юстиции, торговли, обороны, путей сообщения, в политическую дирекцию Вены, секретариат президента и другие важнейшие государственные учреждения. В результате к 1938 г. агентура гитлеровской разведки совместно с австрийскими фашистами фактически держала в своих руках ключевые позиции в австрийском государстве.

Создавшуюся ситуацию разведывательные органы Германии использовали не только для получения шпионской информации, но и для оказания серьезного давления на канцлера, президента и других членов правительства Австрии с целью заставить их проводить выгодный для гитлеровской клики политический курс, в конечном счете направленный на поглощение австрийского государства Германией.

Активной подрывной деятельности германских фашистов в большой мере содействовала позиция австрийского правительства, а также стоявших за его спиной финансовых и промышленных кругов. Проводя политику фашизации страны, правительство запретило коммунистическую партию, распустило вооруженную организацию социал-демократов «Шутцбунд», жестоко расправилось с участниками спровоцированного фашистами вооруженного восстания рабочих в Вене, Линце, Граце и других городах. В стране была введена антидемократическая конституция. Во внешней политике австрийские правящие круги шли на сотрудничество с фашистскими государствами.

Важным шагом на пути осуществления экспансионистских планов гитлеровцев явилось австро-германское соглашение, заключенное в июле 1936 г. Хотя формально Германия и признавала суверенитет этой страны, она навязала австрийскому правительству проведение в отношении рейха политики, которая вытекала из того, что Австрия является «немецким государством»¹. Практически Австрия оказалась в фарватере внешней политики Германии.

¹ J. B e n o i s t - M é c h i n. Histoire de l'Armée Allemande. Vol. IV. L'expansion. 1937—1938. Paris, 1964, p. 464.

В начале января 1938 г. австрийские фашисты получили из Берлина указание о подготовке к путчу. 4 февраля было объявлено о реорганизации центрального аппарата рейха и командования вермахта. Гитлер сосредоточил в своих руках функции главы государства и верховного главнокомандующего. Вслед за этим Германия приступила к реализации своего агрессивного замысла в отношении Австрии.

7 февраля австрийский канцлер Шушниг получил приглашение прибыть в резиденцию Гитлера в Берхтесгадене (Баварские Альпы). Для устрашения австрийского канцлера Кейтель в его присутствии доложил фюреру о готовности германской армии к вторжению в Австрию. Гитлер вынудил Шушнига подписать протокол, который фактически предусматривал установление германского контроля над внешней политикой Австрии, легализацию деятельности австрийских национал-социалистов, назначение ряда австрийских нацистов на ключевые правительственные посты. Гитлеровскому агенту Зейсс-Инкварту был предоставлен пост министра внутренних дел и министра безопасности.

Реализация протокола означала бы ликвидацию независимости Австрии. Австрийский народ, и прежде всего рабочий класс во главе с коммунистической партией, решительно отверг план присоединения страны к фашистской Германии и требовал пресечения деятельности гитлеровской агентуры. Под давлением масс 9 марта Шушниг объявил, что через три дня назначается плебисцит, который решит будущее Австрии. Это грозило провалом подготовленного немецкими фашистами захвата Австрии путем «мирной эволюции». Утром 10 марта Гитлер потребовал немедленно осуществления плана «Отто» — вторжения в Австрию. В ответ на опасения военных специалистов фюрер заявил, что ни Англия, ни Франция не поддержат Австрию¹. Утвержденная 11 марта директива № 1 предусматривала проведение операции желательно «в форме мирного вступления»². Тем временем Зейсс-Инкварт потребовал отсрочки плебисцита.

Австрийское правительство пыталось найти поддержку у Англии, но получило категорический отказ³. Франция в эти дни переживала правительственный кризис: не желая брать на себя ответственность за позицию страны в отношении Австрии, Шотан 10 марта ушел в отставку.

11 марта правительство Австрии капитулировало. На рассвете следующего дня германская армия приступила к оккупации страны. 14 марта Гитлер подписал указ, по которому Австрия объявлялась провинцией рейха. На австрийских антифашистов обрушились репрессии, десятки тысяч патриотов были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря. 10 апреля в Австрии проходил референдум. Голосующий должен был ответить на вопрос: «Согласен ли ты с происшедшим воссоединением Австрии с германской империей?» В обстановке разнузданной демагогической пропаганды и террора, а также прямой фальсификации итогов голосования из 4 млн. 484 тыс. бюллетеней 4 млн. 453 тыс. были признаны содержащими ответ «да»⁴.

Не дожидаясь конца комедии с референдумом, западные державы признали захват Австрии свершившимся фактом и преобразовали свои дипломатические представительства в Вене в генеральные консульства.

¹ J. B e n o i s t - M é c h i n. Histoire de l'Armée Allemande, vol. IV, p. 514—515

² Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945—1 October 1946 (далее — IMT) Vol. XXXIV. Nuremberg, 1949, p. 336.

³ J. B e n o i s t - M é c h i n. Histoire de l'Armée Allemande, vol. IV, p. 521—522.

⁴ D. W a g n e r, G. T o m k o w i t z. «Ein Volk, ein Reich, ein Führer!» Der Anschluß Österreichs. 1938. München, 1968, S. 363.

Правительства Англии, Франции и США сделали вид, что не заметили исчезновения с политической карты Европы независимого государства.

Принципиально иной была позиция СССР. Советское правительство никогда и ни в какой форме не признавало захвата Австрии. Оно решительно осудило гитлеровскую агрессию, предупреждая о губительных последствиях, к которым может привести попустительство захватнической политике германских фашистов. «Нынешнее международное положение, — говорилось в заявлении народного комиссара иностранных дел СССР, — ставит перед всеми миролюбивыми государствами и в особенности великими державами вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы»¹. Правительство Советского Союза настаивало на немедленном обсуждении совместно с другими правительствами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Дорогой ценой заплатило человечество за то, что эти предложения Советского Союза не были поддержаны западными державами.

Захват Австрии сыграл важную роль в реализации политических и военно-стратегических планов фашистской Германии. У гитлеровцев окрепла уверенность в безнаказанности их агрессивных действий. В результате аншлюса территория Германии увеличилась на 17 процентов, а население — на 10 процентов, то есть на 6 млн. 713 тыс. человек. Почти все 50 тыс. солдат и офицеров австрийской армии были включены в состав вермахта². Австрийская промышленность и экономика были подчинены военным нуждам фашистской Германии. Реконструировались старые и прокладывались новые стратегические шоссейные и железные дороги в направлении границ Чехословакии, Югославии, Венгрии, строились аэродромы. Как позже признал начальник оперативного отдела штаба верховного главнокомандования вермахта генерал Йодль, аншлюс укрепил стратегическое положение рейха. Чехословакия оказалась в клещах. Новая граница с нею облегчала осуществление фашистской агрессии.

2. Чехословацкий кризис

Не прошло и двух месяцев с момента появления гитлеровских войск в Вене, как Европа вновь была охвачена тревогой: угроза германского вторжения нависла над Чехословакией.

Гитлеровская «пятая колонна» активно действовала в Судетской области, где проживало много немцев. Подогреваемые успехом аншлюса, судетские фашисты открыто заявляли, что со дня на день следует ожидать прихода германских войск. Обстановка еще более накалилась в связи с фашистской провокацией 21 мая в городе Хеб близ германской границы. Во время нападения на чешских полицейских погибли два судетских немца. Вокруг этого инцидента немецко-фашистская печать развернула неистовую античешскую кампанию³.

Чехословакия привлекала гитлеровцев выгодным стратегическим положением в центре Европы, наличием богатых природных ресурсов и высокоразвитой промышленностью. Кроме того, обладая первоклассной, хорошо вооруженной армией, Чехословакия являлась серьезным препятствием на пути осуществления германской агрессии, особенно благодаря договорам с Советским Союзом и Францией о взаимной помощи. Поэтому после захвата Австрии главным объектом в агрес-

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935—июнь 1941 г.). М., 1946, стр. 343

² D. W a g n e r, G. T o m k o w i t z. «Ein Volk, ein Reich, ein Führer!», S. 340.

³ R. L a f f a n. Survey of International Affairs. 1938 (далее — R. L a f f a n. Survey, 1938). Vol. II. The Crisis over Czechoslovakia. January to September 1938. London, 1951, p. 126—127.

сивных планах фашистских правителей становится Чехословакия. «Задача германских вооруженных сил, — говорилось в плане нападения на эту страну, закодированном под наименованием «Грюн», — заключается в проведении подготовки таким путем, чтобы основная часть вооруженных сил могла быстро и неожиданно ворваться в Чехословакию, в то время как на Западе были бы оставлены минимальные силы...»¹

11 марта 1938 г. Гитлер дал указание пересмотреть план «Грюн» с учетом новых стратегических возможностей, которые создавал захват Австрии². 21 апреля Кейтель в докладе фюреру высказался за внезапное нападение на Чехословакию. Но, по мнению Гитлера, германская армия еще не была готова вести войну против группы стран, связанных договорами о взаимопомощи. Учитывая благосклонность западных держав, он решил повторить в Чехословакии нечто подобное тому, что так легко удалось в Австрии.

Опираясь на судетско-немецкую партию Генлейна, действуя совместно с ее главарями, разведка Германии проникала в важнейшие звенья чехословацкого государственного аппарата. Через своих агентов и судетских фашистов, работавших в правительственных учреждениях, она получала информацию политического, экономического, оборонного и иного характера. По заявлению шефа германской военной разведки Николай, для него в Чехословакии секретов вообще не существовало.

Спецслужбы Германии систематически забрасывали в Чехословакию своих сотрудников и агентов. Только в 1936 г. через Швейцарию и Австрию было заброшено 40 специально подготовленных кадровых разведчиков. Они создавали шпионские резидентуры, занимались сбором различного рода информации, проводили фашистскую агитацию и пропаганду.

Гитлеровцы активно помогали судетско-немецкой партии в подрывной работе против чехословацкого государства. Их план включал присоединение Судетской области к Германии с последующим захватом ею всей Чехословакии.

Судетские фашисты, выполняя указание Гитлера, с помощью разведывательных органов Германии создали в Чехословакии по образцу гитлеровских штурмовых и охранных отрядов так называемый «свободный корпус» Генлейна, насчитывавший около 15 тыс. человек. Оружие, боеприпасы и снаряжение для корпуса поставляла немецко-фашистская разведка. «Свободный корпус» предназначался для захвата фашистами власти в Чехословакии, а затем для выполнения полицейских функций.

В помощь главарям судетских немцев фашистская разведка перебросила из Германии специально подготовленные вооруженные отряды — четыре батальона СС «Мертвая голова», которые предназначались для совместных действий с отрядами «свободного корпуса». Одновременно в Чехословакию засылались диверсионно-террористические группы (эйнзац-группы), которые должны были в момент нападения Германии дезорганизовать тыл чехословацкой армии, уничтожать узлы связи, мосты и тоннели, разрушать предприятия оборонного значения.

Под воздействием гитлеровской разведки антиправительственную деятельность в Чехословакии развернули словацкие, венгерские, польские и украинские фашиствующие элементы. Установив с ними контакт, гитлеровские спецслужбы организовали их в единый блок во главе с судетско-немецкой партией.

¹ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 258.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в трех томах (далее — Нюрнбергский процесс (в трех томах). Т. I. М., 1965, стр. 294—295.

Первоначально Гитлер попробовал применить в отношении чехословацкого президента метод личного давления, как это было с Шушницким. В марте в Праге появился некий Уорд-Прайс, корреспондент английской газеты «Дейли мэйл», известный своими симпатиями к нацистам и близостью к гитлеровской верхушке. Он «доверительно» сообщил через одного из сотрудников МИД Чехословакии так называемые претензии фюрера к ее правительству, в которых предоставление автономии немецкому меньшинству являлось минимальным требованием. «Если Чехословакия не примет требований Гитлера, — заявил нацистский эмиссар, — она будет в течение недели уничтожена концентрированными ударами с севера, запада и юга, особенно с юга, в нанесении которых Венгрия объединится с Германией для освобождения Словакии... Чехам предоставляется последняя возможность спасти себя и Европу как от кошмара мировой европейской войны, так и от кошмара большевизма»¹. Было бы лучше всего, убеждал Уорд-Прайс, если бы Бенеш или чехословацкий премьер Годжа сели в самолет и, посетив Гитлера, высказали ему свои предложения².

В конце марта Генлейн, глава нацистов, проживавших в Чехословакии, получил указание прибыть в Берлин для инструктажа. Заявив о своем намерении в ближайшем будущем «разрешить» судетско-немецкую проблему, фюрер поручил ему спровоцировать в стране политический кризис, подняв вопрос о правах немецкого меньшинства в Чехословакии. «Существо инструкций, которые Гитлер дал Генлейну, — отмечается в записи беседы, — сводилось к тому, что судетско-немецкая партия должна выдвинуть требования, неприемлемые для чехословацкого правительства...»³ Однако, если бы Прага дала на них согласие, инструкция предусматривала выдвижение новых претензий, с тем чтобы кризис ни в коем случае не был урегулирован.

Следуя полученным указаниям, судетско-немецкая партия на своем съезде в конце апреля в Карлсбаде выдвинула провокационную программу установления полного контроля гитлеровской агентуры над пограничным районом Чехословакии. В середине мая генлейновцы начали распространять в стране обращения к солдатам. Положение безнадежно, говорилось в них, всякое сопротивление германской армии бессмысленно⁴. Генлейновская печать требовала проведения референдума⁵; муниципальные выборы, назначенные на 22 мая, судетско-немецкая партия объявила плебисцитом по вопросу о присоединении Судетской области к Германии.

Действия генлейновцев и скрытая концентрация немецко-фашистских войск на чехословацких границах давали основание полагать, что в день выборов — 22 мая — гитлеровцы планировали фашистский путч в пограничных районах и вооруженное вторжение.

При подготовке агрессии против Чехословакии в Берлине рассчитывали использовать правящие националистические круги Польши, их стремление к территориальным захватам. Договоренность по данному вопросу была достигнута во время визита польского министра иностранных дел Бека в Берлин в январе 1938 г.⁶ Стремясь отвлечь Бека от мысли, что вслед за оккупацией Чехословакии очередь последует за Польшей, Гитлер в переговорах с ним особенно рьяно доказывал необходимость

¹ Das Abkommen von München. 1938. Tschechoslowakische diplomatische Dokumente 1937—1939 (далее — Das Abkommen von München). Praha, 1968, S. 93—94.

² *Ibidem*.

³ DGFP. Series D, vol. II, p. 198.

⁴ Das Abkommen von München, S. 12.

⁵ V. K r á l. Spojenectví Československo-Sovětské v evropské politice 1935—1939. Praha, 1970, str. 334.

⁶ *Ibid.*, str. 280.

борьбы против «угрозы коммунизма». «...Никогда, пожалуй, в другом случае канцлер рейха не был более категоричен в отношении данных им гарантий, что ни прямые, ни косвенные интересы Польши не будут нарушены. Никогда также он не высказывал с такой силой свою враждебность к России...»¹ — писал Бек в мемуарах, замалчивая, разумеется, свой позорный сговор с фюрером. В мае 1938 г. правительство Польши, идя на поводу у Гитлера, сосредоточило в районе Тешина, у чешской границы, несколько соединений (три дивизии и одну бригаду пограничных войск)². Кроме того, 21 мая польский посол в Париже Лукасевич, накануне вернувшийся из Варшавы, заверил американского посла во Франции Буллита, что Польша немедленно объявит войну Советскому Союзу, если он попытается направить войска через польскую территорию для помощи Чехословакии, и что советские самолеты, если они появятся над Польшей по пути в Чехословакию, тотчас же будут атакованы польской авиацией³.

Между тем расчеты гитлеровцев не оправдались. Узнав о скрытом сосредоточении германских войск на границах Чехословакии, правительство Бенеша под давлением общественного мнения срочно провело частичную мобилизацию. Под ружье были призваны: один возраст резервистов (80 тыс. человек), пять возрастов технических войск и полиции — всего около 180 тыс. человек⁴. Войска заняли пограничные укрепления, предотвратив опасность фашистского путча в Судетах и внезапного вторжения вооруженных сил рейха. Решимость чехословацкого народа защитить свою страну сорвала замысел агрессора.

Огромное значение для исхода майских событий имела твердая уверенность чехов и словаков в помощи Советского Союза, правительство которого с момента возникновения кризиса в германо-чехословацких отношениях решительно выступило в поддержку Чехословакии. Еще 15 марта на вопрос американских журналистов, что намерен предпринять СССР, если Германия нападет на Чехословакию, народный комиссар иностранных дел заявил: наша страна выполнит союзнические обязательства⁵. Во второй половине апреля чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер сообщил в Прагу об официальной позиции Советского правительства: «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать... Желание оказать действительную помощь будет здесь всегда, пока Чехословакия не откажется от проведения демократической политики»⁶. Учитывая обострение обстановки, правительство Советского Союза предложило начать переговоры генеральных штабов вооруженных сил СССР, Франции и Чехословакии.

По условиям советско-чехословацкого договора обязательство СССР об оказании помощи Чехословакии вступало в силу только в том случае, если Чехословакии, подвергшейся агрессии, будет оказана помощь со стороны Франции. Таким образом, отказ Франции выступить в защиту Чехословакии полностью освобождал Советский Союз от обязательства. Однако Советское правительство и в этом случае не было намерено оставить чехословацкий народ в беде. 26 апреля 1938 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, изложив формулировку договора, определявшую условия, при которых СССР и Чехословакия были обя-

¹ J. B e c k. Dernier rapport. Politique polonaise 1926—1939. Paris, 1951. p. 144.

² V. K r á l. Spojenectví Československo-Sovětské v evropské politice 1935—1939, str. 335—336.

³ FRUS. 1938, vol. I, p. 507.

⁴ J. B e n o i s t - M é c h i n. Histoire de l'Armée Allemande, vol. V, p. 227.

⁵ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, стр. 18.

⁶ Там же, стр. 26.

заны оказывать друг другу помощь, сделал исключительно важное уточнение: «Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»¹.

Министр иностранных дел Чехословакии Крофта и ее посланник в СССР Фирлингер в беседах с советскими представителями неоднократно выражали благодарность за твердую поддержку Советским Союзом Чехословакии. «Уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии, в случае действительной нужды, — отмечал Крофта 30 мая 1938 г., — действует очень успокоительно и ободряюще на Чехословакию»².

Иной была позиция западных держав. Излагая 28 апреля заявление военного министра Англии американским корреспондентам, чехословацкий посланник в Лондоне писал: «О Чехословакии он говорил весьма пессимистически. Ничто якобы не может спасти Чехословакию от немецкого господства, которое может быть достигнуто и без прямого нападения. Дословно он сказал: судьба Чехословакии предрешена»³. Подобное заявление в обстановке быстро нараставшего давления и угрозы фашистского рейха в отношении Чехословакии поощряло как правые силы внутри страны, так и агрессора.

Вопреки надеждам международной демократической общественности британский премьер отклонил предложение Советского правительства о немедленных коллективных мерах для пресечения дальнейших действий захватчиков. Еще 24 марта 1938 г. Чемберлен, выступая в парламенте, заявил, что английское правительство не может заранее брать на себя какие-либо обязательства в районе, где его интересы «не затрагиваются в такой степени, как это имеет место в отношении Франции и Бельгии»⁴. В словах премьера звучала явная удовлетворенность: немецко-фашистская экспансия развивалась в направлении, выгодном для правящих кругов Англии.

Позиция французского правительства в связи с чехословацким кризисом основывалась на тех же политических расчетах, но имела свою специфику. Проблема взаимоотношений с Германией всегда являлась для Франции более острой, чем для Англии. Кроме того, правящие круги Франции должны были считаться с мнением своего народа, который был серьезно обеспокоен нарастанием угрозы новой войны. Весна 1938 г. была отмечена массовыми выступлениями трудящихся, требовавших от правительства активных внешнеполитических действий, усиления связей с другими государствами, прежде всего с Советским Союзом, для обеспечения безопасности страны и укрепления европейского мира. Смысл политики попустительства агрессии был ясен не только широким массам трудящихся, но и наиболее дальновидным буржуазным деятелям. Известный французский журналист Пертинакс писал в те дни, что Франция и Англия должны твердо заявить о своем намерении защищать Чехословакию, иначе «установление германской гегемонии завершится в кратчайший срок»⁵.

Французское правительство во главе с Даладье, пришедшее к власти в апреле 1938 г., объявило, что страна будет «верна всем пактам и договорам, которые она заключила»⁶. Это явилось официальным подтверждением обязательств Франции, в том числе и по франко-чехословацкому договору 1924 г. о союзе и дружбе и пакту 1925 г. о взаимных гарантиях.

¹ М. Калинин. О международном положении. М., 1938, стр. 14.

² Новые документы из истории Мюнхена, стр. 50—51.

³ Там же, стр. 32.

⁴ R. Laffan. Survey, 1938, vol. II, p. 74.

⁵ Цит. по: Ch. Micaud. French Right and Nazi Germany. New York, 1942, p. 144—145.

⁶ Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. 1938. T. 1. Pt. II. Paris, 1939, p. 1148.

Однако подлинные намерения французского кабинета были далеки от его публичных декларации. Наиболее влиятельные круги буржуазии стремились к тому, чтобы как-либо избавиться от обязательств оказать помощь Чехословакии. К числу сторонников подобного курса относился и бывший премьер Фланден, который, по свидетельству Черчилля, был «твердо убежден, что у Франции нет иного выхода, кроме соглашения с Германией»¹. Осуществление этой «деликатной» миссии возлагалось на нового министра иностранных дел Боннэ, пользовавшегося полным доверием «двухсот семейств».

Первым шагом Даладье в области внешней политики явился его визит в Лондон в конце апреля. Как французский премьер, так и его министр иностранных дел Боннэ в переговорах с Чемберленом и Галифаксом с неожиданной твердостью заявили, что решительно настроены выполнить обязательства в отношении Чехословакии. Они тонко играли на опасениях британского премьера. Если возникнет франко-германский конфликт, Англия также окажется вовлеченной в войну, а это будет означать полное крушение замыслов Чемберлена. Единственную возможность освободить Францию от ее обязательств по договору Англия усматривала в том, чтобы заставить Прагу капитулировать. Французские министры были не прочь осуществить это неблагоприятное дело в «английских перчатках». Доказывая «безвыходность» своего положения, Даладье и Боннэ побуждали англичан оказать давление на чехословацкое правительство «Мы связаны честью по отношению к Чехословакии... Вы должны действовать!»² — заявил Даладье английским корреспондентам.

И западные державы усиливали нажим на правительство Чехословакии, рекомендуя договориться с Генлейном. 7 мая английский и французский посланники в Праге посетили министра иностранных дел и потребовали, чтобы Чехословакия пошла «как можно дальше» в удовлетворении требований судетских немцев, предупредив, что, если из-за ее «неуступчивости» возникнет вооруженный конфликт, западные державы не окажут помощи Чехословакии³. Насколько губительным был этот «дружеский» совет, раскрывает заявление Даладье в беседе с Буллитом, состоявшейся 9 мая. На вопрос последнего, не явится ли предлагавшаяся западными державами «реорганизация» чехословацкого государства началом его расчленения, французский премьер ответил, что так оно и будет и вообще положение Чехословакии после захвата Германией Австрии он считает «совершенно безнадежным»⁴.

Уже на пороге майского кризиса явно проступала суть позорной сделки, заключенной через несколько месяцев в Мюнхене. При этом западные державы спешили доказать Берлину и Риму свое стремление заставить Прагу капитулировать, усматривая в этом единственный путь прийти к соглашению с фашистскими державами, которое гарантировало бы интересы правительств Англии и Франции⁵.

Характерным примером, раскрывающим намерения англо-французской дипломатии, может служить беседа в Берлине 10 мая 1938 г. советника английского посольства Кирьпатрика с ответственным сотрудником германского МИД Бисмарком. Кирьпатрик считал, что чехословацкий вопрос может быть разрешен Англией и Германией. Для этого будет достаточно

¹ Уже весной 1938 г. чехословацкое правительство располагало информацией о деятельности группировки Фландена, позволявшей предвидеть полную переориентацию французской внешней политики (Das Abkommen von Munchen, S. 295).

² DGFP Series D vol. II, p. 252—253

³ Documents on British Foreign Policy 1919—1939 (далее — DBFP) First series, Vol. I London, 1949, p. 267, 269

⁴ FRUS 1938, vol. I, p. 494

⁵ DBFP. Third series, vol. I, p. 243—246, 259, 261—262, 280—281.

германской стороне точно сформулировать свою программу, а Англии взять на себя ее осуществление в Праге. При этом английский дипломат отметил, что подобное сотрудничество в решении чехословацкой проблемы может открыть путь к достижению длительного англо-германского соглашения по широкому кругу вопросов, касающихся будущего Европы¹.

Американский посол в Германии Вильсон сообщал в Вашингтон 28 апреля 1938 г., что важно «заключить такое соглашение с Берлином... которое, так сказать, канализировало бы устремления Германии и даже ее непоколебимые намерения с таким расчетом, чтобы обеспечить всеобщий мир»².

Правительство США было хорошо информировано о замыслах Англии и Франции. Избегая официальных заявлений, Вашингтон на деле солидаризировался с англо-французской дипломатией. Посол Буллит сообщал в те дни, что, по мнению руководства Соединенных Штатов, предотвратить присоединение Гитлером пограничных областей Чехословакии невозможно³. Опасное воздействие подобных оценок легко понять, приняв во внимание то влияние, которым пользовались США в капиталистическом мире.

В это время в самой Чехословакии начались разногласия между различными группировками буржуазии. Наиболее правые круги, представленные аграрной партией, к которой принадлежал, в частности, премьер-министр Годжа, видели возможность сохранения своих социальных позиций в установлении в стране «сильной власти», считая возможным опереться на помощь рейха. Еще до майского кризиса они давали понять гитлеровцам, что готовы пойти на уступки Генлейну и согласны расторгнуть пакт о взаимопомощи с Советским Союзом⁴.

Другой тактической линии придерживались президент Бенеш и представляемая им группировка крупной буржуазии. На протяжении всего межвоенного периода они ориентировались на западные державы, прежде всего на Францию. Заинтересованная в сохранении чехословацкого государства, обеспечивавшего ей господствующие политические и экономические позиции внутри страны, эта часть буржуазии полагала, что от Гитлера можно добиться большего, следуя в фарватере англо-французской политики.

Располагая широкими личными связями на Западе и хорошо зная дипломатическую кухню Лиги наций, Бенеш ясно представлял себе, какого рода сговор подготавливался между «западными демократиями» и державами оси. Реакционные круги, писал он впоследствии, желали направить развитие событий таким образом, чтобы, если возникнет война, она была бы «войной между нацизмом и большевизмом»⁵. Деятельность Бенеша свидетельствует о том, что и он полностью разделял эти взгляды.

Договор с Советским Союзом президент Чехословакии рассматривал не как эффективное средство обеспечения независимости страны, а лишь как выгодный козырь в предстоящей рискованной дипломатической игре. «Отношения Чехословакии с Россией,— пояснял Бенеш британскому посланнику Ньютону 18 мая 1938 г.,— всегда были и будут второстепенным фактором, зависящим от позиции Франции и Англии... Если Западная Европа потеряет интерес к России, Чехословакия также утратит к ней

¹ V. K r á l. Spojenectví Československo-Sovětské v evropské politice 1935—1939, str. 328.

² FRUS. 1938, vol. I, p. 491.

³ V. K r á l. Spojenectví Československo-Sovětské v evropské politice 1935—1939, str. 334.

⁴ Ibid., str. 312.

⁵ E. B é n è s. Où vont les slaves? Paris, 1948, p. 212.

интерес»¹. Даже мысль о допуске советских войск на территорию Чехословакии для совместной обороны страны Бенеш считал «ослоумием» и невообразимой глупостью². Он внимательно прислушивался к советам Лондона и Парижа и был готов пойти на значительные уступки в переговорах с Генлейном.

Правительства Англии и Франции посоветовали Бенешу отменить мобилизацию и дать согласие на новые уступки генлейновцам³. Английский посол в Берлине довел до сведения германского правительства, что кабинет Чемберлена оказывает на Прагу давление для достижения «справедливого» решения вопроса и что она обещает сделать все возможное в этих целях. Далее английский дипломат просил Германию проявить терпение, ибо ее желания могут быть удовлетворены мирным путем. Если тем не менее военный конфликт разразится, предупреждал он, и Франция в силу своих обязательств вынуждена будет в него вмешаться, тогда Англия «не сможет гарантировать, что она не будет вовлечена в конфликт»⁴.

По расчетам правящих кругов Англии, Франции и их заокеанских партнеров, достижение договоренности с Германией предотвращало возникновение вооруженного конфликта внутри капиталистической системы, чреватого опасными социальными потрясениями. В то же время им казалась заманчивой перспектива направить «динамизм» рейха в сторону Советского Союза.

Стремясь подорвать советско-чехословацкий договор как опору независимости Чехословакии, гитлеровцы развернули бешеную антисоветскую кампанию. Они утверждали, что правительство Чехословакии, заключив договор с Москвой, превратило страну в очаг «красной опасности», «непотопляемый авианосец» большевиков. Центры немецко-фашистской пропаганды за пределами Германии пытались запугать обывателя Запада угрозой «коммунистической агрессии».

Общее направление гитлеровской пропаганды отвечало устремлениям политических лидеров Англии, Франции и США. Заявление дипломатов рейха, будто Чехословакия в результате договора с Советским Союзом превратится в плацдарм «для нападения на Германию»⁵, встретило в Лондоне и Париже понимание и сочувствие. Западные державы выдвинули тезис «нейтрализации» Чехословакии, то есть аннулирования ее договоров с Советским Союзом и Францией⁶.

Разделяя антисоветские высказывания гитлеровцев, не скрывавших намерения в самое ближайшее время начать «поход на Восток», англо-французская дипломатия всячески поощряла их в этом. В беседах с германскими представителями английские и французские официальные лица подчеркивали «экономические трудности», якобы переживаемые СССР, «неспособность» его армии вести наступательные операции.

Такова была политическая обстановка, на фоне которой разворачивалась чехословацкая трагедия. Лондон и Париж оказывали сильнейшее давление на Прагу, заставляя пойти на максимальные уступки. 25 мая германский посол в Лондоне Дирксен, ссылаясь на посланника Масарика,

¹ В донесении Лондону Ньютон назвал Чехословакию «искусственным созданием, не имеющим настоящих корней в прошлом» (I Colvin The Chamberlain Cabinet. How the meetings in 10 Downing Street, 1937—1939, led to the Second World War. Told for the first time from the Cabinet Papers New York, 1971, p. 110)

² Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939 М., 1968, стр. 171

³ История дипломатии, т. III Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы, стр. 723—724

⁴ DBFP. Third series, vol. I, p. 331—332.

⁵ DGFP. Series D, vol. II, p. 608

⁶ DBFP. Third series, vol. I, p. 452, 497.

сообщал в Берлин, что чехословацкое правительство намерено вести переговоры по всем вопросам, в том числе и о советско-чехословацких отношениях. «Он снова и снова подчеркивал, — писал германский посол, имея в виду Масарика, — что его правительство готово принять все требования, если они в какой-либо мере совместимы с сохранением независимости Чехословакии. Совершенно очевидно, что Галифакс оказал на него сильное давление»¹.

О своих демаршах в Праге Галифакс и Боннэ поспешили сообщить гитлеровцам², давая понять, что чехословацкий вопрос лучше всего решать за столом переговоров между Германией и западными державами, ибо это сотрудничество откроет путь к достижению договоренности между ними и по другим вопросам³. Настойчивость, с которой действовало при этом английское правительство, бросалась в глаза нацистским дипломатам. Правительство Чемберлена — Галифакса, подчеркивал Дирксен, «по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков»⁴.

Прибывший в середине июля в Лондон личный адъютант Гитлера капитан Видеман в беседе с Галифаксом заявил, что фюрер намерен начать переговоры с Великобританией лишь после урегулирования проблем Центральной Европы, прежде всего судетской, разрешить которую он собирается в ближайшее время⁵. От главы Форин офиса последовал ответ: «Передайте ему, что я надеюсь дожить до момента, когда осуществится главная цель всех моих усилий: увидеть Гитлера вместе с королем Англии на балконе Букингемского дворца...»⁶

Позиция Англии окончательно прояснилась после заявления английского посла в Берлине Гендерсона заместителю германского министра иностранных дел Вейцекеру, что правительство Великобритании не намерено ради чехов «пожертвовать хотя бы одним солдатом» и, если они пойдут на обострение отношений с Германией, Англия не окажет им поддержки⁷.

Важное значение имела позиция французского правительства, которое совместно с Советским Союзом могло предотвратить надвигающуюся катастрофу. Но основную ставку оно делало на соглашение с Германией. 23 мая Даладье пригласил к себе на квартиру германского посла Вельчека и, отбросив дипломатические условности, поделился своими опасениями об ужасных последствиях новой войны, в результате которой, утверждал французский премьер, будет полностью уничтожена «европейская цивилизация», а на опустошенных боями территориях появятся «казаки» и «монголы». Такая война, по его мнению, должна быть предотвращена, «даже если это потребует тяжелых жертв»⁸. Роль жертвы, отданной

¹ DGFP. Series D, vol. II, p. 340.

² *Ibid.*, p. 320, 343, 366. В беседе с Дирксеном 9 июня Галифакс, сообщив о «предупреждениях», сделанных в Праге, отметил, что, если бы германский посол был знаком с их текстом, он был бы удивлен, насколько далеко пошло английское правительство (*ibid.*, p. 397).

³ «Боннэ несколько раз возвращался к идее германо-франко-английского сотрудничества в разрешении судетско-немецкого вопроса, выражая надежду, что оно может открыть путь к сотрудничеству в других областях», — сообщал в Берлин германский посол в Париже Вельчек, излагая содержание своей беседы с французским министром иностранных дел от 25 мая 1938 г. (*ibid.*, p. 344).

⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, стр. 155.

⁵ F. W i e d e m a n n. Der Mann der Feldherr werden wollte. Dortmund, 1964, S. 160, 162.

⁶ F. W i e d e m a n n. Private Papers. M. S. Division. Library of Congress. Washington, D. C. Box. 604.

⁷ DGFP. Series D, vol. II, p. 352, 366.

⁸ *Ibid.*, p. 327.

на заклатие, отводилась, конечно, Чехословакии. Два дня спустя Боннэ в беседе с Вельчеком заявил, что Франция не намерена выполнять обязательства по договору с Чехословакией. Если ее правительство сохранит «неуступчивую» позицию, Франция «будет вынуждена пересмотреть свои обязательства по договору»¹. Это был акт открытого предательства.

Требую от чехословацкого правительства «уступчивости» в переговорах с генлейновцами, роль которых как агентов рейха была общеизвестна, Боннэ прекрасно знал действительные планы гитлеровцев. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в беседе с польским послом Лукасевичем 27 мая 1938 г. он сказал: «План Геринга о разделе Чехословакии между Германией и Венгрией с передачей Тешинской Силезии Польше не является тайной»². Французский министр иностранных дел использовал различные каналы для передачи в Берлин заверений, что «французы воевать не будут».

Несмотря на прямую поддержку правительств Англии и Франции в мае 1938 г., Гитлеру не удалось «проглотить» Чехословакию. Его остановила явно выраженная решимость чехословацкого народа выступить на защиту своей независимости. Но подготовка захвата Чехословакии продолжалась полным ходом.

3. Подготовка мюнхенской сделки

Англо-французские «миротворцы» чрезвычайно опасались новой попытки Гитлера «разрешить» судетский вопрос силой. Неприкрытая агрессия вызвала бы бурное возмущение общественного мнения, что помешало бы дальнейшему проведению политики «умиротворения». Вот почему на протяжении всего чехословацкого кризиса английская дипломатия настаивала, чтобы реализация экспансионистских замыслов гитлеровцами осуществлялась путем «мирной эволюции». С весны 1938 г., свидетельствует личный адъютант Гитлера Видеман, англичане говорили: «Бомбы, сброшенные на Прагу, будут означать войну. Нужна другая тактика в отношении чехов — надо выстрелов — души»³.

Готовое помочь немецким фашистам «душить» чехов, английское правительство по согласованию с Парижем в конце июля направило в Прагу лорда Ренсимена в качестве «независимого посредника». Как разъяснял Боннэ германскому послу, в критическую минуту Ренсимен предложит план «справедливого» урегулирования, с которым чехи вынуждены будут согласиться, даже если он окажется приемлемым только для одних судетских немцев⁴. Таким образом, миссия Ренсимена представляла собой грубое вмешательство западных держав во внутренние дела Чехословакии. По выражению Фирлингера, она явилась «ширмой, скрывавшей от глаз английской общественности ампутацию судетского края, судьба которого была предрешена в Лондоне»⁵. И все же тогдашнее чехословацкое правительство согласилось с посреднической миссией Ренсимена.

Правительство Соединенных Штатов оставило без ответа заявление СССР от 17 марта 1938 г., осуждавшее захват Германией Австрии. По ви-

¹ DGFP Series D, vol II, p 344

² Документы и материалы кануна второй мировой войны т I, стр 136—137

³ Цит по J Benoist Meschin Histoire de l'Armée Allemande vol V, p 349. Поясняя тактику, рекомендуемую Лондоном германский посол Дирксен писал 8 июля 1938 г. «При решении судетско-немецкого вопроса английское правительство, по видимому, желало бы продвигаться этапами, от автономии к плебисциту и даже от плебисцита к отделению судетско-немецких районов при условии, что этот процесс не будет нарушен насильственными мерами со стороны Германии» (DGFP Series D, vol II, p 395)

⁴ DGFP Series D, vol II, p 549

⁵ Z Fierlinger Ve sluzbach CSR Sv I Praha, 1951, str 122

не госдепартамента советско-американские отношения в тревожное лето 1938 г. находились в состоянии «холодной неопределенности». После отъезда из Москвы посла США Д. Дэвиса его пост с июня 1938 г. до августа следующего года оставался незанятым.

Прибегая в публичных заявлениях к туманным формулировкам о стремлении к миру, американское правительство через своих дипломатических представителей в Европе поддерживало англо-французскую дипломатию, усилия которой были направлены на сговор с фашистскими державами. «Посол Соединенных Штатов в Лондоне Джозеф Кеннеди, — вспоминал Бенеш, — последовательно и безоговорочно защищал чемберленовскую политику «умиротворения»... А Даладье неоднократно указывал, что проводимая им политика «умиротворения» находилась в соответствии с позицией американского посла в Лондоне, а стало быть, и Соединенных Штатов...»¹

В связи с чехословацким кризисом посол США во Франции Буллит в мае 1938 г. рекомендовал президенту Рузвельту вмешаться в европейские дела, чтобы избавить Францию от обязательств по договору с Чехословакией. Он видел выход в созыве конференции для перекройки карты Европы с участием западных держав и фашистских государств. Выдвинутый им вариант сделки отличался от осуществленного позднее сговора в Мюнхене лишь тем, что США должны были принять в ней непосредственное участие, выступив в роли арбитра.

Враждебной Чехословакии была и деятельность посла США в Германии Вильсона, убежденного сторонника политики «умиротворения». В начале августа 1938 г. он появился в Праге и подобно Ренсиму потребовал от чехословацкого правительства пойти на уступки генлейновцам².

Немецкое командование с мая по август 1938 г. издало ряд директив о подготовке нападения на Чехословакию. Гитлер рассчитывал, что вооруженное вторжение и ликвидация Чехословакии как самостоятельного независимого государства произойдет без какой-либо помехи со стороны западных держав. «Я приму... решение о начале операций против Чехословакии, — говорилось в директиве от 7 июля 1938 г., — если буду твердо уверен, что подобно тому, как это имело место при оккупации демилитаризованной зоны и вступлении в Австрию, Франция не выступит и Англия поэтому также не вмешается»³.

С конца мая Германия ускорила работы по сооружению западного вала (линия Зигфрида). Строительству укреплений был придан характер своеобразной демонстрации, призванной доказать «безнадежность» французской помощи Чехословакии. Сотни тысяч рабочих возводили укрепления даже в ночное время. От света множества прожекторов над германо-французской границей стояло зарево⁴. Намеренно подчеркивая размах работ, Гитлер на съезде нацистской партии в Нюрнберге 12 сентября 1938 г. заявил, что на строительстве заграждений было занято около 450 тыс. человек и ежедневно поступало 8 тыс. вагонов строительных материалов.

Западный вал должен был представлять укрепленную полосу шириной около 35 км, которая состояла из 17 тыс. долговременных сооружений, расположенных в три-четыре ряда. За ней шла зона противовоздушной обороны.

¹ E. B e n e š. Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství. Sv. I. Č. II. Praha, 1947, str. 255, 256.

² М. Б а т у р и н. США и Мюнхен (из истории американской внешней политики 1937—1938 гг.). М., 1961, стр. 108—109.

³ DGFP. Series D, vol. II, p. 473.

⁴ J. B e n o i s t - M é c h i n. Histoire de l'Armée Allemande, vol. V, p. 246—247.

Германская дипломатия и здесь не упустила случая сыграть на анти-советизме. Адъютант Геринга генерал Боденшатц 30 июня «доверительно» сообщил французскому военно-воздушному атташе Стелену, что эти укрепления необходимы Германии, чтобы «обезопасить свой южный фланг» при конфликте с Чехословакией, а затем при ликвидации «советской угрозы». Западные державы не должны по этому поводу беспокоиться, говорил Боденшатц, так как, «устраняя советскую угрозу, мы тем самым будем содействовать укреплению вашей безопасности...»¹. Именно это и хотели услышать будущие мюнхенцы.

Кризис в Чехословакии искусственно углублялся. Вопреки требованиям широких демократических слоев населения пресечь деятельность «пятой колонны» правительство пыталось урегулировать вопрос путем существенных уступок генлейновцам. Последние, руководствуясь инструкциями Берлина, отвергали предложения Бенеша и выдвигали новые требования. Под давлением Англии и Франции чехословацкое правительство 6 сентября по существу приняло все пункты карлсбадской программы Генлейна².

Оказавшиеся в затруднительном положении генлейновцы спровоцировали в Моравска-Острове столкновение с местной полицией и 7 сентября прервали переговоры³. В тот же день в лондонской газете «Таймс» была опубликована статья ее главного редактора Даусона, в которой чехословацкому правительству рекомендовалось «принять предложение, поддерживаемое в некоторых кругах и ставящее своей целью сделать Чехословакию более однородным государством путем отделения от него чуждого ему населения, живущего по соседству с народом, с которым оно связано расовыми узами...»⁴. Устами Даусона британская дипломатия выдвигала предложение, которое еще не смели сделать генлейновцы: отторгнуть от Чехословакии Судетскую область. Статья вызвала возмущение прогрессивной общественности Запада и ликование в Берлине.

На съезде нацистов в Нюрнберге в адрес Чехословакии посыпались грубая брань и угрозы. 12 сентября Гитлер потребовал предоставить судетским немцам право «самостоятельно» решить свою судьбу, предупредив, что они «не покинуты и не безоружны»⁵. По сигналу из Берлина генлейновцы организовали многочисленные инциденты, превратившиеся в массовые выступления пронацистски настроенных немцев в Судетах. Для предотвращения мятежа чехословацкое правительство было вынуждено применить войска и объявить Судетскую область на военном положении. Генлейн, опасаясь ареста, бежал в Германию.

Чехословацкое правительство предложило представителям судетско-немецкой партии продолжить переговоры. Через Ренсима генлейновцы выдвинули свои условия: вывести из Судетской области чехословацкие войска, отменить военное положение и передать функции охраны порядка местным органам. Для выполнения этих требований они определили срок — шесть часов.

В два часа дня 13 сентября в Лондоне получили тревожную телеграмму от английского посла в Берлине, содержащую предупреждение, что в случае невыполнения чехословацким правительством ультиматума вспыхнет война; поэтому «нельзя терять ни минуты». «Если понадобятся оправдания перед некоторыми кругами, которые расценят это как постыд-

¹ P. Stehlin. Témoignage pour l'histoire. Paris, 1964, p. 82, 83.

² J. Wheeler-Bennett. Munich. Prologue to Tragedy, p. 91.

³ R. Laffan. Survey, 1938, vol. II, p. 251, 253.

⁴ «The Times», September 7, 1938.

⁵ Dokumente der Deutschen Politik. Bd. VI. T. I. Berlin, 1939, S. 293—295.

ную капитуляцию перед германскими угрозами, то это, безусловно, можно объяснить нашей постоянной приверженностью принципу самоопределения»¹, — предлагал Гендерсон.

Этого сигнала только и ожидал Чемберлен, готовый приступить к исполнению давно разработанного им тайного замысла: дождавшись апогея кризиса, в последний момент под девизом «спасения мира» лично отправиться к нацистскому диктатору на переговоры. 13 сентября он уведомил Гитлера телеграммой о готовности посетить его на следующий день². 15 сентября в Берхтесгадене состоялась встреча Чемберлена с Гитлером, который был настроен весьма воинственно. И это понятно. Разве сами англичане и французы не заверяли его, что они ничего не предпримут для спасения Чехословакии? Разве унизительное паломничество британского премьера, которому пришлось пересечь всю Германию и, добравшись до Баварских Альп, подняться по ступеням горной виллы рейхсканцлера, не являлось новым свидетельством постыдной капитуляции Запада?

Неожиданный визит главы английского правительства Гитлер решил использовать как своего рода предлог для оправдания в глазах мировой общественности подготавливаемого вторжения в Чехословакию. Сославшись на вымышленное сообщение о трехстах убитых и многих сотнях раненых в результате столкновений в Судетах, Гитлер заявил, что чехословацкая проблема требует немедленного решения и что возможность сотрудничества Германии и Англии будет в значительной степени зависеть от того, сумеют ли они достигнуть соглашения на общей основе. Если судетских немцев включить в рейх, бесцеремонно заявил фюрер, отделить венгерское, польское и словацкое меньшинства, то оставшаяся часть окажется столь малой, что по этому вопросу не придется ломать голову.

Чемберлен высказался за передачу Судет Германии, отметив лишь, что должен проконсультироваться с членами своего кабинета, Парижем и лордом Ренсимоном, «забыв» при этом о Праге. Глава английского правительства предложил прервать переговоры на несколько дней, чтобы затем встретиться вновь³. После беседы с Чемберленом Гитлер абсолютно уверовал в возможность захвата Судетской области Чехословакии. Премьер Англии был также полон решимости заставить наконец Прагу выполнить требования Германии.

Вопреки распространявшимся в западноевропейских дипломатических кругах высказываниям английских официальных деятелей, что положение чехов «безнадежно», многие члены кабинета, обсуждая 30 августа 1938 г. при закрытых дверях линию английского правительства в отношении чехословацкого кризиса, вынуждены были признать, что их твердая позиция предотвратила бы агрессию⁴. Однако общий курс кабинета в надвигавшемся мировом конфликте оставался прежним, хотя некоторые его члены отлично понимали, насколько это рискованно для национальных интересов страны. «Нельзя гарантировать, — предупреждал английский министр иностранных дел, — что такая политика принесет успех... Если она потерпит неудачу, правительству будет предъявлен упрек, что, проявив только мужество в своих убеждениях, оно могло бы предотвратить несчастье. Его обвинят также в отказе от принципов коллективной безопас-

¹ DBFP. Third series, vol. II, p. 307.

² Ibid., p. 314. Шаг, предпринятый Чемберленом, был горячо поддержан французским правительством. 15 сентября Боннэ сообщил английскому послу в Париже Фиппсу, что намерен решительно рекомендовать своему правительству поддержать любое предложение, которое может быть сделано Чемберленом «независимо от того, согласятся с ним чехи или нет» (ibid., p. 336—337).

³ DGFP. Series D, vol. II, p. 786, 788, 790, 796, 798.

⁴ Public Record Office (далее — PRO). Cab., 23/94, p. 5.

ности и тому подобном. Но эта критика его не трогает»¹. В соответствии с такой позицией премьер обязал не высказывать угроз в адрес Гитлера, продолжать усилия, направленные на «урегулирование» вопроса, не предпринимать ничего, что может вызвать раздражение в Берлине².

Докладывая 17 сентября на заседании кабинета министров результаты своего визита к Гитлеру, Чемберлен по-прежнему утверждал, что, выдав Чехословакию Германии, можно достичь желанной договоренности с фюрером. «Премьер-министр полагает,— говорится в протоколе этого заседания,— что можно урегулировать существующие трудности и надеяться достичь соглашения также и по другим вопросам»³.

Одним из аргументов апологетов Мюнхена является утверждение, будто западные державы, в частности Англия, перед угрозой применения гитлеровцами силы уступили им, так как были плохо подготовлены к войне. Эта версия абсолютно несостоятельна. Протоколы закрытых заседаний британского кабинета свидетельствуют, что ни один из министров ни разу не поставил вопроса о необходимости пойти на уступки Германии в связи с недостаточной готовностью Англии и Франции к войне. Военный фактор не только не выдвигался в качестве решающего при определении позиции правительства, но даже не рассматривался в числе тех соображений, которые влияли на формирование его точки зрения. Только наиболее откровенные капитулянты, например министр координации обороны Инскип, утверждали, что Англия еще не достигла «максимального уровня готовности»⁴.

Другая группа министров полагала, что, если конфликт с Германией неизбежен, выгоднее пойти на него в 1938 г., ибо уже через год у Германии будут неизмеримо более прочные позиции для ведения длительной войны⁵. Сам Чемберлен отрицал, что предоставление рейху «свободы рук» на Востоке являлось уступкой со стороны Англии, сделанной под давлением. «Если бы наша программа не была осуществлена в той мере, в какой это имеет место,— так записана в протоколе его речь,— для него (премьер-министра. — *Ред.*) вообще было бы невозможно решиться на встречу с г. Гитлером. Только тот факт, что мы увеличили наши силы и представляем в настоящее время грозную державу, позволяет нам говорить достаточно весомо»⁶. Кроме того, не следует забывать, что осенью 1938 г. речь шла не о единоборстве с Германией, а о готовности английского правительства совместно с СССР и Францией коллективными средствами обуздать фашистского агрессора.

Действительные причины капитулянтского курса западных держав заключались не в военной слабости, а в классовых целях, которые преследовали их правящие круги.

18 сентября по приглашению английского правительства в Лондон прибыли Даладье и Боннэ. После того как Чемберлен ознакомил французских министров с результатами своего визита к Гитлеру, обе стороны договорились о совместном предъявлении ультиматума Праге. В ноте, направленной чехословацкому правительству 19 сентября 1938 г., западные державы в категорической форме требовали срочной передачи Германии пограничных районов, в которых немецкое население составляло более 50 процентов. «...Поддержание мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии,— говорилось в документе,— не может быть эффективно обеспечено, если эти районы сейчас же не передать Герман-

¹ PRO. Cab., 23/94, p. 10.

² *Ibid.*, p. 29—30.

³ PRO. Cab., 23/95, p. 18.

⁴ PRO. Cab., 23/94, p. 16.

⁵ PRO. Cab., 23/95, p. 38.

⁶ *Ibid.*, p. 46.

ской империи»¹. Выражая при этом готовность предоставить Чехословакии в новых границах «гарантии» против неспровоцированной агрессии, Англия и Франция потребовали от нее аннулирования договоров о взаимной помощи с Советским Союзом и Францией. Нота заканчивалась уведомлением, что западные державы ждут скорейшего ответа из Праги, так как Чемберлен намерен возобновить переговоры с Гитлером не позднее 22 сентября ².

Дальнейший ход событий очень скоро выявил истинную цену «гарантий»: то был вероломный маневр англо-французской дипломатии, который сыграл столь важную роль в готовившемся предательстве. Принимая решение о «гарантиях», английское правительство считало его неосуществимым. «...Чехословакия после передачи судетско-немецкой области превратится в экономически нежизнеспособное государство, — говорил военный министр Хор-Белиша на заседании кабинета 19 сентября 1938 г. — Трудно представить, как оно сможет сохранить независимое существование. Кроме того, в стратегическом отношении положение страны будет уязвимым, и не существует средств, с помощью которых мы могли бы выполнить гарантии»³. Чемберлен пояснил, что без предоставления таких «гарантий» чехословацкий народ решительно воспротивится навязываемому ему диктату. «Предположим, что часть Чехословакии, — говорил премьер, — будет передана Германии. Какая же судьба ожидает остальную часть страны? Ведь останется лишь беспомощный маленький клочок территории, который Германия будет в состоянии проглотить в любую минуту. У чехов может сложиться такое мнение, и они, вероятно, предпочтут умереть сражаясь, чем согласиться с решением, которое лишит их естественных границ»⁴.

Заверение о безопасности Чехословакии в новых границах было использовано Чемберленом и Даладье для обмана общественного мнения и в собственных странах, чтобы с наименьшими трудностями заключить сделку с Гитлером и планомерно подготовить предательство Чехословакии.

На протяжении лета и осени 1938 г. чехословацкий кризис находился в центре международной жизни. Захватнические планы Германии, заявление Италии о солидарности со своим партнером по оси, нежелание западных держав предпринять какие-либо реальные меры для пресечения новых актов агрессии — все это вызывало растущее беспокойство как советского народа, так и прогрессивных сил Запада.

Во главе борьбы за мир стоял СССР. Он стремился предотвратить готовившееся злодеяние. Советское правительство довело до сведения Берлина свое намерение выполнить союзнические обязательства перед Чехословакией.

Советское правительство стремилось побудить западные государства активно поддержать Чехословакию. Выражая точку зрения правительства СССР, советский полпред в Лондоне Майский 17 августа 1938 г. заявил британскому министру Галифаксу о необходимости «противопоставить абсолютно твердый фронт Германии и Италии, которые далеко не так сильны, как они хотят заставить нас поверить»⁵. Так как Галифакс лишь сослался на выступление Чемберлена в парламенте 24 марта об отказе Англии взять на себя какие-либо обязательства в Центральной Европе, Май-

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, стр. 203.

² Французская буржуазная историография обычно старается доказать, что соглашение 18 сентября было чуть ли не навязано Франции. В действительности же французская делегация прибыла на переговоры в Англию с продуманной программой, включавшей и отторжение Судет от Чехословакии, и пресловутые «гарантии».

³ PRO. Cab., 23/95, p. 12.

⁴ Ibid., p. 9.

⁵ DBFP. Third series, vol. II, p. 107.

ский вынужден был подчеркнуть, что, если Германия предпримет нападение на Чехословакию, Советский Союз не останется в стороне ¹.

Чехословакия переживала трагические дни. Патриотический подъем, охвативший широкие слои населения, пугал чешскую реакцию: если раздать оружие, не зайдут ли события слишком далеко? Этого опасались и английские капитулянты. Посланник Великобритании в Праге Ньютон предупреждал чехословацкое правительство о необходимости «величайшей осторожности», чтобы предпринимаемые им меры против генлейновцев не превратили «преходящий порыв эмоций в революционное движение» народа ². В дни сентябрьского кризиса различия во взглядах отдельных группировок буржуазии отошли на задний план. В страхе перед потрясениями, которые поставили бы под угрозу их классовые позиции, чехословацкие правящие круги предпочли капитулировать. Они решили удовлетворить все требования, выдвинутые Генлейном.

Единственной партией, проявившей величайшую преданность национальным интересам, последовательно боровшейся против угрозы войны и фашистского порабощения, была Коммунистическая партия Чехословакии. Еще в апреле 1936 г. на VII съезде она выдвинула задачу создания народного фронта во главе с рабочим классом, а в области внешней политики — упрочения союза с СССР, развертывания борьбы за претворение в жизнь принципов коллективной безопасности.

Важнейшими условиями создания народного фронта являлись укрепление единства рабочего класса, преодоление оппортунистического курса правых социалистов, пользовавшихся влиянием среди значительной части трудящихся, ликвидация в рабочем движении национальных предрассудков. Лидеры правых социалистов, отказывавшиеся от совместных действий с коммунистической партией, препятствовали вовлечению в борьбу широких народных масс, мобилизации всех антифашистских и демократических сил для пресечения действий внутренней реакции.

Весной и летом 1938 г., когда возникла непосредственная угроза агрессии со стороны Германии, народные массы по призыву коммунистической партии выступили против соглашательской политики буржуазии. По всей стране прошли многотысячные демонстрации и митинги, участники которых выражали готовность с оружием в руках защищать независимость родины и требовали от правительства решительных мер для укрепления обороны государства и пресечения деятельности фашистской агентуры. 11 июня в Праге состоялась 50-тысячная демонстрация под лозунгом «Мы не сдадимся!». В начале августа в связи с приездом Ренсимаена прокатилась новая волна демонстраций протеста против вмешательства английского империализма во внутренние дела Чехословакии. «Народ решительно отвергает попытки империалистов торговать судьбой страны, — заявила коммунистическая партия. — Он не допустит, чтобы кто-либо и как бы то ни было касался границ Чехословацкой республики»³.

Коммунистическая партия категорически отвергла англо-французский диктат. «То, что сейчас советуют из Лондона, — заявил К. Готвальд, выступая 19 сентября в постоянном комитете Национального собрания, — по своим размерам несколько не меньше того, чего можно было бы требовать от Чехословакии в случае проигранной войны... Независимость Чехословакии защищает тот, кто отвергает любое нарушение ее границ. Мы рассчитываем на то, что воля и решимость широких слоев народных масс Франции и Англии иные, чем у участников лондонского совещания. Мы знаем, что Советский Союз не будет колебаться в выполнении сущест-

¹ DBFP. Third series, vol. II, p. 107.

² I b i d., p. 319.

³ K. G o t t w a l d. Spisy. Sv. VIII. 1937—1938. Praha, 1953, str. 250.

вующих договорных обязательств. Мы добровольно не дадим расчленить республику. Если на нас нападут, мы будем защищаться. Если мы будем защищаться, мы не будем одиноки»¹.

Правительство Годжи пыталось скомпрометировать в глазах трудящихся масс идею сотрудничества с СССР, посеять сомнения в отношении его готовности выполнить обязательства по договору и таким образом сломить волю своего народа к борьбе. Этой цели, в частности, служило заявление министра иностранных дел чехословацким журналистам 16 сентября, намеренно извращавшее позицию Советского Союза². Чехословацкое правительство на протяжении всего кризиса не предприняло попытки опереться на поддержку СССР. Бенеш ни разу не запросил Советское правительство о возможности в случае отказа Франции получить помощь Советского Союза³.

18 сентября, когда в Лондоне начались англо-французские переговоры, советский полпред в Праге С. С. Александровский в беседе с Крофтой обратил его внимание на то, что Чехословакия могла бы поставить вопрос об угрозе агрессии со стороны Германии в Лиге наций. Но чехословацкая делегация в Женеве вела себя крайне пассивно: правительство Чехословакии отказалось от возможности получить помощь и по линии Лиги наций⁴.

Ультиматум, врученный 19 сентября английским и французским посланниками Бенешу, означал, что обе державы полностью отдают Чехословакию на милость Германии. Помощник министра иностранных дел Англии О. Харви в эти дни говорил: «За Германию предъявили ей (Чехословакии. — *Ред.*) ультиматум мы»⁵. Скрыв ультиматум от народа, чехословацкое правительство, прежде чем капитулировать, осуществило ряд дипломатических шагов, рассчитанных на обман общественного мнения.

20 сентября министр иностранных дел Крофта передал английскому и французскому посланникам ответ своего правительства, который содержал отказ от выполнения условий ультиматума. Лондонские требования, говорилось в документе, выработаны без консультаций с Прагой, их осуществление рано или поздно приведет к полному подчинению Германией Чехословакии и нарушению равновесия сил в Европе.

Чехословацкое правительство предложило разрешить вопрос на основе арбитражного соглашения 1925 г. между Германией и Чехословакией. Однако не прошло и получаса после этого, как премьер Годжа, срочно пригласив к себе французского посланника де Лакруа, сообщил ему, что этот ответ еще не окончательный. Если Чехословакия, пояснил он, получит более жесткий ультиматум с прямым заявлением об отказе Франции выполнить союзнические обязательства по договору, то Прага

¹ К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения. Т. I (1925—1938 гг.). Перевод с чешского. М., 1957, стр. 534—535.

² V. K r á l. Spojenectví Československo-Sovětské v evropské politice 1935—1939, str. 394—395.

³ 22 сентября заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин прямо спросил чехословацкого посланника, почему его правительство никогда не ставило вопроса о безусловной помощи со стороны Советского Союза. Фирлингер ответил, что «из-за географического положения думать об этом было трудно» (Новые документы из истории Мюнхена, стр. 128).

⁴ Аналогичные шаги в отношении чехословацкой проблемы предпринимались и некоторыми членами французской делегации в Женеве (Эррио, Поль-Бонкур), которые более реально оценивали складывающуюся для Франции ситуацию и расходились во взглядах с Боннэ. Эррио в беседе с чехословацкими представителями выразил удивление, почему Бенеш не поставил перед Лигой наций этот жизненно важный для Чехословакии вопрос (Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939. Сборник статей. Перевод с чешского. М., 1959, стр. 521).

⁵ The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. 1937—1940. London, 1970, p. 202.

капитулирует¹. Аналогичное разъяснение получил и английский посланник Ньютон².

Западные державы не замедлили воспользоваться представившейся возможностью. Поздно вечером 20 сентября Галифакс направил Ньютону предписание осуществить вместе с французским коллегой новый демарш в отношении чехословацкого правительства. «Действуйте немедленно, независимо от времени суток»³, — говорилось в телеграмме. В ночь на 21 сентября, около 2 часов, оба посланника явились к Бенешу. Если возникнет война, заявил де Лакруа, «Франция не примет в ней участия». Еще более категоричным было предупреждение Ньютона: англо-французские предложения — единственное средство немедленно предупредить нападение Германии. Если чехословацкое правительство их отклонит, Англия полностью снимет с себя ответственность за последствия⁴.

Всего лишь через несколько часов Крофта вручил представителям западных держав новый ответ чехословацкого правительства: Прага готова капитулировать⁵. Пытаясь оправдать в глазах народа совершенное предательство, правительство опубликовало заявление, в котором ссылалось на ультимативный характер англо-французских требований. Одновременно пражские капитулянты прибегли к злостной клевете на Советский Союз. В указанном заявлении говорилось, что правительство якобы осталось «в полном одиночестве»⁶. Советский полпред немедленно заявил решительный протест против этой и других инсинуаций⁷.

Англо-французский диктат в отношении Праги и последовавшая капитуляция чехословацкого правительства открыли путь к Мюнхену. 22—23 сентября состоялась новая встреча британского премьера с Гиглером, на этот раз в Годесберге. Чемберлен изложил фюреру выработанный в Лондоне план передачи Судетской области Германии и замены договоров, которые имела Чехословакия, международной «гарантией». Но Гитлер заявил, что английские предложения уже неприемлемы. Помимо судетских немцев, пояснил он, в Чехословакии проживают поляки и венгры. Им тоже должно быть предоставлено право отделиться. Кроме того, метод определения границ передаваемой территории слишком длителен, а он не хочет иметь никакого дела с комиссиями, комитетами и тому подобными организациями. Границу следует установить немедленно и передаваемую область сразу же оккупировать германскими войсками. Проблему необходимо «разрешить» полностью и окончательно до 1 октября.

¹ G. Bonnet. Défense de la paix. De Washington au quai d'Orsay. Geneve, 1946, p. 247—248.

² DBFP Third series, vol II, p. 425. Небезынтересно отметить, что за два дня до англо-французского ультиматума, 17 сентября, в Париж по поручению Бенеша прибыл министр Нечас и через Блюма передал французскому премьеру конфиденциальное предложение разрешить вопрос о судетских немцах не путем самоопределения, а прямой передачей Германии трех пограничных районов. Из Парижа Нечас с этим же предложением направился в Лондон.

³ DBFP Third series, vol II, p. 436.

⁴ Оба заявления были сделаны в устной форме. По просьбе Бенеша французский посланник на следующий день вручил президенту письменный текст, который излагал содержание предыдущего разговора в несколько сглаженной форме. «Отвергая франко-английские предложения, — говорилось в документе, — правительство Чехословакии берет на себя ответственность вызвать применение силы со стороны Германии. Тем самым оно разрушает единство взглядов, достигнутое Францией и Англией, и лишает себя какой-либо практической и действенной помощи со стороны Франции. Чехословакия, таким образом, сама идет на риск, от которого, по нашему мнению, мы ее избавляем. Она должна понять, какие выводы вправе сделать Франция в том случае, если чехословацкое правительство не примет немедленно франко-английские предложения» (Das Abkommen von Munchen, S. 24).

⁵ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 118—119.

⁶ Там же, стр. 117.

⁷ Там же, стр. 120—121.

Гитлер «сердечно» поблагодарил Чемберлена за его труды в переговорах по «спасению мира» и заверил в своем давнем стремлении к дружбе с Англией. «Между нами нет никаких противоречий, — утверждал он, — мы не будем вмешиваться в ваши дела вне Европы, а вы можете, ничего не опасаясь, предоставить нам свободу рук в Центральной и Юго-Восточной Европе»¹. Личный переводчик Гитлера Шмидт, присутствовавший во время этой беседы, в своих мемуарах не упоминает о каких-либо возражениях Чемберлена против такого плана — их просто не было.

Наглые требования Германии и готовность британского премьера пойти ей на новые уступки были встречены международной общественностью с гневом и возмущением. По всей Чехословакии прокатилась волна демонстраций протеста. «В Праге происходят потрясающие сцены, — сообщал полпред СССР 22 сентября. — Полпредство окружено полицейским кордоном. Несмотря на это, толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции проходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство. Имена не только Годжи, но и Бенеша встречаются свистом и криком... Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть»². В этот день капитулянтское правительство Годжи было свергнуто. Новое правительство во главе с генералом Сыровы под давлением народных масс провело мобилизацию, которая, однако, оказалась очередным маневром с целью замаскировать национальное предательство чехословацкой буржуазии.

4. Борьба Советского Союза в защиту Чехословакии

Советский Союз, несмотря на двойственную позицию правительства Бенеша, активно готовился к оказанию помощи Чехословакии. Еще во время австрийского кризиса советский полпред в Праге Александровский по заданию Советского правительства направился в Бухарест, чтобы обсудить возможность пропуска Советских Вооруженных Сил через территорию Румынии для оказания помощи Чехословакии. Он сообщил чехословацкому посланнику в Румынии, что СССР не нарушит своих обязательств и что предоставление им помощи Чехословакии зависит только от нее самой³. Задолго до мюнхенского предательства, 15 марта 1938 г., заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин в беседе с чехословацким посланником в Москве З. Фирлингером относительно возможных последствий захвата Австрии подтвердил готовность СССР выполнить пакт о взаимопомощи, в случае если бы Чехословакия подверглась нападению со стороны Германии⁴. В тот же день аналогичные заявления сделали нарком М. М. Литвинов английскому послу в Москве, а советский полпред в Париже — французскому правительству. На вопросы журналистов, как сможет Советская Армия попасть в Чехословакию, Литвинов заметил: «Where there's a will, there's a way» («Было бы желание, тогда и проход найдется») ⁵.

В середине апреля 1938 г. Фирлингер вновь обсудил с представителями Наркоминдела Советского Союза возможные пути военного сотрудничества с СССР. Советское правительство выразило готовность к немед-

¹ P. S c h m i d t. Sur la scène internationale. Ma figuration auprès de Hitler. 1933—1945. Paris, 1950, p. 152—153.

² Новые документы из истории Мюнхена, стр. 129.

³ Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939, стр. 476—477.

⁴ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 15—17.

⁵ Э. Р о т т ш т е й н. Мюнхенский сговор. Перевод с английского. М., 1959, стр. 241.

ленному совещанию представителей военных штабов трех союзных стран. Однако, вместо того чтобы всемерно использовать открывавшиеся возможности принятия самых решительных коллективных мер против надвигающейся немецкой агрессии, чехословацкий министр иностранных дел К. Крофта 21 апреля 1938 г. ответил на настойчивые запросы своего посланника в СССР следующее: «Мы должны выждать, сохранит ли новое правительство (Франции. — *Ред.*) такую же линию, как и Бонкур, а главное, так же ли оно рассматривает вопрос о Польше и России. При нынешних отношениях между Парижем, Прагой и Москвой всегда сохранялся принцип, что Прага не берет на себя инициативу, в частности, в военных вопросах сама переговоры вести не будет... мы должны присоединиться к тому, о чем существует договоренность между Парижем и Москвой»¹.

С целью устранения какого-либо сомнения в позиции Советского правительства 12 мая в Женеве Литвинов при встрече с Бонне предложил начать переговоры между советским и французским генеральными штабами по техническим вопросам, включая вопрос о проходе советских войск через Румынию и Польшу. Бонне обещал доложить это предложение своему правительству, но дальше этого обещания дело не пошло².

О позиции Советского правительства в чехословацком вопросе президент Э. Бенеш получил в середине мая исчерпывающую информацию, представленную ему при встрече К. Готвальдом. По этому поводу Готвальд писал, что в беседе с ним Сталин ясно и определенно заявил о готовности СССР оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если вопреки пакту Франция этого не сделает, а санационная Польша и боярская Румыния откажутся пропустить советские войска. При этом Сталин заметил, что данный вариант будет иметь силу при одном условии: если сама Чехословакия станет защищаться и попросит о советской помощи³. Решительная позиция СССР давала возможность Чехословацкой республике успешно противостоять гитлеровскому нашествию и не бояться тех последствий, которыми пугали ее западные лжесоюзники.

25 мая 1938 г. советский полпред в Вашингтоне Трояновский, выступая с публичной речью, широко информировал американскую общественность об упомянутой точке зрения СССР в отношении Чехословакии⁴. Большая тревога за судьбы мира в Европе прозвучала в предвыборной речи М. М. Литвинова 23 июня 1938 г. в Ленинграде.

С особенной настойчивостью ставило Советское правительство в августе — сентябре 1938 г. вопрос о выполнении Францией ее союзнических обязательств перед Чехословакией. Из месяца в месяц позиция Франции в этом вопросе менялась в худшую сторону. Это было связано с серьезным сдвигом вправо во внутриполитической жизни страны в связи с приходом к власти правительства Даладье, а также с возрастающим давлением английских консерваторов.

Официальные заявления о готовности СССР к защите Чехословакии сопровождались непосредственными предупреждениями агрессору, которые неоднократно передавались германскому правительству через его посла в Москве. Одно из таких предупреждений было изложено в беседе Литвинова 22 августа 1938 г. с германским послом Шуленбургом. На слова последнего о том, что Чехословакия якобы интересуется Германию с точки зрения положения судетских немцев, нарком, разоблачая лицемерие агрессора, заявил, что Германия не столько озабочена судьбами судетских немцев, сколько стремится к ликвидации Чехословакии в целом. Она хочет захватить эту страну. Если дело дойдет до войны, продолжал Литви-

¹ Внешняя политика Чехословакии 1918—1939, стр. 482—483.

² Э. Ротштейн Мюнхенский сговор, стр. 245.

³ «Правда», 28 декабря 1949 г.

⁴ Э. Ротштейн Мюнхенский сговор, стр. 246.

нов, Советский Союз, который обещал Чехословакии поддержку, «сдержит свое слово и сделает все, что в его силах»¹.

В защиту Чехословакии активно выступила советская печать. На страницах газет и журналов публиковалось много материалов о международном и внутреннем положении Чехословакии, в которых говорилось, кто ей враг, а кто подлинный друг, что на ее защиту должны встать народы всей Европы. Только в начале апреля 1938 г. в газетах «Правда» и «Известия» были опубликованы статьи: «Германская угроза Чехословакии», «Планы нападения на Чехословакию», «Британские капитулянты подготавливают сделку с агрессором», «Фашистские провокации против Чехословакии», «Наглые требования Генлейна» и другие.

Активные и решительные действия СССР в отношении Чехословакии являлись составной частью последовательной политики Коммунистической партии и Советского правительства, направленной на обеспечение безопасности европейских государств и предотвращение надвигавшейся угрозы новой мировой войны. Решение этой задачи Советский Союз видел не в уступках агрессорам, а в противопоставлении им единого фронта всех государств, заинтересованных в укреплении мира.

В первых числах сентября 1938 г. Советское правительство предложило правительствам Франции и Англии конкретную программу действий, включавшую неотложные мероприятия, осуществление которых дало бы возможность коренным образом изменить направление событий и обеспечить безопасность Чехословакии. Программа предусматривала:

1. Немедленный созыв совещания СССР, Франции и Англии и опубликование от имени трех держав декларации, которая содержала бы предупреждение, что в случае германской агрессии против Чехословакии последней будет оказана помощь.

2. Срочное обращение к Лиге наций на основании статьи 11 Устава для констатации факта угрозы германской агрессии в отношении Чехословакии.

3. Созыв совещания представителей генеральных штабов Советского Союза, Франции и Чехословакии для разрешения практических вопросов взаимодействия вооруженных сил трех государств в целях борьбы против агрессии.

Разъясняя позицию Советского правительства французскому поверенному в делах Пайяру, народный комиссар Литвинов отметил, что решительное предупреждение от имени трех крупнейших европейских держав при поддержке Рузвельта имело бы «больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры»².

В тех условиях существенную роль могла сыграть Лига наций. Несмотря на то что авторитет этой международной организации из-за ее бездействия перед фактом агрессии в отношении Эфиопии, Испании, Китая и Австрии оказался сильно подорванным, Лигу еще можно было использовать в целях сохранения мира. Ее решение, констатирующее угрозу Чехословакии со стороны фашистской Германии, дало бы Советскому Союзу и Франции возможность помочь Праге на основании статей 16 и 17 Устава Лиги наций³. Постановка вопроса в Лиге наций имела бы положительное значение и для оказания практической помощи Чехословакии Советским Союзом. Возможность прохода советских войск для участия совместно с чехословацкими вооруженными силами в отражении герман-

¹ История внешней политики СССР. Ч. I. 1917—1945. М., 1966, стр. 314.

² Новые документы из истории Мюнхена, стр. 72.

³ Статья 16 Устава Лиги наций устанавливала порядок применения санкций к государству, прибегшему к войне, если оно входило в Лигу наций; если агрессор не являлся членом Лиги наций, порядок применения санкций определялся статьей 17 (Версальский мирный договор. М., 1925, стр. 11—12).

ской агрессии зависела от Польши и Румынии. Но польское правительство, стоявшее на резко антисоветских позициях, отказалось пропустить советские части через свою территорию. Что касается Румынии, то с ней велась переписка.

Симпатии короля Кароля II были общеизвестны. Осенью 1938 г., беседуя с германским послом Фабрициусом, он заявил, что предпочел бы «видеть в своей стране немцев в качестве врагов, нежели русских в качестве друзей»¹. Официальная позиция Румынии, однако, определялась расстановкой политических сил в Европе и несла на себе отпечаток сильного в прошлом влияния Франции. Лавируя между двумя империалистическими группировками, румынское правительство в своей внешней политике все более ориентировалось на рейх. Вместе с тем, не зная, какую позицию в чехословацком вопросе займет Франция, румынская дипломатия стремилась сохранить возможности для маневра.

В конце августа в ответ на стремление Советского правительства договориться о практической возможности помочь Чехословакии, румынское правительство через французского посла в Бухаресте дало понять, что «закрывает глаза на пролет советских самолетов на высоте 3 тыс. м и выше, поскольку эта высота практически недостижима для румынской зенитной артиллерии»². В этих условиях можно предположить, что обсуждение в Лиге нации вопроса об угрозе немецко-фашистской агрессии против Чехословакии и принятие соответствующего решения, пусть даже не единогласного, а большинством голосов³, имело бы огромное моральное значение, особенно если среди этого большинства оказалась бы и Румыния.

Однако англо-французская дипломатия старательно избегала всего, что могло вызвать «раздражение» в Берлине. По мнению английского посла в Париже Фиппса, трудно было представить что-нибудь иное, «способное больше взбесить Гитлера», чем советские предложения⁴. Буржуазная печать, превратно истолковывая позицию Советского Союза, всячески замалчивала его инициативу.

Французская дипломатия, запрашивая Москву о мнении Советского правительства в отношении Чехословакии, стремилась изыскать предлог, который позволил бы Франции уклониться от выполнения обязательств по договору с этой страной. Поскольку советские предложения не давали такой возможности и СССР снова официально подтвердил свою решимость при условии оказания помощи со стороны Франции выполнить все обязательства по советско-чехословацкому договору, французский министр иностранных дел пошел на фальсификацию смысла советских заявлений. Бонне все время объяснял предательскую линию Франции в отношении Чехословакии «пассивностью России» в чехословацком вопросе, отмечал Майский, принимавший участие в работе очередной сессии Лиги наций в Женеве в сентябре 1938 г. «Оказывалось, что о готовности Советского правительства выступить на защиту Чехословакии во Франции вообще никто не знает, вплоть до членов ее правительства»⁵. К аналогичной тактике прибегли и английские дипломаты, нашептывавшие в политических кругах, будто Россия молчит и явно уклоняется от выполнения обязательств по советско-чехословацкому договору.

Разоблачая недостойное поведение англо-французских дипломатов, глава советской делегации Литвинов заявил на заседании Ассамблеи Лиги

¹ DGFP Series D, vol III, p. 310

² R L a f f a n Survey, 1938, vol II, p. 277—278

³ Согласно Уставу Лиги нации решения Ассамблеи и Совета приобретали формальную силу только при условии единогласного голосования

⁴ DBFP Third series vol II, p. 256

⁵ И М а й с к и и Воспоминания советского дипломата М., 1971, стр. 326.

наций 21 сентября 1938 г.: «Мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом»¹. Представитель СССР предложил срочно созвать совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств с целью выработки коллективных мер и вынести чехословацкий вопрос на обсуждение Лиги наций. Призвав всех членов Лиги определить свою роль и ответственность перед современниками, перед историей, Литвинов подчеркнул, что капитуляция в данном случае будет иметь «совершенно необозримые катастрофические последствия»².

Правительство Чехословакии, следуя на поводу у западных держав, проявляло крайнюю сдержанность в отношениях с Советским Союзом. Лишь 19 сентября, получив англо-французский ультиматум, Бенеш обратился к правительству СССР с формальным запросом:

1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную и действенную помощь, если Франция останется верной пакту?

2. В случае нападения Чехословакия немедленно обратится в Совет Лиги наций с просьбой привести в действие статьи 16 и 17. Поможет ли СССР в качестве члена Лиги наций на основании упомянутых статей? ³

Фирлингер, передавая в Прагу 20 сентября заявление, сделанное сразу же заместителем народного комиссара В. П. Потемкиным, писал: «Потемкин только что сообщил мне ответ на первый вопрос — готов ли СССР оказать немедленную и действенную помощь, если Франция останется верной пакту. Правительство отвечает: да, немедленно и действенно. На второй вопрос — готов ли СССР выполнить свои обязательства согласно ст. ст. 16 и 17 в случае обращения в Лигу наций — правительство отвечает: да, в любом отношении»⁴. О содержании ответа Бенешу Советское правительство одновременно сообщило правительству Франции.

Таким образом, в самую острую минуту кризиса, когда решалась судьба Чехословакии, Советский Союз снова подтвердил свою верность договору и выразил готовность оказать помощь даже в том случае, если Франция нарушит долг союзника, — тогда СССР действовал бы как член Лиги наций. Но было необходимо, чтобы чехословацкое правительство обратилось в Лигу с просьбой об оказании помощи. Однако этого шага так и не последовало. Позднее, в связи с беспокойством Праги по поводу того, что выработка решения в Лиге займет длительное время, В. П. Потемкин на вопрос чехословацкого посланника, «могло ли бы правительство СССР, в случае нападения Германии на Чехословакию, оказать помощь последней, не дожидаясь решения Совета Лиги наций», 22 сентября дал положительный ответ ⁵.

Разъясняя делегациям чехословацких трудящихся позицию Советского государства, наш полпред заверял, что СССР «дорожит Чехословацкой республикой и интересами ее трудящихся, а потому готов помочь защитой от нападения»⁶. Советское правительство, учитывая реальное соотношение сил осенью 1938 г., считало, что гитлеровцы не развяжут большой войны. А если они решатся на такую авантюру, их ожидает полный разгром.

¹ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 125.

² Там же, стр. 126.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же, стр. 105.

⁵ История дипломатии, т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы, стр. 737.

⁶ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 130.

Советское правительство продолжало борьбу за присоединение Англии и Франции к силам, выступавшим против захвата Чехословакии 23 сентября в беседе с английскими представителями в Женеве М. Литвинов вновь подтвердил намерение СССР выполнить союзнические обязательства и от имени Советского правительства предложил Англии и Франции как можно скорее созвать совещание трех держав для выработки конкретных мер помощи Чехословакии¹. Как и ранее, советские предложения не встретили отклика и оказались скрытыми от английской общественности.

Делая все возможное, чтобы коллективными усилиями предупредить нападение Германии, Советское правительство заблаговременно принимало необходимые меры по приведению в боевую готовность своих вооруженных сил для оказания Чехословакии немедленной и эффективной военной помощи.

Придавая важное значение установлению тесных контактов между генеральными штабами СССР, Чехословакии и Франции, Советский Союз в августе 1938 г. пригласил в Москву командующего чехословацкими военно-воздушными силами генерала Я. Файфра для решения важного вопроса об установлении непосредственного сотрудничества между советскими и чехословацкими ВВС. Но правительство Бенеша всячески оттягивало его поездку. И лишь после неоднократных напоминаний советской стороны генерал Файфр прибыл в Москву. Как он писал позднее, в ходе переговоров «с представителями Красной Армии был разработан план обороны Чехословакии с помощью Советского Союза», и «результатом совместных совещаний явилась договоренность о том, что Советский Союз сразу же вышлет нам на помощь 700 истребителей при условии, что для них будут подготовлены подходящие аэродромы, которые мы должны прикрыть своей зенитной артиллерией». Свое обязательство Советское правительство готово было немедленно реализовать независимо от позиции Франции, но чехословацкие власти под влиянием своих западных союзников помощь СССР не приняли². Советский Союз предложил также Чехословакии поставить на льготных условиях самолеты³.

По мере возрастания угрозы Чехословакии Советское правительство проводило подготовительные военные мероприятия, чтобы в случае необходимости обеспечить быструю и эффективную помощь своему союзнику. 26 июня 1938 г. Главный Военный Совет Советской Армии принял постановление преобразовать Киевский и Белорусский военные округа, находившиеся ближе всего к территории Чехословакии, в особые военные округа. В соответствии с приказом народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова, изданным в порядке реализации этого постановления, в Киевском особом военном округе началось срочное формирование четырех крупных армейских групп — житомирской, винницкой, одесской, а также кавалерийской группы, в Белорусском особом военном округе — двух армейских групп — витебской и бобруйской. Срок окончания этих организационных мероприятий был определен к 1 сентября 1938 г.⁴.

Армейские группы оперативного назначения включали в свой состав несколько стрелковых дивизий, танковые бригады, артиллерийские, инженерные части и другие войска обеспечения. Кавалерийская группа создавалась как сильное подвижное объединение, в состав которого входили два кавалерийских корпуса (2-й и 4-й), танковые, артиллерийские,

¹ DBFP Third series, vol. II. p. 497—498

² Č A m o r t Na Pomoc Československému Lidu Dokumenty o Československo-Sovětském Přátelství z let 1938—1945 Praha, 1960, str. 180

³ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 29

⁴ Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939, стр. 218, 219.

инженерные и другие части усиления. В ходе организации этих армейских объединений особое внимание обращалось на пополнение округов личным составом, боевой техникой, боеприпасами, горючим.

Верные пролетарской солидарности с трудящимися Чехословакии и обязательствам советско-чехословацкого договора, Центральный Комитет партии и Советское правительство поставили перед Советскими Вооруженными Силами задачу быть в состоянии полной боевой готовности и, если потребуется, оказать вооруженную помощь чехословацкому народу.

Во исполнение этих указаний народный комиссар обороны 21 сентября направил по прямому проводу Военному совету Киевского особого военного округа директиву¹, в которой требовалось начать выдвижение к государственной границе крупных группировок войск: житомирской армейской группы, включавшей 8-й и 15-й стрелковые корпуса (7, 44, 45, 46, 60, 81 и 87-я стрелковые дивизии) и 2-й кавалерийский корпус (3, 5, 14-я кавалерийские дивизии), — в район Новоград-Волынский, Шепетовка; винницкой армейской группы в составе 17-го стрелкового корпуса (72, 96, 97-я стрелковые дивизии), 25-го танкового корпуса (4-я и 5-я танковые и 1-я мотострелковая бригады), двух отдельных танковых бригад и 4-го кавалерийского корпуса (9, 32, 34-я кавалерийские дивизии) — в район юго-западнее Проскурова (ныне Хмельницкий)².

Для укомплектования стрелковых дивизий до штатов военного времени разрешалось призвать приписной состав из расчета по 8 тыс. человек на дивизию, а также мобилизовать лошадей для покрытия минимальной потребности боевых частей и подразделений дивизий в транспортных средствах. Полное боевое укомплектование должны были произвести все авиационные базы. Резервистов предполагалось перебрасывать из пунктов постоянной дислокации войск в районы сосредоточения своих дивизий по железной дороге, куда последние обязаны были, не ожидая призывников, выступить в составе, предусмотренном штатом мирного времени³.

Для прикрытия и поддержки войск каждой армейской группы привлекались три истребительных полка, три полка скоростных бомбардировщиков и один полк тяжелых бомбардировщиков. Истребительная авиация, действуя с передовых аэродромов, а бомбардировочная — с постоянных, для временной посадки должны были использовать аэродромы, расположенные вблизи государственной границы⁴.

Всю подготовку к действиям армейских групп приказывалось завершить к 23 сентября 1938 г. Утром 22 сентября командующий Киевским особым военным округом сообщил в Генеральный штаб, что к 4 часам утра директива наркома доведена до всех войск по пунктам, их касающимся, и они приступили к выдвижению в указанные районы сосредоточения⁵.

Специальная оперативная группа управления во главе с командующим войсками командармом 1 ранга С. К. Тимошенко переместилась из Киева в Проскуров, откуда была установлена двусторонняя связь с армейскими группами, штабом округа и Москвой. В целях обеспечения бесперебойной связи с Генеральным штабом в Проскуров была срочно направлена новейшая аппаратура и обслуживающий персонал.

Для участия в проводимых мероприятиях и усиления войск юго-западного направления Генеральный штаб отдал указание штабу авиационной армии, расположенной под Воронежем, о перебазировании ее бое-

¹ Архив МО, ф. 16а, оп. 203, д. 66, лл. 11—16.

² Там же, лл. 12, 16.

³ Там же, лл. 11—16.

⁴ Там же.

⁵ Там же, лл. 20—21.

вых сил в район Белая Церковь, Умань — на территорию Киевского особого военного округа, командование которого было поставлено об этом в известность и обязывалось принять все меры по обеспечению авиачастей и соединений горючим и боеприпасами¹.

23 сентября нарком обороны и Генеральный штаб отдали дополнительную директиву о приведении в боевую готовность части войск Белорусского особого и вновь созданного Калининского военных округов, а также о выдвижении к государственной границе ряда их оперативных объединений. В Белорусском округе в боевую готовность были приведены две армейские группы: витебская, в которую входили полоцкая (4-й стрелковый корпус в составе 5-й, 50-й стрелковых дивизий и 18-й танковой бригады) и лепельская (27-я стрелковая, 24-я кавалерийская дивизии и 16-я танковая бригада) войсковые группы; бобруйская, включавшая 16-й стрелковый (2, 13, 100-я стрелковые дивизии и 21-я танковая бригада) и 5-й кавалерийский (4, 7, 36-я кавалерийские дивизии) корпуса.

Витебская армейская группа должна была одной своей частью сосредоточиться у границы северо-западнее Полоцка, другой — в районе Бегомль, Березино, западнее Лепеля; бобруйская получила задачу занять Минский укрепленный район и близлежащие пункты. Из Калининского военного округа к границе направлялась усиленная 67-я стрелковая дивизия². Все перечисленные войска утром 24 сентября приступили к выполнению приказа.

Выделенная для прикрытия и поддержки войск истребительная авиация перебазировалась на передовые аэродромы у границы для действий на себежском, полоцком, минском и слуцком направлениях; скоростная бомбардировочная — в район Витебск, Орша. Тяжелая бомбардировочная авиация должна была совершать полеты с аэродромов постоянной дислокации.

В эти же дни в западных приграничных округах помимо полевых войск и авиации приводились в боевую готовность и доукомплектовывались укрепленные районы, расположенные вдоль государственной границы и в ближайшей глубине, инженерно-аэродромные батальоны, усиливалась система наблюдения и оповещения войск, повышалась готовность всей противовоздушной обороны, устанавливалось круглосуточное оперативное дежурство в штабах и на узлах связи. Подобные мероприятия проводились также в Харьковском и Московском военных округах³.

Всего в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения.

В это время Советскому правительству стало известно, что Польша стремится к сделке с Германией в надежде на свое участие в разделе Чехословакии. В связи с этим 23 сентября польское реакционное правительство было предупреждено, что в случае если польские войска вторгнутся в пределы Чехословакии, то СССР будет считать это актом агрессии и денонсирует без дальнейшего предупреждения пакт о ненападении с Польшей⁴.

25 сентября 1938 г. Народный комиссариат обороны СССР телеграфировал военно-воздушному атташе СССР во Франции для передачи начальнику французского генерального штаба, что советское военное

¹ Архив МО, ф. 16а, оп. 203, д. 66, лл. 41—42.

² Архив МО, ф. 16а, оп. 1702, д. 27, лл. 1—8; ф. 5, оп. 176703, д. 2, л. 418.

³ Архив МО, ф. 5, оп. 176703, д. 7, лл. 313, 353; ф. 16а, оп. 1702, д. 27, л. 93.

⁴ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 132—133.

руководство в целях оказания помощи Чехословакии приняло ряд мер предупредительного характера: «1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий. 2. Части соответственно пополнены резервистами. 3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности»¹.

Советское правительство, не терявшее надежды, что Чехословакия все же обратится к нему за помощью, продолжало осуществлять мероприятия, направленные на повышение мобилизационной и оперативной готовности Советской Армии. В боевую готовность были приведены дополнительные силы западных приграничных и значительная часть войск внутренних военных округов.

28 сентября начальник Генерального штаба командарм 1 ранга Б. М. Шапошников отдал директиву, в которой указывалось, что в Ленинградском, Белорусском, Киевском, Харьковском, Орловском, Калининском, Московском, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском и Закавказском округах «красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до распоряжения из рядов армии — не увольнять»². В тот же день нарком Ворошилов доложил Советскому правительству о готовности направить в Чехословакию 4 авиационные бригады (8 авиационных полков) в составе 548 боевых самолетов, назвав конкретные части, районы базирования с указанием количества и типов самолетов в каждом из них³. В тот же день о новых мероприятиях были информированы французский военный атташе в СССР Палас и чехословацкое правительство.

29 сентября Военным советам Ленинградского, Калининского, Белорусского особого и Киевского особого военных округов был дан приказ привести в боевую готовность и пополнить до штатной нормы военнообязанными из запаса дополнительно 17 стрелковых дивизий, управления трех танковых корпусов, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады, 34 авиационные базы. Командно-политический состав призывался полностью из расчета мобилизационной потребности для всех корпусных частей, стрелковых дивизий, танковых и мотострелковых бригад, а также авиационных баз⁴.

Военным советам Харьковского, Орловского, Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов были даны указания в двухдневный срок призвать приписной командно-политический состав во все имеющиеся у них части и соединения из расчета 250—275 человек на дивизию. Это распространялось и на остальные дивизии Ленинградского военного округа, в которые рядовой и младший начальствующий состав запаса не вызывался⁵.

Таким образом, весь комплекс подготовки по оказанию помощи Чехословакии охватил не только западные приграничные области, но и глубинные районы — вплоть до Волги и Урала. Проведению широких военно-мобилизационных мероприятий в короткий срок с большой четкостью и организованностью в значительной степени способствовали хорошо поставленная партийно-политическая работа в войсках и слаженная деятельность военных органов на местах.

Помимо войск, выдвинутых к юго-западной и западной государственной границе, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоявший из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых кор-

¹ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 139—140.

² Архив МО, ф. 5, оп. 176703, д. 7, л. 431.

³ Архив МО, ф. 19а, оп. 663, д. 1, л. 40.

⁴ Архив МО, ф. 5, оп. 176703, д. 2, лл. 427—428, 429, 431—432, 438.

⁵ Там же, лл. 433—437.

пусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз. В вооруженные силы было призвано из запаса в общей сложности до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава, задержано увольнение десятков тысяч младших командиров, выслуживших установленные сроки службы¹.

Правительство Чехословакии осенью 1938 г. имело возможность отвергнуть мюнхенский диктат и, опираясь на свой народ, армию, на поддержку Советского Союза и антифашистских сил в других странах, оглохнуть требования о капитуляции, возглавить борьбу за свободу и независимость своего государства. Тем более что реальное соотношение сил было явно не в пользу агрессора, который имел 47 дивизий. Согласно плану «Грюн» в операциях против Чехословакии предусматривалось использовать 39 дивизий². В то же время Чехословакия имела 45 дивизий, обладала вооруженными силами численностью 2 млн. человек, располагала 1582 самолетами, 469 ганками, 5700 артиллерийскими орудиями различных калибров и другим вооружением³. В борьбе против немецко-фашистских захватчиков ее армия могла опереться на мощные пограничные укрепления, не уступавшие немецкой линии Зигфрида и французской линии Мажино. Против чехословацких тяжелых фортов оказывались бессильны даже 210-мм орудия.

Впоследствии немецкое командование было поражено мощностью этих неиспользованных оборонительных рубежей. «Общее удивление вызвали чешские пограничные укрепления, — вспоминал бывший министр вооружения Шпеер. — При пробных выстрелах, к удивлению наших специалистов, выяснилось, что оружие, которое должно было быть против них использовано, оказалось неэффективным. Гитлер лично прибыл на бывшую границу, чтобы составить впечатление об этих укреплениях, и вернулся потрясенный. Бункеры были поражающе мощными, исключительно умело размещены, глубоко эшелонированы при великолепном использовании характера местности. Их захват, при решительной обороне, стоил бы нам много крови»⁴.

Чехословакия обладала еще одним значительным преимуществом перед гитлеровской Германией: моральным превосходством армии. Несмотря на то что во главе вооруженных сил стояло реакционное командование, ее солдаты, как и весь народ, были готовы защищать независимость своей страны. Когда 23 сентября 1938 г. в 22 часа была объявлена мобилизация, резервисты стали прибывать в воинские казармы через десять минут после опубликования декрета. Мобилизация, проводившаяся строго по плану, завершилась 29 сентября⁵.

Несостоятельной оказалась и ставка гитлеровцев на вовлечение Венгрии и Польши в войну против Чехословакии. Не случайно планы войны с Чехословакией вызывали большую тревогу среди некоторых германских генералов, которые считали политику фюрера опасной авантюрой. Один из руководителей вермахта — генерал-фельдмаршал Кейтель на Нюрнбергском процессе по этому поводу заявил: «Я твердо убежден, что если бы Даладье и Чемберлен сказали в Мюнхене: «Мы выступим», мы ни в коем случае не прибегли бы к военным действиям. У нас не было сил, чтобы форсировать чехословацкую линию укреплений, и у нас не было войск на западной границе».

¹ Архив МО, ф. 19а, оп. 663, д. 1, л. 48.

² Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938 Berlin, 1959, S. 223.

³ Diplomaticus (K. Ziliacus). Can the Tories win the Peace? And How They Lost One. London, 1945, p. 96—97. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1972, стр. 217—218.

⁴ A. S p e e r. Erinnerungen. Berlin, 1969, S. 125.

⁵ Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938, S. 226.

Однако буржуазное правительство Бенеша — Годжи предпочло принять мюнхенский диктат империалистических держав. Национальное предательство, совершенное правительством Чехословакии в 1938 г., не позволило Советскому Союзу оказать помощь ее народу, а гитлеровцам открыло дорогу для полной оккупации и расчленения страны. Советские войска находились у западной государственной границы до 25 октября 1938 г., а затем были возвращены в районы постоянной дислокации ¹.

5. Мюнхенский империалистический сговор

Пытаясь сломить усилившееся в Англии и Франции сопротивление капитулянтскому курсу Чемберлена и Даладье, англо-французские пособники Гитлера ловко играли на ненависти народных масс к войне, их естественном стремлении сохранить мир. Буржуазная пропаганда внушала населению мысль, будто всякое противодействие Германии, в том числе и коллективными средствами, неизбежно означает мировую войну, а для сохранения мира во что бы то ни стало необходимо договориться с Гитлером. Чисто внешние военные мероприятия в Англии и Франции в последние дни перед встречей в Мюнхене явились позорным спектаклем, рассчитанным на осуществление сделки с Гитлером в обстановке острого кризиса. Активную помощь англо-французским предателям оказала американская дипломатия. Послы США, аккредитованные в западноевропейских столицах, направляли в эти дни в Вашингтон телеграммы, одну тревожнее другой. При вторжении германских войск в Чехословакию, предупреждали они, Англия и Франция под давлением масс окажутся вовлеченными в войну, которая приведет к «большевизации» Европы, доверие к британскому премьеру будет подорвано. «Гендерсон глубоко обеспокоен растущей в Англии оппозицией по отношению к Чемберлену, — сообщал 24 сентября американский посол в Берлине Вильсон. — Он настойчиво убеждал меня сделать все, что в моих силах, и привлечь ваше внимание к такому факту: падение Чемберлена означало бы войну, и любое публичное выражение поддержки его целей (Соединенными Штатами. — *Ред.*) в столь критический час значительно укрепило бы его положение...» ²

Спасая Европу от «социального хаоса», Вашингтон поспешил на выручку Чемберлену и Даладье. В ночь на 26 сентября президент США обратился с личным посланием к Гитлеру, призывая его продолжать переговоры для достижения «мирного, справедливого и конструктивного решения спорных вопросов» ³. Главный его аргумент сводился к необходимости предотвратить вооруженный конфликт между капиталистическими странами Европы, который может привести к крушению буржуазного строя. «Социальная структура каждой вовлеченной в войну страны может полностью рухнуть» ⁴, — говорилось в послании. Смысл его очевиден: переговоры проходили в обстановке неслыханного давления рейха и западных держав на Чехословакию: в этих условиях их продолжение, как предлагали США, должно было закончиться капитуляцией Праги. Таким образом, вмешательство американской дипломатии помогало не Чехословакии, а Чемберлену и Даладье, которые использовали его для оправдания своей капитуляции перед германским фашизмом.

29 сентября в Мюнхене была созвана конференция четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии. Во избежание нежелательной огласки в конференции приняли участие лишь премьеры и министры ино-

¹ Архив МО, ф. 5, оп. 176703, д. 2, лл. 468—473.

² FRUS. 1938, vol. I, p. 654—655.

³ *Ibid.*, p. 657—658.

⁴ *Ibid.*, p. 658.

странных дел. Открывая ее, Гитлер выступил с речью. Разразившись бранью в адрес Чехословакии, он потребовал «в интересах европейского мира» немедленной передачи Судетской области и заявил, что при любых условиях его войска 1 октября будут введены в пограничные районы. При этом фюрер снова заверил, что у Германии других притязаний в Европе нет¹. Задачу конференции он определил так: придать вступлению германских войск на территорию Чехословакии законный характер и исключить применение оружия. К середине дня прибыли два представителя Чехословакии, которых поместили в одной из комнат под надежной охраной. Чехословацкая делегация не была допущена к переговорам. Выступления участников сговора не стенографировались, ибо сделка явно не подлежала огласке, велись только неофициальные записи.

Долг великих держав, заявил английский премьер, позаботиться о том, чтобы чехословацкое правительство «по безрассудству или упрямству» не отказалось очистить территорию. Даладье также заявил, что «ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства»². В основу принятого в Мюнхене соглашения был положен «компромиссный проект», представленный Муссолини якобы от своего имени. В действительности германский МИД накануне передал его в Рим по телефону. Поскольку сделка подготавливалась заранее³, все пункты документа были быстро согласованы. Гитлер и Муссолини покинули заседание, предоставив Чемберлену и Даладье все объяснения с чехами. Впрочем, уговаривать Масаржика и Мастроного, представлявших Чехословакию, не пришлось: они прибыли с готовым согласием. В ночь на 30 сентября чехословацкую делегацию пригласили для ознакомления с текстом диктата. Мюнхенский сговор вступил в силу.

Мюнхенский диктат, навязанный Чехословакии силой, с самого начала являлся противоправным и противозаконным актом. Итогом конференции было решение об отторжении от Чехословакии в пользу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных претензий со стороны правительств хортистской Венгрии и буржуазной Польши⁴.

В дополнении к соглашению Англия и Франция обязывались предоставить совместно с Германией и Италией «гарантии» Чехословакии против неспровоцированной агрессии⁵. Своеобразным вознаграждением за предательство в отношении Чехословакии явилась подписанная 30 сентября Гитлером и Чемберленом англо-германская декларация, в которой говорилось о намерении рассматривать все проблемы, касающиеся обеих стран, путем консультаций и продолжать «усилия по устранению возможных источников разногласий...»⁶. По существу, этот документ являлся пактом о ненападении между Англией и Германией. В Мюнхене был предпринят вопрос и о подписании аналогичной франко-германской декларации.

Реакционные историки, за редким исключением, предпочитают не касаться итогов мюнхенского сговора. Однако все же есть такие, которые находят в мюнхенском соглашении некие «позитивные моменты» и заявляют, что «Мюнхен был более выгоден, чем Годесберг», доказывая, будто «Англия сумела этим «выиграть год» для укрепления обороны»⁷. Большинство же западных историков прямо или косвенно признают, что соглашение в Мюнхене в конечном итоге привело к захвату Гитлером всей

¹ DGFP. Series D, vol. II, p. 1003—1004.

² Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, стр. 280, 283.

³ Das Abkommen von München, S. 270.

⁴ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 156—160.

⁵ Там же, стр. 159.

⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 22.

⁷ I. Macleod. Neville Chamberlain. London, 1962, p. 240, 254.

Чехословакии и крушению политики «умиротворения» в целом. «Гитлер проложил (мюнхенским соглашением. — *Ред.*) путь для своего следующего шага, уже предусмотренного им, — общей ликвидации чехословацкого государства. Он уничтожил французскую систему безопасности, отделил Россию от европейского урегулирования и изолировал Польшу. Таковы были плоды Мюнхена»¹, — пишет Д. Уилер-Беннет. Еще более резко оценил Мюнхен П. Рейнольдс, назвав его «величайшим моральным поражением, понесенным Англией в XX столетии»².

Предпринимая настойчивые попытки оправдать мюнхенское предательство, а главное, скрыть его антисоветскую направленность, современные буржуазные фальсификаторы активно используют лживый тезис о неподготовленности западных союзников к отпору агрессии. «Когда Чемберлен встретился с Гитлером в Мюнхене, — утверждает профессор Северотехасского университета К. Юбенк, — вооружения и войск, необходимых для того, чтобы воевать с Германией, не существовало, не было также и средств для защиты гражданского населения, поэтому представлялось разумным удовлетворить Гитлера Судетской областью, так как, если бы он захотел, он мог бы захватить всю Чехословакию, а Англия не могла бы его остановить»³. Эту же идею усиленно проводит английский историк Л. Томпсон. Он безапелляционно заявляет, что сама Чехословакия не была готова к борьбе, а ее армия имела якобы «не сорок, а лишь четырнадцать боеготовых дивизий»⁴.

Опубликованные в последние годы в СССР, ГДР и Чехословакии новые документы и материалы, разоблачающие планы участников мюнхенской сделки, вызвали у апологетов Мюнхена озлобленную реакцию. В 1970 г. в США вышла книга под названием «Мюнхен. Ошибка, заговор или трагическая необходимость?»⁵. Это — сборник тщательно подобранных статей и отрывков из ранее опубликованных работ английских и американских авторов, имеющих целью «опровергнуть» тот факт, что Мюнхен открыл путь ко второй мировой войне и имел антисоветскую направленность. Авторы сводят свои рассуждения к выгодной им версии, согласно которой Мюнхен был «не заговором, а трагической необходимостью». Вместе с тем в сборнике утверждается, что СССР якобы «был неспособен» оказать реальную военную помощь Чехословакии и, таким образом, ставится под сомнение искренность политики Советского правительства.

Чем же пытаются обосновывать эти авторы свои антисоветские версии? Например, Юбенк обвиняет Советский Союз в том, что он якобы вовремя не сообщил чехословацкому правительству о своей готовности выполнить условия советско-чехословацкого договора и оказать Чехословакии вооруженную помощь в случае германской агрессии. Американский историк утверждает, что по данному вопросу ответ от Советского правительства пришел Бенешу только после 21 сентября 1939 г., когда истек срок англо-французского ультиматума, предъявленного чехам⁶. Однако документы свидетельствуют, что запрос Бенеша от 19 сентября был рассмотрен 20 сентября на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В тот же день ответ о готовности СССР оказать Чехословакии помощь даже в случае невыполнения Францией своих обязательств был отправлен в Прагу и доведен лич-

¹ J. W h e e l e r - B e n n e t t. Munich. Prologue to Tragedy, p. 177.

² P. R e y n o l d s. British Foreign Policy in the Inter-War Years. London—New York—Toronto, 1954, p. 150.

³ K. E u b a n k. Munich. Oklahoma, 1963, p. 284.

⁴ L. T h o m p s o n. The Greatest Treason. The Untold Story of Munich. New York, 1968, p. XI.

⁵ D. L e e (Ed.). Munich. Blunder, Plot or Tragic Necessity? Lexington (Mass.), 1970.

⁶ K. E u b a n k. Munich, p. 150—151.

но до сведения президента ¹. Юбенк к тому же умалчивает, что решающие события развернулись после 21 сентября, когда, по его собственному признанию, Бенешу была известна позиция Советского правительства. Впоследствии Бенеш сам писал: «В том, что Советский Союз в случае необходимости каким-либо путем окажет нам помощь, я не сомневался ни одного мгновения» ².

Д. Кеннан объявляет мюнхенское соглашение «только уступкой Германии районов с населением, говорящим на немецком языке» ³. Он же выдвигает версию о том, что даже если СССР «захотел бы» оказать помощь Чехословакии, то «все равно» для переброски одной советской дивизии потребовалось бы «около трех месяцев» ⁴. Абсурдность подобных домыслов тем более очевидна, что к этому времени Советские Вооруженные Силы уже освоили опыт переброски дивизий на дальние расстояния средствами авиации, а на западных границах СССР были развернуты для помощи Чехословакии крупные группировки советских войск. Эти фальсификации направлены на то, чтобы снять ответственность за мюнхенское предательство с реакционных сил империализма. «Слишком долго, — демагогически восклицает Юбенк, — Англия и Франция несут на себе всю тяжесть позора!» ⁵ Но реабилитировать прошлое предательство путем фальсификации невозможно. Важны и реальны только уроки, которые извлекаются из опыта истории.

* * *

Мюнхенское соглашение — один из самых позорных актов в международной политике капиталистических держав.

На глазах у всего человечества суверенное европейское государство было отдано гитлеровцам на разграбление. Открыто предавая Чехословакию, английские, французские и североамериканские монополисты надеялись насытить фашистского зверя, отвести непосредственную угрозу от себя, направить агрессию на Восток.

Но вдохновители и организаторы мюнхенского предательства жестоко просчитались. Для гитлеровской Германии, давно уже взявшей курс на завоевание мирового господства, Чехословакия была не просто очередной жертвой. Капитуляция правящих кругов западных держав и Чехословакии еще более распалила захватнические аппетиты монополистов Германии, способствовала новым их агрессивным акциям в Европе. Мюнхенский стовор ускорил назревание предвоенного политического кризиса, приведшего ко второй мировой войне.

¹ Новые документы из истории Мюнхена, стр. 103—105.

² E. B é n è s. Où vont les slaves?, p. 212.

³ G. K e n n a n. From Prague after Munich. Diplomatic Papers, 1938—1940. Princeton, 1968, p. XIII.

⁴ G. K e n n a n. Russia and the Czech Crisis. Appeasement of the Dictators. New York, 1970, p. 110.

⁵ K. E u b a n k. Munich, p. VII.

НАРАСТАНИЕ УГРОЗЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Последствия мюнхенской политики

Мюнхенский сговор был кульминацией провокационной политики Англии и Франции, за которыми стояло правительство США, политики поощрения фашистских агрессоров, подталкивания Германии и Японии к войне против Советского Союза. «Антисоветская направленность гитлеровской политики, — говорил Л. И. Брежнев 8 мая 1965 г., — активно поддерживалась реакционными кругами Запада... Они бросали под ноги Гитлеру новые и новые жертвы, лелея надежду, что он двинет свои полчища на Восток, против страны социализма. Сговор в Мюнхене, выдавший фашистской Германии Чехословакию, был наиболее позорным проявлением этого коварного замысла империалистов»¹.

Санкционировав расчленение Чехословакии, мюнхенское соглашение не устранило острых империалистических противоречий, которые существовали между Германией, Италией и Японией, с одной стороны, Англией, Францией и США — с другой. Экономика фашистских государств, хотя и испытывала определенные финансовые трудности и недостатки в обеспечении сырьем, быстро развивалась по пути милитаризации. По темпам роста вооружений Германия обогнала США, Англию и Францию. Продолжалась политическая и экономическая экспансия агрессивных государств. Это вело к новому обострению обстановки в Европе и на Дальнем Востоке.

По расчетам правящих кругов Англии и Франции, мюнхенское соглашение, заключенное за спиной СССР и против СССР, должно было подставить его под удар Германии. Печать западных стран подняла шумиху о мнимой военной слабости Страны Советов. Все больше подробностей сообщалось о гитлеровских агрессивных планах в отношении Советской Украины. На дальневосточных рубежах СССР не прекращались пограничные инциденты, организованные японской военщиной.

Правительства Англии и Франции не хотели сотрудничества с Советским Союзом. Они стремились достичь соглашения с агрессивными государствами — Германией, Италией и Японией, чтобы, направив их захватнические устремления на Восток, разом решить все противоречия, возникающие между империалистическими странами, за счет СССР.

Мюнхенское соглашение предусматривало отторжение Германией от Чехословакии Судетской области и всех районов, в которых, по оценке

¹ Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. I. М., 1970, стр. 122.

гитлеровцев, преобладало немецкое население. В других пограничных районах предусматривалось проведение плебисцита. Фактически немецкие войска 1 октября 1938 г. захватили и те районы, где намечался плебисцит. Под давлением Германии чехословацкое правительство 7 октября 1938 г. признало автономию Словакии, а 8 октября было вынесено решение о предоставлении автономии Закарпатской Украине. Еще раньше, 1 октября, Польша предъявила Чехословакии ультимативные требования, поддержанные гитлеровцами, о передаче Польше Тешинской области. 2 ноября состоялся так называемый Венский арбитраж, согласно которому Венгрия получила южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением более 1 млн. человек. Это было новое явное нарушение территориальной целостности Чехословакии, совершенное при молчаливом согласии Англии и Франции и вопреки даже подписанному ими мюнхенскому соглашению.

Однако ущерб, причиненный этим соглашением, отнюдь не исчерпывался нарушением территориальной целостности Чехословакии. Страна теряла около половины всех производственных мощностей, в том числе более 80 процентов энергетических ресурсов, 25 процентов мощностей тяжелой промышленности, 50 процентов мощностей легкой промышленности и т. д.¹ Новыми границами были перерезаны и нарушены важнейшие транспортные артерии страны. Мюнхенский сговор означал такое усиление экономико-политических и военно-стратегических позиций фашистского блока, которое создавало прямую угрозу всей Европе.

11 октября 1938 г. Гитлер дал указание Риббентропу выработать план дальнейшей политической изоляции Чехословакии². Во время визита в Германию нового министра иностранных дел Чехословакии Хвалковского в октябре 1938 г. Гитлер заявил, что он сохранит Чехословакию, если она поймет, что безоговорочно принадлежит к германской сфере и что единственной гарантией ее существования является немецкая гарантия. Хвалковский раболепно обещал повернуть всю политику Чехословакии «на 180 градусов» — в пользу сотрудничества с Германией, что, «конечно, означает конец союзу Москва — Прага — Париж». В экономической области, по его словам, «Чехословакия также хочет полностью включиться в германскую систему»³.

В соответствии с гитлеровскими планами чехословацкая экономика все больше включалась в сферу германских экономических интересов. В ноябре 1938 г. в Берлине был подписан германо-чехословацкий протокол о сооружении канала Дунай — Одер, а также германо-чехословацкое соглашение о строительстве немецкой экстерриториальной автостреды Вроцлав (Бреслау) — Брно — Вена, проходящей через территорию Чехословакии. Германские монополии интенсивно поглощали чешские предприятия. На грабительской основе велась и торговля. Уже в последнем квартале 1938 г. Чехословакия имела пассивный торговый баланс с Германией в размере 15 млн. крон⁴. Все это подрывало экономику Чехословакии и ставило в зависимость от Германии и ее рынка.

Правительства Англии, Франции и США знали о растущем влиянии фашистской Германии в Чехословакии. Министр иностранных дел Англии Галифакс, сделав на заседании правительства 26 октября 1938 г. краткий обзор политического положения в Чехословакии, выразил лишь надежду, что «Германия будет вести себя разумно»⁵. Сославшись на неосведомлен-

¹ В. П о л я к о в. Англия и мюнхенский сговор. М., 1960, стр. 280.

² Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, стр. 326.

³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945 (далее — ADAP). Serie D. Bd. IV. Baden-Baden, 1951, S. 58—59, 65—67.

⁴ АВП, ф. 138а, оп. 19, п. 33, д. 4, л. 46.

⁵ PRO. Cab., 23/96, p. 44—45.

ность в конкретных вопросах, он заявил, что, по его мнению, «Чехословакия может достичь более благоприятных результатов путем непосредственных переговоров с Германией, чем взывая к нашей помощи»¹. Это было как раз то, что и требовалось фашистской Германии.

21 октября 1938 г. Гитлер и Кейтель подписали директиву, предусматривавшую «быструю оккупацию Чехии и изоляцию Словакии»². Правительство фашистской Германии, учитывая капитулянтскую позицию чехословацкого правительства и западных держав, поняло, что вторжение германских войск не встретит большого сопротивления со стороны чехов.

17 декабря 1938 г. Кейтель разослал дополнение к директиве фюрера от 21 октября, в котором планировалось осуществить всю операцию по захвату Чехии силами вермахта мирного времени³.

Расколота, лишенная пограничных укреплений и экономически обескровленная, страна оказалась беззащитной перед угрозой дальнейших агрессивных акций немецко-фашистских захватчиков.

Советский Союз вновь стремился помочь чехословацкому народу. Учитывая, что по мюнхенскому соглашению оставшейся части Чехословакии предоставлялись гарантии от неспровоцированной агрессии, Советское правительство по собственной инициативе 9 октября 1938 г. запросило чехословацкое правительство, желает ли оно получить гарантии новых границ и независимости со стороны СССР. Реакционные правящие круги Чехословакии и на этот раз не приняли дружественной помощи Советского Союза, сославшись на то, что данный вопрос может быть решен только державами — участницами мюнхенского договора⁴.

Не приостанавливая акций прямой и косвенной агрессии против Чехословакии, гитлеровская Германия начала подготовку оккупации Польши — своего союзника по расчленению чешского государства. 24 октября 1938 г. Риббентроп передал польскому послу в Берлине Липскому предложения по «урегулированию» германо-польских спорных вопросов: «воссоединение» Гданьска (Данцига) с рейхом, строительство немцами экстерриториальных авто- и железной дорог через Поморье, продление на 25 лет польско-германского соглашения 1934 г. о ненападении и гарантии Германией польско-германских границ⁵. Кроме того, предлагалось проводить «общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта»⁶. Это предложение не было случайным: все предвоенные годы Польша совместно с наиболее агрессивными силами империализма проводила антисоветскую политику. Однако на этот раз (когда были непосредственно затронуты жизненные интересы Польши) правительство отклонило германские требования. «По внутриполитическим соображениям, — сообщил польский посол Риббентропу 19 ноября 1938 г., — министру иностранных дел Беку трудно согласиться на включение Данцига в рейх»⁷.

Желая укрепить свои позиции, польское правительство сделало попытку опереться на поддержку Советского правительства. 31 октября 1938 г. нарком иностранных дел подтвердил в беседе с польским послом, что пакт о ненападении между СССР и Польшей «сохраняет полностью свою силу»⁸. 27 ноября 1938 г. было опубликовано сообщение ТАСС, в котором подчеркивалось, что в основе отношений между СССР и Польшей

¹ PRO. Cab., 23/96, p. 45.

² ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 90.

³ I b i d., S. 163—164.

⁴ Архив МО, ф. 1, оп. 2083, д. 42, л. 483.

⁵ Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Berlin, 1939, S. 179.

⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 63.

⁷ Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges, S. 180.

⁸ АВП, ф. 05, оп. 18, п. 138, д. 6, л. 188.

остаются «все существующие договоры»¹. В противовес искренней позиции Советского Союза польские правящие круги продолжали вести двойную игру, заверяя Германию и Японию в неизменности своей антисоветской политики².

Учитывая некоторый поворот в советско-польских отношениях, правительство фашистской Германии временно сняло свои требования к Польше, сконцентрировав основное внимание на подготовке к полному захвату Чехословакии и укреплении германских позиций в странах Дунайского бассейна и на Балканах. Одновременно гитлеровцы начали переговоры о заключении военно-политического союза с Италией и Японией.

13 октября 1938 г. временный поверенный в делах США во Франции Вильсон писал в госдепартамент, что «между недавними событиями в Европе и изменением отношения японцев существует явная связь. Создалось впечатление, что в сентябре позиция японцев на Дальнем Востоке и позиция немцев в Центральной Европе были скоординированы»³. В октябре 1938 г. Япония предприняла новое наступление в Южном Китае и захватила Кантон. В ноябре японское правительство сообщило о создании «нового порядка», который обеспечит длительный мир и стабильность в Восточной Азии⁴.

После сговора в Мюнхене значительно возросла агрессивность фашистской Италии. 14 ноября 1938 г. министр иностранных дел Чиано в письме итальянскому послу в Лондоне Гранди впервые откровенно сообщил о колониальных претензиях Италии к Франции как о вопросах практической политики⁵.

30 ноября во время внешнеполитических дебатов в итальянском парламенте была устроена антифранцузская демонстрация, сопровождавшаяся возгласами: «Тунис! Корсика! Савойя!» Эти территориальные требования к Франции были немедленно подхвачены итальянской печатью. 17 декабря Италия официально информировала французское министерство иностранных дел о денонсации франко-итальянского соглашения от 7 января 1935 г., по которому Франция, пытаясь предотвратить итало-германское сближение и сгладить свои противоречия с Италией, сделала ей ряд уступок в африканских колониях⁶. Одновременно разрабатывались основы взаимодействия итало-германских вооруженных сил. 26 ноября 1938 г. германский генеральный штаб представил свои соображения относительно характера будущих операций. Они предусматривали «разделение особых задач и театров военных действий для каждого государства, в рамках которых оно самостоятельно осуществляет операции». Но и Германия, и Италия были едины в том, чтобы «в первую очередь разгромить Францию»⁷.

Правительства же Англии и Франции продолжали свою политику «невмешательства», а на деле фактически потворствовали фашистской агрессии. После подписания англо-германской декларации английское правительство стремилось расширить основы сотрудничества между Англией и Германией в рамках так называемого «общего урегулирования». Оно не только встало на путь признания за Германией ее особых политических интересов в странах Восточной и Юго-Восточной Европы⁸, но и предпола-

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 96—97.

² Там же, стр. 97, 104, 171.

³ FRUS. 1938, vol. III, p. 319.

⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945). М., 1951, стр. 471.

⁵ Ciano's Diplomatic Papers. London, 1948, p. 249—251.

⁶ Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1938. München, 1939, S. 445.

⁷ ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 464—465.

⁸ Министр иностранных дел Англии Галифакс писал своему послу в Париже Фиппсу, что «впредь мы должны считаться с германским превосходством в Центральной Европе» (DBFP. Third series, vol. III, p. 282).

гало сделать ряд уступок Германии в области экономики и в колониальном вопросе.

Германский посол в Лондоне Дирксен писал 15 октября 1938 г., что в английском парламенте и прессе «по собственной инициативе» признаются колониальные претензии Германии¹. Английские империалисты с легким сердцем готовы были идти на подобные уступки, так как намеревались расплачиваться с Гитлером колониальными владениями прежде всего третьих стран (частью Бельгийского Конго, португальской Анголой, французским Камеруном)².

Во второй половине октября 1938 г. Англия начала переговоры с Германией по экономическим вопросам. 18 октября главный экономический советник английского правительства Лейт-Росс в секретной беседе с руководителем германской экономической делегации в Лондоне Рютером выдвинул предложение о широком экономическом сотрудничестве между Англией, Германией, Францией и Италией³. 6 ноября заведующий экономическим отделом Форин офис Эштон-Гуэткин предложил представителю рейхсбанка Винке рассмотреть вопрос о предоставлении Германии крупных кредитов, а также о заключении между объединениями промышленников обеих стран соглашения о ценах и рынках⁴. 28 января 1939 г. такое соглашение о разграничении сфер интересов и единых ценах на уголь на рынках третьих стран было подписано между угольными компаниями Англии и Германии⁵.

В середине декабря 1938 г. президент рейхсбанка Шахт посетил Англию. В беседах с управляющим английским банком Норманом, министром торговли Стэнли, главным экономическим советником правительства Лейт-Россом и другими представителями английской экономики он выяснил, что Англия готова пойти еще дальше по пути экономического сотрудничества с Германией⁶. С премьер-министром Англии Чемберленом Шахт обсуждал возможность сотрудничества германского и английского капитала в Китае⁷, а также установления более тесных контактов в области экономики и торговли.

Губительную антинациональную политику сближения с гитлеровской Германией продолжало и правительство Франции. Это сопровождалось, по сообщению английских дипломатов, «чисткой авгиевых конюшен на Кэ д'Орсе», то есть устранением «высших чиновников во французском МИД» только за то, что они «антинацисты»⁸. 13 октября французский посол в Берлине Франсуа-Понсэ в беседе со статс-секретарем германского МИД Вейцзекером прозондировал почву о возможности визита в Париж министра иностранных дел Германии Риббентропа для решения вопроса о заключении между Германией и Францией пакта о ненападении, соглашений о консультациях и по финансовым вопросам⁹.

Во время беседы с Гитлером 18 октября 1938 г. Франсуа-Понсэ вновь выдвинул ряд предложений, которые, по его мнению, могли бы послужить основой соглашения между Германией и Францией¹⁰. Гитлер, по словам посла, «выразил готовность к поиску путей и средств улучшения существующего положения и реализации возможностей, которые содержит в

¹ ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 269—270.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 51, 62.

³ ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 274.

⁴ I b i d., S. 280—281.

⁵ I b i d., S. 343.

⁶ I b i d., S. 304.

⁷ PRO. Cab., 23/96, p. 439.

⁸ PRO. F. O., 800/311, p. 102.

⁹ ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 382.

¹⁰ I b i d., S. 386.

себе мюнхенское соглашение, для умиротворения и сближения двух стран»¹.

6 декабря 1938 г. во время визита Риббентропа в Париж была подписана франко-германская декларация. Она явилась политическим соглашением, своего рода пактом о ненападении, перечеркнувшим, по существу, советско-французский договор о взаимной помощи 1935 г., к которому французское правительство после Мюнхена относилось, по словам наркома иностранных дел СССР, как к документу фактически недействительному².

По замыслу правящих кругов Франции эта декларация должна была обеспечить безопасность Франции, предоставив Германии свободу действий в Восточной Европе. «Подписание документа в Париже было умным шагом со стороны Риббентропа... — говорилось в материалах, представленных внешнеполитическому комитету английского правительства, — чтобы прикрыть тыл Германии и дать ей свободу рук на Востоке»³. Характеризуя позицию Англии по этому вопросу, полпред СССР во Франции писал 27 декабря 1938 г.: «Чемберлен «от всей души» благословил французов на этот шаг, как всецело укладывающийся в его мюнхенскую схему «умиротворения Европы»⁴.

После Мюнхена английское правительство поставило своей целью улучшить отношения с Италией, которая, по словам Чемберлена, являлась «тем концом оси, где легче произвести впечатление»⁵. 26 октября 1938 г. английское правительство обсудило вопрос о необходимости ввода в действие англо-итальянского соглашения⁶, подписанного 16 апреля того же года, которое оно охарактеризовало как «пакт мира», заключенный между двумя морскими странами. 16 ноября англо-итальянское соглашение вступило в силу, и в тот же день английский посол в Риме лорд Перт представил министру иностранных дел Италии Чиано новые верительные грамоты на имя «короля Италии и императора Эфиопии»⁷; тем самым Англия официально признала захват Эфиопии Италией.

28 ноября 1938 г. в печати было опубликовано сообщение о предстоящем визите Чемберлена и Галифакса в Рим. Во время переговоров, состоявшихся 11—14 января 1939 г., много внимания было уделено обсуждению испанского вопроса. Пребывание Чемберлена в Риме фактически предредило судьбу республиканской Испании. Сговор с Муссолини позволил английскому правительству оказать сильный нажим на Францию, чтобы признание фашистского режима в Испании произошло «без ненужной задержки»⁸. 27 февраля правительства Англии и Франции официально признали франкистский режим в Испании.

В ходе бесед Чемберлена и Муссолини обсуждались другие важные проблемы, касающиеся судеб стран Восточной Европы, в частности вопросы о предоставлении гарантий Чехословакии и будущем направлении германской агрессии.

Подводя итоги визиту Чемберлена, полпред СССР в Италии писал, что основной концепцией английского премьер-министра, а также французского министра иностранных дел является направление агрессии оси Рим — Берлин на Восток. «Для этой цели, — отмечал он, — необходимо

¹ Le Livre Jaune Français. Documents diplomatiques, 1938—1939. Paris, 1939, p. 23.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 105.

³ PRO. Cab., 27/627, p. 178.

⁴ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 137.

⁵ K. Feiling. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946, p. 389.

⁶ PRO. Cab., 23/96, p. 46.

⁷ Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1938, S. 437.

⁸ PRO. Cab., 23/97, p. 262.

(по мнению правящих кругов Англии и Франции. — *Ред.*) сделать уступки на Западе, добиться временного удовлетворения притязания оси и таким путем изменить направление ее агрессии. Мне кажется, что основной целью визита Чемберлена и был зондаж Муссолини относительно подобной перспективы»¹.

Прежде чем перейти к новым актам агрессии, фашистские государства предприняли шаги к дальнейшей консолидации своих сил путем заключения военно-политического союза. Переговоры Германии, Италии и Японии начались по инициативе германского правительства еще летом 1938 г. Во время мюнхенской конференции Риббентроп вручил министру иностранных дел Италии Чиано немецкий проект тройственного пакта².

Обострение итало-французских противоречий в конце 1938 г. и англо-французская политика попустительства агрессии ускорили принятие правительством Италии предложения гитлеровской Германии о подписании военного пакта трех держав. Выражая свое согласие, Чиано писал Риббентропу 2 января 1939 г., что необходимо лишь представить перед мировой общественностью этот военный союз как «пакт мира»³. Между Германией, Италией и Японией уже была достигнута договоренность — подписать пакт 28 января 1939 г. в торжественной обстановке в Берлине⁴. Однако в начале января японское правительство ушло в отставку.

Новый кабинет, возглавляемый Хиранумой, под разными предлогами оттягивал ответ, касающийся заключения тройственного пакта, поскольку в стране разгорелась острая борьба по вопросу о направлении агрессии. Только в апреле 1939 г. японское правительство уведомило правительства Германии и Италии о том, что согласно подписать пакт, направленный против СССР, но не считает возможным заключать соглашение, направленное одновременно также против Англии, Франции и США⁵. Такая позиция Японии не устраивала Германию и Италию, которые добивались заключения тройственного союза, направленного не только против СССР, но и против западных держав. Поэтому Германия и Италия отклонили японские предложения об ограниченном действии договора.

Одновременно с переговорами о заключении тройственного пакта правительства Германии и Италии предприняли шаги по вовлечению новых стран в сферу своего влияния. Этому способствовало усиление экономического влияния Германии и Италии в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, а также то, что со стороны Англии и Франции не было никаких серьезных попыток противостоять германской экспансии в Юго-Восточной Европе.

Под воздействием немецкой дипломатии начался развал Балканской и Малой Антант. В феврале 1939 г. министры иностранных дел Румынии и Югославии заявили на конференции балканских стран: «Малая Антанта больше не существует», а «Балканская Антанта не должна ни при каких обстоятельствах стать орудием, направленным каким-либо образом против Германии»⁶.

В Дунайском бассейне и на Балканах сталкивались интересы капиталистических держав, поэтому малым государствам Юго-Восточной Европы приходилось постоянно лавировать. Тем не менее в своей политике, писал нарком иностранных дел СССР, они постоянно скатывались «к позиции блока агрессоров»⁷. Об этом свидетельствовали присоединение Венгрии

¹ АВП, ф. 098, оп. 22, п. 146, д. 4, л. 1.

² Documents on International Affairs, 1939—1946. Vol. I. London, 1951, p. 145—146.

³ ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 476.

⁴ I b i d., S. 480.

⁵ M. T o s c a n o. Le Origini del patto d'acciaio. Firenze, 1948, p. 104, 125.

⁶ ADAP. Serie D, Bd. V, S. 335.

⁷ АВП, ф. 059, оп. 1, п. 317, д. 3063, л. 40.

к «антикоминтерновскому пакту», рост влияния Германии и Италии на правительства Болгарии, Румынии, Албании и Югославии.

19 января 1939 г. министр иностранных дел Англии Галифакс представил внешнеполитическому комитету английского правительства меморандум, в котором он обращал внимание на то, что Германия, судя по поступившим сообщениям, рассматривает вопрос о нападении на западные державы как предварительный шаг к последующей акции на Востоке ¹. Это было ударом для всей внешнеполитической концепции консерваторов, которые полагали, как свидетельствует заявление Галифакса на заседании правительства 25 января 1939 г., что «было бы более логичным и больше соответствовало бы принципам «Майн кампф», если бы нацисты сначала захватили ресурсы Восточной Европы» ².

Английское правительство поспешило предпринять ряд дипломатических шагов, чтобы заручиться поддержкой Франции и США в случае войны с Германией ³. 6 февраля 1939 г. премьер-министр сделал заявление в палате общин, что Великобритания немедленно поддержит Францию, если возникнет угроза ее «жизненным интересам» ⁴. Это было несколько запоздалое ответное заявление английского правительства на аналогичное заявление Франции, сделанное в декабре 1938 г. ⁵. Так началось становление англо-французской военной коалиции.

Вместе с тем английское правительство, продолжая свою линию, не могло игнорировать недовольство его внешней политикой со стороны тех, кто требовал заключения союза с СССР. Оно предприняло ряд маневров, чтобы создать видимость улучшения отношений с Советским Союзом. В январе 1939 г. после длительного перерыва был назначен новый английский посол в СССР Сидс, который в беседе с Литвиновым заявил о желательности обмена мнениями по международным вопросам ⁶. Пере стали появляться явно инспирированные Форин офис статьи о предстоящей денонсации англо-советского торгового соглашения. Аналогичные шаги предприняло и французское правительство ⁷.

Оценивая эти политические акции Англии и Франции, нарком иностранных дел писал 4 февраля 1939 г. полпреду в Лондоне, что заявлению Сидса «не следует придавать никакого значения»; этим заявлением Чемберлен намерен лишь «закрыть рот» оппозиции, требующей действительно- го сотрудничества с СССР ⁸.

Несмотря на тревожные вести из Германии, правительства Англии и Франции продолжали политику уступок агрессорам. Их эмиссары наряду с действиями, осуществляемыми по дипломатическим каналам, устанавливали личные контакты с руководителями фашистских государств. Так, в феврале 1939 г. Берлин посетил заведующий экономическим отделом Форин офис Эштон-Гуэткин, который был принят Риббентропом, Герингом, Функом и другими руководителями рейха ⁹. Активно готовились к визиту в Берлин английские министры Стэнли и Хадсон. В феврале 1939 г. с Риббентропом беседовал граф де Бринон, редактор французской газеты «Энформасьон», пытавшийся заручиться поддержкой Германии для урегулирования франко-итальянских разногласий ¹⁰.

¹ PRO. Cab., 27/627, p. 176.

² PRO. Cab., 23/97, p. 67.

³ DBFP. Third series, vol. IV, p. 4—7, 37—40, 47, 83—84.

⁴ I b i d., p. 90.

⁵ «Правда», 16 декабря 1938 г.

⁶ DBFP. Third series, vol. IV, p. 25.

⁷ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 670—671.

⁸ АВП, ф. 011, оп. 4, п. 26, д. 30, л. 11.

⁹ Отчет о беседах см.: DBFP. Third series, vol. IV, p. 597—608.

¹⁰ ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 431—432.

По поручению Даладье и Боннэ французский финансист Бодуэн вел секретные переговоры в Риме с министром иностранных дел Италии Чиано о возможности новых французских уступок Италии в целях франко-итальянского «примирения»¹. Одновременно велись активные переговоры между промышленниками Англии, Франции и Германии. По инициативе французского правительства было решено создать «франко-германский экономический центр» для развития связей между этими странами². Предусматривалось, что французские и немецкие монополии создадут консорциум для эксплуатации французских колоний, строительства портов в Южной Америке, дорог и мостов на Балканах, разработки металлорудных месторождений в Марокко, Гвинее и других местах³. 15 — 16 марта 1939 г. в Дюссельдорфе состоялась конференция представителей английских и германских союзов монополистов, на которой было достигнуто соглашение о разделе мировых рынков⁴.

Центральный Комитет ВКП(б) в Отчетном докладе XVIII съезду партии, сделанном И. В. Сталиным 10 марта 1939 г., дал четкий анализ международной обстановки, вскрыл истинные мотивы политики «невмешательства», проводимой правительствами Англии, Франции и США, как политики попустительства агрессии, политики натравливания захватчиков на Советский Союз и предупредил, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики «невмешательства», может окончиться для них серьезным провалом⁵.

Обоснованность этой оценки подтвердилась всем последующим ходом событий.

После Мюнхена немецко-фашистская разведка забросила в Богемию и Моравию отряды «свободного корпуса» Генлейна, многочисленные группы диверсантов и террористов. Кроме того, под вывеской «центров германской культуры» там действовали нацистские агитаторы и пропагандисты во главе с заместителем Генлейна Кундтом.

Гитлеровцы установили тесный контакт с полуфашистской католической партией Словакии. Опираясь на эту партию и другие враждебные чехословацкому правительству элементы, гитлеровская разведка создала широкую сеть агентов, которые проникли в важнейшие звенья государственного аппарата Чехословакии. К весне 1939 г. разведывательные службы Германии подготовили условия, необходимые для реализации агрессивного плана немецких монополий в отношении Чехословацкой республики.

В марте 1939 г. гитлеровцы приступили к окончательной ликвидации чехословацкого государства. 14 марта по приказу из Берлина фашиствующие элементы провозгласили «самостоятельность» Словакии, а в Чехии и Моравии организовали ряд наглых провокаций. Готовясь к оккупации чешских районов, «немцы почти не предпринимали никаких мер по сохранению своих действий в тайне»⁶. Естественно, что английское правительство было хорошо осведомлено об этих планах агрессора. 13 марта министерство иностранных дел Англии разослало своим дипломатическим представителям за границей меморандум, в котором указывалось, что при всех обстоятельствах английское правительство не будет проявлять инициативы для противодействия германской агрессии против Чехословакии⁷.

¹ G. C i a n o. The Ciano Diaries, 1939—1943. New York, 1946, p. 20—21.

² ADAP. Serie D, Bd. IV, S. 435—436.

³ I b i d., S. 437.

⁴ FRUS. 1939, vol. I, p. 77—78.

⁵ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 13—14.

⁶ Д. К и м х е. Несостоявшаяся битва. Перевод с английского. М., 1971, стр. 32.

⁷ DBFP. Third series, vol. IV, p. 240.

В ночь на 15 марта 1939 г. Гитлер, приняв в Берлине президента Чехословакии Гаху и министра иностранных дел Хвалковского, предъявил им ультиматум с требованием о недопущении всякого сопротивления вторжению германских войск. «...Гаха и Хвалковский незаконно и антиконституционно приняли ультиматум», а также «подписали договор, в котором заявляли, что передают судьбу чешского народа и страны в руки фюрера Германской империи»¹. 15 марта немецкие войска заняли Прагу.

Английские мюнхенцы с облегчением восприняли известие об оккупации Чехословакии. В тот же день Галифакс заявил французскому послу: Англия и Франция получили «компенсирующее преимущество», заключающееся в том, что «естественным способом» покончено с обязательством о предоставлении гарантии Чехословакии, бывшим «несколько тягостным» для правительств обеих стран². Чемберлен публично заявил в палате общин, что Англия не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии, и сообщил, что его правительство предложило банку немедленно прекратить выплату английского послемюнхенского займа Чехословакии, а также отменило поездку министров Стэнли и Хадсона в Берлин³. Никакого осуждения гитлеризма, никакого протеста Чемберленом высказано не было. Наоборот, в своем выступлении в палате общин он утверждал, что Чехословакия прекратила свое существование «в результате внутреннего распада», и объявил о намерении английского правительства следовать прежней внешнеполитической линии, подчеркнув, что «никому не позволит сбить его с этого курса»⁴.

Такой же политики придерживалась и Франция. На заседании парламента 17 марта Даладье не только не произнес ни слова в осуждение германской агрессии, но потребовал чрезвычайных полномочий с целью подавления протеста оппозиционных сил, и в первую очередь компартии. «Большинство палаты, — сообщал в НКИД полпред СССР во Франции, — ответило на это требование громовой овацией в адрес Даладье. Более позорное зрелище трудно было себе представить... Лично я глубоко убежден, что диктатура будет использована скорее для подготовки нового Седана»⁵.

Лишь Советское правительство ясно и четко заявило о своей позиции в связи с ликвидацией Чехословакии, квалифицировав действия Германии как «произвольные, насильственные, агрессивные». «Советское правительство, — говорилось в ноте от 18 марта 1939 г., — не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов»⁶.

Советский Союз был единственной страной, готовой оказать действительную помощь Чехословацкой республике до самого последнего момента ее трагедии. «Десять публичных и минимум четырнадцать частных заверений за шесть месяцев помимо нескольких предложений о переговорах между генеральными штабами поистине не могли оставить никаких сомнений у всякого, кто не желал намеренно быть глухим и слепым»⁷, — пишет анг-

¹ Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939, стр. 572—573.

² DBFP. Third series, vol. IV, p. 273.

³ Parliamentary Debates. House of Commons. 1939. Vol. 345, col. 437, 438.

⁴ I b i d., col. 439, 440.

⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 244. В сентябре 1870 г. в период франко-прусской войны под Седаном 100-тысячная французская армия во главе с императором сдалась в плен.

⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 243.

⁷ Э. Ротштейн. Мюнхенский сговор, стр. 265.

лийский историк-марксист Э. Ротштейн, подводя итог усилиям, предпринятым СССР только в марте — сентябре 1938 г. по спасению Чехословакии.

Оценка мюнхенского диктата, данная Советским Союзом в 1938—1939 гг., была вновь подтверждена в договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Чехословацкой социалистической республикой, заключенном 6 мая 1970 г., в котором говорится, что «мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года было достигнуто под угрозой агрессивной войны и применения силы против Чехословакии, представляло собой составную часть преступного заговора гитлеровской Германии против мира и грубое нарушение основных норм международного права и что поэтому оно является с самого начала недействительным со всеми вытекающими из этого последствиями»¹.

В результате оккупации Чехословакии фашистская Германия захватила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43 876 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн. винтовок, 114 тыс. пистолетов, 1 млрд. патронов, 3 млн. снарядов и другие виды военной техники и снаряжения².

С военной точки зрения, писал позднее французский генерал А. Бофр, выигрыш Германии был огромным. Она не только лишила Францию сорока союзных чешских дивизий, но и сумела вооружить сорок немецких дивизий захваченным чешским оружием. Германия стала «господствовать на Дунае и нависла тенью над Балканами»³. Достаточно сказать, что только заводы Шкода с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. выпустили почти столько же продукции, сколько все английские военные заводы за тот же период⁴.

22 марта 1939 г. гитлеровцы оккупировали порт Клайпеда (Мемель) и Клайпедскую область, навязав правительству Литвы соответствующий договор⁵. Правительства Англии и Франции молчаливо согласились с этим фактом агрессии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи⁶. Этот новый акт агрессии фашистской Германии дал ей важные стратегические позиции для разбоя в Прибалтике и на Балтийском море.

Укрепив положение на севере, Гитлер поспешил утвердиться в дунайской зоне. 23 марта Германия, давно подбиравшаяся к румынской нефти, навязала Румынии так называемый «хозяйственный договор». Фактически это было кабальное соглашение, которое ставило экономику страны под контроль Германии и наносило еще один удар по англо-французским позициям в Европе. По приложенному к соглашению секретному протоколу румынское правительство брало на себя обязательство всемерно форсировать добычу нефти и вывоз ее в Германию⁷. Германский представитель Вольтат, подписавший договор, докладывал Герингу, что в результате «все страны Юго-Восточной Европы увидят, кто в действительности обладает господствующей, опирающейся на экономические факторы позицией на Дунае»⁸.

Советский Союз, учитывая растущую угрозу странам Восточной и Юго-Восточной Европы со стороны фашистской Германии, предложил немедленно созвать конференцию заинтересованных государств (Велико-

¹ «Правда», 7 мая 1970 г.

² Dokumente der Deutschen Politik, 1939, Bd. VII, Teil I, S. 150.

³ A. Beaufre. Le drame de 1940. Paris, 1965, p. 110.

⁴ W. Churchill. The Second World War. Vol. I. London, 1948, p. 302.

⁵ ADAP. Serie D, Bd. V, S. 440—441.

⁶ 8 мая 1924 г. представители Франции, Великобритании, Италии и Японии подписали в Париже Клайпедскую (Мемельскую) конвенцию, разработанную комиссией Совета Лиги наций, согласно которой Клайпедская область признавалась составной частью Литвы.

⁷ DGFP. Series D, vol. VI, p. 91—96.

⁸ ADAP. Serie D, Bd. VI, S. 135.

британии, Франции, Польши, Румынии и СССР) для обсуждения мер помощи Румынии¹ и выразил готовность оказать ей военную поддержку в случае нападения². Однако западные державы отклонили советское предложение и тем самым поддержали гитлеровцев.

Вслед за Германией агрессию в Европе предпринял другой фашистский хищник — Италия. Оказав поддержку рейху в захвате Чехословакии, Муссолини потребовал соответствующей компенсации за «услуги» и получил согласие Германии на агрессию против Албании.

Для проведения операции по захвату Албании был сформирован экспедиционный корпус численностью 22 тыс. человек³. В него входили полк легких танков и артиллерия. Для авиационного обеспечения было выделено около 400 самолетов⁴. Агрессор располагал абсолютным превосходством в силах. Албанская армия насчитывала к началу операции около 14 тыс. человек (в том числе 12 тыс. наспех призванных и неподготовленных резервистов), несколько артиллерийских батарей и самолетов⁵. Единственной реальной возможностью активного сопротивления агрессии была мобилизация народа. Именно по этому пути и пытались пойти патриотические силы Албании. В конце марта — начале апреля в Тираре, Дурресе и других городах состоялись митинги и демонстрации, участники которых требовали от правительства срочных мер для обороны страны. Но правительство короля Зогу, боявшееся собственного народа, рассчитывало лишь на помощь западных держав и Балканской Антанты. «Чего хочет народ? — вопрошал М. Коница, советник короля, выступая 6 апреля перед жителями Тираны. — Оружия? Оружие не для народа. Народ не должен этим интересоваться... Народ должен разойтись»⁶.

Утром 7 апреля 1939 г. итальянские вооруженные силы вторглись в Албанию. Несмотря на предательское поведение своего правительства, албанский народ оказал мужественное сопротивление захватчикам. Но силы были слишком неравны. 12 апреля в Тиране состоялось провозглашение «личной унии» между Италией и Албанией, выглядевшее неприкрытым фарсом. Эта уния была одобрена албанской буржуазией и помещиками.

Действия фашистской Италии получили поддержку гитлеровцев. «Германское правительство, — заявил Гитлер, — с глубоким пониманием приветствует и одобряет справедливые действия его друга Италии в Албании»⁷. Вторжение в Албанию явилось нарушением подписанного в 1938 г. соглашения между Англией и Италией, по которому оба государства обязались сохранять статус-кво на Средиземном море. Казалось бы, итальянская агрессия должна была побудить Англию принять ответные меры. На первый взгляд события развивались именно в этом направлении, ибо Галифакс выступил с заявлением о решимости «защитить интересы Англии в Средиземном море», а часть английского флота, приведенного в боевую готовность, покинула свои базы. Но в действительности это была демонстрация, направленная на обман мирового и английского общественного мнения. В секретной телеграмме английским послам в Белграде и Афинах Галифакс советовал не создавать впечатления, будто «правительство Его Величества готово предпринять какие-либо активные действия при на-

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 246.

² Marea conflagratie a secolului XX. Al doilea razboi mondial. Bucureşti, 1971, p. 71.

³ L'Esercito italiano tra la 1-a e la 2-a guerra mondiale (novembre 1918 — giugno 1940). Roma, 1954, p. 266.

⁴ «Studia albanica». Tirane, 1964, № 2, p. 56.

⁵ Н. Смирнов. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969, стр. 104—105.

⁶ V. K o k a. Agresioni italiane fashiste kundër shqiptarisë (7 prill 1939) dhe qendresa et popullit shqiptar. Tiranë, 1964, f. 74

⁷ Dokumente der Deutschen Politik, 1939, Bd. VII, Teil I, S. 163.

стоящем развитии албанских дел»¹. Аналогичную позицию заняли правительства Франции и США, а на них ориентировались и страны Балканской Антанты, от которой Албания в первую очередь ожидала поддержки.

Захват Албании привел к резкому изменению политической и военно-стратегической обстановки на Балканах, создал угрозу независимости целому ряду других стран в этом районе мира. Коммунистические и рабочие партии, оценивая создавшуюся обстановку, указывали, что дальнейшее распространение фашистской агрессии — главная опасность, нависшая над народами. В воззвании Коминтерна говорилось: «Как взбесившийся зверь, мечется фашизм по Европе. Он поглотил Австрию и Чехословакию, он занял Мемель (Клайпеду. — *Ред.*), аннексировал Албанию. Он закидывает петлю на шею Польши. Он рвется на Балканы, угрожая Румынии, Югославии и Греции»².

Захват фашистской Германией Чехословакии и Клайпедской области привел к тому, что Польша оказалась с трех сторон охваченной войсками агрессора. Оккупацией Чехословакии, говорил позже Гитлер своим генералам, «была создана основа для действий против Польши...»³.

21 марта 1939 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп в беседе с польским послом вновь предъявил требования в отношении Гданьска (Данцига), а также права на строительство экстерриториальной железной дороги и автострады, которые связали бы Германию с Восточной Пруссией⁴. Играя на традиционных антисоветских настроениях польских правителей, Риббентроп дал указание своему послу в Варшаве заявить им, что Германия и Польша смогут проводить в будущем единую восточную политику, так как интересы обеих стран по «защите от большевизма» совпадают⁵. 26 марта 1939 г. польский посол в Берлине Липский передал Риббентропу меморандум своего правительства, в котором германские предложения отклонялись⁶. Этим поспешил воспользоваться Гитлер, который искал только повода, чтобы «избавиться от германо-польского пакта о ненападении» и получить «по отношению к ней (Польше. — *Ред.*) свободу рук»⁷.

В связи с нависшей над Польшей угрозой фашистской агрессии премьер-министр Англии Чемберлен 31 марта 1939 г. сделал заявление в парламенте о предоставлении гарантий Польше. «В случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши, — говорилось в английской декларации, — и которой польское правительство сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах»⁸. 13 апреля 1939 г. аналогичное заявление было сделано французским правительством⁹.

Однако Гитлер продолжал активную подготовку захвата Польши. «Польшу необходимо так разбить, — говорил он в эти дни Браухичу, — чтобы в ближайшие десятилетия не было нужды считаться с ней как с по-

¹ DBFP. Third series, vol. V, p. 132.

² «Коммунистический Интернационал», 1939, № 5, стр. 99.

³ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 318.

⁴ ADAP. Serie D, Bd. VI, S. 58—60.

⁵ *Ibid.*, S. 72.

⁶ *Ibid.*, S. 101—104.

⁷ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 362—363.

⁸ DBFP. Third series, vol. IV, p. 553. 6 апреля односторонняя английская гарантия Польше была заменена предварительным двусторонним соглашением о взаимной помощи между Англией и Польшей. Окончательно англо-польский союз был оформлен в виде соглашения о взаимной помощи и секретного протокола, подписанных в Лондоне только 25 августа.

⁹ Documents on International Affairs, 1939—1946, vol. I, p. 202.

литическим фактором»¹. 11 апреля гитлеровское верховное главнокомандование издало новую директиву «О единой подготовке вооруженных сил к войне», приложением к которой был план войны против Польши, подписанный Кейтелем (план «Вайс»). Добавление Гитлера гласило: «Подготовку следует провести таким образом, чтобы операцию можно было осуществить в любое время, начиная с первого сентября 1939 г.»². Так была установлена дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

Рассматривая сложившуюся накануне войны ситуацию в Европе, многие буржуазные историки расценивают англо-французские гарантии малым странам как «революцию» в политике западных держав, как переход к «противоборству» с Германией в стремлении упрочить свои позиции в Восточной и Юго-Восточной Европе. В действительности никакой революции не произошло. Изменилась только тактика «умиротворителей», но не их стратегия.

«Английскому правительству,— писал Черчилль,— необходимо было срочно задуматься над практическим значением гарантий, данных Польше и Румынии. Ни одна из этих гарантий не имела военной ценности иначе, как в рамках общего соглашения с Россией»³. Но Чемберлен и Даладье не задумывались над этим, так как не собирались выполнять обещанного. Мюнхенцы придерживались старой концепции: принести в жертву хищнику страны и территории, лежащие на пути к советским границам. Разменной монетой в этой антисоветской политике на этот раз они сделали своего союзника — Польшу.

В течение лета 1939 г. в Лондоне, Париже и Варшаве проходили военные переговоры о практическом осуществлении гарантий, в ходе которых французы взяли на себя обязательство: «как только Германия направит свои главные усилия на Польшу, Франция начнет наступательные действия против Германии всей мощью своих сил (через 15 дней после начала всеобщей мобилизации своей армии)»⁴. В свою очередь англичане обещали немедленно предпринять мощное воздушное наступление против Германии⁵ и передать Польше большое количество боевых самолетов. Одновременно по этому вопросу велись секретные англо-французские штабные переговоры, на которых обязательства по отношению к Польше выглядели совершенно иначе.

На заседании английского кабинета 24 мая министр по координации обороны лорд Чэтфилд строил следующие прогнозы: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские войска займут оборону на линии Мажино и будут сосредоточивать силы для наступления на Италию. Если Италия будет придерживаться нейтралитета, а в войну окажется вовлеченной Бельгия, то французские вооруженные силы, возможно, предпримут наступление через Бельгию. Но если Бельгия не будет участвовать в войне, то каких-либо действий против линии Зигфрида не предполагается»⁶. Что же, по мнению лорда Чэтфилда, должна предпринять сама Англия? «Мы, конечно, сможем осуществить эффективное воздушное наступление в случае... если в войну вступит Бельгия»⁷, — говорил он.

¹ M. T u r l e j s k a. Rok przed klęską (1 września 1938—1 września 1939). Warszawa, 1965, str. 209.

² IMT, vol. XXXIV, p. 381.

³ W. C h u r c h i l l. The Second World War, vol. I, p. 325.

⁴ M. G a m e l i n. Servir. Le prologue du drame (1930 — août 1939). Paris, 1946, p. 421.

⁵ P. C a t o n. 1939—1940. Une guerre perdue en quatre jours. Vers la pire des guerres par le pire des chemins. Blainville-sur-Mer, 1969, p. 424.

⁶ PRO. Cab., 23/99, p. 294.

⁷ Ibid., p. 295.

Иными словами, военные обязательства, взятые Англией и Францией в соответствии с объявленными гарантиями, были, по существу, преднамеренным обманом. Фактически они провоцировали гитлеровцев к нападению на Польшу, служили целям империалистических кругов тех западных держав, которые стремились вывести вермахт на рубежи советских границ. Это признают и некоторые буржуазные историки. «Гарантии, — пишет Б. Лиддел Гарт, — были наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну»¹.

Однако расчеты мюнхенцев канализировать фашистскую агрессию «только на Восток» вновь не оправдались. В конце апреля Германия расторгла с Польшей соглашение 1934 г. о мирном разрешении споров, чем недвусмысленно заявила о своих агрессивных намерениях в отношении этой страны. В одностороннем порядке она аннулировала также англо-германское морское соглашение 1935 г. и потребовала от Великобритании возвращения колоний. Наряду с этим Германию и Италию накрепко связал 22 мая так называемый «стальной пакт», направленный не только против СССР, но и против западных держав. Геринг разъяснил Муссолини и Чиано, что захват Чехословакии способствует значительному усилению мощи стран оси против западных держав и создает благоприятные условия для нападения на Польшу².

Подобного развития событий следовало ожидать. Теперь в своих захватнических устремлениях фашистские державы не только использовали политику попустительства агрессии, проводимую Англией, Францией и США, но и опирались на ее результаты — резкое изменение соотношения сил в свою пользу.

При содействии американских и английских монополий Германия оказалась по ряду важнейших военно-экономических показателей впереди своих империалистических конкурентов в Европе. В результате проведенных захватов в Европе значительно возрос военно-промышленный потенциал фашистского блока, особенно увеличилась мощь вооруженных сил рейха. Практически вся промышленность и сырьевые ресурсы Австрии и Чехословакии оказались в руках гитлеровцев.

Политика изоляции империалистическими державами Советского Союза нанесла невосполнимый ущерб перспективам создания системы коллективной безопасности, дезорганизовала силы противников фашистской агрессии внутри капиталистических стран. Был сведен на нет не только советско-чехословацкий, но и советско-французский договор 1935 г. о взаимной помощи. Поощрение германской и итальянской агрессии в Европе способствовало удушению фашистами Испанской республики. Окончательно рухнула противостоявшая Германии шаткая структура послеверсальских порядков в капиталистической Европе; Малая Антанта распалась, позиции англо-французской коалиции, особенно Франции, ослабли.

Безопасность стран, которые следовали внешнеполитическому курсу Англии, Франции и США и рассчитывали на их помощь в случае фашистской агрессии, оказалась под угрозой.

В то же время произошла консолидация сил крайней реакции внутри фашистских государств и в ряде капиталистических стран.

Германский империализм обеспечил себе стратегические перспективы как на Востоке, так и на Западе. Вермахт вклинился в Центральную Европу и, ликвидировав барьер на пути движения к бассейну Дуная, Средиземному морю, черноморским проливам и на других направлениях,

¹ B. Liddell Hart. History of the Second World War. New York, 1971, p. 11.

² Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 317.

вышел на подступы к границам Советского Союза. Польша, над которой нависла непосредственная опасность захвата, оказалась в наиболее уязвимом стратегическом положении. Войска рейха угрожали ей не только с запада, но также с юга и севера. После оккупации Чехословакии и Клайпедской области протяженность германо-польской границы, а следовательно, и фронта возможного вторжения вермахта увеличилась на 450 км. Таковы в основных чертах губительные последствия мюнхенского предательства, проявившиеся уже к весне 1939 г.

Следует, однако, иметь в виду, что превосходство в экономическом потенциале, несмотря на все приобретения агрессоров в Европе, оставалось на стороне Англии, Франции и США, вместе взятых.

Однако у Германии было огромное преимущество, заключавшееся в заблаговременном развертывании вооруженных сил, оснащенных современным оружием и получивших боевой опыт на полях Испании. Конечно, это преимущество могло быть только временным; в длительной войне уязвимость военно-экономической базы Германии неминуемо сказалась бы. Политическое и военное руководство фашистской Германии, несмотря на присущий ему авантюризм, в какой-то степени все это учитывало. Однако оно рассчитывало изменить в свою пользу неблагоприятное соотношение сил диверсионными действиями и своей военной стратегией. К диверсионным методам относились: ставка на предательство национальных интересов буржуазией тех стран, против которых предпринималась агрессия, создание и подрывная деятельность «пятых колонн», активная идеологическая война, запугивание населения стран, на которые готовилось нападение, вымыслами о несокрушимой мощи германских вооруженных сил и о мнимой опасности с Востока.

К стратегическим расчетам, принимавшим все более конкретный характер, относились: объединение сил коалиции фашистских государств и разобщение сил ее противников, ставка на молниеносные военные кампании и высокую боеспособность вермахта, уничтожение противников одного за другим, последовательный захват стран и территорий, исключение возможности войны на два фронта, неуклонное расширение экспансии по мере роста сил и средств Германии и ее союзников, практическое осуществление идеи о нанесении первого удара на Западе.

Основная проблема германской стратегии в отношении Польши заключалась в определении позиции Англии и Франции и выработке целесообразных военных мероприятий. Вначале гитлеровское верховное командование исходило из возможности захвата Польши без конфликта с западными союзниками. Однако уже в мае 1939 г. оно дало указание своему флоту и авиации подготовиться к непосредственному началу экономической войны с Англией и Францией¹ путем блокады их с моря и массированных воздушных налетов на те экономические центры, разрушение которых сильнее всего подорвет военно-экономическое положение противника. Таким образом, в конце апреля — начале мая в ОКВ и ОКХ (главном командовании сухопутных сил) возникли сомнения в возможности захватить Польшу «локальным вариантом» «молниеносной войны».

23 мая 1939 г. Гитлер созвал секретное совещание высших руководителей вооруженных сил, которое явилось важным этапом непосредственной подготовки германского фашизма к развязыванию мировой войны. В пространной речи фюрер охарактеризовал политику Германии и поставил задачи вермахту. Это была программа разрешения империалистических противоречий в Европе и внутреннего кризиса «третьего рейха» путем захватнических войн. Излагая план войны против Польши, Гитлер отмечал малую вероятность одновременной схватки с Англией и Францией.

¹ Н. Thursfield (Ed.). *Brassey's Naval Annual*. 1948. London, 1948, p. 30.

«Главное — борьба с Польшей, — заявил он. — Начиная наступление против Польши, я считаю, что успех будет только в том случае, если Запад останется вне игры. Если это будет невозможно, тогда будет лучше напасть на Запад и одновременно разделаться с Польшей». Далее Гитлер наметил мероприятия, которые необходимо провести в случае вступления в войну Англии и Франции.

Фашистское руководство мало верило в эффективность англо-французских гарантий, данных Польше¹. «Мы видели этих жалких червей — Чемберлена и Даладье — в Мюнхене, — говорил Гитлер. — Они слишком трусливы, чтобы атаковать. Дальше блокады они не пойдут.. Единственно, чего я боюсь, — это приезда Чемберлена или какой-нибудь другой свиньи с предложением изменить мои решения. Но он будет спущен с лестницы, даже если мне самому придется дать ему пинка ногой в брюхо на глазах фотокорреспондентов»².

Стремление избежать войны на два фронта и выработка наиболее выгодного стратегического варианта явились ближайшей целью политического и военного руководства фашистской Германии. Настойчивые попытки Англии и Франции достичь сделки с гитлеровцами на антисоветской основе за счет Польши способствовали тому, что в Берлине возникла уверенность, что гарантии западных стран Польше являются фальшивыми³. Германский посол в Лондоне Дирксен доносил, что «Англия хочет посредством вооружения и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией и готова для этого принести жертвы..»⁴.

На совещании с Браухичем и Гальдером 14 августа и в выступлении перед командующими войсками в Оберзальцберге 22 августа Гитлер пренебрежительно отозвался о вооруженных силах англо-французской коалиции и заявил, что «Англия будет стремиться к военным осложнениям не раньше чем через 3—4 года»⁵.

Аналогичную оценку он дал и политике Франции. Анализ внешнеполитического курса Соединенных Штатов Америки позволил гитлеровцам надеяться, что реальная поддержка Польши со стороны США «вообще исключена»⁶.

На основании этих выводов гитлеровское руководство окончательно утвердилось в своем намерении напасть на Польшу и произвело распределение сил для решения стратегических задач. Мощные ударные группировки сосредотачивались на Восточном театре — против Польши, а для Западного — предназначалось только слабое прикрытие. «Мы будем удерживать Запад, — заявил Гитлер, — пока не завоюем Польшу. Даже если на Западе начнется война, уничтожение Польши — на первом плане»⁷.

Прогнозы руководителей рейха относительно действий западных держав были в основном верны, но в оценках перспектив развития событий они допускали просчеты. Резкое усиление Германии в условиях, когда остальные страны капиталистической Европы еще не вышли из тяжелого

¹ H. Greiner Die Oberste Wehrmachtführung 1939—1943 Wiesbaden, 1951, S. 33

² Nazi Conspiracy and Aggression Vol VII Washington, 1946, p. 753—754

³ Ф. Гальдер Военный дневник Т. I Перевод с немецкого М., 1968, стр. 39

⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II, стр. 206.

⁵ Ф. Гальдер Военный дневник, т. I, стр. 56

⁶ S. Friedlander Prelude to Downfall Hitler and the United States 1939—1941 London, 1967, p. 26

⁷ IMT, vol. XXXIV, p. 523

экономического кризиса, неизбежно вело к дальнейшему обострению противоречий между империалистическими группировками. Так мюнхенская политика приблизила человечество к мировой войне.

2. Англо-франко-советские переговоры

Проводя линию XVIII съезда партии, Советское правительство в сложной и опасной обстановке возможного империалистического сговора прилагало все усилия, чтобы сорвать планы международной реакции, предотвратить военный пожар и создать преграду фашистской агрессии. С этой целью оно настойчиво добивалось переговоров с правительствами Англии и Франции, заключения соглашения о взаимной помощи против агрессии.

Международная обстановка и внутривластическое положение западных держав создавали определенные предпосылки для успеха таких переговоров. Мюнхенская политика не принесла Англии и Франции желаемых результатов: становилось все яснее, что фашистская агрессия вначале может обрушиться на них, а не на СССР.

Англо-французская общественность настойчиво выступала за переговоры с Советским Союзом. Весной 1939 г. подобные настроения охватили значительную часть членов английского парламента. За союз с СССР ратовали не только лейбористы и либералы, но и многие консерваторы, которые ненавидели СССР и в то же время испытывали страх за судьбу Британской империи. «Мы окажемся в смертельной опасности,— говорил Черчилль в палате общин,— если не сможем создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией»¹. Лидер либералов Ллойд-Джордж предупреждал Чемберлена: «Действуя без помощи России, мы попадем в западню».

Коммунистическая партия и Советское правительство понимали сущность разбойничьей политики германского империализма и реально оценивали ее опасность как для СССР, так и для других государств. Решение о переговорах с западными державами явилось продолжением последовательного внешнеполитического курса Советского государства на создание системы коллективной безопасности, пресечение фашистской экспансии и предотвращение войны.

Иными были истинные цели правительств Англии и Франции. В одном из установочных меморандумов, разработанных английским правительством летом 1939 г., говорилось: «Желательно заключить какое-либо соглашение с СССР о том, что Советский Союз придет к нам на помощь, если мы будем атакованы с Востока, не только для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, но также, вероятно, и потому — и это самое главное — ...что если война начнется, то следует постараться втянуть в нее Советский Союз...»²

«Умиротворители» рассчитывали также на то, что боязнь союза Англии и Франции с СССР заставит Германию пойти на соглашение с западными державами и вернет ее политику в рамки мюнхенского сговора.

21 марта посол Англии в СССР Сидс вручил Наркоминделу следующий проект декларации Англии, СССР, Франции и Польши: «Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу поли-

¹ Parliamentary Debates. House of Commons. 1939. Vol. 345, col. 2507—2508, 2516.

² DBFP. Third series, vol. V, p. 646.

тической независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям»¹

Ограниченность этого проекта декларации, подменявшего конкретные решительные действия против агрессоров обязательством «немедленно совещаться», была очевидной. Тем не менее, полагая, что даже такая декларация может сыграть положительную роль, Советское правительство согласилось с ней. Нарком иностранных дел СССР сообщил Сидсу: «Солидаризируемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации. Представители Советского правительства незамедлительно подпишут декларацию, как только и Франция и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи. Для придания акту особой торжественности и обязательности предлагаем подписать премьер-министрам и министрам иностранных дел всех четырех государств»². Чтобы добиться большей эффективности английского проекта, Советское правительство высказало пожелание, чтобы наряду с балканскими странами к декларации присоединились Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, а также скандинавские страны³.

Несмотря на это, английское правительство отказалось от собственного предложения от 21 марта 1939 г. Более того, оно по-прежнему продолжало попустительствовать агрессору. «Когда я занял Мемель, — за свидетельствовал потом Гитлер, — Чемберлен информировал меня через третьих лиц, что он очень хорошо понимал необходимость осуществления такого шага, хотя публично одобрить такой шаг он не мог»⁴.

В середине апреля Англия и Франция направили Советскому Союзу новые предложения. Министр иностранных дел Франции Бонне заявил о готовности обменяться с СССР письмами, обязывающими стороны к взаимной поддержке, если одна из них будет втянута в войну с Германией в результате оказания помощи Польше или Румынии. Суть английского предложения сводилась к тому, что СССР должен взять на себя односторонние обязательства помощи «своим европейским соседям» в случае совершенной против них агрессии. Французское предложение, несмотря на его ограниченность, содержало элемент взаимности, чего не было в английском, согласно которому Советский Союз должен был немедленно вступить в войну с Германией на стороне «своих европейских соседей» без каких-либо конкретных встречных обязательств английского правительства.

Несмотря на явно двучленную позицию Великобритании, Советское правительство всемерно стремилось по-деловому решить совместно с Францией и Англией проблему отпора германской агрессии. 17 апреля оно вынесло на обсуждение предложения, положившие начало действительным переговорам. Эти предложения были таковы:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств».

«2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств».

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 265.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Д. Кимхе. Несостоявшаяся битва, стр. 36.

3 Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2

4 Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии

5 Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР

6 Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия

7 Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3

8 Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи»¹

Это был прочный фундамент трехстороннего договора о взаимопомощи, основанного на равенстве обязательств и необходимой эффективности мер для пресечения агрессии в любом районе Европы

Но взаимность обязательств не устраивала Англию и Францию. Они рассчитывали лишь на такое соглашение, которое позволило бы втянуть СССР в войну с Германией и в то же время избежать оказания ему помощи. Это подтверждали ответные предложения Франции (25 апреля 1939 г.) и особенно Англии (8 мая 1939 г.)

На первый взгляд французская сторона декларировала взаимность обязательств: «В случае, если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку. В случае, если бы вследствие помощи, оказанной Союзом ССР Франции и Великобритании в условиях, предусмотренных предыдущим параграфом, СССР оказался бы в свою очередь в состоянии войны с Германией, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленно помощь и поддержку»²

Однако этот проект, по существу, отклонял очень важные составные части советских предложений. Его «взаимность» была весьма относительной. Если на СССР налагались обязательства помочь Франции и Англии в любом случае их войны с Германией (даже если они сами ее начнут), то поддержка Советскому Союзу предусматривалась лишь после того, как он окажет помощь Англии и Франции. Когда советский полпред во Франции обратил на это внимание Бонна, последний, изобразив смущение, заявил, что из-за своей чрезмерной занятости редакцию проекта он поручил генеральному секретарю министерства иностранных дел Лелю³

После длительного молчания английское правительство отвергло французские предложения и внесло свои, которыми вновь пыталось навязать Советскому государству обязательства односторонней и безвозмездной помощи западным державам

Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство раскрыли провокационный смысл англо-французской полити-

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 336—337

² Там же стр. 348—349

³ М. Папкрасова В. Сиполс Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года (Документальный обзор) М. 1970, стр. 33

ки. В памятной записке от 14 мая 1939 г. Советское правительство сообщило Великобритании, что английские предложения не могут служить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств дальнейшему разворачиванию агрессии в Европе, поскольку они «не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение...»¹.

Стремясь достичь соглашения с западными державами, Советское правительство изложило следующие условия обеспечения коллективной безопасности, отвечавшие принципу взаимности:

«1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии;

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией»².

Позиция СССР была безупречно откровенна и последовательна. Она была направлена на обуздание фашистского агрессора, на обеспечение коллективной безопасности. Но англо-французская дипломатия в переговорах с Советским Союзом проявляла упорную медлительность, что, естественно, вызывало тревогу международной общественности.

В середине мая усилилось давление более дальновидных членов английского парламента на правительство Чемберлена. В ответ на настойчивые требования ускорить переговоры в Москве Чемберлен заявил: «Я должен быть осторожен и не допустить ничего такого, что может осложнить положение. Нам приходится обращаться не к одному лишь русскому правительству. Мы должны иметь в виду и правительства других стран». Это заявление свидетельствовало о том, что английская политика попустительства агрессору оставалась неизменной.

Между тем политическая обстановка в Европе все более обострялась. Под давлением общественного мнения англо-французская сторона в конце мая вынуждена была несколько изменить свою позицию. В предложениях от 27 мая западные державы уже признавали необходимость взаимопомощи между Англией, Францией и СССР в случае прямого нападения Германии. Но оговорки сводили этот принцип взаимопомощи на нет. Вместо немедленных мер против агрессора предлагались предварительные консультации и решение вопроса в Лиге наций, что могло быть использовано как уловка для отказа от немедленной помощи жертве агрессии.

Советский Союз отнюдь не занимал позиции «ниспровергателя» инициативы западных держав, как это пытаются представить сейчас некоторые буржуазные историки. Принимая все меры к тому, чтобы ускорить ход переговоров и заключить эффективный и равноправный договор с Англией и Францией против агрессии в Европе, Советское правительство 2 июня 1939 г. передало соответствующим правительствам проект договора о взаимной помощи, в котором содержались следующие обязательства сторон:

«1

Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную, всестороннюю, эффективную помощь, если одно из этих го-

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 395.

² Там же.

сударств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо

3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета.

2

Три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1.

3

В случае, если произойдут обстоятельства, создающие, по мнению одной из договаривающихся сторон, угрозу агрессии со стороны какой-либо европейской державы, три государства приступят немедленно к консультации, чтобы изучить обстановку и в случае необходимости установить совместно момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге наций.

4

Три государства сообщают друг другу тексты всех своих обязательств в духе обязательств, предусмотренных ст. 1, в отношении европейских государств. Если одно из них предусмотрело бы в будущем возможность принять новые обязательства такого же характера, оно предварительно это проконсультирует с двумя другими государствами и сообщит им содержание (текст) принятого соглашения.

5

Три государства обязуются, в случае открытия совместных действий против агрессии на основании ст. 1, заключить перемирие или мир только по совместному соглашению»¹.

Данный проект основывался на ранее выдвинутых Советским правительством предложениях и полностью отвечал интересам борьбы против агрессии.

Чемберлен и Даладье, хотя формально и не отклонили советский проект, тем не менее продолжали политику проволочек. Демонстративно неуважительным актом по отношению к СССР явилось то, что переговоры со стороны Великобритании вел сотрудник министерства иностранных дел У. Стрэнг. Даже буржуазные историки квалифицируют его прибытие в Москву как «тройное оскорбление, нанесенное Советскому Союзу, ибо Стрэнг был лицом невысокого дипломатического ранга, выступал в роли защитника группы английских инженеров, уличенных в Советской России в шпионаже, и входил в группу сотрудников, сопровождавших Чемберлена в Мюнхен»².

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 432—433.

² D. F i e m i n g. The Cold War and its Origins 1917—1960. Vol. I. New York, 1961, p. 91. Отмечая приверженность Стрэнга идее подталкивания германской агрессии на Восток, в Лондоне метко говорили по его адресу: «Стрэнг нах Остен» (Q. H o w e. Ashes of Victory. New York, 1972, p. 55).

8 июня Галифакс изъявил желание вести переговоры не путем обмена письмами, а за круглым столом и уполномочил на это Сидса, дав ему в помощники Стрэнга. По этому поводу в речи 23 июля Ллойд-Джордж говорил: «Лорд Галифакс посетил Гитлера и Геринга. Чемберлен отправлялся в объятия фюрера три раза подряд... Почему в гораздо более мощную страну, которая предлагает нам свою помощь, послали представлять нас лишь чиновника Форин офис? На это можно дать лишь один ответ. Г-н Невиль Чемберлен, лорд Галифакс и сэр Саймон не желают союза с Россией»¹.

Основным методом дипломатического саботажа переговоров с СССР западные державы на этом этапе избрали организованную ими дискуссию о гарантиях безопасности прибалтийским государствам.

Твердая решимость Страны Советов защищать прибалтийские республики от агрессии имела немаловажное значение. В связи с захватом гитлеровцами Клайпедской области у Литвы правительство СССР обратилось к правительствам Эстонии и Латвии с заявлениями. Хорошо зная пути и методы, используемые Германией для осуществления своих агрессивных планов, а также учитывая антисоветскую позицию правительств прибалтийских стран, Советское правительство предостерегало последние от заключения таких соглашений, которые могли бы в той или иной степени ущемить их независимость, допустить в них политическое и экономическое господство третьего государства. Оно подчеркивало опасность подобных соглашений для прибалтийских государств и их несовместимость с договорами Эстонии и Латвии с Советским Союзом, который не сможет в таком случае остаться безучастным зрителем².

Были проведены консультации с представителями прибалтийских государств. Эстонский посланник в Москве заявил, что его страна только формально одинаково относится к обеим группировкам, а по существу рассчитывает на помощь неагрессивных стран, и в первую очередь СССР³. Однако подобным уклончивым заявлениям противоречила ярко выраженная антисоветская политика. В разгар англо-франко-советских переговоров Эстония и Латвия заключили «дружественные» договоры о ненападении с Германией. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер и начальник гитлеровской военной разведки адмирал Канарис, тайно посетившие эти страны, обсуждали вопрос об оккупации Прибалтики немецко-фашистскими войсками.

Несколько ранее германский посланник в Эстонии Фриванн, сообщая в Берлин о беседе с начальником штаба эстонской армии Рэком, писал, что для данной страны очень важно знать, осуществит ли Германия в случае войны контроль над Балтийским морем. «Генерал Рэк признал это, — продолжал он, — и заявил, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности»⁴. Прогерманскую позицию занимала также Финляндия.

15 июня Сидс передал НКВД СССР очередные предложения своего правительства, мало чем отличавшиеся от прежних. Новый проект статьи 1 гласил:

«Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказать друг другу немедленно всевозможную посильную поддержку и помощь, если

¹ Цит. по W and Z C o a t e s A History of Anglo-Soviet Relations London, 1945, p. 614.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 282—283.

³ Там же стр. 436.

⁴ ADAP Serie D, Bd. V, S. 384.

одна из стран будет втянута в военный конфликт с какой-нибудь европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против одной из этих трех стран, либо

2) агрессии со стороны этой державы против другого европейского государства, которому заинтересованная договаривающаяся страна обязалась, в согласии с пожеланиями этого государства, помочь против такой агрессии, либо

3) действий со стороны этой державы, которые три договаривающихся правительства в результате взаимной консультации, предусмотренной в статье III, признали бы угрожающими независимости или нейтралитету другого европейского государства таким образом, что это составит угрозу для безопасности заинтересованной договаривающейся страны»¹.

Этот проект свидетельствовал, что английское правительство продолжало тормозить решение вопроса о предоставлении прибалтийским государствам эффективных гарантий трех держав—СССР, Франции и Англии. Это была самая настоящая ловушка, поставленная Советскому Союзу правительствами Англии и Франции.

Если Советский Союз должен был немедленно, автоматически прийти на помощь Англии и Франции в случае нападения Германии на Бельгию, Грецию, Польшу, Румынию и Турцию, то в случае нападения Германии на прибалтийские страны никакой немедленной помощи от Англии и Франции не предусматривалось. Они обязывались прийти на помощь лишь при условии, если «в результате взаимной консультации» действия Германии будут признаны угрожающими независимости и нейтралитету прибалтийских государств, а также если это составит угрозу для безопасности СССР.

Ну а если Франция и Англия под каким-либо предлогом не признают действия Германии подпадающими под эти условия? Если они затянут консультации или заведут их в тупик, в то время как гитлеровские войска уже перейдут в наступление? Достаточно только поставить эти вопросы, чтобы убедиться, что предложенный проект никаких действительных обязательств по оказанию помощи прибалтийским государствам на Англию и Францию не возлагал².

Критикуя позицию правительств западных держав, член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов на страницах газеты «Правда» указывал, что английское и французское правительства нагромождают в переговорах искусственные трудности по таким вопросам, которые при доброй их воле и искренних намерениях могли бы быть разрешены без проволочек и помех.

Переговоры длились уже 75 дней, из которых 59 ушло на проволочки англо-французской стороны. Англичане и французы, писал Жданов, «хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдет, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру»³.

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 450—451.

² М. П а н к р а ш о в а, В. С и п о л с. Почему не удалось предотвратить войну, стр. 60—61.

³ «Правда», 29 июня 1939 г.

Несмотря на неизменно конструктивную инициативу Советского правительства, последующие действия англо-французской стороны создавали все новые и новые препятствия на пути переговоров. Одним из них стал вопрос о гарантиях против косвенной агрессии, то есть захвата, прикрытого любой ширмой, как это произошло с Чехословакией.

В начале июня вопрос о необходимости гарантий против косвенной агрессии был поставлен Даладье. Это отражало стремление Франции обеспечить безопасность своих границ на востоке. Даладье предложил распространить взаимные обязательства Англии, Франции и СССР на случай не только прямой, но и косвенной агрессии¹. Советское правительство с пониманием отнеслось к мнению премьер-министра Франции. Оно рассматривало гарантии против косвенной агрессии как важное и неотъемлемое условие трехстороннего договора, обеспечивающее ему необходимую надежность. Такие гарантии для Советского Союза имели особое значение. На основе взаимной договоренности Англии, Франции и СССР надо было исключить возможность использования территории прибалтийских стран под ширмой «добровольного согласия» их правительств в качестве плацдарма для нападения Германии на Советский Союз.

Однако в ходе дальнейших переговоров выяснилось, что Англия и Франция стремятся протащить такое определение косвенной агрессии, которое не только не гарантировало совместные действия трех держав, но и открывало прямую дорогу к неоднократному повторению «чехословацкого варианта». Тем самым захватчику указывались пути и средства продвижения на восток, а также обеспечивался нейтралитет Англии и Франции.

«...Выражение «косвенная агрессия», — подчеркивалось в предложениях Советского правительства от 9 июля 1939 г., — относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»².

Англо-французская сторона упорно отказывалась принять ясное и четкое определение косвенной агрессии. Оставался нерешенным и ряд других принципиальных вопросов, в том числе вопрос о сроках вступления в силу военного соглашения.

Советская сторона предлагала, чтобы соглашения по политическим и военным вопросам вступили в действие одновременно. Англия и Франция обещали, что вслед за заключением договора о взаимопомощи будут начаты переговоры о военной конвенции. Советское правительство имело все основания выразить недоверие: убедительным предостережением являлась судьба франко-советского договора о взаимопомощи, который не был подкреплён военным соглашением и уже по одной этой причине не имел должной эффективности.

Галифакс инструктировал Сидса, что английское правительство не желает принимать советские предложения об определении косвенной агрессии и одновременном вступлении в силу политического и военного соглашений. Сообщая о «намерении правительства Его Величества» в случае, если СССР будет отстаивать свои предложения, «пересмотреть позицию в целом»³, то есть сорвать переговоры, министр, по существу, советовал послу прибегнуть к угрозам и шантажу в отношении Советского

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 434.

² Там же, стр. 486—487.

³ DBFP. Third series, vol. VI, p. 335—336.

Союза. Однако французское правительство не поддержало намерений Галифакса ¹

Тем временем московские переговоры прямо или косвенно вовлекли в свою орбиту всю мировую дипломатию. Было ясно, что это последний рубеж, который может преградить путь новой мировой войне «Теперь оставалась только одна возможность избежать войны, — признает Б. Лиддел Гарт, — это заручиться помощью России» ² Но конструктивных решений не было. По одну сторону рубежа вел дипломатическую борьбу Советский Союз, поддерживаемый мировой прогрессивной общественностью и теми политическими деятелями Запада, которые трезво оценивали глобальную угрозу фашистской экспансии, по другую — силы международной империалистической реакции, стремившиеся разрешить свои противоречия за чужой счет.

Руководство фашистской Германии крайне встревожилось возможностью заключения англо-франко-советского договора. Летом 1939 г. Гитлер в кругу своих приближенных говорил, что, если переговоры закончатся успешно, он будет вынужден созвать нацистский съезд в Нюрнберге для пересмотра политики и назвать его «съезд мира» ³ Однако информация, поступавшая по дипломатическим каналам из Лондона, убедила фюрера в том, что опасения преждевременны. В Берлин стекались исчерпывающие сведения о подлинных намерениях западных держав. В этом отношении характерна выдержка из телеграммы германского посла в Лондоне от 26 апреля 1939 г. «сегодня вечером или завтра утром британское правительство через своего посла в Москве даст Советскому правительству ответ на контрпредложения Советской России. Ответ равнозначен отказу, хотя он облечен в форму замечаний. В своей главной части нота содержит отклонение предложенного Советской Россией трехстороннего пакта по оказанию взаимной помощи. Соответственно отпадают также и военные соглашения в дополнение к этому пакту» ⁴.

Негативную позицию в отношении англо-франко-советских переговоров, и прежде всего помощи СССР, заняли отчасти под влиянием Англии и Франции польское и румынское правительства, которые во внешней политике даже в условиях непосредственной угрозы со стороны Германии не изменили своего антисоветского курса. «Польское правительство, — писал Галифакс в меморандуме от 22 мая 1939 г., — не желает связывать себя таким путем (англо-франко-советским договором — *Ред*) с Советским правительством. Мы выяснили, что румынское правительство разделяет подобную точку зрения» ⁵.

Позиция польского правительства постоянно являлась камнем преткновения на переговорах. Согласие СССР оказать помощь Польше и отрицательное отношение ее правительства к союдруничеству с Советским Союзом в защите от агрессии отчетливо проявились во время визита в Варшаву заместителя наркома иностранных дел СССР Потемкина в мае 1939 г. В беседе с польским министром иностранных дел Беком он подчеркнул, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала» ⁶.

Но на следующий день польский посол в Москве сделал народному комиссару иностранных дел заявление, что Польша не хочет в данный мо-

¹ История дипломатии, т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы, стр. 782.

² B. Liddle Hart. History of the Second World War, p. 12.

³ L. M o s l e y. On Borrowed Time. How World War II Began. New York, 1969, p. 256.

⁴ ADAP. Serie D, Bd VI, S. 279.

⁵ PRO. Cab., 24/287, p. 75.

⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 389.

мент связывать себя каким-либо соглашением с СССР¹ Польскому послу в Лондоне Бек телеграфировал 9 июня 1939 г., что договор с Советским Союзом нарушил бы «стабилизацию и безопасность в Восточной Европе»². Почковник Бек, свидетельствует французский буржуазный историк М. Мурен, «из за своей русофобии и страха перед коммунизмом» не хотел сближения с Советской Россией и верил, что с гитлеровским режимом можно найти решение вопросов в интересах Польши³.

Безрассудно отвергая советскую помощь в борьбе против агрессии, правители буржуазно помещичьей Польши фактически ставили страну в трудное положение и в случае войны заведомо обрекали на катастрофу. Как раз в те дни, когда Бек рассылал телеграммы своим послам об отказе Польши принять помощь СССР, в высших сферах Лондона, Парижа и Вашингтона разрабатывались и уточнялись планы «нового Мюнхена» — за счет Польши Американский поверенный в делах во Франции доносит в госдепартамент 24 июня «Во влиятельных кругах господствует мнение, что после всего Франции следует отказаться от всей Центральной и Восточной Европы в пользу Германии в надежде, что в конце концов Германия вступит в конфликт с Советским Союзом»⁴.

Немаловажное значение для хода англо-франко-советских переговоров имела политика правительства Соединенных Штатов Америки. Версия буржуазных историков, будто все государственные деятели США действовали с целью предотвратить агрессию, далека от истины. Негативная точка зрения США неизменно скрупулезно доводилась до сведения английского кабинета и использовалась им для подкрепления позиций противников договора. Американские внешнеполитические деятели, осведомленные о настроениях каждого из членов правительства Великобритании, искусно спекулировали на их антисоветизме, всячески раздувая лживую версию, будто договор выгоден только СССР. На одном из заседаний кабинета в июне 1939 г. Галифакс подчеркивал, что, по мнению Буллита, «соглашение с нами необходимо русским, а мы не должны его заключать»⁵. Отрицательное отношение американской дипломатии к англо-франко-советскому договору о взаимной помощи объяснялось также опасением, что такой договор усилит международные позиции Англии и Франции, а следовательно, затруднит борьбу США за мировую гегемонию⁶.

Несмотря на противодействие переговорам со стороны правительств и реакционных сил целого ряда стран, центр решительного сопротивления англо-франко-советскому соглашению находился в Англии. Этот факт не отрицает даже английская буржуазная историография «Англичане, — пишет Р. Паркинсон, — приложили максимум усилий для того, чтобы изолировать Россию»⁷. Именно кливденская клика, выражавшая интересы английского монополистического капитала, и ее ставленники в лице Чемберлена и Галифакса держали в своих руках ключевые позиции, от которых зависел успех или провал переговоров.

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 394.

² М. Станевич. Сентябрьская катастрофа. Перевод с польского. М. 1953, стр. 216.

³ M. Mourin. Les relations franco-sovietiques (1917—1939). Paris, 1967, p. 236.

⁴ FRUS 1939 vol I, p. 194.

⁵ PRO Cab. 23/99 p. 303.

⁶ В то же время реакционная дипломатия всячески стремилась добиться американского германского сближения. Посол США в Англии Д. Кеннеди в беседах с германским послом Дирксеном состоявшихся после мюнхенского словора неоднократно подчеркивал симпатию среднего американца к немцу, которая «превосходит чувство дружбы, питаемое американцем к среднему англичанину» (ADAP Serie D, Bd IV, S. 559).

⁷ R. Parkinson. The Origins of World War Two. New York, 1970, p. 106—107.

В этой связи необходимо опровергнуть домыслы некоторых буржуазных историков о «нетвердости Чемберлена», «непоследовательности Галифакса» и другие версии, преследующие цель любой ценой снять с английских правящих кругов ответственность за проволочки в переговорах. Уполномоченные монополистическим капиталом Чемберлен, Галифакс, Вильсон, Хор и их ближайшее окружение весьма последовательно проводили курс на использование переговоров в империалистических целях, искусно дезориентируя английский народ и мировое общественное мнение.

В течение марта — июля 1939 г. британский кабинет неоднократно обсуждал ход московских переговоров, но ни Чемберлен, ни Галифакс при этом не сказали ни слова в поддержку трехстороннего договора. По существу, члены кабинета вели игру в переговоры. Под видом обсуждения разногласий изыскивались различные способы для проволочек, а затем и срыва переговоров с таким расчетом, чтобы взвалить вину за это на СССР. При рассмотрении возможного варианта договора с Советским Союзом британские лидеры недвусмысленно заявляли о своем намерении в случае нападения Германии на СССР отказаться от выполнения договора, то есть оставить Советское государство один на один с фашистской коалицией. Ориентируя на это членов кабинета, Галифакс заявил 21 июня: «Если русское правительство вздумает заставить нашу страну воевать за фантастические цели, здравый смысл проявится сам по себе»¹.

На одном из заседаний кабинета Чемберлен заявил, как записано в протоколе, что «все, касающееся союза с Россией, он рассматривает с большим предчувствием беды», абсолютно не верит в «прочность России и сомневается в ее способности оказать помощь в случае войны»². Он называл договор с СССР «камнем на шее», который «может висеть много лет и привести к тому, что даже сыновьям придется воевать за русские интересы»³. Ему вторили послушные министры. Лорд Чэтфилд, министр по координации обороны, «выразил надежду, что коллеги поймут, с каким отвращением он вынужден рассматривать возможность союза с Советами»⁴.

В середине июля по вине англо-французской стороны переговоры зашли в тупик. Английские представители в Москве в докладе Галифаксу, изобиловавшем антисоветскими измышлениями, были вынуждены все же признать, что предложения СССР «проникнуты искренностью», а «великолепные» аргументы, которыми вы нас снабжаете, не производят почти никакого впечатления, ибо СССР видит «различия в позициях сторон», поэтому переговоры в целом «превратились в унижительное занятие». «Время от времени, — говорилось в этом секретном донесении, — мы занимаем новую позицию, а затем от нее отказываемся... Нагромождение одной трудности на другую создает впечатление о несерьезности наших планов». Подчеркивая, что общественное мнение «требует быстрого заключения договора», английские представители намекали, что решение вопроса о том, продолжать тактику проволочек или окончательно сорвать переговоры, «относится к сфере высшей политики», то есть к компетенции правительства⁵.

Общественность Англии, Франции и ряда других капиталистических стран Европы все решительнее выступала за принятие действенных мер по пресечению усиливавшейся фашистской агрессии. Этому во многом способствовала ясная и четкая позиция Советского Союза на московских переговорах. Характерно, что если осенью 1938 г., по данным зарубежных

¹ PRO Cab , 23/100, p. 5.

² PRO Cab , 23/99, p. 275—276.

³ I b i d , p. 277

⁴ PRO Cab , 24/286, p. 309

⁵ PRO. Cab , 24/288, p. 163—165.

источников, общественное мнение Франции одобрило мюнхенское соглашение (53 процента голосов против 37, остальные воздержались), то летом 1939 г. 76 процентов опрошенных высказались за применение силы в случае агрессии Германии против Польши, а против только 17 процентов¹. Руководитель английских коммунистов Г. Поллит в июле 1939 г. подчеркивал: «87 процентов населения Англии хочет заключения пакта с Советским Союзом. Почему? Да потому, что они прежде всего хотят предотвратить войну и понимают, что эффективнее всего этого можно добиться, объединив свои силы с силами великой и могущественной страны, которая за последние тревожные годы неоднократно показывала, что у нее нет никаких воинственных замыслов и что она искренне готова прийти на помощь своим союзникам, заключившим с ней договор о коллективной безопасности, если они подвергнутся нападению бешеных фашистских псов»².

В этих условиях 25 июля англо-французская сторона была вынуждена в ответ на советские предложения сообщить о согласии начать военные переговоры. В Москве с 12 по 21 августа 1939 г. проходили переговоры военных делегаций (военных миссий) СССР, Англии и Франции, которые, как надеялось Советское правительство, должны были привести к заключению трехстороннего соглашения.

2 августа Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопрос о военных переговорах, определило состав советской делегации³. В нее вошли народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов (глава делегации), начальник Генерального штаба РККА командарм 1 ранга Б. М. Шапошников, народный комиссар Военно-Морского Флота флагман флота 2 ранга Н. Г. Кузнецов, начальник Военно-Воздушных Сил РККА командарм 2 ранга А. Д. Локтионов и заместитель начальника Генерального штаба РККА комкор И. В. Смородинов.

На следующий день НКВД СССР информировал английское и французское посольства о составе делегации СССР. Авторитетность главы и членов делегации служила важным показателем отношения Советского правительства не только к предстоящим переговорам, но и к странам, принимавшим в них участие. Французский военный атташе в СССР сообщал в Париж 7 августа: «Тот факт, что в состав этой миссии входят народный комиссар обороны СССР и народный комиссар Военно-Морского Флота, начальник штаба и его заместитель и командующий советской авиацией, показывает всю ту важность, какую Советское правительство придает этим переговорам»⁴.

По-другому отнеслись к подбору состава делегаций правительства Англии и Франции. Главой английской делегации был назначен адмирал Р. Дракс, близкий к королевскому двору. Единомышленник Чемберлена, он снискал себе известность публичными призывами к войне против СССР. В делегацию, кроме того, входили маловлиятельные деятели британской армии маршал авиации Ч. Бернет, генерал-майор Т. Хейвуд, а также ряд еще менее значительных лиц. Характеризуя членов английской делегации, американский буржуазный историк У. Ширер пишет, что «Дракс ... по своим данным был абсолютно неспособен вести на высоком уровне переговоры с русскими, которых он считал пришельцами с другой планеты... Бернет ничего не понимал ни в вопросах большой стратегии, ни в дипломатии...»⁵.

¹ L. H a m o n. L'élaboration de la politique étrangère. Paris, 1969, p. 25.

² Г. П о л л и т. Избранные статьи и речи (1919—1939). Перевод с английского. М., 1955, стр. 345.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970, стр. 70.

⁴ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 696.

⁵ W. S h i r e r. The Collapse of the Third Republic. An Inquiry into the Fall of France in 1940. New York, 1969, p. 448.

Состав английской делегации свидетельствовал о демонстративном неуважении Великобритании к Советскому Союзу и ее явной незаинтересованности в эффективности переговоров. Далекий от симпатий к Советскому Союзу У. Сгрэнг вынужден был в письме Галифаксу подчеркнуть, что для переговоров военных делегаций необходимо направить в Москву авторитетное лицо. «Русские ожидают к себе такого же отношения, как и к французам, и уж никак не худшего, чем к полякам». Учитывая, что о визите Айронсайда в Варшаву сообщалось в печати, «Советское правительство сочтет за оскорбление, если мы направим представителя не столь высокого ранга»¹.

Во французскую военную делегацию вошли член верховного военного совета генерал Ж. Думенк, генерал М. Вален, преподаватель военно-морской школы капитан 1 ранга Вийом, капитан А. Бофр и другие. Советский полпред во Франции сообщал в Москву по поводу состава миссии, что «подбор по преимуществу из узких специалистов свидетельствует и об инспекционных целях делегации — о намерении в первую голову ознакомиться с состоянием нашей армии»².

На политику западных держав и ту роль, которая отводилась в ней военным переговорам, проливают свет директивы и инструкции, выработанные правительствами Англии и Франции и их военными штабами. 26 июля 1939 г. в протоколе заседания кабинета Великобритании при рассмотрении вопроса об основных задачах военной делегации было сказано: «Все были согласны с тем, что нашим представителям следует дать указание вести переговоры очень медленно..»³. Позиция английского правительства нашла отражение и в директиве военной делегации: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы в военном соглашении ограничиваться как можно более общими формулировками. Этому вполне соответствовало бы что-нибудь вроде согласованной декларации о политике». Далее директива раскрывала позицию западных союзников в отношении Польши, Румынии и прибалтийских стран: «Если русские предложат английскому и французскому правительствам обратиться к Польше, Румынии или прибалтийским государствам с предложениями, которые повлекут за собой сотрудничество с Советским правительством или Генеральным штабом, делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств... и обсуждать вопрос об обороне прибалтийских государств, так как ни Великобритания, ни Франция не давали им никаких гарантий»⁴.

Аналогичным образом была ориентирована и французская делегация. Министр колоний Ж. Мандель располагал данными, что «миссия выезжает в Москву без разработанного плана». «Это тревожит и подрывает доверие к солидности переговоров,— телеграфировал 3 августа в Москву полпред СССР во Франции.—... Причины всего этого кроются в том, что здесь (в Париже.— *Ред.*) и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином»⁵.

Инструкция, разработанная французским генеральным штабом, напоминала prospect академической дискуссии⁶. «Сотрудничество с русскими,—впоследствии писал член французской делегации Бофр,— рассматри-

¹ PRO Cab, 24/288. p 165. 17—19 июля 1939 г. в Польше находился английский генерал Айронсайд, впоследствии начальник имперского генерального штаба

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 697.

³ Там же

⁴ DBFP Third series, vol VI, p 763—764

⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 526.

⁶ A. Beaufre Le drame de 1940, p 120—121

валось в ней как вспомогательный фактор, который следует использовать в интересах проблем, более близких нашей дипломатии и стратегии...»¹

Главная задача военных миссий, направленных правительствами Англии и Франции, была неизменной. «Не в наших интересах,— откровенно говорилось в записке французского генерального штаба,— оставить его (СССР.— *Ред.*) вне конфликта»². Военные переговоры преследовали и другие цели. О них свидетельствует специальный вопросник, врученный членам военных миссий западных держав. Английский и французский генеральные штабы своим делегациям, которым предлагалось действовать в единстве, дали задание подробно выяснить численность и состояние Вооруженных Сил СССР, установить возможные сроки их мобилизации и сосредоточения, ознакомиться со стратегическими соображениями советского командования относительно планов ведения войны. Вот некоторые из вопросов:

Какова основная идея политики СССР в вопросах ведения войны?

Каковы взгляды советского Генерального штаба на германскую и итальянскую стратегию в начале войны и на ее последующих этапах?

Если Германия нападает на Востоке, какие оборонительные операции сможет предпринять СССР: а) в Польше, б) в Румынии? В каких пределах и на каких рубежах Советский Союз готов использовать свою армию или военно-воздушные силы вне польско-русских и румыно-русских границ?

Смогут ли советские бомбардировщики действовать против Германии непосредственно с территории СССР или им придется базироваться в Польше и Румынии?

Какое количество очищенной нефти СССР смог бы поставить во время войны? Будет ли он располагать достаточным количеством танкеров для ее перевозки?

Какой военно-морской политики предполагает придерживаться Советский Союз на Балтике и Белом море? Каким образом он сможет действовать против германского торгового флота или транспортировки немецких войск морским путем в этих зонах?

Каковы спецификации авиационного бензина в СССР? ³

Германский посол в Лондоне Дирксен, осведомленный о настроениях британских правительственных кругов, сообщал в Берлин, что «военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения»⁴.

Стремясь как можно полнее разведать состояние военного потенциала Советского Союза, англо-французская делегация отнюдь не собиралась посвящать его в свои истинные намерения. В строго секретной инструкции, полученной английской и французской миссиями от Чемберлена и Даладье, прямо предписывалось: «Вести переговоры весьма медленно. Миссия должна соблюдать наибольшую сдержанность там, где эти соображения (изложенные выше.— *Ред.*) раскрывают франко-британские намерения»⁵.

О нежелании Англии и Франции достигнуть сотрудничества с СССР в борьбе с агрессией свидетельствовала и беспрецедентная проволочка с прибытием военных миссий в Советский Союз, которое растянулось на семнадцать дней. И это в то время, когда Европа уже находилась в состоянии предвоенного кризиса, когда война могла начаться в любой момент!

¹ А. Beaufre. Le drame de 1940, p. 123.

² АВП, ф. 48з, оп. 38, п. 1, д. 5, л. 240.

³ Там же, лл. 28—63.

⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II, стр. 117.

⁵ П. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (Расчеты и просчеты). М., 1966, стр. 36.

Между советским полпредом в Англии Майским и адмиралом Драксом произошёл следующий разговор:

«— Скажите, адмирал, когда вы отправляетесь в Москву?

— Это окончательно ещё не решено, но в ближайшие дни.

— Вы, конечно, летите... атмосфера в Европе накалена...

— О, нет!.. На аэроплане лететь неудобно!

— Может быть, вы отправитесь в Советский Союз на одном из ваших быстроходных крейсеров?.. Это было бы очень стильно и внушительно...

— Нет, и крейсер не годится...» ¹

Наконец 5 августа тихоходный пакетбот «Сити оф Эксетер» (скорость его не превышала 13 узлов), на борту которого находились делегации, отошёл от пирса и взял курс на Ленинград.

Работа совещания военных делегаций началась с предъявления полномочий, утверждённых правительствами. Председествовавший на заседании Ворошилов зачитал текст выданного Советом Народных Комиссаров СССР полномочия, где указывалось, что делегация «уполномочивается вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе» ².

Полномочия французской делегации гласили, что генерал Думенк уполномочивается вести с главным командованием Советских Вооружённых Сил переговоры «по всем вопросам, относящимся к вступлению в сотрудничество между вооружёнными силами обеих стран» ³. Из этого следовало, что французская делегация имела полномочия на ведение переговоров. У английской делегации не было письменных полномочий.

По этому поводу между главами советской и английской делегаций произошёл следующий диалог:

«Маршал К. Е. Ворошилов. ...Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут окончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи... Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, что этот вопрос не праздный — он в самом начале определяет и порядок и форму наших переговоров...

... **Адмирал Дракс** заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия...

Маршал К. Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компании» ⁴.

Итак, уже в первый день заседаний декларированные намерения английского и французского правительств заключить военную конвенцию, а следовательно, трехсторонний договор в целом, их представителями вновь были поставлены под сомнение.

Советская делегация предложила конкретный военный план, осуществление которого гарантировало пресечение германской агрессии. Начальник Генерального штаба Шапошников изложил план развертывания Советских Вооружённых Сил на западных границах СССР. В соответствии с этим планом в случае агрессии в Европе Советская Армия готова была выставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяже-

¹ И. М а й с к и й. Воспоминания советского дипломата, стр. 383—384.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 536.

³ Т а м же, стр. 546.

⁴ Т а м же, стр. 545—546.

лых орудий, 9—10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов¹. Укрепленные районы вдоль всей западной границы СССР в течение четырех — шести часов приводились в боевую готовность, а сосредоточение армии производилось в течение восьми — двадцати дней.

Военный план Генерального штаба РККА предусматривал следующие варианты совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР.

Первый вариант — когда блок агрессоров нападает на Англию и Францию. В этом случае СССР выставляет 70 процентов тех вооруженных сил, которые будут непосредственно направлены Англией и Францией против главного агрессора — Германии. Если эти две страны выставят против немецко-фашистских войск 90 пехотных дивизий, то Советский Союз — 63 пехотные и 6 кавалерийских дивизий с соответствующим количеством артиллерии, танков и самолетов общей численностью около 2 млн. человек.

При данном варианте считается обязательным участие Польши в силу договора с Англией и Францией всеми ее силами, при этом от 40 до 45 пехотных дивизий она должна сосредоточить для главного удара на своих западных границах и против Восточной Пруссии. Кроме того, английское и французское правительства должны добиться от Польши согласия на пропуск и действия вооруженных сил СССР — сухопутных и воздушных — через виленский коридор и по возможности через Литву — к границам Восточной Пруссии, а если потребует обстановка, то и через Галицию.

На объединенный англо-французский флот возлагалось: закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для операций против германского флота, с согласия балтийских стран временное занятие Моонзундского архипелага, Аландских островов, портов Ганге, Пернов, Гапсаль, Гайнаш и Либава с целью охраны нейтралитета и независимости балтийских стран от нападения со стороны Германии, прекращение подвоза в Германию из Швеции руды и другого сырья, блокада берегов рейха в Северном море, господство в Средиземном море, закрытие Суэцкого канала и Дарданелл.

Военно-Морской Флот СССР вместе с англо-французской эскадрой должен на Севере вести крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии (вне их территориальных вод) против подводного и надводного флота агрессора, на Балтике базироваться совместно с объединенным флотом Англии и Франции на Ганге, Аландские острова и Моонзундский архипелаг, а также на Гапсаль, Пернов, Гайнаш и Либаву для охраны независимых балтийских стран. Балтийский флот СССР будет также развивать свои крейсерские операции, действия подводных лодок, осуществлять установку мин у берегов Восточной Пруссии и Померании и препятствовать подвозу промышленного сырья из Швеции в Германию.

Второй вариант — когда агрессия будет направлена на Польшу и Румынию. Эти два государства должны выставить на фронт все свои вооруженные силы. Франция и Англия немедленно объявляют войну Германии и выступают против нее. Участие СССР в войне может быть осуществлено лишь при условии достижения Англией и Францией договоренности о пропуске советских войск через виленский коридор, Галицию и Румынию. В этом случае Советский Союз выставляет против Германии такое же количество дивизий, как Англия и Франция. Перед английским, французским и советским морскими флотами стоят те же задачи, что и в первом варианте. Черноморский флот СССР закрывает устье Дуная и Босфор от проникновения в Черное море надводных и подводных сил противника.

¹ В это число не входили части укрепленных районов, ПВО и охраны побережья.

Третий вариант — когда Германия, используя территорию Финляндии, Эстонии и Латвии, направит агрессию против СССР. В этом случае Франция и Англия должны немедленно вступить в войну с Германией или с блоком агрессоров, выставить 70 процентов сил и средств от развертываемых Советским Союзом и начать немедленно активные действия против главного агрессора. Польша обязательно выступает против Германии, выделяя не менее 45 пехотных дивизий, усиленных артиллерией, танками и авиацией, и пропускает советские войска через виленский коридор и Галицию. Если Румыния будет втянута в войну, она должна участвовать в ней всеми силами и пропустить через свою территорию советские войска ¹.

Таковы были общие стратегические соображения советской военной делегации о совместных действиях вооруженных сил Англии, Франции и СССР в борьбе против германского агрессора, вытекавшие из реальной военно-политической обстановки.

Английская и французская делегации продолжали вести отвлеченные дискуссии и отнюдь не собирались согласовывать вопросы организации совместного отпора агрессору. Дракс излагал прописные истины, вроде тех, что надо «отрезать неприятелю все пути сообщения», «найти и разбить флот противника» и другие. Английская и французская военные миссии не имели даже предварительного плана совместных операций против общего врага. Это еще более усилило сомнения Советского правительства относительно подлинных целей английской и французской делегаций.

Обзоры состояния своих вооруженных сил, с которыми выступали английские и французские представители, носили общий характер и, как позднее выяснилось, подчас содержали ложные сведения. Так, Думенк заявил, что, если гитлеровцы свои главные силы направят на восточный фронт, им придется оставить не менее 40 дивизий против Франции. В этом случае генерал Гамелен будет наступать против немцев всеми своими силами ². Между тем Думенк, как член верховного военного совета, был прекрасно осведомлен, что военная доктрина Франции и ее стратегические планы ведения войны на западном фронте носили пассивно-оборонительный характер. В мае 1939 г. на парижском совещании англо-французских военных представителей при обсуждении вопросов, связанных с выполнением обязательств по оказанию помощи Польше в случае германской агрессии, Франция недвусмысленно заявила, что не собирается предпринимать активных действий на западном фронте ³. Тот же дух пассивности пронизывал директиву Гамелена о проведении операции между Рейном и Мозелем, направленную 31 мая 1939 г. генералу Жоржу. «На первом этапе, — говорилось в ней, — в случае оккупации необходимо вытеснить противника с национальной территории, затем войти в соприкосновение с его оборонительной полосой, прикрывая одновременно основную часть нашей территории в глубину... На втором этапе, начинающемся с момента вступления в соприкосновение с оборонительной позицией противника, необходимо выявить расположение германских частей, по которым с учетом наших наличных средств впоследствии нужно будет нанести удар» ⁴. Как видно, удар по противнику откладывался на неопределенное будущее, а какая-либо ориентация на наступление «всеми силами» вообще отсутствовала. Аналогичной стратегии придерживалась и Англия. В директивах военным миссиям указывалось, что «действия английских и французских вооруженных сил на Западе будут сковывать (лишь «сковывать»! — *Ред.*)

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 574—577.

² Там же, стр. 554.

³ PRO. Cab., 23/99, p. 294.

⁴ M. G a m e l i n. Servir. Le prologue du drame, p. 426—427.

германские силы на этом фронте. Как только союзные силы будут располагать необходимыми ресурсами, они предпримут наступление, вероятнее всего, против Италии»¹.

Английская и французская делегации преднамеренно дезориентировали советских представителей. Они знали, что стратегические планы их правительств не предусматривают активных действий против Германии на западном фронте, и в то же время требовали, чтобы СССР объявил Германии войну в случае нападения ее на Польшу, но не принимал решительных мер до выхода войск вермахта к советским границам. Иными словами, рейху открывался беспрепятственный путь к агрессии против Польши, Румынии и далее против СССР.

Миссии западных держав действовали в строгом соответствии с полученной инструкцией, в которой говорилось, что, имея противника в лице СССР, Германия окажется на Востоке в значительно более трудных условиях. При этом глубина фронта возрастет до бесконечности, и рейх не сможет надеяться на то, что ему легко сойдет с рук оккупация Румынии и значительной части Польши. Чем дальше германские войска будут проникать на территорию противника, тем ближе они окажутся к Советскому Союзу².

Стремление западных держав подставить СССР под удар стало очевидным при обсуждении кардинального вопроса о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии в случае германской агрессии. Вопрос этот был не новым. Он уже ставился на повестку дня в 1938 г.

Тем не менее, когда 14 августа Ворошилов предложил Драксу и Думенку разъяснить их точку зрения по этому вопросу, английская и французская делегации пообещали запросить мнение своих правительств. Но и без этого было совершенно ясно, что, послав делегации на переговоры без предварительного решения важнейшего вопроса, определяющего стратегическое взаимодействие участников договора в борьбе против общего врага, правящие круги Англии и Франции не стремились к подлинному сотрудничеству с СССР.

3. Вероломство правительств Англии и Франции

Только после второй мировой войны в полной мере раскрылось коварство западных держав, которые использовали московские переговоры как средство давления на фашистскую Германию в своих интересах и за спиной СССР с мая и до конца августа 1939 г. вели переговоры с гитлеровцами.

Инициатором этих переговоров была Англия. С ее стороны на различных этапах в них участвовали: Чемберлен, Галифакс, ближайший советник Чемберлена Вильсон, министр внешней торговли Хадсон, представители партийного руководства Болл — от консерваторов и Бакстон — от лейбористов, парламентский заместитель министра иностранных дел Батлер, офицер командования английских ВВС Ропп; с немецкой стороны — германский посол в Лондоне Дирксен, его советник Кордт, правительственный чиновник по особым поручениям Вольтат, а также ряд других лиц. Роль посредников между Гитлером и Герингом, с одной стороны, и правительством Чемберлена, с другой, выполняли: шведский промышленник Далерус, верховный комиссар Лиги наций в Данциге Буркхардт, немецкий дипломат А. Тротт цу Зольц.

В основу переговоров была положена идея заключения нового «пакта четырех» (Англии, Франции, Германии и Италии) или, если на этом пути возникнут трудности (переговоры происходили без активного участия

¹ DBFP. Third series, vol. VI, p. 774.

² АВП, ф. 48з, оп. 38, п. 1, д. 6, л. 276.

Франции и Италии), двустороннего англо-германского союза. В случае выгодной империалистической сделки с Германией (под видом «пакта о ненападении» и «договора о невмешательстве») Англия изъявляла готовность прекратить переговоры с СССР, отказаться от гарантий, данных Польше и другим странам, и даже пожертвовать интересами своей ближайшей союзницы — Франции.

Видный деятель консервативной партии член парламента Друммонд-Вольф в беседе с сотрудником германского МИД Рютером, состоявшейся 14 мая 1939 г. в Берлине, недвусмысленно заявил, что «политические комбинации, на которые сейчас идет Великобритания», предусматривают готовность предоставить Германии «как принадлежащее ей по праву» поле экономической деятельности «во всем мире, в частности на Востоке и Балканах». Друммонд-Вольф пообещал Германии за предложенную «политическую комбинацию» крупный заем (распространялись слухи о фантастической сумме в 1 млрд. фунтов стерлингов). В новой «политической комбинации» Чемберлена отчетливо просматривался план раздела мира на сферы влияния: англосакскую — на Западе и германскую — на Востоке.

Почти через месяц после этой беседы в Лондоне состоялись переговоры на более высоком уровне, в которых с английской стороны участвовали Вильсон и Хадсон, а с германской — Вольтат. В эти дни, 8 июня 1939 г., состоялась встреча Чемберлена с Троттом. Британские политические деятели давали понять своим немецким собеседникам, что они готовы продолжать политику Мюнхена и предоставить Германии «свободу рук» в Восточной Европе¹. Свидетельством определенного сближения точек зрения сторон может служить выступление Галифакса 29 июня 1939 г., выразившего готовность договориться с Германией по вопросам, которые, по его мнению, «внушают миру тревогу»: «В новой обстановке мы могли бы обсудить колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и многое другое, что затрагивает европейцев»².

Вольтат вторично посетил Лондон, и переговоры возобновились. Гитлеровский план раздела мира на сферы влияния был подкреплён английским предложением о «сотрудничестве» с Германией в трех районах мира: в Британской империи, Китае и России³. Таким образом, в числе территорий, подлежащих разделу, английская сторона назвала Китай и Советский Союз, с которым Великобритания в это время вела переговоры о совместной борьбе против фашистской агрессии.

Политику сговора с гитлеровцами активно поддерживали лейбористские лидеры. Один из них, Бакстон, в конце июня 1939 г. посетивший германское посольство в Лондоне, без обиняков высказался за разграничение сфер влияния между Англией и Германией. При этом он заявил, что если Германия даст обязательство не вмешиваться в дела Британской империи, то Англия будет согласна уважать интересы рейха в Восточной и Юго-Восточной Европе, откажется от гарантий некоторым странам, воздействует на Францию с целью разрыва ею договора о взаимной помощи с СССР и прекратит переговоры с Советским Союзом. Не ограничившись беседой в Лондоне, Бакстон в середине 1939 г. направился в Берлин как эксперт лейбористской партии по внешней политике. Посетив чиновника германского МИД Хетцлера, он изложил ему в письменном виде свои предложения, в которых говорилось, что на определенных условиях Англия будет согласна «признать

¹ DGFP. Series D, vol. VI, p. 681—682; S. Aster. 1939. The Making of the Second World War. London, 1973, p. 239.

² Speeches on International Policy by Lord Halifax. Oxford, 1940, p. 296.

³ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II, стр. 70—71.

Восточную Европу естественным жизненным пространством Германии»¹, а также выдать Польшу гитлеровцам.

Визит Бакстона в Берлин явился прелюдией начавшегося в августе заключительного тура тайных переговоров. Теперь к ним подключились Далерус и Буркхардт, которые имели непосредственную связь с Гитлером и Герингом. Они-то и должны были завершить принципиальную договоренность по основным внешнеполитическим вопросам и подготовить поездку фашистских руководителей в Лондон. Английский посол в Берлине Гендерсон, стремясь разжечь честолюбие нацистских лидеров, неоднократно повторял, что он надеется хоть однажды увидеть, как «фюрер и Герман Геринг едут в Букингемский дворец, чтобы нанести визит королю»².

По инициативе Далеруса 7 августа в Шлезвиг-Гольштейне состоялась тайная встреча Геринга с английской делегацией, которую возглавлял эмиссар правительства Спенсер. В ходе встречи была достигнута договоренность о проведении конференции четырех держав в Швеции на условиях, что «Германия получит от Польши все, что хочет»³.

11 августа Гитлер заявил верховному комиссару Лиги наций в Данциге Буркхардту, что Германии нужна «свобода рук» на Востоке, она готова жить в мире с Англией и сотрудничать с ней. Со своей стороны Буркхардт заверил фюрера, что «западные державы всегда готовы к ведению переговоров». Он обязался сообщить в Лондон о готовности Гитлера встретиться с кем-нибудь из представителей английского правительства, владеющих немецким языком, например с генералом Айронсайдом⁴. Сведения о встрече Гитлера с Буркхардтом просочились в печать. Советский полпред во Франции телеграфировал в Москву, что «сейчас в центре внимания миссия Буркхардта», ибо все знающие его «исключают возможность, чтобы свою поездку он мог предпринять без ведома и согласия Лондона и Парижа»⁵. Итоги поездки Буркхардт сообщил руководителям английского и французского МИД, которые в свою очередь доложили о ее результатах своим правительствам. Поскольку о многом стало известно общественности, Боннэ был вынужден пригласить к себе советского полпреда, чтобы «проинформировать» его о поездке Буркхардта, скрыв подлинное содержание этих переговоров и их антисоветскую направленность.

Затем между Англией и Германией последовали переговоры военного характера. 16 августа в Берлине состоялась встреча руководителя внешнеполитической службы гитлеровской партии Розенберга с представителем правящих кругов Великобритании Роппом, который заявил, что в его штабе и министерстве авиации считают бессмыслицей, чтобы Англия и Германия из-за Польши оказались ввергнутыми в борьбу не на жизнь, а на смерть, и что он и его коллеги, на протяжении многих лет детально изучавшие Германию и национал-социалистское движение, не верят, чтобы она, даже одержав победу на Востоке, помышляла разгромить Англию и Францию. Далее Ропп сделал важное сообщение, которое во многом объясняет последующие события германо-польской войны. «Возможен такой вариант,— подчеркнул он,— что Германия быстро покончит с Польшей. Хотя к этому времени война (с Англией и Францией.— *Ред.*) будет объявлена, в этот период она будет вестись обеими

¹ DGFP. Series D, vol. VII, p. 98—99.

² Л. М о с л и. Утраченное время. Сокращенный перевод с английского. М., 1972, стр. 305.

³ Английские делегаты поодиночке прибыли в Гамбург, а затем на автомашинах под шведским флагом, скрываясь от возможного разоблачения, направились к месту встречи с Герингом (Л. М о с л и. Утраченное время, стр. 282—284).

⁴ DBFP. Third series, vol. VI, p. 693, 695—696.

⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 583, 584.

сторонами как оборонительная поскольку из-за государства, которое уже практически перестало бы существовать в своем первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту собственное благополучие»¹

Так, подобно Чехословакии, Польше был уготован терновый венец. Идя на это предательство, реакционные круги Англии и Франции рассчитывали, что таким путем гитлеровские армии выйдут к границам СССР. Детали сговора предполагалось уточнить при личной встрече Чемберлена с Герингом, поездку которого на Британские острова, назначенную на 23 августа, одобрил Гитлер². Были тщательно продуманы все меры «предосторожности». Самолет Геринга должен был приземлиться на уединенном аэродроме в Хартфордшире, где его в строжайшей тайне собирались встретить представители английского правительства. Отсюда рейхсмаршал должен был проследовать в Чекерс, загородную резиденцию Чемберлена. Там уже были сделаны все необходимые приготовления к тайному приему, вплоть до удаления многочисленной прислуги³.

Действуя коварно и вероломно, западные державы всеми средствами давали понять Гитлеру, что у Советского государства нет союзников и Германия может напасть на Польшу, а затем на СССР, не рискуя встретить противодействие со стороны Англии и Франции.

Готовясь к приему Геринга, Англия продолжала в Москве игру в переговоры. Западные державы всячески оттягивали ответ на кардинальный вопрос о пропуске советских войск через Польшу и Румынию. 18 августа переговоры были прерваны, а затем совсем прекращены, так как 21 августа выяснилось, что от правительств Англии и Франции никаких указаний не поступило, а их военные миссии вновь попросили отсрочки. В официальном заявлении, сделанном по этому поводу советской военной миссией, подчеркивалось, что она «не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения».

Если, однако, этот совершенно ясный вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны»⁴.

Французская делегация предприняла некоторые попытки получить согласие Польши на пропуск советских войск через ее территорию, послав в Варшаву своего представителя. Однако подобные действия носили не искренний характер. Французам было заведомо известно, что как польское, так и румынское правительства занимают отрицательную позицию. По справедливой оценке историков социалистических стран, эти правительства «не были намерены принять предложение СССР. Отказ их был категорическим. На практике это означало, что заключение военной конвенции невозможно»⁵.

¹ ADAP Serie D Bd VII, S 68—69

² E H a l l i f a x The life of Lord Halifax by the Earl of Birkenhead London, 1965, p 444

³ Л М о с л и Утраченное время, стр 306

⁴ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр 627.

⁵ Marea conflagrație a secolului XX Al doilea razboi mondial p 76

Свидетельство Боффа, участника переговоров в Москве, разоблачает стремление некоторых английских историков (Батлера и других) взвалить всю ответственность за возникновение второй мировой войны на Польшу и таким образом выгородить правящие круги Англии, а заодно и фашистской Германии. «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на пропуск советских войск через свою территорию, а в том, чтобы найти лазейку, которая позволила бы продолжить переговоры»¹, — писал он впоследствии.

22 августа 1939 г. Думенк заявил главе советской военной миссии, что он получил от своего правительства положительный ответ на «основной, кардинальный вопрос» и полномочия «подписать военную конвенцию»². Однако он признался, что о позициях английского, польского и румынского правительств ему ничего не известно³. Таким образом, в действительности ответа на «кардинальный вопрос» не было. Это и завело переговоры в тупик. Виновность в этом англо-французской стороны очевидна.

Реакционные историки капиталистических стран, пытаясь снять ответственность с правящих кругов западных держав за срыв ими настоячивых усилий СССР, направленных на выработку согласованных мер для пресечения фашистской агрессии, выдвинули ложную версию, будто бы Гитлера «никто не хотел останавливать»⁴. Ход московских переговоров убедительно свидетельствует, что позиция Советского Союза должна была привести к безусловному успеху, если бы срыв их не был заранее запланирован правительствами Англии, Франции и США.

Политика попустительства японской агрессии со стороны Англии и ее союзников особенно наглядно проявилась, когда 24 июля министр иностранных дел Японии Арита и английский посол Крейги обменялись нотами, оформившими соглашение, которое вошло в историю как соглашение Арита — Крейги. Оно вписало одну из самых позорных страниц в историю английской дипломатии. Фактически это был «дальневосточный Мюнхен»: Китаю отводилась в Азии такая же роль жертвы агрессии, как Чехословакии в Европе. В условиях, когда Япония вела против СССР и МНР военные действия, соглашение Арита — Крейги означало гарантию (со стороны Англии) безопасности японских войск в Китае на том плацдарме, с которого они действовали против СССР.

Проводя параллель между англо-германскими и англо-японскими переговорами, с одной стороны, и московскими переговорами, с другой, советский полпред во Франции сообщал в НКВД 25 июля 1939 г., что «правильность нашей позиции в переговорах стала для всех особенно яственной в свете переговоров Хадсон — Вольтат и капитулянтского англо-японского соглашения... Всякий честный сторонник соглашения с нами спрашивает себя, какое доверие Москва может иметь к переговорщикам, когда в момент переговоров наводится мост к соглашению с Германией, а во время военного конфликта между СССР и Японией делаются позорные авансы Японии»⁵.

Трудно сейчас найти здравомыслящего человека, который бы рискнул отрицать роль правительств Германии, Японии, Италии в развя-

¹ А. В e a u f r e. Le drame de 1940, p. 156.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 631.

³ Т а м ж е, стр. 632.

⁴ К. Е u b a n k. The Origins of World War II. New York, 1969, p. 30. Еще дальше, не скрывая своих антисоветских убеждений, идет английский буржуазный историк Э. Батлер, который вопреки историческим фактам утверждает, что «коммунисты были намерены начать войну и потому продолжали политику проволочек в переговорах с британскими представителями в Москве» (Е. B u t l e r. The Red Pattern of World Conquest. Is it now too late to defeat Communism? London, 1968, p. 46).

⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 516.

зывании второй мировой войны. Однако до сих пор имеется немало реакционных авторов, пытающихся скрыть виновность системы империализма, обелить предвоенную политику правительств Англии, Франции, США, обвинить СССР в том, что германская агрессия не была остановлена.

Но объективное исследование событий заставляет даже многих буржуазных историков признать подлинные цели политики западных держав в предвоенные годы. Видный представитель либерально-критического направления английской историографии К. Инграм выступил против отождествления внешней политики СССР с внешней политикой капиталистических стран и подчеркнул, что «мир естествен для развития Советов». Он указал на прогитлеровские симпатии чемберленовцев, стремившихся заключить «джентльменское соглашение» с фашистскими диктаторами и считавших фашизм меньшим злом по сравнению с большевизмом¹.

Л. Нэмир одним из первых буржуазных историков объективно рассмотрел ход англо-франко-советских переговоров в Москве летом 1939 г. Он пришел к выводу, что, посылая военные миссии в Москву, Лондон и Париж не собирались заключать соглашение, которое могло остановить Гитлера. Военные миссии были поставлены в «абсурдное положение», и их провал отнюдь не случаен². Его мнение разделяет У. Ширер: «Было совершенно ясно, что когда Германия готовилась напасть на Польшу, а Италия уже вторглась на Балканы — Франция и Англия не думали всерьез о заключении с СССР военного союза против Гитлера»³. Излагая гитлеровские планы завоевания «жизненного пространства», Б. Лиддел Гарт писал: «Не соответствуют действительности более поздние утверждения государственных деятелей Запада о том, будто они ничего не знали об этих планах. В 1937—1938 гг. многие из них весьма реалистично оценивали обстановку, но только делали это в личных беседах, а не в публичных заявлениях. В британских правительственных кругах многие поддерживали политический курс, суть которого сводилась к тому, чтобы Германия устремилась на Восток»⁴.

Политические деятели Франции, замечая следы своей капитулянтской политики перед войной, уничтожили в мае 1940 г. дипломатические архивы. Вот почему особую ценность представляет публикация архивных фондов, сохранившихся во французских посольствах за рубежом⁵. Документы свидетельствуют о том, что для официального Парижа не была секретом смертельная опасность, которая таилась в замыслах гитлеровцев в отношении Франции. И все же правительство Даладье продолжало изыскивать возможности для сближения с фашистским рейхом.

Несомненный интерес представляет документальный отчет парламентской комиссии по расследованию причин поражения Франции в 1940 г., выводы которой изложены в двух томах с девятитомным приложением показаний политических и военных деятелей⁶. Однако и здесь подлинные

¹ K. Ingram. *Years of Crisis. An Outline of International History 1919—1945*. London, 1946, p. 70, 77.

² L. Namier. *Europe in Decay; A Study in Desintegration 1936—1940*. London, 1950, p. 119, 158, 258—259.

³ W. Shirer. *The Collapse of the Third Republic. An Inquiry into the Fall of France in 1940*, p. 425.

⁴ B. Liddell Hart. *History of the Second World War*, p. 8.

⁵ Documents diplomatiques français 1932—1939, 2e serie (1936—1939). T. IV (20 novembre 1936—19 février 1937); T. V (20 février—31 mai 1937). Paris, 1967—1968.

⁶ Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Charles Serre, député au nom de la Commission d'enquête parlementaire T. 1—2; Temoignages et documents, recueillis par la Commission d'enquête parlementaire Annexes T. I—IX Paris, 1947—1951.

причины политики французских правящих кругов, которая способствовала развязыванию второй мировой войны и привела страну к военному поражению, раскрываются далеко не полно.

Многие современные буржуазные авторы, особенно французские, осуждают мюнхенскую политику и признают, что Советский Союз в предвоенные годы решительно выступал против угрозы войны, занимая последовательную антифашистскую позицию. Так, М. Бомон замечает: «Яростные противники нацизма Советы оказались мощным фактором в борьбе против немецкой агрессии. В период судетского кризиса их политика была абсолютно безупречна; они заявляли о своей готовности выполнить до конца свои обязательства»¹. А. Ногер доказывает, что соотношение сил в 1938 году было на стороне Англии и Франции, но их правящие круги пошли на сделку в Мюнхене, «опасаясь быть втянутыми в войну против гитлеровской Германии и фашистской Италии... на стороне большевистской России»².

Критически оценивая позиции западных держав, А. Шерер справедливо отметил, что правящие круги Англии и Франции стремились разрешить свои противоречия с гитлеровской Германией за счет Советского Союза, и сделал вывод, что мюнхенская политика «умиротворения» агрессора непосредственно привела к войне³.

Резкому осуждению подвергает мюнхенскую политику генерал А. Бофр. Он пишет, что в результате Мюнхена жертвой агрессора стала Чехословакия — душа Малой Антанты, что Чемберлен и Даладье пошли на расчленение верного союзника Франции, разрушили основу стратегической концепции Фоша. Отдав Чехословакию Гитлеру, «Франция потеряла лицо в глазах других своих союзников. Малая Антанта была разрушена, а СССР, не допущенный к переговорам, был оставлен за пределами европейской политики. Мюнхенская политика Англии и Франции предоставляла Германии свободу рук на Востоке против СССР»⁴.

* * *

Процесс бурного нарастания угрозы второй мировой войны, занявший почти четыре года, состоял из двух органически связанных между собой ступеней. В течение первых лет фашистские государства — Италия, Япония и Германия — последовательно развернули вооруженные действия в различных пунктах земного шара: в Эфиопии, Испании, Китае. Решающим событием на пути развязывания мировой войны явилось позорное мюнхенское соглашение. Чехословакия была выдана на растерзание агрессору. Баланс мировых сил оказался нарушенным в пользу фашизма, а центр тяжести назревавшего глобального конфликта окончательно утвердился в сердце Европы. Под флагом антисоветизма гитлеровская Германия вкупе со своими союзниками и с благословения реакционных сил империализма ликвидировала остатки версальской системы, разрушила звенья европейских оборонительных структур. Франция лишилась своих союзников в Центральной и Восточной Европе, все более отходила от согласованных с Советским Союзом коллективных мер защиты мира.

В результате Мюнхена фашистская Германия, захватив политическую инициативу, полностью уверовала в безнаказанность своих агрессивных акций. В начале 1939 г. произошло уточнение дальнейшего курса военно-политической стратегии рейха.

¹ M. Baumont. La Faillite de la paix (1918—1939). T. II. Paris, 1951, p. 861.

² H. Nogueres. Munich ou drôle de paix (26 septembre 1938). Paris, 1963, p. 386.

³ «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale». Octobre 1958, p. 19, 24.

⁴ A. Beaufre. Mémoires (1920—1940—1945). Paris, 1965, p. 103.

Молниеносная оккупация оставшейся части Чехословакии, Мемельской области и Албании позволила фашистскому блоку во главе с Германией резко усилить свой военно-экономический потенциал, кардинально улучшить исходные стратегические позиции для «великого германского похода» к мировому господству.

Миф англо-французских правящих кругов, что мюнхенское соглашение обеспечит «мир на целое поколение», обернулся трагедией для Европы.

Весной и летом 1939 г. Советский Союз, несмотря на все лицемерие и маневры Лондона и Парижа, настойчиво продолжал выступать за создание системы коллективной безопасности с целью предотвращения мировой войны. Его предложения приобретали тем большее жизненное значение, чем сложнее становилась международная обстановка.

Трудящиеся, все демократические силы выражали решимость дать отпор агрессору. Однако империалисты Англии и Франции не сдвинулись с основ мюнхенской политики, а лишь тщательно их маскировали. Проводя серию дипломатических переговоров и демаршей со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, они тайно активизировали свою деятельность, чтобы направить немецкую агрессию на Восток.

Виновником развязывания второй мировой войны явилась система империализма со свойственными ей антагонистическими противоречиями, конфликтами, острой конфронтацией в борьбе за мировое господство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ НАДВИГАВШЕЙСЯ ВОЙНЕ

ПОДГОТОВКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА К ОТРАЖЕНИЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

1. Политическая и идеологическая подготовка народа к защите социалистического Отечества

К концу второй пятилетки (1933—1937 гг.) в Советском Союзе благодаря созидательной деятельности народа, правильной политике Коммунистической партии, непримиримой борьбе с силами и традициями старого мира было в основном построено социалистическое общество. Главными итогами первых двух предвоенных пятилеток явились завершение социалистической реконструкции, создание материально-технической базы социализма, окончательная ликвидация капиталистических элементов и причин, порождающих эксплуатацию человека человеком, решение задач культурной революции. Чтобы построить социалистическое общество в стране, которая при царизме была бедной и отсталой, советским людям пришлось напряженно и упорно трудиться, зачастую жить в трудных условиях, отказывать себе во многом.

Но советский народ вдохновенно шел вперед к своей цели, не отступая ни перед какими трудностями и успешно их преодолевая. Вспоминая о годах строительства социализма в СССР, Л. И. Брежнев говорил в 1973 г.: «Коммунистическая партия, объединяющая миллионы наиболее сознательных и самоотверженных сынов и дочерей народа, вооружила советских людей ясным пониманием путей строительства нового общества, вдохновила их на подвиги, сплотила как бы в единый могучий трудовой коллектив»¹.

Коммунистическая партия и Советское правительство, успешно руководя социалистическим строительством, зорко следили за агрессивными происками международной реакции и принимали меры к укреплению обороноспособности страны. Партия считала, что победа социализма в СССР еще не является окончательной, поскольку в то время не было полной гарантии от реставрации капитализма внешними империалистическими силами. Она направляла творческую энергию советского народа на создание условий для такой гарантии.

Боевым знаменем партии и народа при организации военной защиты социализма были ленинские идеи о руководстве Коммунистической партии военным строительством, о преимуществах социалистического строя и его военной организации, о решающей роли народных масс и значении союза рабочего класса и крестьянства в защите социалистического Отечества. В. И. Ленин обосновал роль экономического и морально-политического факторов в укреплении обороны, развития вооруженных сил

¹ «Правда», 28 ноября 1973 г.

на основе прогресса производства, науки и техники. В случае если грянет война, учил Ленин, необходимо единство фронта и тыла, превращение страны в могучий военный лагерь, сочетание патриотизма и интернационализма в защите завоеваний социализма.

Международная обстановка обязывает партию, говорил И. В. Сталин на XVII съезде, «принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к ее защите от нападения»¹. XVIII съезд ВКП(б), проходивший в обстановке уже начавшейся фашистской агрессии, с новой силой призвал партию, весь советский народ «всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной армии и Военно-Морского Красного флота»².

Социализм создал невиданную в истории экономическую, социальную, политическую и духовную базу для прочной обороны страны, для успешной защиты Отечества.

Наряду с огромными преобразованиями в экономике произошли коренные изменения внутри самих классов, что явилось прямым следствием успехов социалистического строительства. Росли ряды рабочего класса — основной производительной силы страны. Если в 1926 г. рабочие и служащие составляли 14,9 процента населения страны, то в 1939 г. — уже 50,2 процента³. Быстро увеличивалось число рабочих высокой квалификации, что явилось результатом культурной революции и широкого внедрения в производство передовой техники. К концу 1936 г. две трети рабочих крупной промышленности сдали экзамены по техническому минимуму. В 1936—1939 гг. массовой технической учебой на производстве было охвачено 15 млн. человек⁴. Еще больше укрепились революционный дух рабочего класса, его организованность и дисциплинированность, выдержка и товарищеская солидарность. Все эти качества рабочего класса как нельзя лучше влияли на укрепление Вооруженных Сил, в которых прослойка посланцев фабрик и заводов из года в год увеличивалась.

В результате осуществления ленинского кооперативного плана преобразовался и класс крестьян. Их труд стал коллективным, основанным на общественной собственности. Сельское хозяйство все больше механизировалось. В конце 1937 г. в колхозах, совхозах, МТС работало около 1 млн. трактористов, комбайнеров, шоферов. Призывники этих специальностей, как и рабочие промышленности, являлись ценным пополнением, в частности для бронетанковых и механизированных войск.

Продолжались глубокие изменения и в советской интеллигенции. Уже в середине 30-х годов подавляющее большинство ее были выходцами из рабочих и крестьян. Количественный и качественный рост интеллигенции явился прямым результатом политики партии, направленной на всемерное ускорение научно-технического прогресса, на дальнейшее повышение культуры и образованности народа.

Общность интересов в борьбе за победу и упрочение социализма еще теснее сблизила рабочих и крестьян. Выкованный ленинской партией нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства являлся могучей основой прочности и непобедимости Советского государства, его экономического и оборонного могущества. На основе общности коренных интересов рабочих, крестьян, интеллигенции в стране сложилось нерушимое социально-политическое и идейное единство советского общества. Это был сплав, способный выдержать любые испытания на прочность.

¹ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, стр. 14.

² XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 15.

³ СССР в цифрах в 1967 году. М., 1968, стр. 38.

⁴ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. М., 1963, стр. 128.

Благодаря братской помощи русского народа все национальности Советского Союза в короткий срок преодолели экономическую и культурную отсталость, создали свои кадры рабочих и интеллигенции, развили культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Действенность ленинской национальной политики и преимущества социализма наглядно проявились в быстром индустриальном росте советских республик. Претворение в жизнь большевистской национальной программы, сплочение народов нашей страны в едином многонациональном государстве, построенном на принципах пролетарского интернационализма, обеспечили формирование в СССР новых, социалистических наций, связанных братской дружбой и взаимопомощью. «Сплочение более ста социалистических наций и народностей нашей страны, их бурный хозяйственный и культурный подъем, утверждение единой пролетарской идеологии — таковы достижения социализма в разрешении вековой национальной проблемы, с которой не в состоянии справиться никакой другой строй»¹.

Победа социализма, развитие советской демократии расширили социально-экономическую базу социалистического государства, усилили экономический, политический и идеологический потенциал СССР. Социалистическое государство вступило в новый период своего развития — начался процесс постепенного перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Диктатура рабочего класса с расширением ее социальной базы становилась более созидательной и более мощной системой государственного руководства обществом. В то же время развитию социалистической демократии в определенной мере препятствовали наличие враждебного капиталистического окружения, постоянная угроза империалистического нападения на СССР, подрывная деятельность вражеской агентуры внутри страны.

Новая Конституция СССР, принятая в 1936 г., законодательно закрепив победу социализма, утвердила социалистические основы общественной и государственной организации, широкие социальные права и обязанности граждан.

Конституция провозгласила защиту социалистического Отечества священным долгом всех граждан СССР. Все это имело огромное значение для укрепления обороноспособности Советского государства, роста боевой мощи его армии.

Крепость и жизнеспособность советской политической системы были ярко продемонстрированы выборами новых органов государственной власти в 1937 г. В связи с предстоящим избранием Верховного Совета СССР пленум ЦК ВКП(б) выдвинул в октябре 1937 г. идею избирательного блока коммунистов и беспартийных. В условиях социализма это было естественным и закономерным, выражало единство советского общества. Итоги выборов продемонстрировали сплоченность, высокую политическую зрелость и общественную активность трудящихся: в голосовании участвовало 96,8 процента всех избирателей, или 91 млн. граждан СССР. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных подали голоса более 98 процентов участвовавших в голосовании.

При открытии первого заседания социалистического парламента старейший депутат Верховного Совета СССР академик А. Н. Бах сказал: «20 лет, истекших со времени Великой Октябрьской социалистической революции, привели нас к тому, что мы не только построили крепкий фундамент здания социалистического общества, но и подвели все

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969, стр. 32.

здание под крышу... Но нам предстоит еще много сложной и трудной работы по усовершенствованию и отделке этого здания»¹.

Действительно, предстояла большая, напряженная работа по завершению строительства полного социалистического общества. XVIII съезд ВКП(б) определил, что СССР, построив в основном социализм, вступил в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Всесторонне изучая изменения, которые происходили в социальной структуре советского общества, его политической организации, ЦК ВКП(б) пришел к важным теоретическим выводам о возникновении, развитии и упрочении новых движущих сил, присущих стране победившего социализма. Такими новыми движущими силами являлись: морально-политическое единство, дружба народов СССР, советский социалистический патристизм. Они зарождались и крепили в ходе социалистического строительства под направляющим влиянием партии и государства, а с победой социализма превратились в определяющий фактор общественно-политического развития страны и укрепления ее обороноспособности.

Установление фактического равноправия между всеми народами Советского Союза привело к тому, что дружба и сотрудничество между ними стали основываться не только на полной политической свободе всех ранее угнетенных наций, но и на обеспечении их подлинного расцвета во всех сферах общественной жизни. Торжество дружбы народов СССР означало, что Коммунистическая партия и Советское правительство сумели в основном преодолеть пережитки местного национализма и великодержавного шовинизма, добиться для всех наций и народностей однотипной социально-классовой структуры и единой идеологии. Дружба советских народов стала важнейшей политической силой функционирования и развития советского общества.

Строительство социализма являлось родным делом миллионов рабочих, крестьян, интеллигенции всех национальностей. Социализм непосредственно соединил интересы личности с интересами общества, прочно связал индивидуальные судьбы с успехами коллектива и всей страны. Он вызвал к жизни принципиально новые взаимоотношения между людьми, между личностью и коллективом. Если буржуазный образ жизни культивирует обособленность, отчужденность человека от общества, натравливает одни народы на другие, то социалистический жизненный уклад способствует процветанию дружбы народов, сближению, сплачиванию людей как равноправных членов общества, объединенных общими интересами и целями. Коллективизм, а не индивидуализм — исходный пункт общественной жизнедеятельности людей в условиях социализма, краеугольный камень новой психологии и морали. При социализме стали характерными чертами забота о судьбах человека, взаимная выручка, взаимный обмен опытом, помощь отстающим и постоянная поддержка друг друга. Таким образом, наряду с идейно-политическим единством и под постоянным его воздействием образовалось также и моральное единство советского народа.

На основе победы социализма утвердился в своем социалистическом качестве советский патриотизм, который органически связан с героическими традициями народных масс и вместе с тем обладает огромным историческим преимуществом по сравнению с патриотизмом прошлых времен. И это вполне закономерно. Патриотические чувства не есть что-то отвлеченное, внеклассовое. Они находятся в прямой зависимости от государственного и общественного строя страны, от экономических отношений в обществе, от того, какой класс в нем господствует.

¹ «Известия», 13 января 1938 г.

Патриотизм советского человека — это патриотизм свободных от эксплуатации людей, хозяев страны, ее материальных и духовных ценностей, строителей новой жизни. Он выступает как идейно и социально единое сознание, чувство всего народа — рабочих, крестьян, интеллигенции всех наций и народностей. Воедино слились любовь к своему народу, языку, его историческим и культурным традициям с преданностью новому общественному строю, социалистическому государству, Коммунистической партии. Патриотизм в социалистическом обществе интернационален по своей сущности и несовместим с шовинизмом и национализмом. Иначе говоря, социалистический патриотизм немыслим без интернационализма.

Советский патриотизм — жизнеутверждающая нравственная сила, сплачивающая и мобилизующая трудящихся всех национальностей на самоотверженный труд, на выполнение и перевыполнение народно-хозяйственных планов в мирные дни, поднимающая миллионы советских людей на ратные подвиги, на беспощадную борьбу с врагом в дни военных испытаний.

Решение все более сложных задач социалистического строительства обусловило дальнейшее повышение роли партии как политического руководителя трудящихся, усиление ее влияния на все процессы общественного развития. Великие победы социализма еще более подняли ее авторитет в народе. Сотни тысяч передовых рабочих, крестьян, интеллигентов вступали в партию, чтобы стать активными борцами за претворение в жизнь ленинских предначертаний. Численный состав ВКП(б) с конца 1937 г. по октябрь 1939 г. вырос почти в 1,7 раза (с 1 920 тыс. человек до 3 215 тыс. человек). Количество первичных партийных организаций увеличилось за это время со 102 тыс. до 157 тыс. Удельный вес коммунистов — рабочих и колхозников на 1 января 1939 г. превысил 83 процента. Ядро партии, как и всегда, составляли рабочие.

Рост численности Коммунистической партии за счет лучших представителей рабочего класса и колхозного крестьянства вел к дальнейшему расширению ее влияния в стране, усиливал связь с народом. Верным помощником партии в социалистическом строительстве был ленинский комсомол, который в начале 1939 г. объединял свыше 5 млн. юношей и девушек. Под его руководством находилась пионерская организация имени В. И. Ленина, охватывавшая более 10 млн. детей. Комсомол шефствовал над Военно-Морским и Военно-Воздушным Флотах СССР, над строительством железнодорожной магистрали Акмолинск — Карталы, Большого Ферганского канала, над развитием Подмосковского угольного бассейна и другими крупными стройками страны. Его члены активно участвовали в работе государственных и культурно-массовых организаций, политическом просвещении молодежи. ВЛКСМ являлся самым многочисленным отрядом Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), пламенным борцом за мир, против фашизма и войны.

Мощную общественную организацию представляли профессиональные союзы СССР, насчитывавшие в 1939 г. более 24 млн. членов. Опираясь на свой многочисленный, почти 6-миллионный актив, они стали больше заниматься вопросами производства, социалистического соревнования, стахановского движения, упрочения новой, социалистической дисциплины, улучшения быта и отдыха трудящихся. Непрерывно возрастала роль советских профсоюзов на международной арене. Они постоянно расширяли и укрепляли связи с профобъединениями многих стран, выступали за единство действий в международном профсоюзном движении, за укрепление мира.

В деятельности Коммунистической партии и ее Центрального Комитета по подготовке страны и народа к защите социалистического Отечества

в годы, предшествовавшие второй мировой войне, важное место занимала теоретическая и идеологическая работа. Широкая пропаганда важнейших документов партии, подводивших итоги победы социализма в Советской стране, становилась важным фактором, ускоряющим общественное развитие. Неуклонно возрастала публикация трудов основоположников марксизма-ленинизма. Только за 1938—1940 гг. в СССР было издано более 36 млн. экземпляров произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина¹.

Партия уделяла неослабное внимание правильному, объективному освещению истории Советской Родины, героического прошлого рабочего класса и его ленинского авангарда. Выход в свет в ноябре 1938 г. книги «Краткий курс истории ВКП(б)», несмотря на некоторые ее недостатки, явился большим событием в идейной жизни советского общества. Эта книга сыграла значительную роль в изучении боевого пути большевистской партии, марксистско-ленинской теории, в духовной подготовке советских людей к грядущим битвам против фашизма. 14 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором изложил программу перестройки всей системы идеологической работы в стране, усиления партийной пропаганды, повышения ее качества и идейного уровня.

Партия выработала и стала проводить в жизнь новые формы и методы марксистско-ленинской учебы, охватывая ею не только членов партии, но и широкие беспартийные массы. Особое внимание обращалось на идеологическую закалку руководящих кадров и воспитание молодых коммунистов. ЦК ВКП(б) подчеркивал, что основным методом овладения марксизмом-ленинизмом должен стать испытанный на опыте старшего поколения большевиков метод самостоятельного изучения. Большую помощь в этом были призваны оказать различные формы пропаганды и агитации, а также разветвленная сеть кружков и партийных школ.

Сосредоточивая внимание партии и народа на глубоком изучении ленинского теоретического наследия, героического пути, пройденного ВКП(б), Центральный Комитет и Советское правительство нацеливали идеологическую работу на разъяснение широким трудящимся массам исторического значения социалистических завоеваний, реальной возможности агрессии против СССР со стороны империалистических государств, ленинского учения о защите социалистического Отечества. Много внимания уделялось разоблачению звериной, человеконенавистнической сущности фашизма.

Готовя идеологически страну к отпору фашизму, партия особое внимание уделяла героико-патриотическому воспитанию трудящихся, прежде всего молодежи, пропаганде славных революционных, трудовых и боевых традиций. Она исходила из указания В. И. Ленина о том, что образцы революционной борьбы должны служить «маяком в деле воспитания новых поколений борцов»².

В партийной пропаганде и агитации раскрывались социальные корни и источники массового героизма строителей социализма, подчеркивалось, что в случае нападения фашистского агрессора на СССР героизм превратится в норму поведения миллионов людей на полях сражений.

Пропагандировались боевые подвиги воинов Советской Армии и Флота, особенно героизм и мужество советских добровольцев, сражавшихся против агрессоров в Испании и Китае, а также участников боев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Особенно большой популярностью

¹ Печать СССР в годы пятилеток. Статистические материалы. М., 1971, стр. 17.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 50.

пользовались встречи молодежи с Героями Советского Союза, ветеранами гражданской войны, знатными тружениками социалистического строительства.

Приковывалось внимание советских граждан к работе массовых оборонных организаций — Осоавиахима, общества Красного Креста и Красного Полумесяца. С их участием на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, МТС проводились так называемые оборонные дни, дававшие трудящимся определенную сумму военных знаний. Большую работу по интернациональному воспитанию советского народа проводила Международная организация помощи борцам революции (МОПР).

ЦК ВКП(б) и СНК СССР в постановлении от 8 августа 1935 г. предложили Осоавиахиму сконцентрировать внимание на военной подготовке молодежи, помощи командному составу запаса в повышении его военной квалификации, на развитии авиационного и стрелкового спорта, на противовоздушной и противохимической подготовке трудящихся.

XVIII съезд ВКП(б) поставил перед Осоавиахимом задачу: системой своих организаций охватить все фабрики и заводы, предприятия, учреждения, учебные заведения и колхозы¹. Вопросы оборонно-массовой работы среди трудящихся обсуждались на съездах компартий союзных республик, краевых, областных, районных и городских партийных конференциях, на партийных активах, пленумах и бюро партийных комитетов. Количество членов Осоавиахима постоянно росло. Если к апрелю 1938 г. в его рядах находилось 7 млн. человек, то к осени 1939 г. — более 10 млн. человек².

Сотни тысяч трудящихся настойчиво овладевали различными военными специальностями (стрелков, пулеметчиков, парашютистов, пилотов, радистов и других), готовились к противовоздушной и противохимической обороне. Если принять количество обученных стрелков и пулеметчиков всех категорий в 1938 г. за 100 процентов, то в 1939 г. было подготовлено: «ворошиловских стрелков» I ступени — 133 процента, II ступени — 257 процентов, стрелков из пистолета — 658 процентов, наводчиков станковых и ручных пулеметов — более 400 процентов. В системе противовоздушной и противохимической обороны только за 1939 г. прошло обучение 7 923 тыс. человек³.

Для оказания помощи военкоматам в постановке учета военнообязанных, их допризывной подготовке, организации призыва, мобилизации, организации противовоздушной обороны по решению XVIII съезда ВКП(б) в ЦК компартий союзных республик, в крайкомах, обкомах, райкомах создавались военные отделы. Эти отделы оказывали значительную помощь Осоавиахиму и другим оборонным обществам, направляли их практическую деятельность.

Военно-технические знания пропагандировали и Дома обороны, располагавшие хорошей учебно-материальной базой, квалифицированным активом из бывших военнослужащих. Они поддерживали тесные контакты с организациями Осоавиахима, с кружками оборонных обществ, помогали пионерам и школьникам овладевать основами военных знаний.

Составной частью подготовки населения к отпору агрессору стали пропаганда и развитие физкультуры и спорта — важного средства воспитания выносливости, воли, настойчивости, дисциплинированности, чувства коллективизма. В основу физической подготовки широких масс трудящихся был положен комплекс «Готов к труду и обороне», введенный в 1931 г. по инициативе ЦК ВЛКСМ. Только за 1938—1939 гг. около

¹ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 199.

² Краснознаменное оборонное. М., 1971, стр. 70—71.

³ ЦГАОР, ф. 8355, оп. 1, д. 197, лл. 62, 98.

2,5 млн. человек сдали нормы ГТО I и II ступени и БГТО («Будь готов к труду и обороне»). Спортивные общества располагали крупной материальной базой. Количество спортивных сооружений с 39 тыс. в 1936 г. увеличилось до 83 тыс. к концу 1939 г. К этому времени в стране было 62 тыс. физкультурных коллективов, объединявших 5 млн. человек.

Улучшилась подготовка призывников к военной службе, их отбор и распределение, обучение первоначальным навыкам военного дела. С ними проводилась большая воспитательная работа. Призывники изучали решения партии и правительства, особенности строительства Советской Армии, основные положения новой Конституции СССР. Их знакомили с важными событиями международной и внутренней жизни, при этом особо подчеркивалась опасность для СССР империалистической агрессии. После упразднения национальных формирований, в связи с притоком на военную службу молодежи нерусской национальности было широко организовано обучение ее русскому языку, ознакомление со славными традициями и историей русского народа.

Готовя народ к созидательному труду и защите Родины, партия и правительство придавали важное значение расцвету духовной культуры социализма, всех форм художественного творчества трудящихся. На социально-культурные цели выделялись большие средства.

Росло внимание партии и государства к вопросам народного образования. В 1939 г. в стране насчитывалось более 55 тыс. школ, в которых обучалось 11,5 млн. человек. Последовательно стала осуществляться задача введения в городах всеобщего среднего, а в селах и национальных республиках — всеобщего неполного среднего образования. Уже в 1939 г. Советская Армия получила пополнение, среди которого почти не было неграмотных. Значительно возросла подготовка специалистов средней и высшей квалификации. В 1939 г. в стране насчитывалось более 1 млн. человек с высшим образованием, в пять раз больше, чем в 1928 г.

Рассматривая развитие социалистической культуры как неотъемлемую часть общепартийного дела, партия уделяла постоянное внимание литературе и искусству. Она видела их общественную ценность в идейной бескомпромиссности и партийной страстности в утверждении коммунистических идеалов, выраженных в высокохудожественной форме. Проза, поэзия, драматургия, киноискусство, живопись, музыка являлись мощным идейным оружием партии, вдохновляли трудящихся на самоотверженный труд, на укрепление обороны Родины.

Партия нацеливала советскую литературу и искусство на расширение оборонной тематики, освещение героизма трудящихся в борьбе с иноземными захватчиками.

Главный герой литературы и искусства 30-х годов — человек, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, самоотверженный и мужественный защитник ее завоеваний, строитель нового социалистического общества. Эти темы звучали в таких выдающихся произведениях литературы, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Бруски» Ф. Панферова, «Гидроцентральный» М. Шагинян и многих других.

История родной страны, ее борьба с иноземными захватчиками с большой художественной силой освещены в произведениях «На Востоке» П. Павлинко, «Петр Первый» А. Толстого, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, вошедших в золотой фонд советской литературы.

Великой любовью к Отчизне и жгучей ненавистью к фашизму были пронизаны многие произведения советских писателей, видевших свое при-

звание в беспощадной борьбе против надвигавшейся нацистской опасности. Пример в этом благородном деле показывал великий пролетарский писатель М. Горький, который со свойственным ему темпераментом борца разоблачал звериную суть фашизма.

Разоблачению фашизма и его идеологии, повышению мобилизационной готовности, усилению борьбы народов против агрессии, пропаганде идей интернационализма, воспитанию патриотических чувств посвящали свое творчество А. Гайдар, В. Лебедев-Кумач, А. Прокофьев, М. Светлов, Л. Соболев, А. Сурков, К. Симонов, Н. Тихонов, А. Твардовский и другие.

Революционный пафос рабочего класса и крестьянства России, их героическая борьба против врагов Родины, духовный мир советского человека в предвоенные годы, его высокий моральный облик отражены и во многих произведениях киноискусства. Художественные фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», «Чапаев» и другие историко-революционные картины смотрели многие десятки миллионов советских людей¹. Кино было замечательным оружием массового патриотического воспитания трудящихся.

Немало революционных, военно-патриотических спектаклей, помогавших воспитывать у советских людей высокие морально-боевые качества, было создано советскими драматургами. В 30-е годы в репертуар театров прочно вошли «Любовь Яровая» К. Тренева, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Слава» В. Гусева.

Большой вклад в патриотическое воспитание советских людей внесли писатели и поэты национальных республик — М. Бажан, А. Корнейчук, П. Тычина, Я. Колас, Я. Купала, Л. Киачели, А. Исаакян, С. Айни, М. Турсун-заде, Б. Кербабаев, А. Аламышев, Зульфия, А. Умари, Т. Фаттах, М. Ауэзов, С. Муканов, Джамбул Джабаев, Сулейман Стальский, С. Вургун, К. Кулиев, Э. Капиев, Ш. Камал, М. Джалиль и другие.

Многие художники в своем творчестве обращались к образу В. И. Ленина — величайшего мыслителя и революционера, воплотившего в себе прекрасные нравственные черты человека новой революционной эпохи. Летом 1939 г. состоялась научно-творческая конференция, посвященная созданию образа В. И. Ленина в искусстве, в которой приняли участие около 300 режиссеров, драматургов, актеров, сценаристов, композиторов, художников, искусствоведов.

Благодаря расцвету советской социалистической культуры в сознании народа все более укреплялась идея, что он находится на передовых позициях всемирной истории. Эта идея была неразрывно связана с уверенностью в справедливости дела партии, в возможности успешной борьбы с любым врагом.

Таким образом, в условиях назревания военной опасности Коммунистическая партия и Советское правительство развернули большую работу по политической и идеологической подготовке страны к отпору возможной агрессии со стороны фашистских государств. В эти годы значительно укрепились все звенья советской государственной системы, упрочилось социально-политическое и идейное единство советского общества, в полной мере сложились социалистические нации. Особое значение в идеологической работе приобрела ее патриотическая направленность. Оборонная тема становится одной из ведущих в литературе и искусстве.

¹ Например, фильм «Чапаев» к февралю 1939 г. просмотрело более 50 млн. человек.

В СССР были созданы все объективные условия для формирования высоких морально-боевых качеств защитников социализма. Во главе советского народа стояла испытанная, закаленная в боях Коммунистическая партия, политическую основу государства составляли Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и утверждения диктатуры пролетариата. Самая революционная марксистско-ленинская партия — Коммунистическая партия, самая прогрессивная в мире власть — Советская власть, новый, социалистический строй — все это было основой невиданного в мире духовного потенциала народа и нравственной стойкости людей, их героизма и мужества в случае священной войны в защиту социалистического Отечества.

2. Пресечение враждебных происков империалистических разведок

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, Коммунистическая партия и Советское правительство разрабатывали и последовательно проводили в жизнь широкие мероприятия по обеспечению безопасности социалистического государства и подготовке его к отражению агрессии. Важной составной частью этих мероприятий явилась деятельность органов госбезопасности по пресечению враждебных происков разведок империалистических держав, прежде всего фашистской Германии и милитаристской Японии.

В планах подготовки вооруженного нападения на Советский Союз правящая верхушка гитлеровской Германии видную роль отводила своим секретным службам. Подчеркивая значение разведывательно-подрывной деятельности в осуществлении агрессивных замыслов германского фашизма против СССР, один из руководителей гитлеровской разведки — Шелленберг указывал: «Первоочередной и самой важной задачей следует считать решительные действия всех секретных служб против России».

В соответствии со стратегическими замыслами нацистских главарей и военного командования немецко-фашистские спецслужбы, используя различные формы и методы подрывной работы (шпионаж, диверсии, террор, вредительство, антисоветскую агитацию и пропаганду), развернули тайную войну против Советского государства. Они намеревались насадить в Советском Союзе широкую агентурную сеть, чтобы подорвать его изнутри и создать таким образом условия для обеспечения в будущем успешных боевых действий фашистских вооруженных сил против Советской Армии.

Важная роль в формировании агентурной сети и развертывании подрывной деятельности на советской территории отводилась официальным германским представительствам и миссиям в СССР, штаты которых в значительной степени укомплектовывались кадровыми разведчиками. Большинство сотрудников германского посольства в Москве под непосредственным руководством абвера занимались активной шпионской и иной подрывной деятельностью.

Коммунистическая партия и Советское правительство принимали необходимые меры по пресечению враждебных действий гитлеровской разведки. В 1935—1936 гг. органы госбезопасности раскрыли ряд шпионских резидентур, действовавших в СССР под прикрытием посольства Германии и ее консульств. Так, в 1935 г. в Средней Азии они обезвредили руководимую германским консулом Зоммером резидентуру, занимавшуюся сбором шпионской информации о советской оборонной промышленности и готовившую диверсионные акты на некоторых военных заводах с целью вывода их из строя в момент нападения Германии на Советский Союз.

В конце 1936 г. в Донбассе, Запорожской и Днепропетровской областях советские чекисты раскрыли несколько крупных шпионских резидентур, созданных сотрудниками германских консульств в Киеве и Харькове. В том же году в Приморье они пресекли шпионскую деятельность ряда агентов, проводивших подрывную работу под руководством германского консула во Владивостоке Кастнера и секретаря консульства Вольного.

Располагая данными о шпионской и иной подрывной деятельности германских консульств, находившихся в Ленинграде, Киеве, Одессе, Новосибирске и других городах, Советское правительство в 1938 г. решило закрыть эти консульства и выдворить их персонал за пределы страны. Это в значительной степени ограничило деятельность гитлеровских секретных служб на советской территории.

Для подрывной работы против Советского Союза гитлеровцы широко использовали экономические, торговые и другие международные каналы. По признанию одного из руководителей абвера — генерала Пиккенброка, практически каждый немец, выезжавший в СССР, привлекался для сбора разведывательных данных о Советском Союзе ¹.

Нацистские кадровые разведчики и агенты, действовавшие на советской территории под видом представителей германских концернов и фирм «ИГ Фарбениндустри», «Рейнметалл», «Сименс — Шуккерт», «Борзиг», «Ашафенбург», «Цейс» и других, занимались сбором разведывательной информации, вербовали из остатков контрреволюционных элементов агентуру, используемую для добывания важных сведений военного, экономического и политического характера, подготовки и осуществления диверсионных актов, особенно на военных и промышленных объектах, а также для проведения антисоветской агитации и пропаганды.

Органы госбезопасности успешно выявляли и пресекали подрывную деятельность гитлеровской агентуры, завербованной из числа германских специалистов, работавших на советских предприятиях. В 1935 г. в Москве на заводах «Электрофизприбор», «Газоочистка», «Электрозавод» и некоторых других среди инженерно-технического персонала, прибывшего на работу из Германии, советские органы разоблачили агентов немецко-фашистских разведывательных служб, занимавшихся сбором шпионской информации и нелегально распространявших антисоветскую литературу, в частности изданную ведомством Геббельса книгу «Правда об СССР», представлявшую собой злобный пасквиль на советскую действительность. В оборонной промышленности в 1936 г. была раскрыта крупная резидентура германской разведки, состоявшая в основном из немецких специалистов — служащих фирмы «Рейнметалл». Фашистские агенты вели подготовку к взрыву некоторых военных заводов. В Ленинграде была выявлена крупная фашистская резидентура, действовавшая под прикрытием германских торговых фирм «Ашафенбург», «Вальдгофф» и «Теодор-Торер». Агенты намеревались вывести из строя морской порт и ряд промышленных предприятий города.

Для подрывной деятельности против СССР фашистская Германия использовала непримиримых врагов Советского государства, прислужников международной реакции — белоэмигрантов и буржуазных националистов всех мастей, нашедших пристанище в капиталистических странах. До начала 30-х годов они в основном находились в услужении английской, французской, польской разведок и по их заданию проводили враждебную работу против СССР. Увидев в германском фашизме наиболее оголтелую силу империализма и войны, главари зарубежных антисоветских центров быстро сменили ориентацию. Движимые ненавистью

¹ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 641.

к Советскому государству, они переходили на службу разведывательных органов гитлеровской Германии и, ревностно выполняя волю своих хозяев, развертывали активную подрывную деятельность против СССР. По заданию немецко-фашистской разведки белоэмигрантские центры формировали за рубежом вооруженные банды, предназначенные для заброски на советскую территорию, а также поставляли кадры шпионов, диверсантов и террористов, которые после подготовки в специальных разведывательных школах нелегально переправлялись в Советский Союз.

Наибольшую активность в борьбе против СССР проявляла буржуазная «Организация украинских националистов» (ОУН), установившая контакт с фашистами еще до прихода Гитлера к власти. Ее главари уже в 1931 г. призывали украинских националистов «стать густой казацкой лавиной на стороне Гитлера, который создаст ворота на Восток»¹. С установлением в Германии фашистской диктатуры этот антисоветский центр перешел на службу к гитлеровской разведке. Шпионаж, диверсии, террор стали основными формами деятельности оуновцев.

На территории СССР, особенно в его западных и центральных областях, органы госбезопасности обезвредили немало агентов фашистской разведки из числа буржуазных националистов и белоэмигрантов. Заброшенные из-за рубежа фашистские агенты занимались шпионажем, совершали диверсионные и террористические акты, устанавливали контакты с антисоветскими элементами. Они пытались сформировать нелегальные профашистские организации и объединить их в антисоветское подполье, которое, по замыслу главарей гитлеровской Германии, должно было сыграть роль фашистской «пятой колонны» в Советском Союзе.

В планах подготовки вооруженного нападения на Советский Союз фашистские главари значительное место отводили так называемой «психологической войне». «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты,— говорил Гитлер,— займет... пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии».

В осуществлении акций «психологической войны» наряду с огромным пропагандистским аппаратом гитлеровской Германии немаловажную роль играли фашистские разведывательные службы. Они поставляли ведомству Геббельса клеветническую и тенденциозную информацию о Советском Союзе. Их агенты, проникавшие на советскую территорию, стремились осуществлять и идеологическое воздействие на население СССР путем распространения антисоветской литературы, клеветы на социалистическую действительность, обработки в профашистском духе неустойчивых в политическом отношении граждан, возбуждения национальной вражды между народами и т. п. Подкупом, шантажом и другими методами фашистские разведывательные службы привлекали к сотрудничеству с ними политических и государственных деятелей различных капиталистических стран, владельцев журналов и газет и использовали их для обработки мирового общественного мнения в духе антикоммунизма.

Разведывательные органы фашистской Германии, стремясь всячески расширить свои возможности для проведения подрывной деятельности против СССР, вошли в тесный контакт со спецслужбами сопредельных с Советским Союзом буржуазных стран — Финляндии, Эстонии, Польши, Румынии и других. Руководители гитлеровской разведки выезжали в эти страны для разработки совместных планов тайной борьбы против социалистического государства. В частности, Финляндию и Эстонию в 1936—1938 гг. неоднократно посещали адмирал Канарис, генерал Пиккенброк и другие руководители абвера. Нацисты держали под постоянным контролем секретные службы западных соседей СССР, придавали

¹ Цит. по: М. Т е р л и ц я. Правнуки погані. Київ, 1960, стр. 103.

их деятельности резко антисоветскую направленность, диктуя свою волю. По существу, разведки указанных стран превратились в филиалы абвера, а их территория — в плацдармы для подрывной работы против Советского Союза. Позднее под пажимом Германии такое неофициальное сотрудничество разведок было закреплено рядом межгосударственных соглашений¹.

Сотрудники германской разведки, действовавшие в сопредельных с Советским Союзом капиталистических странах, активно вербовали агентов, главным образом из проживавших там буржуазных националистов и белоэмигрантов, засылали их в СССР для сбора шпионской информации и проведения иной подрывной работы. Причем эта активность непрерывно возрастала. Так, в 1939 г. на западной границе задерживалось и разоблачалось гитлеровских агентов во много раз больше, чем в 1935 г.² Разоблаченные в 1935—1936 гг. в Одессе, Киеве и других городах Украины резидентуры гитлеровской разведки были переброшены с территории Румынии, а большинство выявленных в 30-е годы в Ленинграде нацистских агентов — с территории Финляндии.

Ближайшим союзником немецко-фашистских секретных служб в борьбе против СССР являлась разведка милитаристской Японии, правящие круги которой также строили далеко идущие агрессивные планы в отношении Советского Союза.

О тесном контакте разведывательных служб Японии и Германии свидетельствует, в частности, деятельность японского военного атташе в Берлине генерала Осимы, который координировал работу японских резидентур в европейских странах и поддерживал связи с руководителями немецко-фашистской разведки. Через него шел регулярный обмен разведывательными данными о СССР между японскими и германскими секретными службами. Осима информировал руководство гитлеровской разведки о конкретных мероприятиях японцев в отношении Советского государства, а также принимал участие в разработке разведывательными органами Германии подрывных акций против СССР.

Вскоре после заключения «антикоминтерновского пакта» японские милитаристы провели реорганизацию своих разведывательных и контрразведывательных органов. В 1937 г. при кабинете министров Японии было создано специальное бюро для руководства всеми ее разведывательными органами с целью установления жесткой централизации в работе секретных служб и усиления их подрывной деятельности против СССР.

Для диверсионной деятельности на советской территории японская разведка формировала в Маньчжурии из белоэмигрантов вооруженные банды, маскируя их под различные воинские части и полицейские отряды.

Агентурой, забрасываемой в СССР, руководили кадровые сотрудники японских спецслужб, находившихся в Советском Союзе в составе японского посольства и консульств. Они же вербовали агентов, ориентируясь прежде всего на проживавших в СССР антисоветски настроенных лиц японской, китайской и корейской национальностей, а также на враждебные элементы из бывших эксплуататорских классов.

В 1935—1937 гг. в Москве, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке и других городах органами госбезопасности были раскрыты шпионские звенья, созданные и руководимые сотрудниками японского посольства и консульств. Разоблаченные агенты имели задание не только собирать шпионскую информацию, но и осуществлять в период войны террористи-

¹ Так было с Венгрией и Румынией, правительства которых в январе 1941 г. предоставили гитлеровской разведке на своих территориях полную свободу действий и, таким образом, окончательно поставили собственные секретные службы в зависимость от немецко-фашистских разведывательных органов.

² За пять месяцев 1935 г. на западной границе было задержано и разоблачено 166 гитлеровских агентов, а только за десять дней мая 1939 г. — 34.

ческие и диверсионные акты вплоть до применения бактериологических средств.

Использование разведывательными органами Японии ее дипломатических представительств в СССР для проведения подрывной работы наносило ущерб безопасности социалистического государства. В связи с этим по решению Советского правительства японские консульства в СССР были закрыты.

Несмотря на то что разведывательные службы гитлеровской Германии и милитаристской Японии действовали единым фронтом против СССР и использовали возможности специальных служб других капиталистических государств, им не удалось осуществить свои замыслы. Они не учли таких факторов, как морально-политическое единство советского народа, преданность советских людей своей Родине и их бдительность. Именно благодаря этим факторам органы госбезопасности Советского Союза своевременно срывали происки империалистических разведывательных служб, нанесли ощутимые удары по германской и японской разведкам и их агентуре, расстроили планы агрессоров по подрыву и ослаблению нашей страны изнутри.

Основным оружием в борьбе с вражеской агентурой являлись органы государственной безопасности. Благодаря их усилиям было разоблачено немало шпионов и диверсантов, потерпели неудачу попытки фашистских и других империалистических держав ослабить мощь СССР. Однако в работе органов госбезопасности были допущены серьезные ошибки.

Как подчеркивалось в постановлении Центрального Комитета КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г., имевшие место нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни, социалистической законности нанесли вред делу строительства социализма. Но это не могло изменить и не изменило природы социалистического общества, теоретические, политические и организационные основы деятельности Коммунистической партии¹. Под руководством Центрального Комитета партия продолжала вести борьбу за интересы народа, за построение социализма и, преодолевая большие трудности, проводила в жизнь линию, направленную на дальнейшую демократизацию советского общества и исправление допущенных ошибок.

3. Советская военная теория накануне второй мировой войны

Появление новых видов оружия и боевой техники, новых родов войск, перевооружение и реорганизация старых, а также переход фашистских государств в середине 30-х годов к прямым актам агрессии выдвинули перед советской военной наукой новые задачи. Победа социализма в СССР, успехи культурной революции способствовали решению этих задач.

Советская военная наука, формировавшаяся вместе с Советской Армией, представляет собой систему развивающихся знаний о характере и особенностях вооруженной борьбы, ее объективных законах и принципах военного искусства, способах и формах военной защиты социалистического Отечества. Она призвана разрабатывать теоретические основы и практические рекомендации строительства Вооруженных Сил, их подготовки к возможной войне. В единстве с практикой советская военная наука определяет пути совершенствования имеющихся и создания новых средств вооруженной борьбы.

¹ См. О преодолении культа личности и его последствий. Постановление Центрального Комитета КПСС. М., 1956, стр. 19.

Методологической основой советской военной науки является марксизм-ленинизм, что обеспечивает ей глубокое проникновение в сущность явлений и придает большую силу в разрешении самых сложных проблем военного дела.

Впитав в себя все лучшее из военно-теоретического наследия прошлого и первый боевой опыт по защите страны социализма, советская военная наука, быстро развиваясь и обогащаясь новыми теоретическими положениями и выводами, избежала односторонностей, присущих военным теориям капиталистических государств, и превзошла последние в разработке многих проблем.

Основоположником советской военной науки является В. И. Ленин. Он разработал важнейшие положения, составляющие ее основу: особенности и характер войн новой эпохи; о природе и сущности военной организации социалистического государства; необходимость тесного военного единства социалистических республик и боевого союза трудящихся классов; превращение страны в условиях военной обстановки в единый военный лагерь; значение и определяющее влияние на судьбы войны экономического, морально-политического, идеологического, научно-технического и собственно военного факторов; основные законы современной войны и использование их с учетом преимуществ социалистического общества; о решающей роли Коммунистической партии в организации вооруженной защиты социалистического Отечества и успешном решении оборонных задач и другие.

Утверждение ленинских положений в теории военного дела протекало в острой борьбе с троцкистами, левыми и правыми оппортунистами, консервативным крылом старых военных специалистов.

Развитие советской военной науки направлялось коллективной мудростью Центрального Комитета партии, обобщавшего все новое в практике и теории военного дела.

Образцом творческого применения марксизма-ленинизма к военному делу, партийного и глубоко научного анализа сложнейших проблем военной теории и практики являлись замечательные работы М. В. Фрунзе. Верный ленинец, он был непревзойденным мастером применения марксистского метода ко всем отраслям военно-научных знаний. В своих работах он обосновал ряд фундаментальных положений советской военной теории.

М. В. Фрунзе доказывал, что система военного строительства и обороны государства должна строиться на ясном и точном представлении характера будущей войны; на правильном и точном учете тех сил и средств, которыми будут располагать наши возможные противники; на таком же учете наших собственных ресурсов. М. В. Фрунзе развил ленинское положение о том, что современные войны ведутся народами, подчеркнул, что их размах в пространстве и длительность неизбежно возрастут. Он указывал на необходимость готовить к войне не только армию, но и всю страну, быстро развивать промышленность, особенно тяжелую, как материальную базу военной мощи социалистического государства.

Ценный вклад в развитие советской военной науки внесли А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, С. И. Гусев, А. И. Егоров, С. С. Каменев, И. В. Сталин, В. К. Триандафиллов, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников. Важную роль играли военные академии, Штаб (а затем Генеральный штаб) РККА, которые являлись крупными центрами военно-теоретической мысли, а также командующие и штабы военных округов.

Важнейшую часть советской военной науки составляет теория военного искусства, ведущее место в которой по праву занимает стратегия, призванная решать вопросы использования всех вооруженных сил и ресурсов страны для достижения конечных целей войны.

Развитие стратегии и пересмотр ее концепций отражались в планах обороны страны, которые разрабатывались Генеральным штабом и утверждались Политбюро ЦК ВКП(б) и Советским правительством. Каждый такой план соответствовал социально-экономическому состоянию страны, а также ее ресурсам и международному положению, опирался на выработанные стратегические формы и методы, применяя которые можно было бы с наименьшей затратой материальных и людских ресурсов достичь наибольших результатов.

Во второй половине 30-х годов главным противником Советского Союза становится империалистический блок фашистских держав во главе с гитлеровской Германией, стремившейся к мировому господству. В капиталистическом мире ему противостоял блок «демократических» буржуазных держав. Вторая мировая война могла возникнуть и как война внутри капиталистического мира, и как война против СССР.

Советская военная наука учитывала и ту и другую возможность. Она не исключала и того, что в грядущей мировой войне, как указывал Коминтерн, возможны самые неожиданные ситуации, к которым надо заранее готовиться. Возможны были также и разнообразные сочетания усилий свободолюбивых государств и народов. В условиях угрозы фашистского порабощения, нависшей над Европой, вполне реальной становилась перспектива ряда национально-освободительных войн не только угнетенных масс колоний и полуколоний, но и европейских народов. Такую перспективу предвидел и научно обосновал В. И. Ленин. Он рассматривал общедемократическое национально-освободительное движение как благоприятную предпосылку для последующей борьбы за социализм. Было совершенно очевидно, что Советский Союз, неизменно верный своей интернациональной политике, своему революционному долгу, явится классовым союзником народов, ведущих национально-освободительную борьбу. Формы осуществления этого союза зависели от конкретной исторической обстановки.

Безусловной заслугой советской военно-теоретической мысли середины 30-х годов явилось то, что она не исключала возможности коалиционной войны против агрессора, такой войны, в которой социалистическое государство будет сражаться вместе с народами и правительствами, способными в той или иной мере отстаивать национальную независимость своих стран от фашистских агрессоров. Практическая разработка вопросов ведения коалиционных действий имела место при подготовке системы коллективной безопасности в 30-х годах, во время совместных боевых действий с Монгольской Народной Республикой в районе реки Халхин-Гол против японской агрессии и в ходе подготовки заключения военной конвенции с Англией и Францией летом 1939 г.

С середины 30-х годов Советский Союз должен был быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против фашистской Германии и ее сателлитов и на востоке — против Японии. Ненадежным было и южное направление — со стороны Турции. Наиболее мощная группировка сил врага находилась на западе. Поэтому в плане обороны страны Западно-Европейский театр войны считался основным, где и намечалось сосредоточить главные силы советских войск. Таким образом, обеспечение безопасности СССР значительно усложнялось: Советские Вооруженные Силы должны были быть готовы нанести решительное поражение агрессору как на западе, так и на востоке, а если возникнет необходимость, то и на юге. Стратегическое развертывание на два фронта становилось неизбежным.

Советская военная стратегия, опиравшаяся на марксистско-ленинскую методологию, считала, что в борьбе с коалицией агрессора дости-

жение конечных целей войны потребует мощных стратегических усилий на нескольких направлениях (одновременно или последовательно).

Признавая вероятность длительной и трудной войны, советская военная теория не отвергала возможности скоротечных вооруженных столкновений. Вследствие этого она уделяла большое внимание изучению методов мобилизационного развертывания вооруженных сил, вероятных способов развязывания агрессорами войны, особенностей ее начального периода и проблем руководства.

Империалисты, стремившиеся замаскировать свою агрессию, избегали открытого объявления войны и практиковали «вползание» в нее. Об этом убедительно свидетельствовали японо-китайская война, войны в Эфиопии и Испании, захват Австрии и Чехословакии. Мобилизация сил агрессора для осуществления своих акций проводилась частично заранее, этапами и заканчивалась уже в ходе войны.

Скрытая подготовка и внезапное развязывание империалистами войны значительно повышали роль ее начального периода. Это в свою очередь требовало, писал М. Н. Тухачевский, «быть особо сильными и энергичными» в начальных операциях¹. Он отмечал: «Первый период войны должен быть еще в мирное время правильно предвиден, еще в мирное время правильно оценен, и к нему нужно правильно подготовиться»². Проведение операций начального периода войны агрессоры возлагали на армию вторжения, хорошо оснащенную механизированными соединениями и авиацией. Отсюда стороне, которой угрожает нападение, необходимо провести предупредительные меры, с тем чтобы противник не мог сорвать мобилизацию в приграничных районах и выдвижение массовой армии к линии фронта³.

Взгляды на содержание и длительность начального периода будущей войны уточнялись и развивались. Если в 20-е годы в него включались по опыту первой мировой войны в основном подготовительные мероприятия к решающим операциям, то в последующие годы главным событием этого периода стали считаться уже сами операции.

Исследованию характера начального периода будущей войны были посвящены многие работы Я. И. Алксниса, Р. П. Эйдемана, В. Ф. Новицкого, А. Н. Лапчинского и других. Теоретическое решение проблем подготовки и ведения первых операций войны рассматривали А. И. Егоров, Е. А. Шиловский, Л. С. Амирагов, В. А. Меликов, С. Н. Красильников и другие.

Летом 1933 г. начальник Штаба РККА А. И. Егоров представил Реввоенсовету СССР тезисы о новых оперативно-тактических проблемах, в которых обращалось внимание на качественный и количественный рост мощных технических средств борьбы, заставляющих по-иному решать вопросы начального периода войны и ведения современных операций. По мнению А. И. Егорова, противник, применяя скрытую мобилизацию, может быстро сосредоточить сильную армию из крупных мотомеханизированных, пехотных, авиадесантных частей, конных масс и боевой авиации и внезапно вторгнуться на чужую территорию. Военные действия сразу охватят пространство на глубину 400—600 км и нанесут значительный урон коммуникациям, военным складам и базам, воздушным и морским силам. Таким ударом противник способен уничтожить войска прикрытия, сорвать мобилизацию в приграничных районах, помешать развертыванию армии, занять важные в экономическом отношении райо-

¹ Записки. Комкадемия. Т. 3. М., 1931, стр. 210.

² М. Тухачевский. Вопросы современной стратегии. М., 1926, стр. 20.

³ М. Тухачевский. Избранные произведения. Т. 2. М., 1964, стр. 212, 216, 218, 219.

ны. Однако, писал он, одна лишь армия вторжения не может решить исход войны¹.

В тезисах А. И. Егорова в концентрированном виде были изложены те важнейшие выводы, к которым пришла советская военная мысль уже в первой половине 30-х годов, значительно опередив развитие военной теории в капиталистических странах.

Эти ее выводы совершенствовались и развивались целой плеядой советских военных теоретиков. Один из них — Е. А. Шиловский следующим образом оценивал течение начального периода возможной будущей войны. «Ожесточенная борьба... развернется с первых часов военных действий на большем пространстве театра военных действий по фронту, в глубину и в воздухе... При этом следует рассчитывать не на молниеносный разгром армий классовых врагов, а готовиться к упорной и ожесточенной борьбе», в ходе которой только и может быть достигнута окончательная победа. Однако, признавал он, применение новых средств борьбы в начале войны может «настолько сильно потрясти противника, что результат их действий скажется решающим образом на ходе последующих операций и возможно даже на исходе войны»².

Шиловский рекомендовал массированно использовать авиацию, подчинив основные ее силы главному и фронтовому командованиям, а подготовку вооруженных сил страны вести таким образом, чтобы в короткий срок развернуть массовую армию, оснащенную современной техникой, способную осуществлять крупные операции с первого дня начального периода войны³.

Л. С. Амирагов в статье «О характере будущей войны» исходил из того, что против СССР выступит коалиция в составе Германии, Японии и других государств — главных носителей открытой империалистической экспансии. Агрессоры будут стремиться развязать войну внезапно и закончить ее в кратчайший срок, попытаются «придать начальному периоду войны решающее значение, что в свою очередь предполагает широкое пользование маневренными формами борьбы»⁴.

Об операциях начального периода писал также и С. Н. Красильников. Учитывая уроки агрессии против Эфиопии и Китая, он предполагал, что будущая война может начаться «как внезапное нападение тяжелой бомбардировочной авиации с воздуха на жизненные центры страны, соединенное с глубоким вторжением крупных мотомеханизированных... масс, поддержанных действиями легкой боевой авиации по железным дорогам и транспортным средствам, необходимым для сосредоточения боевых сил»⁵.

Следовательно, советская военная мысль в содержание начального периода войны включала не только мероприятия подготовительного характера, но и широкие боевые действия на земле, в воздухе и на море заранее отмобилизованных и развернутых в приграничных районах армии вторжения и армий прикрытия. В ходе этих сражений начальный период войны будет непосредственно и постепенно перерастать в период действий главных сил.

Таким образом, советская военная теория задолго до второй мировой войны правильно определила те методы ее подготовки, развязывания и ведения, которые будут применены империалистическими агрессорами с учетом новых военно-технических факторов. Своевременно были даны

¹ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917—1940 М., 1965, стр. 377—378.

² Там же, стр. 500, 501.

³ Там же, стр. 506

⁴ «Война и революция», 1934, сентябрь — октябрь, стр. 6, 15, 16.

⁵ «Правда», 20 мая 1936 г.

ею и соответствующие рекомендации для разработки планов обороны СССР.

Однако эти рекомендации полностью претворить в жизнь тогда не удалось. Советская военная теория, как это и присуще всякой подлинной науке, заглянула далеко в будущее. В условиях же того времени Советское государство для реализации ее выводов еще не располагало надлежащими материальными средствами. Экономический потенциал страны еще не давал возможности наряду с высокими темпами социалистического строительства оснащать Вооруженные Силы таким количеством новейшего оружия и боевой техники, какое требовалось согласно выводам военной теории.

Важным преимуществом советской военной теории в сравнении с буржуазными являлась правильная оценка значения морального фактора. Советский народ и его Вооруженные Силы в моральном отношении были подготовлены партией к тем испытаниям, которые могли выпасть на их долю в случае военного нападения агрессоров, находились в полной патриотической готовности к отпору любому врагу.

Опираясь на выводы, сделанные военной наукой, советская военная доктрина предусматривала, что победа на фронте в будущей войне может быть достигнута только целеустремленными, совместными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск при тесном их взаимодействии. Вместе с тем решающая роль отводилась сухопутным войскам, насыщенным артиллерией, танками и самолетами¹. Большое значение придавалось военно-воздушным силам, которые должны были, с одной стороны, прочно обеспечивать с воздуха наземные войска, а с другой — вести самостоятельные действия. Военно-морской флот был призван оказывать содействие сухопутным войскам при нанесении ими ударов вдоль побережья, а также осуществлять самостоятельные операции против кораблей противника на морских коммуникациях.

Решающим видом стратегических действий считалось наступление, осуществляемое путем крупных стратегических фронтовых наступательных операций, проводимых на главных оперативно-стратегических направлениях. В Полевом уставе 1939 г. указывалось, что на одном театре военных действий могут быть применены силы нескольких армий и крупных авиационных соединений под единым руководством фронтового командования для выполнения общей стратегической задачи.

Закономерным видом вооруженной борьбы считалась и стратегическая оборона, которая по отношению к наступлению ставилась в подчиненное положение. В оборонительных операциях войска должны были упорно удерживать занимаемые районы или прикрывать определенное операционное направление с целью отразить наступление противника, нанести ему поражение и создать благоприятные условия для контрнаступления.

Не отвергался и такой вид действий, как оперативный отход, для того чтобы вывести войска из-под удара превосходящих сил противника, создать новую оперативную группировку и обеспечить переход к обороне. Считалось, что два последних вида вооруженной борьбы найдут применение главным образом в оперативно-тактическом звене.

Непосредственное руководство вооруженной борьбой и деятельностью тыла страны должны были осуществлять верховный орган государства и подчиненная ему Ставка Главного Командования.

Изучением вопросов организации и проведения фронтовых и армейских операций, призванных обеспечить достижение стратегических це-

¹ Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект. М., 1939, стр. 14, 20.

лей, преимущественно занимались оперативное искусство и тактика. При этом особое внимание уделялось проблемам оперативного искусства. Теория последовательных затухающих операций и групповой тактики, отвечавшая условиям 20-х годов, не соответствовала требованиям будущей войны. Возникла неотложная задача разработать принципиально новую теорию ведения боя и операции, изыскать такие способы и методы боевых действий, которые позволяли бы успешно преодолевать сильную огневую завесу сплошного фронта противника, в короткий срок наносить поражение его группировкам и достигать стратегических успехов. Выполнение этой ответственной задачи возлагалось на Генштаб, центральные управления родов войск, Управление боевой подготовки, военные академии, штабы военных округов с привлечением военно научной общественности. Основы новой теории, названной позднее теорией глубокого боя и операции, разрабатывались почти шесть лет (1929—1935 гг.). В результате кропотливых исследований была создана первая официальная «Инструкция по глубокому бою», утвержденная наркомом обороны СССР 9 марта 1935 г.

Одновременно Штаб РККА подготовил проект Наставления по ведению операций — своего рода оперативный устав для всей армии. Этим был ликвидирован существовавший длительное время разрыв между оперативным искусством и тактикой. Разработку новых положений, их обобщение и тщательную проверку на практике осуществляли П. А. Белов, П. Е. Дыбенко, А. И. Егоров, М. В. Захаров, Г. С. Иссерсон, К. Б. Калиновский, Н. Д. Каширин, А. И. Корк, Д. А. Кучинский, К. А. Мерецков, И. П. Обысов, А. И. Седякин, С. К. Тимошенко, В. К. Триандафиллов, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Ф. Федько, Б. М. Шапошников, Е. А. Шиловский и другие теоретики и военачальники. Изучению теории глубокого боя отводилось видное место в учебных и научных планах военных академий. Оперативный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе, Академия Генерального штаба, академии родов войск провели огромную работу по систематизации, прикладному и расчетному оформлению многих ее положений. Первый этап разработки теории глубокого боя и операции завершился выходом Временного полевого устава РККА 1936 г., в котором эта теория получила официальное признание.

Теория глубокой операции охватывала формы вооруженной борьбы, применяемые во фронтовом и армейском масштабах, а теория глубокого боя — виды боевых действий частей и соединений. Фронтовые операции могли быть как наступательными, так и оборонительными. Их задачи должны решаться усилиями нескольких полевых армий во взаимодействии с крупными механизированными объединениями, воздушными и морскими силами.

Одновременное подавление противника на всю глубину его построения наиболее полно рассматривалось в масштабе фронтовой операции, осуществляемой в интересах достижения стратегических целей на определенном театре военных действий.

Армейская операция рассматривалась как часть фронтовой. Обычно она велась на одном операционном направлении и решала частную оперативную задачу. На направлениях главных ударов, наносимых фронтом, предусматривалось использование хорошо оснащенных ударных армий, а на вспомогательных направлениях — армий обычного состава.

Решительным средством достижения успеха в вооруженной борьбе считались наступательные операции, в которых войска выполняли две задачи: прорыв обороны противника одновременным ударом на всю ее тактическую глубину и развитие тактического успеха в оперативный стре-

мительными действиями подвижных войск, воздушных десантов и авиации. Для наступления с решительными целями предусматривалось глубокое оперативное построение войск, состоящее из первого наземного эшелона (эшелон атаки), второго наземного эшелона (эшелон развития прорыва), воздушного эшелона с радиусом действия 300—500 км и последующих эшелонов — оперативных резервов. Во встречном сражении мог выделяться передовой (авангардный) наземный эшелон.

Для ведения операции существовало два варианта оперативного построения войск: если оборона противника была сильной, в первом эшелоне наступали стрелковые, а во втором — подвижные соединения; при слабой обороне противника стрелковые дивизии действовали во втором эшелоне. Ширина полосы наступления фронта устанавливалась 300—400 км, глубина операции — 150—200 км. Для ударной армии соответственно 50—80 км и 25—30 км. Продолжительность армейской операции 5—6 суток, среднесуточный темп наступления 5—6 км.

Возможными формами наступательной операции фронта могли быть удар сосредоточенными силами двух — трех смежных его армий на одном участке или нескольких армий двух смежных фронтов на сплошном участке (200—250 км), одновременные дробящие удары на нескольких направлениях на широком фронте, удар по сходящимся направлениям (двойной прорыв с использованием благоприятной конфигурации фронта). Важнейшими условиями успеха глубокой наступательной операции фронта считались завоевание господства в воздухе, изоляция района сражения от подходящих резервов противника, срыв доставки материальных средств его атакованным войскам.

В армейской операции могли быть применены удары центром, одним из флангов, всеми силами армии, когда она наступала на узком участке на главном направлении фронта; в особых случаях армия могла наносить удары на обоих флангах.

Признание наступления как основной и решающей формы борьбы не исключало необходимости применения всех видов оборонительного боя и операции. «Оборона должна противостоять превосходным силам противника, атакующего сразу на всю глубину»¹, — указывалось в полевых уставах 1936 и 1939 гг.

Советская военная наука значительно глубже, чем военная мысль капиталистических стран, разработала теорию оперативной и тактической обороны. В ее развитии и совершенствовании принимали участие А. И. Готовцев, А. Е. Гутор, Н. Я. Капустин, Д. М. Карбышев, М. С. Князев, Ф. П. Судаков и другие².

В целом оборона предполагалась глубокой и противотанковой, с тем чтобы сэкономить время и силы, удержать особо важные районы и объекты, сковать наступающего противника. Оборона делилась на упорную (позиционную), создаваемую на нормальном или широком фронте, и подвижную (маневренную). Армейский оборонительный район шириной 70—100 км и глубиной 100—150 км состоял из четырех оборонительных зон: передовой, тактической, оперативной и тыловой. Передовая зона имела полосу развитых инженерных заграждений, тактическая — основную и

¹ Временный полевой устав РККА (ПУ-36). М., 1937, стр. 132; Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект, стр. 210.

² А. Г у т о р. Оборона корпуса на широком фронте. Действия 7-го русского корпуса с 3 по 6 сентября 1915 г. М., 1939; А. Г о т о в ц е в. Методика решения тактических задач. Оборонительные действия стрелковой дивизии. М., 1926; Н. К а п у с т и н. Оперативное искусство в позиционной войне. М., 1927; Д. К а р б ы ш е в. Инженерное обеспечение оборонительной операции. М., 1938; М. К н я з е в. Борьба в позиционных условиях. М., 1939; Ф. С у д а к о в. Армейская оборонительная операция. М., 1940.

тыловую (вторую) полосы¹, оперативная — заградительную полосу, а тыловая зона предназначалась для размещения и деятельности армейских тылов. Важное место в обороне отводилось организации системы артиллерийской и авиационной контрподготовки, контрударов и контратак.

Для бесперебойного снабжения войск в наступательных и оборонительных операциях предусматривалось создание армейского тыла, в который входили специальные части и учреждения.

Теория глубокого боя и операции прошла частичную проверку на крупных армейских маневрах 1935—1937 гг., в ходе боевых действий, которые пришлось вести Советской Армии в 1938—1939 гг.

Боевая и учебная практика войск, достижения науки и техники поставили по-новому вопрос об использовании в бою танков, артиллерии и авиации.

Разработке военно-теоретических проблем применения танковых войск в конце 30-х годов много внимания уделяли А. А. Игнатъев, П. И. Коломейцев, П. Д. Коркодинов, М. К. Ноздрунов, В. Т. Обухов, А. И. Штромберг и другие.

Ранее принятая схема применения танков в трех группах — НПП, ДПП, ДД² — в условиях возросшей силы противотанковой обороны не могла обеспечить выполнение боевых задач. Поэтому из боевых порядков наступающих войск танковые группы ДПП и ДД были исключены. Вместо этих групп создавался резерв танков (при достаточной обеспеченности ими войск первых эшелонов), предназначенный для усиления в случае необходимости танковой группы НПП или при успешной атаке для ее развития на всю глубину боевого порядка противника. Превращение тактического успеха в оперативный и достижение решительной цели на главном направлении возлагались на бронетанковые соединения — танковые бригады и танковые группы оперативного значения³.

Практика показала, что для выполнения боевых задач в новых условиях легкие быстроходные танки с противопульным бронированием стали неприемлемы; требовалось развернуть производство средних и тяжелых танков с противоснарядной броней, мощным пушечным вооружением и большим запасом хода.

Опыт подтвердил, что из всех наземных родов войск наибольшей мощностью и дальностью огневого воздействия обладает артиллерия, которая призвана массированными ударами расчищать путь наступающим войскам и громить врага в обороне. Современный бой все в большей степени становился огневым состязанием борющихся сторон. В нем участвовали многочисленные и разнообразные огневые средства, для уничтожения и подавления которых была нужна подвижная дальнобойная артиллерия различного боевого предназначения.

Лучшему использованию артиллерии в бою значительно способствовали успехи, достигнутые в таких отраслях артиллерийской науки, как внутренняя и внешняя баллистика, стрельба артиллерии. Научные исследования ученых-артиллеристов Д. А. Вентцеля, П. А. Гельвиха, И. П. Граве, В. Д. Грендаля, Н. Ф. Дроздова, В. Г. Дьяконова, Д. Е. Козловского, В. В. Мечникова, Я. М. Шапиро позволили к осени 1939 г. создать новые таблицы стрельб, правила стрельбы войсковой и зенитной

¹ Временный полевой устав РККА (ПУ-36), стр. 134; Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект, стр. 210.

² НПП — танковая группа непосредственной поддержки пехоты для совместных действий со стрелковыми войсками, участвующими в атаке; ДПП — танковая группа дальней поддержки пехоты, предназначенная для борьбы с огневыми средствами противника на глубине 1,5—3 км; ДД — танковая группа дальнего действия для уничтожения артиллерии, пунктов управления и ближайших резервов.

³ Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект, стр. 30, 70—71, 306—307.

артиллерии, переработать наставление по огневой подготовке и курсу стрельб артиллерии, а также другие руководства.

Проект Полевого устава 1939 г. помимо артиллерийских групп поддержки пехоты, дальнего действия и артиллерии разрушения ввел подгруппы артиллерии для поддержки подразделений первого эшелона, отдельные группы артиллерии ближнего боя (состоящие из минометов), зенитно-артиллерийские группы, группы дальнего действия в корпусе¹. Плотность артиллерии на километр фронта атаки повышалась с 30—35 до 58—136 орудий (без противотанковой артиллерии)². Артиллерийское обеспечение наступления делилось на периоды: артиллерийской подготовки, поддержки атаки, борьбы в глубине оборонительной полосы³.

К середине 30-х годов была создана теория боевого применения военно-воздушных сил. Советская авиация, завершив сложную эволюцию, превратилась из отдельного рода оружия в самостоятельный род войск, а затем вскоре в один из видов вооруженных сил. Параллельно с этим процессом развивалось оперативное искусство военно-воздушных сил, которое занималось исследованием теории подготовки и ведения боевых действий крупными авиационными соединениями и объединениями в интересах достижения оперативных и оперативно-стратегических целей. Основоположником этой теории является профессор А. Н. Лапчинский, фундаментальные труды которого — «Воздушные силы в бою и операции» (1932 г.) и «Воздушная армия» (1939 г.) — придали ей необходимую стройность и четкость. Он же детально разработал проблемы борьбы за господство в воздухе. В 1936 г. теория подготовки и ведения воздушных операций была изложена в виде практических рекомендаций во Временной инструкции по самостоятельным действиям военно-воздушных сил РККА.

В исследовании, представленном руководству, комкор В. В. Хрипин и полковник П. И. Малиновский изложили задачи авиации в начальный период войны⁴. Для проверки выдвинутых ими положений в 1937 г. были проведены маневры, в ходе которых отрабатывались действия авиации фронтов и авиационной армии Главного командования в начальный период войны и в условиях развернутой операции фронта. Важные принципы оперативного искусства авиации нашли отражение в полевых уставах 1936 и 1939 гг. В них подчеркивалось, что основное условие успеха ВВС — массированное их применение⁵; в решающие периоды боевых действий все виды авиации должны сосредоточивать свои усилия для содействия «успеху наземных войск в бою и операции... на главном направлении»⁶.

Большое значение придавалось непрерывности воздействия авиации на войска противника. С этой целью в период подготовки операции предусматривались завоевание господства в воздухе, срыв перевозок противника, изнурение его войск и нарушение управления. В период развертывания боевых действий сначала осуществлялась авиационная подготовка наступления в тесном взаимодействии с артиллерией, в последующем перераставшая в поддержку наступающего боевого порядка на всю глубину прорыва. При этом авиация должна была нарушать управление и связь противника, поражать его резервы, срывать контратаки и препятствовать занятию им второй оборонительной полосы⁷.

¹ Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект, стр. 72—74.

² Временный полевой устав РККА (ПУ-36), стр. 111; Боевой устав артиллерии РККА. Ч. II. М., 1937, стр. 147.

³ Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект, стр. 146—147.

⁴ Архив МО, ф. 35, оп. 29373, д. 2, лл. 5—7.

⁵ Временный полевой устав РККА (ПУ-36), стр. 66.

⁶ Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект, стр. 24, 26.

⁷ Там же, стр. 149.

Теория боевого применения авиации кроме оперативного искусства имела своей составной частью и тактику, которая делилась на общую тактику военно-воздушных сил и тактику отдельных родов авиации. Этим вопросам посвящено несколько работ: в 1935 г. был издан учебник А. К. Медниса «Тактика штурмовой авиации», в 1936 г. — труд М. Д. Смирнова «Войсковая авиация», в 1937 г. — большое научное исследование А. Н. Лапчинского «Бомбардировочная авиация», в 1939 г. — книга П. П. Ионова «Истребительная авиация».

Анализу всего нового, что появилось в военно-морском искусстве, были посвящены исследования В. А. Алафузова, С. С. Рамишвили, И. С. Исакова, В. А. Белли, Ю. А. Пантелеева, А. В. Томашевича и других.

На смену теории «малой войны» на море с элементами линейности, делавшей ставку на широкое использование подводных лодок, самолетов и легких надводных сил, была выдвинута теория типовых морских операций, проводимых как самостоятельно, так и совместно с сухопутными войсками. Эти оперативные взгляды в последующем были обобщены в наставлении по ведению морских операций, изданном в 1940 г. Особое внимание в нем обращалось на организацию взаимодействия видов вооруженных сил: сухопутных войск, флота и авиации, а также родов военно-морских сил — подводных и надводных — с авиацией и береговой артиллерией. Наступательным действиям на море отводилось главное место. Роль ударных сил на морских сообщениях должны были выполнять подводные лодки и авиация. Носителями наибольшей наступательной и оборонительной мощи морского и океанского флотов считались линейные корабли, способные к длительному боевому воздействию на противника во взаимодействии с другими классами кораблей.

Накануне второй мировой войны сложилась теория оперативного использования морских сил для достижения конечных целей на морском театре главным образом путем сосредоточенных ударов, наносимых разнообразными силами флота по флоту противника в ходе ряда последовательных и параллельных операций, связанных единством стратегической задачи. На основе опыта военных действий в первой мировой войне, учета действий морских сил в связи с войнами в Испании и Китае были выработаны основы проведения миннозаградительных, десантных и противодесантных операций, а также операций против неприятельских баз и по огневому обеспечению приморского фланга сухопутных армий.

Большим достижением явилось создание в 1937 г. Боевого устава Военно-Морского Флота, в разработке которого активное участие принимали И. С. Исаков и В. А. Алекин. В нем нашли отражение вопросы взаимодействия маневренных соединений различного назначения, объединения их усилий для совместного удара по противнику в открытом море и на минноартиллерийских позициях, создаваемых в узкостях и на подходах к военно-морским базам. Изучались и отрабатывались набеговые действия на неприятельское побережье с целью уничтожения укрепленных объектов, нанесения ударов по конвоям, противолодочным барражам противника, группировкам кораблей в прибрежных водах, портам и морским базам.

В развитии советской военной теории накануне второй мировой войны имелись и недостатки. Правильно ориентируя на проведение сильных ответных ударов по агрессору, советское военное искусство не смогло полностью разработать способы боевых действий эшелона прикрытия и стратегического развертывания главных сил в условиях угрозы внезапного удара сильных и подвижных группировок врага.

Возможность глубокого прорыва противником стратегической обороны считалась маловероятной. По этой причине теория подготовки и ведения

стратегических оборонительных операций не получила всесторонней разработки. Теоретические основы оперативно-стратегического взаимодействия фронтов, видов сил в условиях будущей большой войны также были рассмотрены в общих чертах, главным образом в интересах решения практических вопросов, связанных с планированием обороны государственных границ. Не имелось полной ясности в способах завоевания господства в воздухе в ходе начальных операций на театре военных действий

Однако необходимые предпосылки для решения этих вопросов в последующие годы в основном были созданы.

В 1936—1939 гг. тщательно анализировались итоги больших маневров Киевского, Белорусского, Московского и Ленинградского военных округов, а также боевого опыта советских войск у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, военных операций в локальных войнах, развязанных империалистами в Эфиопии, Испании, Китае, агрессивных актов по захвату Австрии, Чехословакии и Албании. Военная печать широко информировала общественность о характере борьбы в этих войнах и вооруженных столкновениях¹.

Во второй половине 30-х годов военные теоретики и крупные военачальники капиталистических стран не только признавали достижения Советских Вооруженных Сил, но и многое заимствовали из их опыта. Глава итальянской военной миссии генерал Грациolini, присутствовавший на «больших русских маневрах», писал: «Красная Армия организована и оснащена по-современному...» По его мнению, русские имеют «большое пристрастие к подвижным войскам», «увлекаются крупными механизированными соединениями и проводят многочисленные учения с их использованием».

Интересную оценку Советской Армии дал заместитель начальника штаба французской армии генерал Луазо. «Я... видел могучую, серьезную армию, весьма высокого качества и в техническом и в моральном отношении. Ее моральный уровень и физическое состояние достойны восхищения. Техника Красной Армии стоит на необычайно высоком уровне. В отношении танков я полагал бы правильным считать армию Советского Союза на первом месте. Парашютный десант большой воинской части, виденный мною под Киевом, я считаю фактом, не имеющим прецедента в мире. Наиболее характерным, конечно, является теснейшая и подлинно органическая связь армии с населением, любовь народа к красноармейцам, командирам. Подобного мощного, волнующего, прекрасного зрелища, я скажу откровенно, не видел в своей жизни»².

Особое внимание гитлеровского генерала Г. Гудериана привлекали «действующие в глубину боевые группы», которые «преследуют оперативные цели, наносят удары против флангов и тыла и парализуют противника одновременно на всю глубину его обороны»³. «Масса танковых сил,— писал он,— должна целесообразно объединяться в боевые корпуса, как это имеет место в Англии и России...»⁴ Гудериан, создавая немецкий вариант

¹ Н. К о р с у н Итало абиссинская война 1935—1936 гг. М., 1939, С. Любарский Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании М., 1939, М. К н я з е в Борьба в позиционных условиях М., 1939, Е. Ш п л о в с к и й Подготовка и ведение оперативного прорыва («Военная мысль», 1939, № 8), В. Б е л л и Основы ведения операций на море («Морской сборник», 1939, № 7) Генеральный штаб РККА в течение 1937—1939 гг. подготовил и разослал в войска более 300 бюллетеней, обобщающих опыт войн в Испании и Китае

² Цит. по. «Красная Армия» (газета Киевского военного округа), 18 сентября 1935 г.

³ Г. Г у д е р и а н Воспоминания солдата. Перевод с немецкого М., 1954, стр. 38—39

⁴ «Militärwissenschaftliche Rundschau», 1939, H. 9, S. 609.

теории глубокой операции, скопировал многие положения советских военных теоретиков.

Советская военная наука впервые разработала способы применения воздушно-десантных войск. Присутствовавший на маневрах Киевского военного округа в 1935 г. английский генерал (позднее фельдмаршал) Уэйвелл, докладывая правительству о применении русскими крупного воздушного десанта, сказал: «Если бы я сам не был свидетелем этого, я бы никогда не поверил, что подобная операция вообще возможна»¹. Массированное применение авиадесантов на маневрах Советской Армии 1936 г. привело в изумление многих представителей военных делегаций Франции, Италии, Японии и других стран. Спустя несколько лет один из американских военных обозревателей, подводя итоги применения гитлеровцами воздушных десантов в Западной Европе, писал: «Сочетание парашютных десантов, которые захватывают аэродромы, с посадочными десантами, использующими их, является страницей, вырванной из книги о Красной Армии, которая первая в широких масштабах продемонстрировала эти методы на маневрах 1936 г.»².

Широкий показ на военных маневрах и учениях 1935—1937 гг. достижений советской военной науки и техники преследовал вполне определенные цели: проверить практикой правильность основных теоретических положений, разработанных советской военной наукой, а также наглядно показать, что война против СССР — дело серьезное и опасное для ее организаторов, и тем самым способствовать сохранению мира. В последующие годы (1938—1939) оборонная мощь СССР была продемонстрирована в боях с японскими захватчиками на Дальнем Востоке.

В целом уровень советской военной науки накануне второй мировой войны отвечал требованиям времени. Опираясь на разработанные военной наукой положения, партия нацеливала конструкторскую мысль на быстрейшую разработку современных, перспективных образцов боевой техники и вооружения.

4. Социалистическая экономика — основа материально-технического оснащения Вооруженных Сил СССР

Важнейшим элементом материально-технической основы военной мощи государства является производство вооружения, боевой техники и боеприпасов, которое в свою очередь опирается на экономическую силу страны в целом. Характерная особенность военной индустрии — постоянное стремление к обновлению средств вооруженной борьбы более эффективными. «...Едва ли найдется сейчас другая столь же революционная область, — писал Ф. Энгельс, — как военная... Ежедневно техника беспощадно отбрасывает как уже негодное все, и даже то, что было только что введено в употребление... И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционизирования технической основы ведения войны»³.

В. И. Ленин, анализируя опыт первой мировой войны, отмечал, что империалисты в широких масштабах используют для ведения вооруженной борьбы самые могучие завоевания техники, чудеса изобретений, все производительные средства⁴. Из этого вытекал важнейший вывод, что в современной войне «берет верх тот, у кого величайшая техника,

¹ Цит. по: А. Г о в е. Внимание, парашютисты! Перевод с французского. М., 1957, стр. 26

² «New York Times», May 19, 1940.

³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 22, стр. 394.

⁴ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 396.

организованность, дисциплина и лучшие машины...»¹. Исходя из ленинских положений, ЦК ВКП(б) наметил пути технического оснащения Советской Армии. Главное в решении этой задачи — всемерное развитие оборонной промышленности на базе общего подъема экономики и всего народного хозяйства.

Коммунистическая партия, мобилизовав энергию и творчество советского народа, в кратчайший исторический срок осуществила социалистическую реконструкцию хозяйства страны. Это был великий подвиг партии, рабочего класса, всех трудящихся. На базе передовой индустриальной техники было проведено коренное переоснащение армии, авиации и флота.

В результате успешного выполнения второго пятилетнего плана «СССР превратился в независимую экономически страну, обеспечивающую свое хозяйство и нужды обороны всем необходимым техническим вооружением»². Во всех сферах общественной жизни прочно утвердились принципы социализма. В 1937 г. Советский Союз по выпуску валовой продукции машиностроения, тракторостроения и производству нефти занял первое место в Европе и второе в мире, по производству электроэнергии, алюминия, чугуна и стали — второе место в Европе и третье в мире, по добыче угля, производству цемента — третье место в Европе и четвертое в мире.

Проведенное в 1937—1939 гг. разукрупнение промышленных наркоматов приблизило руководящие органы к производству, сделало их более оперативными и действенными. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решения о развитии угольной и металлургической промышленности, станкостроения, строительного дела и других отраслей. На всесоюзных совещаниях руководящих работников вырабатывались меры по улучшению обеспечения предприятий рабочей силой, повышению трудовой дисциплины, борьбе с дезорганизаторами производства, совершенствованию системы оплаты труда. В июне 1939 г. была создана специальная правительственная комиссия в составе А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, И. Ф. Тевосяна, академика И. П. Бардина для поиска путей улучшения производства на важнейших участках черной металлургии. По указанию ЦК ВКП(б) партийные организации ведущих отраслей промышленности усилили контроль за деятельностью администрации, более конкретно стали заниматься хозяйственными вопросами. Общее состояние тяжелой индустрии в годы, предшествовавшие началу второй мировой войны, показано в таблице 2.

Данные этой таблицы свидетельствуют о высоких темпах развития тяжелой промышленности СССР, о значительном превышении уровней 1913 и 1935 гг. Однако в 1937—1939 гг. выплавка чугуна и стали, выпуск проката, если учитывать их размеры только по весу металла, оставались, по существу, на одном и том же уровне. Объяснялось это тем, что в черной металлургии происходила перестройка на увеличение удельного веса выпускаемого высококачественного металла, легированных сталей. Это потребовало увеличения расхода железного лома в мартеновских печах. По этой причине несколько уменьшилась потребность в расходовании чугуна.

Партия и правительство считали, однако, что при лучшем управлении производством можно было бы не допустить снижения темпов выпуска металла в весовом измерении. Вот почему вопрос о работе предприятий черной металлургии был предметом пристального внимания партийных и государственных организаций.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 116.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Изд. 8-е (далее — КПСС в резолюциях). Т. 5. М., 1971, стр. 339.

Уровень производства важнейших видов промышленной продукции в конце второй и начале третьей пятилетки¹

Виды продукции	1936 г		1937 г		1938 г		1939 г		
	в абсолютных цифрах	в % к 1935 г	в абсолютных цифрах	в % к 1936 г	в абсолютных цифрах	в % к 1937 г	в абсолютных цифрах	в % к 1938 г	в % к 1913 г
Выплавка чугуна (тыс т)	14 400	115	14 487	100,6	14 652	101	14 520	99	344
Выплавка стали (тыс т)	16 400	130	17 730	108	18 057	102	17 564	97	415
Выпуск проката (тыс т)	12 454	132	12 967	104	13 258	102	12 729	96	363
Добыча угля (тыс т)	126 826	116	127 968	100,9	133 263	104	146 208	110	502
Добыча нефти (тыс т)	27 427	109	28 501	104	30 186	106	30 259	100,2	328
Производство электроэнергии (млн кВт/ч)	32 837	125	36 173	110	39 366	109	43 203	110	в 22 раза

Много внимания уделялось также развитию железнодорожного транспорта. В 1939 г длина железных дорог достигла 86,4 тыс км, в 1,5 раза превысив протяженность дорог в 1913 г. Строились новые железнодорожные линии, имевшие большое народнохозяйственное и оборонное значение: Акмолинск — Карталы, Уральск — Соль-Илецк, Караганда — Балхаш, Локоть — Риддер, Жарык — Дзержинск, Волочаевка — Комсомольск, соединявшая новый промышленный центр и речной порт на Амуре с великой сибирской магистралью. Завершилось строительство важной железнодорожной артерии Москва — Донбасс и началась прокладка других линий. Вводились новые, более мощные локомотивы, система автоблокировки, автотормозов и автосцепки, обновлялся вагонный парк, особенно вагонами с большой грузоподъемностью.

Благодаря постоянной заботе партии и правительства техническое оснащение тяжелой промышленности Советского Союза поддерживалось на высоком уровне. Внедрялись более совершенные станки, оборудование, механизмы и автоматические приборы. В 1938 г впервые в мире была осуществлена комплексная автоматизация блюминга на Макеевском металлургическом заводе имени С. М. Кирова. Его производительность повысилась на 40 процентов, а расход электроэнергии в среднем снизился на 6—9 процентов. Этот опыт переняли и другие заводы страны.

В 1939 г на ряде крупных предприятий тяжелой металлургии стали применять автоматическое управление тепловым режимом маргеновских печей, например на Магнитогорском комбинате. Автоматизация печи снижала расход топлива на 30 процентов. Средства автоматики и телемеханики использовались на строительстве канала Москва — Волга и некоторых электростанциях, введенных в строй в предвоенные годы.

Контроль всего технологического процесса на таких объектах проводился с помощью автоматических приборов с диспетчерского пункта.

В 1939 г на Сталинградском тракторном заводе была пущена автоматическая линия из агрегатных станков и полуавтоматов, которая положила начало автоматизации производства в СССР и за границей, а на брянском заводе «Красный профинтерн» в том же году была создана поточ-

¹ Составлена по: Экономическая жизнь СССР. Т. 1 (1917—1950). М., 1967, стр. 294, 300, 308, 316.

ная линия для изготовления котлов железнодорожных цистерн с применением автоматической сварки открытой дугой.

Группа молодых инженеров в 1938 г. разработала и изготовила первый электробур для проходки нефтяных скважин. Успешно внедрялась механизация производства в угольной промышленности. Врубовая машина и гидроустановка заменили отбойный молоток. Было положено начало развитию подземной газификации угля, применению нового метода производства чугуна с помощью спаренного дутья и т. д.

Перестройка народного хозяйства на социалистических основах сопровождалась научным размещением производительных сил, полностью отвечающим принципам федеративного устройства Советского государства. В итоге выполнения двух пятилетних народнохозяйственных планов были достигнуты крупные успехи в развитии всех союзных республик и экономических районов СССР.

Таблица 3

Важнейшие промышленные объекты, строившиеся в годы третьей пятилетки, и их размещение (на май 1939 г.)¹

Промышленные объекты	Районы размещения						Всего
	Урал	Сибирь	Дальний Восток	Казахстан и средне- азиатские респуб- лики	По- волжье	другие районы	
	количество заводов						
Машиностроительные заводы (кроме Москвы и Ленинграда)	6	18	6	6	8	13	57
Металлургические заводы	7	4	1	—	2	4	18
Заводы цветной метал- лургии	2	2	—	7	—	5	16
Заводы нефтеперерабаты- вающие и жидкого топ- лива	6	2	1	3	1	—	13
Химические заводы . . .	3	5	—	4	1	8	21
Гидроэлектростанции . .	1	—	1	5	1	12	20
Тепловые электростанции	1	4	4	8	10	10	37
Итого . . .	26	35	13	33	23	52	182

Наряду со старыми индустриальными центрами возникли новые. На востоке была создана вторая угольно-металлургическая база — Урало-Кузнецкий комплекс, в Казахстане третья угольная база — Карагандинский бассейн. Развивалась металлургия на Дальнем Востоке и Севере.

Восточные районы Советского Союза к концу 30-х годов давали от общесоюзного производства: угля — 34,4 процента (в том числе восточнее Урала — 28,7 процента), стали — 32 процента, проката — 32,3 процента. Коксохимическая промышленность, возникшая на базе Кузнецкого и Кизеловского угольных бассейнов, выработала еще в 1937 г. 4,8 млн. тонн кокса, или 23 процента всего производства кокса в стране.

В районах Поволжья и Южного Урала создавалась крупная база нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности — Второе Баку. Так же успешно развивались нефтепромыслы в Казахской и Туркменской Советских Социалистических Республиках, в Коми АССР.

¹ Составлена по: Картограмма нового строительства и его размещение в третьей пятилетке. Л., 1941, стр. 56—65.

В 1939 г. из 30,3 млн. тонн нефти, добытой в стране, на новые нефтяные промыслы приходилось свыше 11,5 процента.

В Поволжье, на Урале и в Западной Сибири за годы пятилеток выросли заводы-гиганты металлообработки и машиностроения, оборудованные по последнему слову техники. В Горьком действовал автомобильный завод, в Челябинске и Сталинграде — тракторные заводы. В Свердловске на полную мощность работал Уральский завод тяжелого машиностроения — «Уралмаш».

На востоке страны получила бурное развитие цветная металлургия. К концу 30-х годов Урал и Западная Сибирь заняли первое место в стране по производству меди, цинка, никеля, магния, алюминия; Казахская ССР — свинца; Дальний Восток, Восточная Сибирь и Киргизская ССР — редких металлов.

Уральская энергосистема выросла в одну из мощных в Союзе. По производству электроэнергии Урал занимал третье место в стране после Подмосковья и Украины. Именно здесь создавались резервы электроэнергии на случай войны. Электростанции восточных районов в 1940 г. выработали около 11 млрд. квт/ч, или 22 процента общесоюзного производства электроэнергии.

Глубокие сдвиги произошли и в размещении сельскохозяйственного производства. В районах Сибири, Урала, Поволжья, Казахстана и Средней Азии на прочной базе колхозов и совхозов были созданы крупные фабрики зерна, мяса, молока, шерсти, технических культур. Во второй половине 30-х годов колхозы и совхозы этих районов собирали четверть всего урожая зерновых культур в Союзе. Их удельный вес в государственных заготовках составлял: по зерну — 33 процента, мясу и молочным продуктам — до 35 процентов, хлопку — 100 процентов.

Строительная индустрия на востоке в третьей пятилетке заботливо пополнялась разнообразной техникой, кадрами. В 1939 г. из 1 684 тыс. строительных рабочих и служащих в Советском Союзе 675 тыс., или 41,3 процента, было занято на строительных и монтажных работах в районах, которые впоследствии явились стержнем военной экономики Советского Союза.

Организуя выполнение заданий XVIII съезда партии по третьему пятилетнему плану развития народного хозяйства, Центральный Комитет и правительство принимали все необходимые меры к созданию крупных государственных резервов: промышленного оборудования, производственных площадей, топлива, электроэнергии, горючего, в первую очередь высокооктапового, продовольствия, стратегического сырья.

Реконструкция всех отраслей народного хозяйства осуществлялась на основе ленинской идеи электрификации страны. Энерговооруженность заводов и фабрик возросла с 1310 квт/ч на одного работающего в 1928 г. до 5300 квт/ч в 1939 г., то есть более чем в 4 раза.

Технический переворот произошел и в сельском хозяйстве СССР. Удельный вес механических двигателей в энергоресурсах сельского хозяйства повысился с 0,8 процента в 1916 г. и 5,2 процента в 1928 г. до 77,7 процента в 1939 г.¹

Партия твердо и последовательно осуществляла курс на выравнивание уровней экономического развития всех советских республик, курс на создание и укрепление единой социалистической экономики многонационального союзного социалистического государства.

В предвоенные годы происходило дальнейшее укрепление государственного бюджета Советского Союза. В 1939 г. доходы государственного бюджета составили 156 млрд. рублей, в том числе от прибылей социали-

¹ Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956, стр. 144.

стического хозяйства — 135 млрд. рублей. Постоянное возрастание доходов обеспечивало нормальное финансирование потребностей народного хозяйства и обороны страны. Бюджетные ассигнования на развитие народного хозяйства увеличились с 39,5 млрд. рублей в 1937 г. до 59,3 млрд. в 1939 г., на социально-культурные мероприятия — соответственно с 26,6 до 38,5 млрд. рублей и на оборону — с 20,1 до 40,8 млрд. рублей.

Цифры расходной части государственного бюджета со всей очевидностью показывают, что Коммунистическая партия, Советское правительство правильно оценивали международную обстановку и принимали все необходимые меры для укрепления обороноспособности страны. Ассигнования на военное ведомство за три предвоенных года выросли в два раза и составили в 1939 г. 25 процентов всех расходов государственного бюджета страны¹.

Советская власть неустанно заботилась о повышении жизненного уровня всех трудящихся. В народное хозяйство вливались новые производственные кадры. Если в странах капитала рабочих давила безработица, то в СССР не хватало рабочей силы. В Стране Советов в процессе борьбы за социализм труд становился делом чести, доблести и славы. Массовый трудовой героизм рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции был одним из решающих факторов быстрого подъема производительности труда и высоких, невиданных при капитализме темпов развития экономики, культуры и науки в СССР.

Многое было сделано в области совершенствования производства, внедрения в него достижений науки, техники, передовых методов труда. Все это стало возможным благодаря научно-техническому росту кадров — ученых, инженеров, техников, повышению квалификации рабочего класса.

Одной из самых передовых отраслей в народном хозяйстве, получившей большое развитие в конце второй и начале третьей пятилетки, являлась оборонная промышленность.

В 1936—1939 гг. Центральный Комитет партии и Советское правительство осуществили обширную программу строительства новых авиационных, моторостроительных, танковых и других оборонных заводов. По мере нарастания напряженности в мире все большее количество предприятий народного хозяйства переключалось на производство военной продукции.

Вместе со строительством новых предприятий в конце 30-х годов широко осуществлялось переоснащение и расширение производственных площадей оборонных заводов, построенных в начале первой пятилетки. В 1939 г. реконструировались 31 предприятие Наркомата авиационной промышленности и 10 судостроительных заводов.

В 1936 г. решением VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов был образован Народный комиссариат оборонной промышленности. В целях координации всех мероприятий по вопросам обороны страны 27 апреля 1937 г. вместо Совета Труда и Обороны при СНК СССР создается Комитет Оборон. 31 января 1938 г. при Комитете Оборон была учреждена постоянная Военно-промышленная комиссия, которая занималась вопросами мобилизации и подготовки всей промышленности к обеспечению выполнения планов и заданий Комитета Оборон по производству вооружения для Советской Армии и Военно-Морского Флота. Так как объем задач военной промышленности расширялся, а руководство ею усложнялось, в январе 1939 г. Наркомат оборонной промышленности был преобразован в наркоматы: авиационной промышленности, судостроительной,

¹ Третья сессия ЦИК СССР седьмого созыва. Сборник бюллетеней. М., 1937, стр. 26, 31—38; Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет, стр. 365, 372.

вооружения, боеприпасов. Каждый из них имел подчиненные предприятия и свои главные управления, строительные тресты, проектные организации, высшие и средние учебные заведения, фабрично-заводские училища для подготовки квалифицированных рабочих массовых профессий.

Наркоматы оборонной промышленности работали на основе пятилетних планов выпуска продукции, которые предусматривали высокие показатели ее прироста. Так, оборонная продукция заводов первого главного управления Наркомата вооружения должна была составить в 1938 г. 177,2 процента по сравнению с 1937 г., в 1939 г. — 180,7 процента по сравнению с 1938 г. Выполнение такого напряженного плана требовало привлечения в сферу производства большого количества высококвалифицированных рабочих, инженеров и техников.

Учитывая возросшие потребности на нужды обороны, Советское государство увеличивало расходы на военную промышленность. Объем этих ассигнований достиг в 1939 г. 16 млрд. рублей, превысив показатели 1936 г. более чем в 4 раза ¹.

Темпы роста оборонного производства значительно опережали темпы роста других отраслей промышленности. Если в 1938—1939 гг. ежегодный прирост продукции всей промышленности в среднем составлял 13,9 процента, то в оборонной в 1938 г. он равнялся 36,4 процента, а в 1939 г. — 46,5 процента в сравнении с предыдущим годом ².

ЦК ВКП(б) и Советское правительство постоянно заботились о всемерном развитии и совершенствовании исследовательской работы в оборонной промышленности. В развертывание перспективного проектирования, научно-исследовательской работы по всем видам вооружения и боевой техники вкладывались все новые и новые средства. Только Главное артиллерийское управление в 1938 г. получило для этой цели 60 млн. рублей, а в 1939 г. — 92 млн. рублей ³. В конце 1937 г. был принят план научно-исследовательской и конструкторской работы, который в качестве главной задачи определил создание современного вооружения путем разработки новых образцов и модернизации наиболее перспективных старых систем и боеприпасов к ним. На основных ведущих предприятиях вырастали мощные опытные цехи и конструкторские бюро, укрупнялись научно-исследовательские институты. Оборонная промышленность пополнялась квалифицированными техническими кадрами: только в 1938 г. сюда было направлено около 5 тыс. молодых инженеров ⁴.

Особое значение придавалось производству артиллерийского вооружения. На одном из совещаний в 1938 г. И. В. Сталин говорил: «Артиллерия, несмотря на появление новых исключительно важных видов боевой техники (авиации и танков), остается мощным и решающим фактором в войне... на нее должно быть обращено особое внимание». Комитет Обороны при СНК СССР рассмотрел и принял постановления о системах артиллерийского и стрелкового вооружения, в которых определялись пути дальнейшего их развития и совершенствования. На размещение и финансирование заказов Главного артиллерийского управления Советское правительство выделяло значительные суммы, что видно из таблицы 4.

К началу 1939 г. на рассмотрение государственных комиссий были представлены новые и модернизированные образцы оружия: 13 автоматических отечественных винтовок и 3 иностранных; усовершенствованный

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, л. 323.

² История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, стр. 120.

³ Архив МО, ф. 81, оп. 12076, д. 2, л. 3.

⁴ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 436.

**Суммарная стоимость заказов Главного артиллерийского управления
по годам (в млн. руб.)¹**

Наименование вооружения	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Материальная часть артиллерии	505	651	1070	1798
Стрелковое вооружение	142	205	312	609
Винтовочные патроны	123	163	488	614
Артвыстрелы	605	690	2107	5149
Военные приборы	122	179	241	322
Организация, оборудование и ремонт складов	35	75	101	144
Итого . . .	1532	1963	4319	8636
В процентах к 1936 г.	100	125	283	564

карабин и модернизированный ручной пулемет Дегтярева с постоянным приемником; 2 станковых пулемета (Силина и ДС), 12,7-мм крупнокалиберный пулемет образца 1938 г.; 15 образцов противотанковых ружей, в том числе 14,5-мм противотанковое самозарядное ружье Рукавишников (ПТР); 4 миномета (50-, 82-, 107- и 120-мм); 160-мм миномет, 45-мм противотанковое орудие образца 1937 г.; 76-мм пушка Ф-22 образца 1938 г. Однако утверждение новых образцов вооружения проходило медленно.

Развертыванию и наращиванию производства вооружения и боеприпасов значительно способствовали утвержденный Комитетом Обороны СССР мобилизационный план на 1939 г. и принятое СНК 15 июля 1939 г. «Положение о военных представителях НКЮ в промышленности», обязывавшее военпредов знать мобилизационную готовность своего завода и контролировать выполнение плана. В августе 1939 г. в Кремле состоялось большое совещание, которое вскрыло причины отставания в производстве боеприпасов и наметило пути их устранения.

Производство боеприпасов было самым трудоемким и дорогим в системе оборонной промышленности, поглощавшим около 50 процентов бюджетных ассигнований на производство вооружения. Наиболее сложным являлось производство артиллерийских выстрелов. К концу 1937 г. снарядные корпуса изготовляли 44 предприятия, большинство которых имели старое оборудование и не вполне современную технологию. Взрыватели и трубки к ним выпускали шесть заводов Народного комиссариата оборонной промышленности и пять цехов Народного комиссариата машиностроения, а гильзы к снарядам изготовляли три оборонных завода и несколько цехов предприятий других наркоматов. Мощности этих предприятий оказались недостаточными. Общее состояние изготовления боеприпасов определяло пороховое производство, оно-то и было самым узким местом в мобилизационном плане. Пороховая промышленность в 1938 г. имела мощность 56 тыс. тонн в год², что не обеспечивало потребностей армии в случае войны. Отставание производства элементов выстрелов устранялось кооперированием и оснащением предприятий новейшим оборудованием, применением современной технологии, введением новых мощностей.

План на 1939 г. предусматривал увеличение выпуска снарядов, мин, бомб, патронов, гранат по сравнению с 1937 г. в 4,6 раза. Для выполнения

¹ Архив МО, ф. 81, оп. 12076, д. 2, л. 161.

² ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, л. 308.

такого большого задания в 1939 г. намечалось расширение промышленной базы Народного комиссариата боеприпасов: строилось 28 заводов и 1 комбинат, реконструировалось 28 заводов. По решению правительства к производству элементов выстрелов кроме заводов Наркомата боеприпасов были привлечены 235 предприятий, из которых 121 переводилось на новую технологию. Однако в производстве некоторых видов боеприпасов оставалось еще много трудностей. План по выпуску мин был выполнен на 46—55 процентов, а зенитных выстрелов — и того менее. Это объяснялось нехваткой тротила на снаряжательных заводах, недостатками в окраске корпусов снарядов и мин, низкой пропускной способностью сушильных камер, неудовлетворительным состоянием внутризаводского транспорта, большими размерами брака. Новые снаряжательные заводы вводились в строй очень медленно. Не находила надлежащего разрешения проблема наращивания мощностей по нитроглицериновым порохам, на которых почти целиком базировались новые артиллерийские системы, особенно зенитные.

Принимались меры по улучшению производственного процесса действующих предприятий, обобщался и распространялся передовой опыт работы. Настойчиво осуществлялась специализация заводов артиллерийских систем, минометов, стрелкового оружия, внедрялись заменители дорогостоящих марок стали, вместо штамповки вводилось литье из серого чугуна.

Программа по выпуску оружия осуществлялась с большим трудом, хотя производство возрастало. В 1937 г. план изготовления стрелкового и артиллерийского вооружения был выполнен на 70 процентов, в 1938 г. — на 87, в 1939 г. — на 92 процента¹.

Несмотря на многие трудности и недостатки в деятельности оборонных предприятий и отдельных отраслей военной промышленности, 1937—1939 годы стали переломными в деле оснащения Советской Армии разнообразным вооружением, отвечающим требованиям времени. Удалось не только разбогатеть ряд совершенно новых образцов оружия, но и принять их в серийное производство. Советские Вооруженные Силы получили самозарядную винтовку Токарева, облегченный пулемет «максим» на треноге, 82-мм миномет, 45-мм противотанковую пушку, 122-мм гаубицу и 152-мм гаубицу-пушку (образца 1937 г.), 76-мм зенитную, 76-мм горную пушки, 120-мм миномет, 122-мм и 152-мм гаубицы (образца 1938 г.), 76-мм дивизионную и 152-мм пушки, 37-мм и 85-мм зенитные орудия (образца 1939 г.)².

Огромную роль в этом сыграли коллективы, руководимые выдающимися конструкторами артиллерийского оружия В. Г. Грабиным, Ф. Ф. Петровым, Л. И. Горлицким, В. А. Ильиным, Б. И. Шавыриным, И. И. Ивановым, Н. К. Люльевым, Л. А. Локтевым.

В 1939 г. конструкторские коллективы под руководством И. И. Иванова и М. Я. Крупчатникова создали несколько артиллерийских систем большой мощности: 280-мм мортиру, 240-мм пушку и 305-мм гаубицу. Все они были приняты на вооружение в том же году³.

В декабре 1938 г. была разработана опытная многозарядная пусковая установка для ведения залпового огня реактивными снарядами по наземным целям. Ее создала группа конструкторов под руководством К. К. Глухарева, Л. Э. Шварца, И. И. Гвая. Вскоре на ее базе В. Н. Галковским и А. П. Павленко была сконструирована 16-зарядная боевая ма-

¹ Архив МО, ф. 81, оп. 9402, д. 8, л. 36; ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, лл. 264, 353.

² Архив МО, ф. 81, оп. 12079, д. 42, лл. 11—12.

³ История отечественной артиллерии. Т. III. Кн. 8. М. — Л., 1964, стр. 248—249.

шина¹. Это была знаменитая впоследствии «катюша». Осенью 1939 г. она успешно прошла полигонные испытания, что явилось выдающимся достижением советской конструкторской мысли. Без каких-либо значительных конструктивных изменений новые артиллерийские системы успешно применялись на фронтах Великой Отечественной войны.

Производство вооружения и боеприпасов в 1936—1939 гг. показано в таблице 5.

Таблица 5

Производство вооружения и боеприпасов в СССР накануне второй мировой войны²

Наименования вооружения и боеприпасов	Годы			
	1936	1937	1938	1939
Винтовки и карабины (тыс. шт.)	403,0	578	1 175	1 503
Пулеметы (ручные, станковые, танковые, авиационные, крупнокалиберные) (тыс. шт.)	31,9	42,3	77,1	113,7
Минометы (50-, 82-, 107-, 120-мм)	—	1 623	1 229	4 098
Орудия малого калибра (противотанковые и танковые) . .	3 395	3 768	7 126	8 485
Орудия среднего и крупного калибра (76—210-мм) . . .	952	1 705	5 214	8 863
Автоматы (пистолеты-пулеметы)	—	1 114	575	22 148
Винтовочные патроны (тыс. шт.)	500 298	744 000	1 313 000	936 000
Минометные выстрелы (тыс. шт.)	—	28	602	2 240
Снаряды малого калибра (тыс. шт.)	1 095	3 091	7 226	5 208
Снаряды среднего и крупного калибра (тыс. шт.)	482	1 798	5 209	6 034
Изготовлено пороха (т) . . .	11 881	15 599	25 877	34 130

Накануне второй мировой войны произошли крупные сдвиги в производстве бронетанковой техники. В конце 1935 г. на вооружении Советской Армии находились следующие основные типы линейных танков: разведывательный танк Т-37 — основной танк службы обеспечения всех механизированных соединений и средство боевой разведки пехоты; общевойсковой танк Т-26 — основной танк количественного усиления резерва Главного Командования и танк общевойсковых соединений; оперативный танк БТ (быстроходный, колесно-гусеничный) — танк самостоятельных механизированных соединений; танк качественного усиления резерва Главного Командования Т-28, предназначенный для преодоления сильно укрепленных оборонительных полос; мощный танк особого назначения Т-35 — танк качественного усиления резерва Главного Командования при прорыве особо сильных и заблаговременно укрепленных полос.

Кроме того, имелось шесть типов специальных танков: три химических, два саперных, танк управления. Бронемашины делились на разведывательные и боевые; производились тракторы СТЗ-3, тяжелый быстроходный «Коммунар», тяжелый мощный «Сталинец».

¹ Ю. Победоносцев, К. Кузнецов. Первые старты. М., 1972, стр. 40—41, 45—46.
² Составлена по: ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6383, лл. 31, 32.

В конце второй пятилетки основная задача в области механизации и моторизации советских войск состояла в замене существовавших типов танков более совершенными конструкциями с двигателем на тяжелом топливе, колесно-гусеничным ходом и полуавтоматическими пушками, с улучшенными оптическими приборами. Вместо тяжелого танка Т-35 планировалось создать танк особого назначения и заменить танк БТ плавающим.

Однако бурное развитие противотанковой артиллерии, опыт войны в Испании, а также полевых учений и маневров выдвинули необходимость более существенных изменений основных боевых характеристик танков, в первую очередь усиления их броневой защиты и значительного повышения огневой мощи артиллерийского вооружения. Было совершенно очевидным, что даже малокалиберные 20-мм, 37-мм скорострельные пушки стали опасными для танков с легким бронированием. Сложившаяся система автобронетанковой техники и вооружения явно пришла в противоречие с новыми средствами поражения и требовала коренного пересмотра.

Советская военно-техническая конструкторская мысль, своевременно выявив новые тенденции, выдвинула идею разработать взамен танков Т-28 и Т-35 гусеничный танк прорыва (истребитель противотанковых орудий), отвечающий своими тактико-техническими данными условиям будущей войны. Предполагалось также создать тип танка, предназначенного для действия как совместно с пехотой (конницей), так и в составе самостоятельных танковых соединений. Обращалось внимание на разработку гусеничной ходовой части, которая выдерживала бы пробег до 3000 км, что позволило бы, не уменьшая подвижности, отказаться от производства колесно-гусеничных танков. Перед советскими конструкторами выдвигалась задача создать такие танки, основные качества которых (вооружение, броня, скорость и проходимость) развивались бы комплексно и опережали уровень противотанковой обороны.

Учитывая новые требования в танкостроении, Комитет Обороны СССР издал в августе 1938 г. специальное постановление «О системе танкового вооружения», требовавшее к июлю 1939 г. создать опытные образцы танков на гусеничном ходу.

Первоначальный опыт создания танка с противоснарядным бронированием был получен еще весной 1937 г. при конструировании Н. В. Барыковым, С. А. Гинзбургом, Л. С. Трояновым и другими гусеничного Т-46-5 (Т-111) и колесно-гусеничного Т-29 однобашенных танков. Позже коллектив конструкторов во главе с М. И. Кошкиным, ведущим конструктором А. А. Морозовым при участии Н. А. Кучеренко и М. Н. Таршинова представил образец колесно-гусеничного танка А-20 с противоснарядным бронированием, отличавшегося оригинальной формой корпуса, в котором впервые были применены большие углы наклона броневых листов. На базе этой машины и промежуточного образца А-30 они создали новый вариант однобашенного гусеничного среднего танка с мощным вооружением и улучшенной броневой защитой. В августе 1939 г. военным руководством был одобрен предложенный конструкторами средний танк А-32¹, который после доработки 19 декабря 1939 г. был переименован в танк Т-34 и принят на вооружение. Он весил 28,5 тонны, имел 76-мм пушку, броню толщиной 45 мм и максимальную скорость 51,2 км/час.

Параллельно группа инженеров под руководством главного конструктора Ж. Я. Котина и ведущего конструктора Н. Л. Духова с участием А. С. Ермолаева сконструировала на базе опытных промежуточных образцов тяжелых двухбашенных танков — СМК и Т-100 — первый одноба-

¹ В. М о с т о в е н к о. Танки (очерк из истории зарождения и развития бронетанковой техники). М., 1955, стр. 107—108.

шенный тяжелый танк с мощной броней, названный КВ-1. В конце 1939 г. он был принят на вооружение. Его вес достигал 46 тонн, броня 75 мм, на вооружении находились 76-мм пушка и два пулемета; максимальная скорость 30 км/час.

При создании танков новой конструкции советские танкостроители и ученые успешно решили многие проблемы. Были реконструированы на основе полуавтоматики танковые пушки. Освоен в производстве новый бескомпрессорный высокооборотный танковый двигатель — дизель В-2 — на тяжелом топливе. Он был разработан талантливым коллективом конструкторов во главе с К. Ф. Челпаном при участии И. Я. Трашутина, Я. Е. Вихмана, Т. П. Чупахина, М. П. Поддубного и других. Для танков была получена особая противоснарядная броня высокой твердости и повышенной живучести, созданная коллективом металлургов: Г. Ф. Засецким, Г. П. Копыриным, А. Т. Лариным, И. Ф. Тимченко, Н. В. Шмидтом, А. С. Завьяловым, Л. А. Каневским, С. И. Смоленским и другими. По-новому решено конструирование ходовой части танка, где нашли применение стержневая (торсионная) подвеска и поддерживающие катки с внутренней амортизацией. Вместо клепки стала применяться электросварка брони.

В развитие советской танковой науки и конструирование боевых машин большой вклад внесли ученые-танкисты Н. Н. Груздев, А. О. Никитин, Ю. А. Степанов, А. И. Благонравов, Л. В. Сергеев, В. В. Ефремов, Г. В. Зимелев и другие, в организацию массового производства танков — В. А. Малышев, А. А. Горегляд, Ю. Е. Максарев, С. Н. Махонин, И. М. Зальцман, М. Н. Попов, А. А. Хабахпашев, Д. Е. Кочетков, во внедрение автоматической сварки брони — Е. О. Патон и другие.

Выполнение заказов по основному автобронетанковому вооружению осуществлялось на 20 заводах, с которыми были связаны не менее 100 крупных предприятий¹.

В период поиска новых конструктивных решений танка, отвечавшего современному характеру войны, в 1936—1937 гг. выпуск танкеток Т-27 полностью прекратился, а легких танков Т-37, Т-38 резко снизился. Однако производство новых боевых машин развертывалось крайне медленно. Выпуск средних и тяжелых танков (Т-28 и Т-35) осуществлялся буквально единицами. Сокращение производства легких танков объяснялось тем, что они уже давно не отвечали новым техническим и боевым требованиям.

Крупной победой советской военной науки, выдающимся достижением в мировой практике танкостроения, определившим на многие годы дальнейшие пути его развития, явилось создание советских средних танков Т-34 и тяжелых КВ-1, превосходивших качественно танки вероятных противников. Такая техническая победа оказалась возможной благодаря глубоко научному предвидению характера надвигающейся войны, правильному определению роли в ней бронетанковых войск и дальнейшего совершенствования средств противотанковой обороны.

Конструктивные решения вновь созданных танков полностью отвечали требованиям крупносерийного производства, уровню развития советской экономики и обеспечивали оперативный ремонт в полевых условиях.

В составе сухопутных сил значительно повысилось техническое оснащение специальных родов войск. Пять научно-исследовательских лабораторий и три научно-исследовательских института обеспечивали деятельность предприятий связи². Войска пополнялись более совершенными ра-

¹ Архив МО, ф. 38, оп. 11355, д. 250, лл. 117, 190.

² История войск связи. Ч. II. Л., 1954, стр. 73.

диостанциями, телефонными и телеграфными аппаратами, необходимыми для организации управления частями и соединениями в условиях современного боя.

В 1939 г. началось производство радиостанции «РАФ». Она более надежно обеспечивала фронтową и армейскую связь, чем прежние, и обслуживалась меньшим количеством людей. Основным типом станций для связи штабов фронтов со Ставкой и Генеральным штабом стала радиостанция «РАТ». Она давала возможность установить направленную связь на расстояние более двух тысяч километров. Одновременно промышленность начала выпускать радиостанцию «РБ» — новейший тип полковой и дивизионной станции, которая отличалась от ранее существовавших меньшими габаритами и весом, большей дальностью связи. Устаревшие типы станций постепенно снимались с вооружения. Мощность, надежность и подвижность радиостанций значительно повысились. Но промышленность еще не могла полностью удовлетворить потребности армии в телефонных аппаратах и радиостанциях оперативно-тактического звена. Технические мощности по производству современных средств связи вводились медленно, заявки наркоматов оборонной промышленности не всегда выполнялись полностью.

Происходило техническое оснащение инженерных войск. Были созданы тяжелые и легкие понтонные парки, зарядно-осветительные, силовые и компрессорные станции, дорожные машины, лесопильные рамы, разборные копры с паровоздушным молотом, одноковшовые и многоковшовые траншейные экскаваторы, значительно усовершенствована минноподрывная техника. Войска снабжались новыми противотанковыми и противопехотными минами, средствами для маскировки войск и боевой техники, разнообразными электроизмерительными приборами.

Многое было сделано для становления и формирования войск химической защиты, которые оснащались специальными машинами для дегазации, колесными боевыми химическими машинами, различными типами химических танков. Весь личный состав Советской Армии был обеспечен индивидуальными средствами химической защиты: противогазами, защитными накидками и противохимическими пакетами.

Коммунистическая партия прилагала максимум возможных усилий для развития авиации. В конце второй пятилетки советские самолетостроители решили сложнейшую техническую задачу — создали и внедрили в серийное производство скоростные монопланы, мощные высотные двигатели и винты изменяемого в полете шага. Новая аэродинамическая схема с сокращенными площадью и толщиной крыла, жесткой гладкой обшивкой, убирающимся в полете шасси позволила повысить скорость почти всех типов самолетов на 20—30 процентов.

В самолетостроительной промышленности стали широко применяться плакированный дюралюминий, высокопрочная сталь (хромансиль), легкие сплавы повышенной прочности, облагороженная древесина и т. д.

Советские конструкторы, опираясь на творческие успехи ученых В. Н. Беляева, В. П. Ветчинкина, В. З. Власова, В. В. Голубева, Е. П. Гроссмана, Н. Е. Жуковского, А. Н. Журавченко, М. В. Келдыша, П. П. Красильщикова, В. С. Пышнова, А. Н. Сутугина, А. Н. Туполева, С. А. Чаплыгина, Е. С. Щетинкова и других, дали Военно-Воздушным Силам новые военные самолеты различного назначения. В течение 1935—1939 гг. вся советская боевая авиация была перевооружена новейшими типами скоростных и маневренных истребителей И-15, И-16 и И-153 конструкции Н. Н. Поликарпова, скоростных бомбардировщиков СБ-3 бис конструкции А. Н. Туполева, Ар-2 бригады конструкторов А. А. Архангельского, ДБ-3 и ДБ-3ф С. В. Ильюшина, скоростного тяжелого бомбардировщика ТБ-7 В. М. Петлякова, которые имели высокие боевые

характеристики и считались лучшими в тот период самолетами. Однако опыт боевых действий в Испании и Китае позволил выявить многие недостатки в конструкции самолетов и потребовал серьезных корректив в авиационном строении. Хотя производственный потенциал советских авиазаводов, созданных за две первые пятилетки, был достаточно высок, выпускаемые ими в 1937—1938 гг. боевые машины уже не отвечали в полной мере возросшим требованиям современной войны.

В документах XVIII съезда ВКП(б) отмечалось, что «бешеная гонка авиационных вооружений капиталистических стран продолжается уже ряд лет и, несомненно, представляет собою один из наиболее характерных и определяющих моментов неизбежного всеобщего военного столкновения... Авиационное строительство форсированно продолжается всеми капиталистическими странами. Авиация — этот молодой род войск — рассматривается всеми империалистическими армиями, как панацея от всех военных затруднений. На авиацию империалистами поставлена ставка, через нее буржуазно-империалистические и фашистские правящие круги надеются добиться в будущей войне победы»¹.

В начале 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР провели совещания специалистов в области самолетостроения: конструкторов, изобретателей, ученых, инженеров, руководителей производства и летчиков. Были выработаны меры быстреей ликвидации наметившегося отставания.

Несколько позже Комитет Обороны принял два чрезвычайно важных постановления — «О реконструкции существующих и строительстве новых самолетно-агрегатных и винтовых заводов» и «О развитии авиа моторных предприятий». Осенью 1939 г. было решено начать строительство новых девяти авиационных и семи авиа моторных заводов.

Расширялась экспериментально-конструкторская база. Если в 1936 г. авиационная промышленность имела 14 конструкторских бюро, где работало 1370 человек, то в 1939 г. их насчитывалось 30 с 3166 научными сотрудниками. Наряду с ветеранами самолетостроения А. Н. Туполевым, С. В. Ильюшиным, Н. Н. Поликарповым, Д. П. Григоровичем к работе привлекались молодые конструкторские силы: А. С. Яковлев, А. И. Микоян, С. А. Лавочкин, В. П. Горбунов, М. И. Гудков, М. И. Гуревич, В. М. Петляков, П. О. Сухой, В. В. Шевченко, В. В. Никитин, В. М. Мясищев, В. Ф. Болховитинов.

Опираясь на опыт созданных в 1938—1939 гг. экспериментальных образцов истребителей-бипланов (ИС-1 и ИС-2) и монопланов (И-28 и И-180), новые конструкторские бригады в невиданно короткий срок (десять — двенадцать месяцев) успешно закончили работы над самолетами Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-1, которым было суждено составить целую эпоху в самолетостроении.

В 1938—1939 гг. советская авиационная наука разрешила много задач и по другим классам самолетов. Конструктор В. М. Петляков усовершенствовал тяжелый бомбардировщик ТБ-7, названный впоследствии Пе-8, создал скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2. Под руководством С. В. Ильюшина был модернизирован дальний бомбардировщик ДБ-3ф, на котором 28 апреля 1939 г. летчик В. К. Коккинаки и штурман М. Х. Гордиенко за 22 часа 56 минут полета покрыли 8 тыс. км, проложив кратчайший путь из Европы в Америку.

Достижением советской авиационно-технической мысли явилось создание самолета-штурмовика Ил-2, предназначенного для борьбы с танками противника на поле боя. Впервые в мировой практике самолетостроения конструктору С. В. Ильюшину удалось сделать броню неотъемлемой

¹ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 189, 190.

частью корабля, органически слившейся с элементами скрепляющих устройств, установить различную ее толщину в зависимости от степени уязвимости блоков машины, придать ей обтекаемые аэродинамические формы. Ил-2 имел мощное вооружение: два пулемета, две пушки, реактивные снаряды и 600 килограммов бомб. Первый образец этого одномоторного самолета появился на аэродроме в 1939 г. Война показала, что штурмовик Ил-2 был великолепным оружием переднего края и не имел конкурентов среди самолетов капиталистических стран.

Отечественная наука делала первые шаги на пути к созданию реактивной авиации, баллистических и межконтинентальных ракет. В Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ) под руководством С. П. Королева велась энергичная работа над созданием крылатых ракет и ракетопланера. В декабре 1937 г. состоялось первое наземное огневое испытание ракетопланера СК-9 (РП-318), созданного С. П. Королевым. Было проведено 20 успешных пусков двигателей ОРМ-65, а затем РДА-1-150, специально разработанного для данного аппарата инженером Л. С. Душкиным. В 1939 г. заместитель главного конструктора А. Я. Щербаков и ведущий инженер А. В. Палло подготовили ракетопланер к летным испытаниям, которые были успешно проведены 28 февраля 1940 г. летчиком В. П. Федоровым.

Начавшееся в 1939 г. коренное обновление боевой авиации заставило перестроить программы всей радиотехнической промышленности, качественной металлургии, десятков и сотен предприятий различных отраслей, которые находились в кооперации с авиационным производством.

Быстрое развитие авиации сопровождалось перераспределением удельного веса различных ее видов, исходя из учета имеющегося боевого опыта и характера будущей войны.

С повышением культуры производства и эксплуатации самолетов процент неисправных боевых машин снизился с 20 в 1938 г. до 17 в 1939 г.¹

Советские самолеты вооружались новыми образцами пулеметов, пушек, навигационных приборов. В серийное производство были пущены 20-мм пушки (ШВАК) конструкции Б. Г. Шпитального, С. В. Владимирова, И. А. Камарицкого, крупнокалиберный 12,7-мм пулемет Н. Е. Березина и другие. В июне 1939 г. в авиацию поступила система слепой посадки СПН-3, а в августе — радиополукомпасы РПК-1 и РПК-2. Количественный и качественный рост авиации, изменение соотношения ее видов в пользу бомбардировщиков и истребителей значительно повысили ударную силу и мощь советского военно-воздушного флота.

Важное направление в деятельности Коммунистической партии по техническому перевооружению Советских Вооруженных Сил составляло строительство мощного Военно-Морского Флота. В 1938 г. были составлены десятилетняя программа его строительства и пятилетний план, несколько измененный в 1939 г., с целью создания на всех морях и океанах, омывающих берега Советского Союза, сильных флотов с учетом возможностей вероятных противников.

Для выполнения этой задачи расширялись и реконструировались действующие, строились новые заводы судостроительной промышленности, а также привлекались предприятия других отраслей. В годы второй пятилетки на заводах речного судостроения строились морские охотники, сторожевые, торпедные и броневые катера². В начале третьей пятилетки для создания боевых кораблей привлекались помимо предприятий Нар-

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, л. 310.

² Центральный военно-морской архив, ф. 1106, оп. 18448, д. 82, л. 363.

комата судостроительной промышленности до 200 заводов других наркоматов¹.

Все это определило значительные успехи в судостроении. Если в 1937 г. Военно-Морской Флот получил от промышленности 27 боевых кораблей общим водоизмещением 21 116 тонн, то в 1938 г. — 82 боевых корабля общим водоизмещением 55 774 тонны, среди них — крейсер «Киров». В 1939 г. на оснащение флота прибыло 35 боевых кораблей (без катеров и мелких судов) водоизмещением 30 460 тонн. Кроме того, в том же году были заложены линейные корабли, тяжелые крейсеры, крейсеры, эсминцы, подводные лодки всех типов и различные катера.

В 1938 г. для крейсеров и береговых батарей была создана 180-мм трехорудийная башенная установка, превосходившая подобные артиллерийские системы иностранных флотов. На вооружении эсминцев появилась новая 130-мм пушка. На флот поступали быстроходные корабельные торпеды, различные мины, приборы и механизмы для кораблей, тральное и противолодочное оружие.

За 1937—1939 гг. Советский Военно-Морской Флот получил 144 боевых корабля, в том числе 1 крейсер, 22 лидера и эсминца, 26 тральщиков, 38 подводных лодок. По своим тактико-техническим данным, особенно по вооружению, они не уступали иностранным. Успехи в увеличении огневой мощи советских боевых кораблей связаны с именами крупных ученых Л. Г. Гончарова, В. Н. Унковского, С. П. Ставицкого и других.

В конце второй — начале третьей пятилетки был сделан крупный шаг в техническом оснащении войск противовоздушной обороны. Именно в эти годы созданы основные образцы зенитных орудий: 76-мм полуавтоматическая зенитная пушка образца 1938 г. с дальностью стрельбы по вертикали до 9,5 тыс. м, что превышало высоту полета всех самолетов того времени; мощная 85-мм полуавтоматическая зенитная пушка образца 1939 г., признанная лучшей в мире; крупнокалиберные зенитные пулеметы ДШК системы В. А. Дегтярева и Г. С. Шпагина.

Если на 1 января 1935 г. войска ПВО имели 872 орудия (в большинстве своем старых образцов), то на 1 января 1939 г. — 1672 орудия, преимущественно последних моделей². В 1939 г. был создан один из лучших по тому времени приборов управления зенитным артиллерийским огнем — ПУАЗО-3. Выдающимся успехом радиотехнической мысли явилась разработка радиолокационных станций обнаружения самолетов — сначала РУС-1, а затем более совершенного образца — «Редут» (РУС-2)³.

Ускоренное развитие оборонной промышленности согласно тщательно разработанным пятилетним планам с учетом все более явственно нараставшей военной опасности и изменений характера вооруженной борьбы, широкого использования всех новейших достижений науки и техники позволило создать прочный материально-технический фундамент обороноспособности Советского Союза.

Таким образом, усилиями Коммунистической партии и всего советского народа были созданы важные материальные условия, подготовлены кадры ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, которые своим самоотверженным трудом внесли огромный вклад в укрепление военно-экономического потенциала Советского Союза.

Но один экономический потенциал еще не мог автоматически решить проблему обеспечения безопасности страны. Необходимо было приковать внимание всего советского народа к проблеме подготовки к защите Родины,

¹ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 420.

² История отечественной артиллерии, т. III, кн. 8, стр. 216.

³ Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. М., 1968, стр. 36, 42.

АВТОМАТИЧЕСКОЕ

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

ОМЕЛ

ВЕРХОВНОЕ

ОУКОВНОЕ

ОУКОВНОЕ

1 0 СОЗЫВА

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

1939

Газета «Правда» с текстом «Закона о всеобщей воинской обязанности», принятого 1 сентября 1939 г

найти оптимальные формы привлечения широчайших масс трудящихся к непосредственному участию в укреплении обороноспособности страны Одним из важных мероприятий в этом направлении явилась разработка и принятие Верховным Советом СССР «Закона о всеобщей воинской обязанности» Необходимы были и соответствующая военная организация, подготовленные в политическом, военном и техническом отношении кадры вооруженных защитников социалистической Родины

Все эти сложные и ответственные задачи так же успешно решались Коммунистической партией и Советским правительством

5. Укрепление Советских Вооруженных Сил

Осуществляя широкие мероприятия по подготовке страны к отпору империалистической агрессии, Коммунистическая партия большое внимание уделяла совершенствованию организации, комплектования Советских Вооруженных Сил, их обучению и воспитанию. Характер военного строительства во второй половине 30-х годов определялся тем, что к этому времени назрела необходимость ликвидировать смешанную территориально-кадровую систему организации армии.

При территориально-кадровой системе красноармейцы-переменники на краткосрочных сборах не в состоянии были изучить и освоить всю ту новую технику, которой народ оснастил армию; территориальные части не могли стать по-настоящему боеспособными, обладать необходимой мобилизационной готовностью. Следовательно, территориальная система организации армии оказалась в противоречии с потребностями и новыми задачами военной защиты Советского Союза. К тому же на основе победы социализма экономическая мощь страны возросла настолько, что государство могло выделить средства на содержание мощной кадровой армии.

Переход к кадровой системе проводился постепенно, на основе большой подготовительной работы. Он был закреплен новым «Законом о всеобщей воинской обязанности». К началу 1939 г. все дивизии Советской Армии стали кадровыми.

Таблица 6

Переход к кадровой системе строительства Советской Армии¹

Соединения и части	Количество		
	на 1 января 1937 г	на 1 января 1938 г	на 1 января 1939 г
Кадровые стрелковые дивизии	49	59	84
Смешанные стрелковые дивизии	4	2	—
Территориальные стрелковые дивизии	35	34	—
Кадровые горные стрелковые дивизии	9	10	14
Отдельные бригады	—	—	5
Территориальные отдельные полки	2	2	—
Всего	97 дивизий и 2 полка	96 дивизий и 2 полка	98 дивизий и 5 бригад

Комплектование армии на кадровой основе потребовало улучшить учет военнообязанных и организацию призыва их в армию на действительную военную службу. В связи с этим были реорганизованы местные органы военного управления: созданы военные комиссариаты в краях, областях, автономных республиках, городах. Количество военкоматов возросло более чем в четыре раза.

В результате комплектования армии на кадровой основе численный состав Вооруженных Сил в период с 1936 по 1939 г. увеличился почти вдвое. Если в 1936 г. они насчитывали 1 100 тыс. человек, то на 31 августа 1939 г. — более 2 млн.². Это отвечало требованиям международной обстановки.

¹ Составлена по Архив МО, ф. 15а, оп. 2154, д. 4, л. 2, ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, лл. 292, 293, 297.

² Подсчитано по Архив МО, ф. 15а, оп. 2154, д. 1, лл. 4, 53—58, 84—85, 177; оп. 165, д. 1, лл. 82—85, 91—95, оп. 443, д. 2, лл. 45—46, д. 4, л. 27.

В 1938 г. были упразднены национальные формирования, национальные военные училища и школы и введены единая общесоюзная система комплектования и единый порядок прохождения воинской службы. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 марта 1938 г. «О национальных частях и формированиях РККА» отмечалось, что национальные части и формирования, возникшие в годы гражданской войны и борьбы за национальную независимость, сыграли свою положительную роль в борьбе с контрреволюционными националистическими буржуазными правительствами и иностранными интервентами. Они явились одной из форм привлечения наций и народностей, ранее в армии вовсе не служивших (узбеки, туркмены, бурят-монголы, киргизы, часть народов Северного Кавказа и т. д.), к обороне социалистического государства. Национальные части создавались по принципу территориальности. Этот принцип не соответствовал новой обстановке.

В постановлении констатировалось, что Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Военно-Морской Флот являются Вооруженными Силами Советского Союза, призванными защищать государство в целом, на всех его сухопутных и морских границах. Поэтому формирование вооруженных сил должно и может строиться только на общих для всех народов страны принципах — всеобщей воинской обязанности и экстерриториальности формирования воинских частей. Учитывая это, ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили: национальные части, соединения, военные училища и школы переформировать в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием, изменив соответственно дислокацию частей и соединений; граждан национальных республик и областей призывать к несению военной службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях¹.

К концу 30-х годов значительно повысились мобилизационная готовность, организационная структура, огневая мощь и маневренность войск.

Осуществлялось гармоничное развитие всех родов войск и видов вооруженных сил. При этом главное значение придавалось увеличению удельного веса технических частей.

Основой Советских Вооруженных Сил являлись сухопутные войска, совершенствованию которых уделялось особое внимание. Внутри них ведущим родом войск считалась пехота (стрелковые войска). К началу 1939 г. в стрелковых дивизиях, которые были сведены в 25 корпусов, были приняты два типовых штата мирного времени: один — в 6959, а другой — в 5220 человек. По штату военного времени дивизия насчитывала 16 797 человек. В ее составе развертывались вторые артиллерийские полки (гаубичные), по дивизиону противотанковых и зенитных орудий, взвод крупнокалиберных пулеметов, а в полках — минометные взводы.

Возросла огневая мощь стрелковых соединений. С января 1936 г. по январь 1939 г. количество противотанковых орудий в дивизии увеличилось с 18 до 36, орудий среднего и крупного калибра — с 62 до 78, минометов — с 18 до 30, пулеметов — с 446 до 472; вместо танкового батальона была введена рота, и количество танков и танкеток уменьшилось с 54 до 17². Освободившиеся танки стрелковых дивизий направлялись на усиление танкового парка резерва Главного Командования.

Серьезным организационным изменениям подверглась артиллерия — главная огневая сила сухопутных войск. Возросло количество дивизионной и корпусной артиллерии. В состав каждого стрелкового корпуса вводилось по два артиллерийских полка: дальнего действия (36 орудий) и большой мощности (30 орудий), а также зенитный дивизион (18 ору-

¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов 1917—1958 гг. М., 1958, стр. 353.

² Архив МО, ф. 1, оп. 21536, д. 20, л. 75.

дий). В 1939 г. артиллерия резерва Главного Командования состояла из 24 полков (969 орудий) на механизированной тяге¹.

Значительно изменились войска противовоздушной обороны, где число зенитных систем возросло почти в два раза, а дальность их стрельбы — на 60 процентов².

На основании постановления Советского правительства в 1937 г. для противовоздушной обороны Москвы, Ленинграда, Баку были сформированы корпуса ПВО, включавшие зенитные артиллерийские дивизии, прожекторные, пулеметные и аэростатные полки. Зенитное прикрытие других городов возлагалось на дивизии и отдельные бригады ПВО, состоявшие из артиллерийских, прожекторных частей, подразделений ВНОС и аэростатов заграждения³. Переход в войсках ПВО к созданию крупных соединений повысил их возможности в решении задач по прикрытию важнейших объектов страны.

В 1938 г. перестраиваются бронетанковые и механизированные войска. Механизированные бригады и корпуса были переформированы в танковые с преобладанием в них бронетанковых частей и подразделений.

Танковые корпуса включали две легкотанковые и одну моторизованную стрелково-пулеметную бригады. Отдельные легкотанковые бригады состояли из четырех танковых и одного разведывательного батальонов. Тяжелая танковая бригада имела три линейных танковых батальона и один кадрированный. Парк боевых машин в первом типе бригад увеличился со 177 до 295 танков, во втором — с 94 до 139. К началу 1939 г. бронетанковые войска имели 4 танковых корпуса, 24 отдельные легкотанковые бригады танков БТ и Т-26, 4 тяжелые танковые бригады танков Т-28 и Т-35 и 3 химические (огнеметные)⁴. Численность танкового парка и лично-го состава увеличилась за три года в два, а огневая мощь — в три раза.

Бронетанковые и механизированные войска стали одним из важнейших родов войск, обладавших большой ударной и огневой силой.

Спустя год организационная структура бронетанковых войск вновь подвергается значительным изменениям. Вместо танковых корпусов было признано целесообразным иметь в сухопутных войсках моторизованные дивизии и однотипные танковые бригады с постепенным оснащением их новыми танками Т-34 и КВ⁵.

Существенную перестройку претерпели Военно-Воздушные Силы. В середине 30-х годов основным соединением советской авиации являлась авиационная бригада, состоявшая из авиационных эскадрилий. Но уже с 1938 г. на основе боевого опыта в Испании и Китае авиаэскадрильи были разукрупнены с 32 до 12—15 самолетов; стали создаваться авиационные полки по родам авиации, объединявшиеся в авиабригады однородного или смешанного состава. Основной тактической единицей считался авиационный полк. Бомбардировочный и легкоштурмовой полки имели 5, а тяжелый бомбардировочный и истребительный — 4 эскадрильи. Эскадрилья состояла из 4—5 звеньев по три самолета в каждом.

Для решения оперативно-стратегических задач в 1936 г. была создана авиация особого назначения в составе трех авиационных армий. В начале 1939 г. советская авиация имела 3 армии, 38 бригад и 115 полков⁶.

¹ Архив МО, ф. 15а, оп. 1843, д. 8, лл. 16—17.

² История отечественной артиллерии, т. III, кн. 8, стр. 216.

³ Войска противовоздушной обороны страны, стр. 46.

⁴ Архив МО, ф. 15а, оп. 441, д. 15, л. 6; оп. 280, д. 216, лл. 19—110; оп. 446, д. 215, лл. 1—33; оп. 1845, д. 45, лл. 189—196; оп. 125, д. 1, лл. 1—57.

⁵ Архив МО, ф. 15а, оп. 512, д. 19, лл. 1—17, 27—28; ф. 112а, оп. 1855, лл. 1—2, 7—8.

⁶ Подсчитано по: Архив МО, ф. 15а, оп. 1843, д. 3, лл. 14—16, 31—32; д. 8, лл. 19—20; оп. 1840, д. 8в, л. 3; оп. 1845, д. 45, лл. 189—196.

Переход к полковой системе усилил основную тактическую единицу почти вдвое, повысил боевые возможности ВВС, обеспечил большую гибкость в управлении и лучшее взаимодействие между различными родами авиации, а также между авиацией и сухопутными войсками.

Большим изменениям подвергся авиационный тыл. Авиапарки, находившиеся в авиасоединениях, были ликвидированы. Вместо них создаются авиабазы, входившие в авиарайоны. Каждая авиабаза предназначалась для обслуживания не более двух авиаполков. Авиационные формирования после вывода из них тыловых органов значительно повысили свою подвижность и боевую готовность.

В 1938 г. ликвидируется организационная пестрота в авиадесантных войсках. Их части, переформированные в шесть парашютно-десантных бригад, были включены в состав стрелковых войск.

Сократилась численность кавалерии. Ее личный состав направлялся на формирование технических родов войск. Если в конце 1936 г. насчитывалось 32 кавалерийские дивизии, то в начале 1939 г. — 26 (они были сведены в 5 кавалерийских корпусов)¹.

Улучшилась организационная структура войск связи. В частях связи военных округов, в стрелковых, кавалерийских и танковых соединениях создавались радиоподразделения. Отдельные роты связи дивизий развертывались в отдельные батальоны, в состав полков вводились роты, а батальонов — взводы связи. Соответственно изменялась структура частей и подразделений связи в авиации, ПВО и артиллерии.

Развертывались войска специального назначения. В ряде военных округов формировались отдельные подразделения химической защиты. Для строительства и эксплуатации новых железнодорожных линий оборонного значения создается особый корпус железнодорожных войск в составе пяти бригад.

Совершенствовался организационно и рос численно Советский Военно-Морской Флот. Поступление новых надводных кораблей, подводных лодок, торпедных катеров позволяло усиливать эскадры, формировать новые дивизии эскадренных миноносцев, дивизионы и бригады подводных лодок, торпедных катеров, подразделения вспомогательных судов. Возникли десятки артиллерийских батарей береговой обороны, новые эскадрильи и полки морской авиации. Боевая мощь Советского Военно-Морского Флота в годы, предшествовавшие началу войны, значительно возросла.

В 1939 г. советские морские силы состояли из четырех флотов — Балтийского, Черноморского, Северного, Тихоокеанского — и пяти речных и морских флотилий. Военно-Морской Флот имел 3 линкора, 4 крейсера, 40 лидеров и эскадренных миноносцев, 184 подводные лодки, 279 торпедных катеров и другие типы боевых кораблей².

ЦК ВКП(б) и Советское правительство провели крупные изменения в высшем и окружном аппарате управления Вооруженных Сил СССР. В целях улучшения военного районирования на европейской части Советского Союза были дополнительно образованы два военных округа — Калининский и Орловский.

В связи с возросшими задачами по обороне морских рубежей, сложностью новой боевой техники и вооружения флота, особенностями его боевого применения в декабре 1937 г. из состава Наркомата обороны выделяется самостоятельный общесоюзный Наркомат Военно-Морского Флота с органом оперативного управления — Главным морским штабом.

¹ Архив МО, ф. 15а, оп. 125, д. 23, лл. 1—29.

² Архив МО, ф. 15а, оп. 1845, д. 45, лл. 207—208.

В мае 1937 г. в округах, на флотах, в армиях и флотилиях были созданы военные советы, куда вошли видные военные и партийные работники. Военный совет округа подчинялся непосредственно народному комиссару обороны и нес полную ответственность за политико-моральное состояние, постоянную боевую и мобилизационную готовность войсковых частей и военных учреждений, расположенных на его территории. Приказы подписывались командующим, одним из членов Военного совета и начальником штаба.

В мае 1937 г. решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР во всех воинских соединениях, частях, штабах, на кораблях и в учреждениях Советской Армии была введена должность военного комиссара, а в ротах и равных им подразделениях — политрука. На должности комиссаров назначались наиболее подготовленные политработники и командиры. Для пополнения комиссарского состава решением ЦК ВКП(б) была мобилизована большая группа коммунистов. Это привело к усилению партийно-политической работы, дало возможность командирам сосредоточить внимание на боевой и оперативно-тактической подготовке войск.

13 марта 1938 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР при Наркомате обороны был образован Главный Военный Совет Рабоче-Крестьянской Красной Армии в составе К. Е. Ворошилова (председатель), В. К. Блюхера, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Л. З. Мехлиса, И. В. Сталина, И. Ф. Федько, Б. М. Шапошникова, Е. А. Щаденко. Одновременно был образован Главный Военный Совет Военно-Морского Флота в составе П. А. Смирнова (председатель), Л. М. Галлера, А. А. Жданова, И. С. Исакова, Н. Г. Кузнецова, Г. И. Левченко и других.

На Главные Военные Советы возлагалось рассмотрение важнейших вопросов строительства Советских Вооруженных Сил и укрепления обороноспособности СССР: планов обороны страны, мобилизации, формирования частей и соединений, технического оснащения и вооружения армии, воспитания и обучения воинов. Советы действовали как коллегиальные органы и несли полную ответственность перед ЦК ВКП(б) и правительством за осуществление их директив и указаний. Однако это не снижало роли и личной ответственности наркомов.

Обстоятельства международного и внутреннего характера вызывали необходимость осуществления неотложных мероприятий в деле подготовки и воспитания военных кадров. Переход к кадровой системе комплектования и организации армии, создание новых частей и соединений требовали большого количества хорошо подготовленных военных специалистов. В стрелковых войсках ощущался некомплект в среднем и старшем командно-начальствующем составе. Проблема военных кадров являлась одной из самых острых. Не решив ее, невозможно было успешно осуществить организационные мероприятия, направленные на развертывание Советских Вооруженных Сил.

Победа социализма в СССР, социально-политическое и идейное единство советского общества явились могучей экономической, политической и моральной основой роста и укрепления всех кадров страны, в том числе и военных.

Опираясь на эти достижения, Коммунистическая партия усилила работу по подготовке военных кадров, по совершенствованию системы комплектования военно-учебных заведений, в которых обучался командно-начальствующий состав.

В связи с развитием технических родов войск и ростом общей технической оснащенности Вооруженных Сил Центральный Комитет партии обращал особое внимание на подготовку кадров бронетанковых, инженерных войск, войск связи, авиации, флота, на техническую, военную подготовку и политическое воспитание всего начсостава.

Система комплектования Советской Армии командным и начальствующим составом определялась «Положением о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» от 22 сентября 1935 г.¹. Этим постановлением вводились персональные воинские звания.

В ноябре 1935 г. большой группе высших командиров Советской Армии ЦИК и СНК СССР присвоили новые воинские звания. Звание Маршала Советского Союза получили В. К. Блюхер, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский. Звания командарма 1 ранга были удостоены И. П. Белов, С. С. Каменев, И. П. Уборевич, Б. М. Шапошников, И. Э. Якир; командарма 2 ранга — Я. И. Алкснис, И. И. Вацетис, И. Н. Дубовой, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин, А. И. Корк, М. К. Левандовский, А. И. Седякин, И. Ф. Федько, И. А. Халепский; флагмана флота 1 ранга — М. В. Викторov, В. М. Орлов; флагмана флота 2 ранга — Л. М. Галлер, И. К. Кожанов; флагмана 1 ранга — К. И. Душенов. Звание армейского комиссара 1 ранга было присвоено начальнику Политического управления РККА Я. Б. Гамарнику.

В течение 1935—1936 гг. был переаттестован весь средний и старший командный, политический, инженерно-технический, медицинский, интендантский состав армии, авиации и флота.

Основным источником пополнения армии командным, начальствующим и политическим составом являлись военно-учебные заведения, которые были значительно расширены. В 1936 г. в Советском Союзе было 12 военных академий, военно-ветеринарный институт и 75 военных школ (50 сухопутных, 18 военно-воздушных и 7 военно-морских). К концу года в военных школах обучалось 63 440, а в военных академиях — 11 тыс. человек². Поскольку армия испытывала острую нужду в командирах, в 1936—1939 гг. было открыто еще 8 пехотных, 10 артиллерийских, 14 летных и летно-технических школ³.

В 1937 г. с целью улучшения подготовки командных кадров среднего звена военные школы преобразуются в училища. В следующем году руководство ими было передано центральным управлениям НКО с учетом их специализации. Преимущественное право поступления в среднее военно-учебное заведение получили командиры из войск. Срок обучения в военных училищах сокращается до двух лет, а их штаты расширяются почти вдвое. Введение стабильных программ и единого учебного распорядка, увеличение учебного времени на изучение военных дисциплин значительно повысили уровень боевой подготовки молодых командиров.

По указанию ЦК ВКП(б) летные и военно-технические училища укомплектовывались в основном коммунистами и комсомольцами. В 1936 г. в эти училища по специальному комсомольскому набору было направлено 6,5 тыс. комсомольцев. Подготовку кандидатов в военно-артиллерийские училища осуществляли средние специальные школы Наркомпроса РСФСР и УССР. В 1938 г. в 16 таких специальных школах обучалось 6812 человек⁴.

К сентябрю 1939 г. число обучавшихся в военных училищах достигло 78 тыс. человек. Многие командиры и политработники получили военное образование на войсковых курсах младших лейтенантов, воентехников, замполитруков. За три предвоенных года военные училища окончили

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР. М., 1935, № 57.

² ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, л. 25.

³ Там же, лл. 25, 349.

⁴ История отечественной артиллерии, т. III, кн. 8, стр. 410.

48 тыс., а курсы — 80 тыс. командиров, из них 14 тыс. среднего политсостава¹.

Для подготовки младших командиров вместо учебных команд были созданы полковые школы и курсы. Контингент младшего комсостава пополнялся и за счет части старослужащих. Благодаря такой системе обучения и комплектования командиров младшего звена недостаток их в армии постепенно был ликвидирован.

К 1939 г. в Советской Армии имелось 14 военных академий и 6 специальных военных факультетов при гражданских вузах; здесь обучалось более 20 тыс. слушателей. Кроме того, вечерние и заочные курсы при военных академиях охватывали до 15 тыс. человек². Особое место среди высших учебных заведений занимала Академия Генерального штаба, созданная в 1936 г.; в ее стенах проходил подготовку высший и старший командный состав.

Благотворное влияние на улучшение учебной работы в военных академиях оказало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», которое подвергло критике недостатки в деятельности высшей школы, определило конкретные направления ее работы. В соответствии с указаниями ЦК партии военные академии перестроили учебный процесс, уточнили профиль и характер подготовки, улучшили методы обучения и воспитания слушателей. В НКО было образовано управление высших военно-учебных заведений.

Высшие военно-учебные заведения имели высококвалифицированные кадры, что позволяло проводить большую научно-исследовательскую работу. Только в 1938 г. 17 преподавателям и научным работникам военных академий были присвоены ученые звания профессоров, 22 — степени докторов наук и 116 — кандидатов наук. В 1939 г. научную работу в военных академиях вели 6 академиков, 9 членов-корреспондентов, 12 заслуженных деятелей науки, свыше 100 докторов наук и более 100 профессоров³.

Важнейшей формой совершенствования знаний командного состава была командирская подготовка. Народный комиссар обороны, определяя ее программу, требовал отличного усвоения уставов, приказов и наставлений РККА, умения применять их на практике. Для командиров и начальников всех степеней устанавливался 8-часовой рабочий день с пребыванием в части не более 10 часов. Для самообразования отводилось три вечера в шестидневку, а для плановой командирской учебы — три дня в месяц. Занятия проводились по группам, которые создавались с учетом уровня подготовки каждого обучающегося.

Однако в работе с военными кадрами были и существенные недостатки. Из-за частых перемещений многие командиры не успевали приобрести необходимый практический опыт по руководству войсками. Нередко на руководящие посты выдвигались лица, которые не имели достаточных знаний. Широко практиковалось временное исполнение обязанностей. Общее количество назначений и перемещений начсостава за 1938 г. и первый квартал 1939 г. составило 68,8 процента штатной численности, а по группе строевых должностей от командира полка и выше — 73,9 процента. Это объяснялось в значительной мере тем, что армия в то время расширялась, появлялось все больше новых частей, соединений и учебных заведений.

¹ Архив МО, ф. 32, оп. 65603, д. 11, л. 31; ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, л. 433.

² XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 198.

³ «Правда», 6 мая 1939 г.

В 1937—1938 гг. вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников. На основе решения январского (1938 г.) Пленума ЦК партии в НКО была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных из армии. Она установила, что многие из них были отстранены от занимаемых должностей без должных оснований. Ошибки в работе с военными кадрами удалось в значительной мере устранить и добиться того, что в Советские Вооруженные Силы перед второй мировой войной вернулись преданные Родине, Коммунистической партии, подготовленные в военном отношении кадры командиров и политработников.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства в области укрепления обороноспособности страны, усиления боевой мощи и повышения боеготовности Советской Армии и Военно-Морского Флота касались также пограничных и внутренних войск.

Важнейшую роль в подготовке Советских Вооруженных Сил к защите социалистической Родины Коммунистическая партия отводила партийно-политической работе в войсках и на кораблях, руководство которой осуществляли Политическое управление РККА и Политическое управление Военно-Морского Флота, работавшие на правах отделов ЦК ВКП(б).

Опираясь на экономические, политические и духовные завоевания советского народа, Коммунистическая партия направляла усилия командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций на повышение политико-морального состояния войск, всестороннее укрепление боевой мощи армии и флота.

В условиях развертывания Вооруженных Сил на кадровой основе, формирования и сколачивания многих сотен новых частей и подразделений, освоения поступавшей в войска новейшей техники, оружия, перестройки всей системы боевой подготовки и воспитания бойцов и командиров задачи партийных и комсомольских организаций становились неизмеримо более сложными и ответственными. Для успешного решения этих задач было необходимо создать в армии и на флоте многочисленные полнокровные партийные организации, укрепить партийное ядро в каждой роте, батальоне, полку, на большом и малом корабле, привлечь в ряды коммунистов воинов ведущих военных профессий, наиболее сознательных бойцов и командиров. От активности партийных и комсомольских организаций, от их влияния на массы воинов зависел уровень боевой готовности и выучки подразделений, частей и соединений.

В феврале 1938 г. Центральный Комитет принял постановление «О приеме красноармейцев в партию». Согласно постановлению в первую очередь в партию принимались красноармейцы, младшие командиры срочной службы и курсанты из рабочих, имевшие пятилетний (с учетом службы в армии) производственный стаж. При приеме в партию комсомольцев рекомендация ротного комсомольского собрания, подтвержденная полковым бюро ВЛКСМ и утвержденная политотделом дивизии, приравнивалась к рекомендации двух членов партии. Это постановление имело важное значение для роста рядов армейских партийных организаций.

С понижением призывного возраста значительно возросла роль армейского комсомола. Учитывая это, ЦК ВКП(б) в январе 1938 г. создал в Политическом управлении РККА отдел по работе среди комсомольцев; во всех политуправлениях округов, флотов, политотделах соединений и учебных заведений вводилась должность помощника начальника политоргана по комсомолу.

Спустя два месяца ЦК партии утвердил новое «Положение о комсомольских организациях в Красной Армии», которое упорядочило прием вои-

нов в члены ВЛКСМ, расширило права ротных комсомольских организаций, способствовало росту численности ленинского союза молодежи.

Исторические решения XVIII съезда Коммунистической партии еще более стимулировали деятельность политических органов, партийных и комсомольских организаций, способствовали росту партийно-комсомольской прослойки в армии. Если в 1937 г. в войсках было принято в партию 13 152, а в комсомол — 96 205 человек, в 1938 г. — соответственно 101 310 и 388 тыс. человек¹, то за 1939 г. партийные ряды выросли на 165 тыс., а комсомольские — на 346 601 человек. Партийно-комсомольская прослойка в Советских Вооруженных Силах неуклонно увеличивалась. В начале 1937 г. она составляла 38 процентов, в конце 1938 г. — 66, в августе 1939 г. — около 70 процентов всего состава армии и флота. Этот закономерный процесс отражал возрастающую роль партии, ее влияние в массах, укрепление связи с народом и улучшение работы партийных организаций. Вместе с тем ЦК ВКП(б) предупреждал о необходимости строго индивидуального отбора при приеме в партию новых членов, требовал пополнять ее ряды лучшими воинами.

Неослабное внимание партия уделяла идейно-политической закалке командно-начальствующего состава. Марксистско-ленинская подготовка для него являлась обязательной и проводилась систематически; изучались революционная теория, история ВКП(б), международное и внутреннее положение страны, решения партии и правительства. Наиболее важные проблемы обсуждались на сборах в масштабе дивизии, корпуса и округа.

Политорганы и партийные организации развернули широкую сеть партийного и комсомольского просвещения: кружки по истории партии, вопросам внешней и внутренней политики, а также комсомольские и кандидатские школы. Партийно-комсомольский актив учился в дивизионных партийных школах; в 1939 г. их посещало около 40 тыс. человек². В крупных гарнизонах для наиболее подготовленных в политическом отношении командиров создавались вечерние комвузы. С красноармейцами, краснофлотцами и младшими командирами систематически проводились политзанятия и политинформации. Напряженная работа политорганов и партийных организаций по коммунистическому воспитанию советских воинов благотворно влияла на укрепление воинской дисциплины, повышение политико-морального состояния, боеспособности и боеготовности армии и флота.

На новую ступень была поднята военно-техническая пропаганда, осуществлявшаяся в самых разнообразных формах. Личный состав настойчиво осваивал поступающую в войска технику и вооружение, учился наиболее эффективно применять их в бою. В авангарде движения за быстрее овладение техникой и умелое ее использование, улучшение боевой и тактической подготовки шли коммунисты и комсомольцы.

Накануне второй мировой войны Коммунистическая партия и Советское правительство осуществили ряд важных мер, направленных на повышение морально-боевых качеств личного состава Советских Вооруженных Сил.

В октябре 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены боевые медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Тысячи красноармейцев и командиров были награждены этими медалями за мужество и отвагу, проявленные в боях с японскими милитаристами в 1938—1939 гг.

¹ Ю. Петров. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918—1968). М., 1968, стр. 242, 244, 246, 258.

² КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., 1967, стр. 234.

Значительным событием в жизни всех советских воинов явилось утверждение Президиумом Верховного Совета СССР 3 января 1939 г. нового текста Военной присяги и положения о порядке ее принятия. Теперь каждый воин перед строем своих товарищей читал текст присяги и подписью скреплял священную клятву до последней капли крови служить народу. День принятия присяги личным составом объявлялся торжественным праздником части. Глубоко патриотическое содержание присяги, новая форма ее принятия способствовали усилению личной ответственности воинов за выполнение своего долга перед социалистической Родиной.

Большое идейно-воспитательное значение имела партийно-политическая работа, проводимая политорганами, командирами, партийными и комсомольскими организациями во время подготовки подразделений и частей к принятию присяги. В эти дни текст присяги тщательно изучался на политических занятиях. В празднично украшенных Домах Красной Армии, клубах и ленинских комнатах устраивались выставки боевого пути части и соединения, оформлялись фотовитрины героев, проводились лекции, доклады и беседы, встречи с красноармейцами старых большевиков, Героев Советского Союза, торжественные вечера, концерты, разучивание новых популярных песен. Организовывались экскурсии на предприятия, демонстрации историко-революционных и военных кинофильмов. 23 февраля 1939 г. весь личный состав Советской Армии и Военно-Морского Флота, включая членов Главных Военных Советов, в торжественной обстановке принял новую присягу.

Составной частью политико-воспитательной работы в Вооруженных Силах являлась культурно-массовая работа. Повышение ее уровня и улучшение содержания стали возможны на основе победы в стране культурной революции, осуществленной советским народом под руководством Коммунистической партии. В 1939 г. на культурно-просветительную работу в Советской Армии было отпущено 230 млн. рублей, то есть в 2,3 раза больше, чем в 1935 г. Если в 1935 г. в армии и на флоте насчитывалось 17 359 ленинских уголков, то в начале 1939 г. их стало 26 435, клубов соответственно — 1449 и 1900, Домов Красной Армии — 165 и 267. Значительно увеличилась сеть радиоузлов, кинопередвижек и т. п. Одних только радиоточек в начале 1939 г. имелось 350 тыс. Личный состав выписывал 1 млн. 725 тыс. газет и 471 500 журналов¹.

Значительную работу вели центральные и окружные культурные учреждения армии и флота: Центральный театр Красной Армии, Краснознаменный ансамбль песни и пляски, Центральный музей Красной Армии, постоянная художественная выставка, открытая в честь 20-летия РККА и ВМФ.

Могучим средством воспитания личного состава Вооруженных Сил являлось кино. В 1939 г. армейские культурно-просветительные учреждения имели в своем распоряжении 9400 экземпляров художественных фильмов (144 названия), 2 тыс. хроникальных (около 100 названий), 1920 фильмов-песен (18 названий), 650 узкоплечных фильмов (15 названий).

По указанию Политического управления РККА улучшилось снабжение фильмами отдаленных частей и гарнизонов. Художественные кинокартины демонстрировались в красноармейских клубах не менее шести раз в месяц, хроникальные и научно-документальные фильмы — два раза в неделю. Кинофильмы широко использовались на политических занятиях, в системе марксистско-ленинской подготовки командного состава, при проведении массовых агитационно-пропагандистских мероприятий.

¹ КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил, стр. 233.

Значительная роль в политическом и культурном воспитании отводилась библиотекам. Благодаря заботе партии библиотечное дело в Советских Вооруженных Силах получило в эти годы огромное развитие. В 1939 г. в армии насчитывалось свыше 2500 библиотек с книжным фондом 25 млн. томов, а на флоте — около 400 библиотек с фондом 3 млн. томов. Читателями библиотек состояло около 90 процентов личного состава Советских Вооруженных Сил.

Важное место в партийно-политической работе Вооруженных Сил отводилось военной печати. В Вооруженных Силах издавались центральные, окружные, дивизионные газеты, а также журналы. Ведущее место занимала «Красная звезда» — ежедневная всеармейская газета, издаваемая с 1924 г. Центральный Комитет партии в 1938 г. вскрыл ряд серьезных недостатков в ее работе и укрепил редакцию газеты знающими дело политработниками и командирами. Была улучшена материально-техническая база издательства. Для квалифицированного и оперативного освещения боевой и политической учебы войск в каждом военном округе вводился постоянный корреспондент газеты, а в некоторых округах (КОВО, БОВО, ЛВО) и в ОКДВА¹ даже по два. Наряду с «Красной звездой» существовала армейская газета «Боевая подготовка», издававшаяся с 1930 г. малым форматом. По постановлению ЦК ВКП(б) от 8 марта 1938 г. она стала выходить три раза в неделю большим форматом. Газета широко освещала опыт боевой и политической подготовки в отделении, взводе, экипаже, роте и батарее, печатала статьи по вопросам огневой и тактической подготовки мелких подразделений, материалы к политическим занятиям, консультации на политические, научные темы, рассказывала о жизни и быте войск. Газета пользовалась большой популярностью.

В 1938 г. создается ежедневная центральная военно-морская газета «Красный флот», отражавшая все стороны военно-морской службы, ее специфику и особенности.

В 1939 г. издавалось 15 окружных ежедневных газет тиражом 20—40 тыс. экземпляров каждая, 4 газеты флотов, выходившие три раза в неделю общим тиражом 60 тыс. экземпляров. Кроме этого политорганами выпускались многотиражные газеты соединений, издавались брошюры, листовки, плакаты.

По постановлению Главного Военного Совета, принятому в ноябре 1938 г., началось издание «Библиотеки красноармейца». За два года было выпущено массовым тиражом 78 брошюр и книг на политические, военные, военно-технические и естественнонаучные темы.

В 1936—1939 гг. Коммунистическая партия и Советское правительство провели огромную работу по укреплению Вооруженных Сил СССР. Важнейшее значение имел переход от смешанной кадрово-милиционной системы к строительству армии на единой кадровой основе. В истории Советской Армии такой переход, по существу, означал вторую военную реформу.

Армия и флот располагали подготовленными командирами и политработниками, до конца преданными Коммунистической партии и Социалистической Родине.

Совершенствовались организация войск и система их управления, обучение и воспитание личного состава. Партия повысила роль Комитета Оборона при СНК СССР и Главных Военных Советов РККА и Военно-Морского Флота, военных советов округов и флотов, которые обсуждали все принципиальные вопросы строительства Вооруженных Сил и принимали по ним соответствующие решения.

¹ О К Д В А — Особая Краснознаменная Дальневосточная армия.

6. Вооруженная защита государственных интересов СССР

Переход фашистских государств к открытой вооруженной агрессии создал сложную международную обстановку. Заключив «антикоминтерновский пакт», гитлеровская Германия и милитаристская Япония развернули широкую антисоветскую пропаганду. Захватив Маньчжурию, японские милитаристы стали лихорадочно готовиться к нападению на СССР. К середине 1937 г. в Маньчжурии на границах с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой они создали 11 укрепленных районов, построили шоссейные дороги, во всех крупных населенных пунктах вдоль границы разместили сильные военные гарнизоны.

В Северной и Северо-Восточной Маньчжурии была сосредоточена основная группировка Квантунской армии. Ее войска готовились к боевым действиям в обстановке, близкой к природным условиям советского Дальнего Востока: у солдат вырабатывалось умение воевать в горах, лесистой местности, в районах с суровым климатом. Японцы провоцировали бесчисленные пограничные инциденты. За три года (1936—1938) на границе СССР и захваченной японцами Маньчжурии было зафиксировано 231 нарушение, из них 35 крупных боевых столкновений. В советских территориальных водах участился хищнический лов рыбы. Если в 1936 г. было задержано 21 японское судно, в 1937 г. — 77, то в 1938 г. японцы бросили на хищнический промысел 1500 судов под прикрытием кораблей военно-морского флота (не менее двух дивизионов эсминцев, двух десятков разведывательно-дозорных шхун и нескольких подводных лодок)¹.

В январе 1937 г. японцы захватили советское судно «Терек», потерпевшее аварию во время шторма. Его экипаж, арестованный по обвинению в самовольном заходе в японские территориальные воды якобы со шпионскими целями, был подвергнут допросам и пыткам. 20 февраля 1938 г. оказался задержанным пароход «Кузнецкстрой», который шел с коммерческим грузом. Такая же участь постигла советский рефрижератор № 1, катер «Отважный». Японцы выключили маяк на Камне Опасности в проливе Лаперуза, что привело к гибели парохода «Сучан»². Непокойно было на участках Турий Рог и у озера Ханка, Полтавского и Гродековского укрепленных районов, на реке Амур в районе городов Благовещенск и Хабаровск.

19 июля 1938 г. группа японских фашистских молодчиков совершила хулиганский налет на здание советского полпредства в Токио.

В условиях накалявшейся обстановки Коммунистическая партия и Советское правительство приняли энергичные меры по обеспечению дальневосточных рубежей страны. До июля 1937 г. советские войска на Дальнем Востоке насчитывали 83 750 человек, 946 орудий, 890 танков и 766 самолетов³. Преимущество в людях и артиллерии было на стороне Квантунской армии, которая непрерывно наращивала силы.

В целях усиления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии было принято решение направить в течение 1938 г. 105 800 человек рядового и командного состава. На капитальное военное строительство ассигновывалось почти вдвое больше денежных средств, чем в 1937 г.⁴.

В 1937 г. из Балтики для пополнения Тихоокеанского флота были направлены два эсминца, которые за два с половиной месяца совершили беспримерный переход во Владивосток Северным морским путем.

¹ Пограничные войска СССР. 1929—1938. Сборник документов и материалов. М., 1972, стр. 28, 575, 692.

² «Комсомольская правда», 8 января 1937 г.; Пограничные войска СССР. 1929—1938, стр. 691.

³ Архив МО, ф. 15а, оп. 1842, д. 1, лл. 24—32.

⁴ Архив МО, ф. 15а, оп. 1842, д. 1, л. 13; д. 29, л. 119.

Одновременно проводилась большая работа по инженерному укреплению границ и повышению боевых возможностей войск. К концу 1937 г. завершилось строительство 120 оборонительных районов, прикрывавших наиболее угрожаемые направления. Из авиационных частей и соединений ОКДВА было создано новое оперативное объединение — 2-я воздушная армия. В стрелковые и кавалерийские соединения включались танковые батальоны и механизированные полки. Территориальные дивизии переводились на кадровое положение. Учитывая нараставшую угрозу военного нападения, Советское правительство 1 июля 1938 г. преобразовало ОКДВА в Дальневосточный Краснознаменный фронт. В него вошли две армии: 1-я Приморская — командующий комбриг К. П. Подлас и 2-я Отдельная Краснознаменная — командующий комкор И. С. Конев. Фронт возглавил Маршал Советского Союза В. К. Блюхер.

Наряду с оборонными задачами в крае успешно решались и хозяйственные. По указанию ЦК ВКП(б) социалистическое строительство на Дальнем Востоке развертывалось форсированными темпами. В 1937 г. ассигнования на капитальное строительство возросли в 22,5 раза по сравнению с 1928 г. В прошлом отсталая окраина России превращалась в передовую, экономически развитый край. Местным партийным, хозяйственным и советским органам большую помощь оказывали войска. Так, в 1934—1937 гг. 7-я строительная железнодорожная бригада проложила железные дороги Сучан — Находка, Бочкарево — Карымская, Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань, а также второй путь на основной Транссибирской магистрали. Для усиления безопасности дальневосточных границ, освоения целинных и залежных земель, обеспечения населения и армии продовольствием был создан Особый колхозный корпус со штабом в Хабаровске. Благодаря разъяснительной работе военных советов, командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций в течение 1935—1939 гг. на постоянное местожительство в различные области Дальнего Востока выехало до 25 тыс. демобилизованных воинов, которые приняли участие в создании промышленных предприятий, совхозов и колхозов.

От Забайкалья до берегов Тихого океана строились заводы, предприятия, военные городки. Эти важные объекты возводили специальный корпус Наркомтяжпрома и железнодорожно-строительный корпус, отдельная эксплуатационная железнодорожная бригада, три бригады тылового обеспечения, 20 отдельных строительных батальонов общей численностью 30 тыс. человек. Посланцы со всех концов страны создавали новый промышленный центр Дальнего Востока — Комсомольск-на-Амуре. Дальнейший ход событий подтвердил своевременность мероприятий, осуществленных ЦК ВКП(б) и Советским правительством.

Важнейшей составной частью агрессивной политики Японии против Советского Союза явился крупный военный конфликт, развязанный ею 29 июля 1938 г. в районе озера Хасан. Подтянув к границе три пехотные дивизии (19, 15, 20-ю), кавалерийский полк и механизированную бригаду и создав тройное превосходство в силах и средствах, японские войска внезапно вторглись на территорию Советского государства и захватили высоты Заозерная и Безымянная, которые имели важное оперативно-тактическое значение. Для поддержки сухопутных войск японцы выдвинули в устье реки Тумень-Ула отряд боевых кораблей в составе одного крейсера, 14 миноносцев, 15 военных катеров¹.

Сил 40-й стрелковой дивизии, выделенной Дальневосточным фронтом для отпора агрессору, оказалось недостаточно. Разрозненные атаки ее полков не принесли желаемых результатов. Выполняя указания Полит-

¹ Пограничные войска СССР. 1929—1938, стр. 691.

бюро ЦК ВКП(б), народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов 3 августа направил командованию Дальневосточного фронта директиву, в которой потребовал сосредоточить в районе конфликта усиленный 39-й стрелковый корпус в составе 32, 39 и 40-й стрелковых дивизий и 2-й механизированной бригады. На время боевых действий командиром корпуса был назначен начальник штаба фронта комкор Г. М. Штерн, а общее руководство возлагалось на Маршала Советского Союза В. К. Блюхера. Директива предписывала командованию 39-го стрелкового корпуса самые решительные действия с целью покончить с японской агрессией и восстановить государственную границу. Особое внимание обращалось на необходимость организации атаки высоты Заозерная с обоих флангов.

На следующий день народный комиссар обороны отдал приказ о приведении в боевую готовность всех войск Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа, которые в случае расширения агрессии должны были прикрыть советские рубежи и нанести сокрушительный удар по противнику. Соединения пополнялись и обеспечивались всем необходимым до штатов военного времени. В течение двух суток в район боевых действий подтягивались части 39-го стрелкового корпуса. В его составе насчитывалось до 32 тыс. человек, около 609 орудий и 345 танков. Действия наземных войск поддерживали 250 самолетов (180 бомбардировщиков и 70 истребителей). Непосредственно в районе боевых действий удалось сосредоточить лишь свыше 15 тыс. человек, 1014 пулеметов, 237 орудий, 285 танков ¹.

Японское правительство пыталось выиграть время, чтобы подвести свежие силы и дать возможность войскам закрепиться на захваченных высотах. 4 августа посол Сигемицу посетил Наркоминдел СССР и сделал заявление Литвинову: Токио предлагает немедленно прекратить враждебные действия с обеих сторон и урегулировать вопрос в дипломатическом порядке ². Советское правительство, разгадав замысел захватчиков, подтвердило свое требование о незамедлительном отводе японских войск за линию границы.

На следующий день командир 39-го стрелкового корпуса комкор Штерн отдал частям боевой приказ: 6 августа перейти в общее наступление и одновременными ударами с севера и юга зажать и уничтожить войска противника в полосе между рекой Тумень-Ула и озером Хасан. 32-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н. Э. Берзарина с 3-м танковым батальоном 2-й механизированной бригады под командованием полковника А. П. Панфилова должны были нанести главный удар с севера и овладеть высотой Безымянная, а в последующем совместно с частями 40-й стрелковой дивизии сбросить врага с сопки Заозерная. 40-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник В. К. Базаров, со 2-м танковым и разведывательным батальонами 2-й мехбригады наносила вспомогательный удар с юго-востока в направлении сопки Пулеметная Горка, а затем на Заозерную, где совместно с 32-й дивизией должна была добить японских захватчиков. 39-я стрелковая дивизия со 121-м кавалерийским полком, мотострелковым батальоном и 1-м танковым батальоном 2-й мехбригады выдвигалась для обеспечения правого фланга корпуса на рубеже Новокиевка, высота 106,9.

По замыслу боя перед началом атаки предусматривались два массированных удара бомбардировочной авиации (по 15 минут) и артиллерийская подготовка продолжительностью 45 минут. План боя одобрили Военный совет Дальневосточного фронта, а затем и народный комиссар обороны.

¹ История отечественной артиллерии, т. III, кн. 8, стр. 480—481.

² АВП, ф. 0146, оп. 21, п. 184, д. 7, л. 89.

При подготовке наступления в частях и соединениях состоялись митинги, беседы, партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждались уроки первых боев и предстоящие задачи. Лучших воинов принимали в ряды ленинской партии и комсомола. Все бойцы, командиры и политработники были охвачены высоким наступательным порывом.

6 августа в 16 часов бомбардировщики под прикрытием истребителей нанесли бомбовый удар по японским позициям, затем началась артиллерийская подготовка. Ровно в 17 часов при поддержке танков в атаку пошла пехота. Японцы, занимавшие выгодные укрепленные позиции, открыли сильный огонь. Атакующим пришлось несколько раз залечь перед передним краем противника. Заболоченная местность и плотный огонь вражеской артиллерии сковывали действия советских танков, ограничивали их маневр и не давали возможности своевременно проделать проходы в заграждениях. Быстро стусившиеся сумерки не уменьшили напряжения боя. Самоотверженно продолжали сражаться пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, связисты.

Личный состав 118-го и 119-го стрелковых полков 40-й дивизии, умело маскируясь в зарослях камыша, к вечеру вышел на восточные склоны высоты Заозерная и стремительно атаковал японцев. Не выдержав мощного штыкового удара, противник оставил позиции. Над сопкой взметнулось Красное знамя. Его водрузил секретарь партийного бюро 118-го полка лейтенант И. Н. Мошляк. Раненный в голову, он не покинул поля боя, а когда погиб командир батальона, принял на себя командование и добился выполнения боевой задачи. За героизм и мужество, проявленные в этом бою, И. Н. Мошляк был удостоен звания Героя Советского Союза.

Самоотверженность и отвагу проявили советские воины всех родов войск. Пулеметчик К. М. Ягудин заменил раненого командира отделения и смело повел бойцов на штурм позиций врага. Исключительное мужество проявил танковый экипаж в составе комсомольцев Г. С. Корнева, К. И. Пушкарева, Г. Я. Колесникова. Уничтожив несколько огневых точек противника, танк прорвался в глубину обороны японцев, но вскоре был выведен из строя. Экипаж сражался, пока не иссякли боеприпасы. Озверевшие враги окружили советскую боевую машину, облили ее бензином и подожгли. Но ни один из героев не покинул своего боевого поста.

На самых опасных участках боев впереди сражались армейские коммунисты и комсомольцы. Их боевой пример, партийно-политическая работа, проводимая в частях, укрепляли единство всей массы воинов, вселяли в них высокий морально-боевой дух.

Старший политрук И. А. Пожарский трижды поднимал в атаку разведывательный батальон 40-й дивизии и выводил его из-под артиллерийского огня противника. Смертельно раненный в последней атаке, он призвал бойцов стойко сражаться за Родину. В бою за сопку Песчаная секретарь дивизионной партийной комиссии политрук И. В. Гвоздев возглавил несколько атак роты 96-го полка 32-й стрелковой дивизии.

Ярким проявлением преданности социалистическому Отечеству и великим идеям коммунизма были сотни заявлений о приеме в партию и ленинский комсомол в разгар хасанских боев. «В бой хочу идти коммунистом...», «Обязуюсь громить врага беспощадно...», «Быть только в передовых рядах...», «Отдать все на защиту Родины...» — писали в своих заявлениях Ф. Г. Глотов, А. Т. Егоренко, В. Т. Симонов, А. М. Щедловский и многие другие ¹.

За время боев у озера Хасан целые батальоны становились партийно-комсомольскими.

¹ Документы советского патриотизма (в дни боев у озера Хасан). М., 1939, стр. 29—36.

Мастерство советских воинов признавали даже японские офицеры. Вот что записано в дневниках, найденных на поле боя. «Огонь (советских танков. — *Ред.*) был ужасен и очень меток», — жаловался майор Хирабари. «Раньше нам говорили, что это не сильная армия, но когда мы столкнулись на фронте, то я вижу, что это было заблуждение», — сетовал майор Накана. «Красные хорошо используют... и винтовки, и ручные и станковые пулеметы», — отмечал поручик Кофуэндо.

Наглая провокация японской военщины у озера Хасан вызвала гнев и возмущение всех советских людей. На многочисленных митингах, прокатившихся по всей стране, гневно осуждалась агрессивная политика Японии и ее фашистских союзников, единодушно выражалась решимость дать сокрушительный отпор поджигателям войны. «Не оставить провокацию японской военщины без последствий», — записано в резолюции 40-тысячного митинга рабочих и служащих Московского автомобильного завода.

Участники митингов Московского завода имени В. И. Ленина, Кировского завода в Ленинграде, Академии наук СССР и других организаций отмечали, что «фашистским хищникам мало крови, которую они проливают в Испании и Китае», что «японские агрессоры, поощряемые единомышленниками из Берлина и Рима, преследуют цель вовлечь Советский Союз в войну»¹. Участники митингов заверяли партию и правительство, что готовы по первому их зову стать на защиту социалистических завоеваний.

В дни хасанских событий трудящиеся Советского Союза послали воинам Дальневосточного фронта тысячи подарков, писем и телеграмм. Делегации местных предприятий, общественных организаций и колхозов горячо приветствовали отважных участников боев и выражали надежду, что захватчики будут сурово наказаны. Трудящиеся Уссурийской области привезли бойцам 13 тыс. подарков².

Бои за высоты Безымянная и Заозерная, переходившие в ожесточенные рукопашные схватки, продолжались до 9 августа. Советская территория была полностью очищена от захватчиков. На следующий день посол Японии в СССР явился в Наркоминдел с предложением начать переговоры. Советское правительство, стремившееся с самого начала к мирному разрешению конфликта, дало согласие. В полдень 11 августа боевые действия у озера Хасан были прекращены.

Поражение японских милитаристов было серьезным ударом по завоевательным планам империалистической Японии. У озера Хасан Советская Армия впервые после гражданской войны вступила в бой с опытной, искусной кадровой армией империалистов. В бою широко применялись артиллерия, танки, авиация. Этот опыт имел немаловажное значение. Боевые действия показали, что лобовые атаки пехоты при слабой огневой поддержке на подготовленную и насыщенную техническими средствами оборону врага бесперспективны и что количественное превосходство в боевой технике само по себе еще не обеспечивает победы. Успех в общевойсковом бою может быть достигнут лишь согласованными усилиями всех родов войск при непрерывном и тесном их взаимодействии. Советское военное искусство обогатилось опытом применения современной авиации и танков, организации артиллерийского обеспечения наступления. На основе этого вносились коррективы в боевую и оперативную подготовку войск и штабов. Соответствующий приказ, разработанный Генеральным штабом, был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б)³.

Боевую проверку прошла и советская медицинская служба. Получили подтверждение ее важнейшие положения: максимальное приближение

¹ Документы советского патриотизма (в дни боев у озера Хасан), стр. 20—23.

² Там же, стр. 60, 64, 67.

³ А. Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, стр. 96.

хирургической помощи к полю боя, принципы организации этапного лечения и специализированного медико-санитарного обеспечения. Выявилось, что главную роль в оказании квалифицированной медицинской помощи играли полковые и дивизионные медицинские пункты, где в полном объеме осуществлялось врачебное обслуживание. Для эвакуации раненых впервые широко применялась санитарная авиация.

Родина высоко оценила подвиг своих героических защитников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 г. 26 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, 95 человек награждены орденом Ленина, 1985 — орденом Красного Знамени, 1935 — орденом Красной Звезды, 2485 — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги»¹.

Правительственные награды получили воинские части и соединения: 40-я стрелковая дивизия — орден Ленина, 32-я стрелковая дивизия и Посыетский пограничный отряд — орден Красного Знамени. В целях увековечения памяти героев Указом Президиума Верховного Совета СССР Посыетский район Приморского края переименован в Хасанский район.

Поражение японских милитаристов у озера Хасан вызвало широкий резонанс во всем мире. Французская газета «Одр» писала: «Этот урок действителен не только для Дальнего Востока. В Европе политика блефа также может быть осуждена на неудачу. Для этого достаточно не позволять себя запугивать».

Но, несмотря на поражение у озера Хасан, японские милитаристы через год бросились в новую авантюру. Они начали необъявленную войну против Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол.

Непосредственная подготовка к нападению на МНР развернулась с начала 1939 г. За первые три с половиной месяца японцы совершили более 30 нарушений границы, на территории МНР расширялась агентурная сеть. Советское правительство официально предупредило Японию, что границу Монгольской Народной Республики Советский Союз будет защищать так же решительно, как и свою собственную границу. Однако японская военщина не вняла этому заявлению. Она намеревалась энергичными действиями «малых сил» приковать к себе внимание советско-монгольского командования, а тем временем главной группировкой Квантунской армии, сосредоточенной в Восточной Маньчжурии, вторгнуться в Уссурийскую и Амурскую области, в район Хабаровска и осуществить молниеносный захват всего Приморского края.

А между тем после хасанских событий Советское правительство, желая нормализовать отношения с Японией, упразднило фронтовое управление на Дальнем Востоке, оставив две отдельные армии и одну северную армейскую группу с непосредственным подчинением наркомату обороны². Однако новые провокации японцев на границе, а также захват ими советских судов в море вынудили СССР в первой половине 1939 г. увеличить численность Вооруженных Сил на 345 тыс. человек вместо 57 тыс., предусмотренных пятилетним планом военного строительства. Часть их была направлена на Дальний Восток: в Забайкальский военный округ, на Тихоокеанский флот и в 57-й особый корпус, дислоцировавшийся в МНР³.

Видя бесперспективность своих усилий на приморском направлении, командование Квантунской армии в мае 1939 г. организовало ряд крупных вооруженных провокаций против МНР. Не добившись успеха, японское командование подтянуло к границам МНР 38 тыс. солдат и офицеров, 310 орудий, 135 танков, 10 бронемашин, 225 самолетов. Эта группировка имела задачу внезапным ударом окружить и уничтожить советско-монголь-

¹ «Правда», 26—31 октября 1938 г.

² Архив МО, ф. 96а, оп. 1855, д. 2, л. 187.

³ Архив МО, ф. 112а, оп. 1855, д. 5, лл. 3—8.

ские части и захватить на западном берегу реки Халхин-Гол оперативный плацдарм для последующих действий¹.

Создав значительный перевес сил (по пехоте и артиллерии — в 3 раза, кавалерии — в 4,5 раза), японцы были уверены в скорой и решительной победе. Их командование даже пригласило в район боев корреспондентов и военных атташе иностранных государств, в том числе Германии и Италии.

2 июля японские войска перешли в наступление и ночью форсировали реку Халхин-Гол. Советско-монгольское командование вынуждено было бросить в бой все наличные силы. В районе горы Баин-Цаган развернулось трехсуточное встречное сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 400 танков и бронемашин, более 300 орудий и несколько сот самолетов. Ударная группировка японских захватчиков, прижатая к реке, была наголову разгромлена. Враг потерял почти все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов и около 10 тыс. человек. Однако 8 июля противник повторил атаку. После четырехдневного кровопролитного боя японские войска, потеряв 5,5 тыс. человек убитыми и ранеными, вынуждены были отойти.

Советские и монгольские бойцы и командиры, проявляя чудеса храбрости и героизма, самоотверженно отражали атаки противника, наносили по врагу сокрушительные удары. Умело и решительно действовали воины танковой бригады под командованием комбрига М. П. Яковлева. Танковый экипаж лейтенанта А. А. Мартынова уничтожил пять вражеских орудий. Майор Г. М. Михайлов во главе танкового батальона прорвался глубоко в тыл японцев и, даже раненный, руководил подразделением до полного выполнения задачи. Беспрецедентный подвиг совершил танковый экипаж политрука Д. П. Викторова: отважные танкисты подбили десять вражеских орудий; даже когда подступившие японцы подожгли танк, советские воины продолжали сражаться до последнего дыхания.

Высокое мастерство и самоотверженность проявили советские летчики. В боях с японскими захватчиками В. Ф. Скобарихин и А. Ф. Мошин применили воздушный таран, повторив бессмертный подвиг советского добровольца в Китае А. А. Губенко.

Умело действовали монгольские цирики и дарги². Командир кавалерийской дивизии Д. Нянтайсурэн неоднократно проявлял храбрость. Монгольские артиллеристы под командованием Цога, Басарджаба и Тутубы метким огнем помогали советским бойцам уничтожать врага. Далеко разнеслась слава о героях Монгольской Народной Республики кавалеристе Л. Дандаре, пулеметчике Ц. Олзвое, политруках Гелег-Баторе, Жугдар-Намжиле, командире полка Ч. Дугаржаве, водителе бронемашин Д. Хаян-Харве и других.

Кровопролитная борьба на территории МНР не приблизила Японию к осуществлению поставленных ею политических и военных целей. Тем не менее она не оставила надежду изменить ход событий в свою пользу. В конце августа 1939 г. милитаристы задумали взять реванш путем проведения «генерального наступления», приурочивая его к моменту предполагаемого развязывания гитлеровской Германией войны в Европе.

В течение месяца японское командование спешно перебросило в район боев новые части и соединения, из которых сформировало 6-ю армию во главе с генералом Огису Риппо. По мощности эта армия значительно превосходила прежнюю группировку войск и насчитывала 75 тыс. человек, 500 орудий, 182 танка, более 300 самолетов.

¹ Действия 1 армгруппы в Халхингольской операции (май — сентябрь 1939 г.). М., 1940, стр. 10—11.

² Ц и р и к — солдат, д а р г а — командир.

Чтобы быстрее разгромить агрессора, Советское правительство приняло решение оказать помощь Монгольской Народной Республике в еще больших размерах. К середине августа здесь были сконцентрированы советско-монгольские войска, насчитывавшие около 57 тыс. человек, 498 танков, 385 бронемашин, 542 орудия и миномета, 2255 пулеметов и 515 боевых самолетов¹. В соответствии с постановлением Главного Военного Совета от 15 июля 1939 г. была сформирована 1-я армейская группа во главе с Военным советом, в состав которого входили командующий группой комкор Г. К. Жуков, дивизионный комиссар М. С. Никишев, начальник штаба комбриг М. А. Богданов. Монгольскими войсками, действовавшими в районе боев, руководил маршал Х. Чойбалсан.

Общая координация действий советских войск на Дальнем Востоке с монгольской Народно-революционной армией возлагалась на фронтовое управление, в состав которого вошли командарм 2 ранга Г. М. Штерн, член Военного совета дивизионный комиссар Н. И. Бирюков и начальник штаба комдив М. А. Кузнецов. Снабжение действующих войск осуществлял Забайкальский военный округ.

Замысел советско-монгольского командования заключался в том, чтобы, сковав силы японских войск с фронта, нанести упреждающий двусторонний удар по флангам в общем направлении на Номон-Хан-Бурд-Обо, а затем окружить и уничтожить противника между рекой Халхин-Гол и государственной границей.

Для осуществления этого замысла создавались три войсковые группы. Главный удар наносила южная группа полковника М. И. Потапова, имевшая две дивизии, танковую, мотоброневую бригады и несколько танковых батальонов, а вспомогательный — северная группа во главе с полковником И. В. Шевниковым. Центральная группа должна была сковать противника с фронта. Подготовка операции проводилась в строжайшей тайне, с широким применением оперативной маскировки и дезинформации².

Артиллерийским обеспечением наступления руководили комкор Н. Н. Воронов и комбриг Ф. Г. Корзин. Вся артиллерия была разбита на группы поддержки пехоты и танков и группы дальнего действия. Южной ударной группе придавалось 72 орудия, северной — 36, а 100 орудий оставалось на центральном участке фронта. Кроме того, в войсках имелось 100 полковых и 180 противотанковых орудий. Однако в целом артиллерии на Халхин-Голе было недостаточно.

Большое внимание уделялось завоеванию господства в воздухе. Преимущество японских воздушных сил в майских и июньских боях удалось быстро ликвидировать. Этому способствовали, в частности, обновление авиационного парка истребителями И-16 (на пяти из них впервые было применено ракетное вооружение) и И-153 («Чайка»), а также пополнение летного состава высококвалифицированными кадрами во главе с комкором Я. В. Смушкевичем, получившими опыт ведения боевых действий в небе Испании и Китая.

Многое было сделано для четкой организации связи, управления и взаимодействия войск в предстоящей операции. Управление осуществлялось с командного пункта, размещавшегося на западном берегу реки Халхин-Гол, на горе Хамар-Даба. Второй эшелон штаба находился в 20 км, а тыловая группа — в 120 км. Сложные задачи решали инженерные войска: они построили и навели 28 мостов, вырыли 57 колодцев, подготовили 63 аэродрома и провели ремонт дорог.

Работники тыла обеспечили войска всем необходимым для ведения боя. Грузы подвозили 3275 автомашин Забайкальского военного округа

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, л. 120.

² Г. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 161, 163, 165.

и 2580 автомашин 1-й армейской группы сквозными рейсами без перевалочных пунктов. К началу операции было накоплено 6—7 боекомплектов боеприпасов (для авиации 9—10 боекомплектов), 5—6 заправок горюче-смазочных материалов, на 13—16 суток продовольствия.

Военный совет армейской группы резко активизировал партийно-политическую работу, направляя ее прежде всего на повышение морально-боевых качеств воинов. К началу операции в партию вступило 1204, а в комсомол — 1809 бойцов и командиров¹. Партийная прослойка в ряде соединений была доведена до 11 процентов. В каждом подразделении создавались авангардные группы, которые в самые тяжелые минуты боя должны были личным примером увлекать за собой в атаку всех бойцов.

Наступление началось согласно плану в воскресенье 20 августа. В 5 часов 45 минут 153 бомбардировщика, сопровождаемые истребителями, нанесли массированный бомбовый удар по переднему краю обороны, артиллерийским позициям и резервам японцев. В 6 часов 15 минут началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся 2 часа 45 минут. В ходе ее войска начали выдвижение на рубеж атаки. В 9 часов вслед за последним 15-минутным огневым налетом артиллерии по переднему краю обороны противника и ударами авиации по его тылам под торжественные звуки «Интернационала», передаваемого звуковещательной походной станцией, началась атака пехоты, танков и конницы советско-монгольских войск. Противник, ошеломленный внезапным мощным наступлением, в течение полутора часов не произвел ни одного артиллерийского выстрела, а его авиация не сделала ни одного вылета. И только спустя некоторое время он начал оказывать упорное сопротивление.

К исходу дня наибольший успех был достигнут на внешних флангах южной и северной групп, где кавалерийские соединения советско-монгольских войск, искусно маневрируя, разгромили части японо-баргутской кавалерии и овладели ранее намеченными рубежами вдоль государственной границы. На центральном участке советско-монгольские войска также теснили противника. В районе высоты Палец части северной группы встретили особенно упорное сопротивление врага.

Проанализировав итоги первого дня боев, командующий 1-й армейской группой принял решение ввести в бой на северном операционном направлении все силы резерва. Из этих войск, переброшенных в ночь на 21 августа на левый фланг, была создана подвижная группа под командованием полковника И. П. Алексеенко. Перейдя в наступление, она к исходу 23 августа достигла Номон-Хан-Бурд-Обо. На следующий день 9-я мотоброневая бригада из состава группы вошла в огневую связь с частями 8-й мотоброневой бригады южной группы. Замкнув кольцо окружения, они отрезали японским войскам пути отхода за государственную границу.

Намереваясь спасти войска от полного разгрома, японское командование подтянуло резервы. 24 августа японские соединения ударом с востока попытались деблокировать окруженную группировку, но у границы натолкнулись на оборону частей 57-й стрелковой дивизии. Советские войска отбили трехдневные яростные атаки противника. В ожесточенных схватках был смертельно ранен командир 127-го стрелкового полка майор Н. Ф. Грухин, который своим примером вдохновлял бойцов в самые тяжелые минуты боя. Советское правительство высоко оценило подвиг Н. Ф. Грухина, присвоив ему посмертно звание Героя Советского Союза.

Одновременно с внешним фронтом окружения, состоявшим в основном из мотоброневых, кавалерийских, авиадесантных и частично стрелко-

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 6377, лл. 388—389, 396.

вых войск, перешедших к обороне вдоль границы, был образован внутренний фронт из стрелковых частей, наносивших по врагу сходящиеся удары.

Оказавшись в котле, японские войска упорно сопротивлялись. На выгодных в тактическом отношении высотах Зеленая, Песчаная, Палец, Ремизова¹ и других противник сумел создать сильные узлы сопротивления и опорные пункты. Если окружение основных сил японцев было осуществлено в течение четырех дней, то на их уничтожение пришлось затратить неделю. В ходе боев советские и монгольские воины показали высокую индивидуальную подготовку. В боевых порядках пехоты эффективно действовали танки, орудия прямой наводки. Для обстрела противника, засевшего на обратных склонах и в укрытиях, использовались минометы. Большую помощь наземным войскам оказывала авиация. Прочно удерживая господство в воздухе, она надежно прикрывала войска от ударов японских самолетов, преграждала подход к полю боя резервов врага, воспрещала ведение противником воздушной разведки.

31 августа последние очаги сопротивления японцев были ликвидированы, группировка войск Квантунской армии перестала существовать. Советско-монгольские войска захватили 12 тыс. винтовок, 200 орудий, около 400 пулеметов, более 100 автомашин и т. д.

Боевые действия по пресечению агрессии на реке Халхин-Гол были образцом тесного сотрудничества на основе договора о взаимопомощи двух государств — СССР и МНР. Они продемонстрировали способность объединенного командования успешно решать сложные оперативные задачи. Советско-монгольские войска осуществили армейскую наступательную операцию на окружение и уничтожение противника в условиях пустынно-степной местности. В короткий срок была сосредоточена группировка войск, которая на ограниченной территории (74 км по фронту, 20 км в глубину) в течение 11 суток зажала в тиски и ликвидировала крупную вражескую армию. Форма, размах и сроки этой операции диктовались необходимостью разгромить агрессора на территории МНР и не дать разрастись боевым действиям.

Общие потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили более 18,5 тыс. человек ранеными и убитыми. Усилия советских врачей и слаженная система медико-санитарного обслуживания позволили в короткие сроки возвратить в строй 76 процентов раненых.

Японские потери составили около 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, значительное количество военного имущества; потери Японии в людях и технике здесь были большими, чем за первый год войны в Китае. Халхингольский котел до основания потряс Квантунскую армию. Ее командование вынуждено было уйти в отставку в полном составе.

Беспримерный героизм, боевое мастерство и высокая революционная сознательность советских и монгольских войск, сражавшихся за справедливые цели, — вот основа одержанной победы. Советские солдаты и командиры глубоко понимали, что бой у реки Халхин-Гол — одно из авангардных сражений той великой битвы, которую рано или поздно придется вести свободолюбивым народам со все более наглеющими фашистско-милитаристскими претендентами на мировое господство. В пьесе К. М. Симоннова «Парень из нашего города» ее главный герой, выражая эти чувства, говорит товарищу: «Ты сейчас о последней сопке думаешь, а я — о последнем фашисте. И думаю о нем давно, еще с Мадрида. Пройдет, может быть, много лет, и за много тысяч километров отсюда... в последнем фа-

¹ Эта высота названа в честь командира 149-го стрелкового полка майора И. М. Ремизова, героически погибшего в июльских боях и удостоенного звания Героя Советского Союза.

шистском городе, поднимет этот последний фашист руки перед танком, на котором будет красное, именно красное знамя».

За мужество и отвагу в боях с японскими захватчиками 17 121 советский воин был удостоен правительственных наград, 70 бойцов и командиров получили звание Героя Советского Союза, а комкор Я. В. Смушкевич, майоры Г. П. Кравченко и С. И. Грицевец стали дважды Героями Советского Союза. Двадцать четыре особо отличившихся соединения и части были награждены орденами Ленина и Красного Знамени¹.

Сокрушительный разгром японских милитаристов имел большое международное значение. Весь мир еще раз убедился в мощи Советского Союза.

Поражение существенным образом повлияло на внешнеполитические позиции правительства Японии, почти на два с половиной года оттянуло ее активное участие во второй мировой войне и заставило коренным образом пересмотреть стратегические планы и замыслы. Современный американский историк Д. Макшерри признает: «Демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-Голе имела далеко идущие последствия, показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»². К аналогичным выводам пришел и английский исследователь М. Мэкинтош: «Советская победа на реке Халхин-Гол имела важное значение и, пожалуй, во многом повлияла на решение японского правительства не сотрудничать с Германией в ее наступлении на Советский Союз в июне 1941 года»³.

Монголо-советская дружба, которую В. И. Ленин и Сухэ-Батор завещали хранить вечно, в боях на Халхин-Голе прошла суровую проверку. Советский Союз выполнил свой братский интернациональный долг по отношению к монгольскому народу. Вместе с тем победа советских и монгольских войск над японскими захватчиками способствовала дальнейшему развитию национально-освободительной борьбы китайского народа против оккупантов.

* * *

Годы, непосредственно предшествовавшие началу второй мировой войны, являлись важными и ответственными в жизни Советского государства, в борьбе его народа за социализм.

Коммунистическая партия ускоренными темпами проводила социалистические преобразования, развивала экономику страны, всемерно повышала политический и духовный уровень советских людей. «...Выиграть время, — учил В. И. Ленин, — значит выиграть все»⁴.

Социалистическое строительство в СССР осуществлялось на основе научно разработанных крупных народнохозяйственных планов и невиданного в истории энтузиазма, трудового героизма советского народа. Руководящей и направляющей силой в развитии советского общества являлась Коммунистическая партия, авторитет которой все более рос и укреплялся.

Построение социализма в СССР имело всемирно-историческое значение, было великим подвигом рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Советский народ, осуществляя социалистическое строительство, не страшился новизны и грандиозности проблем. Он первым пролагал путь в будущее человечества в условиях враждебного капиталистического окружения, напряженной международной обстановки,

¹ «Красная звезда», 30 августа, 17—21 ноября 1939 г.

² J. Macsherry. Stalin, Hitler and Europe. Vol. I. The Origins of World War II. Cleveland, 1968, p. 308.

³ M. Macintosh. Juggernaut. A History of the Soviet Armed Forces. London, 1967, p. 108.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 50.

ограниченности материально-технических и денежных средств, отсутствия достаточного опыта в социалистическом строительстве.

Преодоление всех этих трудностей, создание в кратчайшие сроки мощного экономического, технического и оборонного потенциала свидетельствуют о величайшей жизненной силе и преимуществах советского строя перед любым другим строем.

Построение социалистического общества в СССР было неразрывно связано с укреплением обороноспособности страны и боеготовности Советских Вооруженных Сил. Коммунистическая партия и Советское правительство вынуждены были в предвоенные годы резко увеличить ассигнования на военные нужды.

В результате принятых мер к концу 30-х годов Советские Вооруженные Силы по технической оснащенности не отставали от армий крупнейших империалистических держав, а по некоторым видам боевой техники и оружия превосходили их.

Советская Армия своевременно была организационно перестроена и приведена в соответствие с новой боевой техникой, уровнем советской военной науки и возросшими требованиями обороны Советского государства. Изменения системы комплектования, организации и подготовки советских войск были закреплены в решениях XVIII съезда ВКП(б) и Четвертой чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР.

Укрепление Советского Союза было не только его внутренним делом, но и имело исключительное международное значение. Упрочение мощи СССР, его несокрушимости оказывало огромное воздействие на развитие мирового революционного и национально-освободительного движения, создавало реальную основу для организации коллективного отпора агрессорам.

НАРОДЫ МИРА ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ

1. Ведущая роль коммунистических партий в антивоенной борьбе масс

Стратегическая ориентировка, выработанная в 1935 г. VII конгрессом Коминтерна, нашла широкую поддержку в рядах коммунистических и рабочих партий, стала программой их практической деятельности по мобилизации народных масс на борьбу с фашизмом, против реакции и войны. Осуществление программы Коминтерна открывало перед рабочим классом и трудящимися перспективы: через антифашистскую, общедемократическую борьбу — к победе новой демократии и социализму, через сплочение всех прогрессивных миролюбивых сил — к созданию несокрушимого барьера на пути поджигателей войны.

В обстановке усиления империалистической агрессии и роста антивоенного движения масс исключительное значение для международного коммунистического движения приобрело правильное сочетание борьбы за демократию с борьбой за социализм. На важность этого вопроса при выработке стратегии и тактики пролетариата в свое время указывал В. И. Ленин. «Было бы коренной ошибкой думать,— писал он,— что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»¹.

В борьбе против опасности войны политика Коминтерна предусматривала ликвидацию раскола в рабочем классе и создание тем самым единого рабочего фронта, а также создание народного фронта путем сплочения вокруг пролетариата крестьянства, мелкой буржуазии города, ремесленников, трудовой интеллигенции, всех антифашистских элементов наций. Она позволяла объединить широкие слои населения и нанести поражение фашизму, преградить путь войне и создать благоприятные условия для последующей борьбы за социализм. Она открывала возможности для установления единого антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах, перспективу их освобождения и вступления на путь самостоятельного развития.

После укрепления фашистских режимов в ряде стран Европы и образования очагов новой мировой войны ведущая роль международного рабочего класса в демократическом движении приобрела еще большее значение. В авангарде антифашистской борьбы шли коммунистические

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253.

партии — наиболее передовой и организованный отряд народных масс. Только за четыре года (1935—1939) численность компартий в капиталистических странах увеличилась более чем в два раза и достигла 1 750 тыс. человек ¹.

Однако осуществление новой ориентировки Коминтерна наталкивалось на большие трудности, порожденные как объективными, так и субъективными факторами. Продолжала сказываться раздробленность рабочего движения, отсутствовало единство в профсоюзном движении. Во многих странах, особенно там, где утвердился фашизм, на компартии обрушилась волна репрессий и террора.

Ожесточенную кампанию против решений VII конгресса Коминтерна повели правые социал-демократические лидеры, а также левацкие, троцкистские и полутроцкистские элементы в рабочем движении. Если правые социал-демократические вожди, страшась марксистско-ленинской стратегии и тактики Коминтерна, цеплялись за свою прежнюю политику «классового мира» с буржуазией, проповедовали, что переход к социализму возможен без революционной борьбы, то «левые» обвиняли коммунистов в реформизме, пацифизме, толкали их к отрыву от масс.

Внутри коммунистических партий еще не были преодолены сектантские тенденции, порождавшие недооценку тактики единого антифашистского фронта. Новую политическую ориентировку коммунистическому движению приходилось проводить в жизнь в условиях расширявшихся актов агрессии, втягивания все большего числа народов и государств в европейский и дальневосточный узлы войны. Это требовало от коммунистических и рабочих партий точной классовой оценки каждого агрессивного акта, выработки наиболее целесообразных способов и форм борьбы, вовлечения широких слоев населения в движение за сохранение мира.

Буржуазная историческая наука, спекулируя на трудностях предвоенных лет, прилагает немало усилий, чтобы извратить характер и цели антивоенного движения народных масс, оклеветать международный рабочий класс, компартии, ориентировку Коминтерна. Так, Ф. Боркенау в написанной еще в 1939 г. и переизданной в 1962 г. книге «Мировой коммунизм. История Коммунистического Интернационала» пытается обосновать ложный тезис, что коммунистическое движение во второй половине 30-х годов будто бы не имело массовой социальной базы, что после VII конгресса Коминтерна произошло ослабление компартий, поскольку провозглашенный им лозунг интернационализма якобы на деле означал лишь защиту одной страны — Советского Союза ².

Книга Е. Лайонса «Красное десятилетие. Классическая работа о коммунистическом движении в Америке в 30-х годах», вышедшая в свет в 1941 г. и переизданная через тридцать лет, имеет целью дискредитацию народного фронта в США. Автор — ярый антикоммунист — не может обойти тот исторический факт, что многие представители американской общественности, большинство рабочего класса правильно восприняли антифашистские лозунги Коминтерна. Вместе с тем его работа направлена против компартии США и отстаивает версию, будто антивоенная борьба трудящихся масс подрывала «национальную оборону США» ³.

Коминтерн и компартии, исходя из решений VII конгресса, развернули огромную работу по созданию единого рабочего и народного

¹ Международное революционное движение рабочего класса. М., 1966, стр. 354.

² F. B o r k e n a u. World Communism. A History of the Communist International. New York, 1962, p. 375, 395.

³ E. L y o n s. The Red Decade. The Classic Work on Communism in America during the Thirties. New York, 1970, p. 17—18.

фронта и в качестве основы этого фронта выдвинули лозунги антифашистской и антивоенной борьбы. Первые итоги деятельности коммунистических и рабочих партий в этом направлении подводились на заседании Президиума ИККИ 20 ноября 1935 г. В докладе О. Куусинена отмечалось, что часть коммунистических партий вела лишь пропаганду идеи единого фронта, не предпринимая достаточно активных массовых действий, способных сломить сопротивление противников единства. Ставилась задача преодолеть эти недостатки, перенося центр тяжести борьбы за единство на места, в массы ¹.

Важной вехой на пути реализации и развития новой политики Коминтерна в борьбе за народный фронт, за мир, против фашистской агрессии явились заседания Президиума ИККИ 23 марта — 1 апреля 1936 г. В их подготовке активно участвовали представители ВКП(б). Был детально проанализирован опыт борьбы компартий Франции, США, Польши, Германии, Чехословакии, Великобритании за осуществление решений VII конгресса Коминтерна, а также рассмотрены проблемы антиимпериалистической борьбы в Китае.

Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров, отметив несомненные успехи рабочего и народного фронта во Франции, Испании и некоторых других странах, подчеркнул, что они свидетельствуют о правильности новой ориентировки. Придавая первостепенное значение единому фронту пролетариата в борьбе против войны, он заявил: «Нельзя бороться против войны без международных действий пролетариата. Мы не можем бороться против войны без единства борьбы, без единства платформы... Мы должны дать такую конкретную платформу, международную интернациональную политику пролетариата, которая повела бы народные массы, могла кристаллизировать левое революционное крыло социал-демократических партий и расчистила бы дорогу действиям рабочего класса в борьбе против общего классового врага» ². Г. Димитров советовал компартиям провести необходимую подготовку, продумать вопрос о связях, расстановке кадров и других мероприятиях на случай войны.

М. Торез в своем выступлении раскрыл неразрывную связь внутренней политики народного фронта во Франции с борьбой против войны. Он указал на то, что среди французской монополистической буржуазии существует сильное прогерманское течение, к которому примыкают и некоторые социал-демократические деятели, готовые из антикоммунистических побуждений на уступки агрессору. Компартия считает необходимым усилить борьбу против французских сторонников гитлеровцев. Она поддерживает советско-французский договор, симпатии к которому росли вместе с усилением угрозы нападения Германии. «Партия стремится доказать, — говорил М. Торез, — что франко-советский пакт полезен народу Франции еще более, чем Советскому Союзу» ³.

Весьма острым и сложным оказался вопрос об отношении рабочего класса и компартий к некоторым оборонительным мероприятиям буржуазных правительств тех стран, которым угрожало фашистское нападение, в частности к принимаемым ими законам об обороне, военным бюджетам, законам о расширении армии, к действиям в Лиге наций и т. д. Компартии не могли поддерживать военную политику буржуазных правительств и военный бюджет в целом, поскольку буржуазия использовала государственный аппарат и армию против трудящихся. Однако в сложившейся ситуации не исключались выступления коммунистов в поддержку мер

¹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 35—36, стр. 20.

² «Вопросы истории КПСС», 1969, № 3, стр. 10—11.

³ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС далее — ЦПА ИМЛ), ф. 495, оп. 2, д. 215, л. 118.

защиты населения от ужасов войны, усиления обороноспособности народа перед угрозой фашистской агрессии¹.

ИККИ высказался за выдвижение компартиями конструктивной программы по вопросам международной политики, направленной на предотвращение агрессии. Об этом говорили Г. Димитров, Д. Мануильский, П. Тольятти. В частности, Г. Димитров, оценивая положение в Чехословакии, считал целесообразным, чтобы КПЧ выступила с предложениями, направленными на «подлинную защиту свободы и независимости чешского народа...»².

Президиум Исполкома Коммунистического Интернационала рекомендовал компартиям стран, оказавшихся перед непосредственной угрозой фашистской агрессии, не относиться безразлично к вопросам защиты страны, не закрывать глаза на опасность, грозившую извне, а активно участвовать в оборонных мероприятиях против фашистской агрессии, бороться за чистку армии от фашистских элементов, демократизацию всей государственной и общественной жизни. Это явилось бы лучшей гарантией эффективной защиты от нападения³.

При непосредственном участии представителей ВКП(б) и других коммунистических партий Коминтерн разработал программу развертывания антивоенной борьбы, создания всемирного фронта мира. Такой фронт должен был объединить СССР и все миролюбивые государства, которым угрожала агрессия, все антифашистские и антивоенные силы. Огромная роль в этой борьбе отводилась единым выступлениям международного пролетариата против войны и фашизма.

Еще в конце 1935 г., призывая к сплочению всех антифашистов и сторонников мира, ИККИ отмечал, что только таким путем можно «сломить сопротивление противников единого фронта и положить конец распылению своих сил в борьбе против фашизма и войны»⁴. На страницах газет и журналов, издаваемых компартиями, разоблачались противники антивоенных действий рабочего класса, коллективного отпора агрессорам.

Президиум ИККИ верно определил основные тенденции развития международных событий и указал, что германские фашисты, нацеливая свой удар против СССР, в данный момент готовят агрессию прежде всего против Австрии, Чехословакии, Польши и Франции. «Германскому фашизму, — отмечал Г. Димитров, — гораздо легче послать армию сначала на захват территорий соседних государств под лозунгом «национального объединения всех немцев» и лишь потом — на войну с могущественной Страной Советов». Точно так же, продолжал он, и на Дальнем Востоке: японский империализм будет сначала стремиться нанести удар по Китаю, а нападение на СССР планирует как следующий шаг⁵.

На заседаниях подчеркивалось, что, несмотря на слабость Лиги наций, ее следует использовать в целях сохранения мира. Вступление Советского Союза в Лигу наций и его борьба внутри ее против поджигателей войны несомненно расширяют такие возможности. Коммунисты всех стран призывались решительно и последовательно поддерживать все меры в защиту мира, все санкции против агрессора.

1 апреля 1936 г. Президиум ИККИ принял постановление, которое явилось ярким примером творческого развития марксистско-ленинской пролетарской тактики борьбы за мир в новых исторических условиях, характеризовавшихся, с одной стороны, существованием социалистиче-

¹ «Коммунист», 1969, № 2, стр. 6—7.

² ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 216, л. 163.

³ «Коммунист», 1969, № 2, стр. 6.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 31—32, стр. 58.

⁵ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 9, стр. 3—10.

ского государства, а с другой — опасностью порабощения всех стран и народов фашистскими государствами. В нем говорилось, что *«обуздание фашистских зачинщиков войны, борьба за сохранение мира сегодня центральная задача всего международного пролетариата»*¹. Указав на попустительство капиталистических держав фашистским агрессорам, на отказ правых лидеров Социалистического рабочего интернационала от объединенных действий пролетариата против войны, Президиум ИККИ дал характеристику растущим силам мира и выдвинул задачу их объединения.

Решающим шагом к установлению единства действий международного пролетариата против поджигателей войны Коминтерн считал развертывание компартиями *«во всех областях общественной и политической жизни страны самой активной, упорной и широкой кампании за сохранение мира»*. Коммунисты должны вести эту кампанию, не откладывая ее до заключения пактов о совместных действиях с руководством социал-демократической партии, но вести ее обязательно под знаком борьбы за установление единства действий компартии с социал-демократической партией»². Постановление рекомендовало компартиям теснейшим образом увязывать вопросы обороны своих стран с требованиями расширения демократических прав трудящихся.

В этом документе были сформулированы критерии для определения характера надвигающейся войны. В нем подчеркивалось, что сложившаяся в мире к началу 1936 г. ситуация не похожа на обстановку 1914 г., когда не было ни стран, где победил пролетариат, ни стран фашистской диктатуры. «Теперь, — говорилось в постановлении, — имеются 1) пролетарское государство, являющееся величайшим оплотом мира; 2) определенные фашистские агрессоры (Германия, Италия, Япония); 3) ряд стран, стоящих под непосредственной угрозой нападения на них со стороны фашистских агрессоров и утери своей государственной и национальной независимости (Бельгия, Чехословакия, Австрия и т. д.); 4) другие капиталистические государства... которые в данный момент заинтересованы в сохранении мира»³.

Из анализа этих факторов делался вывод: вторая мировая война, подготавливаемая империализмом, по своему характеру будет более сложной и противоречивой, чем первая, в ней с самого начала скажутся не только империалистические, но и освободительные тенденции. Этот вывод имел огромное значение для борьбы компартий за сплочение антифашистских сил, а затем, в годы войны, — для развертывания движения Сопротивления.

Руководствуясь новой политической ориентировкой, Коминтерн и его национальные секции осуществляли тактику, которая завоевывала на сторону единого рабочего и народного фронта все более широкие массы. Под флагом решений VII конгресса Коминтерна во многих странах проходили съезды компартий, вырабатывавшие конкретные меры по претворению в жизнь лозунгов антифашистской и антивоенной борьбы пролетариата с учетом конкретных исторических условий и реальной расстановки социальных сил, выступавших за мир.

В январе 1936 г. VIII съезд Французской коммунистической партии принял решение о дальнейшем расширении борьбы за народный фронт. Вскоре социалистическая, радикальная и республиканская социалистическая партии присоединились к коммунистам, одобрив программу народного фронта, в которой выдвигались следующие требования: амнистия политическим заключенным, разоружение фашистских лиг и их роспуск,

¹ «Коммунист», 1969, № 2, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 9.

отмена чрезвычайного законодательства, соблюдение прав профсоюзов, национализация военной промышленности и отмена частной торговли оружием, развитие мирного международного сотрудничества в целях обеспечения коллективной безопасности и неделимости мира, упразднение тайной дипломатии, распространение договоров о взаимной помощи против агрессии, аналогичных франко-советскому. Программа включала и экономические требования, отражавшие интересы рабочего класса и других слоев населения.

В марте 1936 г. Всеобщая конфедерация труда Франции и левая Унитарная всеобщая конфедерация труда слились в единую профсоюзную организацию — Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ). Коминтерн оценил это объединение как большой успех на пути достижения сплоченности в пролетарском профсоюзном движении¹. Создание единого профсоюзного центра способствовало усилению тяги трудящихся к профсоюзам. После образования ВКТ число ее членов достигло 5 млн. человек.

Борьба за народный фронт укрепила ФКП, повысила ее роль в обществе. Численность партии увеличилась с 55 тыс. человек в начале 1935 г. до 300 тыс. в 1938 г. Совместно с коммунистической молодежной федерацией и союзом французских девушек ФКП объединяла 450 тыс. человек². Орган ФКП — газета «Юманите» стала самой крупной политической газетой во Франции. Ее средний тираж достигал 400 тыс. экземпляров. В результате консолидации трудящихся возросли роль рабочего класса в политической жизни страны, его влияние на широкие слои населения.

На парламентских выборах 26 апреля — 3 мая 1936 г. партии антифашистского народного фронта добились крупной победы: получили 381 место, в то время как правые партии лишь 237 мест. От ФКП прошло 72 депутата вместо 10, избранных на предыдущих выборах. В результате образовалось правительство во главе с социалистом Л. Блюмом, опиравшееся на партии народного фронта.

Победа на парламентских выборах партий народного фронта дала новый толчок рабочему движению. В июне 1936 г. по всей стране прокатилась мощная волна забастовок. Рабочие требовали заключения коллективных договоров, которые ограничили бы произвол предпринимателей, обеспечили повышение зарплаты и т. д. На многих предприятиях развевались красные знамена. Под натиском трудящихся правительство провело ряд прогрессивных реформ: повысило зарплату, ввело 40-часовую рабочую неделю, оплачиваемые двухнедельные отпуска, обязательные коллективные договоры, отменило чрезвычайные декреты, направленные против государственных и коммунальных служащих, а также бывших фронтовиков. Были приняты законы о роспуске фашистских лиг, о национализации военной промышленности, осуществлены некоторые мероприятия в интересах мелких торговцев, ремесленников и крестьян. Все это явилось крупным завоеванием трудящихся, достигнутым в упорной борьбе против реакции.

Однако правительство Л. Блюма не проявляло последовательности в выполнении программы народного фронта, не принимало действенных мер против контрреволюционной буржуазии, не пресекло деятельности фашистских лиг. Сформированное в июне 1937 г. новое правительство радикала Шотана фактически стало игнорировать программу народного фронта, добиваясь полной ее ликвидации. Пользуясь попустительством властей, активизировали свою деятельность махровые реакционеры. При поддержке генерального штаба французской армии и крупных монополий фашистская организация кагуляров готовила государственный

¹ «Коммунист», 1972, № 8, стр. 25.

² 40 лет Французской коммунистической партии. М., 1961, стр. 51—52.

переворот, заранее наметив на пост главы правительства известного своими реакционными взглядами маршала Петэна. Французские коммунисты разоблачили перед народом этот заговор против республики. Однако его влиятельные организаторы не были привлечены к ответственности. Так реакционные империалистические круги, используя входивших в правительство лидеров радикалов и социалистов, постепенно ослабляли народный фронт.

Новая ориентировка коммунистического и рабочего движения сыграла важную роль в борьбе трудящихся Англии против наступления реакции, за миролюбивую внешнюю политику и удовлетворение насущных экономических нужд. В целях создания народного фронта компартия Великобритании после парламентских выборов 1935 г. заявила о своем желании войти в лейбористскую партию. Она учитывала при этом, что лейбористская партия охватывала большинство английских рабочих и что в ней практиковалось не только индивидуальное, но и коллективное членство. Эта инициатива была широко одобрена рабочими: около 100 тыс. из них поставили свою подпись под петицией, призывающей к объединению. Однако лейбористское руководство отказалось принять компартию в свои ряды, выступило против единства действий с коммунистами.

Летом и осенью 1936 г. в Англии развернулось мощное стачечное и антифашистское движение. Своей кульминации борьба достигла в октябре, когда жители Лондона преградили путь фашистским отрядам Мосли.

Опираясь на широкие слои населения, компартия Англии добилась соглашения с независимой рабочей партией и социалистической лигой. Опубликованный 18 января 1937 г. совместный манифест этих организаций призвал создать единый рабочий фронт, занять жесткую позицию по отношению к правительственной политике, объективно способствовавшей укреплению фашизма, развязыванию войны и усилению колониального гнета; активно бороться за заключение договора между Англией, СССР, Францией и другими государствами для пресечения фашистской агрессии¹.

В мае 1937 г. XIV съезд компартии Англии выработал курс на дальнейшее сплочение рядов пролетариата.

19 марта 1938 г. компартия выступила с документом, в котором призвала лейбористское руководство к образованию правительства народного фронта и развертыванию решительных действий в пользу мира. Это предложение поддерживали такие крупные организации, как кооперативная партия, федерация горняков Южного Уэльса, национальный союз приказчиков и работников торговли, а также более мелкие союзы.

Однако сползание лейбористского руководства к активной поддержке консервативного кабинета Чемберлена привело к срыву всех попыток коммунистов и других левых сил добиться сплочения масс на базе народного фронта.

Значительного размаха достигла борьба за создание единого рабочего и широкого народного фронта в США. Компартия США активно выступала против политики изоляционизма, за коллективную безопасность. Вначале она стремилась создать основу народного фронта на базе образования рабоче-фермерской партии, но вскоре признала необходимым привлечь другие политические группировки, в частности левые элементы демократической партии.

Укрепились позиции коммунистов в профсоюзном движении. В 1938 г. возник новый профсоюзный центр — Конгресс производственных профсоюзов (КПП), стоявший в то время на прогрессивных позициях.

¹ «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, стр. 112—113.

Борьба американского рабочего класса и трудящихся за мир, против войны наталкивалась на упорное сопротивление крупного монополистического капитала, который отстаивал пресловутую политику «нейтралитета». Обстановка осложнялась тем, что многие демократические организации находились в плену пацифистских и либеральных идей, а рабочее движение ослабляли троцкисты и лидеры социалистов. ИККИ рекомендовал компартии США смелее включаться в широкое совместное движение с массовыми организациями, поддерживать прогрессивные мероприятия администрации президента Ф. Рузвельта, решительно осуждая те ее шаги, которые противоречат требованиям антифашистского демократического фронта. В январе 1938 г. Секретариат ИККИ положительно оценил деятельность компартии США, направленную на достижение пролетарского единства. Вместе с тем он отметил, что в партии проявляется некоторая боязнь активно включиться «в широкое совместное движение с мелкобуржуазными, прогрессивными и демократическими силами»¹.

В сложной обстановке вели борьбу коммунистические партии тех стран, которым непосредственно угрожала фашистская агрессия. В этих странах нужна была быстрее мобилизация всех антифашистских и патриотических сил. Так, компартия Чехословакии разъясняла массам, что на карту поставлены свобода и само существование нации. В этих условиях в ее работе на первый план выдвигалась задача сплочения всех противников фашистской агрессии, всех патриотов.

Важную роль в ориентировке компартии Чехословакии сыграли решения ее VII съезда (апрель 1936 г.), который указал, что главная задача состоит в том, чтобы защитить республику от угрозы гитлеровской агрессии. «Позиция Коммунистической партии по вопросу об угрозе Чехословакии со стороны гитлеровских фашистов,— говорил на съезде К. Готвальд,— является позицией защиты Чехословакии против Гитлера, защиты Чехословакии против фашизма»².

Разъясняя, что всякое отступление перед фашизмом приведет к катастрофе, ЦК КПЧ призывал к повышению бдительности, созданию единого фронта борьбы за свободу и независимость страны³. Была определена политическая линия, исходившая из интересов рабочего класса и всего трудового народа. Коммунисты разоблачали сущность политики «невмешательства».

Однако в предмюнхенский период компартия Чехословакии не была достаточно сильной, чтобы повести за собой массы вопреки воле руководства социал-демократической и мелкобуржуазных партий. После захвата гитлеровцами Судетской области она начала новый этап борьбы за демократические права народа, против вассальной зависимости Чехословакии от фашистской Германии. В «Письме ко всем членам партии» от 8 октября 1938 г. и в речи К. Готвальда на заседании постоянного комитета Национального собрания была выдвинута задача пресечь происки фашистских элементов, активизировавшихся внутри страны.

Разоблачая германский фашизм, КПЧ в то же время выступала за упрочение дружественных отношений с немецким населением, проживающим в Чехословакии. Об интернационализме чехословацких коммунистов свидетельствует, в частности, листовка их пражской организации, изданная 13 октября 1938 г. Она бичевала происки реакционных сил, направленные на раскол народа, призывала разъяснять народным массам героизм и самопожертвование немецких рабочих — коммунистов,

¹ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 445.

² К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения, т. I, стр. 448.

³ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 3, стр. 118.

социал-демократов и активных демократических деятелей, боровшихся с фашизмом¹.

Коммунисты Чехословакии широко использовали легальные возможности для укрепления связей с массами. Не отказываясь от своих социалистических целей, компартия на первый план выдвинула требования демократического и антиимпериалистического характера, защиты повседневных нужд пролетариата и всех трудящихся. Борьба за восстановление национальной независимости и государственной самостоятельности Чехословакии, демократических свобод и прав народа стала неотъемлемой частью и исторически необходимым этапом на пути к социальному освобождению рабочего класса. Основная стратегическая задача была выражена главным лозунгом партии: «Все силы на борьбу против гитлеровцев, за новую, свободную Чехословакию».

Коминтерн совместно со своими национальными секциями, при активной помощи и поддержке ВКП(б), последовательно проводил политику сплочения всех антифашистских сил в Германии, Италии, Австрии, Венгрии, Польше, Греции, Болгарии и других государствах, где возникли фашистские или полуфашистские диктатуры. Компартии этих стран четко определили политическую цель борьбы — свержение фашизма и создание антифашистских демократических республик.

Осуществляя новую ориентировку Коминтерна, компартия Германии на партийной конференции, состоявшейся в октябре 1935 г. под Москвой и имевшей значение съезда, разработала программу борьбы с фашизмом. В целях конспирации конференция была названа Брюссельской. Оценивая актуальность антифашистской борьбы германских коммунистов для всего международного коммунистического движения, представитель ИККИ П. Тольятти говорил: «Опыт, который ваша партия приобрела накануне прихода фашистов к власти и после установления фашистской диктатуры, находился в центре внимания конгресса. И сейчас перед вами стоит еще более ответственная задача — создать все необходимые предпосылки для претворения в жизнь решений VII конгресса»².

Брюссельская конференция трезво оценила обстановку в Германии, констатировав, что фашистская диктатура укрепилась и ей удалось идеологически обработать и привлечь на свою сторону большую часть немецкого народа. В единогласно принятой резолюции «Новый путь к совместной борьбе всех трудящихся за свержение гитлеровской диктатуры» говорилось: «Исходным пунктом и главным содержанием единого фронта рабочих является борьба в защиту их непосредственных экономических и политических интересов, борьба за улучшение условий труда и его оплату, борьба против фашистского угнетения»³. Конференция считала, что предпосылкой единого фронта всех слоев рабочего класса является объединение действий КПП и социал-демократии. «Мы, коммунисты, хотим... создать антифашистский народный фронт всех трудящихся, мы хотим создать этот боевой союз всех слоев и всех организаций трудящегося народа для свержения фашистской диктатуры, мы хотим далее, чтобы антифашистский народный фронт соединил свою борьбу с активностью оппозиционных групп буржуазии (в рядах немецких националистов, рейхсвера и т. д.). Все силы, враждебные гитлеровской диктатуре, должны быть использованы для ее свержения»⁴.

¹ Архив Института истории компартии Чехословакии, № 1938/20.

² Zentrales Parteiarchiv der SED (далее — ZPA), 1/13, Bl. 1604.

³ Revolutionäre deutsche Parteiprogramme. Vom Kommunistischen Manifest zum Programm des Sozialismus (далее — Revolutionäre deutsche Parteiprogramme). Berlin, 1964, S. 136.

⁴ I b i d., S. 150.

Брюссельская конференция осудила подготовку к войне, развернутую империалистами фашистской Германии, и призвала всех трудящихся — противников гитлеризма поддерживать миролюбивую политику Советского Союза, являвшуюся противовесом агрессивной политике фашистов¹.

Манифест «К немецким трудящимся», принятый участниками конференции, нацеливал народ на борьбу за мир, за претворение в жизнь демократических требований (свобода создания организаций и проведения собраний, свобода печати и мыслей, вероисповедания и совести, культуры и искусства) во имя создания «новой свободной Германии»².

Конференция избрала Центральный Комитет КПП под председательством В. Пика и создала оперативное заграничное бюро³.

Таким образом, решения Брюссельской партийной конференции представляли собой директивные указания по развертыванию дальнейшей борьбы КПП против гитлеровской диктатуры и готовившейся войны.

Нелегальную антифашистскую работу под руководством коммунистов вели также члены Коммунистического союза молодежи Германии. Член ЦК этого союза Э. Хонеккер организовывал антифашистское движение молодежи в Саарской области, Бадене и Гессене, в Рурской области и Берлине.

Реакционные буржуазные историки пытаются утверждать, будто в годы фашистской диктатуры Коммунистическая партия Германии оказалась в изоляции, поскольку с пренебрежением относилась ко всем другим антифашистам. Но факты опровергают эти измышления. Несмотря на колоссальные трудности, кровавый террор, царивший в стране, провокации и шпионаж, партия постоянно стремилась к расширению совместных действий со всеми оппозиционными силами. Так, 21 декабря 1936 г. комитет по подготовке немецкого народного фронта принял обращение «Создавайте немецкий народный фронт! За мир, свободу и хлеб!». Обращение явилось первым значительным программным документом, который подписали видные деятели коммунистической, социал-демократической, социалистической рабочей партий, представители антифашистской интеллигенции.

Организации КПП, воссоздаваемые по всей стране, становились ядром групп сопротивления, в котором коммунисты объединялись с антифашистами иных политических воззрений⁴. После Брюссельской конференции теснее сплотились тысячи коммунистов и социал-демократов, включая находившихся в фашистских застенках.

Узники концлагерей переносили неслыханные мучения. Но избиения, пытки, расстрелы, имевшие целью уничтожить заключенных духовно и физически, не сломили антифашистов. Их поддерживало сознание, что идеи свободы, демократии и социального прогресса непобедимы. В 1935—1936 гг. в тюрьме Ослебсхаузен под Бременом коммунисты создали нелегальную партийную организацию под руководством М. Тезена и А. Зефкова, которая проводила работу среди политзаключенных и организовывала взаимопомощь. С 1937 г. активно действовала подпольная орга-

¹ Revolutionäre deutsche Parteiprogramme, S. 148.

² I b i d., S. 155—161.

³ В своей работе бюро действовало через секторы, возглавляемые в большинстве своем членами ЦК. В конце 1935 — начале 1936 г. такие секторы создавались в пограничных с Германией государствах, так как в тот период не было возможности сосредоточить центральное руководство в самой Германии. Каждый из них отвечал за работу партийных организаций определенного района Германии. Примечательно, что руководство сектора «Центр», размещавшееся в Праге (с ноября 1938 г. — в Мальме и Гётеборге), так же как и секторов «Север» (Копенгаген), «Запад» (Амстердам), «Юго-Запад» (Брюссель), «Юг» (Цюрих) и сектора Саарской области (Париж), продолжало действовать и после начала второй мировой войны (ZPA, 2/58, Bl. 2).

⁴ ZPA, NJ 5044; St. 3/43 II, Bl. 413; PSt. 3/60 I, Bl. 67.

низация КПГ в бранденбургской тюрьме; в эту организацию входили Э. Хонеккер, А. Кайзер, Б. Лейшнер, М. Маддалена и К. Зейбт. В 1937—1939 гг. антифашистская деятельность велась в концентрационных лагерях Бухенвальд, Флоссенбург, Маутхаузен, Равенсбрюк ¹.

В дальнейшем разворачивании антифашистской борьбы в Германии важную роль сыграла партийная конференция, состоявшаяся 30 января — 1 февраля 1939 г. в Дравее, южнее Парижа, названная в целях конспирации Бернской. В докладе В. Пика была вскрыта антинациональная роль самых реакционных групп немецкого монополистического капитала, показаны глубокие противоречия между политикой гитлеровского фашизма и интересами немецкой нации. «Спаси нацию от гибели, — говорил В. Пик, — это значит свергнуть ее предателей и преступников, гитлеровский фашизм и монополистический капитал. В этом заключается высшая национальная задача в нашу эпоху» ².

Бернская конференция подчеркнула, что политика Коммунистической партии Германии твердо и неуклонно направлена на то, чтобы в теснейшем единстве со всеми свободолюбивыми и миролюбивыми немцами свергнуть гитлеровскую диктатуру и поставить на ее место свободно избранное всем народом правительство новой демократической республики. Конференция КПГ заявила, что спасение Германии от катастрофической политики гитлеровского режима требует подчинения частных интересов всех антифашистов общим интересам немецкой нации.

В своих решениях конференция сформулировала программу создания новой демократической республики в Германии, в которой фашизм будет выкорчеван и судьбу страны станет определять объединенный рабочий класс вместе с трудящимися, сплоченными в народном фронте.

Однако реальные условия для осуществления этой программы возникли позднее. Гитлеровцы игрой на национальных чувствах, безграничной демагогией, мерами психологического и идеологического воздействия, обещаниями всеобщего благоденствия увлекли за собой значительную часть населения. Требовалось время, чтобы массы на собственном опыте убедились, что фашизм несет им невиданные страдания, ведет к величайшей национальной катастрофе.

В тяжелых условиях приходилось вести антифашистскую борьбу коммунистам Польши. В марте 1936 г. ЦК КПП опубликовал воззвание «На борьбу против фашистских угнетателей, изменников народа и поджигателей войны», в котором осудил 10-летнее правление пилсудчиков, призвал к образованию народного фронта, свержению фашистского режима, к борьбе за мир, поддержке мероприятий коллективной безопасности, предложенных СССР. Под руководством коммунистов в марте — апреле во Львове и других городах Польши состоялись мощные выступления рабочего класса, которые переросли в вооруженные бои с полицией и войсками.

В начале марта 1936 г. в Лодзи вспыхнула стачка текстильщиков, охватившая весь Лодзинский район. Вскоре поднялись на борьбу рабочие Кракова. Для подавления бастующих правительство бросило войска. Это вызвало возмущение трудящихся. 23 марта стачка в Кракове стала всеобщей. Рабочие требовали создания антифашистского народного правительства. В ответ полиция пустила в ход оружие: восемь рабочих было убито, десятки ранены. Похороны жертв, состоявшиеся 25 марта, превратились в грандиозную демонстрацию протеста против политики буржуазно-помещичьего правительства. Вся трудовая Польша выражала солидарность с краковскими рабочими.

¹ ZPA, EA 1202; NL 98/7.

² «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, Н. 1, S. 94.

25 марта во Львове забастовали рабочие всех предприятий, кроме железнодорожных мастерских. Несмотря на полицейский террор, 16 апреля в городе состоялись похороны убитого полицией безработного Козака, на которые собралось свыше 100 тыс. человек. Траурное шествие вылилось в антифашистскую демонстрацию. Подтянув подкрепления из других городов, полиция «навела порядок»: 100 человек было убито, свыше 300 ранено, несколько тысяч демонстрантов арестовано¹. Героическая борьба львовских рабочих вызвала мощное движение солидарности по всей стране и за рубежом. Боевые выступления трудящихся Кракова и Львова явились яркой демонстрацией идей пролетарского интернационализма, объединявших под одним знаменем рабочих разных национальностей.

Против реакции активно выступало и крестьянство. Наиболее крупные волнения, охватившие значительную часть страны, произошли в 1937 г. Крестьяне отказывались нести государственные повинности, платить налоги, требовали бесплатного наделения землей, предоставления демократических прав, изменения курса внешней политики Польши, установления дружественных отношений с СССР.

В такой обстановке КПП неоднократно предлагала лидерам польской социалистической партии (ППС) и крестьянской партии «Стронництво людове» объединить усилия для защиты интересов народа. В воззвании компартии «К Главному совету ППС, к членам и деятелям ППС, «Стронництво людове», к рабочим, крестьянам, ко всем людям труда, ко всем, кому дорога будущность польского государства, кому дорога независимая Польша» (октябрь 1936 г.) говорилось: «Испытывая глубокую тревогу за судьбу Польши, массы рвутся в бой за свержение обанкротившейся санации, добиваются того, чтобы судьбы страны были переданы в надежные руки, в руки народных масс. Поэтому народные массы всей Польши требуют: роспуска сейма и сената, состоящих из фашистских ставленников; проведения демократических выборов; немедленного разрыва союза с Гитлером и вступления Польши в блок государств, защищающих мир»². Воззвание призывало устранить все, что мешает пролетарскому единству: «Чтобы положить конец политике национального предательства, необходимы массовые действия объединенных сил всех ведущих политических партий польского народа — КПП, ППС и «Стронництво людове». Объединенными рядами на совместную борьбу... за свободную и счастливую Польшу!»³. Но хотя народные массы в большинстве случаев поддерживали боевые лозунги коммунистов, лидеры ППС и «Стронництво людове» неизменно отклоняли их.

В ходе борьбы за народный фронт коммунисты и другие прогрессивные силы страны, разоблачая антинациональный характер внешней политики санационных правителей — Мосьцицкого, Рыдз-Смиглы, Бека и других, требовали проведения курса, направленного на защиту независимости Польши. В 1938 г. первомайские демонстрации в Польше прошли под лозунгами защиты республиканской Испании и Чехословакии, установления дружественных отношений с СССР. В Варшаве в них участвовало около 100 тыс. человек, в Лодзи — 75 тыс. На многих собраниях местных организаций партии «Стронництво людове» принимались резолюции с требованием проводить стачки под лозунгами ликвидации фашистского режима, существенного изменения внешней политики и облегчения катастрофического положения трудящихся.

¹ Из истории новейшего времени. М., 1959, стр. 462.

² KPP w obronie niepodległości Polski. Materiały i dokumenty. Warszawa, 1954, стр. 327.

³ I b i d., стр. 329.

Компартия Польши указывала на гибельность политики правящей верхушки страны не только для польского народа, но и для дела мира в Европе. Летом 1938 г., накануне захвата Чехословакии, КПП обратилась с воззванием к трудовому народу Польши, в котором разъясняла, что «кровавые санационные тираны в слепой ненависти к польскому народу совместно с Гитлером замышляют преступные империалистические планы разбойничьих походов против Чехословацкой республики, Литвы, Латвии и СССР, планы, пагубные для независимого существования Польши». Коммунисты призывали польский народ выступать единым фронтом за мир.

Однако в это время движение трудящихся Польши, направленное против реакционной политики правительства в защиту мира, встретилось с большими трудностями. Летом 1938 г. Исполком Коминтерна, исходя из необоснованных обвинений в широком проникновении вражеской агентуры в руководство КПП, принял решение о ее роспуске. Впоследствии КПСС, ПОРП, компартии Италии, Болгарии и Финляндии признали необоснованность этого решения, заявив, что компартия Польши «последовательно стояла на позициях пролетарского интернационализма, на позициях тесного сотрудничества с братскими коммунистическими и рабочими партиями, с международным революционным движением»¹.

Польские коммунисты считали необходимым воссоздание партии и ставили этот вопрос перед руководством Коминтерна. В начале 1939 г. в Париже по инициативе Исполкома Коминтерна была организована группа польских коммунистов с целью подготовить восстановление партии. В ее состав вошли бойцы интернациональной бригады имени Я. Домбровского, сражавшиеся в Испании. Издаваемый группой журнал, нелегально доставляемый в Польшу, информировал коммунистов о деятельности и рекомендациях Коминтерна.

16 мая 1939 г. Исполком Коминтерна в специальном решении о коммунистическом движении в Польше подчеркнул, что «воссоздание партии является настоящей задачей текущего момента». Предполагалось образовать временный руководящий центр Коммунистической партии Польши, который «должен был взять курс на постепенное создание единой централизованной партии, собирая в ее рядах все лучшее, честное, боеспособное, революционное в польском коммунистическом движении, то есть среди пролетариата и крестьянства Польши»². Однако в условиях предвоенного политического кризиса и обострения международной обстановки это решение ИККИ осуществить не удалось.

Трудности, вызванные роспуском партии, не остановили борьбу коммунистов против фашизма и реакции, за независимость страны, за дружбу и сотрудничество с СССР. Проводя большую работу в массах, они разоблачали антинациональную сущность политики санации, требовали коренного поворота во внешней политике, отставки реакционного правительства и установления народно-демократической власти.

В 1936—1937 гг. некоторых успехов в создании антифашистского народного фронта добилась Коммунистическая партия Румынии. В активную борьбу, которую вели коммунисты, включились фронт земледельцев, союз венгерских рабочих и крестьян (Мадос) и ряд организаций социал-демократической партии. Народный фронт успешно выступил на частичных выборах в областях Мехединци и Хунедоара. Смелые действия в защиту жизненных интересов народа вызвали ярость господствующих классов, которые предприняли кровавые репрессии против самых отважных борцов. Тюрьмы были переполнены антифашистами, и прежде всего

¹ «Правда», 21 февраля 1956 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1280, лл. 44—45.

коммунистами. В застенках были убиты такие патриоты, как И. Пинтилие, Я. Гебрак, А. Прот и другие.

В суровых условиях нелегальной работы действовала Коммунистическая партия Югославии. В конце 1935 — начале 1936 г. власти арестовали многие сотни коммунистов, причем особенно большие потери понесли руководящие кадры. Значительный ущерб партии нанесла продолжавшаяся в ее рядах фракционная борьба¹. Преодолевая огромные трудности, КПЮ неустанно боролась за расширение своих рядов, за создание народного фронта. В конце 1937 г. было сформировано новое руководство партии во главе с И. Броз Тито, который вернулся из-за границы. Последовательное проведение компартией линии VII конгресса Коминтерна на создание широкого народного фронта для борьбы с реакцией и фашизмом повысило ее авторитет и влияние в стране. На базе совместных выступлений против реакционного режима вокруг КПЮ постепенно объединялись левые течения буржуазных партий. Среди них выделялись группы И. Рибара из демократической партии, Д. Йовановича — из сербской земледельческой партии, некоторые представители радикальной партии, хорватской крестьянской партии и других. Так закладывались основы антифашистского объединения народов Югославии.

Известные успехи в борьбе за создание народного фронта были достигнуты и в странах Азиатского континента. Начав кампанию за профединство, КПЯ в условиях подъема рабочего движения в 1935 г. добилась слияния двух наиболее крупных профессиональных федераций — Содомей и Дзенро. Объединение проходило под лозунгами борьбы против фашизма, за мир и демократические свободы. Антифашистские и антимилитаристские настроения находили широкий отклик среди молодежи и интеллигенции.

Успехи в объединении демократических сил Японии сильно тревожили реакцию. В феврале 1936 г. организация «молодых офицеров» попыталась произвести в Токио фашистский переворот. Хотя переворот и не принес ожидаемого успеха, но продемонстрировал, что реакционные силы готовятся расправиться с авангардом трудящихся — компартией. Вскоре на КПЯ обрушилась волна арестов, а в 1937 г. в Японии были распущены все левые организации — Национальный совет профсоюзов, рабочая партия и другие.

Борьба за народный фронт развернулась во многих государствах Южной Америки, странах Ближнего и Среднего Востока.

В Канаде активно выступали за мир такие организации, как Лига за мир и демократию и Общество друзей Лиги наций. Ареной острых битв против фашизма и войны стали Бельгия, Голландия, прибалтийские и скандинавские страны.

Движение пролетариата и его компартий за создание народного фронта в высокоразвитых капиталистических странах способствовало активизации антиимпериалистической борьбы в колониях, полуколониях и доминионах. Провозглашенная Коминтерном политика широкого антиимпериалистического фронта открывала возможность сплочения подавляющего большинства населения этих стран против колониальной политики империалистических держав.

Для Китая задача создания единого антияпонского фронта стала в середине 30-х годов вопросом первостепенного жизненного значения. Продолжение гражданской войны могло быть только на руку японскому империализму. Но в течение многих месяцев ни Чан Кай-ши, ни руководство КПК не соглашались на сотрудничество против общего врага.

¹ История Югославии. В двух томах. Т. II. М., 1963, стр. 158.

Позиция Чан Кай-ши была обусловлена классовой ненавистью буржуазии к коммунистам. На позицию КПК влияли большие изменения, происшедшие внутри партии. Она потеряла южные революционные базы и ушла в глухие сельские районы на севере, вдали от промышленных центров. Произошло окрестьянивание партии. В 1926 г. 66 процентов ее состава было представлено рабочими, в 30-е годы 90 процентов — крестьянами. С превращением КПК в крестьянскую по составу партию был связан рост в ее рядах мелкобуржуазно-националистических настроений, отражавшихся во взглядах Мао Цзэ-дуна и его сторонников.

Коминтерн регулярно обсуждал вопросы развертывания антияпонской борьбы в Китае. Основные принципы политики единого национального фронта, разработанные ИККИ в конце 1935 г., получили отражение в декабрьском постановлении Политбюро ЦК КПК, несмотря на недостатки и серьезные ошибки этого постановления. Было решено заменить лозунг «Советская республика» лозунгом «Народная республика». В начале мая 1936 г. компартия сняла лозунг свержения гоминьдановского правительства в расчете на то, что правительство Чан Кай-ши пойдет на активное сопротивление японскому империализму.

В феврале 1937 г. ЦК КПК обратился к пленуму ЦИК гоминьдана с предложениями: прекратить гражданскую войну, установить свободу слова, собраний, провести всеобщую амнистию политических заключенных, созвать национальный конгресс с участием всех партий и группировок, быстрее завершить подготовку для вооруженной борьбы против Японии, улучшить положение народных масс. КПК заявила также, что, если программа будет принята, коммунисты прекратят борьбу за свержение нанкинского правительства, преобразуют советское правительство в управление особого района Китайской республики, а китайскую Красную армию — в Национально-революционную армию, прекратят конфискацию помещичьих земель, будут твердо выполнять общую программу единого антияпонского национального фронта.

В сентябре 1937 г. между компартией и гоминьданом было заключено соглашение о едином фронте против японского империализма. Образование антияпонского фронта в Китае имело большое международное значение, способствовало укреплению позиций демократических сил на Дальнем Востоке.

В ходе борьбы против японского милитаризма складывался единый фронт корейских патриотов, руководимый коммунистами. Он опирался на корейскую Народно-революционную армию, возглавляемую Ким Ир Сеном.

Победа народного фронта во Франции в 1936 г. привела к усилению антиимпериалистической борьбы в Индокитае, где компартия развернула работу за достижение национального единства. В 1939 г. в результате революционно-демократического движения возникла компартия Бирмы, ставшая на путь сплочения прогрессивных сил народа. Складывался единый национальный фронт в Индонезии, где в 1939 г. образовался широкий антиимпериалистический блок партий — Индонезийский политический союз, объединивший коммунистов и демократическое крыло национальной буржуазии. Активной силой в борьбе против Японии явилась компартия Филиппин, которая в августе 1938 г. приняла манифест «Мобилизация Филиппин против японской агрессии».

Лозунг народного фронта приобрел широкую популярность в Индии. Коммунисты добились того, что Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП) в 1936 г. взял курс на превращение его в массовую организацию. Он призывал рабочих к активному участию в национально-освободительном движении и к консолидации антиимпериалистических сил вокруг партии Индийский национальный конгресс (ИНК), которую в апреле

1936 г. возглавил Д. Неру. В феврале 1938 г. на 51-й сессии ИНК было принято решение о поддержке всеобщего фронта мира и сотрудничества во имя коллективной безопасности. После того как коммунисты через профсоюзы вошли в партию Индийский национальный конгресс, в ней образовалось сильное левое крыло, развернувшее борьбу за демократию и мир.

Значительный вклад в борьбу за осуществление решений VII конгресса Коминтерна внесли коммунистические партии стран Латинской Америки. В Чили при активном участии компартии в 1936 г. был создан народный фронт. Движение за создание народного фронта развернулось также в Бразилии, Мексике, Аргентине и на Кубе.

Таким образом, разработанная Коминтерном новая политическая ориентировка способствовала дальнейшему подъему коммунистического и рабочего движения, его активной борьбе против фашизма и войны. В то же время осуществление лозунгов народного фронта встретило ожесточенное сопротивление со стороны буржуазии и ее пособников, делавших все для того, чтобы разрушить пролетарское единство.

2. Поддержка жертв империалистической агрессии

Разбойничье нападение Италии на Эфиопию не явилось неожиданностью для международного пролетариата и его компартий. Еще весной и летом 1935 г. по инициативе коммунистических партий во многих странах возникли комитеты защиты эфиопского народа. В августе был создан Международный комитет защиты эфиопского народа, объявивший о созыве международной конференции в Париже с целью консолидации прогрессивных сил, могущих помешать развязыванию военной авантюры в Африке и поддержать Лигу наций против поджигателей войны ¹.

Руководство ИККИ ориентировало компартии на развертывание международной кампании в защиту эфиопского народа. Этому вопросу уделил большое внимание VII конгресс Коминтерна. Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма, его видные руководители во главе с А. Барбюсом развернули движение по оказанию помощи Эфиопии. Они требовали от правительств и Лиги наций обеспечить национальную независимость этой африканской страны.

Твердая позиция Советского государства в итало-эфиопском конфликте укрепляла международное движение солидарности с жертвами фашистской агрессии, ориентировала пролетариат всего мира на единство действий против фашизма и войны.

3 сентября 1935 г. в Париже состоялась международная конференция в защиту эфиопского народа. В ней участвовали делегаты от коммунистических и социал-демократических партий, профсоюзов, международных и национальных антифашистских и антивоенных организаций. Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров направил участникам конференции телеграмму, содержащую призыв «мобилизовать общественное мнение всего мира, чтобы обеспечить мир», и подчеркивавшую важность объединения самых широких сил сторонников мира и необходимость созыва международной конференции всех рабочих партий против войны ².

Конференция приняла декларацию, адресованную Лиге наций и мировой общественности, и избрала делегацию, которая должна была вручить документ руководству Лиги наций. Декларация требовала защиты

¹ «Rundschau», 1935, № 43, S. 1951.

² «Rundschau», 1935, № 46, S. 2053.

свободы эфиопского народа и предотвращения войны. В ней содержался призыв к трудящимся проводить митинги и демонстрации в защиту мира, не допускать поставок оружия, военных материалов и финансовой помощи итальянскому агрессору. Вечером 3 сентября в Париже состоялись массовые митинги в защиту эфиопского народа, а через день делегация, избранная конференцией, ознакомила председателя Совета Лиги наций с декларацией¹.

Первостепенное значение в борьбе за мобилизацию миролюбивых сил против агрессивных планов Италии имели организация широких действий во главе с рабочим классом и установление его международного единства. Коминтерн стремился убедить в этом руководство Социалистического рабочего интернационала и Амстердамского интернационала профсоюзов². Но лидеры этих организаций, обещавшие ранее обсудить условия совместных действий с коммунистами, на заседании 6 сентября 1935 г. в Женеве приняли резолюцию, возлагавшую всю надежду на Лигу наций, на ее санкции против агрессора³. Французская коммунистическая партия и социалистическая партия (СФИО) опубликовали воззвание в защиту Эфиопии, в котором обвинили П. Лаваля как совиновника готовившегося преступления⁴. В конце августа 1935 г. компартия Великобритании предложила предстоящему конгрессу тред-юнионов объединить силы рабочего класса для антивоенных выступлений⁵.

Представители ВКП(б) в ИККИ полностью поддерживали конкретные предложения Коминтерна Социалистическому рабочему интернационалу и Амстердамскому интернационалу профсоюзов о совместной борьбе против готовящейся войны в Африке.

24 сентября Секретариат ИККИ утвердил текст обращения к Социнтерну, в котором предлагалось обсудить на общем заседании неотложные меры по сохранению мира. Была утверждена делегация для ведения переговоров в составе М. Кашена, М. Тореза, Г. Поллита и Я. Швермы. На следующий день Секретариат ИККИ направил Секретариату Социалистического рабочего интернационала письмо, в котором содержалось предостережение, что военные мероприятия итальянского и германского фашизма «могут привести к мировой войне»⁶.

Учитывая эту опасность, ИККИ предлагал согласованными и совместными усилиями пресечь путь фашистским поджигателям войны. Соглашение Интернационалов, подчеркивалось в письме, активизировало бы рабочий класс, который увлек бы за собой сторонников мира, поднял бы на борьбу за мир целые народы⁷.

О самом искреннем стремлении коммунистического движения к единству действий против войны ярко свидетельствовала директива Секретариата ИККИ для делегации ИККИ к переговорам с Социалистическим рабочим интернационалом, в которой подчеркивалось, что предложения Коминтерна должны рассматриваться «как отправная точка дискуссии для успешного осуществления единого фронта в международном масштабе на основе решений VII Всемирного конгресса»⁸.

В директиве были сформулированы предложения Коминтерна, касавшиеся массовых демонстраций против войны и фашизма, срыва пере-

¹ «Rundschau», 1935, № 46. S 2045

² «Правда», 23 августа 1935 г.

³ «Die Internationale Information», 1935, № 30, 9 September.

⁴ «L' Humanite», 30 août 1935

⁵ «The Daily Worker», 30 August, 1935

⁶ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 427.

⁷ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 28—29, стр. 56—57

⁸ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 427.

возок оружия и военных материалов для Италии и Германии, избрания рабочих контрольных комиссий на военных предприятиях, мобилизации общественного мнения и оказания давления на правительства с целью осуществления экономических санкций против агрессора.

Исполком Коминтерна рассчитывал, что растущая опасность войны будет вынуждать социал-демократию, особенно в странах, которым угрожала фашистская агрессия, к поиску союзников в борьбе за мир. ИККИ учитывал, что последовательно проводимая политика единого фронта сможет усилить тот процесс полевления, который начался в международной социал-демократии в связи с ростом угрозы фашизма и войны, а это в свою очередь усилит давление масс на руководство социал-демократии.

На срочное письмо Коминтерна Секретариат Социалистического рабочего интернационала ответил лишь обещанием рассмотреть его предложения¹. Не помогли делу и переговоры по телефону членов комиссии Коминтерна с секретарем Исполкома Социалистического интернационала Ф. Адлером.

7 октября 1935 г., на пятый день вторжения итальянских войск на территорию Эфиопии, ИККИ выступил с воззванием «Долой войну!», в котором не только дал классовую оценку агрессии, но и выдвинул программу борьбы против нее. Г. Димитров от имени ИККИ направил письмо Социалистическому рабочему интернационалу, в котором настаивал на срочном ответе на предложение Коминтерна о совместных действиях. В письме говорилось: «Всякий, кто в этот серьезный час все еще отказывается или не решается сомкнуть все силы рабочего класса и всех трудящихся и применить все средства для того, чтобы были прекращены военные действия итальянцев против Абиссинии, чтобы война не распространялась на другие части мира и не стала прелюдией к новой мировой войне, берет на себя историческую ответственность перед мировым пролетариатом»².

12 октября 1935 г. на заседании Исполкома Социинтерна под давлением рядовых социалистов представители 12 партий высказались за единство действий с коммунистами и осудили итальянскую военную акцию. Однако представители социал-демократических партий Англии, Голландии, Швеции, Дании, Чехословакии решительно настаивали на отказе от единых действий с коммунистами и заставили Исполком принять решение, отвергающее совместные действия с компартиями. В то же время Исполком Социалистического рабочего интернационала заявлял, что он стремится принимать меры против поджигателей войны и что он предоставляет «моральную силу рабочего класса и мощь его организаций в распоряжение Лиги наций для защиты мира и справедливости»³. К. Готвальд писал по этому поводу, что «таким образом мировое рабочее движение, движение всех народов против войны и за мир принижается до роли придатка Лиги наций»⁴. Печать Коминтерна осудила поведение вождей пяти социал-демократических партий.

Движение против войны развернулось во многих странах. Компартии Южной Африки, Алжира и Туниса, Палестины, Египта, Сирии, Ирака и Италии опубликовали совместную декларацию в защиту Эфиопии, разоблачавшую империалистический характер войны со стороны Италии. В документе содержалось предупреждение, что «война, затеянная кровавым фашизмом в Абиссинии, может послужить началом новой импе-

¹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 28—29, стр. 57.

² Там же, стр. 58.

³ «Die Internationale Information», 1935, № 35, 14. Oktober.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 28—29, стр. 21.

риалистической бойни за новый передел мира»¹. О своем желании участвовать в вооруженной борьбе против итальянских захватчиков заявили многие представители Индии, Египта, Южно-Африканского Союза и негритянского народа США.

Начавшуюся войну компартии правильно оценивали как завершавшую период малых войн и открывавшую период больших войн империалистических держав за передел мира. Осуждая провокационный тезис буржуазной пропаганды о том, что это лишь «малая колониальная война», П. Тольятти писал: «Итальянская авантюра в Африке с международной точки зрения должна рассматриваться как первый этап вооруженного столкновения, к которому привела долголетняя борьба в Европе наиболее агрессивных империалистических держав, в первую очередь Германии и Италии»².

Активную позицию заняла компартия Италии, выдвинувшая тактику поражения своего правительства в империалистической войне. Вскоре после начала вторжения итальянских фашистов в Эфиопию ЦК КПИ опубликовал манифест «Спасем нашу страну от катастрофы», в котором призвал к массовым революционным действиям против войны и рекомендовал создавать революционные группы в армии, разъяснять грабительские цели войны, добиваться коллективных отказов от отправки грузов в Африку, покидать фронт с оружием в руках, усилить антивоенную работу в массовых фашистских организациях.

Итальянские коммунисты стремились к консолидации прогрессивных сил за рубежом. Они добились соглашения с социалистической партией о совместном проведении в Брюсселе 12—13 октября 1935 г. конгресса итальянских эмигрантов. Конгресс решительно осудил захватническую войну Муссолини и предложил развернуть сбор средств в помощь эфиопскому народу. Был создан комитет действия против войны, который позже выработал манифест, определивший формы борьбы против войны³.

Многое в этот момент зависело от профсоюзных организаций, в частности от позиции Международного объединения профсоюзов (МОП), то есть Амстердамского интернационала. ВЦСПС предлагал срочно организовать специальное совещание представителей МОП и Красного интернационала профсоюзов для обсуждения мер по борьбе против фашизма и войны⁴.

Секции Коминтерна организовывали массовые выступления трудящихся против агрессии фашистской Италии. Эти выступления выливались в многотысячные митинги и демонстрации, в коллективный отказ от разгрузки и погрузки итальянских товаров, в требования о прекращении финансовой помощи Италии, о посылке добровольцев в Эфиопию, создании фондов помощи эфиопскому народу и т. д. В октябре 1935 г. лондонские портовые рабочие отказались грузить итальянский пароход «Боккаччо», докеры Манчестера, Кардиффа, Марселя, Александрии и Кейптауна выступили с протестом против погрузки военных грузов для Италии.

Профессиональный совет Лондона обратился к конгрессу тред-юнионов с предложением выработать меры, направленные на прекращение военных перевозок для Италии.

По призыву компартий во многих странах перед посольствами и консульствами Италии прошли демонстрации протеста. Компартия Франции выступила инициатором организации «комитетов бдительности», которые разоблачали тех, кто осуществлял военные поставки в Италию. Коммунисты

¹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 31—32, стр. 73.

² Там же, стр. 16.

³ «Rundschau», 1935, № 57, S. 2349—2350.

⁴ «Красный Интернационал профсоюзов», 1935, № 22, стр. 15—16.

Англии в короткий срок распространили более чем 100-тысячным тиражом специальный бюллетень, раскрывавший планы агрессоров в Африке. 26 октября 1935 г. в Нью-Йорке 75 тыс. человек участвовали в походе единого фронта и в демонстрациях в поддержку справедливой войны эфиопского народа. Компартия США развернула кампанию по сбору подписей под петицией, осуждающей агрессию Италии.

Действия международного пролетариата в поддержку жертв империалистической агрессии обсуждались на заседании Президиума ИККИ (5 февраля 1936 г.). В принятой резолюции «О задачах секций Коминтерна в борьбе против империалистической войны итальянского фашизма» указывалось, что антивоенное движение развернуто еще слабо, носит очаговый характер, ему недостает массовости, организованности и оперативности и что этим пользуются социал-демократические лидеры для раскола рядов рабочего класса. ИККИ рекомендовал сливать народные выступления против агрессоров в Европе, Азии и Африке в единый фронт борьбы против фашизма и войны¹.

Опыт антивоенной деятельности Итальянской коммунистической партии показал, насколько трудна и сложна такая борьба. П. Тольятти отмечал, что в Италии не удалось развернуть массовое движение против агрессии в Эфиопии. Причину этого он усматривал в том, что компартия, отвлекаясь на абстрактные дискуссии «о правительстве и режиме, который будет установлен после свержения Муссолини», не сумела организовать активных действий трудящихся против военных акций фашистов.

В то же время правительство Муссолини искусно обманывало народ лозунгом, что война в Африке нужна Италии ради «куска хлеба для своих детей». Используя свои массовые организации, фашистская пропаганда направила недовольство мелкобуржуазных слоев населения против санкций, применяемых к агрессору².

Оценивая характер и размах международной кампании против войны в Эфиопии, Г. Димитров указывал на неблагоприятную роль руководства социал-демократических партий, отказавшихся от единых антивоенных действий. В то же время он считал, что и коммунисты некоторых стран, допуская относительную пассивность, «не сумели для каждой важнейшей страны и в интернациональном масштабе выработать такие конкретные, ясные, определенные массовые лозунги, которые способствуют мобилизации масс...»³.

Широкий размах приобрела международная пролетарская солидарность во время итало-германской интервенции в Испании в 1936—1939 гг.

Победа народного фронта в этой стране на выборах в парламент в феврале 1936 г. выдвинула ряд новых вопросов теории и практики коммунистического и рабочего движения.

Исполком Коминтерна предупреждал международное коммунистическое движение, что борьба за осуществление демократических преобразований в Испании связана с огромными трудностями. Испанские фашисты, опираясь на реакционные силы внутри страны и за ее пределами, неизбежно выступят против революции. Поэтому ИККИ одобрял стремление КПИ к расширению антифашистского фронта, сближению с некоммунистическими организациями, тесному сотрудничеству с республиканским правительством и призывал всемерно опираться на помощь прогрессивных сил мира.

Вопрос о характере испанской революции детально обсуждался на заседании Секретариата Исполкома Коминтерна в сентябре 1936 г. Вид-

¹ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 4, стр. 77.

² Там же, стр. 19, 23, 35.

³ «Вопросы истории КПСС», 1969, № 3, стр. 11.

ные деятели международного коммунистического движения были единодушны в том, что в условиях новой расстановки сил на мировой арене, характеризующейся прежде всего наличием социалистического государства, буржуазно-демократическая революция приобрела новое качественное содержание. Оценивая классовый характер рождавшейся демократической республики в Испании, Г. Димитров рассматривал ее как народную демократию, как «особую форму демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства»¹.

На опыте событий в Испании Коминтерн пришел к выводу, имевшему неопределимое значение для деятельности коммунистических и рабочих партий: народная демократия представляет собой связующее звено между антифашистской борьбой масс и главной целью пролетариата — борьбой за социализм.

Тогда же, в сентябре 1936 г., Коминтерн выдвинул программу единых действий рабочего класса и всех антифашистов в защиту республиканской Испании, включая вооруженную борьбу против фашизма. 18 сентября 1936 г. он призвал направить в Испанию добровольцев-антифашистов из других стран². Впоследствии ИККИ неоднократно занимался разработкой практических задач компартий в деле помощи Испанской республике.

Движение солидарности народов с Испанской республикой явилось мощным толчком для борьбы за народный фронт в международном масштабе. Оно ставило перед собой основные задачи: оказать испанскому народу помощь в его борьбе с фашизмом, ликвидировать блокаду республиканской Испании, восстановить ее право на приобретение оружия и оказать максимальную помощь населению.

Коминтерн добивался согласия Социалистического рабочего интернационала на проведение международной конференции рабочих организаций для обсуждения вопроса об оказании совместными усилиями практической помощи Испанской республике. Он рекомендовал организовать давление трудящихся на правительства ряда стран и Лигу наций, чтобы заставить прекратить поставки оружия мятежникам и обеспечить необходимые средства обороны для законного правительства Испании, призывал рабочие организации, всех демократов, всех сторонников мира оказать реальную моральную и материальную поддержку испанскому народу.

13 августа 1936 г. в Париже состоялась европейская конференция в защиту Испанской республики, демократии и мира, созванная Всемирным комитетом борьбы против войны и фашизма. Двести делегатов почти из всех европейских стран клеймили фашистскую агрессию и заявили: «Мы требуем для правительства Испанской республики свободы получать все необходимые средства для обеспечения своей обороны. Мы требуем от наших правительств, чтобы они решительно выступили против всякого вмешательства фашистских держав в дела Испании»³. В воззвании подчеркивалось, что Испанская республика защищает дело мира и демократии в Европе, что путь фашистов на Париж идет через Мадрид. На конференции был создан Международный координационный и информационный комитет помощи Испанской республике. В него вошли коммунисты, социалисты, видные прогрессивные деятели⁴.

В поддержку Испанской республики высказалась Международная ассоциация писателей в защиту испанской культуры против фашистского

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1135, л. 8.

² Там же, л. 2.

³ «Rundschau», 1936, № 37, S. 1504.

⁴ В комитет вошли Д. Блекетт, Изабелла Блюм, Г. Брантинг, Э. Борель, Р. Брейтшейд, Л. де Брукер, Ж. Дюкло, Л. Жуо, Ж. Жиромский, П. Ланжевен и другие.

варварства. В своих воззваниях она заявила, что поражение испанского народа «усилит угрозу всеобщему миру. Его же победа ударит по планам организаторов и поджигателей новой мировой бойни. Надо помочь испанцам разбить фашизм»¹.

Вторая международная конференция в защиту Испанской республики, созванная Международным координационным комитетом (действовавшим в тесном сотрудничестве со Всемирным комитетом борьбы против войны и фашизма) в Париже 10—11 октября 1936 г., решительно подняла голос в защиту правого дела республиканской Испании. Она заявила, что политика «невмешательства» и запрещения ввоза оружия в Испанию превратилась в инструмент блокады законного республиканского правительства и поощрения агрессоров. Конференция потребовала отмены блокады, обеспечения законному испанскому правительству возможности покупать все необходимое для защиты республики. Было предложено послать делегации к правительствам ряда стран и усилить разъяснительную кампанию в пользу Испанской республики².

Решительно осудил политику «невмешательства» Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма³. Во Франции коммунисты, левые социалисты, Всеобщая конфедерация труда, тысячи антифашистов требовали от правительства Л. Блюма отмены роковой для дела мира блокады Испании⁴.

Важные мероприятия по мобилизации сил во Франции на помощь Испанской республике отражены в решениях французского национального конгресса за мир, состоявшегося 25—28 сентября 1937 г.⁵. Конгресс продемонстрировал рост французской секции Всемирного объединения за мир: в нее вошли Организация ветеранов войны, ВКТ, кооперативы, все партии народного фронта. Конгресс потребовал от французского правительства, чтобы оно решительно выступило за вывод иностранных войск из Испании. Он заявил, что только сам испанский народ вправе решать свои внутренние дела.

В Англии испанские события вызвали определенный сдвиг влево в тред-юнионах и лейбористской партии, способствовали усилению борьбы против войны, за коллективную безопасность. Этот сдвиг происходил в ожесточенной борьбе как против буржуазной реакции, так и против правых лейбористских лидеров. Широкие слои населения страны осуждали пресловутое «невмешательство». Компартия, левые деятели профсоюзов и лейбористской партии, различные комитеты помощи Испании требовали оказания немедленной поддержки Испанской республике. Происходил сбор средств для Испании, шла запись добровольцев. Однако на конференции лейбористской партии, состоявшейся в октябре 1936 г. в Эдинбурге, правые лидеры протащили резолюцию о поддержке политики «невмешательства»⁶. Они исключили часть членов лейбористской лиги, когда те выступили за единство действий с коммунистами и активную помощь Испанской республике.

¹ «Правда», 9 октября 1936 г.

² «Rundschau», 1936, № 46, S 1913—1915.

³ «Rundschau», 1936, № 54, S 2188

⁴ Поддерживая идею единства действий, левый социалист Ж. Жиромский, посетив Испанию, писал: «Пугающим и трагическим является то, что именно самые ответственные люди моей партии, кажется, не видят сегодня достаточно ясно, что поражение Испанской республики означало бы увеличение военной опасности, что оно будет означать завершение большого гитлеровского плана и создаст предпосылки его победы» («Der Kampf», 1936, № 10, S 382)

⁵ «Rundschau», 1937, № 42, S 1511

⁶ The Labour Party Report of the 36th Annual Conference held in the Usher Hall, Edinburgh October 5th — October 9th 1936 London, 1936, p 181 Резолюция исполкома лейбористской партии о «невмешательстве» получила 1836 голосов при 519 голосах против.

Однако массы лейбористской партии продолжали оказывать нажим на ее вождей. Весной и летом 1937 г. все ежегодные конференции английских тред-юнионов высказались за поддержку и помощь Испании¹. К этому времени руководство Социалистического рабочего интернационала вынуждено было открыто признать провал политики «невмешательства» и заявить о своей солидарности с Испанской республикой. В такой ситуации и лидеры лейбористской партии на конференции в октябре 1937 г. заявили об отказе от поддержки политики «невмешательства».

В США Американская лига борьбы против войны и фашизма решительно осудила эмбарго на продажу оружия Испании и закон о нейтралитете, означавшие на деле блокаду этой страны. Она развернула массовую кампанию против закона о нейтралитете, за помощь Испанской республике, сыграв решающую роль в создании Североамериканского комитета помощи испанской демократии (СКПИД), объединившего около 3 млн. членов различных местных комитетов помощи². Сбор средств, посылка добровольцев в Испанию, несмотря на запрещение властей, массовая кампания в рабочей и демократической печати, проведение митингов, собраний и демонстраций, выступления перед официальными инстанциями, в том числе и перед комиссией конгресса, — все это свидетельствовало о росте активности движения сторонников мира в США.

Интернациональные тенденции в американском движении за мир особенно возросли во второй половине 1937 г. Кампания в защиту Испании, а затем и в защиту Китая охватила десятки профсоюзов, фермерских организаций, основную массу протестантских и значительную часть демократических юношеских организаций.

Солидарность пролетариата всех стран с Испанской республикой набирала силы.

За первые два года войны, по данным Международного комитета координации и информации, для организации помощи Испанской республике только в 18 странах было собрано и отправлено в Испанию продовольствия, медикаментов и одежды на сумму 800 млн. франков. За это время во Франции было собрано 65 млн. франков, в США (с мая 1937 г. по январь 1938 г.) — 500 тыс. долларов, в Норвегии — 900 тыс. крон, в Аргентине — более 40 млн. франков и т. д.³

Движение солидарности с испанским народом могло бы стать более эффективным, если бы не капитулянтская позиция вождей Социалистического рабочего интернационала, социалистических партий, реформистских лидеров профсоюзов, которые вопреки ясно выраженной воле трудящихся активно поддерживали политику «невмешательства». Коминтерн много раз обращался к руководству Социалистического интернационала с призывом организовать совместные действия коммунистов и социалистов в поддержку борьбы испанского народа с фашизмом, но каждый раз получал отказ. И только в июне 1937 г. делегации Коммунистического Интернационала и Социнтерна достигли договоренности о проведении совместной политики в испанском вопросе. Но вопреки принятому соглашению лидеры Социнтерна вплоть до конца войны в Испании не сделали ничего для организации решительной и действенной поддержки испанского народа, ограничиваясь лишь сбором средств, медикаментов

¹ П. Гурович. Английское рабочее движение накануне второй мировой войны. М., 1967, стр. 235.

² American Neutrality Policy (1937). Washington, 1937, p. 149.

³ Из истории международной пролетарской солидарности. Сборник VI Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945 гг.). М., 1962, стр. 40, 69.

и продовольствия. Подобная политика облегчала маневры англо-французских «миротворцев» и объективно способствовала фашистской агрессии против Испании.

После того как мятежникам и интервентам удалось захватить Каталонию, во Франции скопилось более 500 тыс. республиканских бойцов и мирных граждан Испании, не пожелавших сдаться на милость фашистам. С целью оказания им помощи в начале 1939 г. был организован Международный инициативный комитет борьбы за освобождение испанских беженцев. В его состав вошли известные политические и общественные деятели, представлявшие многие прогрессивные организации мира: от Франции — бывшие министры Поль-Бонкур, И. Дельбос, М. Виолет, а также Л. Жуо, М. Кашен и А. Селье; от Англии — Д. Ллойд-Джордж и Н. Энджелл; от Бельгии — Ж. Вандервельде и Л. Пьерар; от Швеции — сенатор Г. Брантинг; от США — Э. Синклер и другие. Комитет выступил с требованием освободить испанских патриотов из французских концлагерей, предоставить им убежище и право на труд.

В середине июля 1939 г. комитет созвал Международную конференцию помощи испанским беженцам. В Париж прибыло 600 делегатов от 34 стран. Конференция наметила ряд практических мер (расселение беженцев, оказание им санитарной, медицинской и материальной помощи, улучшение культурного обслуживания, забота о детях, организация прессы и информации), обратилась ко всем демократическим, профсоюзным, политическим, религиозным, национальным и интернациональным организациям Франции с призывом помочь в устройстве беженцев и их семей¹.

Сплочение интернационалистских сил в международном масштабе под флагом защиты республиканской Испании усилило антифашистское движение на всем Европейском континенте. В него включились также компартии фашистских государств, действовавшие в тяжелых условиях подполья. Так, 7 августа 1936 г., вскоре после фашистского путча в Испании, политбюро ЦК компартии Германии приняло решение вскрывать подоплеку интервенции германского империализма, вести агитацию за военную поддержку испанского народного фронта среди немецких антифашистов за рубежом и добиваться привлечения лидеров эмигрантского правления социал-демократической партии к совместным действиям по оказанию помощи республиканцам². Политбюро ЦК КППГ обратилось к правлению социал-демократической партии Германии, находившемуся в Праге, с предложением выработать совместное воззвание, призывающее оказать моральную и материальную поддержку Испанской республике. Социал-демократические лидеры отклонили это предложение, но на призыв КППГ откликнулись тысячи немецких антифашистов различной партийной принадлежности, в том числе рядовые социал-демократы.

В обращении к испанскому народу в сентябре 1936 г. руководство КППГ заявило: «Истинная Германия на заводах и в шахтах — на вашей стороне... Истинная Германия понимает, что ваша борьба — это наша борьба, борьба всех рабочих, всех миролюбивых и свободолюбивых людей против фашистского варварства и против поджигателей войны». Из стран, где проживали немецкие эмигранты, и из самой Германии на помощь испанскому народу устремились коммунисты, интернационалисты.

13 марта 1938 г. на конференции народного фронта в Валенсии немецкие коммунисты и социал-демократы обратились ко всем противни-

¹ «Коммунистический Интернационал», 1939, № 7, стр. 53—54.

² Н. К ü h n e. Revolutionäre Militärpolitik 1936—1939. Militärpolitische Aspekte des national-revolutionären Krieges in Spanien (далее — Н. К ü h n e. Revolutionäre Militärpolitik 1936—1939). Berlin, 1969, S. 140.

кам нацизма в Германии с призывом к объединению. Они направили ЦК КППГ, эмигрантскому правлению СДПГ, а также всем сторонникам народного фронта за рубежом письмо, призывая к совместной борьбе за свержение фашистской диктатуры и создание демократической Германии¹.

С согласия ЦК компартии Испании руководители КППГ решали важнейшие вопросы, касавшиеся немецких подразделений интернациональных бригад². Как и другие компартии, КППГ имела своих представителей при ЦК Коммунистической партии Испании. Например, член политбюро ЦК КППГ и представитель ИККИ с конца 1936 г. по 1938 г. Ф. Далем входил в политическую комиссию, руководившую всеми интернациональными бригадами.

В январе 1937 г. руководство КППГ при поддержке Центрального Комитета испанской компартии установило под Мадридом мощный тайный радиопередатчик. С апреля 1937 г. он являлся органом парижского комитета по подготовке немецкого народного фронта³. Одним из редакторов этих радиопередач являлся К. Хагер. «Немецкое радио свободы» информировало миллионы людей о борьбе немецких антифашистов, организуемой на основах народного фронта, об освободительной войне испанского народа, о социалистическом строительстве в Советском Союзе и его миролюбивой политике.

По радио транслировались выступления членов ЦК КППГ и комитета народного фронта Германии в Париже, прогрессивных немецких писателей — В. Бределя, Э. Вайнерта, Г. Манна, Т. Манна и А. Цвейга, деятелей культуры других стран — негритянского певца П. Робсона, бельгийского художника-графика Ф. Мазереля, шведских, испанских и французских социалистов. Члены же правления СДПГ в Праге отказались участвовать в передачах радиостанции.

В самой Германии рядовые коммунисты и социал-демократы распространяли листовки, в которых призывали трудящихся к солидарности. Используя передачи «Немецкого радио свободы», они сообщали правду об интервенции германского империализма в Испании, его кровавом терроре против мирного населения, довели до сведения масс декабрьское (1936 г.) обращение ЦК КППГ к эмигрантскому правлению СДПГ с предложением о совместных выступлениях в защиту республиканской Испании.

Антифашисты вели разъяснительную работу среди солдат и офицеров вермахта. Немецкие моряки и докеры в портах Северного и Балтийского морей организовали службу наблюдения за транспортом с оружием и войсками, направляемыми в Испанию. Собранные ими сведения служили материалом для передач «Немецкого радио свободы». Рабочие гамбургского порта срывали погрузку военной техники⁴.

Все эти выступления свидетельствовали о том, что гестапо и геббельсовская пропаганда не смогли подавить дух пролетарского интернационализма в немецком рабочем классе и других слоях трудящихся Германии. Антифашисты сознавали, что на Пиренейском полуострове решается судьба не только Испанской республики, но и их собственной страны. «Будущее Германии, — говорилось в листовке берлинских коммунистов и социал-демократов, — налагает на всех нас священный национальный долг бороться за свободную, демократическую Германию столь же самоотверженно и беззаветно, как борется испанский народ. Единый и

¹ H. K u h n e Revolutionäre Militärpolitik 1936—1939, S. 234—235.

² I b i d., S. 182

³ «Beiträge zur Geschichte des Rundfunks», 1971, H. 4, S. 5

⁴ ZPA, St. 3/47, Bl. 174, PSt. 3/60 I, Bl. 144, PSt. 3/25, Bl. 358

народный фронт — это путь к спасению Германии в интересах мира, свободы и благосостояния народа!»¹

Самоотверженная деятельность коммунистов разных стран по оказанию помощи республиканской Испании сыграла великую роль в моральной, политической, идеологической подготовке народов к антифашистской войне. Героическая борьба против врагов республики явилась школой революционной закалки, приобретения боевого опыта, формирования стойких борцов за свободу народов.

Борьба трудящихся под руководством рабочего класса и его компартий в защиту Испанской республики тесно переплеталась с массовыми выступлениями в поддержку китайской революции. Коминтерн неоднократно предупреждал, что захват Японией Маньчжурии — только первый шаг агрессора на пути развязывания большой войны против Китая, и выступал с призывами организовать широкий фронт помощи китайскому народу.

В ходе справедливой освободительной войны китайского народа Советский Союз оказывал ему значительную экономическую и военную помощь.

Разносторонняя поддержка ВКП(б) и Советским правительством китайского народа получила широкий отклик во всем мире. Коминтерн и его национальные секции решительно осудили нападение Японии на Китай. ЦК компартии Англии в своем воззвании «На помощь героическому китайскому народу» подчеркнул, что начался новый, еще более угрожающий этап борьбы фашистского блока за передел колониальных и мировых рынков и что политика правительства Великобритании, направленная на срыв союза миролюбивых государств, развязывает руки агрессорам. Воззвание предостерегало: если силы мира не объединятся, то за нападением Японии на Китай последуют агрессивные выступления фашистской Германии в Центральной Европе. Компартия выражала серьезную озабоченность тем, что раскол рабочего движения реформистскими лидерами раздробляет и ослабляет миролюбивые силы.

По призыву компартий во многих городах мира развернулись антивоенные демонстрации, проводились забастовки dockers и рабочих военных заводов против отправки оружия в Японию. Большую помощь китайскому народу в его справедливой войне оказывали комитеты друзей Китая, созданные по инициативе компартий США, Англии, Голландии и других стран. Эти комитеты занимались сбором средств в помощь китайскому народу и руководили организацией бойкота японских товаров.

Особенно широкий отклик кампания в поддержку Китая получила в США. Она охватила почти все рабочие организации и значительные слои населения, связанные с различными либеральными, пацифистскими и религиозными течениями. Коминтерн высоко оценивал деятельность американских коммунистов, отметив, что они проводят энергичную кампанию против угрозы войны.

Еще в августе 1937 г. в США был создан Комитет против международной агрессии, объединивший десятки профсоюзов, христианскую ассоциацию молодых людей, совет церквей Сиэтла, Американскую лигу борьбы за мир и демократию и китайский клуб. Комитет настаивал на использовании всех материальных возможностей и влияния США для сохранения мира на Востоке и во всем мире, а также высказался против применения закона о нейтралитете по отношению к Китаю.

В октябре 1937 г. общенациональная конференция Комитета производственных профсоюзов и общенациональный съезд Американской федера-

¹ Н. К ü h n e. Revolutionäre Militärpolitik 1936—1939, S. 153.

ции труда (АФТ), насчитывавших в своих рядах более 7 млн. членов, приняли резолюцию, осуждавшую японскую агрессию и призывавшую к бойкоту японских товаров. Эту резолюцию поддержали сотни местных профсоюзов, предлагавших установить эмбарго на отправку оружия и сырья в Японию. Но правительство США не посчиталось с требованиями профсоюзов.

В Англии за солидарность с борющимся Китаем выступали многие низовые лейбористские и профсоюзные организации, кооперативные общества, муниципальные советы и другие объединения. В октябре 1937 г. Национальный совет труда обратился к правительству с требованием запретить продажу товаров и предоставление кредитов Японии. 3 декабря портовые рабочие Саутгемптона отказались от разгрузки японских товаров с канадского судна «Дейтчес оф Ричменд». Подобные случаи были не единичными.

Около 300 тыс. рабочих Северной Франции выдвинули лозунг поддержки Китая. ЦК ФКП требовал от правительства прекращения поставок оружия Японии через Индокитай. В Варшаве в ноябре 1937 г. собралась конференция общества друзей Китая. Массовые выступления трудящихся состоялись также в Австрии, Бельгии, Мексике, Канаде и других странах.

Коминтерн постоянно обобщал опыт массового движения рабочего класса и трудящихся по организации помощи китайскому народу. В 1938 г. Президиум ИККИ обратился со специальным воззванием к международному пролетариату, ко всем своим секциям, сторонникам мира и демократии, в котором наметил четкую программу действий в поддержку Китая. В воззвании, в частности, выдвигались следующие задачи: усилить международную пропагандистскую кампанию в помощь Китаю, полнее освещать героизм китайского народа, а также зверства оккупантов; развернуть массовое движение протеста против захватнической войны (митинги, демонстрации, собрания и т. д.); расширить борьбу за эффективные санкции против Японии — бойкот товаров, отказ от погрузки и разгрузки оружия и др.; усилить сбор средств и медикаментов для Китая; помочь японскому народу в развертывании антивоенной борьбы; по согласованию с правительством Китая направлять туда делегации из разных стран ¹.

Таким образом, уже первые крупные вооруженные выступления германского, итальянского и японского империализма вызвали решительный отпор со стороны рабочего класса и его коммунистических партий. Организуя международную помощь жертвам агрессии, Коминтерн призывал трудящихся к бдительности и предупреждал, что только совместными усилиями можно предотвратить угрозу надвигающейся войны.

Коммунистическое движение давно указывало на существование гитлеровских планов захвата Австрии и разъясняло опасность этих планов для мира в Европе.

Компартия Австрии, действовавшая в нелегальных условиях, еще весной 1936 г. ориентировала народные массы на выступления против присоединения страны к гитлеровской Германии. Она отмечала, что «борьба за мир, борьба за объединение всех народных сил, желающих защитить мир и независимость страны против гитлеровского фашизма, становится центральной задачей коммунистов и социалистов Австрии» ².

В соглашении о единстве действий между ЦК КПА и ЦК партии революционных социалистов излагалась программа свержения фашизма в Ав-

¹ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 7, стр. 127—128.

² «Rundschau», 1936, № 24, S. 968.

стрии и установления демократической республики. Особый пункт был посвящен задачам борьбы против фашистской военной политики, против всяких попыток направить Австрию в фарватер гитлеровского империализма ¹.

Тревожная обстановка, возникшая в связи с подготовкой аншлюса, приковывала к себе внимание Коминтерна, разъяснявшего массам, что захват Австрии приведет к резкому возрастанию угрозы новой мировой войны. 25 февраля 1938 г. Секретариат ИККИ в резолюции по австрийскому вопросу подчеркивал, что над Австрией нависла непосредственная опасность утраты независимости и что международному рабочему классу вместе со всеми сторонниками мира необходимо поддержать любое правительство, которое способно бороться против подчинения своей страны Гитлеру. К. Готвальд в статье «Сохранение независимости Австрии — международная проблема» указывал, что ликвидация независимости Австрии представляет собой важнейший этап в общих военных планах Гитлера и что «господство гитлеровской Германии над Австрией означало бы дальнейший большой шаг ко всеобщей войне» ².

Компартия Австрии в своих воззваниях и листовках призывала народ объединиться для борьбы за независимость страны. Коммунисты и революционные социалисты выступали вместе с другими патриотами в сборе подписей трудящихся под документами, адресованными правительству и требовавшими сохранения независимости страны. Накануне вступления немецких войск в Австрию лишь за 48 часов было собрано более миллиона таких подписей ³. 6—7 марта 1938 г. во многих городах страны состоялись рабочие собрания, призывавшие дать отпор политике аншлюса. В некоторых случаях рабочие принимали резолюции с требованиями выдачи оружия для защиты независимости страны. Но правительство Австрии шло по пути капитуляции перед Гитлером.

После того как Германия аннексировала Австрию, компартии Австрии, Германии, Чехословакии, Франции и другие прогрессивные организации, например «Итальянский народный союз» (объединение политэмигрантов), обратились с воззваниями к своим народам, народам Европы и всего мира. «Пусть пример Австрии,— говорилось в воззвании австрийской компартии,— послужит для вас уроком! Каждое отступление, каждая капитуляция поощряет гитлеровский фашизм на новые нападения. Гитлер не хочет мира; он направляет свои штыки для атаки. Гитлер ненавидит фронт мирных народов, он хочет властвовать над народами» ⁴.

В середине марта 1938 г. во Франции, Чехословакии, США, Англии и ряде других стран прокатилась волна митингов и демонстраций протеста. Вокруг германских посольств устанавливались пикеты с лозунгами, осуждающими агрессоров. Если правящие круги Англии и Франции, по сути дела, санкционировали захват Австрии гитлеровцами, то широкие слои грудящихся выражали свое негодование по поводу этого акта и требовали обуздать фашистов.

Международный рабочий класс шел в первых рядах кампании протеста против агрессивных актов фашизма. В воззваниях и выступлениях его боевого авангарда — компартий громко звучал призыв ко всем приверженцам мира извлечь уроки из последних событий, увидеть в них грозное предостережение. Коммунистическая печать писала, что аншлюс Австрии есть прямой результат отказа западных держав от создания совместной с СССР системы коллективной безопасности, попустительства

¹ «Rundschau», 1936, № 26, S 1037

² «Rundschau», 1938, № 9, S 261—262

³ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 3, стр 18.

⁴ «L'Humanité», 13 mars, 1938.

агрессору под ширмой невмешательства в других районах мира, колебания и постоянных уступок реакционерам со стороны лидеров социал-демократии, на словах выступающих за единство действий рабочего класса и всех демократов против фашизма и войны, а на деле срывающих это единство.

В первомайском воззвании Исполкома Коминтерна 1938 г. подчеркивалось, что германский фашизм теперь уже готовит нападение на Чехословакию, что он рвется на Балканы, грозит национальной независимости малых стран Европы, окружает фашистским кольцом Францию, собирает материальные ресурсы, людские резервы для большой войны против СССР. Коминтерн указывал, что ответственность за попустительское фашистским агрессорам несут английские консерваторы, реакционные круги французской буржуазии и других крупных держав. Коминтерн отмечал, что остановить фашистский разбой пока еще можно. Но для этого надо, чтобы правительства Англии, Франции, США приняли предложение СССР о совместном выступлении всех государств, заинтересованных в сохранении мира, против зачинщиков войны, чтобы они подкрепили свое выступление мерами экономического давления¹.

Коминтерн видел в интернациональном единении рабочего класса величайшую силу, способную принудить правительства капиталистических стран проводить политику борьбы против агрессоров. Исходя из этого, ИККИ обратился к руководству Социалистического рабочего интернационала и Амстердамского интернационала с предложением о создании единого международного рабочего фронта. Но и на этот раз предложения Коминтерна не нашли поддержки у лидеров социал-демократии, что серьезно затрудняло консолидацию сил сторонников мира. В мае 1938 г. в Осло правые реформистские лидеры Международного объединения профсоюзов на заседании Генерального совета отклонили предложение о приеме советских профсоюзов в МОП и даже приняли резолюцию о прекращении всяких переговоров с ними.

Компартии видели всю пагубность политики поощрения агрессии. ЦК компартии Франции указал, что аншлюс Австрии лишь этап в осуществлении широкого захватнического плана Гитлера. «Теперь под угрозой Чехословакия, — говорилось в его обращении, — союзница Франции. Хотят раздавить Чехословакию для того, чтобы потом напасть на Францию»². Компартия призвала к сотрудничеству всех людей доброй воли, чтобы сохранить мир и отстоять честь, достоинство и независимость Франции.

Одновременно с кампанией в защиту Австрии разворачивалось движение за сохранение независимости Чехословацкой республики. Еще в апреле 1936 г. К. Готвальд подчеркнул, что на карту поставлена судьба нации, которой угрожает гитлеровское порабощение, что реакционно-фашистская группировка крупной буржуазии стремится разорвать соглашение с Советским Союзом и вступить в сговор с Берлином. Чехословацкие коммунисты ставили вопрос о создании правительства народного фронта, которое опиралось бы на единство действий коммунистов и социалистов, всех антифашистов и патриотов.

К. Готвальд, выступая 28 апреля 1936 г. в парламенте, от имени КПЧ предложил существенные поправки к резолюции по законопроекту об обороне страны, суть которых сводилась к решительной демократизации политической жизни, очистке армии от реакционных и фашистских элементов, удовлетворению насущных требований трудящихся. «Народ может драться как лев, — говорил он, — но только в том случае, если руки

¹ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 5, стр. 110.

² «Коммунистический Интернационал», 1938, № 3, стр. 120.

у него свободны и если он знает, за что дерется»¹. Готвальд предупреждал, что реакционерам и фашистам нельзя доверять дело защиты республики и что такая политика может кончиться новой Белой Горой². Партия поддержала строительство укреплений на границе с Германией. Линия КПЧ на то, чтобы в максимальной степени усилить обороноспособность страны, приобрела особое значение после того, как гитлеровцы, захватив Австрию, стали угрожать Чехословакии.

Секретариат ИККИ одобрил линию КПЧ на сплочение народных сил, готовых защищать республику. В решении, принятом 25 мая 1938 г., говорилось, что усилия партии должны быть направлены на сплочение не только рабочего класса, городской мелкой буржуазии и трудовой интеллигенции, но и тех слоев буржуазии, интересы которых окажутся под угрозой в случае уничтожения независимости республики и которые склонны защищать ее суверенитет.

Лозунг создания фронта защиты независимости республики с участием различных социальных слоев вплоть до патриотически настроенной части буржуазии означал, что КПЧ переходила к политике национального единения против гитлеровского фашизма. Так закладывались основы будущей политики движения Сопротивления.

Коминтерн и его национальные секции били тревогу, разоблачая преступные планы выдачи Чехословакии Германии, подчеркивая, что такой шаг создаст смертельную угрозу миру. «Присоединение Судетской области к Германии — это роковой путь к войне, — писал официальный орган Коминтерна, — это — расчленение Чехословакии, это — растерзание малых народов, это — предательство Испании, это — усиление реакции в Европе»³.

В августе — сентябре 1938 г. коммунистические партии Франции, Англии, США, Германии, Польши, Румынии, Югославии, Бельгии и многих других стран выступили с воззваниями и документами, разоблачавшими подготовку тайного сговора Чемберлена и французской реакции с Гитлером в отношении Чехословакии. Компартия Франции призвала народ своей страны сорвать попытки английского кабинета и его французских союзников выдать Чехословакию Германии, требовала, чтобы Франция оставалась верной договорным обязательствам в отношении Чехословакии и Советского Союза⁴. Французские коммунисты указывали на правильность высказываний советской печати о том, что судьба Чехословакии — это судьба Франции.

Компартия Польши предупреждала народ, что вслед за Чехословакией гитлеровцы готовят такую же участь и Польше. «Сегодня Чехословакия, завтра — Польша!»⁵ — заявляли коммунисты, требуя покончить с политикой поддержки агрессивных планов Германии по отношению к Чехословакии.

Английские коммунисты направили свой удар против предательской миссии лорда Ренсимена в Чехословакии, требуя его отзыва, а затем против поездки Чемберлена в Берхтесгаден на переговоры с Гитлером. Еще до обнародования результатов этих переговоров компартия заявила: «Мы обвиняем Чемберлена в предательстве мирных устремлений английского народа и в попытке сговора с Гитлером за счет мира на земле и за счет Чехословакии. Мы обвиняем его за поездку к Гитлеру не для того,

¹ Цит. по: «Коммунистический Интернационал», 1936, № 10, стр. 17.

² У Белой Горы в ноябре 1620 г. чешская армия потерпела поражение в битве с австрийской армией, после чего Чехия окончательно утратила свою независимость.

³ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 9, стр. 11.

⁴ «Cahiers du bolchevisme», 1938, № 10, octobre, p. 702—713.

⁵ «Rundschau», 1938, № 49, S. 1629.

чтобы вести переговоры о мире, а для того, чтобы предать его...»¹ Выступая на XV съезде компартии Великобритании, Г. Поллит указывал, что Чемберлен, защищая интересы самых реакционных профашистских кругов финансового капитала, ведет Англию к войне². В резолюции съезда разоблачалось стремление английского правительства к заключению пакта четырех держав, направленного «против малых государств Европы и против Советского Союза»³. Съезд призывал лейбористскую партию, профсоюзы, всех сторонников мира к сплочению, чтобы предотвратить преступный сговор реакционных кругов страны с Гитлером.

В документе, опубликованном 21 мая 1938 г., компартия Великобритании настаивала на защите Чехословакии от агрессии, рекомендовала на пленуме Лиги наций осудить Галифакса как сторонника нацизма. ЦК компартии поддержал требования низовых лейбористских организаций созвать чрезвычайную конференцию, чтобы осудить агрессора и его пособников. Коммунисты Англии заявили о своей готовности стать в ряды интербригад для защиты Чехословакии⁴.

На митингах в защиту чехословацкого народа выносились гневные резолюции с требованием немедленно отказаться от империалистического плана расчленения Чехословакии. Федерация горняков Южного Уэльса 22 сентября 1938 г. призвала все общественные организации выступить против предательства в отношении чехословацкого народа; о своем несогласии с политикой правительства заявил лондонский окружной комитет объединенного профсоюза машиностроителей. Подобные резолюции приняли профсоюзы Манчестера, Солфорда, конференция шотландского профсоюза транспортных рабочих и многие другие организации.

Компартия США, доказывая, что правящие круги страны фактически помогают англо-французским «умиротворителям» фашизма, призвала массы оказать давление на правительство, чтобы заставить его решительно выступить в защиту Чехословакии совместно с правительствами СССР, Англии и Франции⁵. Представители 26 национальных организаций Америки (чехи, словаки, сербы, румыны и другие) направили президенту послание в защиту Чехословакии. Такие же послания поступали от общественных, профессиональных и других организаций, многих выдающихся деятелей науки и культуры. В ряде городов состоялись грандиозные демонстрации, были созданы комитеты спасения Чехословакии.

Подготовка и осуществление мюнхенского предательства породили дополнительные трудности для антивоенного движения. Буржуазной и социал-демократической пропаганде на какое-то время удалось создать ореол «миролюбия» вокруг сговора Гитлера и Муссолини с Чемберленом и Даладье. Однако рабочий класс и его коммунистические партии быстро поняли суть дела. Уже 9 октября 1938 г. компартии Франции, Великобритании, Испании, Чехословакии, США, Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Канады и Голландии опубликовали совместное воззвание «Против мюнхенского предательства». В нем коммунисты расценивали Мюнхен как переход крупного капитала в наступление, с тем чтобы «уничтожить социальные завоевания, посягнуть на демократические свободы и навязать народам политику порабощения и войны»⁶.

¹ «The Labour Monthly», 1938, № 10, p. 599.

² Г. П о л л и т. Избранные статьи и речи (1919—1939), стр. 271.

³ «The Labour Monthly», 1938, № 12, p. 762.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 6, стр. 46—47.

⁵ «Ясным заявлением о том, — писала газета компартии США, — что откровенные военные угрозы Гитлера по адресу демократических стран представляют угрозу для безопасности Соединенных Штатов, наша страна сможет непосредственным образом оказать содействие делу мира» («The Daily Worker», September 13, 1938).

⁶ «L'Humanité», 9 octobre, 1938.

Во Франции прошли многочисленные собрания, митинги, демонстрации. Открывшийся в Париже в ноябре 1938 г. Национальный конгресс движения за мир и свободу, осудив мюнхенский сговор, единодушно приветствовал внешнюю политику СССР и франко-советский союз. Всех антифашистов объединяла одна мысль: «Довольно отступить!» 22 марта 1939 г. Всеобщая конфедерация труда выступила с заявлением, в котором решительно осудила захват Чехословакии, указав, что угроза миру обязывает французское и английское правительства к сотрудничеству со всеми странами, уважающими международное право и независимость народов.

Правые лидеры лейбористской партии и тред-юнионов продолжали проводить политику поддержки правительства Чемберлена и тем самым поощряли фашистские государства к актам агрессии. В речи на Саут-портской конференции лейбористской партии (май — июнь 1939 г.) Бевин призывал «объединить великие мировые ресурсы и, вместо того чтобы поносить наших друзей (фашистов. — *Ред.*) из Центральной Европы и Японии, предложить им нечто лучшее, чем могла бы им дать война»¹. На деле это означало не что иное, как поддержку сговора с агрессорами. Правые лейбористы выступали против образования единого фронта миролюбивых народов и установления международного единства рабочего класса.

Компартия Англии в первомайском манифесте 1939 г. охарактеризовала правительство Чемберлена как «правительство богачей и для богачей» и подчеркнула, что только рабочий класс может добиться поражения этого реакционного правительства и тем спасти мир от катастрофы. В традиционной первомайской демонстрации 100 тыс. ее участников потребовали отставки правящего кабинета и заключения пакта мира с СССР.

Несмотря на все более осложнявшуюся обстановку, жестокий террор и преследования, мужественную борьбу против надвигавшейся войны вели компартии Германии, Австрии, Италии. ЦК КППГ в обращении ко всем немцам осудил захват германским империализмом Австрии, потребовал вывода немецких войск и восстановления полной независимости этого государства. ЦК призвал всех противников Гитлера, все рабочие организации мира воспрепятствовать дальнейшим провокациям гитлеровского фашизма². Партийные организации КППГ и группы сопротивления в распространяемых ими листовках осудили аннексию и вскрыли агрессивную, империалистическую подоплеку прославляемого фашистами «единства нации» и «великой Германии».

В мае 1938 г. ЦК КППГ заявил, что внешняя политика гитлеровского режима направлена не на обеспечение безопасности, жизненных интересов и национальной чести Германии, а на покорение других народов, подавление рабочего движения и всех демократических сил в Европе. Эта политика служит только классовым интересам германского монополистического капитала в его погоне за прибылью, а вынашиваемые им планы установления господства над Европой ведут к войне. Центральный Комитет КППГ заявил: «Это была бы самая страшная война... Она неизбежно закончилась бы поражением Германии». Он призвал к борьбе за сохранение мира и вывод фашистских войск из Австрии и Испании, за прекращение угроз гитлеровцев в адрес Чехословакии и расторжение военного пакта Германии с Италией и Японией³.

30 марта 1939 г. ЦК КППГ, рабочий комитет немецких социалистов и партия революционных социалистов Австрии выпустили совместное

¹ «The Times», May 31, 1939.

² ZPA, NL 38/17a, Bl. 118.

³ «Die Rote Fahne», 1938, № 5.

обращение «К рабочим Германии и Австрии». Обращение осуждало аннексию Австрии и чешских территорий как этап империалистической захватнической политики.

В апреле 1939 г., в дни захвата Чехословакии, ЦК КПП в воззвании «Долой преступление Гитлера против Чехословакии» осудил это насилие и призвал всех немцев объединиться с чешским народом для свержения общих угнетателей¹. Когда фашисты стали угрожать Польше, требуя присоединения Данцига, коммунистические партии Германии, Австрии и Чехословакии сообща призвали народы к совместной борьбе против новых агрессивных действий гитлеровской диктатуры. В обращении этих партий говорилось: «Оккупация Чехословакии должна быть и будет сигналом тревоги, сигналом к сплочению народов во всех странах Европы, в особенности в странах, пограничных с фашистскими государствами и находящихся под непосредственной угрозой, для борьбы против фашистских насильников и против фашизма в собственных странах»².

После Бернской конференции перед лицом новых агрессивных актов германского империализма КПП направила свои усилия на расширение антифашистской борьбы внутри страны. В Берлине к лету 1939 г. образовались 22 партийные организации на предприятиях, в территориальных районах, а также в фашистских массовых организациях. Одна из наиболее крупных парторганизаций во главе с Р. Урихом через свои ячейки действовала на ряде предприятий и поддерживала связь с аналогичными организациями в Мангейме, Дортмунде, Гамбурге и Лейпциге.

В 1938—1939 гг. в результате объединения различных групп возникла антифашистская организация, которой руководили А. Харпак, Х. Шульце-Бойзен и деятели КПП Й. Зиг и В. Гуддорф³. На некоторых заводах Гамбурга в первой половине 1939 г. действовали партийные организации, которые устанавливали контакты с мелкими торговцами и крестьянами. Сильная парторганизация была создана в Лейпциге под руководством А. Гофмана, В. Ципперера, Г. Шварца, Г. Шумана. Объединение антифашистских сил происходило и в других городах и областях страны⁴.

Вместо того чтобы мобилизовать все силы против фашистской диктатуры и угрозы войны, правые социал-демократические лидеры вели борьбу против КПП и клеветали на Советский Союз, единственное последовательно миролюбивое государство. В январе 1939 г. Гильфердинг на заседании Исполкома Социалистического рабочего интернационала заявил, что существует «только путь совместных действий с нынешними правительствами (западных держав. — *Ред.*) при бескомпромиссной борьбе против большевизма и тех левых социалистов, которые создают единый фронт с коммунистами»⁵.

Антифашистское движение в Германии в условиях гитлеровской диктатуры по своей сущности было классовой борьбой между пролетариатом и монополистическим капиталом. Сознательная часть рабочего класса не поддавалась ни идеологическому давлению и социальной демагогии, ни террору фашистской диктатуры. Утверждения реакционных историков, будто немецкий рабочий класс не оказал сопротивления фашизму, являются клеветой, цель которой — представить заговорщические планы определенных кругов крупной буржуазии и вермахта как решающую составную часть антифашистского движения. Факты доказывают, что

¹ «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, Н. 4, S. 652.

² «Коммунистический Интернационал», 1939, № 3, стр. 159.

³ K. B i e r n a t, L. K r a u s h a a r. Die Schulze-Boysen—Harnack—Organisation im antifaschistischen Kampf. Berlin, 1970, S. 12.

⁴ ZPA, 3/20/415, Bl. 9; NJ 5044, 3/81/449, Bl. 91—92, 95—96.

⁵ ZPA, 3/1/313, Bl. 15.

рабочий класс, руководимый КППГ, был главной политической и социальной силой борьбы против германского империализма и милитаризма, против его агрессивной политики. Из рядов рабочего класса вышла славная плеяда наиболее активных и сознательных антифашистов, которые составили ядро борцов против фашизма.

Таким образом, в период непосредственного назревания мировой войны передовые прогрессивные силы мира, несмотря на трудности, вызванные ростом промюнхенских и капитулянтских настроений, стремились организовать действенные акции, направленные на предотвращение вооруженной борьбы крупного масштаба. Выполнение такой задачи в решающей степени зависело от создания широкого международного фронта защиты мира, способного преградить путь фашизму и войне.

3. Движение за создание международного фронта защиты мира

Выдвинутые компартиями лозунги антифашистской борьбы, сохранения национальной свободы и независимости своих стран, вооруженного отпора фашистским агрессорам создавали необходимые предпосылки для организации широкого международного движения за мир.

Рассматривая защиту мира как одну из форм общедемократической борьбы масс, Коминтерн и его секции поддерживали и неуклонно расширяли свои связи с общественными организациями и массовыми движениями, выступавшими против фашизма и войны. ИККИ неоднократно подчеркивал необходимость всемерного развития движения за мир, вовлечения в него самых широких слоев населения, помогал исправлять сектантские ошибки. Когда 30 ноября 1935 г. «Рабочнически вестник» опубликовал материал, содержащий устаревшие установки по военному вопросу, Г. Димитров от имени заграничного бюро ЦК Болгарской компартии направил в ЦК БКП письмо, в котором призывал отойти от всякого доктринерства и схематизма и, учитывая обстановку, умело объединять широкие слои населения для антифашистской и антивоенной борьбы¹.

В интересах создания единого фронта мира Коминтерн и его национальные секции содействовали активизации деятельности Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма. Они поддерживали международную конференцию, состоявшуюся в Париже 23—24 ноября 1935 г., на которой присутствовало более 100 представителей от национальных комитетов. Ее участниками были П. Ланжевен, Г. Манн, Ж. Лонге, Ж. Дюкло, Н. М. Шверник, Е. Д. Стасова, Б. Шмераль, Э. Дженнари, П. Ненни, Э. Фиммен, И. Дельбос и другие. Лейтмотивом конференции стало требование — массовыми действиями обеспечить выполнение санкций против агрессора². Был создан фонд мира, в который начали поступать средства в помощь жертвам агрессии³.

27 ноября Секретариат ИККИ, принимая рекомендации для коммунистической фракции Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма, указал на необходимость подвергнуть критике тенденцию ориентироваться преимущественно или исключительно на мероприятия Лиги наций, подчеркнув, что его главная задача — поднять новую большую волну массовых выступлений в пользу мира. ИККИ обращал особое внимание на рост угрозы малым нациям со стороны Германии, на важность усиления протестов против агрессии японского империализма в Китае⁴.

¹ Централен партиен архив — Централен Комитет на Българската Комунистическа партия (далее — ЦПА — ЦК на БКП), ф. 146, оп. 2, арх. ед. 186, лл. 1—5.

² «Rundschau», 1935, № 71, S. 2740.

³ «Rundschau», 1935, № 73, S. 2803.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 103, лл. 13—14.

В декабре 1935 г. в Лондоне состоялся конгресс друзей СССР и мира. В его работе участвовало 773 делегата: беспартийные, коммунисты, лейбористы и даже группа консерваторов, считавших необходимым укреплять сотрудничество с СССР для создания системы коллективной безопасности¹. В этом же месяце состоялись южноафриканский и канадский конгрессы против фашизма и войны. В январе 1936 г. в Сиднее был проведен третий австралийский конгресс против фашизма и войны, в Кливленде — американский конгресс против фашизма и войны, более 2 тыс. делегатов которого представляли примерно 2 млн. членов различных организаций профсоюзов, и т. д.². Эти конгрессы свидетельствовали о втягивании в антивоенное движение передовой интеллигенции, части пацифистов. Социал-демократические партии и реформистские профсоюзы, за редким исключением, официально не участвовали в этих мероприятиях.

В 1936 г. возникает новая, более широкая международная организационная форма движения сторонников мира.

В начале 1936 г. один из лидеров английского пацифистского движения — консерватор лорд Р. Сесиль выступил с кратким воззванием ко всем друзьям мира во всех странах, предлагая организовать международную демонстрацию в защиту мира. Он призывал присоединиться к движению всех, кто разделяет следующие принципы: признание нерушимости международных договоров; сокращение и ограничение вооружений под международным контролем, запрещение частным лицам извлекать доходы из военной промышленности; укрепление Лиги наций в целях предотвращения или прекращения войны путем действенной организации коллективной безопасности и взаимной помощи; создание в рамках Лиги наций действенного органа для ликвидации международных осложнений, угрожающих войной³.

Обращение Р. Сесиль поддержали французский радикал П. Кот и другие видные пацифистские деятели. Так родилась идея проведения международного конгресса мира.

Для Коминтерна и компартий исключительно важное значение приобрела выработка своего отношения к этому движению. Коммунисты уже активно участвовали в деятельности Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма и не могли допустить ненужных трений между двумя организационными формами массового движения за мир. 17 марта 1936 г. Секретариат ИККИ обсудил некоторые вопросы, связанные с кампанией за созыв международного конгресса мира. В решении ИККИ указывалось, что движение за мир все еще распылено, а координация участвующих в нем организаций и партий слаба, так как «Всемирный комитет недостаточно соблюдал надпартийный характер, который он должен во что бы то ни стало носить...»⁴.

Рассматривая национальные комитеты борьбы против войны и фашизма как центры массового движения сторонников мира, ИККИ считал чрезвычайно важным, чтобы они повсеместно включились в кампанию за международный конгресс мира. В специальном постановлении Секретариата ИККИ по данному вопросу отмечалось: «Посредством кампании к Всемирному конгрессу мира необходимо добиться самого широкого сплочения всех друзей мира во всех социальных слоях для открытой деятельности в защиту мира»⁵. Особый упор делался на привлечение к участию в конгрессе социал-демократических партий, профсоюзов и других

¹ Britain and the Soviets: The Congress of Peace and Friendship with the USSR. London, 1936, p. 197.

² «Rundschau», 1936, № 10, S. 386—387.

³ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 15, стр. 24.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1082, л. 19.

⁵ Там же, л. 61.

рабочих организаций, а также городских средних слоев и крестьянства. Для финансирования конгресса предлагался сбор средств¹.

Решения ИККИ были проникнуты идеей сплочения самых широких миролюбивых сил. Г. Димитров писал в ЦК ВКП(б) 22 апреля 1936 г.: «Рамки конгресса должны быть гораздо шире, чем народный фронт, и должны охватить в отличие от предыдущих антивоенных конгрессов политические, профессиональные и культурно-просветительные организации рабочего класса, мелкой буржуазии и крестьянства, а также левобуржуазные организации»².

Буржуазная реакция пыталась запугать пацифистов, заявляя, что конгресс — дело рук коммунистов, которые используют его только в своих целях. Английские правящие круги оказали давление на Р. Сесилия, выдвигая ложное обвинение в том, будто он пользуется средствами Коминтерна. В связи с этим специальная группа английских пацифистов была направлена в Париж для обследования финансовых источников подготовительного центра и выяснения вопроса о роли компартий в созыве конгресса³. Она вернулась с твердым убеждением, что движение за созыв конгресса и его парижский центр включают самые различные политические и религиозные силы.

В мае 1936 г. подготовительные организационные центры во главе с Инициативным комитетом подготовили создание Всемирного объединения за мир⁴. Его воззвание, подписанное Р. Ролланом, видными политическими деятелями — республиканцами и радикалами (М. Асанья, Э. Бенеш, Э. Эррио), социалистами (Л. Жуо, П. Фор, К. Эттли, Л. де Брукер), коммунистами (М. Кашен, Н. М. Шверник), получило весьма широкий отклик и обсуждалось на многочисленных собраниях и массовых митингах, национальных конференциях и конгрессах сторонников мира. Оно было поддержано пленарным заседанием Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма, состоявшимся 6—7 июня в Париже, которое призвало свои национальные комитеты активно участвовать в кампании за конгресс мира⁵.

Исполком Социалистического рабочего интернационала отказался присоединиться к движению. Но, учитывая огромную популярность в массах идеи проведения конгресса, не решился запретить своим организациям участвовать в его подготовке. Идею созыва конгресса поддерживали мощные профсоюзные объединения: французские, английские и испанские. Вместе с левыми партиями и профсоюзами в движение включились и буржуазные пацифистские организации.

К середине июля 1936 г. в кампании за созыв конгресса участвовали комитеты 37 стран. К ней присоединился Кооперативный интернационал (80 млн. членов), а также ряд христианских профсоюзов⁶. 25—26 июля в Праге была проведена средневропейская конференция за созыв конгресса мира. В конце июня состоялся английский национальный конгресс мира в Лидсе. Во Франции кампания опиралась не только на пацифистские организации, но и на 2400 местных комитетов борьбы против войны и фашизма⁷.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1082, л. 63.

² ЦПА — ЦК на ВКП, ф. 146, оп. 6, арх. ед. 829, л. 7.

³ Группа беседовала с П. Кот, проверяла финансовые источники парижского центра по созыву конгресса, беседовала с его казначеем генералом Пудро и убедилась в несостоятельности обвинений, выдвинутых правящими кругами Англии (ЦПА — ЦК на ВКП, ф. 146, оп. 6, арх. ед. 829, л. 4).

⁴ Движение получило название «Rassemblement universel pour la Paix» (RUP). Русское сокращение — ВОМ.

⁵ «Rundschau», 1936, № 27, S. 1061—1062.

⁶ «Rundschau», 1936, № 33, S. 1345, 1346.

⁷ «Rundschau», 1936, № 31, S. 1234.

Коммунисты, работая в Инициативном комитете, стремились сплотить представителей различных политических течений и мировоззрений, чтобы создать преграду преступным устремлениям поджигателей войны в каждой стране. Член Инициативного комитета, видный деятель Коминтерна Б. Шмераль писал: «...огромнейшее значение конгресса мы видим именно в том, что впервые после войны и, по-видимому, впервые в истории появилась возможность для представителей различных политических, национальных и религиозных организаций собраться вместе, чтобы сообща выступить за мир»¹.

В интересах полного равноправия сторонников мира на заседании Инициативного комитета, состоявшемся в Брюсселе в конце июля, Н. М. Шверник предложил, чтобы каждая делегация имела на конгрессе мира равное число голосов, независимо от размеров страны и количества делегатов². Накануне конгресса Секретариат ИККИ в рекомендациях делегатам-коммунистам еще раз указал, что главное — это «дальнейшее всемерное вовлечение в движение самых различных элементов, групп и организаций, выступающих за мир, независимо от их политического и религиозного направления»³.

Международный конгресс мира проходил с 3 по 6 сентября 1936 г. в Брюсселе⁴. На нем присутствовали 4531 делегат и свыше 5 тыс. гостей. В результате запрета не смогли прибыть делегаты из Польши, Болгарии, Греции, Югославии (за исключением отдельных лиц), прибалтийских стран. В работе конгресса не смогли принять участия сторонники мира из Германии, Италии и Японии. Наиболее многочисленными являлись делегации Франции, Англии, Чехословакии и Бельгии — около 700 человек каждая. Всего было представлено 35 стран, 750 национальных⁵ и 40 международных организаций, борющихся за мир.

На конгресс собрались люди самых различных мировоззрений, партийно-политической и религиозной принадлежности: сторонники мира из либеральных, республиканских и консервативных организаций, социалисты, коммунисты, католики и протестанты, представители союза друзей Лиги наций, члены кооперативов, 100 парламентариев из 12 стран. Несмотря на то что руководство Социалистического и Амстердамского интернационалов официально не поддержало движение за созыв конгресса мира, на нем все же были представлены 12 социалистических партий и 15 национальных профсоюзных центров⁶.

Состав делегатов свидетельствовал о том, что к движению за мир удалось привлечь организации и группы, которые раньше не участвовали в нем: ряд европейских и американских пацифистских организаций, отдельные группы и организации мира из колониальных и зависимых стран, некоторую часть социал-демократии.

В позициях делегатов наблюдались, естественно, определенные различия. Пацифисты, консерваторы, либералы стояли за укрепление Лиги наций, ее поддержку. Коммунисты, соглашаясь с этим, в то же время обращали особое внимание на то, чтобы движение ясно представляло конкретных носителей опасности войны и чтобы массы организовали само-

¹ «Rundschau», 1936, № 34, S. 1377.

² I b i d e m.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1102, л. 27.

⁴ Первоначально были другие предложения о месте проведения конгресса. В июле 1936 г. решался вопрос о том, удастся ли созвать конгресс в Женеве. Швейцарское правительство соглашалось допустить проведение конгресса при условии, что на нем не будет обсуждаться внешняя политика Швейцарии, не будут упоминаться личности Гитлера и Муссолини, не будут затрагиваться государства, которые готовят войну (ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1102, л. 78).

⁵ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 15, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 24—26.

стоятельные действия против них. Так, Н. М. Шверник говорил на конгрессе: «Наше движение должно показать, что мы не только хотим мира, но в состоянии активно бороться за мир. Задача нашего конгресса будет тем успешнее разрешаться, чем успешнее мы сумеем координировать действия Лиги наций с широким народным движением за мир»¹. На заседании профсоюзной комиссии конгресса советский делегат предложил создать постоянный профсоюзный антивоенный комитет из представителей всех направлений профдвижения, что явилось бы серьезным шагом к международной координации антивоенной борьбы рабочего класса.

В качестве программных положений конгресс единогласно утвердил четыре принципа: нерушимость международных договоров; сокращение и ограничение вооружений; укрепление Лиги наций и коллективная безопасность; создание в рамках Лиги наций действенной системы, способной преодолеть международную напряженность, которая может вызвать войну. Эта платформа, отмечал Б. Шмераль, представляла для коммунистов «только минимум того, что может и должно быть сделано против войны»². В манифесте к народам мира, принятом конгрессом, говорилось: «Мир в опасности, надо его спасти... Нашим единственным врагом будет агрессор, который, нарушая международное право, уничтожил бы всеобщий мир»³.

Коммунисты не выступили с особой платформой, а содействовали тем целям, которые были выдвинуты основной массой сторонников мира. Тем самым они пытались сплотить не только организации трудящихся, но и всевозможные буржуазно-демократические, религиозные и пацифистские антивоенные группы. Принятые конгрессом документы свидетельствовали о растущем сплочении сил, выступающих против империалистических агрессоров, которые толкали народы в пропасть новой мировой войны.

Важнейшим достижением Брюссельского международного конгресса было создание Всемирного объединения за мир и его постоянного международного координационного органа — Генерального совета. В совете были представлены все национальные комитеты и национальные организации. Был избран также Исполком в составе 20 членов (12 — от крупнейших стран и 8 — от международных организаций) и Секретариат ВОМ. Конгресс предложил образовать во всех странах национальные комитеты Всемирного объединения за мир, согласующие деятельность всех организаций, борющихся против войны. Предлагалось также провести национальные конгрессы движения за мир и международный плебисцит — сбор подписей в защиту мира; организовать международный сбор средств под лозунгом «копейка мира»; создать смешанную комиссию при Лиге наций с участием профсоюзов для контроля над проведением решений о сокращении вооружений, усилить пропаганду в пользу мира⁴.

Шаги к созданию широкого объединения сторонников мира на платформе, выдвинутой Брюссельским конгрессом, не снимали с повестки дня вопросов о деятельности тех прогрессивных сил, которые выступали с более решительной и целеустремленной программой, обличавшей империализм и его порождение — фашизм как главного врага человечества. Так, Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма провел 7—8 сентября 1936 г. в Париже международную конференцию, в которой участвовало 150 делегатов из 20 стран. Были единодушно приняты решения о мобилизации всех антифашистских и свободолюбивых сил для спасения Испанской республики; об усилении международной разъяснительной

¹ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 15, стр. 81.

² Там же, стр. 24, 26.

³ «Правда», 8 сентября 1936 г.

⁴ «Rundschau», 1936, № 41, S. 1714—1715.

работы о сущности фашизма, о разоблачении его демагогии, милитаристской пропаганды и террора, подрывной работы фашистской агентуры в других странах¹.

Конференция приветствовала создание Всемирного объединения за мир и заявила, что Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма будет участвовать в этом широком народном движении как в интернациональном, так и национальном масштабе. В то же время конференция подчеркивала, что в сложившейся ситуации необходимо продолжать организационно усиливать и укреплять комитеты амстердамско-плейельского движения, сделав их действенным рычагом массовых акций против войны и фашизма. Было пополнено Международное бюро Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма. В него вошли Д. Бернал, Г. Брантинг, Б. Шмераль, И. Блюм, З. Неедлы, Л. Николь и другие видные борцы за мир.

Коммунистический Интернационал одобрил шаги, предпринятые коммунистами и другими сторонниками мира к собиранию и организации международных сил мира. Президиум ИККИ 19 ноября 1936 г. в специальной резолюции положительно оценил результаты Брюссельского конгресса, подчеркнув, что необходимо добиваться «дальнейшего расширения движения, создавая повсеместно комитеты мира, добиваясь вхождения всех секций II и Амстердамского Интернационалов ... католических организаций и союза фронтовиков...»². Резолюция рекомендовала установить широкие связи со всеми буржуазно-пацифистскими организациями, вовлечь в действенную борьбу за мир профсоюзы, женские организации, колониальные народы. ИККИ поддержал идею проведения национальных конгрессов мира. При этом особо подчеркивалось, что Всемирное объединение за мир должно занять более определенную позицию в отношении фашизма, для чего коммунистам, входящим в ВОМ, рекомендовалось «ставить острее вопрос о конкретном агрессоре, не допуская при этом никоим образом какого бы то ни было ограничения рамок движения»³.

Президиум ИККИ принял также постановление о работе коммунистической фракции Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма, указав, что ее задача — обеспечить участие комитета в общем движении за мир⁴. ИККИ рекомендовал, чтобы Всемирный комитет имел представительство в международных и национальных комитетах мира, но не противопоставлял себя общему движению за мир и не конкурировал с ним⁵. Всемирному комитету борьбы против войны и фашизма рекомендовалось брать на себя инициативу в подготовке и проведении специальных антифашистских кампаний, особенно в защиту жертв империалистической агрессии. Такое организационное взаимодействие двух форм международного движения за мир позволяло добиваться расширения круга его участников и в то же время конкретизации программы сторонников мира, придания ей более ясной антифашистской направленности.

Коминтерн и компартии, как наиболее последовательная и сознательная сила движения сторонников мира, призывали рабочий класс всемерно поддерживать советскую идею коллективного отпора агрессору. «Первая, ведущая сила, — писал журнал «Коммунистический Интернационал», — группирующая вокруг себя сторонников мира в международном масштабе, — это страна социализма, отечество пролетариев всех стран — великий Союз Советских Социалистических Республик»⁶. Съезд ФКП в

¹ «Rundschau», 1936, № 42, S. 1761—1764.

² ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 240, л. 19.

³ Там же, л. 20.

⁴ Там же, л. 48.

⁵ Там же.

⁶ «Коммунистический Интернационал», 1937, № 9, стр. 5.

Арле в 1937 г. указал, что стремление реакции разрушить франко-советский союз является ударом по национальным интересам самой Франции. Компартии скандинавских стран поддерживали идею создания оборонительного союза этих стран с участием СССР и миролюбивых государств Запада. За организацию коллективного отпора агрессии выступали прогрессивные силы Чехословакии, Польши, Болгарии, Румынии, а также компартии Германии, Италии, Японии и ряда других стран.

Усиление движения сторонников мира говорило о том, что советская идея коллективного отпора агрессорам встречает понимание и поддержку среди народных масс. В марте 1937 г. в Англии на втором конгрессе за мир и дружбу с Советским Союзом, где присутствовало 900 делегатов, представлявших 3 млн. человек, объединенных в кооперативах, профсоюзах, культурно-просветительных обществах и других организациях, была выражена солидарность с СССР в борьбе за мир. Конгресс высказался за расширение контактов с народами СССР, призвал правительство Великобритании противодействовать тем предложениям в европейских пактах, которые не учитывают интересов Советского Союза, сотрудничать с ним, «чтобы укрепить коллективную безопасность через Лигу наций с помощью открытых для каждого ее члена пактов о взаимной гарантии и помощи»¹.

В Англии настроения в пользу решительной борьбы за сохранение мира, которые наиболее последовательно выражала компартия, охватили значительные слои населения. Они приобрели особенно сильное влияние весной и летом 1938 г., когда в стране развернулось движение за создание альянса мира. В то же время выявились и многие слабости этого движения, нарастающие в нем противоречия. Реакционным правящим кругам, прикрывавшимся маской миролюбия, удалось ввести в заблуждение значительные слои народа относительно истинного содержания внешней политики правительства. Руководящие органы лейбористской партии и тред-юнионов, где преобладали правые элементы, тащили эти организации на путь фактической поддержки правительства Чемберлена. В системе разнообразных организаций сторонников мира были сильны традиции абсолютного пацифизма. Все это тормозило активные действия сторонников мира, вносило в их ряды замешательство и дезорганизацию.

В ответ на кампанию за альянс мира правящие круги Англии организовали настоящий пропагандистский поход против сторонников мира. Они пытались уверить, что союз с Францией и СССР будет означать создание военного блока и лишь приблизит войну; значит, нужно-де на разумной основе найти компромисс между Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Италией — с другой. Так готовилась идеологическая почва для мюнхенского диктата.

Все это привело к тому, что английский национальный конгресс мира, состоявшийся в Бристоле в 1938 г., не достиг какого-либо решения по важнейшим проблемам внешней политики. Попытки внести поправки в проект резолюции, в котором даже не говорилось о коллективной безопасности, были отвергнуты². На конгрессе преобладали взгляды, что движение за мир должно быть расплывчатой, разнородной ассоциацией групп и лиц, объединенных стремлением к миру, но не имеющих позитивной программы и не предпринимающих практических попыток противодействовать силам врагов мира.

Вызывал тревогу и тот факт, что движение «клятва во имя мира», возникшее в Англии, сознательно или несознательно занимало позицию сговора с агрессивными государствами. Это движение требовало

¹ «Rundschau», 1937, № 12, S. 474—475.

² «The Labour Monthly», 1938, № 7, p. 396.

договориться с Гитлером и Муссолини. Оно выдвигало лозунги: «Британия должна остаться вне игры!», «Дадим Гитлеру колонии и кредиты!» и т. п. Речь шла о чемберленовской тенденции в пацифистском движении Англии¹. Так буржуазный пацифизм, отстаивавший позицию абсолютного непризнания какой-либо войны, сам становился орудием политики войны.

Активизация передовой части движения сторонников мира и усиление борьбы между этой частью и изоляционистским направлением происходили и в США. За пересмотр закона о нейтралитете выступала часть пацифистов, входивших в Национальный совет за предотвращение войны, однако руководство этой организацией оставалось в руках изоляционистов². Американская лига за мир и демократию, объединявшая передовых участников движения сторонников мира, вела активную пропаганду, требуя коллективных действий против агрессоров и помощи их жертвам.

26—28 ноября 1937 г. в Питсбурге состоялся национальный конгресс за демократию и мир, созданный Американской лигой борьбы против войны и фашизма. Тысяча триста двадцать делегатов представляли почти 4,5 млн. сторонников мира³. Конгресс показал дальнейший рост настроений широких масс в поддержку идеи коллективной безопасности, в пользу санкций против агрессоров.

Выработанные лигой предложения об изменении закона о нейтралитете в начале декабря 1937 г. были внесены в палату представителей, что имело большое значение. Движение сторонников мира в США, в котором активную роль играли коммунисты, становилось ощутимым фактором политической жизни страны.

Однако в американском движении за мир преобладали тенденции изоляционизма. Один из руководителей компартии США — Ф. Браун в марте 1938 г. писал: «Большинство американского народа за мир, однако значительная часть его считает позицию изоляционистского «нейтралитета» средством поддержания мира»⁴. Только меньшинство сознавало фашистскую опасность и необходимость коллективного отпора. В американском движении за мир наблюдалось противоречие: с одной стороны — ясно выраженная воля к миру, с другой — тяга к «нейтралитету», который играл на руку агрессорам.

В основе этого противоречия лежали многие причины, но прежде всего то, что американское рабочее движение традиционно в минимальной мере интересовалось вопросами внешней политики. Кроме того, сравнительно сильное влияние на массы оказывали изоляционистские круги буржуазии. В предвоенные годы активизировалась пропаганда той части буржуазии, которая выступала за соглашение с фашистскими державами. В изоляционистском крыле движения сторонников мира, особенно в либерально-буржуазных пацифистских организациях, тенденция к поиску соглашения с Германией, Италией и Японией была довольно сильной. Один из выразителей этой тенденции — Ч. Бирд заявлял, что все беды происходят оттого, что эти государства не имеют достаточного доступа к источникам сырья и рынкам сбыта и что надо решить именно данный вопрос, чтобы избежать войны⁵.

Важным шагом в консолидации движения сторонников мира в США явилось создание в апреле 1938 г. Комитета за мир посредством междуна-

¹ «The Labour Monthly», 1938, № 7, p. 401—405.

² Д. Н а д ж а ф о в. Народ США — против войны и фашизма. 1933—1939. М., 1969, стр. 181—182.

³ W. F o s t e r. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 379; «The Daily Worker», November 30, 1937.

⁴ «The Communist», March 1938, p. 253.

⁵ Ibid., p. 257.

родного сотрудничества. Это была самая широкая организация, координирующая деятельность антивоенных, пацифистских и религиозных сил. В комитет вошел и председатель Американской лиги за мир и демократию Г. Уард. В программе комитета содержались пункты о соблюдении пакта Бриана — Келлога, о необходимости изменения закона о нейтралитете, о непризнании территориальных захватов, нарушавших договоры с участием США, о борьбе за всеобщее разоружение и т. д. Создание комитета отражало, как отмечала компартия США, «растущее понимание американским народом того, что единственным путем предотвращения войны является коллективная безопасность»¹.

Учитывая сдвиги в движении сторонников мира, необходимость усиления борьбы против изоляционистских тенденций в нем, а также преодоления сектантских ошибок коммунистов по отношению к различным организациям сторонников мира, X съезд компартии США (май 1938 г.) нацелил коммунистов на работу со всеми течениями в антивоенном движении, с тем чтобы завоевать возможно более широкие круги на сторону коллективной безопасности и добиться соответствующего изменения политики правительства².

Во Франции коммунисты, левые социалисты, лучшие представители интеллигенции, передовая часть движения сторонников мира предпринимали большие усилия для сплочения всех противников войны. Они боролись против оживившихся в 1938 г. в пацифистском движении настроений в пользу соглашения с фашистскими державами, против пропаганды правого крыла радикальной и социалистической партий за отказ от франко-советского договора.

В конце мая 1938 г. ЦК ФКП обратился к социалистической партии с призывом возобновить единство действий в интересах борьбы за претворение в жизнь программы народного фронта и проведение политики коллективной безопасности³. Но социалистическая партия, раздираемая глубокими противоречиями, на своем съезде в начале июня 1938 г. приняла решение о поддержке правительства Даладье и, таким образом, отказалась от борьбы против курса попустительства агрессорам⁴.

7 мая 1938 г. в Женеве заседал Исполком Всемирного объединения за мир. Ход этого заседания показал, что в руководстве ВОМ под влиянием событий в мире и в результате воздействия со стороны наиболее решительной части движения сторонников мира произошел определенный сдвиг в сторону более четкой и политически более зрелой постановки задач. Впервые Исполком ВОМ официально осудил фашизм как поджигателя войны, а также заявил протест против аннексии Австрии и отметил, что фашистская Германия использует вопрос о национальных меньшинствах в Чехословакии как предлог для оправдания своей агрессивной политики⁵.

Летом 1938 г. в Париже под руководством Генерального совета Всемирного объединения за мир состоялась международная конференция защиты мира против бомбардировки городов. В ней участвовало более тысячи делегатов из 34 стран⁶.

В то же время в условиях обострения международной обстановки в связи с назреванием чехословацкого кризиса особенно сказывались недостатки движения в защиту мира. Оценивая обстановку того пе-

¹ «The Daily Worker», April 5, 1938.

² «The Daily Worker», May 27, 1938.

³ «Cahiers du bolchevisme», 1938, № 7, p. 345.

⁴ Р. В а р ф о л о м е е в а. Реакционная внешняя политика французских правых социалистов (1936—1939 гг.). М., 1949, стр. 76—80.

⁵ «Rundschau», 1938, № 26, S. 881—882.

⁶ «Rundschau», 1938, № 38, S. 1280—1281.

риода, журнал ИККИ писал в июле 1938 г.: «Не только сознательные помощники фашистских держав, но и так называемые друзья мира даже в рядах рабочего движения защищают мнение, что развязывание войны наилучшим образом можно-де предотвратить тем, что нужно оставить фашистскому зверю его добычу, чтобы он, поедая ее, утолил свой голод, а может быть, и сломал себе зубы. Таково прежде всего мнение буржуазно-демократических держав Запада и более или менее тесно связанных с ними реакционных вождей Второго и Амстердамского Интернационалов»¹.

Хотя политика мюнхенского диктата вызвала волну протеста во многих странах, ряд организаций сторонников мира восприняли ее как «почетную альтернативу войне». Таким образом, мюнхенское соглашение усилило в движении сторонников мира пацифистские тенденции, породило дезорганизацию и раскол во многих его национальных комитетах. Национальная конференция за мир, существовавшая в США, осенью 1938 г. выразила надежду, что Мюнхен приведет к новому курсу в международных отношениях. Съезд АФТ (октябрь 1938 г.) отказался принять резолюцию в поддержку коллективной безопасности. Более того, лидеры АФТ усилили антисоветскую кампанию.

Наиболее пагубно последствия мюнхенской политики сказались на европейском движении сторонников мира, прежде всего в Англии и Франции. Так, во Франции, где движение за мир в течение ряда лет было наиболее активным и организованным, после растерзания Чехословакии реакционная буржуазия и правительство Даладье стали прославлять новую «эру мира», сопровождая это антикоммунистической истерией. В поддержку Мюнхена выступили большинство руководства СФИО и часть лидеров ВКТ, внося таким образом глубокий раскол в рабочее и демократическое движение, подрывая основы народного антифашистского фронта. Лидеры социалистической партии Франции, писал И. Эрольди, «объективно помогли Гитлеру овладеть Чехословакией, они выдали палачу и своих братьев — чехословацких социалистов. Они сеяли пацифистские иллюзии в рядах французского народа, в частности среди французского крестьянства, чтобы облегчить Даладье осуществить мюнхенское предательство»².

В этих условиях многие буржуазно-пацифистские организации, сторонники радикал-социалистической партии из буржуазных и средних слоев, часть сторонников СФИО фактически отказались от борьбы за коллективную безопасность. В октябре 1938 г. партия радикалов приняла на своем съезде решение о выходе из народного фронта. Ряд деятелей этой партии, принимавших участие в движении сторонников мира, отказались следовать ранее согласованным решениям. Руководство некоторых организаций, входивших во Всемирное объединение за мир и народный фронт, встало на путь поддержки реакционных планов правительства³.

От позиции Социалистического рабочего интернационала, Амстердамского интернационала профсоюзов, руководства социалистических партий крупнейших капиталистических стран в огромной мере зависело, удастся ли рабочему классу в этот критический момент сплотить свои ряды и повести за собой на борьбу против фашизма и войны все миролюбивые силы. Но вожди социал-демократии, проводя и в области внешней

¹ «Rundschau», 1938, № 38, S. 1266.

² «Коммунистический Интернационал», 1939, № 7, стр. 11—12.

³ Весьма показательной в этом отношении была позиция руководства федерации ветеранов войны. Президент федерации А. Пишо, сопровождавший Даладье в Мюнхен, обратился с призывом создать под руководством Даладье сильное правительство, освобожденное от всякого парламентского контроля до выборов 1940 г. По существу, это был призыв к установлению режима личной власти. Административный совет федерации ветеранов войны поддержал заявление А. Пишо («Cahiers du bolchevisme», 1938, № 11, p. 783).

политики линию классового сотрудничества с буржуазией, оказались не в состоянии предложить народным массам реальную программу мира. Более того, своими действиями они способствовали расколу антивоенных сил.

Исполком Социалистического рабочего интернационала на очередном заседании в октябре 1938 г. не смог занять единой позиции в отношении мюнхенского сговора. «Французская партия была за Мюнхен, — писал видный идеолог Социалистического рабочего интернационала Ю. Браунталь, — английская — против Мюнхена, а социалистические партии скандинавских стран и Бельгии, поддержанные швейцарской социал-демократией, объявили себя нейтральными в вопросе о мюнхенском кризисе. Таким образом, Исполком не смог отвергнуть мюнхенское соглашение»¹.

На борьбу против войны, за широкий фронт мира Коминтерн мобилизовал все близкие к нему международные организации: Профинтерн, КИМ, Спортивный интернационал, МОПР и другие. Главная задача, которая ставилась перед ними, — добиться национального и международного единства в интересах сохранения мира, используя усиление движения пролетарских масс за удовлетворение экономических требований и расширение политических прав.

Как и в предыдущие годы, в этот период многое зависело от позиции международных профсоюзных организаций. Президиум ВЦСПС писал Исполкому Международного объединения профсоюзов, что рабочий класс не может отдать себя в распоряжение Лиги наций, а должен «вести самостоятельные акции против войны, мобилизуя для этого широкие массы трудящихся и воздействуя таким образом на правительства и Лигу наций»². Солидаризируясь с ВЦСПС, Профинтерн принял 9 ноября 1935 г. специальное решение, в котором выражал полную готовность договориться с представителями МОП о совместных действиях в защиту мира.

14 ноября ИККИ рекомендовал Профинтерну добиваться «внесения низовыми профсоюзными организациями решений, требующих от Амстердамского интернационала совместных действий с Профинтерном против войны и поддержки предложений Коминтерна II Интернационалу»³.

Профинтерн стремился мобилизовать рабочих на единые выступления против войны через международные отраслевые профсоюзы, в частности через Интернационал моряков и портовых рабочих (ИМПР). Он всемерно поддерживал курс на достижение профединства в национальном масштабе. Это, как показал опыт Франции, увеличивало боевую мощь пролетариата. В июне 1936 г. красные профсоюзы некоторых стран уже вступили в реформистские союзы, а другие готовились к этому. Секретариат ИККИ определил, что создание Международного комитета единства, который опирался бы на единые профсоюзы или объединенные профцентры, является одной из наиболее важных задач Профинтерна.

Однако многие национальные профсоюзы, оказавшиеся в плену реформистских иллюзий, принимали половинчатые и непоследовательные решения. Среди некоторых левых профсоюзов получила хождение неверная точка зрения о полной бесплодности и неэффективности санкций против агрессора. Такое мнение мешало развертыванию антивоенной борьбы.

Добиваясь единства, Профинтерн смело шел на объединение с Амстердамским интернационалом, искренне стремясь создать единый фронт борьбы за мир. Поскольку в 1937 г. большинство секций Профинтерна

¹ J. Brauntal. Geschichte der Internationale. Bd. 2. Hannover, 1963, S. 512.

² «Красный интернационал профсоюзов», 1935, № 22, стр. 14.

³ «Вопросы истории КПСС», 1972, № 2, стр. 37.

уже достигли единства с массовыми реформистскими союзами или вступали в эти союзы, Красный интернационал профсоюзов, чтобы облегчить достижение международного единства, фактически прекратил свою деятельность. К декабрю 1937 г. аппарат Профинтерна перестал функционировать.

За 16 лет своего существования Красный интернационал профсоюзов вписал немало ярких страниц в историю рабочего движения. Разработанная им на основе рекомендаций Коминтерна революционная наступательная тактика позволила рабочему классу успешно вести борьбу за свои насущные интересы против крупного капитала, против реформистской политики классового сотрудничества с буржуазией. Профинтерн внес свой вклад в становление и развитие профсоюзного движения в колониальных и зависимых странах, решительно выступал против национализма, за пролетарскую интернациональную солидарность. Он оказал огромную помощь в создании единого рабочего и народного фронта, в борьбе против фашизма и войны. В его рядах выросла и закалилась славная плеяда борцов за освобождение рабочего класса.

Прекращение деятельности Профинтерна не означало утраты революционных традиций профсоюзного движения рабочего класса. Советские профсоюзы, как наиболее крупная секция Профинтерна, поставили вопрос о своем вступлении в Амстердамский интернационал при условии, что он будет вести последовательную борьбу против фашизма и войны. Однако, несмотря на длительные переговоры делегаций ВЦСПС и МОП и подписанное соглашение, реформистские лидеры профсоюзов сорвали проведение в жизнь этого важного решения. Курс на изоляцию советских профсоюзов нанес серьезный ущерб делу единства международного профдвижения, в то время когда человечество стояло на пороге войны.

Новая ориентировка Коминтерна оказала существенное влияние на усиление молодежного движения. В конце сентября — начале октября 1935 г. состоялся VI конгресс Коммунистического интернационала молодежи, сделавший важные выводы, что борьба против фашизма и войны требует изменения характера союзов, превращения их в массовые организации трудящегося юношества. Спустя полгода Секретариат ИККИ принял специальное решение, поставил перед КИМ задачу «превратить эти коммунистические организации молодежи в широкие массовые организации трудящейся молодежи, в беспартийные, но революционные по существу дела организации»¹. Этим создавались более благоприятные условия для осуществления единства антифашистской трудящейся молодежи. Так, в апреле 1936 г. в Испании возник объединенный союз коммунистической и социалистической молодежи, ставший важной силой сопротивления фашизму. В Бельгии произошло слияние комсомола с молодой социалистической гвардией. Объединенные союзы появились в Литве и Мексике. Были достигнуты соглашения о единстве действий молодежных организаций антифашистского направления во Франции, Австрии, Бельгии, Болгарии и некоторых других странах. Однако дело сплочения трудящейся молодежи наталкивалось на сопротивление лидеров Социалистического интернационала молодежи (СИМ).

Идеей объединения прогрессивных сил молодежи была пронизана Международная юношеская конференция, проходившая 29 февраля — 1 марта 1936 г. в Брюсселе. На ней присутствовало 300 делегатов от 29 международных и 248 национальных организаций молодежи из 23 стран². Впервые за всю историю молодежного движения вместе собрались представители всех его основных течений и направлений, чтобы обсудить жгучие

¹ Цит. по: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 467.

² «Коммунистический Интернационал», 1936, № 7, стр. 51—52.

вопросы борьбы за создание единого фронта мира. Конференция высказалась за созыв Всемирного конгресса молодежи.

Подготовка этого конгресса велась в основном международной федерацией союзов друзей Лиги наций, руководство которой пыталось тормозить участие трудящейся молодежи в этой кампании. В ряде стран — США, Англии, Польше и некоторых других — определенное количество мандатов было «распределено» между членами союзов друзей Лиги наций. Выдвигалось возражение против участия КИМ в конгрессе. Исполком Социалистического интернационала молодежи занял левацкую позицию, заявив, что он не может сидеть рядом с представителями буржуазии. В ходе подготовительной работы многие из этих препятствий удалось преодолеть¹.

Конгресс состоялся 31 августа — 6 сентября 1936 г. В его работе участвовало более 500 делегатов из 35 стран пяти континентов. Это были представители самых различных политических и религиозных направлений в молодежном движении: пацифисты, либералы и консерваторы, католики, протестанты, социалисты и комсомольцы.

В речи советского делегата Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева главной была мысль о необходимости преодолеть разъединение сил молодежи, чтобы остановить катастрофическое приближение новой войны. Он подчеркивал, что сама обстановка требует сотрудничества и единства действий, так как «разрушительные бомбы и удушливые газы будут одинаково смертоносными для молодежи всех политических мировоззрений и религиозных верований»².

Большинство делегатов международного юношеского конгресса за мир высказались за коллективную безопасность, укрепление Лиги наций, то есть за требования, выдвинутые Всемирным объединением за мир. Конгресс провозгласил лозунг: «Молодежь мира, объединяйся в защиту мира!» Вместе с тем он выявил и слабости молодежного движения: неконкретность, декларативность и разрозненность. В ряде стран социалистическая молодежь под влиянием реформистских иллюзий оказалась вне борьбы за мир. В некоторых латиноамериканских государствах лозунг объединения союзов молодежи был понят как призыв к ликвидации комсомола и замене его культурно-просветительными организациями.

В августе 1938 г. в Вассар-колледже города Паукинси (штат Нью-Йорк) состоялся второй Всемирный конгресс молодежи. Пятьсот его делегатов из 55 стран представляли различные организации борьбы за мир: профсоюзные, крестьянские, студенческие и другие молодежные союзы, охватывавшие около 40 млн. человек³. В честь конгресса в Нью-Йорке на городском стадионе состоялся многотысячный митинг, участники которого призывали молодежь всех стран объединиться для защиты всеобщего мира. На заключительном заседании конгресса в торжественной обстановке был подписан «Вассарский мирный пакт». Делегаты поклялись бороться за братское сотрудничество молодежи всех наций и не участвовать в военной агрессии. Однако конгресс не сумел создать собственные национальные центры, которые объединили бы молодежное движение в один общий поток.

Активную борьбу за мир вел Международный женский комитет против войны и фашизма, проводивший в жизнь идеи и установки Международного женского конгресса (1934 г.). Усилению антивоенного движения среди женщин способствовало создание в октябре 1937 г. в Париже новой международной организации — Союза итальянских женщин-эмигранток, объединившего свыше 100 секций. В Чехословакии успешно действовала жен-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 232, л. 41.

² «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, стр. 52.

³ «Интернационал молодежи», 1938, № 10, стр. 42—44.

ская организация «Еднота». Различные женские союзы США провели в Вашингтоне съезд, на котором обсудили вопрос: причины войны и как ее избежать. Участницы съезда представляли 11 союзов, насчитывавших в своих рядах 14 млн. членов. Во Франции Национальный комитет женщин, выступавший против войны, объединял более двух тысяч местных комитетов.

В широких кругах передовой интеллигенции различных стран появлялось все больше сторонников идеи коллективной безопасности. Ярким событием, отразившим солидарность передовых людей польского и украинского народов в борьбе против фашизма и угрозы войны, явился антифашистский конгресс работников культуры во Львове в мае 1936 г. Заклеймив фашизм как самого опасного врага культуры и свободы народов, конгресс призвал прогрессивные силы решительно противодействовать всем его проявлениям. В резолюции конгресса говорилось: «...борьба против империалистической войны, за мир является первой основной обязанностью всех прогрессивных работников культуры»¹.

13—14 мая 1939 г. в Париже состоялась Международная конференция в защиту мира, демократии и прав человека. Инициаторами ее созыва были профессор П. Ланжевен и лауреат Нобелевской премии Н. Энджелл. В конференции участвовало около 600 видных деятелей культуры и рабочего движения 28 стран. Рассматривались вопросы: силы демократии перед лицом фашистского наступления; колонизация Европы «третьей империей»; права человека перед лицом фашистского варварства; согласованные действия народов за свободу и мир.

В докладе Н. Энджелла и во многих выступлениях отмечалось, что налицо материальное и моральное превосходство демократий над фашизмом, но, чтобы дать ему отпор, необходимо прочное единство. Конференция указывала, что война уже началась и нужна немедленная организация коллективной безопасности, опирающаяся на соглашение Англии, Франции и Советского Союза². В резолюции подчеркивалось: «Все враждебные агрессии страны стоят перед настоящей задачей безоговорочно и безотлагательно объединить все свои материальные и моральные силы»³.

Передовая часть движения сторонников мира, несмотря на возростающие трудности, вызванные предвоенным политическим кризисом, вела непрерывную борьбу против надвигавшейся фашистской агрессии. Петиционная кампания за фронт мира в Англии, организованная по инициативе левого лейбориста С. Криппса, новый подъем борьбы за пересмотр закона о нейтралитете в США, развертывание борьбы за национальный фронт в балканских странах, рост антифашистского движения в Чехословакии, активизация студенческого движения за мир и проведение в июле 1939 г. второго конгресса международного студенческого альянса борьбы за социализм, широкая кампания во всем мире с целью заставить правительства Англии и Франции на переговорах в Москве отказаться от тактики затягивания и проволочек — все эти выступления проходили при активном участии коммунистов, левых социалистов, беспартийных рабочих, представителей интеллигенции и части мелкой буржуазии.

Однако коммунистам и другим активным участникам движения сторонников мира не удалось добиться сплочения всех противников войны. Реакционная буржуазия и правые социалисты наносили все новые удары по делу мира.

Правая социал-демократия все дальше шла по пути антикоммунизма и раскола рабочего движения. Съезд СФИО, проходивший в конце мая

¹ Антифашистский конгресс работников культуры во Львове в 1936 г. Документы и материалы. Львов, 1956, стр. 44.

² «Rundschau», 1939, № 30, S. 815.

³ «The Labour Monthly», 1939, № 6, p. 375.

1939 г. в Нанте, запретил социалистам быть членами организаций «Мир и свобода», «Народная помощь», «Друзья Советского Союза», «Движение женщин против войны и фашизма» и других массовых организаций народного фронта под предлогом, что они якобы находятся под коммунистическим влиянием¹. Английские лейбористские лидеры исключили из партии С. Криппса за петиционную кампанию. Конгресс МОП в Цюрихе (июль 1939 г.) отверг предложения о единстве действий с советскими профсоюзами и вступлении их в МОП². Амстердамское объединение профсоюзов подобно Социалистическому интернационалу оказалось неспособным решительно противостоять фашизму и войне и было близко к распаду.

VI конгресс Социалистического интернационала молодежи, состоявшийся в Лилле в июле — августе 1939 г., исключил из своих рядов Объединенную социалистическую молодежь Испании и тем самым полностью отказался от единства действий с коммунистической молодежью³.

В августе 1939 г. новый председатель Исполкома Социалистического рабочего интернационала И. Альбарда на письмо М. Тореза и М. Кашена о переговорах с целью созыва международной рабочей конференции дал отрицательный ответ, даже не запрашивая Исполком⁴. Все эти действия правых социалистов еще более углубили раскол в рабочем движении и в рядах сторонников мира.

Антивоенное движение в 1935—1939 гг. приобрело значительный размах. Однако ему был присущ ряд крупных недостатков, из-за которых оно оказалось не в состоянии решить стоявшие перед ним задачи.

Главный недостаток заключался в том, что это движение не приобрело достаточно массового характера. В нем участвовали тысячи и десятки тысяч самоотверженных борцов, по преимуществу интернационалистов, но не миллионы и десятки миллионов, чего требовала обстановка. Кроме того, это движение в основном протекало в таких формах, как митинги, манифестации, конгрессы, издание антивоенных листовок и обращений. Но для того чтобы принудить правителей фашистских держав отказаться от своих планов, этого было недостаточно.

Необходимо отметить также, что в критический момент (после Мюнхена) наблюдался некоторый спад антивоенного движения, так как лживые лозунги мюнхенцев внесли известное замешательство в ряды борников мира. Возникла даже крайне опасная для дела мира чемберленовская тенденция в пацифистском движении.

* * *

Несмотря на то что в предвоенные годы прогрессивные силы под руководством коммунистических и рабочих партий вели последовательную борьбу за мир, целый ряд факторов объективного и субъективного порядка помешали воздвигнуть непреодолимую преграду войне. Коммунистическое движение в капиталистических странах не стало подлинно массовым, что, естественно, препятствовало успешной борьбе за единый рабочий и антифашистский народный фронт. Компартии в государствах фашистской диктатуры были значительно ослаблены террором.

Борьба за сохранение мира, вовлекавшая в определенные периоды большие массы трудящихся и представителей демократических и патриотических кругов, имела огромное значение. Она подготовила международный рабочий класс, все антифашистские и демократические силы к схватке с фашизмом в годы войны, к сотрудничеству миролюбивых сил и государств с Советским Союзом во второй мировой войне.

¹ «Rundschau», 1939, № 32, S. 905.

² «Rundschau», 1939, № 38, S. 1069—1070, 1077.

³ «Rundschau», 1939, № 39, S. 1107; № 41, S. 1171.

⁴ «Rundschau», 1939, № 42, S. 1196.

Эта борьба подтвердила правильность курса коммунистических партий на создание широкого фронта мира. Она обогатила компартии ценным опытом сотрудничества с демократическими антифашистскими слоями и организациями, повысила роль рабочего класса и компартий в решении общенациональных и интернациональных задач борьбы против войны и фашизма. Все это стало одной из основ борьбы компартий за сплочение антифашистов и патриотов в годы вооруженной схватки с фашизмом.

В сложной и трудной антивоенной борьбе международный рабочий класс показал, что он является единственной силой, способной сплотить вокруг себя большинство народа и сорвать планы воинствующей реакции. Но тогда ему не удалось выполнить эту историческую миссию, ибо предательская политика лидеров социал-демократии серьезно ослабила боеспособность его рядов. Следует учитывать, что на движение народов против угрозы войны оказывала влияние реакционная буржуазная пропаганда. Правящие круги Англии, Франции и США широко применяли пацифистские лозунги для проведения политики сговора с немецкими империалистами. В самой же Германии широкие слои населения оказались в плену идей реваншизма и милитаризма. В дни Мюнхена и после него реакция с помощью средств массовой информации всячески прославляла деятельность Чемберлена и Даладье как «спасителей мира», всемерно чернила коммунистов. Мюнхенский сговор нанес серьезный политический и психологический урон борьбе против войны. В результате стечения всех этих неблагоприятных обстоятельств трудящиеся капиталистических стран не смогли создать широкий фронт защиты мира, воспрепятствовать развязыванию войны.

СРЫВ ПОПЫТОК МЕЖДУНАРОДНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА СОЗДАТЬ ЕДИНЫЙ ФРОНТ ПРОТИВ СССР

1. Советский Союз — поборник коллективной безопасности

В о второй половине 30-х годов в мире происходили важнейшие изменения. Они выражались в успешном строительстве социализма в СССР, росте активности народных масс; одновременно происходило нарастание агрессивности империализма, развязывание им захватнических войн. Изменялось соотношение классовых факторов на мировой арене, происходила возрастающая поляризация сил — мира и демократии на одной стороне, фашизма и войны — на другой.

В этих условиях Коминтерн и ВКП(б) выдвинули новые идеи и новые тактические средства борьбы за коллективную безопасность. Это отвечало указаниям В. И. Ленина, требовавшего самым тщательным образом анализировать объективные условия, в частности расстановку и соотношение сил в мире. Когда классовая борьба захватывает все международные отношения, «в этом случае в основу своей тактики, прежде всего и больше всего, необходимо класть учет объективного положения...»¹.

Ленин учил, что при каждом повороте истории необходимо оценивать «соотношение классов в целом, всех классов...», а не выбирать «отдельные примеры и отдельные казусы...»². «Мы, марксисты,— писал В. И. Ленин в 1918 г.,— гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы»³.

Вопросы борьбы с агрессией приобретали все большее национальное и интернациональное значение. Идеи и тактика этой борьбы представляли собой результат коллективного творчества и мудрости всего коммунистического движения, общий вклад этого движения в развитие марксизма-ленинизма, в дело борьбы за мир во всем мире.

Обстановка в мире быстро осложнялась: Италия и Германия в Европе и Африке, Япония в Азии перешли к открытой военной агрессии. Пламя войны охватило громадную территорию от Шанхая до Гибралтара. Насильственно перекраивались карты Европы, Африки и Азии. В сложившихся условиях главенствующее значение приобретала необходимость борьбы с агрессией всеми средствами, вплоть до военных. Советский Союз проводил свою миролюбивую политику в исключительно трудных условиях. Существовавшие договоры о взаимопомощи СССР с Францией и Чехословакией вопреки воле и желанию СССР были весьма

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 92—93.

² Там же, стр. 99.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 348.

ограниченны: они предусматривали взаимную помощь только в случае прямого нападения агрессора на одну из договорившихся сторон и не дополнялись такими военными конвенциями, которые конкретизировали бы соответствующие взаимные обязательства.

Воинственному курсу фашистских государств и Японии могли противостоять лишь действенная политика мира, твердый отпор, пресечение агрессии объединенными усилиями миролюбивых стран и народов. Сложившаяся международная обстановка вызвала к жизни новые стороны плана коллективной безопасности. Важнейшая из них — идея создания самого широкого фронта мира, охватывающего не только рабочий класс, трудящиеся и демократические слои, но и правительства стран, над которыми нависла опасность агрессии.

Фашистские планы завоевания мирового господства угрожали коренным национальным интересам и других капиталистических стран. Это создавало известную основу для совместных с Советским Союзом действий таких стран против агрессии. В свое время В. И. Ленин указывал на необходимость идти на соглашения и компромиссы ради спасения революции, в борьбе за мир использовать все пацифистские силы в буржуазном лагере ¹.

Развивая ленинские положения, ВКП(б) выдвинула идею создания союза государств против агрессора. Эта исключительная по своему значению идея предусматривала объединение усилий государств, имевших решающий перевес в экономическом и военном отношении над блоком агрессивных стран. Советский Союз был уверен, что фашистскую агрессию можно остановить коллективными действиями миролюбивых государств. Вот почему советская внешняя политика столь настойчиво и энергично вела свой курс на создание прочного союза СССР, Англии и Франции, который был бы оформлен обязательствами по взаимной помощи против агрессии. Не менее пяти лет продолжалась борьба вокруг советских предложений. Но к 21 августа 1939 г. выявилась полная бесперспективность дальнейших переговоров с правительствами Англии и Франции. Более того, всякие попытки продолжить переговоры, после того как они были заведены в тупик военными миссиями Англии и Франции, могли лишь создать огромную опасность для СССР.

Советский план коллективной безопасности предусматривал укрепление безопасности всех стран и народов, а не одних за счет других, как это было характерно для предложений правительств Англии и Франции. Советский Союз руководствовался свойственным ему интернационализмом, принципом неделимости мира, непосредственно вытекающим из ленинского положения об интернационализации международных связей. В условиях тесного переплетения всемирных экономических, финансовых и политических отношений любой военный конфликт, хотя бы местного характера, втягивает в свою орбиту многие государства и грозит перерасти в мировую войну, если своевременно не будут приняты меры к его ликвидации. «Таково уж положение в нынешнем мире,— говорил Л. И. Брежнев в 1973 г. о тезисе «мир — неделим»,— где все взаимосвязано, где внешнеполитические акции тех или иных стран имеют многочисленные, подчас самые непредвиденные последствия в различных концах света» ².

Советская идея совместных действий против агрессора, развивавшаяся и совершенствовавшаяся, носила фундаментальный характер и в потенции содержала возможность разгрома фашистского блока в случае его агрессии. Но пока войны еще не было, идею единых действий можно было

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 34.

² «Правда», 25 сентября 1973 г.

использовать в качестве фактора сплочения сил для обеспечения мира и безопасности всех народов. Поэтому Советский Союз предлагал охватить системой коллективной безопасности не только крупные европейские державы, но и малые страны континента. Однако советские предложения не были реализованы из-за того, что Англия и Франция отказались «от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам» и перешли «на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета»¹.

В борьбе за коллективный отпор немецко-фашистской агрессии Советский Союз учитывал как острейшие противоречия между империалистическими державами, так и волю народов этих стран к национальной свободе и независимости. Его предложения о заключении эффективного договора о взаимной помощи с Англией и Францией носили реалистический характер. Они в полной мере отвечали коренным интересам этих стран, равно как и малых государств Европы.

Готовность СССР к обеспечению коллективной безопасности, к ограждению европейских стран от итало-германской фашистской угрозы была доказана не только его честной и последовательной позицией в дипломатических и военных переговорах, но и практическими делами. К таким практическим делам относились защита дела эфиопского народа на международных форумах, оказание помощи республиканской Испании и борющемуся китайскому народу, готовность к оказанию военной помощи Чехословакии, совместный с МНР отпор японским захватчикам. Не было еще в истории примера столь великодушной и щедрой поддержки могучей державой справедливого дела всех народов — и малых и больших. В этой поддержке наглядно проявлялась великая сила интернационализма Советского Союза — страны социализма. Прямым продолжением предвоенных дел советского народа явилась его освободительная миссия во второй мировой войне.

В ряде случаев Советский Союз проявлял большую озабоченность сохранением независимости европейских стран, нежели их реакционные правительства. Характерно в этом отношении заявление народного комиссара иностранных дел посланнику Латвии в СССР от 28 марта 1939 г., в котором говорилось: «...какие бы то ни было соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление ему каких-либо исключительных прав и привилегий, как на территории Латвии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми... Настоящее заявление делается в духе искренней благожелательности к латвийскому народу с целью укрепления в нем чувства безопасности и уверенности в готовности Советского Союза на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Латвийской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости...»²

Упорное нежелание правительств Англии и Франции включить прибалтийские страны в общую систему коллективной безопасности в Европе имело совершенно определенный смысл — оставить открытыми ворота с северо-запада для вторжения гитлеровской Германии на территорию Советского Союза. Усиленно велась подготовка к использованию Финляндии для войны против СССР. На средства Англии, Франции, Швеции,

¹ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 13.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 283.

США и Германии на Карельском перешейке велось военное строительство под руководством крупнейших специалистов этих стран. Правительства Финляндии широко и охотно сотрудничали с гитлеровцами.

Военные приготовления Финляндии, ее антисоветский курс во внешней и внутренней политике создавали опасность как для СССР, так и для самой Финляндии. Вот почему 14 апреля 1938 г. посольство СССР в Хельсинки заявило финскому правительству о настоятельной необходимости улучшения советско-финляндских отношений и принятии мер, которые укрепили бы безопасность как Советского Союза, так и Финляндии. Советское правительство предложило заключить договор о взаимопомощи, по которому СССР окажет помощь Финляндии в любом случае нападения Германии на нее, а Финляндия окажет помощь Советскому Союзу в том случае, если нападение Германии на него будет осуществлено с использованием территории Финляндии.

В ходе переговоров, продолжавшихся до апреля 1939 г., Советское правительство выдвигало предложение гарантировать неприкосновенность Финляндии. Но эти предложения были отклонены правительством Финляндии¹. О его несерьезном к ним отношении свидетельствует тот факт, что правительство даже не поставило в известность парламент о состоявшихся переговорах. Однако оно немедленно подробно информировало о них гитлеровское правительство².

Антисоветский курс правительства Финляндии был использован Англией и Францией для срыва усилий СССР по созданию системы коллективной безопасности. Во время англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. Англия и Франция сначала отказались предоставить гарантии прибалтийским странам и Финляндии, а затем выступили против распространения гарантий в отношении этих стран на случай косвенной агрессии против них. Это сыграло свою роль в решении финского правительства взять курс на сближение с Германией. Вот почему это правительство сообщило 20 июля 1939 г., что оно отказывается от всякого сотрудничества с Советским Союзом на случай агрессии со стороны Германии против Финляндии и будет рассматривать любую его помощь как агрессию. Правительства Англии и Франции, опираясь на это заявление, нагромождали трудности в переговорах с СССР.

Прогрессивные представители финского общества призывали правительство принять меры к обеспечению безопасности Финляндии, одобрить коллективные гарантии СССР, Англии и Франции, в которых народы Финляндии, Эстонии и Латвии «особенно заинтересованы в целях обеспечения своей независимости, что может быть достигнуто на основе принципа коллективной безопасности...»³.

Трезво мыслящие финские политики делали правильный вывод: для Финляндии создавалась непосредственная угроза потери независимости. Но для финской реакции это представлялось «меньшим злом» по сравнению с мнимой «угрозой с Востока». Усилия СССР, направленные на предоставление Финляндии коллективной гарантии против фашистской агрессии, не увенчались успехом. И в этом повинна не только финская реакция, но и правящие круги Англии и Франции, действовавшие заодно с ней против советских предложений.

Своеобразной формой борьбы за отпор фашистской агрессии на севере Европы была борьба СССР за строгое проведение Швецией политики нейтралитета. Советское правительство учитывало, что Германия планировала

¹ Содержание этих переговоров опубликовано У. Кекконеном («За рубежом», 1973, № 17 (670), стр. 9).

² ADAP. 1938—1945. Bd. V. T. IV. Baden-Baden, 1953, S. 523.

³ «Sojhtu», 18 heinäkuu 1939.

поработить и шведский народ. Советские представители убеждали шведских политических лидеров в необходимости укреплять Лигу наций как инструмент мира, повышать ее эффективность. Но их убедительные доводы, выражавшие озабоченность Советского Союза судьбой Швеции (как и других северных стран), влияли лишь частично. Правительство Швеции возлагало свои надежды сначала на Англию, затем на Германию.

Когда же летом 1939 г. в Москве начались переговоры военных миссий трех стран — СССР, Англии и Франции, — в шведской внешней политике усилились антисоветские тенденции. Правящие круги Швеции с враждебных позиций рассматривали вопросы о предоставлении гарантий против гитлеровской агрессии прибалтийским странам, особенно Финляндии, называя такие предложения «смертью для нейтралитета» северных стран.

Ключевой проблемой в обеспечении безопасности Центральной и Восточной Европы являлось приобщение Польши к организации коллективного отпора агрессору. В своих взаимоотношениях с Польшей СССР руководствовался основополагающим указанием В. И. Ленина беречь свободу и независимость Польши, быть постоянно в мире с ней¹. Советское государство стремилось к созданию сильной, демократической, миролюбивой и процветающей Польши.

Польская реакция, вступившая в преступный союз с гитлеровской Германией, стала неизменным противником коллективной безопасности. Она утверждала, что Германия — друг Польши, а СССР — ее враг, что коллективная безопасность чужда интересам Польши.

В апреле 1939 г. правительство Польши заявило: «Идея многосторонних конференций потерпела уже в Европе неудачу»².

18 апреля советник польского посольства в Лондоне заявил временному поверенному в делах Германии в Англии Т. Кордту, что Польша вместе с Румынией «постоянно отказываются принять любое предложение Советской России об оказании помощи. Германия... может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России...». «Польша тем самым, — констатировал гитлеровский дипломат, — вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма»³.

В кульминационный момент борьбы СССР за спасение Европы (в том числе и Польши) от гитлеровской агрессии — во время тройственных московских переговоров — польское правительство, нарочито тенденциозно освещая их ход, не переставало твердить о своем постоянном возмущении против «фактического военного сотрудничества с СССР». 20 августа 1939 г. министр иностранных дел Бек телеграфировал польскому послу во Франции Лукасевичу, что в связи с постановкой вопроса о предоставлении возможности прохода советским войскам через территорию Польши для обеспечения ее безопасности от германской агрессии, он заявил: «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается»⁴.

Советский Союз большое значение придавал политике Румынии, тесно связанной с Польшей союзными узами. Правящие круги Румынии вопреки национальным интересам страны все предвоенные годы придерживались антисоветского курса.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 181; т. 41, стр. 283—284, 322—325.

² «Express Poranny», 18 kwietnia 1939 г.

³ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 338.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939—1943. М., 1973, стр. 163.

Прогерманские круги румынской буржуазии резко протестовали против самой идеи пакта о взаимопомощи с Советской Россией, который, по их словам, «превратит Румынию в авангард большевистских армий со всеми вытекающими последствиями»¹.

Отказ румынских правящих кругов от сотрудничества с Советским Союзом и участия в создании системы коллективной безопасности имел своим логическим следствием последующее включение Румынии в гитлеровский блок.

Венгерская реакция также встала на путь союза с Германией. Это был губительный путь. Об этом предупреждала компартия Венгрии, выражавшая коренные интересы своего народа. Она призывала к созданию оборонительного союза государств Европы против германского империализма и его захватнических вождедений, к заключению договора о взаимопомощи или о ненападении с Советским Союзом. Компартия заявляла, что «самым лучшим средством защиты страны является *заключение пакта о ненападении с Советским Союзом*, который готов заключить такой пакт с любой страной, не выдвигая при этом никаких особых условий. В противоположность нацистской Германии, Советский Союз еще никогда не нарушал взятых на себя обязательств!»².

Нарком иностранных дел СССР убеждал венгерского посланника в Москве, что потворство политике Германии будет иметь для Венгрии пагубные последствия. В сообщении посланника своему правительству от 26 марта 1938 г. предостережения Литвинова передавались следующим образом: «Политическая и экономическая самостоятельность Венгрии и других стран Дунайского бассейна будет ущемлена в результате натиска германского рейха и колоссального перевеса сил на его стороне. Если они не смогут оказать должного сопротивления, то, по мнению Литвинова, лишатся своей независимости. Большим странам, добавил он, следовало бы при сложившихся новых обстоятельствах оказать этим государствам материальную и политическую помощь в целях обеспечения их независимости. Говоря о венгеро-советских отношениях, он заявил: «Происшедшие изменения не отразятся на наших отношениях с Венгрией, даже наоборот, мы еще в большей степени заинтересованы в сохранении независимости Венгрии». В ходе беседы он дважды повторил это заявление»³.

Венгерский посланник в Москве сообщал в Будапешт о том внимании, которое Москва уделяет Венгрии, стараясь не допустить и «избежать всего, что может вызвать неудовольствие Венгрии и тем самым окончательно толкнуть ее в объятия Германии». Посланник говорил о том, что в Москве «внимание Венгрии неоднократно обращалось на необходимость соглашения и сплочения с соседними государствами» и выдвигалась идея «о том, что Малая Антанта, и в первую очередь Чехословакия, должна заручиться дружбой Венгрии»⁴.

Из этих документов видно, с каким упорством и огромной доброй волей Советский Союз старался не допустить сближения Венгрии с гитлеровской Германией, приобщить ее к совместным усилиям миролюбивых сил против агрессии, за мир в Европе.

Венгерская реакция, пренебрегая предупреждениями Советского Союза, присоединилась к немецким фашистам.

¹ Цит. по: Н. Л е б е д е в. «Железная гвардия». Кароль II и Гитлер. Из истории румынского фашизма, монархии и ее внешнеполитической «игры на двух столах». М., 1968, стр. 105.

² Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. Перевод с венгерского (далее — Венгрия и вторая мировая война). М., 1962, стр. 42.

³ Там же, стр. 74

⁴ Там же, стр. 80, 96, 98.

Правительство СССР предостерегало царское правительство Болгарии от втягивания страны в агрессивную политику Германии, доказывая, что единственное спасение Болгарии — в организации сопротивления фашистской агрессии на Балканах, в дружбе с СССР.

Народ Болгарии душой и сердцем был с Советским Союзом. Это не являлось секретом даже для зарубежных деятелей. Один из английских реакционных журналистов был вынужден признать: «... известно, что политика, направленная на дружбу с Советами, встретит сердечную поддержку подавляющего большинства болгарского народа. Полагают, что 75 процентов болгарского населения проголосовало бы за Советы, если потребуется выбирать между ними и державами оси»¹. Однако тогдашнее болгарское правительство не считалось с волей народа.

Безопасность южных границ СССР во многом зависела от позиции Турции. Ей отводилось видное место в планах как англо-французского блока, так и гитлеровской Германии. Обе империалистические коалиции стремились использовать выгодное стратегическое положение Турции и ее географическую близость к Советскому Союзу.

Турецкие правящие круги балансировали между обеими враждебными группировками, придерживаясь на первых порах англо-французской ориентации.

Советское правительство учитывало, что Турция может превратиться в антисоветский военный плацдарм, и принимало меры против такого развития событий. Важным шагом в этом направлении была телеграмма главы Советского правительства от 15 апреля 1939 г. советскому представителю в Анкаре, обязывавшая его передать лично президенту Иненю следующее: «Мы думаем, что в связи со складывающейся новой ситуацией в районах Балкан и Черного моря было бы целесообразно устроить взаимную консультацию представителей Турции и СССР и наметить возможные меры защиты от агрессии. Если турецкое правительство также находит целесообразной эту акцию, следовало бы установить место и срок встречи представителей. Мы со своей стороны предложили бы Тбилиси или Батуми»².

По просьбе турецкого правительства такая консультация состоялась в Анкаре, куда 28 апреля прибыл заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин. В ходе переговоров с президентом Турции И. Иненю и министром иностранных дел Ш. Сараджоглу Потемкин предложил заключить советско-турецкий пакт о взаимной помощи в рамках общего фронта против фашистской агрессии.

Однако турецкие правящие круги, следуя англо-франко-американской политике саботажа соглашений с СССР, не дали тогда определенного ответа на советские предложения. Поездка Потемкина в Анкару с информационными целями все же имела важное значение. Она помогла противодействовать усилившимся в то время проискам гитлеровцев в Турции.

Таким образом, Советский Союз сделал все возможное, чтобы спасти европейские страны от агрессии фашистских государств, от мировой войны. Заключение системы соответствующих договоров о взаимной помощи было важной частью генерального плана советской внешней политики. И только преднамеренный и совершенно определенный отказ правительств Англии и Франции от коллективного спасения мира, их навязчивое стремление направить немецко-фашистскую агрессию против СССР заставили Советское правительство вопреки своему генеральному внешнеполитическому плану искать другие возможности, чтобы выиграть время.

¹ «Great Britain and the East», № 1473, vol. LIII, August 17, 1939, p. 168.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 333—334.

2. Срыв Советским Союзом коварных планов империалистов

Затягивание переговоров с СССР о тройственном пакте взаимной помощи входило в планы правительств Англии и Франции как прямое продолжение их мюнхенской политики. Они даже считали себя победителями, полагая, что их расчеты на создание единого антисоветского фронта близки к осуществлению. Сочетание в их политике традиционной самоуверенности с антисоветской ослепленностью вело к тому, что они не хотели принять во внимание ни роли мероприятий советской внешней политики, ни устремлений германских империалистов.

Вопреки утверждениям некоторых буржуазных авторов политика «умиротворения» была не досужим изобретением Чемберлена и Даладье, а системой внешнеполитических воззрений правящих кругов Англии и Франции. «Английское правительство,— вынужден признать английский историк А. Тейлор,— даже не стремилось сдерживать Гитлера путем демонстрации превосходящей силы»¹.

Наперекор здравому смыслу английское правительство не пошло на создание в Европе блока реальной силы, способного противодействовать фашистской Германии. Вместо этого оно организовало систему давления на гитлеровское руководство с целью достижения соглашения за счет Советского Союза. Военное столкновение СССР с Германией по-прежнему являлось заветной целью английских дипломатов, что, впрочем, вполне соответствовало классическим канонам внешней политики Великобритании. Просчет Чемберлена заключался в том, что осуществление задуманной схемы основывалось на ложном предположении, будто Гитлера запугают маневры британской дипломатии.

Линия Советского Союза на практическое осуществление коллективной безопасности вызывала растущую тревогу среди гитлеровских главредов и военщины, которых страшила перспектива войны на два фронта. Политика правящих кругов Англии, Франции и США подбадривала германских милитаристов, считавших, что сама судьба подсказывает им, в каком направлении следует нанести свои первые военные удары. Чем больше уступок делали эти правительства фашистской Германии, тем больше возрастали ее аппетиты: германский империализм добивался мирового господства и полного устранения своих конкурентов.

С принятием в апреле 1939 г. плана войны против Польши (план «Вайс») германское правительство было особенно заинтересовано в том, чтобы тройственный пакт о взаимной помощи (СССР, Англии и Франции) не был заключен. Вести из Лондона, Вашингтона и Парижа радовали фашистских заправил. Они все более утверждались в мысли, прочное основание для когорой дал Мюнхен, что помощь Польше со стороны ее союзниц исключена.

От немецко-фашистского вторжения Польшу могло бы спасти только предложенное Советским Союзом совместное выступление трех держав (СССР, Англии, Франции) против агрессора. Но западные державы не пошли на это.

Несмотря на утверждения руководителей Англии и Франции, что Польша не желает предоставления ей помощи, Советское правительство предприняло важный шаг: предложило правительству Польши в двустороннем порядке договориться о взаимной помощи против агрессии. Озабоченность правительства СССР судьбой своего ближайшего соседа была вполне обоснованной, ибо оно располагало важной и точной информацией о готовящемся нападении Германии на Польшу. Сотрудник Риббентропа Клейст в беседе с германским журналистом сказал буквально следующее:

¹ А. Т а y l o r. The Origins of the Second World War. London, 1961, p. 227.

«... он (Гитлер.— *Ред.*) решил, что необходимо силой поставить Польшу на колени... в июле — августе она подвергнется военному нападению... Действуя внезапно, мы надеемся смять Польшу и добиться быстрого успеха. Больших масштабов стратегическое сопротивление польской армии должно быть сломлено в течение 8—14 дней... Мы считаем, что конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу»¹.

Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин 10 мая 1939 г. имел в Варшаве продолжительную беседу с польским министром иностранных дел Беком. Подробный анализ соотношения сил в Европе, сделанный советским представителем, «привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять»². Однако предложенная Советским Союзом соответствующая поддержка была отвергнута польским реакционным правительством.

В такой сложной международной обстановке гитлеровская дипломатия начала зондировать почву для переговоров с Советским Союзом.

19 мая по распоряжению Гитлера немецкому посольству в Москве была послана инструкция сообщить о готовности Германии возобновить прерванные в феврале 1939 г. экономические переговоры с СССР³. Этим шагом руководство рейха стремилось подвести материальную основу под свои предложения о политических переговорах, конкретными мероприятиями убедить Советское правительство в серьезности своих намерений. Кроме того, торговый договор с СССР необходим был Германии из-за нехватки сырьевых ресурсов.

Согласие Советского правительства на экономические переговоры тенденциозно истолковывается реакционной историографией как серьезный шаг СССР к сближению с Германией. Однако подобные утверждения опровергаются откровенно циничным меморандумом руководителя экономического отдела германского МИД Шнурра от 7 июня 1939 г. Отмечая трудности в германо-советских экономических переговорах, он писал: «На сегодняшней стадии англо-советских переговоров мы особенно стремимся использовать такой шанс, как наше вмешательство в Москве. Сам факт прямых германо-советских переговоров будет способствовать дальнейшему вбиванию клина в англо-советские переговоры»⁴.

Руководители германского МИД проявляли возрастающее беспокойство. Статс-секретарь Вейцзекер 30 мая 1939 г. заявил советскому поверенному в делах в Берлине, что имеется возможность улучшить советско-германские отношения. При этом он указал, что Германия, отказавшись от Закарпатской Украины (в пользу Венгрии), сняла этим повод для войны. «Если,— продолжал Вейцзекер,— Советское правительство хочет говорить на эту тему (об улучшении отношений.— *Ред.*), то такая возможность имеется. Если же оно идет по пути «окружения» Германии вместе с Англией и Францией и хочет идти против Германии, то Германия готовится к этому»⁵.

Советское правительство ответило, что решение вопроса об отношениях Германии с СССР зависит в первую очередь от нее самой. Получив такой ответ, гитлеровские дипломаты замолчали на два месяца.

Почему Советский Союз не пошел навстречу германским предложениям? Ответ на этот вопрос совершенно ясен. СССР стремился сохранить

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 362, 363, 364.

² Там же, стр. 389.

³ G. Hilger, A. Meyer. The Incompatible Allies. A Memoir History of German-Soviet Relations. 1918—1941. New York, 1953, p. 297.

⁴ DGFP. Series D, vol. VI, p. 662.

⁵ АВП, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 100.

мир не только для себя, но и для всех народов Европы, прочно преградить путь германской агрессии на всех направлениях. Вот почему в его планы и входило заключение эффективного, взаимообязывающего, действенного договора с Англией и Францией, в котором нуждались все народы, находившиеся под угрозой немецко-фашистского нашествия. Отрицательное отношение СССР к предложениям Германии было всецело связано с надеждой заключить тройственный договор о взаимной помощи против агрессии.

2 августа 1939 г. по инициативе Риббентропа состоялась его встреча с советским поверенным в делах Г. А. Астаховым. В этой беседе Риббентроп заявил, что между СССР и Германией нет неразрешимых вопросов «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться, если Советское правительство разделяет эти предпосылки»¹. Риббентроп не скрывал того, что Германия вела тайные переговоры с Англией и Францией, но заметил, что «немцам было бы легче разговаривать с русскими, несмотря на все различия в идеологии, чем с англичанами и французами». Гитлеровский министр иностранных дел осмелился даже на недвусмысленные угрозы. «Если,— продолжал он,— у вас другие перспективы, если, например, вы считаете, что лучшим способом урегулирования отношений с нами является приглашение в Москву англо-французских военных миссий, то это, конечно, дело ваше. Что касается нас, то мы не обращаем внимания на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западноевропейских демократий. Мы достаточно сильны и к их угрозам относимся с презрением и насмешкой. Мы уверены в своих силах; нет такой войны, которую мы бы не выиграли»².

Не желая идти на такое соглашение с Германией и все еще надеясь на успех переговоров военных миссий, Советское правительство 7 августа сообщило в Берлин, что считает германское предложение неподходящим и отвергает идею соглашения о разграничении интересов³. Объясняя позицию Советского правительства, германский посол в СССР Шуленбург сообщал в Берлин: «Советский Союз в настоящее время полон решимости заключить соглашение с Англией и Францией»⁴.

Г. А. Астахов, хорошо разбиравшийся в намерениях гитлеровской клики, счел необходимым сообщить в Москву свои соображения. 8 августа он написал Советскому правительству докладную записку о замыслах гитлеровцев. Он отмечал, что фашистские руководители отнюдь не собираются «всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства. Я думаю лишь,— продолжал он,— что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас... Что же касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы в результате этих перемен и предугадывать которую я сейчас не берусь»⁵.

К середине августа тревога германских руководителей достигла кульминационного пункта. Они завершали подготовку к войне. Подходил срок запланированных актов агрессии, а вопрос о заключении англо-франко-советского договора оставался открытым. Вейцекер в своих воспоминаниях передает атмосферу тревожного ожидания, которая в тот момент царил в германском министерстве иностранных дел⁶. Немецкое посоль-

¹ АВП, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 163.

² Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 1. М., 1960, стр. 174.

³ Там же.

⁴ DGFP. Series D, vol. VI, p. 1062.

⁵ АВП, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 126.

⁶ E. Weizsäcker. The Memoirs. London, 1951, p. 199.

ство в Москве получало из Берлина одну телеграмму за другой с требованием дать подробный доклад о ходе переговоров военных миссий и позиции Польши в отношении предложений СССР о предоставлении ей помощи против агрессии.

Итальянский посол в Москве Россо по просьбе Шуленбурга встретился с польским послом Гжибовским, которому задал вопрос: «... согласится ли Польша принять вооруженную помощь Советского Союза?» Тщательно записанный ответ польского посла был срочно передан в Берлин: «Отношение Польши к переговорам о пакте остается неизменным. Польша ни при каких обстоятельствах не разрешит советским войскам вступить на ее территорию даже для прохождения... Польша никогда не предоставит своих аэродромов в распоряжение советских воздушных сил»¹. Это сообщение, не содержащее ничего нового, было воспринято германским правительством с нескрываемым торжеством. Министерство иностранных дел стало настойчиво предлагать СССР договор о ненападении.

Вейцекер поручил Шуленбургу сообщить Советскому правительству следующее: «... если Россия предпочтет союз с Англией, она, как в 1914 г., неминуемо останется одна лицом к лицу с Германией. Если Советский Союз предпочтет взаимопонимание с нами, он обретет безопасность, которую так хочет, и получит все гарантии для ее обеспечения»². Таким образом, даже гитлеровский дипломат признавал, что СССР больше всего стремится к миру и безопасности.

Аналогичные предложения были сделаны германской дипломатией и через советского поверенного в делах Астахова, который, оценивая поведение высших чиновников гитлеровского МИД и их хозяев, писал в Москву 12 августа: «Их явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы предотвратить эвентуальное военное соглашение. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными»³.

Проявляя все возрастающее нетерпение, германское правительство 14 августа предложило Шуленбургу сделать советским руководителям устное заявление о проблеме советско-германских отношений. Беседа Шуленбурга, состоявшаяся на следующий день, была подкреплена телеграммой германского правительства, в которой правительство СССР призывалось немедленно принять в Москве германского министра иностранных дел. Поясняя эту телеграмму, Шуленбург сказал: «В настоящее время они (Англия и Франция.— *Ред.*) вновь пытаются... вгравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям»⁴.

И вновь Советское правительство сообщило Шуленбургу, что не намерено идти навстречу германским предложениям, а на телеграмму из Берлина ответ был сочтен излишним.

Объясняя позицию Советского государства, обескураженный Шуленбург сообщал в Берлин: «Отношение Советского правительства к заключенным им договорам очень серьезно; оно выполняет принятые на себя обязательства и ожидает такого же отношения к договорам от другой стороны»⁵. Следовательно, гитлеровская дипломатия отчетливо понимала, что

¹ DGFP. Series D, vol. VII, p. 13.

² Ibid., p. 61.

³ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1, стр. 175.

⁴ Там же.

⁵ DGFP. Series D, vol. VII, p. 149.

отказ СССР принять сделанные ему предложения объясняется серьезным отношением к переговорам с Англией и Францией.

Однако в двадцатых числах августа 1939 г. отношение Советского Союза к германским предложениям изменилось из-за того, что московские переговоры были правящими реакционными кругами Англии и Франции заведены в тупик.

Создавшаяся ситуация настоятельно требовала вывести Советское государство из-под нависавшего над ним немецко-фашистского удара, используя для этого стремление Германии отсрочить на какое-то время столкновение с СССР.

В этот переломный момент германское правительство предприняло еще одну попытку вступить в переговоры с Советским Союзом о заключении договора. В телеграмме, направленной 20 августа 1939 г. правительству СССР, говорилось, что в отношениях Германии и Польши может «каждый день разразиться кризис», в который будет вовлечен и Советский Союз, если он безотлагательно не согласится на заключение с Германией договора о ненападении. Гитлер со свойственной ему грубостью писал: «Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее — в среду 23 августа. Имперский министр будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении»¹.

Советский Союз оказался перед выбором: либо отклонить германское предложение, либо принять его. В первом случае антисоветский блок Англии и Франции с гитлеровской Германией и Японией стал бы реальной возможностью, крайне опасной для СССР. Советскому государству угрожал сговор двух империалистических группировок, стремившихся к разгрому социализма в мировом масштабе. Советскому Союзу пришлось бы вести войну на двух фронтах: против Германии — на западе и против Японии — на востоке, агрессию которых в той или иной форме поддерживали бы реакционные правящие круги США, Англии и Франции, стремившиеся натравить своих конкурентов против первой в мире страны социализма.

В августе 1939 г. война с Японией, напавшей на дружественную СССР Монгольскую Народную Республику, достигла наивысшего напряжения. От действий Германии в решающей степени зависело, перерастет конфликт у реки Халхин-Гол в большую войну Японии против СССР и МНР или он будет разрешен соответствующим соглашением.

Во втором случае, то есть принимая предложение Германии, Советский Союз получал выигрыш во времени, который ему был крайне необходим не только для укрепления обороны, но и для раскола лагеря империалистических держав. Коммунистическая партия и Советское правительство, глубоко проанализировав все аспекты международного положения, пришли к выводу, что для предотвращения создания общего империалистического антисоветского фронта и в интересах сохранения и упрочения первого в мире социалистического государства — отечества международного пролетариата, целесообразно пойти на заключение договора о ненападении с Германией.

Во внешнеполитические планы Советского правительства такой договор не входил, хотя оно имело достаточно оснований для принятия германских предложений. Ведь после мюнхенских соглашений СССР оставался единственной из трех держав, не имевшей с Германией соответствующих взаимных обязательств. Англо-германская декларация, подписанная

¹ M. F r e u n d (Hrsg.). Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. III. Der Ausbruch des Krieges 1939. Freiburg — München, 1956, S. 161.

30 сентября 1938 г. в Мюнхене, и франко-германская декларация от 6 декабря 1938 г., по существу, представляли собой договоры о ненападении.

Выбирая путь договора с Германией, Советское правительство еще могло предотвратить захват ею прибалтийских государств (Эстонии, Латвии, Литвы), но уже не могло оказать помощь Польше, правительство которой столь категорично и высокомерно отвергло любую помощь со стороны СССР. Однако еще было возможно спасти от гитлеровского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию.

Известный английский историк Тойнби признает, что Советское правительство стремилось остановить германскую агрессию как можно ближе к границам рейха, в то время как Гитлер хотел распространить «жизненное пространство» Германии возможно дальше на восток и «вырвать сердце из Советского Союза»¹.

Советско-германский договор о ненападении был подписан в Москве 23 августа 1939 г. К разработке текста договора советская дипломатия отнеслась с особой тщательностью. Статьи договора с исчерпывающей определенностью и абсолютной ясностью отнимали у агрессора всякую возможность чем-либо оправдать нападение на СССР. Статьи эти были таковы:

«1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

2. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3. Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

4. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

5. В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта»².

Договор был заключен на десять лет.

Согласие Советского правительства на договор с Германией представляло собой вынужденный, однако совершенно необходимый шаг в создавшейся обстановке. Советское руководство не скрывало того, что побудило его к этому.

К. Е. Ворошилов заявил представителям печати: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»³. Если бы Советское правительство продолжало отклонять германские предложения, оно подвергло бы страну смертельному риску.

Возможность того, что в германском руководстве возобладает мнение начать мировую войну с нападения на СССР через Польшу или совместно с нею, отнюдь не была исключена.

¹ A. T o u n b e e, V. T o u n b e e (Eds.). The Initial Triumph of the Axes. London, 1958, p. 40.

² «Известия», 24 августа 1939 г.

³ «Правда», 27 августа 1939 г.

Заключение советско-германского договора о ненападении радикально изменило международную обстановку. Обнажился глубокий раскол в капиталистическом мире.

Подписание советско-германского договора сорвало все планы правящих кругов западных держав за счет СССР разрешить внутренние противоречия империалистической системы. Эти планы вырабатывались годами, и политика западных держав считала их осуществление своей важнейшей задачей. Поэтому не удивительно, что подписание договора между СССР и Германией задело за живое реакционеров-мюнхенцев, понявших крушение самых сокровенных надежд на взаимное ослабление опаснейшего империалистического конкурента и ненавистной им страны социализма. Один из руководителей Коммунистической партии Великобритании — Р. Датт писал впоследствии, что советско-германский пакт о ненападении «взорвал мюнхенский фронт»¹ и сторонники этого фронта пришли в ярость.

Враги Советского Союза дошли до иступления, изображая реальные факты в совершенно искаженном виде. Одна из цюрихских газет поместила статью, название которой не оставляет сомнений в ее содержании: «Гитлер на службе Коминтерна»². Американская «Балтимор сан» открыто сокрушалась по поводу того, что советско-германский договор расходится с целями «антикоминтерновского пакта» и ставит под угрозу фашистский «дранг нах Остен»³.

О полном отрыве от реальной почвы свидетельствовали официозные комментарии польских газет и радио. Варшавское радио заявило: «Естественно, что заключение договора не окажет никакого влияния на решение Польшей вопросов европейской политики. Польша никогда не имела желания к какому-либо сотрудничеству с Россией и повторяет свое неизменное «нет!». Она считает, что Советы не могут быть подходящим партнером в европейской политике. Заключение пакта подтверждает тезис польской внешней политики: на востоке Европа кончается Польшей. Все это укрепляет престиж Польши»⁴. Далее радио Варшавы клялось в том, что Польша ориентируется на Запад и всегда будет ему верна. А до нападения на Польшу оставались считанные дни...

Время не смягчило остроты идеологической борьбы вокруг советско-германского договора. В буржуазном мире есть люди, которые, погрязнув в болоте фальсификации, продолжают распространять небылицы о договоре и целях Советского Союза. Вопреки фактам они изображают дело так, будто этот договор не служил интересам мира. Пеструю шеренгу клеветников ныне возглавляют лица, попавшие в ее ряды далеко не случайно. Разве можно считать случайными выпады против советско-германского договора о ненападении Ф. Штрауса — лидера реваншистских и милитаристских сил ФРГ? 24 февраля 1972 г. с трибуны бундестага он говорил, что такой договор не мог быть полезным, так как якобы не обеспечивал безопасности для обеих сторон⁵.

Американский профессиональный антисоветчик Л. Фишер дошел до пределов клеветы, изображая всю историю Советской России как путь «от мира к войне». Говоря о договоре, он называет его «свадьбой», а Советский Союз и Германию «молодоженами, вступившими в брак»⁶. Английский историк Батлер, одно время игравший в объективность, утверждает, будто договор «сыграл решающую роль в развязывании войны, которая, по твер-

¹ «Labour Monthly», March 1963, p. 103.

² «Welt-Woche», 25. August 1939.

³ «Baltimore Sun», August 25. 1939.

⁴ ZPA, St. 3/481/I, Bl. 14.

⁵ «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», № 27. Bonn, 26. Februar 1972, S. 425.

⁶ L. F i s c h e r. Russia's Road from Peace to War. New York, 1969, p. 368.

дому убеждению коммунистов, могла быть использована в целях осуществления их революционной стратегии»¹. Этот клеветник игнорирует тот факт, что советско-германский договор был заключен для мира. Характерно, что ни один из авторов, распространяющих клевету о советско-германском договоре, не предпринял ни малейшей попытки чем-то обосновать свои голословные утверждения, рассчитанные на доверчивых обывателей.

Западногерманский историк Е. Еккель в одном из журналов ФРГ опубликовал текст якобы найденной им «записи» речи И. Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., в которой содержится призыв к организации войны «между Германией и англо-французским блоком»². Фальсификация очень грубая. Достаточно сказать, что Сталину приписаны такие обороты речи и обращения, которые он никогда не употреблял. Кроме того, в этот субботний день, 19 августа 1939 г., заседания Политбюро вообще не было.

Другая часть буржуазных историков более трезво оценивает договор. Даже в сугубо враждебной Советскому Союзу книге американского профессора Р. Россера подчеркивается, что Советский Союз пошел на заключение договора о ненападении с Германией только после того, как все его попытки договориться о союзе с западными державами потерпели неудачу из-за их нежелания предотвратить агрессию со стороны гитлеровской Германии³. Французский историк Шерер отмечает, что если Мюнхен предоставлял Германии «свободу рук» на Востоке, то при создавшемся положении «германо-советский пакт был всего лишь естественным ответом на ту политику попустительства (немецко-фашистской агрессии. — *Ред.*) на Востоке, которую английское и французское правительства стали проводить сразу же после Мюнхена»⁴. Западногерманский историк Никкиш считает, что «жизненные интересы СССР требовали взорвать англо-германские попытки сговора против самого существования Советского Союза столь основательно и окончательно, чтобы этого заговора можно было более не опасаться. Конечно, советско-германский пакт о ненападении был смелым, даже рискованным шагом. Однако положение в мире было столь запутанным, что именно в этом договоре заключалось спасение Советской России»⁵.

Буржуазная реакция, извращая смысл и цели советско-германского договора, сразу же после его заключения предприняла повсеместный поход против коммунистических партий. Для них возникли определенные трудности, тем более что заключение договора явилось неожиданностью. Но коммунисты в большинстве случаев проявили высокую политическую зрелость и дали совершенно правильную оценку договору, его смыслу и значению.

На отсутствие какого-либо замешательства или потери классового сознания указал даже составленный гестапо обзор «Деятельность мирового коммунизма после заключения советско-германского договора». В этом обзоре отмечалось, что Коминтерн и коммунистические партии после заключения договора отнюдь не изменили своей политики, более того, они призвали к усилению борьбы против империалистических агрессоров, за мир и свободу народов. В обзоре отмечалось, что международное коммунистическое движение, несмотря на все усилия германских секретных служб и их подрывную деятельность, сохра-

¹ E. Butler. The Red Pattern of World Conquest, p. 34.

² «Viertel Jahreshfte für Zeitgeschichte», Stuttgart, 1958, H. 4 (Oktober), S. 381—382.

³ R. Rosser. An Introduction to Soviet Foreign Policy. Prentice Hall, 1969, p. 179.

⁴ «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», № 32, octobre 1958, p. 24.

⁵ E. Niekisch. Das Reich der niederen Dämonen. Berlin, 1957, S. 489.

няет организованность и боеспособность, а его влияние в массах отнюдь не ослабевает. Авторы обзора со злобой писали о том, что коммунистические партии, оценивая договор, подчеркивают значение СССР как «отечества мирового социализма»¹.

Центральный Комитет Коммунистической партии Германии 25 августа 1939 г. принял «Обращение о советско-германском договоре», в котором говорилось: «Немецкий народ приветствует пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией потому, что он хочет мира и видит в этом пакте успешный мирный шаг со стороны Советского Союза. Он приветствует этот пакт, как являющийся, в отличие от союза Гитлера с Муссолини и японскими милитаристами, не орудием войны и империалистического насилия над другими народами, а пактом с целью сохранения мира между Германией и Советским Союзом»².

Обращение ЦК КПГ могло дойти до немецких антифашистов-подпольщиков лишь спустя значительное время. Однако активисты партии, воспитанные на ее героических традициях, проявляли высокоразвитое классовое сознание³.

Уже 25—26 августа были распространены нелегальные листовки, в которых давалась меткая и прозорливая оценка советско-германского договора. В одной из таких листовок, подписанной «Южногерманский немецкий народный фронт», говорилось: «Фашистские лжецы полностью извращают сущность пакта о ненападении. Они ставят факты с ног на голову... Внешняя политика Советского Союза есть последовательная политика мира, политика, направленная на обуздание фашистских поджигателей войны, политика, отвечающая интересам трудящихся всего мира... Эта политика не претерпела никаких изменений. Советский Союз был и остается верен этой политике... Советский Союз преподнес Чемберлену и Даладье суровый урок. Он положил конец их планам, направленным против СССР... Заключением пакта о ненападении он... доказал свои чувства дружбы к немецкому народу. Если все страны станут действовать так же, как Советский Союз, то Гитлер, этот тиран немецкого народа, будет задавлен миром. Долг самого немецкого народа — действиями внутри страны не дать Гитлеру развязать войну!»⁴

Характеризуя политику Советского государства, авторы листовки напоминали о той бескорыстной помощи, которую оно оказывало и предлагало жертвам фашистской агрессии — народам Испании, Китая, Монгольской Народной Республики, о его готовности выполнить союзнические обязательства в отношении Чехословакии. Основываясь на фактах, немецкие коммунисты делали вывод: «В последовательной миролюбивой политике Советского Союза, в его готовности прийти на помощь всем жертвам агрессии и борющимся за свою независимость народам ничего не изменилось»⁵.

В конце августа 1939 г. берлинские коммунисты распространили листовку «Рабочие, сограждане, солдаты! Население Берлина!». В ней, в частности, говорилось: «Договор о ненападении между Советским Союзом и гитлеровским правительством — это исключительно важный вклад Советского Союза в дело сохранения мира. Советское правительство заключило этот договор потому, что западные державы отвергли коллективную безопасность. Мудрая миролюбивая политика Советского Союза сорвала планы французских и английских реакционеров и в то же время

¹ ZPA, St. 3/22, Bl. 7—8.

² Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Berlin, 1966, S. 520.

³ ZPA, St. 3/481/ I, Bl. 5—10.

⁴ ZPA, D. F. IX/16, Bl. 39—42.

⁵ I b i d e m.

привела к краху «антикоминтерновский пакт»¹. ...Но опасность войны сохранится до тех пор, пока существует разбойничий германский империализм и фашистская диктатура». Коммунисты призывали население Берлина к борьбе за мир. «При всех обстоятельствах наш лозунг в дни войны, как и в дни мира, гласит: долой Гитлера и поджигателей войны»². В заключение в листовке указывалось, что свободная демократическая Германия после свержения Гитлера заключит прочный боевой союз с Советским Союзом.

Французская коммунистическая партия 25 августа в своей газете «Юманите» и сообщении для печати, сделанном в тот же день парламентской группой коммунистов, совершенно точно определила смысл и значение советско-германского договора. В сообщении для печати, зачитанном М. Торезом, подчеркивалась патриотическая позиция французских коммунистов. В нем говорилось: «Если Гитлер, несмотря ни на что, развяжет войну, то пусть он знает, что перед ним встанет единый народ Франции с коммунистами в первом ряду в защиту безопасности страны, свободы и независимости народов»³.

Следует отметить, что многие коммунистические партии предупреждали трудящихся своих стран, что договор Германии с Советским Союзом не исключает возможности вероломства с ее стороны.

Эти оценки коммунистов были совершенно правильными. Подписав договор с Советским Союзом, гитлеровские главари не собирались его соблюдать.

Договор серьезно повлиял и на обстановку на Дальнем Востоке. В течение лета 1939 г. Германия и Италия вели переговоры с Японией о заключении тройственного военного пакта. Возможно, что нападение Японии в районе реки Халхин-Гол находилось в непосредственной связи с этими переговорами. Однако, когда Германия поставила перед СССР вопрос о заключении договора, она не сочла нужным информировать об этом своего японского союзника. Слухи о возможных изменениях в советско-германских отношениях дошли до Токио, и посол Осима получил указание выяснить их обоснованность. Сначала был предпринят зондаж в германском министерстве иностранных дел, чиновники которого в один голос заверяли японских дипломатов, что подобные предположения не отвечают действительности. Это дало основание Осиме сообщить своему правительству, что Германия ни в коем случае не заключит пакт с Россией⁴.

Только поздно вечером 21 августа японскому посольству в Берлине было сообщено по телефону о предполагаемом заключении советско-германского договора. Встревоженный Осима в полночный час явился в министерство, где был принят Вейцзекером. Гитлеровский дипломат успокоил японского посла. «Наше соглашение с Россией,— говорил он,— начинает новую стратегию и поставит Германию в такое положение, при котором она сможет установить период спокойствия в отношениях между Японией и Россией. Так как для Японии, как и для Германии, Англия является врагом № 1, соглашение, достигнутое с Москвой, будет в интересах обоих народов».

24 августа временный поверенный в делах СССР в Японии телеграфировал в Москву: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь... Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта

¹ Точнее было бы сказать, что советско-германский договор о ненападении обострил японо-германские противоречия.

² ZPA, 3/I/312, Bl. 90.

³ М. Т о р е з. Oeuvres. Livre IV. T. XVIII. Paris, p. 113.

⁴ АВП, ф. 4366, оп. 2, п. 13, д. 34, л. 55.

Японии с СССР»¹. Многие газеты поместили корреспонденции из Берлина, комментировавшие разъяснение Вейцекера. Содержание его беседы с японским послом быстро сделалось достоянием печати, что явилось преднамеренным шагом германской дипломатии.

Японское правительство, взбешенное вероломством своих союзников, 25 августа приняло решение заявить Германии протест по поводу заключения договора с СССР, оценивая его как аннулирование переговоров о новом военном пакте трех держав. В протесте подчеркивалось, что правительство Японии «рассматривает недавно заключенный пакт о ненападении между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик как противоречащий секретному договору, приложенному к антикоминтерновскому пакту».

Таким образом, советско-германский договор обнажил и обострил империалистические противоречия между Японией и Германией. Уверенность японского правительства, которое, основываясь на антисоветской политике гитлеровской Германии, считало наиболее вероятным ее нападение на СССР в 1939 г., оказалась несостоятельной. Авантюра у Халхин-Гола была им предпринята в ожидании такого нападения. Правительству, взявшему курс на реванш, после заключения советско-германского договора пришлось уйти в отставку. При этом им было опубликовано следующее заявление: «В Европе создалась сложная и неожиданная ситуация. В связи с этими изменениями правительство отказалось от проведения разработанной им политики; необходимо установить новую политику, основанную на новых установках»².

Об ухудшении японо-германских отношений и своей отставке правительство Японии сочло необходимым через своего посла в Вашингтоне Хориноуци предварительно информировать государственного секретаря США³. Аналогичная информация была направлена и правительству Великобритании.

Советско-германский договор о ненападении не только окончательно разрушил мюнхенский фронт в Европе, но в сочетании с поражением Японии на Халхин-Голе воспрепятствовал совместному японо-германскому нападению на СССР и серьезно повлиял на стратегические планы японского правительства. «Краткая история японской дипломатии за 100 лет» отмечала, что «правительство решило спешно вооружить армию современным оружием. С другой стороны, оно решило изменить направление продвижения. Теперь стали планировать наступление в южном направлении»⁴.

Официозное издание умалчивает о том, что японское правительство приняло еще одно решение — дезинформировать США и Англию относительно своих дальнейших планов. Основываясь на полученных им от японских кругов сообщениях, американский поверенный в делах в Японии сообщал в Вашингтон: по мнению руководящих кругов Японии, «Германия со всей определенностью показала, что доверять ей нельзя, и поэтому Японии следует попытаться восстановить добрые отношения с демократическими странами»⁵. Подобным заверениям охотно верили в Вашингтоне и Лондоне.

В исторической перспективе значение советско-германского договора раскрывается в еще большей мере. Благодаря ему Советский Союз выиграл то, что в тот момент было исключительно важно, — время. Хотя его было

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 637.

² Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1939. Bd. 80. München, 1940, S. 662.

³ Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941, p. 481.

⁴ 日本外交百年小史, 東京, 昭和 3 3 年, 1 5 7 頁.

⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1939. Vol. III. Washington, 1955, p. 52.

не так уж много — всего 22 месяца, но оно было использовано для укрепления обороны Советского Союза, которому впоследствии пришлось вынести главную тяжесть войны с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Опираясь на договор, Советский Союз приостановил движение немецко-фашистской военной машины на восток и вынес свои рубежи обороны на запад, что сыграло немаловажную роль, когда гитлеровцы вторглись в пределы СССР.

Советско-германский договор способствовал серьезному изменению в международно-политической обстановке. Мюнхенский фронт оказался расколотым, сговор Англии и Франции с Германией — затрудненным до крайности. В противовес возникла другая возможность: создание в будущем антифашистской коалиции народов и правительств. Этот важный факт отмечал М. Торез, писавший, что соглашение СССР и Германии прорвало «фронт капиталистических государств, угрожавший Советскому Союзу. Оно привело в дальнейшем к изоляции фашистских государств; оно подготовило создание коалиции демократических государств, к которой Советский Союз до этого тщетно призывал, чтобы избежать катастрофы»¹.

Договор нанес сокрушительный удар заранее подготовленной пропагандистской версии гитлеровцев объявить нападение на СССР «превентивной войной» против большевистской опасности. Подобная версия, предназначенная не столько для внутреннего употребления, сколько для внешнего, была сфабрикована в первые годы фашистского режима в Германии. В феврале 1936 г., воспользовавшись услугами французского журналиста Б. Жувенеля, Гитлер призывал страны Западной Европы к примирению в связи с опасностью «со стороны России»². В августе 1936 г. в меморандуме «Об экономической подготовке к войне» руководители рейха заявили, что «Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска»³. Наконец, даже в январе 1939 г. заместитель Гитлера по нацистской партии М. Борман в строго секретном распоряжении настоятельно требовал, чтобы не только внутри Германии, но и за ее пределами вся пропаганда убеждала в необходимости принятия «превентивных мер» против большевистской опасности. Теперь, с заключением договора, гитлеровцы принялись уверять, что о «превентивной войне» против СССР они никогда и не помышляли.

Никакой камуфляж агрессоров не мог ввести в заблуждение Коммунистическую партию и правительство Советского Союза. Добросовестно соблюдая и намереваясь соблюдать в дальнейшем свои обязательства по договору с Германией, СССР не ослаблял бдительности и боевой готовности, укрепляя дело мира. Коммунистическая партия и Советское правительство предупреждали народ, что полагаться только на договор не приходится. Используя империалистические противоречия, они вывели страну из-под нависавшего над ней удара. В то же время партия и правительство учитывали и возможное вероломство со стороны гитлеровской клики.

* * *

Неустанное усилие Советского Союза, направленные на создание системы коллективной безопасности, всемерную поддержку фронта мира и предотвращение второй мировой войны, составляют одну из ярких страниц в истории социалистического государства.

¹ М. Т о р е з. Сын народа. Перевод с французского. М., 1960, стр. 147.

² Вторая мировая война. Кн. 1. Общие проблемы. М., 1966, стр. 369.

³ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, стр. 43—44.

Даже многие буржуазные историки, стоящие на почве объективных фактов, с полным основанием признают, что в обстановке 1939 г. подписание советско-германского договора было разумным и оправданным шагом Советского Союза, позволившим ему «избежать в тот момент войны не только с Германией, но и с Японией»¹. Правомерность подписания этого договора признают и некоторые авторы, отнюдь не симпатизирующие Советской стране².

ЦК ВКП(б) и Советское правительство, проявляя мудрую осторожность, шаг за шагом расстраивали антисоветские планы международного империализма. Советская страна избежала вероломно подготовленной для нее ловушки, была выведена из-под удара объединенных сил агрессоров на определенное время, которое советский народ использовал для укрепления своего экономического и оборонного могущества. Для СССР и свободлюбивых сил это был важный выигрыш, а для их противников — явный проигрыш.

¹ L. Chassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale. Paris, 1951, p. 10.

² M. Mourin. Histoire des grandes Puissances. Du traité de Versailles aux traités de Paris (1919—1947). Paris, 1958; A. Latreille. La seconde guerre mondiale. Essai d'analyse 1939—1945. Paris, 1967; F. Mauriac. Mémoires politiques. Paris, 1967.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДВЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНАХ ДВУХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК

1. Страны фашистского блока накануне войны

Летом 1939 г. внутренняя обстановка в Германии, Италии и Японии характеризовалась прежде всего стремлением их правящих кругов всесторонне подготовить свои страны к большой войне.

В Германии к требованиям ведения агрессивной войны была приспособлена вся правительственная система. Первостепенную роль в ней играл имперский кабинет, возглавляемый фюрером нацистской партии рейхсканцлером Гитлером. Непосредственное руководство мобилизационными мероприятиями осуществлял созданный еще в 1933 г. специальный тайный государственный аппарат, позднее преобразованный в имперский совет обороны (военный кабинет). Его председателем являлся Гитлер, заместителем — Геринг, в качестве членов в совет входили начальник имперской канцелярии, председатель рабочего комитета этого совета, генеральные уполномоченные по имперской администрации и военной экономике, министры иностранных дел, внутренних дел, финансов, просвещения и пропаганды, председатель рейхсбанка, а также главнокомандующие видами вооруженных сил, еще в 1936 г. возведенные в ранг министров и получившие право участвовать в заседаниях правительства.

Геринг так характеризовал значение и роль имперского совета обороны в подготовке войны: «Совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне... Заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений»¹. Подготовкой материалов для заседаний и обеспечением выполнения принятых решений занимался специальный рабочий комитет во главе с Кейтелем.

30 августа 1939 г., за два дня до начала войны, был опубликован декрет об учреждении совета министров по обороне империи. Новый военный кабинет, созданный на базе прежних учреждений, являлся важнейшим государственным органом, осуществлявшим руководство страной в условиях войны. В качестве постоянных членов в него вошли Геринг (председатель), Гесс (министр без портфеля), Функ (министр экономики), Фрик (министр внутренних дел), Ламмерс (начальник имперской канцелярии) и Кейтель (начальник штаба верховного командования вооруженных сил). Декретом от 1 сентября 1939 г. были учреждены должности комиссаров обороны рейха, на них возлагалось обеспечение координации действий военных и гражданских властей в масштабе округов². Этими

¹ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. VI, стр. 743.

² Н. Розуцкий. Die Kriegswirtschaft. Leipzig, 1940, S. 9—10.

декретами завершилась перестройка государственного аппарата в интересах подготовки страны к агрессивной войне.

Главным звеном в системе фашистской диктатуры была национал-социалистская партия. Организационно она строилась следующим образом: округ (Gau) — район (Kreis) — местная группа (Ortsgruppe) — ячейка (Zelle) — квартал (Block). Члены нацистской партии, стоявшие во главе этих структурных единиц, а также занимавшие ответственные посты в имперском партийном руководстве, назывались политическими руководителями. Все они приносили присягу фюреру по следующей формуле: «Я клянусь Адольфу Гитлеру в нерушимой верности. Я клянусь беспрекословно подчиняться ему и тем лицам, которых он поставит надо мной».

Нацистская партия руководила целым рядом организаций, являвшихся ее частью: штурмовые (СА) и охранные (СС) отряды, национал-социалистский союз автомобилистов, гитлеровская молодежь, национал-социалистские союзы немецких студентов и немецких доцентов, национал-социалистское общество женщин. Кроме того, к фашистской партии примыкали такие организации, как национал-социалистские союзы (немецких врачей, работников юстиции, учителей, немецкой техники), национал-социалистское народное вспомоществование, национал-социалистское обеспечение жертв войны, имперский союз немецких служащих, немецкий рабочий фронт. По заявлению Гитлера, к концу 1937 г. нацистская партия вместе с примыкавшими к ней организациями насчитывала до 25 млн. человек¹. Гитлер провозгласил, что образцом организационного построения партии должна служить армия с ее «принципом абсолютного повиновения и абсолютного авторитета»². Поэтому нацистская партия культивировала не только в своих рядах, но и во всех сферах жизни рейха строжайшую иерархию и безусловное подчинение вышестоящим лицам и инстанциям. Особую роль играл преступный корпус политических руководителей этой партии — рейхслейтеры, гаулейтеры, крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры, целленлейтеры, блоклейтеры, — насчитывавший до 600 тыс. человек³, а также необычайно раздутый государственный аппарат.

Нацисты захватили в свои руки все ключевые посты в государственном аппарате и, опираясь на подчиненные им массовые организации, непосредственно руководили всей подготовкой тотальной войны. Немецкий народ, словно щупальцами гигантского спрута, был опутан террористической системой фашизма (гестапо и т. п.), которая представляла собой сложный и всеобъемлющий механизм, направленный на превращение всей нации в послушное орудие германского монополистического капитала.

Наряду с максимальным приспособлением к нуждам планируемой войны всего политического аппарата проводилась соответствующая реорганизация руководства экономикой, что вело к ускорению развития государственно-монополистического капитализма, укреплению связей нацистской партии с монополиями, возрастанию роли ведущих концернов в определении внутренней и внешней политики страны.

Официальное издание «Der Vierjahresplan» следующим образом характеризовало задачи предвоенной мобилизации экономики Германии: «Нацеливание всей работы и жизни 80 млн. человек на войну, регулирование потребления продуктов и основных товаров, переключение всех фабрик и заводов на службу одной цели, распределение сырья и решение большого количества других вопросов»⁴. В марте 1938 г. газета

¹ Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945. Bd. V. Lieferung. Bielefeld, 1961, S. 3.

² I b i d e m.

³ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 77, л. 293.

⁴ Цит. по: A. B a s c h. The New Economic Warfare. London, 1942, p. 7.

«Deutscher Volkswirt» подчеркивала, что в процессе выполнения программы экономической подготовки к войне все тщательно продумывалось и организовывалось, «ничто не было предоставлено судьбе»¹.

Для каждой стратегически важной отрасли экономики, охватываемой четырехлетним планом, принятым в 1936 г., были учреждены посты чрезвычайных уполномоченных. Летом 1938 г. Геринг заявил, что основная задача плана заключается в «подготовке германской экономики в течение ближайших четырех лет к тотальной войне. Чрезвычайный уполномоченный по четырехлетнему плану имеет неограниченные полномочия...»². В декабре 1938 г. 87 представителей монополий (руководители военно-экономических камер, генеральных контор немецких калийных синдикатов, рурских химических концернов, саарские шахтовладельцы и т. п.) были назначены военно-экономическими фюрерами.

Германские монополисты принимали непосредственное участие в разработке военно-экономических мобилизационных планов. Так, Краух, один из управляющих концерна «ИГ Фарбениндустри», по поручению Геринга разработал план ускоренной мобилизации, названный впоследствии «планом Крауха». В отчете управления военной экономики и вооружений верховного командования вооруженных сил (ОКВ) говорилось: «Выполнение плана поручалось управлению Крауха и ОКВ. Тесное сотрудничество между этими ведомствами обеспечивалось специальным планирующим комитетом и персоналом»³. Вообще роль концерна «ИГ Фарбениндустри» в планировании, подготовке и мобилизации экономики Германии для нужд агрессивной войны, а также его влияние на политику фашистского правительства были настолько велики, что ему, по свидетельству министра вооружения А. Шпеера, был «предоставлен правительственный статус» и концерн часто называли «государством в государстве»⁴. Милитаризация экономики обеспечивала немецким монополиям огромные прибыли. Так, доходы «ИГ Фарбениндустри» от производства вооружения с 1932 по 1939 г. возросли с 48 млн. до 363 млн. марок⁵.

Особое внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, являвшейся фундаментом всей военной экономики. С 1932 по 1939 г. производство средств производства в Германии почти утроилось⁶.

Т а б л и ц а 7

Развитие тяжелой промышленности Германии в 1937—1939 гг.
(в границах 1937 г.)⁷

	1937 г	1939 г.
Каменный уголь (млн. т)	184,5	189,9
Бурый уголь (млн. т)	184,7	233,7
Чугун (млн. т)	16,0	18,3
Сталь (млн. т)	19,2	22,3
Электроэнергия (млрд. квт/ч)	49,0	61,4

По данным статистики ООН, доля отдельных стран в промышленном производстве капиталистического мира в 1937 г. составляла: Германии — 12 процентов, Италии — 3, Японии — 4,8, Англии — 12,5, Франции — 6,

¹ Цит по: A. Basch. The New Economic Warfare, p. 7—8.

² Цит. по: Нюрнбергский процесс (в трех томах), т. I, стр. 763.

³ Там же, стр. 774.

⁴ Там же, стр. 641.

⁵ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S.169.

⁶ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., 1956, стр. 31.

⁷ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 168.

США — 41,4 процента Германия производила почти вдвое больше важнейших стратегических материалов, чем Англия и Франция, вместе взятые, а по выплавке алюминия (194 тыс тонн в 1939 г) она значительно опередила США и Канаду и заняла первое место в мире

С ростом выпуска военной продукции возникла проблема обеспечения промышленности сырьем, многие виды которого поступали в Германию из других стран. Поэтому нацистское руководство проводило политику автаркии: изыскивало местные сырьевые ресурсы и расширяло производство различных заменителей, создавало огромные запасы важнейших видов стратегического сырья. В сентябре 1936 г. Гитлер заявил: «за четыре года Германия должна стать полностью независимой от иностранных государств в отношении всех материалов, которые могут быть тем или иным путем созданы германским гением на наших химических и машиностроительных предприятиях и в шахтах. Создание великой новой сырьевой промышленности займет массы населения, которые высвободятся после завершения перевооружения»¹

Расширение разработки залежей руд (хотя и низкого качества) позволило увеличить производство железа, меди, свинца и других металлов.

Было освоено получение синтетического горючего (особенно крупную роль в этом сыграл концерн «ИГ Фарбениндустри»). В 1938 г. Германия произвела около 2 млн тонн заменителей моторного топлива²

Значительно увеличился железнодорожный подвижной состав. Резко возрос автомобильный парк: к 1 июня 1939 г. в Германии (включая оккупированную Австрию) насчитывалось около 2 млн машин³. Из-за трудностей в обеспечении горючим производилось его строгое распределение, сокращалось движение автомобилей, значительная часть автотранспорта переводилась на газовое топливо.

В обзоре военно-экономических мероприятий и организации военной экономики, подготовленном в августе 1939 г. министерством хозяйства Германии, отмечалось, что 80 процентов бензина и 80 процентов дизельного топлива генеральный уполномоченный по экономике должен был предоставить в распоряжение вермахта и сельского хозяйства⁴.

В связи с непосредственной подготовкой к войне промышленные предприятия из крупных центров перемещались в более безопасные в стратегическом отношении районы, наращивались производственные мощности, внедрялись техническая рационализация и новые виды сырья. Основные отрасли промышленности переводились на производство военной продукции, что отражено в таблице 8.

К июню 1939 г. в военной промышленности Германии (вместе с Австрией и Судетской областью) было занято 2,4 млн человек, то есть 21,9 процента общего числа промышленных рабочих. По данным германского института экономических исследований (ФРГ), с 1933 по 1939 г. включительно военное производство в стране увеличилось в 10 раз⁵, а самолетостроение — почти в 23 раза⁶.

В 1938—1939 гг. гитлеровцы придали такой размах военному строительству, что, по признанию начальника военно-экономического штаба ОКВ генерала Г. Томаса, промышленность Германии находилась в край-

¹ Цит. по А. В а с с х The New Economic Warfare, p. 8—9.

² А. Ш п и р т. Минеральное сырье и война. М., 1941, стр. 160.

³ Из них 1 486 450 легковых, 442 036 грузовых автомобилей и 23 302 автобуса. Кроме того, имелось 82 077 тракторов и 1 860 722 мотоцикла (ЦГАСА, ф. 31811, оп. 12, д. 1093, л. 17).

⁴ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7062, л. 76.

⁵ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг., стр. 23, 33.

⁶ Подсчитано по Ю. К у ч и н с к и й. История условий труда в Германии. Перевод с немецкого. М., 1949, стр. 328.

Доля военной продукции в промышленном производстве Германии (в процентах)¹

Доля военной продукции	1936 г.	1939 г.
Во всей промышленности	8	23
в металлургической	6	29
в металлообрабатывающей	11	45
в машиностроительной	13	43
в оптико-механической	20	51
в электротехнической	5	32

ней степени напряжения и уже в не полной мере справлялась с выполнением заказов вермахта, особенно в самолетостроении².

Форсированный перевод экономики Германии на военные рельсы не мог не сказаться на ее внешней торговле, так как многие предприятия, поставлявшие продукцию на внешний рынок, переключились на военное производство. Правительство стремилось не допустить уменьшения экспорта. 30 января 1939 г. Гитлер заявил: «Германия должна экспортировать или умереть»³. Однако, несмотря на все усилия развить внешнюю торговлю с помощью поощрительных премий, субсидирования торговых фирм и использования демпинга, экспорт Германии в 1938—1939 гг. снизился.

Учитывая опыт первой мировой войны, гитлеровцы прилагали большие усилия к увеличению производства сельскохозяйственной продукции и регулированию ее распределения. Еще до войны была введена карточная система на основные виды продовольствия, запрещен откорм скота зерном хлебных культур. Для перестройки продовольственного обеспечения и создания стратегических запасов в центре и на местах были созданы продовольственные комитеты, организованы главные объединения по рыбе, яйцам, пиву, овощам, картофелю, молоку, мясу, сахару. Вследствие этого в начале войны потребовались лишь небольшие дополнительные мероприятия для завершения перестройки продовольственного аппарата. Военные запасы создавались прежде всего за счет сокращения народного потребления.

К осени 1939 г. в Германии запасы зерна составляли 6—6,5 млн. тонн, жиров — 500—600 тыс. тонн, сахара — 1 660 тыс. тонн. Были созданы запасы других видов продовольствия, а также фуража. Картофелем и отчасти хлебом население могло быть обеспечено до урожая следующего года. Запасы жиров составляли половину, а сахара — треть годового потребления. По мобилизационному плану предполагалось значительно сократить нормы снабжения населения продовольствием, в том числе мясом — на 68 процентов, жирами — на 57 процентов⁴.

Готовясь к тотальной войне, гитлеровцы предпринимали огромные усилия, чтобы обеспечить военную экономику важнейшими видами сырья. Однако, несмотря на все мероприятия по обеспечению автаркии в снабжении сырьем, зависимость от ввоза из-за границы к началу войны была ве-

¹ В. В а с и н. Империалистический милитаризм — угроза человечеству. Минск, 1970, стр. 84.

² G. T h o m a s. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45). Schriften des Bundesarchivs 14. Boppard am Rhein, 1966, S. 130, 132, 147.

³ «Völkischer Beobachter», 31. Januar 1939.

⁴ G. T h o m a s. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45), S. 146.

лика. Она составляла одну треть общих потребностей рейха, а по железной руде — 45 процентов, свинцу — 50, меди — 70, олову — 90, никелю — 95, бокситам — 99, по минеральным маслам — 66 и каучуку — 80 процентов¹.

Чрезвычайные меры по подъему производства внутри страны, захват экономических ресурсов Австрии и Чехословакии и увеличение импорта позволили фашистской Германии создать к 1939 г. такие запасы важнейших видов стратегического сырья, которые могли обеспечить ведение войны в течение 9—12 месяцев². Однако по некоторым видам сырья обеспеченность была значительно меньшей: по натуральному каучуку — 2 месяца, магнию — 4, меди — 7 месяцев³.

Ограниченность этих запасов являлась уязвимым местом германской военной экономики в случае затяжной войны. Поэтому, планируя «молниеносную войну», германское верховное командование и монополии уделяли первостепенное внимание захвату и использованию стратегических ресурсов противников. Для этих целей военно-экономический штаб ОКВ подготовил специальные подразделения и части⁴.

Создание многочисленного вермахта и колоссальное расширение военного производства требовали огромного количества квалифицированной рабочей силы. Стремясь решить эту проблему, гитлеровцы использовали не только безработных, но и ремесленников, мелких торговцев и домохозяек Германии, а также население оккупированных Австрии и Чехословакии. Только с мая 1938 г. по май 1939 г. число рабочих, вовлеченных в военное производство, увеличилось на 1 млн. 250 тыс. человек⁵. Чрезвычайные меры вели к разорению средних слоев населения. В 1933—1939 гг. около 700 тыс. ремесленников и мелких торговцев закрыли свои предприятия⁶, не выдержав конкуренции с монополиями. Многие из них вынуждены были идти на военные заводы. И все-таки в 1939 г. только в промышленности не хватало 631 тыс. рабочих⁷. Правительство Германии пыталось восполнить недостаток рабочей силы усилением эксплуатации, увеличением рабочего дня, тотальной мобилизацией населения. В феврале 1939 г. специальным распоряжением «Об обеспечении рабочей силой выполнения задач особого государственного и политического назначения» была введена трудовая повинность для женщин⁸. Вскоре женщины составили около трети (32,5 процента) всех рабочих и служащих Германии. Министр труда получил широкие полномочия в использовании рабочей силы.

Еще до войны ряд постановлений узаконивал строгий принудительный труд. Рабочие промышленности и сельского хозяйства окончательно закреплялись за предприятиями и лишались права менять место работы без согласия их владельцев (фюреров). Отменялись изданные ранее законы о предоставлении отпусков, ограничении рабочего времени и надбавках за сверхурочную работу. Одновременно замораживалась заработная плата.

Часть рабочих тех предприятий, которые не имели непосредственного отношения к войне, переводилась в военную промышленность. Руководители и 60 процентов личного состава военизированных отрядов и лагерей трудовой повинности были направлены на службу в строительные батальо-

¹ G. Thomas. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45), S. 146.

² Ibidem.

³ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг., стр. 26.

⁴ G. Thomas. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45), S. 153.

⁵ Статистические данные по экономике Германии 1933—1943 гг. М., 1945, стр. 4.

⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 173.

⁷ В. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг., стр. 481.

⁸ Итоги второй мировой войны. Сборник статей. Перевод с немецкого. М., 1957, стр. 391, 482.

ны¹. В фашистском ведомстве труда были детально разработаны планы вовлечения в военное производство детей, стариков и иностранной рабочей силы, которую предполагалось ввозить с завоеванных территорий.

23 июня 1939 г. имперский совет обороны рассмотрел вопрос о тотальной мобилизации населения и использовании его во время войны. Имперский министр труда доложил, что в стране имеется 43,5 млн. трудоспособного населения, которое предполагается использовать: в вермахте — 7 млн. мужчин и 250 тыс. женщин, в экономике и других отраслях — 19,2 млн. мужчин и 17,1 млн. женщин. Кроме того, заявил он, «можно также использовать мужчин в возрасте свыше 65 лет и подростков 13—14 лет»².

Одной из форм вовлечения широких масс в подготовку к войне была лига воздушной обороны рейха (Reichsluftschutzbund). Летом 1939 г. она, по заявлению Геринга, включала 2400 инструкторов по пассивной обороне, 3400 инструкторов центра, 65 тыс. региональных служб, 400 тыс. человек в группах кадрового состава, 5 млн. человек обученных и 12 млн. человек, примыкавших к лиге³.

Форсированная подготовка Германии к войне требовала огромных финансовых затрат. Западногерманский специалист по вопросам финансирования второй мировой войны Ф. Федерату утверждает, что с 1933 по 1939 г. непосредственно на вермахт было израсходовано лишь 60 млрд. марок⁴. Он пытается опровергнуть заявление Гитлера в рейхстаге, что за 6 лет до начала войны на вооружение вермахта потрачено 90 млрд. марок⁵. Поскольку «невоенные» ассигнования во многих случаях были лишь маскировкой форсированной подготовки страны к войне, цифра, указанная официально, отнюдь не завышена.

Доля ассигнований на вермахт в расходной статье бюджета Германии с каждым годом возрастала. В 1938/39 финансовом году она составила 58 процентов против 24 процентов в 1933/34 г.⁶. Уже к 1937—1938 гг. финансовое положение рейха стало критическим, и гитлеровцам из-за недостатка валюты пришлось свыше трех четвертей своей внешней торговли вести путем клиринговых соглашений⁷.

Переход к осуществлению более грандиозной программы вооружения потребовал новых колоссальных ассигнований. Прежние методы финансирования подготовки войны оказались недостаточными. Захват средств Австрии в 1938 г. (свыше 400 млн. шиллингов) и выпущенный в том же году четвертый имперский заем не могли спасти Германию от возраставших финансовых трудностей. В сентябре 1938 г. золотой запас Германии почти совсем истощился и составлял всего 17 млн. долларов, то есть в 35 раз меньше, чем у Голландии, и в 478 раз меньше, чем у США⁸. Накануне войны Германия имела иностранной валюты и золота всего лишь на 500—600 млн. марок⁹. В конце 1938 г. кассовый дефицит достиг 1 млрд. марок. Кроме того, имперский банк должен был срочно погасить векселя на 3 млрд. марок, выпущенные фиктивным обществом, созданным в целях финансирования вооружений¹⁰.

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 393.

² Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 88.

³ «Völkischer Beobachter», 6. Juni 1939.

⁴ F. F e d e r a u. Der zweite Weltkrieg. Seine Finanzierung in Deutschland. Tübingen, 1962, S. 19—20.

⁵ Ibid., S. 11.

⁶ H. J a c o b s e n. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938. Frankfurt a/M.—Berlin, 1968, S. 743.

⁷ Э. Д и т р и х. Мировая торговля. Перевод с английского. М., 1947, стр. 111.

⁸ Подсчитано по: XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 10.

⁹ G. T h o m a s. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45), S. 147.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 46, лл. 237, 290.

Для преодоления финансового кризиса и дальнейшего субсидирования военных приготовлений гитлеровцы в 1938—1939 гг. вновь пошли на чрезвычайные меры, в первую очередь на увеличение налогов. Если в 1933 г. поступления от налогов составляли 10,5 млрд. марок, то в 1938 г. — 22,8, а в 1939 г. — 27,2 млрд. марок¹. Выпуская так называемые «налоговые облигации»², гитлеровское правительство собирало налоги вперед, надеясь в будущем покрыть дефицит за счет ограбления захваченных стран. Увеличились суммы государственных займов. Если в 1933/34 бюджетном году был выпущен заем на 400 млн. марок, то в 1938/39 — на 11,2 млрд. марок³.

Определенную роль сыграло ограбление еврейского населения. Распоряжением одного из гестаповских главарей — Гейдриха всем отделам гестапо и «службы безопасности» предписывалось провести 9 и 10 ноября 1938 г. «стихийные» антиеврейские выступления⁴. Иски евреев к страховым компаниям о возмещении убытков, причиненных во время погромов, были аннулированы, 20 тыс. евреев оказались в концентрационных лагерях⁵. Подводя итоги этой акции, Геринг сообщал имперскому совету обороны, что напряженное состояние государственной казны, вызванное перевооружением, было облегчено миллиардным штрафом, наложенным на евреев, и доходами, полученными в результате ариизации еврейских предприятий⁶. На Нюрнбергском процессе Геринг признал, что «на этих операциях гаулейтеры и другие деятели фашистской партии нажили миллионные состояния»⁷. Наряду с этим крупный сионистский капитал Германии и других стран сотрудничал с гитлеровцами и финансировал их военные приготовления.

20 марта 1939 г. был издан закон «О финансировании национально-политических задач империи». Этим законом с 1 апреля 1939 г. вводился новый финансовый план непосредственного перевода хозяйства страны на военные рельсы. Фашистская пресса стремилась представить его как чудодейственное средство от угрозы финансового и экономического банкротства⁸. План, рассчитанный на шесть месяцев, предусматривал значительное увеличение средств на финансирование вооружений посредством удлинения рабочего дня и интенсификации труда, усиления ограбления оккупированных территорий, увеличения государственных займов, налогов и пошлин, эмиссии денежных знаков. По словам бывшего министра финансов Германии Шверин-Крозига, во время проведения «чрезвычайных форм финансирования» в 1939 г. было выдано налоговых квитанций на сумму 4,8 млрд. марок⁹.

Оккупировав Чехословакию, гитлеровцы захватили не только государственные ценности, но и добровольные пожертвования чехословацкого народа, собранные в сентябре 1938 г. на случай войны с Германией¹⁰.

Немалую роль в спасении «третьей империи» от финансовой катастрофы сыграла международная, в первую очередь английская и американская, финансовая олигархия. В начале апреля 1939 г. с согласия английского правительства директор банка международных расчетов М. Норман передал рейху 6 млн. фунтов стерлингов чехословацкого золота, отправлен-

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 436.

² «Налоговые облигации» продавались частным лицам. Держатели облигаций в пределах определенной суммы временно освобождались от налогов.

³ А. А л е к с е в. Военные финансы капиталистических государств (источники и методы финансирования второй мировой войны). М., 1952, стр. 69.

⁴ «Reichsgesetzblatt», 1938, Teil II, S. 1579—1582.

⁵ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. IV, стр. 689.

⁶ Там же, стр. 660.

⁷ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 34, л. 211.

⁸ «Frankfurter Zeitung», 11. April 1939; «Völkischer Beobachter», 6. April 1939.

⁹ Итоги второй мировой войны, стр. 424.

¹⁰ Л. М о с л и. Утраченное время. стр. 194.

ного правительством Чехословакии после Мюнхена «для надежного хранения» в подвалы Английского банка¹.

Сообщая Гитлеру о сделках с представителями финансовых кругов европейских стран и США, достигнутых на международных совещаниях и конференциях в июне — июле 1939 г., Функ писал: «Благодаря мерам, которые я принял в последние месяцы, мне удалось усилить позиции рейхсбанка настолько, что никакие потрясения в международных финансах и кредите не смогут сказаться на нас... Я обменял на золото весь фонд рейхсбанка и все доходы от германской торговли с границей, на которые можно было наложить руку... Мы сможем без серьезных потрясений в области финансов и экономики пережить испытания войны»².

Однако финансовое положение Германии оставалось, по существу, катастрофическим. Инфляция была в полном разгаре.

Государственный долг Германии накануне войны составлял более 60 млрд. марок. «Расходы на военные и прочие государственные нужды к 1939 г., — пишет Мюллер-Гиллебранд, — пришли в такое несоответствие с излишками гражданского хозяйства, что военная экономика должна была вестись за счет выпуска новых денег, вследствие чего финансовая, а с ней и экономическая катастрофа становилась совершенно неизбежной. Создавалось такое положение, из которого только «прыжок в войну» мог считаться единственным спасением...»³ Финансовый кризис, трудности в экономике, порожденные милитаристской политикой германского империализма, побуждали гитлеровцев спешить с началом войны. Только посредством порабощения и ограбления народов других стран они надеялись поправить свое экономическое положение и избежать катастрофы.

Осуществляя агрессию против Австрии, Чехословакии, Литвы, правительство фашистской Германии в то же время проводило реорганизацию на внутреннем фронте, чтобы завершить подготовку страны к большой войне. Как отмечал Функ в речи 14 октября 1939 г., много внимания обращалось на создание аппарата для руководства выполнением особо важных задач в случае начала войны⁴. 11 января 1939 г. были изданы распоряжения о подготовке к мобилизации (Mob-Fall). В распоряжениях генерального уполномоченного по военной экономике указывалось, что все подчиненные ему промышленные предприятия должны обеспечить себя годичным запасом каменного угля, а также талонами на получение бензина и других видов горючего, представить заявки на транспорт, необходимый в случае объявления мобилизации, с началом войны перестроить свою работу для удовлетворения потребностей армии. Военно-экономические отделы при различных учреждениях и органах власти должны были взять под контроль деятельность предприятий с количеством рабочих свыше 20 человек и дать им конкретные указания о мероприятиях в случае объявления мобилизации. Устанавливался строжайший контроль за выдачей предприятиям экспортных лицензий. Весь экспорт подчинялся исключительно интересам импорта стратегического сырья.

В феврале 1939 г. распоряжения о подготовке к войне с указанием задач на случай объявления мобилизации получили предприятия нефтяной и горнорудной промышленности. Тогда же были даны указания о военно-экономической подготовке Австрии. В частности, ее энергетическая система включалась в обслуживание германской военной промышленности. В конце месяца генеральный уполномоченный по военной экономике по согласованию с ОКВ издал распоряжение «Об оборонительных меро-

¹ Л. Мосли. Утраченное время, стр. 194.

² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 8, л. 352.

³ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Перевод с немецкого. Т. I. М., 1956, стр. 162.

⁴ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 821.

приятиях для защиты военных и жизненно важных предприятий», в котором излагалась система мер по борьбе с саботажем, усилению охраны промышленных объектов и т. д.

В следующем месяце были разработаны планы увеличения выпуска продукции для обеспечения потребностей вермахта в случае объявления мобилизации, а также намечены предприятия, не имеющие военного значения, которые с началом войны подлежали закрытию. Рабочие и служащие таких предприятий должны были направляться в армию или на военные заводы.

1 апреля 1939 г. имперский министр хозяйства потребовал от подчиненных ему учреждений и предприятий завершить составление мобилизационного календаря. Предписывалось различать три стадии мобилизации:

1) период напряжения в международных отношениях (*Spannungzeit*), когда должны быть осуществлены все мероприятия, касающиеся отношений с другими странами;

2) мобилизационные мероприятия, предшествующие открытию военных действий (*x-Fall*). Они включали мобилизацию армии, государственного аппарата и экономики;

3) всеобщая мобилизация и начало военных действий с противником. В этот период завершалась мобилизация вооруженных сил, экономики и всего государства.

Однако в документе подчеркивалось, что всеобщая мобилизация может быть объявлена еще до наступления первой и второй стадий¹.

Весной 1939 г. завершилось составление плана военно-экономической мобилизации страны. 11 мая Кейтель подписал «Основные указания о единой подготовке обороны империи», предусматривавшие проведение мобилизационных мероприятий по всей стране; исполнительным органом ОКВ для осуществления этих задач являлся отдел обороны в его штабе, а по линии фашистской партии — штаб заместителя фюрера (отдел М).

Были изданы указания об укреплении сотрудничества генерального уполномоченного по военной экономике с военно-экономическим штабом ОКВ². Они должны были составить совместный военно-экономический мобилизационный план, для чего создавался комитет центрального планирования. Разногласия в этом комитете между ОКВ и генеральным уполномоченным разрешал имперский совет обороны. Все предприятия, производившие вооружение, отныне подчинялись военно-экономическому штабу ОКВ; при каждой дирекции имперских железных дорог назначался представитель ведомства военной экономики.

В июле — августе 1939 г. были предприняты новые меры: использование сырья разрешалось только в соответствии с мобилизационным планом, строго регламентировалось потребление цемента, электроэнергии, нефти, каучука, железа, легирующих металлов, текстиля, целлюлозы. В это же время закончено составление мобилизационных планов для всех предприятий и издан закон «О государственных повинностях», по которому военные органы получили право при формировании армии военного времени реквизировать повозки, лошадей и другое имущество населения³.

Таким образом, в течение 1938—1939 гг. фашистское руководство создало сеть организаций и учреждений, обеспечившую еще в мирное время перевод всей жизни страны на путь непосредственной подготовки войны. «Во время войны, — писал Шверин-Крозиг, — Германия не нуждалась в

¹ Nazi Conspiracy and Aggression, vol. I, p. 357.

² Nazi Conspiracy and Aggression, vol. IV, p. 143.

³ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 31.

создании новой организации, так как вся экономическая система, которая была неразрывно связана с финансовой политикой, могла быть оставлена без изменений»¹.

Готовясь к войне, нацисты уделяли большое внимание идеологическому обоснованию своей агрессивной программы, психологической обработке немецкого народа. 12 ноября 1939 г. на совещании главнокомандующих Гитлер отмечал, что «создание... вооруженных сил было бы невозможно без идеологического воспитания германского народа партией»². Фашистская идеология, маскируя классовую, империалистическую сущность гитлеровской диктатуры, агрессивность ее внешнеполитической программы, вытравливала из сознания немецкого народа свободолюбивые демократические традиции, влияние идей научного социализма. Она заражала миллионы немцев ядом фанатического расизма и звериного шовинизма, стремлением к завоеванию и порабощению других народов и государств, морально растлевала и разлагала население страны, формировала у него примитивное, шаблонное мышление на базе иступленных, доходящих до истеричности призывов Гитлера и готовила немцев к совершению чудовищных преступлений.

Несмотря на усиленную идеологическую и психологическую обработку широких масс в духе милитаризма и фашизма, у гитлеровцев возникли серьезные опасения относительно морального состояния германского народа в период чехословацкого кризиса, когда немцы ощутили непосредственную угрозу возникновения войны. Стремясь вызвать прилив энтузиазма у населения, фашистские главари в конце сентября 1938 г. провели в Берлине парад войск, возымевший противоположное действие. Один из очевидцев показывал на Нюрнбергском процессе: «Население, думая, что войска идут на войну, заметно проявило свое недовольство. Войска не видели никакого ликования... Гитлер наблюдал все это из окна имперской канцелярии. Он рассвирепел, отошел от окна и сказал: «С таким народом я не могу воевать...»

10 ноября 1938 г. Гитлер созвал тайное совещание руководящих работников нацистской прессы, на котором дал указания, «как надо подготовить народ к тому, чтобы он стоял по стойке «смирно», когда начнется гроза...», потребовал всеми средствами внушать немцам необходимость применения силы для достижения «национальных» целей. Для этого, указывал Гитлер, надо «преподносить определенные внешнеполитические события так, чтобы внутренний голос народа постепенно сам начал кричать о применении силы»³. Вместе с тем фашистский рейхсканцлер потребовал внушать населению слепую веру в правильность своего руководства и развивать фанатическую уверенность немцев в неизбежности победы Германии в войне.

С конца 1938 г. наступил новый этап в психологической подготовке немецкого населения к войне. Внедрение реакционных милитаристско-реваншистских концепций в широкие слои народа проводилось с еще большим размахом. В 1939 г. в распоряжении фашистского пропагандистского аппарата находилось 3,5 тыс. ежедневных газет и 15 тыс. других периодических изданий, 15 имперских радиостанций, 10 млн. 820 тыс. приемников, 9480 киноустановок, обслуживших за год 447 млн. зрителей. В течение этого года свыше 3 тыс. издательств выпустили 20 тыс. названий книг⁴. Во всех школах, университетах, в армии, организациях фашистской партии шло упорное вдалбливание «изречений» фашистской библии — гит-

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 425.

² Цит. по: Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. I, стр. 601—602.

³ *Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945*, Bd. III, S. 1

⁴ «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*», 1969, № 10, S. 1289.

леровской «Майн кампф», изданной тиражом 6 млн. 250 тыс. экземпляров. От этой книги шла прямая дорога к крематориям Освенцима, к газовым камерам Майданека, к душегубкам, посредством которых были уничтожены многие миллионы людей.

Гитлеровское правительство предприняло решительные меры, чтобы закрыть всякий доступ антифашистской информации из-за рубежа: был прекращен ввоз газет и журналов, построено большое число заглушающих радиостанций, под угрозой смертной казни запрещалось слушание иностранных радиопередач. Особые меры принимались для того, чтобы воспрепятствовать распространению в Германии идей марксизма-ленинизма¹. В то же время в целях привлечения слушателей передачи германского радио сильно театрализовывались, в них участвовали оркестры, фанфаристы и т. п.

Гитлеровская пропаганда разжигала у немцев крайний национализм, зоологическую ненависть к народам других стран, особенно к советскому народу, к советскому строю, воспитывала веру во всемогущество фюрера, апеллировала к низменным инстинктам, демагогически обещая всяческие блага после окончания войны за счет ограбления и порабощения других стран. Фашисты стремились убедить немцев, что единственным выходом для них является победоносная война, а в случае поражения Германию ждет новый Версаль. Основное направление гитлеровской пропаганды наиболее цинично было сформулировано в утвержденной 25 августа 1938 г. генеральным штабом сухопутных сил² памятке солдатам вермахта — своеобразном кодексе поведения, которым они должны были руководствоваться во время войны.

«Ни одна мировая сила, — говорилось в ней, — не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец: как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»³.

Широко велась идеологическая и практическая подготовка к эксплуатации будущих колоний. В отчете о колониально-политическом обучении немецкой полиции за период с 1 апреля 1938 г. по 31 марта 1939 г. сообщалось о том, что «в результате планомерного четырехлетнего обучения колониально-политическим вопросам часть предпосылок для использования в будущем служащих полиции в немецких колониях уже создана»⁴.

В обстановке непосредственной подготовки войны антифашистские силы в самой Германии имели ограниченные возможности ведения пропаганды по разоблачению человеконенавистнических взглядов фашистов.

Однако, несмотря на шовинистический угар, которым гитлеровцы сумели отравить сознание большинства немецкого народа, в стране действовали значительные группы антифашистов, не прекращавшие борьбы против кровавого нацистского режима и политики войны. В ответ на массовую принудительную мобилизацию населения на военные предприятия, в сельское хозяйство, на строительство укреплений и т. п. участились слу-

¹ При подготовке кандидатов из войск СС для борьбы против идей научного социализма их экзаменовали, в частности, по следующим вопросам: каковы основные произведения Карла Маркса, какие марксистские группы действуют в Германии, каково различие между понятиями «единый фронт» и «народный фронт», какую должность занимает Димитров в Коминтерне, какими организациями руководила КПП до 1933 г. и т. п. (ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7193, лл. 43, 44).

² ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7125, л. 36.

³ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946, стр. 7—8

⁴ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7194, л. 10.

чаи саботажа, дезертирства и других форм сопротивления. 31 августа 1939 г. начальник генерального штаба армии генерал Гальдер отмечал весьма скептическое отношение части населения к военным мероприятиям. Он признавал, что из всех мобилизованных на строительство военных укреплений «одна треть рабочих призвана (в армию); треть сбежала... Население относится ко всему почти безучастно. В прифронтовой полосе — состояние подавленное»¹.

В связи с активизацией антифашистского движения в Германии накануне войны гитлеровцы усилили кровавый террор. В 1939 г. многочисленные виды германской партийной и государственной полиции были объединены в единую организацию — главное управление имперской безопасности (РСХА), которое возглавил Кальтенбруннер².

Опасаясь возможных антивоенных выступлений после начала агрессивной войны, фашистские власти заранее готовили заключение в концентрационные лагеря всех подозреваемых в антифашистской деятельности немецких граждан. По свидетельству Гальдера, мобилизационным планом предусматривалось: «Аресты согласно картотеке А-1. (10 тыс. человек) 1-я очередь; (20 тыс. человек) 2-я очередь. В концентрационные лагеря»³. В соответствии с этим на территории Германии и Австрии строились все новые концентрационные лагеря. К началу войны в распоряжении фашистских палачей имелось около 100 постоянных концентрационных лагерей⁴. Наиболее крупными из них были Бухенвальд в Тюрингии, Маутхаузен в провинции Верхняя Австрия, женский лагерь Равенсбрюк вблизи Берлина. Тысячи антифашистов были казнены, около миллиона немцев томилось в концлагерях и тюрьмах⁵.

С особым остервенением нацисты обрушились на коммунистическую партию, потерявшую к началу войны 60—70 процентов своего состава, а также на социал-демократов. И все же многие тысячи лучших представителей немецкого народа не прекращали борьбы за жизненные интересы нации, против фашизма и войны.

Беспощадный террор, разнузданная социальная демагогия и безнаказанность агрессивных акций помогали гитлеровской шовинистической пропаганде убеждать население, что «Гитлер все может», и создавать у большинства немцев уверенность в легком и быстром осуществлении завоевательных планов фашистов. Именно поэтому, несмотря на самоотверженность оставшихся в строю коммунистов и поддержку их борьбы определенной частью рядовых членов социал-демократической партии, рабочими-католиками и другими антифашистами, рабочий класс Германии не смог помешать империалистам развязать мировую войну.

Таким образом, к концу лета 1939 г. подготовка к большой войне, проводившаяся в течение нескольких лет с подлинно немецкой пунктуальностью, в основном завершилась. Вся внутренняя жизнь страны оказалась подчиненной этой зловещей цели. Гитлеровская Германия выступила как главный поджигатель новой мировой войны, как ведущая сила фашистского блока. От нее стремились не отставать и другие участники этого преступного союза.

В Италии фашисты в 1939 г. объявили об окончании строительства «корпоративного государства». В январе палата депутатов была переименована в палату фашизма и корпораций, члены которой отныне не избирались, а назначались из числа представителей высших органов фашистской партии и корпоративных организаций. Правда, реформа не коснулась се-

¹ Ф. Г а л ь д е р. Военный дневник, т. I, стр. 85.

² Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. VI, стр. 161—162.

³ Ф. Г а л ь д е р. Военный дневник, т. I, стр. 80.

⁴ R. M a n v e l l. H. F r a e n k e l. Heinrich Himmler. London, 1965, p. 50.

⁵ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 235.

ната: право формирования второй палаты парламента сохранялось как одна из немногих прерогатив короля Виктора Эммануила.

Основой социально-экономической жизни государства являлась корпоративная система. Еще с 1934 г. в Италии существовали 22 корпорации — отраслевые профессиональные союзы, объединявшие «на паритетных началах» предпринимателей и лиц наемного труда. В действительности как в самих корпорациях, так и в их высших органах подлинными руководителями являлись крупные промышленники, государственные чиновники и представители фашистской партии. Корпорации охватывали отрасли национального хозяйства: были корпорации промышленности, сельского хозяйства, торговли, банков, транспорта, а также особые корпорации лиц свободных профессий и даже домашних хозяек. Практически все активное население страны в предвоенные годы было охвачено корпоративной системой, которая, по утверждениям фашистских главарей, являлась средством, примирявшим интересы предпринимателей и трудящихся.

В предвоенные годы особенно усилилась роль фашистской партии; все руководство политической жизнью страны оказалось в ее руках. В 1937 г. секретарю партии А. Стараче был присвоен ранг министра. Превозношение «ниспосланного Италии провидением» Муссолини достигло своего апогея. Членство в фашистской партии стало обязательным условием для государственных служащих; различные меры побуждения к вступлению в нее предпринимались и по отношению к другим слоям итальянского населения. В результате к концу октября 1937 г. в рядах фашистской партии насчитывалось более 2 млн. человек. Она контролировала многочисленные массовые организации общей численностью около 8,5 млн. человек¹. Главное место среди них занимали молодежные, объединенные в 1937 г. в единую военизированную организацию. Ее командиром стал секретарь фашистской партии, а лозунгом — лозунг этой партии: «Верить, сражаться, победить!»

Важнейшее место в государственной системе Италии занимал разветвленный репрессивный аппарат. Перед войной в стране существовало до двадцати видов полицейских организаций². Основной из них была тайная политическая полиция — овра³, которая стремилась опутать сеть информаторов все слои итальянского общества. Главные усилия полиции направлялись на подавление всяких попыток антифашистов создать в стране подпольные организации. Овра осуществляла широкую слежку, в том числе и за ближайшим окружением Муссолини⁴.

В 1939 г. фашистский режим прилагал все силы к тому, чтобы превратить корпорации в органы управления хозяйственной жизнью страны. В соответствии с фашистской экономической доктриной они должны были «направлять» экономику, внося в нее плановое начало⁵. Корпорациям предоставлялось монопольное право разрешать создание новых предприятий, расширение или слияние старых. Владельцы различных капиталистических объединений обязаны были отчитываться о своей деятельности перед корпорациями, членами которых они являлись. Но поскольку во главе корпораций стояли представители тех же объединений, они все вопросы решали в пользу крупных монополий. Это приняло столь широкие масштабы, что нашло отражение даже в официальных документах.

¹ E. S a n t a r e l l i. Storia del movimento e del regime fascista. Vol. II. Roma, 1967, p. 299.

² Г. Ф и л а т о в. Крах итальянского фашизма. М., 1973, стр. 31.

³ По словам бывшего начальника политического отдела итальянской полиции, название овра происходит от усеченного piovera — спрут (T. M a r t i n e l l i. OVRA. Milano, 1967, p. 7).

⁴ G. L e t o. OVRA. Rocca San Casciano, 1952, p. 190.

⁵ E. T o s a r e l l i. Sintesi di politica economica corporativa. Roma, 1940, p. 10.

Так, обследуя в 1939 г. состояние дел в строительстве новых предприятий, комиссия министерства корпораций отмечала, что крупные промышленники повсеместно используют корпоративные органы для устранения соперников и укрепления позиции монополий¹. Таким образом, в руках монополистов корпоративная система стала орудием концентрации промышленного и финансового капитала.

Особенно большие возможности для этого открывала политика автаркии, служившая подготовке итальянской экономики к войне. В мае 1937 г. Муссолини объявил, что «корпорации мобилизованы для борьбы за автаркию, а центральный корпоративный комитет (созданный в апреле 1935 г. из представителей всех ведущих групп промышленного и финансового капитала. — *Ред.*) должен рассматриваться как генеральный штаб, возглавляющий борьбу в защиту экономической независимости нации»². Предполагалось, что совместно с министерством корпораций он выработает генеральный план обеспечения национальной экономики сырьем и развития военных отраслей промышленности. Однако до самой войны такого плана так и не было выработано. Деятельность комитета ограничивалась формулированием рекомендаций, направленных на сокращение дефицита в стратегических материалах и стимулирование предприятий, имевших военное значение, а также распределением многих видов импортного сырья.

К 1939 г. важнейшие военно-автаркические предприятия были объединены под контролем института промышленной реконструкции (ИРИ), который финансировал их и участвовал в создании полугосударственных финансово-промышленных комплексов. Половина акционерного капитала такого рода обществ принадлежала государству, а другая — частным монополиям. Для непосредственного руководства тяжелой промышленностью ИРИ создал дочернее финансовое объединение — «Финсидер». На долю предприятий, финансируемых ИРИ, в 1939 г. приходилось 70 процентов всей добываемой в Италии железной и марганцевой руды, 76 процентов производства чугуна и 45 процентов стали³. Всего за два предвоенных года капитал «Финсидера» удвоился и достиг к 1939 г. 1,8 млрд. лир⁴. Столь же стремительно росли доходы других финансово-промышленных комплексов, получавших щедрые субсидии от фашистского государства.

Однако усилия и средства, которые затрачивал режим Муссолини на укрепление промышленности и увеличение производства стратегического сырья, не давали желаемых результатов. С 1929 по 1938 г. валовой объем промышленной продукции увеличился всего на 0,6 процента⁵. Одной из самых трудновыполнимых задач развития итальянской экономики было обеспечение промышленности топливом и жидким горючим. Несмотря на все попытки увеличить добычу угля разведкой новых месторождений, Италия получила его в 1939 г. лишь 3 млн. тонн, в то время как ее годовая потребность составляла около 15 млн. тонн⁶. Еще хуже обстояло дело с нефтью, которую страна продолжала почти целиком ввозить из-за границы. Затруднительное положение с топливом фашистское правительство пыталось выправить усиленным строительством гидроэлектростанций. С 1929 по 1939 г. производство электроэнергии возросло более чем в полтора раза и достигло 18,4 млрд. квт/ч. Однако во

¹ G. Gualerni. La politica industriale fascista. Milano, 1956, p. 61, 62.

² Цит. по: С. С л о б о д с к о й. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946, стр. 96.

³ Там же. стр. 132.

⁴ P. Grifone. Il capitale finanziario in Italia. Torino, 1971, p. 192—193.

⁵ E. Rossi. I padroni del vapore. Bari, 1955, p. 231.

⁶ R. Romeo. Breve storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1965, p. 217.

многих отраслях промышленности, особенно в металлургии, электроэнергия не могла заменить уголь. Развитие военного производства сдерживалось не только слабостью энергетической базы, но и нехваткой черных, цветных и редких металлов. Вследствие нехватки руды Италия получила в 1939 г. немногим более 1 млн. тонн чугуна и 2 млн. тонн стали — менее половины того количества, которое верховная комиссия по автаркии считала необходимым на случай войны¹.

Милитаризация экономики стимулировала развитие машиностроения и металлургии. В значительной степени благодаря росту этих отраслей перед войной валовое промышленное производство Италии впервые превысило сельскохозяйственное. Однако автаркические мероприятия фашистского правительства не привели к заметному снижению зависимости страны от ввоза стратегического сырья: накануне войны она была вынуждена импортировать до 80 процентов важнейших материалов для производства вооружения². Военная промышленность не справлялась с выполнением заданий³.

Недостаточную эффективность усилий фашистского правительства в подготовке к войне признавали сами его руководители. В феврале 1939 г., выступая на большом фашистском совете⁴, Муссолини заявил, что Италия будет готова к войне лишь после 1942 г. За это время он надеялся обновить артиллерийский парк, довести число линейных кораблей до восьми, удвоить количество подводных лодок, увеличить колониальную армию и «хотя бы на 50 процентов»⁵ выполнить автаркические планы.

Осенью 1939 г. вооружение итальянской армии оставалось устаревшим. В 1938 г. было начато строительство новых артиллерийских заводов, но в течение 1939 г. их общая мощность не превышала 70 орудий в месяц, что было явно недостаточно для существенного обновления артиллерии. Серийное производство средних и тяжелых танков до начала войны налажено не было: имелось лишь несколько опытных образцов легких танков⁶.

Авиация являлась предметом особой заботы Муссолини. Несмотря на это, обследование, проведенное в 1939 г. министерством авиации, обнаружило довольно неутешительную картину: большинство самолетов было устаревших типов, а к бою готовы менее половины числившихся в строю 3 тыс. машин. Наиболее боеспособным был военно-морской флот, располагавший тяжелыми кораблями и подводными лодками. Однако для успешных действий на больших расстояниях флот нуждался в прикрытии с воздуха, а в его составе не было ни одного авианосца⁷.

Мероприятия по автаркии и гонка вооружений ложились тяжким бременем на бюджет страны. С 1936 по 1939 г. бюджетный дефицит, образовавшийся главным образом в результате «чрезвычайных расходов», составил 66 млрд. лир⁸. Налоговые поступления не могли покрыть затрат

¹ C. F a v a g r o s s a. *Perché perdemmo la guerra*. Milano, 1946, p. 84—85.

² *Ibid.*, p. 98.

³ Накануне войны выпуск минометов составил лишь 50 процентов планируемых потребностей, снарядов — 23, пулеметов — 8 процентов (C. F a v a g r o s s a. *Perché perdemmo la guerra*, p. 53), а вместо требуемых в год 200 тыс. автоматов выпускалось только 4 тыс. (G. B o s s a. *Storia d'Italia nella guerra fascista. 1940—1943*. Bari, 1969, p. 117).

⁴ Большой фашистский совет был создан для обсуждения всех важнейших вопросов государственной политики; его состав определялся Муссолини.

⁵ F. D e a k i n. *Storia della repubblica di Saló*. Torino, 1963, p. 8.

⁶ C. F a v a g r o s s a. *Perché perdemmo la guerra*, p. 57.

⁷ Данные о состоянии итальянской армии см. C. F a v a g r o s s a. *Perché perdemmo la guerra*, p. 11—24; H i s t o r i c u s. *Da Versailles a Cassibile*. Bologna, 1954, p. 63—66.

⁸ P. G r i f o n e. *Il capitale finanziario in Italia*, p. 170. Только в 1939/40 финансовом году расходы на военные цели составили более 37 млрд. лир (E. R o s s i. *I padroni del vapore*, p. 230).

на подготовку войны, поэтому правительство прибегало к всевозможным принудительным займам, эмиссии денежных знаков, изъятию золота и валюты у населения и другим подобным мерам. Всего за 1934—1938 гг. таким путем было получено дополнительно 36 млрд. лир¹. Тем не менее в августе 1939 г. финансовое положение было настолько серьезным, что министр финансов Гуарнери в докладе Муссолини писал, что если в ближайшее время правительство не примет необходимых и эффективных мер, то страна будет «неизбежно поставлена в течение нескольких месяцев в положение неплатежеспособности в отношениях с заграницей, с неизбежными последствиями в международных политических отношениях и в состоянии экономики и общества внутри страны»².

Фашистское государство не принимало эффективных мер против произвольного использования финансовых средств, сырья и материалов капиталистическими объединениями. В то же время жизненный уровень населения падал. Заработная плата за 1934—1938 гг. возросла всего на 14 процентов³, а стоимость жизни трудящихся за этот период — на 33 процента. Потребление на душу населения мяса, масла, овощей, фруктов и других продуктов, особенно среди итальянских трудящихся, резко упало. С конца 1938 г. итальянцы были вынуждены довольствоваться низкокачественным хлебом, который они называли «хлебом фашистского режима». Несмотря на расширение военного производства, в стране сохранялась безработица. От милитаризации экономики страдали не только рабочие и крестьяне, но и определенные категории мелкой буржуазии.

Параллельно с милитаризацией экономики фашисты стремились подчинить задаче подготовки к войне всю жизнь нации. Муссолини заявлял своим приближенным, что он твердо намерен превратить итальянцев из «нации мандолинистов» в нацию «суровых воинов». С 1936 г. проводились многочисленные мероприятия, среди которых особое место занимали «фашистские субботы». Эти дни все итальянцы должны были целиком посвящать военной, политической и спортивной подготовке⁴. Дуче и его окружение также совершали заплывы в море, соревновались в беге с барьерами и в велосипедной езде. Много внимания уделялось военной подготовке молодежи. Средняя школа и университеты всю свою деятельность подчинили задаче военного воспитания будущих воинов. Фашистские идеологи требовали, чтобы молодежь занималась «гимнастикой мускулов», а не «гимнастикой ума», чтобы все преподавание было проникнуто «духом дисциплины и воинской подготовки»⁵. Стремясь всемерно разжечь военный психоз, они широко использовали печать. 30 марта 1939 г. газета «La Tribuna» напечатала фотографию группы юношей, призванных в армию. Их «энтузиазм» выражали плакаты со словами: «Возьмем Средиземноморье!», «Тунис, Джибути, Суэц!».

Мечтая превратить страну в «великую империю», фашисты отводили важную роль повышению рождаемости. «Только плодovитые нации имеют право на империю»⁶, — говорил Муссолини, призывая итальянских женщин проявлять «несгибаемую волю к деторождению». В 1937 г. был принят специальный закон «О демографическом развитии нации». Стремление женщин к экономической независимости и интеллектуальной жизни объ-

¹ С. С л о б о д с к о й. Итальянский фашизм и его крах, стр. 145.

² F. G u a r n e r i. Battaglie economiche tra le due grandi guerre. Vol. 2. 1936—1940. Milano, 1953, p. 405.

³ P. G r i f o n e. Il capitale finanziario in Italia, p. 166.

⁴ L. S a l v a t o r e l l i, G. M i r a. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962, p. 849—851.

⁵ P. O r a n o. Mussolini, fondatore dell'impero fascista. Roma, 1940, p. 160, 162, 165.

⁶ G. G i u d i c e. Benito Mussolini. Torino, 1959, p. 563.

являлось вредным, их основная функция формулировалась в призыве «бдеть у люльки». Однако демографическая политика итальянского фашизма не увенчалась успехом вследствие снижения жизненного уровня и роста населения перед войной продолжал сокращаться.

С осени 1938 г. усиленно проводилась «культурная мелиорация». Эта кампания разворачивалась по многим направлениям, одно из которых составляла борьба против «иностранного влияния». Всерьез доказывалось, например, что «заимствованная у англичан» привычка пить чай «ослабляет нацию». В 1939 г. решительной чистке подверглись библиотеки и книжный рынок. Специальная комиссия составляла списки запрещенных авторов, среди которых были Толстой, Тургенев и Гоголь, чьи имена связывались с «большевистской Россией»¹.

Муссолини широко заимствовал опыт Гитлера. Увидев на военных парадах во время визита в «третью империю» «прусский шаг», дуче немедленно приказал ввести его в итальянской армии и военизированных организациях под названием «римский шаг». Захлебываясь от восторга, фашистские газеты причислили эту новую манеру маршировать к основным методам военного воспитания нации.

Копирование способов действия союзника не ограничивалось внешней стороной. Летом 1938 г. был опубликован манифест группы фашистских «ученых», в котором утверждалось, что итальянцы относятся к высшей арийской расе и ее следует всячески оберегать от чужеродных элементов². Вскоре Муссолини потребовал поставить расовый вопрос «в центр национальной жизни»³. Последовало издание расистских законов, запрещавших браки между итальянцами и «неарийцами». Евреи исключались из национальной жизни: им запрещалось занимать какие-либо посты в государственных учреждениях, служить в армии, их права на недвижимую собственность существенно ограничивались⁴. В Италии антисемитизм не привел к физическим расправам, как это было в Германии, однако вызвал волну эмиграции еврейского населения.

Осенью 1938 г. на заседании большого фашистского совета обсуждались мероприятия, осуществлением которых Италия стремилась завоевать симпатии народов Северной Африки и Малой Азии и одновременно настроить против Франции арабское население французских североафриканских территорий (Туниса, Алжира, Марокко)⁵.

Муссолини и его окружение считали, что итальянцы готовы по первому приказу двинуться в завоевательные походы. Фашистская печать усиленно вдалбливала мысль о том, что под водительством дуче страну ждет великое будущее, которое обеспечит благосостояние каждому гражданину. Фашистские организации собирали «океанскую толпу» под балконом дворца своего лидера, откуда он произносил воинственные речи. «Муссолини разрушил миф о войне как о случайном эпизоде, которого можно избежать, — пишет в то время один из ведущих фашистских публицистов — П. Орано — Сейчас вся нация мобилизована. Она живет, стоя по стойке «мирно» и держа винтовку у ноги»⁶.

Путем усиленной идеологической обработки масс итальянскому фашизму удалось подчинить своему влиянию и заразить шовинистическими настроениями большую часть населения. Однако, как писал бывший начальник политического отдела полиции Г. Лето, поступавшие к нему материалы свидетельствовали, что после завоевания Эфиопии итальянцы

¹ G. B o s s a. Storia d'Italia nella guerra fascista 1940—1943, p. 80.

² E. S a n t a r e l l i. Storia del movimento e del regime fascista, vol. II, p. 326.

³ B. M u s s o l i n i. Scritti e discorsi. Vol. XII. Roma, 1939, p. 46—47.

⁴ G. B o s s a. Storia d'Italia nella guerra fascista 1940—1943, p. 19.

⁵ ИВИ. Документы и материалы инв. № 7073, лл. 50, 51.

⁶ P. O r a n o. Mussolini, fondatore dell'impero fascista, p. 199—200.

потеряли всякую надежду на улучшение жизни, их все сильнее охватывало чувство разочарования и беспокойства в связи с возможностью войны¹.

Несмотря на то что на протяжении долгих лет итальянские антифашисты действовали в условиях глубокого подполья, сопротивление народа фашизму продолжалось. В тюрьмах и на островах для ссылки томились тысячи борцов, попавших в руки полиции, но на их место приходили новые активисты. В предвоенные годы сопротивление трудящихся фашистской диктатуре не принимало форму массовых выступлений — для этого не было условий, однако продолжался процесс проникновения антифашистских идей в народные массы и даже в среду самих фашистов. Об этом свидетельствуют материалы особого трибунала. Начиная с 1937 г. он не успевал рассматривать все поступающие к нему судебные дела антифашистов, и часть дел, считавшихся менее важными, направлялась другим судебным органам. Однако количество рассматриваемых особым трибуналом дел постоянно росло. В подавляющем большинстве антифашисты принадлежали к рабочему классу — из 407 человек, осужденных в 1939 г., 311 были рабочими и ремесленниками².

В авангарде борьбы трудящихся против фашизма шли итальянские коммунисты. Именно в них фашистские власти видели своего главного противника. По признанию одного из руководителей тайной полиции, «почти все жертвы особого трибунала были коммунистами, поскольку остальные партии не подавали признаков жизни»³.

В предвоенные годы связь коммунистических подпольных групп с заграничным центром, находившимся во Франции, была крайне затруднена. Полиции удавалось выслеживать многих активистов. В 1939 г. состоялись групповые процессы над членами коммунистических организаций Болоньи, Милана, Вероны, Эмполи, Вальсезии и других городов. В том же году полиция напала на след коммунистических групп ряда крупных промышленных предприятий Северной Италии: Бреды, Стиглера, Марелли, Отиса и других⁴.

Накануне войны итальянским антифашистам не удалось создать единый фронт борьбы, их организации в стране были немногочисленными. Тем не менее ослабление политических и социальных позиций фашизма в этот период приняло значительные размеры. Большая часть итальянских трудящихся все яснее сознавала, что Муссолини готовится бросить страну в войну, и это стало одной из главных причин возрастающей вражды к фашистскому режиму.

Курс на военный союз с Германией и усиленная подготовка к большой войне вызывали беспокойство даже среди представителей правящего класса. Одним из выразителей этих взглядов был зять Муссолини — министр иностранных дел Г. Чиано. Однако разногласия в правительственных кругах не приобрели особой остроты в этот период и в основном касались вопроса о том, как с меньшим для себя риском захватить максимальную добычу. Только этим можно объяснить ту легкомысленную самоуверенность, которую проявлял Муссолини в своих захватнических планах.

В Японии продолжался процесс милитаризации государства, фашизации внутриполитического режима и военной мобилизации экономики, отражавший интересы крупной монополистической буржуазии и придвор-

¹ G. Leto. OVRA, p. 184—186.

² A. Dal Pont, A. Leonetti, P. Maiello, L. Zocchi. Aula IV. Tutti i processi del tribunale speciale fascista. Roma, 1961, p. 548.

³ G. Leto. OVRA, p. 166.

⁴ A. Dal Pont, A. Leonetti, P. Maiello, L. Zocchi. Aula IV. Tutti i processi del tribunale speciale fascista, p. 365—394.

ной аристократии. По воле реакционных правящих кругов уже велась война против Китая и интенсивно готовилась агрессия против Советского Союза, а также против Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

Для проведения идеологической подготовки к расширению агрессии правящие круги Японии мобилизовали государственный аппарат, буржуазные партии и милитаристско-фашистские организации.

Население Японии воспитывалось в духе тенноизма (тенно — император. — *Ред.*), милитаризма и антисоветизма. Тон этой пропаганде задавали члены правительства. Так, министр просвещения Араки заявил 11 июля 1938 г.: «Решимость Японии воевать, чтобы покончить с Китаем и Россией, является достаточной для ведения войны в течение более десяти лет»¹.

В приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока отмечалось, что японская школа полностью подчинялась интересам милитаризма и «через предметы, изучавшиеся в школе, а также в те часы, которые были отведены специально для военной подготовки, школьникам внушался дух «кодо», или ультранационализм»².

В стране издавалось большое число книг, пропагандировавших милитаристские идеи, обелявших агрессию Японии против Китая. Так, в книге Т. Такасимы «Война во имя императора» восхвалялся «антикоминтерновский пакт», доказывалась необходимость «совместно с нацистско-фашистским движением предпринять решительные действия против великих государств»³. Япония, писал Такасима, ведет войну против Китая, чтобы «осуществить поворот в мировой истории, распространить императорский путь «кодо», его идеи по всему миру»⁴.

В 1937—1939 гг. в Японии особенно активно пропагандировалась верность императору, жертвенность во имя его особы⁵.

5 мая 1938 г. вступил в силу составленный по образцу чрезвычайных законов военного времени закон «О всеобщей мобилизации нации». Право решать важнейшие вопросы внутренней и внешней политики страны фактически было изъято у парламента и передано в ведение правительства. Политические партии монополистической буржуазии — сэйюкай и минсэйто — перешли к безоговорочному сотрудничеству с правительством и военщиной. Опасаясь растущего недовольства трудового народа фашизацией внутривластного режима, эти партии требовали более гибких мер в защиту своих интересов.

В угоду монополиям правительство так и не ввело в действие ту статью закона «О всеобщей мобилизации нации», по которой дивиденды обладателей акций должны ограничиваться. В 1938—1939 гг. это обеспечило дзайбацу среднегодовой прирост прибыли на акционерный капитал на 38 процентов⁶. Более того, в эти годы правительство приняло ряд законов: «О чрезвычайных мерах в области экспорта и импорта», «О нормах регулирования промышленных капиталовложений», «О чрезвычайном контроле над денежными фондами» и другие, которые предоставляли монополиям военного бизнеса преимущественные права на получение импортного стратегического сырья, правительственных субсидий для увеличения капиталовложений в отрасли военного производства и поощряли капиталовкладчиков в военную промышленность. Правилами получения экспортных

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 286.

² Там же, л. 232.

³ 高島辰彦 皇戦, 東京, 昭和13年, 11頁.

⁴ 高島辰彦 皇戦, 34頁.

⁵ 飯塚小路 日本の軍隊, 東京, 昭和43年, 46頁.

⁶ Т. Б и с с о н. Военная экономика Японии. Перевод с английского. М., 1949, стр. 83.

и импортных лицензий предусматривалось запрещение экспорта военных материалов и сокращение или ограничение импорта более 300 видов сырья и потребительских товаров, в том числе хлопка, шерсти, древесины, кож, пищевых и всех продуктов, «не являвшихся предметами первой необходимости»¹

По мере нарастания военно-фашистской диктатуры влияние и значение буржуазных политических партий ослабевало. Видя, как германский фашизм набирает силу и добивается от великих держав одной уступки за другой, руководители сэйюкай и минсэйто стремились ускорить трансформацию «антикоминтерновского пакта» в военно-политический союз с Германией и Италией. В то же время часть монополистической буржуазии Японии, тесно связанная с американским и английским капиталом, опасалась антиамериканского и антианглийского курса гитлеровской Германии и предлагала вести более осторожную политику в отношении США и Великобритании. Однако и ее увлекала согласованная с руководителями фашистских государств в Европе идея войны против Советского Союза.

В связи с этим вся внутренняя и внешняя пропаганда Японии носила откровенно антисоветский характер. Пристально наблюдая за политикой и военными приготовлениями фашистской Германии в 1938 г., правительство Коноэ и военное командование Японии все больше приходили к выводу, что решающим сражением за «новый порядок» будет сражение между Германией и СССР, и поэтому считали, что японо-германский военный союз должен рассматриваться «как союз, направленный только против СССР»². Именно с этих позиций и выступали участники совета пяти министров Японии 26 августа 1938 г., настаивая на ускорении переговоров о заключении военного союза с Германией. На этом заседании было высказано «желание японского правительства извлечь опыт из событий в Европе, усилить борьбу против происков Коммунистического Интернационала и его агентуры в духе требований антикоминтерновского пакта для Азии»³. Это был прямой намек руководителям Германии и Италии, что Япония подтверждает свою верность уже заключенному пакту, но «дух требований его» может быть усилен и к участию в выполнении таких требований Япония готова.

Правительство Коноэ считало, что оно еще до официального заключения японо-германо-итальянского военного союза уже выполняло свои обязательства в Китае, где борьба против гоминьдановской армии являлась одновременно борьбой против колониальных позиций США и Англии, а борьба против «коммунистических» войск — борьбой за установление «нового порядка» в Азии, за «создание плацдарма для решительного удара по позициям Коминтерна в Азии».

В начале января 1939 г. правительство Коноэ ушло в отставку. Пришедшее ему на смену правительство барона Хиракумы продолжало политику нагнетания антисоветизма и расширения грабительской войны в Китае.

Япония быстро шла к ликвидации остатков буржуазной демократии и установлению военно-фашистской диктатуры.

И при новом правительстве военный и военно-морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота продолжали насильственно требовать ускорения японо-германских переговоров о заключении военного союза, утверждая, что «Япония может рассчитывать на добровольный

¹ Trade and Industry Japan Tokyo, 1947, p. 43

² История войны на Тихом океане, т. II, стр. 267

³ «Japan Weekly Chronicle», August 31, 1939, p. 242

уход Англии, Франции и США из Азии, тем более если взамен этого им будет обещана решительная позиция в отношении Советского Союза на Дальнем Востоке и китайских коммунистов. Японии в этом случае ничто не угрожает, даже если она согласится на принцип «открытых дверей» в Китае. Но эти двери должны быть открыты настолько, чтобы осталось преимущество Японии в этом районе»¹.

Однако в ходе японо-германских переговоров обнаружились серьезные противоречия. Фашистское правительство Германии не хотело предоставить Японии монопольное право эксплуатации сырьевых и людских ресурсов оккупированного Китая, тем более всей Азии. Немецкий посол в Токио Отт говорил министру иностранных дел Японии Угаки: «На Германию ложится вся тяжесть борьбы против Франции, Англии и других держав — противников «нового порядка», колониальные владения этих держав находятся вдали от Европейского континента, но они крайне важны для полного достижения наших целей»². Отт дал понять японскому правительству, что рейх заинтересован в том, чтобы колониальные владения великих держав в Азии, включая Китай, служили агрессии фашистских государств, и в первую очередь самой Германии. Посол выражал позиции антияпонской группы немецких монополий и государственных деятелей, которые стремились получить высокие прибыли от торговли и поставок Китаю.

Вместе с тем фашистское руководство Германии отдавало себе отчет в том, что близость Японии к азиатским владениям великих держав, ее положение на Тихом океане, а также общие границы с советским Дальним Востоком создают ей предпочтительные позиции как военному союзнику. Это понимали и в Токио, предъявляя в переговорах требования: убрать из Китая немецких генералов и офицеров (более 430), служивших советниками и инструкторами в гоминьдановской армии, прекратить продажу оружия Чан Кай-ши, оказать Японии военно-техническую помощь в строительстве военно-воздушных сил, передать новейшие технические и технологические данные о строительстве наиболее современных по тому времени типов подводных лодок³.

Трудности в переговорах с Германией, обострение положения внутри страны, война в Китае, подписание советско-германского договора о ненападении в августе 1939 г. привели к падению правительства Хиранумы. Особую роль в этом сыграло поражение японской армии на Халхин-Голе. Японские историки пишут: «Разгром Квантунской армии в районе реки Халхин-Гол научил даже чванливых, возомнивших о божественной роли Японии японских генералов уважать мощь Советского Союза»⁴.

Интересам агрессивного внешнеполитического курса подчинялось все развитие экономики Японии. 29 мая 1937 г. были опубликованы «Основные положения пятилетней программы развития важнейших отраслей промышленности», рассчитанные на развитие 13 отраслей промышленности, необходимых для подготовки страны к войне, в основном к 1941 г.⁵.

¹ 日本, 昭和 14 年 7 月 27 日。

² «Deutsche-Japanische Zeitschrift», Berlin, 2 April, 1940

³ Начало обмена технической информацией о строительстве подводных лодок между судостроительной компанией в Нагасаки и фирмой Круппа было положено еще в 1920 г (Р В а т т у. The House of Krupp London, 1966, p 148)

⁴ И н о у э Кисеи, О к о н о г и Синдзабуро, С у д з у к и Сеси История современной Японии Перевод с японского М., 1955, стр 238

⁵ ЦГАОР, ф 7867, оп 1, д 482, л 179 В первую очередь обращалось внимание на развитие самолетостроения, автомобильной промышленности, машиностроения, металлургии, угольной промышленности, производства жидкого топлива, алюминия, магния, электроэнергии и строительство подвижного состава для железных дорог (там же, л 180)

Характеризуя подготовку Японии к большой войне, начальник отдела бюро военных дел военного министерства заявил: «Мы решили приложить усилия к тому, чтобы китайский инцидент (то есть война в Китае. — *Ред.*) не превратился в войну на изматывание наших сил. Поэтому, вообще говоря, мы потратили 40 процентов нашего бюджета (военного бюджета. — *Ред.*) на китайский инцидент и 60 процентов на увеличение вооружений. Что касается железа и других важнейших материалов, предоставленных армии, то мы потратили 20 процентов на китайский инцидент и 80 процентов на увеличение вооружения»¹.

Летом 1939 г. правительство и монополии Японии форсировали перевод всей экономики и жизни страны на военный лад. Искусственно раздувая военно-инфляционистскую конъюнктуру, они с меньшими по сравнению с другими капиталистическими государствами трудностями преодолевали последствия мирового экономического кризиса. Этому способствовали также рост армии, флота, авиации, все расширяющийся фронт в Китае и непрерывное нагнетание военного напряжения на границах с СССР и МНР. Валовая продукция машиностроения с 1932 по 1939 г. выросла в стоимостном выражении в 10 раз², а выплавка алюминия с 1934 по 1939 г. — почти в 30 раз³.

Темпы прироста военного производства во много раз превосходили темпы прироста всей обрабатывающей промышленности, о чем свидетельствуют данные таблицы 9.

Таблица 9

Рост военного производства в Японии (1931 г. = 100)⁴

	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Рост производства всей обрабатывающей промышленности . . .	114,8	121,0	124,3	131,3	164,0
Рост военного производства . . .	148,9	204,7	285,4	352,0	486,0

Резко увеличились ассигнования на военные нужды. Если в 1936/37 финансовом году военный бюджет равнялся 1,3 млрд. иен, то в следующем 1937/38 году государственные военные расходы составили уже 4,4 млрд. иен, а в 1938/39 г. — 6,8 млрд. иен⁵. С 1937 г. по март 1939 г. только по дополнительным военным бюджетам было ассигновано около 12 млрд. иен⁶.

О лихорадочной подготовке японских милитаристов к войне можно судить по тому, что с 1937 по 1939 г. производство винтовок возросло с 43 тыс. до 250 тыс., пулеметов — с 2295 до 16 530, пехотных орудий — со 171 до 613, танков — с 325 до 562, самолетов сухопутных войск — с 600 до 1600, самолетов ВМФ — с 980 до 1703 штук; водоизмещение построенных кораблей — с 52 тыс. до 64 тыс. тонн⁷.

В 1938—1939 гг. усилился процесс концентрации и централизации капиталов и производственных мощностей в руках монополий. К середине 1939 г. капиталы четырех крупнейших концернов — Мицуи, Мицубиси,

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 224.

² 東洋経済申報, 昭和16年1月11日。

³ Д. К о е н. Военная экономика Японии. Перевод с английского. М., 1951, стр. 155, 162.

⁴ Составлена по: 国民経済研究協会資料, 東京, 昭和39年, 27—49, 232—259頁。

⁵ Г. Б о л д ы р е в. Финансы Японии. М., 1946, стр. 250.

⁶ Подсчитано по: «Contemporary Japan», January, 1942, p. 32.

⁷ 太平洋戦争終結論, 東京, 昭和33年, 321頁。

Сумитомо и Ясуды — составляли: в машиностроении и приборостроении — 38,3 процента; в угольной, железорудной и меднорудной отраслях добывающей промышленности — 47,8; в торговле — 49,4; в электроэнергетике — 71,2; в производстве искусственных удобрений — 88,4 процента ¹.

Значительную помощь в повышении военного потенциала Японии по-прежнему оказывали американские монополии. Выражая внешне недовольство политикой «закрытых дверей» в Китае, они продолжали снабжать Японию. В 1938 г. 34,4 процента японского импорта поступало из США ². Среди товаров, импортируемых из США в Японию, 37,4 процента приходилось на нефть и нефтепродукты, 20,8 — на станки и оборудование, 21,7 процента — на военную технику и снаряжение для армии и флота ³.

С 1929 по 1939 г. Япония увеличила импорт нефти почти в 5 раз; железного лома — в 4,5; никеля — в 4; меди — почти в 15 раз и т. д.

Основную массу стратегического сырья Япония получила из США. С 1932 по 1939 г. она ежегодно вывозила из США 18 процентов всего импортировавшегося ею алюминия, 45 — свинца, 75 — нефти и нефтепродуктов, 90 — меди, 70 процентов железного и стального лома ⁴. Даже председатель сенатской комиссии США по иностранным делам Питтмэн вынужден был признать: «Заблуждаются те, кто думает, что США являются нейтральной нацией и не участвуют в уничтожении человеческих жизней. Мы участвуем в массовом убийстве в Китае, помогая военными материалами Японии» ⁵.

Беспощадному ограблению подвергались оккупированные территории Китая, а также колонии японского империализма — Корея и Тайвань. К концу 1938 г. капиталовложения Японии в экономику и военное строительство Маньчжурии составили 3,5 млрд. иен ⁶. В центральном банке Маньчжоу-Го две трети капитала принадлежало концернам Мицуи и Мицубиси. Под прикрытием частногосударственной «компании развития Северного Китая», созданной японским правительством, был организован грабеж и вывоз в Японию и Маньчжурию стратегического сырья и рабочей силы из Китая.

Главными источниками финансирования подготовки к большой войне являлись средства, ранее предназначенные для удовлетворения мирных нужд, выпуск и насильственное размещение государственных займов, увеличивающиеся налоги и поборы с населения. С 30 июня 1937 г. по 30 сентября 1939 г. сумма государственного долга по займам возросла с 10 млрд. 580 млн. иен до 19 млрд. 854 млн. иен ⁷.

Японский народ, задавленный налогами и поборами, страдал от инфляции и роста цен. Если в 1936 г. сумма налогов на душу населения составляла 22,4 иены, то к концу 1939 г. — 53,6 иены ⁸. К этому времени только основные налоги с сельского населения возросли по сравнению с 1936 г.

¹ Подсчитано по: 国民経済研究協会資料, 27—49, 232—259頁。

² Доля США в японском импорте вооружения и военного снаряжения в 1937 г. составляла 54,5 процента (D. Friedman. *The Road from Isolation. The Campaign of the American Committee for Nonparticipation in Japanese Aggression 1938—1941.* Cambridge (Mass.), 1968, p. 1).

³ 日本会社史, 大阪, 昭和22年, 9頁。

⁴ E. Shumpeter, G. Allen, M. Gordon, E. Penrose. *The Industrialization of Japan and Manchukuo. 1930—1940 Population, Raw Materials and Industry.* New York, 1940, p. 257, 429—430, 446—447, 460—461.

⁵ Congressional Record. Vol. 85, pt. 1. Washington, 1939, p. 52.

⁶ Japan-Manchukuo Year Book. Tokyo, 1940, p. 858.

⁷ 東邦評論, 東京, 昭和15年, №2, 25頁。

⁸ 叙事統計年報, 東京, 昭和19年, 18—26頁。 А. Динкевич Военные финансы Японии (1937—1945). М., 1958, стр. 31.

вдвое, достигнув суммы 107 млн. иен ¹. Стоимость жизни рабочей семьи за эти годы увеличилась на 45,8 процента, а реальная заработная плата квалифицированного рабочего-металлурга снизилась ².

На военных предприятиях и в арсеналах рабочий день доходил до 14 часов, а реальная заработная плата росла крайне медленно и не поспевала за быстрым ростом цен на товары первой необходимости. Если в 1938 г. цены на продовольствие возросли на 21,4 процента, то номинальная заработная плата выросла за этот год в среднем на 7,3—7,5 процента ³.

Политика войны и ограбления народа, проводившаяся в интересах монополистического капитала, усиливала недовольство широких масс населения. Но развертывание борьбы в крайне тяжелых условиях военно-полицейского террора было нелегким делом. Коммунистическая партия Японии была запрещена, ее руководители томились в заточении, некоторые из них эмигрировали за границу.

Но, несмотря на царящий в стране террор, трудящиеся Японии не прекращали антифашистской и антивоенной борьбы, выступали против эксплуатации монополий, нищеты и безработицы.

Т а б л и ц а 10

Трудовые конфликты в Японии в 1935—1939 гг.⁴

Годы	Число конфликтов	Количество участников
1935	1849	102 554
1936	1945	91 570
1937	2126	213 622
1938	1050	55 565
1939	1120	128 294

Рост числа трудовых конфликтов и участников в них в 1937 г. был ответом трудящихся на усиление террора против профсоюзов (закон от 14 апреля о запрещении первомайских демонстраций), опубликование ряда законов о военной мобилизации в связи с войной в Китае и др. Непокойно было и в японской деревне. Хотя под влиянием репрессивных мер количество выступлений против произвола помещиков и высокой арендной платы значительно сократилось, приостановить этот процесс в целом, судя по количеству арендных конфликтов, реакция не смогла.

Т а б л и ц а 11

Арендные конфликты в Японии в 1935 — 1939 гг.⁵

Годы	Число конфликтов	Количество участников
1935	6824	113 164
1936	6804	77 187
1937	6170	63 241
1938	4615	52 817
1939	3578	25 904

¹ 毎日年刊, 東京, 昭和18年, 364頁。

² Labour News. Osaka, 1943, p. 17

³ Labour Condition in New Japan Honkong, 1940, p. 36.

⁴ 遠山茂樹, 今井清一, 藤原章 昭和史, 142頁。

⁵ 遠山茂樹, 今井清一, 藤原章 昭和史, 142頁。

В обстановке разгула мракобесия и усиления влияния германского национал-социализма и его «культуры»¹ японские прогрессивные деятели, особенно те, кто сгруппировался вокруг созданного в 1936 г. журнала «Дзиммии но томо» («Друг народа») — писатели Таками Дзюн, Хондзё Тамио, Тамия Торахико, театральные коллективы «Синко гэкидан», «Син Цукидзи гэкидан» и «Дзэнсиндза», кинорежиссеры Такидзава Эйсуке, Утида Тому, Тоёда Сиро, Тадзака Томотака и др., — пытались перейти к активной пропаганде пролетарского гуманизма. Но военно-фашистская клика жестоко расправилась с передовыми представителями нации. «Как и следовало ожидать, — пишут японские историки, — это движение потерпело крах, не выдержав репрессий, обрушившихся на него в связи с началом японо-китайской войны»².

Когда были уничтожены очаги пропаганды гуманизма и интернационализма, наука, литература, театр и кино стали особенно широко использоваться реакцией для воспитания в народе, и прежде всего у молодежи, ультра национализма, шовинизма, проповеди культа войны и насилия, для пропаганды бредовых идей завоевания всей Азии и создания «великой азиатской империи» под эгидой Японии. Даже неудачная «проба сил» на советской границе служила пропаганде антисоветизма, «доказательством» необходимости более тщательной и всесторонней подготовки к войне против СССР. Милитаризация всех сторон жизни японского общества накануне второй мировой войны приняла всеобъемлющий характер.

Таким образом, осенью 1939 г. Япония форсированно готовилась к большой войне с целью создания «великой азиатской империи». При этом захватнические замыслы японского империализма отнюдь не ограничивались Азией и бассейном Тихого океана.

* * *

Итак, во второй половине 30-х годов, особенно в 1938—1939 гг., Германия, Италия и Япония совершенно неприкрыто и нагло развязывали новую мировую войну. Эти империалистические хищники уже отведали крови китайского, эфиопского и испанского народов и теперь грозились покорить весь мир. Каждый из захватчиков понимал, что в одиночку цели не достигнешь. Поэтому в предвоенные годы они усиленно искали наиболее эффективные пути сколачивания военного блока агрессоров.

Несмотря на существовавшие между ними противоречия (особенно в Юго-Восточной Европе, на Дальнем Востоке), Германия приложила немало сил, чтобы превратить «антикоминтерновский пакт» с Японией и Италией в реальный трехсторонний военный союз, направленный как против СССР, так и против главных империалистических соперников — Англии и Франции.

Муссолини проявлял необычайное усердие, помогая своему союзнику: в период судетского кризиса он дал понять, что в случае вооруженного конфликта Италия выступит на стороне Германии, на мюнхенской конференции заявлял, что благодаря его стараниям «положен конец всякому политическому влиянию России на нашем континенте»³; в октябре 1938 г., когда Гитлер предложил заключить трехсторонний военный пакт между Германией, Японией и Италией, Муссолини горячо одобрил эту идею.

¹ С 1937 г. в крупных городах Японии — Токио, Осака, Кобе, Нагоя и др. — были открыты дома «японо-германского общества культуры», где систематически выступали направленные из Германии национал-социалистские пропагандисты (Japan Handbuch. Nachschlagewerk der Japankunde. Berlin, 1941, S. 119—120).

² История войны на Тихом океане, т. II, стр. 93—96.

³ F. D e a k i n. Storia della repubblica di Saló, p. 10.

Он писал фюреру: «Мы не должны заключать чисто оборонительный союз. В этом нет необходимости, ибо никто не думает нападать на тоталитарные государства. Мы должны заключить союз для того, чтобы перекроить географическую карту мира. Для этого нужно наметить цели и объекты завоеваний»¹.

Заключение такого договора не состоялось в связи с позицией Японии. Однако крепнувший альянс с Гитлером порождал в итальянских правящих кругах прилив необычайной воинственности.

Союз Германии и Италии был союзом двух хищников, полных недоверия друг к другу и объединившихся лишь для общих разбойничьих целей. В марте 1939 г., когда Гитлер оккупировал Богемию и Прагу, он не только не посоветовался об этом с Муссолини, но и постарался скрыть свои намерения до последнего дня. Взмешенный дуче решил получить компенсацию и отдал приказ об оккупации Албании. В начале апреля итальянские войска захватили эту страну, что несколько удовлетворило честолюбие фашистского диктатора.

Опасаясь новых «сюрпризов» со стороны Гитлера, Муссолини охотно пошел на подписание двустороннего военного соглашения между Италией и Германией, получившего название «стальной пакт». 22 мая 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке Чиано и Риббентроп подписали «пакт о союзе и дружбе между Италией и Германией». Обе стороны обязались проводить совместную политику, «сохранять постоянную связь друг с другом для обсуждения вопросов, затрагивающих их общие интересы»². В статье 2 договора речь шла о полной взаимной политической и дипломатической поддержке. Статья 3 обуславливала взаимную военную помощь: «Если... одна из сторон окажется втянутой в войну с какой-нибудь третьей державой или рядом других держав, вторая договаривающаяся сторона выступит тотчас же в качестве ее союзника и будет оказывать ей поддержку всеми военными средствами на суше, на море и в воздухе»³. Статья 4 содержала обязательство углублять сотрудничество в военной и экономической областях. Предусматривалось создание специальной комиссии для координации усилий обеих сторон. В случае совместного ведения войны Италия и Германия обязывались заключать перемирие или мир только с полного обоюдного согласия.

Весь договор, несмотря на некоторые демагогические заверения, был настолько откровенно агрессивным, что Чиано назвал его «настоящим динамитом». Спустя несколько дней специальная германо-итальянская комиссия завершила разработку приложения к договору — секретного протокола, который расширял и углублял его, придавая ему еще более агрессивный характер⁴.

Подписание германо-итальянского пакта знаменовало собой важнейший этап на пути завершения формирования агрессивного блока фашистских государств. Заключая договор о военном союзе с Италией, Гитлер стремился обеспечить себе союзника в мировой войне, связать вооруженные силы Англии и Франции в районе Средиземного моря. Гитлеровцы прекрасно понимали военную и экономическую слабость Италии. Как отмечает составитель сборника «История второй мировой войны в документах», «величайшая ирония истории состояла в том, что Италия накануне войны будет отказываться от выполнения стального пакта только потому, что у нее нет достаточного количества стали»⁵. Однако Муссолини был до-

¹ L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1948, p. 378.

² M. Freund (Hrsg.). Geschichte des zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II. An der Schwelle des Krieges. Freiburg, 1955, S. 327.

³ Ibid., S. 328.

⁴ Ibid., S. 329.

⁵ Ibid., S. 303.

волен: он считал, что отныне заручился поддержкой более сильного партнера.

Муссолини направил Гитлеру меморандум, в котором указывал, что для подготовки к войне ему потребуется не менее трех лет. Он предложил немедленно наметить общий план действий, причем высказал предположение, что главные удары должны быть направлены на Восток и Юго-Восток ¹. Гитлер не удостоил Муссолини ответом. А в середине августа 1939 г. во время свидания Чиано с Риббентропом в Зальцбурге итальянской стороне дали понять, что Гитлер намерен вскоре напасть на Польшу, совершенно не считаясь с мнением партнера. Лишь 25 августа, после принятия окончательного решения о вступлении в войну, Гитлер сообщил, что нападение на Польшу последует в ближайшие дни, и просил «понимания» с итальянской стороны. Поскольку это не означало категорического требования о немедленном начале военных действий, Муссолини решил вступить в торг: он представил список военных материалов, получив которые Италия могла бы тотчас же включиться в войну. В списке значилось 17 млн. тонн различных военных грузов, для перевозки которых потребовалось бы не менее 17 тыс. эшелонов ².

Гитлер ограничился тем, что просил Муссолини сохранить свое условие в тайне и продолжать мобилизационные мероприятия, чтобы держать в напряжении Англию и Францию.

Если Германии относительно легко удалось вовлечь в военный блок фашистскую Италию, то сделать это с Японией оказалось значительно сложнее. Переход от «антикоминтерновского пакта» к открытому военному союзу затруднялся серьезными противоречиями, которые существовали между Германией и Японией. Нацисты, мечтавшие о мировом господстве, не могли допустить усиления мощи Японии за счет захвата территорий Китая и стран Юго-Восточной Азии, куда стремились монополии и военщина самой Германии. Гитлер называл японцев «желтыми дьяволами», которым «нельзя простить Шаньдун (Китай) и Марианские, Каролинские и Маршалловы острова в центре Тихого океана, захваченные Японией после поражения Германии в первой мировой войне и могущие стать форпостом рейха в океане» ³.

Однако, поскольку Германия была все же заинтересована в союзе с Японией, Гитлер, выступая в феврале 1938 г. в рейхстаге, объявил о признании Маньчжоу-Го и добавил: «Я не могу согласиться с теми политиками, которые думают, что они служат Европе, вредя Японии. Я боюсь, что поражение Японии в Восточной Азии никогда не будет выгодно Европе или Америке, а только большевистской России. Я не считаю Китай достаточно сильным (и духовно и материально), чтобы противостоять, опираясь только на свои ресурсы, любому нападению большевизма. В то же время я уверен, что даже величайшая победа Японии была бы несравненно менее опасна для цивилизации и мира в мире, чем любой успех, достигнутый большевизмом...» ⁴

С марта 1939 г. на заседаниях японского кабинета обсуждались вопросы о характере союза Японии с Германией. Большинство склонялось к тому, чтобы при создавшихся в Европе условиях воздержаться от заключения военного пакта, но в то же время формально укреплять антикоминтерновский блок. 20 мая 1939 г. правительство Хиранумы приняло именно такое компромиссное решение, санкционированное затем императором ⁵.

¹ I documenti diplomatici italiani. Ottava serie. 1935—1939, vol. XII, p. 49—51.

² G. C i a n o. Diario. Vol. I (1939—1940). Milano, 1950, p. 150.

³ Япония получила мандат на указанные острова после первой мировой войны.

⁴ Documents on International Affairs, 1938. Vol. II. London, 1943, p. 8—9.

⁵ Х. Э й д у с. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946, стр. 188.

Тем не менее фашистская Германия продолжала надеяться на создание военного союза с Японией. Выступая на совещании генералитета 23 мая 1939 г., Гитлер признавал: «Трудным вопросом является проблема Японии. Хотя в настоящее время она по различным причинам неохотно идет на сближение с нами, однако в ее собственных интересах заблаговременно выступить против России... если и в дальнейшем Россия будет действовать против нас, отношения с Японией могут стать более тесными»¹.

Заключение военного союза между Германией и Японией затруднялось также из-за разного подхода руководства этих стран к вопросу о том, на кого напасть в первую очередь. Япония настаивала на немедленном совместном нападении на СССР и летом 1939 г. не хотела заключения союза, предусматривавшего войну в первую очередь против Англии, Франции, США. Фашистская Германия, неизменно рассматривая Советский Союз как своего главного врага, в тот момент считала для себя стратегически более выгодным нанести удар сначала против Англии и Франции².

Но при всех разногласиях и неполном формальном завершении складывавшийся союз трех империалистических хищников представлял собой реальный факт и серьезную угрозу всему человечеству.

2. Англия, Франция, США и Польша накануне войны

Англия встретила последний предвоенный год в сложной обстановке. Большинство англичан понимали, что мир стоит на пороге новой большой войны, что борьба в стране идет вокруг того, на чьей стороне окажется Англия в грядущих битвах.

Английскую экономику лихорадило. Британский капитализм терял свои позиции на внешних рынках. В самой Англии нарастало недовольство трудящихся сложившимся экономическим положением и общим направлением политики правящих кругов. Страну сотрясало забастовочное движение рабочего класса.

Со второй половины 1937 г. начался новый экономический кризис. Сброс промышленной продукции Англии в 1938 г. сократился по сравнению с 1937 г. на 7 процентов. По темпам развития Англия отставала не только от США и Германии, но даже и от Италии; в 1938 г. индекс продукции обрабатывающей промышленности по отношению к 1913 г. составлял для Англии 117,6, США — 143,0, Германии — 149,3, Италии — 552,0³. В результате доля Великобритании в промышленном производстве капиталистического мира сократилась с 14,8 процента в 1913 г. до 11,3 процента в 1938 г. Германия обогнала Англию по общему объему производства и все больше теснила ее на мировых рынках. Однако мощности английской промышленности оставались недогруженными.

К 1938 г. объем английского экспорта сократился по сравнению с 1937 г. на 13,6 процента, в то время как объем импорта увеличился на 7,8 процента. Отрицательное сальдо торгового баланса все более тяжелым бременем ложилось на платежный баланс страны, дефицит которого возрастал. Для сбалансирования расчетов Англии пришлось в 1934—1938 гг. изъять из своих заграничных капиталовложений значительные суммы. По данным Английского банка, номинальная стоимость заграничных капиталовложений сократилась с 4 100 млн. фунтов стерлингов в 1927 г.

¹ IMT, vol. XXXVII, p. 550.

² Еще в сентябре 1938 г. один из крупнейших монополистов — Г. Рёхлинг в письме Гитлеру утверждал: «Теперь уже не исключено, что предстоит война с Францией» (ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7193, л. 96).

³ Industrialization and Foreign Trade. Geneva, 1945, p. 134.

до 3 490 млн. в 1939 г., то есть почти на 15 процентов¹. Падение покупательной способности фунта стерлингов делало это сокращение еще более заметным, а тенденции развития мировой экономической ситуации отнюдь не обещали благоприятных перспектив.

Одним из последствий кризиса и депрессии 30-х годов было сохранение высокого уровня безработицы. Согласно официальной статистике, число безработных среди застрахованных рабочих составляло на январь 1939 г. 2 032 тыс. человек. Причем в эту цифру не включались такие значительные по численности группы трудящихся, как железнодорожники, сельскохозяйственные рабочие, служащие учреждений и т. д. Работы не имел каждый восьмой взрослый работоспособный человек². Фактически в 1933—1939 гг. в Англии использовалось 85,9 процента наличной рабочей силы³. Те, кто работали, были вынуждены не только опасаться за свои места, но и, подсчитывая каждую получку, убеждаться в постепенном снижении жизненного уровня. За 1933—1937 гг. цены на продовольствие возросли на 12,5 процента, тогда как заработная плата в среднем по стране увеличилась только на 2,5 процента⁴. В 1938 г. треть всех семей получала доход ниже официально установленного «уровня нищеты», а другая треть — в размере, близком к этому уровню⁵.

На наступление монополий трудящиеся отвечали забастовками. Буржуазия со страхом вспоминала движение безработных, голодные походы, массовые демонстрации первой половины 30-х годов, когда, по признанию премьер-министра Болдуина, в правящих кругах создалось «странное состояние истерии и паники»⁶. Число членов профсоюзов в 1939 г. достигло 6,3 млн., что почти на 2 млн. превышало численность 1933 г.⁷

Новое обострение кризисных процессов в экономике, рост рабочего движения в метрополии и национально-освободительного — в колониях, усиление межимпериалистических противоречий и конкурентной борьбы на внешних рынках — все это порождало у английских монополистов стремление в большей мере использовать государственную машину для своих целей; многие из них с явными симпатиями относились к действиям нацистских руководителей Германии.

Империалистические державы усиленно готовились к новой вооруженной схватке за передел рынков и сфер влияния. Но их главной целью по-прежнему было уничтожение первого в истории социалистического государства. И правящие круги Англии начали приводить в порядок свои силы в ожидании будущего конфликта.

Правительство Н. Чемберлена, именовавшее себя, как и предшествовавшее, «национальным», состояло из представителей консервативной, либеральной и лейбористской партий, а по существу было правительством аристократов и богачей. «Национальное правительство, в котором на 21 министра приходится 11 аристократов, — замечал С. Хэкси, — служит продолжением вековой традиции тори — сохранять власть за «великими семьями»⁸. О том, что это правительство представляло интересы большого

¹ S. Pollard. The Development of the British Economy 1914—1950. London, 1962, p. 192.

² Annual Abstract of Statistics. № 84. 1935—1946. London, 1948, p. 113; «Ministry of Labour Gazette», January 18, 1939.

³ Ю. К у ч и н с к и й. История условий труда в Великобритании и Британской империи. Перевод с английского. М., 1948, стр. 134.

⁴ «Manchester Guardian», November 30, 1937.

⁵ W. M c E l w e e. Britain's Locust Years 1918—1940. London, 1962, p. 251.

⁶ A. H u t t. The Postwar History of the British Working Class. London, 1937, p. 264.

⁷ S. Pollard. The Development of the British Economy 1914—1950, p. 267.

⁸ С. Х э к с и. Английские консерваторы у власти. Перевод с английского. М., 1940, стр. 94.

бизнеса, свидетельствовал следующий факт: 181 депутат-консерватор в общей сложности занимал 775 директорских постов¹. В этой связи дипломатический и парламентский деятель Англии Г. Никольсон писал: «Все твердолобые довольны, что от всяких глупых представлений прошлого отделались и вернулись к старым добрым консервативным доктринам»².

Симпатии английского правительства к идее «сильного государства» по типу гитлеровской Германии были столь очевидны, что Чемберлену даже пришлось публично от них отречься. Выступая в декабре 1938 г., он говорил: «По моим сведениям, в некоторых кругах считают, что... я благосклонен к нацистской или фашистской системе. Если это означает, что я хотел бы видеть такую систему в нашей стране, то это абсолютно неверно»³. Тем не менее Никольсон записал в дневнике, что реакционные круги предпочли бы «увидеть в Лондоне Гитлера, нежели социалистическое правительство... Представители правящих классов,— продолжал он,— думают лишь о своих деньгах, что означает ненависть к красным. Тем самым создается абсолютно искусственная, но в нынешней обстановке наиболее действенная тайная связь между нами и Гитлером»⁴.

Антисоветизм правящих кругов Англии дополнялся определенными шовинистическими, даже расистскими настроениями. «Только объединившись, Англия и Германия могут бросить вызов врагу. Англосакство оживлялось как концепция расовой и этической солидарности. Зло находилось на Востоке. Англия и Германия вместе могли воздвигнуть защитную линию»⁵— так характеризовали тогдашние настроения лондонских верхов английские историки М. Джилберт и Р. Готт. Именно в те дни соратник Чемберлена Г. Вильсон говорил сотруднику германского посольства в Лондоне Кордту, что было бы величайшей глупостью, если бы «две ведущие белые расы» истребили друг друга в войне, «от этого выиграл бы только большевизм»⁶.

Однако на пути к сближению с фашистской Германией Чемберлена и его окружение ожидало немало препятствий. В широких кругах английской общественности постепенно начинали осознавать, какую опасность несет гитлеризм национальным интересам страны и демократии. Открытое содействие английского правительства осуществлению агрессивных устремлений Гитлера встретило бы в Великобритании отпор. Еще в 1935 г. один из руководителей британского министерства иностранных дел — Ванситтарт докладывал королю Георгу V: «Всякое предположение, будто английское правительство намеревается попустительствовать (не говоря уже о подстрекательстве) Германии в удовлетворении ее территориальных притязаний за счет России, наверняка привело бы к расколу нашей страны сверху донизу»⁷. С каждым новым агрессивным актом Германии, Италии и Японии антифашистские настроения английского народа явно возрастали. «Вряд ли был когда-либо в истории Англии период,— писал об этих днях английский историк Макэлви,— когда политические страсти имели бы такой накал, а политики так явно были бы не в состоянии мобилизовать и повести общественное мнение»⁸. Это вынуждало британских политических деятелей скрывать свои подлинные цели, маневрировать.

¹ С. Хэксн. Английские консерваторы у власти, стр. 30.

² H. Nicolson. Diaries and Letters 1930—1939. Vol. I. London, 1970, p. 319.

³ «The Times», December 14, 1938.

⁴ H. Nicolson Diaries and Letters 1930—1939, vol. I, p. 335, 339. Английский союз фашистов в 1938 г. насчитывал 3 тыс. активных и 15 тыс. неактивных членов (C. Cross. The Fascists in Britain. London, 1961, p. 131).

⁵ M. Gilbert, R. Gott. The Appeasers. Boston, 1963, p. 25.

⁶ DGFP. Series D, vol. II, p. 608.

⁷ H. Nicolson. King George the Fifth. His Life and Reign, p. 675.

⁸ W. McElwee. Britain's Locust Years 1918—1940, p. 257.

Усиление рвавшейся к установлению своего господства в Европе нацистской Германии и ее союзников не могло не обеспокоить тех представителей правящих кругов Великобритании, которые понимали неизбежность военного конфликта с блоком фашистских соперников и готовились к нему.

В 1935 г. правительство Болдуина приняло программу перевооружения и подготовки промышленности к войне, которая предусматривала мероприятия по развитию военно-экономического потенциала всей Британской империи. С 1935 по 1939 г. военные расходы Англии увеличились почти в 10 раз¹.

Одной из уязвимых сторон военно-экономического потенциала Великобритании являлась оторванность сырьевой базы от промышленных центров, сосредоточенных в метрополии. Накануне войны доминионы Англии, продолжавшие поддерживать с Лондоном тесные политические связи, представляли собой развитые капиталистические страны, а колонии являлись богатейшим источником разнообразного и дешевого стратегического сырья, рабочей силы и людских ресурсов для пополнения армии. Англия ввозила из доминионов и колоний не только бóльшую часть потребляемой ею нефти, алюминия, меди, лесоматериалов, шерсти, руды, но и продовольствия. Эта зависимость английской промышленности от импорта и, следовательно, от морских коммуникаций серьезно подрывала ее устойчивость. Специфика военно-экономического потенциала Англии в 1939 г. состояла также в том, что из-за развития общего кризиса капитализма рост производства проходил крайне неустойчиво, сочетаясь с явлениями упадка и застоя. Это особенно характерно для старых, некогда самых крупных и ведущих отраслей промышленности — угольной, текстильной, металлургической, судостроительной. По выплавке стали Англия более чем в полтора раза отставала от Германии, по выработке электроэнергии — в два раза. Значительно слабее, чем в Германии, были в ней развиты химическая и ряд других отраслей промышленности². Англия, по выражению одного из публицистов тех лет, была «подобна почтенному особняку, хорошо и солидно построенному, но годами не ремонтировавшемуся ни снаружи, ни внутри»³.

Несмотря на экономические трудности, английское государство уделяло большое внимание развитию важных для военно-экономического потенциала отраслей экономики. Половина государственных ассигнований, предназначавшихся на промышленные исследования, шла на развитие таких новых отраслей, как машиностроительная, химическая, авиационная и электротехническая, игравших важную роль в повышении военного потенциала страны⁴.

Начиная с 1936 г. на государственные средства стали строиться авиационные и другие заводы, предназначенные для выпуска военной продукции в случае войны⁵. Одновременно расширялись и оснащались новой техникой действующие предприятия, в результате чего годовой выпуск продукции авиационной промышленности возрос с тысячи самолетов в 1936 г. до 8 тыс. в 1939 г., а число рабочих на них — с 33 тыс. до 90 тыс.⁶.

¹ М. О л и н. Военно-промышленный потенциал Англии. М., 1962, стр. 23.

² Там же, стр. 11, 24.

³ J. S t a n d e n. After the Deluge. English Society Between the Wars. London, 1969, p. 53.

⁴ S. P o l l a r d. The Development of the British Economy 1914—1950, p. 94.

⁵ J. L a u x. Wars, Crises and Transformation. The British Economy in the 20 th Century. Ohio, 1961, p. 59; S. P o l l a r d. The Development of the British Economy 1914—1950, p. 103, 300.

⁶ R. H i g h a m. Armed Forces in Peacetime. Britain. 1918—1940, a Case Study. London, 1962, p. 184; S. P o l l a r d. The Development of the British Economy 1914—1950, p. 312; W. M c E l w e e. Britain's Locust Years 1918—1940, p. 259.

Потенциальные же возможности этой отрасли в 1938 г. позволяли производить 2 тыс. истребителей и легких бомбардировщиков в месяц. Это означало, что по возможности выпуска самолетов Англия к 1939 г. почти сравнялась с Германией¹. Производство легковых и грузовых автомобилей с 404 тыс. в 1935 г. увеличилось до 508 тыс. в 1937 г.².

Готовясь к войне, английское правительство приняло меры по расконцентрации производственных мощностей, перебазированию ряда военно-промышленных предприятий в доминионы (главным образом в Канаду). Строились заводы военного значения в Австралии, Канаде, Южно-Африканском Союзе. Наряду с сооружением государственных предприятий было заключено 12 810 контрактов с частными фирмами на производство различных видов вооружения. Большое количество военных заказов размещалось в других странах (Швеции, Швейцарии, США)³. Однако в целом по производству и накоплению военных запасов Англия значительно уступала Германии⁴. В 1938 г. в Англии было выпущено 419 танков, 681 бронетранспортер и бронеавтомобиль, 203 зенитных орудия, 12 тыс. винтовок, 6,4 тыс. пулеметов и 1 млн. снарядов для полевой артиллерии⁵. Производство тяжелых танков и артиллерии только разворачивалось. Как признают британские историки, к осени 1939 г. «военные нужды еще не доминировали в жизни страны, а экономические ресурсы не были мобилизованы полностью»⁶. К началу войны Англия имела ограниченное число готовых к боевым действиям регулярных дивизий.

Курс Чемберлена на сговор с гитлеровской Германией пользовался широкой поддержкой верхушки английских монополистов. Об этом можно судить хотя бы по той финансовой помощи, которую получали общество англо-германского содружества, англо-германское товарищество от крупнейших концернов и ведущих банков страны. Этим курсом шли и провинциальные ассоциации консервативной партии, слепо верившие своему лидеру и проникнутые ненавистью к «социалистам».

В палате общин среди консервативных депутатов существовало немало сторонников сближения с гитлеровской Германией. Большинство их входило в так называемую группу «Линк» («Звено»), тесно связанную с работниками гитлеровского посольства в Лондоне, или участвовало в деятельности англо-германского товарищества⁷.

В кризисных ситуациях Чемберлен нередко связывался непосредственно с послом Англии в Германии Гендерсоном, которого в английском министерстве иностранных дел называли «законченным нацистом»⁸.

Центром, в котором рождались и формировались основы государственной политики Англии, был так называемый «кливденский кружок», существовавший с середины 30-х годов. В Кливдене, имении семейства миллионеров Асторов, регулярно встречались крупные промышленники и финансовые магнаты, влиятельные сторонники сговора с фашистской Германией, политические деятели, в том числе члены правительства. Они обсуждали

¹ A. Youngson. The British Economy 1920—1957. London, 1960, p. 144; J. Laux. Wars, Crises and Transformation, p. 60, 76.

² A. Youngson. The British Economy 1920—1957, p. 107.

³ М. Олпн. Военно-промышленный потенциал Англии, стр. 24.

⁴ J. Laux. Wars, Crises and Transformation, p. 76.

⁵ W. Hancock (Ed.). Statistical Digest of War. London, 1951, p. 140, 144, 145, 148, 152.

⁶ M. Postan. British War Production. London, 1952, p. 53.

⁷ C. Mowat. Britain Between the Wars. 1918—1940. London, 1955, p. 633. Группа «Линк» объединяла около тысяч членов, принадлежавших в основном к высшим кругам. Характеризуя работу этого общества, немецкий поверенный писал из Лондона 4 августа 1939 г.: «Оно посвятило себя полностью защите немецких интересов» (ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7073, л. 2).

⁸ H. Nicolson. Diaries and Letters 1930—1939, vol. I, p. 327.

проблемы английской внешней политики, поносили Советский Союз и «всех красных», вырабатывали планы сотрудничества с Гитлером. Там не скрывали и антифранцузских настроений, заявляя, что «лучше Гитлер, чем Блюм», обвиняли Россию и Францию в том, будто они «втянули» Англию в первую мировую войну и намерены «повторить этот ход»¹.

Многие сторонники прогерманской линии занимали видные посты в министерстве авиации. Это министерство являлось главным поставщиком различной дезинформации, которой жонглировали члены правительства, доказывая неспособность Англии вести войну против Германии². Интересам «умиротворителей» активно служили и многие органы буржуазной печати («Таймс», «Обсервер», «Дейли экспресс», «Дейли мейл» и др.), изо дня в день убеждавшие общественность страны в том, что правительство проводит целесообразную, единственно возможную политику. Они запугивали широкие слои населения массовыми воздушными налетами и в то же время рисовали им картину всеобщего процветания в случае успеха чемберленовской политики. «Представьте себе, — говорил в одном из публичных выступлений член правительства Хор, — что 1,5 млрд. фунтов стерлингов, которые мы тратим сейчас на оборону, будут израсходованы на торговлю, производство, улучшение социальных условий... Именно исходя из этих соображений, мы намеренно и сознательно вступили на путь примирения»³.

Чемберленовская политика достижения «мира любой ценой» была насквозь фальшивой. При помощи этого лозунга правящие круги Англии хотели сохранить свою империю за счет других народов. Как справедливо пишет английский исследователь Макэлви, «лозунг о достижении мира любой ценой мог бы иметь смысл, если бы существовала какая-нибудь цена, за которую можно было бы купить мир, но невозможно было читать «Майн кампф» и верить в то, что такая цена существует. Более того, когда эту цену неизменно платили другие — абиссинцы и испанские рабочие, австрийцы и чехи, этот лозунг на устах английских государственных деятелей стал постыдным. Даже щедрость, с которой консервативные круги обсуждали возможность покупки дружбы Германии путем возвращения ей бывших ее колоний, показывала циничное пренебрежение к судьбам населения этих территорий»⁴.

Часть населения Англии, введенная в заблуждение демагогической правительственной пропагандой, подкрепленной определенными военными приготовлениями, приветствовала «победу» Чемберлена, провозгласившего, что он привез из Мюнхена «мир для целого поколения». Консерваторы устраивали оvation своему лидеру. Выражали одобрение и многие руководители других буржуазных политических партий.

Политика сотрудничества с гитлеровской Германией получила полную поддержку британского союза фашистов. Фашистская газета «Акшэн» писала, что Чемберлен передал Судетскую область Германии, «руководствуясь здравым смыслом и мужеством»⁵. В парламенте правительство добилось одобрения мюнхенской сделки 366 голосами против 144. От участия в голосовании воздержалось около 30 депутатов.

Лишь коммунисты и некоторые дальновидные деятели из буржуазного лагеря сразу же правильно оценили мюнхенский сговор как шаг к раз-

¹ M. Gilbert, R. Gott. The Appeasers, p. 8—9.

² Так, по данным, распространявшимся министерством авиации, число немецких боевых самолетов первой линии к лету 1939 г. превышало 8 тыс., в то время как на самом деле — это стало известно после войны — оно составило к сентябрю 1939 г. всего 3,6 тыс. (M. Postan. British War Production, p. 56—57).

³ «The Times», March 4, 1938

⁴ W. McE l w e e. Britain's Locust Years 1918—1940, p. 260.

⁵ Цит. по: C. Cross. The Fascists in Britain, p. 187.

вязыванию новой мировой войны. На заседании парламента 28 сентября 1938 г. только один депутат — коммунист У. Галлахер, разоблачая политику консервативного правительства, отметил, что «лейбористское одобрение чемберленовского визита в Мюнхен является предательством в отношении чехословацкого народа и приближает опасность войны к английским берегам»¹.

Отрезвление общественности не заставило себя долго ждать. «К рождеству Мюнхен утратил свое очарование и быстро шел к тому, чтобы стать грязным словом»². А один из ветеранов британской политики — бывший премьер-министр Ллойд-Джордж говорил о возрастающем «чувстве стыда» за мир, купленный ценой совести и чести³.

Хотя политика «умиротворения» пользовалась безоговорочной поддержкой со стороны подавляющего большинства консерваторов, в их рядах были люди, настороженно относившиеся к планам нацистов и считавшие, что чемберленовский курс создает возрастающую угрозу безопасности Англии. Так, лорд Вултон на одном из заседаний парламента заявил: «В политике постоянных уступок со стороны Англии мы приближаемся к обрыву, и я один из тех, кто хочет знать, когда это кончится»⁴.

К 1939 г. среди ведущих консерваторов существовали две оппозиционные Чемберлену группы. Одну из них, меньшую по численности (к середине года в ней было около 60—70 человек), но более шумливую, возглавлял У. Черчилль. В нее входили Бутби, Сэндис, Макмиллан и другие. Они требовали более быстрого перевооружения и подготовки к войне, бдительного отношения к переговорам с Германией и Италией, заключения антигитлеровского военного союза с Францией и СССР. Однако позиция этой группы серьезно ослаблялась ее общей антисоветской настроенностью, порождаемой классовыми интересами.

Еще более непоследовательной, связанной с Чемберленом общностью классовых интересов была позиция другой группы, которую возглавлял бывший министр иностранных дел А. Иден. В нее входило около 130 политических деятелей, в том числе А. Купер, ушедший с поста министра обороны в знак протеста против мюнхенского соглашения, Эмери, Никольсон и другие парламентарии. Эта группа в отличие от группы Черчилля называла себя не оппозиционной, а «стимулирующей». Члены ее не хотели идти на окончательный разрыв с руководящей верхушкой консервативной партии и только играли в оппозицию к правительству. Сообщая об отставке Идена, газета «Таймс» писала, что его позиция отличается от позиции Чемберлена лишь «оттенками и деталями проведения политики умиротворения в современных международных условиях»⁵.

Оппозиционные группы консерваторов, не способные полностью порвать с мюнхенским курсом Чемберлена, оказывались не в состоянии добиться сколь-либо серьезного изменения английской внешней политики.

Значительное влияние на характер внешней политики Великобритании могла оказать лейбористская партия — основная политическая сила, противостоящая консерваторам. Хотя среди ее руководителей и были откровенные сторонники чемберленовского курса⁶, однако большинство лейбористских лидеров заявляли о своей верности делу мира и

¹ «Daily Worker», September 30, 1938

² R. Churchill. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. London, 1959, p. 168

³ «Manchester Guardian», October 27, 1938.

⁴ «The Times», November 3, 1938.

⁵ «The Times», February 21, 1938

⁶ Например, лейборист лорд Хартвуд прямо заявлял, что он «позволил бы Гитлеру делать все, что он хочет в Восточной Европе» (M. Gilbert, R. Gott The Appeasers, p. 35).

отпора гитлеровской агрессии. Но дальнейшие события показали, что дела не шли дальше парламентских деклараций.

Под влиянием губительных последствий Мюнхена лейбористские лидеры стали более решительно осуждать действия правительства: отмечали усиление угрозы для самой Англии, выступали за меры коллективной безопасности, развитие сотрудничества с Францией и Советским Союзом. В ходе парламентских прений лидер лейбористов Эттли вынужден был признать, что «лучшим средством предотвращения войны явилась бы решительная совместная политика Великобритании, Франции и СССР»¹. В палате общин лейбористские депутаты проголосовали против мюнхенского соглашения. Но, выражая «чувство глубокого удовлетворения по поводу того, что войну на какое-то время удалось предотвратить»², они тем самым косвенно солидаризировались с пропагандистской линией Чемберлена, что делало их позицию двусмысленной.

Наиболее ярко капитулянтская сущность политики лидеров лейбористской партии проявилась в их категорическом отказе от совместных действий с Коммунистической партией Великобритании. Сравнительно немногочисленная (18 тыс. в марте 1939 г.), но боевая компартия сразу и безоговорочно осудила Мюнхен и разоблачила его опасную сущность. Мир, говорилось в ее заявлении от 1 октября 1938 г., «был отдан на милость Гитлеру, который может нарушить его, когда он сочтет, что настало время для следующего шага в цепи завоеваний»³. Месяц спустя журнал коммунистов «Лейбор мансли» писал: «Укрепление Гитлера за счет английской помощи достигло в настоящее время в связи со сдачей Чехословакии, Юго-Восточной Европы и изоляцией Франции такой степени, что его политика не будет больше планироваться с учетом английских пожеланий; она превращается в самостоятельную силу, способную повернуть и повести против Англии мощную европейскую коалицию»⁴. Коммунисты призывали объединить все силы для отпора гитлеровской агрессии. Они внесли предложение о вступлении компартии в партию лейбористов. И хотя лейбористское руководство отвергло это предложение, 1400 низовых профсоюзных и лейбористских организаций поддержали коммунистов⁵.

В январе 1939 г. один из ведущих членов исполкома лейбористской партии — Криппс предложил объединить усилия всех прогрессивных организаций в вопросах внешней и внутренней политики. Однако на заседании исполкома 13 января 1939 г. семнадцатью голосами против трех это предложение было отвергнуто, а 25 января Криппса исключили из партии, обвинив в том, что он выступил против ее «политической независимости»⁶. Спустя два месяца исполком исключил из партии группу лейбористов за отказ подчиниться требованию прекратить деятельность в поддержку народного фронта.

На конференции лейбористов в мае 1939 г. руководству удалось провалить проект резолюции в поддержку народного фронта⁷. Так лейбористское руководство облегчало маневры сторонникам сговора с гитлеровской Германией.

В январе — марте 1939 г. чемберленовцы приняли энергичные меры к тому, чтобы подвести под политику сговора соответствующий экономи-

¹ «Daily Herald», October 4, 1938.

² «The Times», October 5, 1938.

³ Цит. по: Э. Ротштейн. Мюнхенский сговор, стр. 415.

⁴ «Labour Monthly», November 1938, p. 666.

⁵ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 61.

⁶ «Daily Herald», February 3, 1939. Предложения Криппса были поддержаны 79 окружными и 163 местными лейбористскими организациями («Labour Monthly», April 1939, p. 234).

⁷ «Daily Herald», June 2, 1939.

ческий базис. Это вполне отвечало интересам влиятельных кругов английского монополистического капитала¹. В результате англо-германских переговоров по распределению рынков сбыта угля 28 января были подписаны соглашения, детали которых остались засекреченными².

Серьезное воздействие на внутриаполитическую обстановку в Англии оказала оккупация Чехословакии гитлеровцами в марте 1939 г. В Англии резко возросли антигитлеровские настроения. Поползли слухи о готовности Германии к новым военным авантюрам, то ли на границах Польши, то ли против Румынии. Антинацистские позиции заняли видные органы буржуазной печати, в том числе такие газеты, как «Манчестер гардиан», «Дейли кроникл», «Йоркшир пост» и другие. В парламенте открытое возмущение политикой правительства выражали представители всех основных политических партий — лейбористской, либеральной и даже консервативной. Один из лидеров лейбористской партии — А. Гринвуд заявил в палате общин: «Пора положить конец политике спокойного согласия с актами бандитизма, сопровождаемыми угрозой применения силы»³. Сомнения в правильности политики правительства проникли даже в среду отъявленных мюнхенцев «кливденского кружка», таких его столпов, как Саймон, лорд Лотиан, Даусон. Многим представителям правящих кругов становилось ясно, что Гитлер своими действиями демонстрирует нежелание считаться с предложениями Чемберлена о сотрудничестве, что Берлин не собирается делить с Лондоном господство в Европе. Как писал в донесениях Дирксен, в результате захвата Чехословакии «была превзойдена та мера приращения могущества, которую Англия была готова предоставить Германии в порядке односторонних действий без предварительного соглашения с Англией»⁴. Под давлением масс представители консервативной партии стали требовать от премьера более жесткой политики в отношении Германии.

Однако правительство Англии, исходя из интересов верхушки монополистов, по-прежнему твердо держалось избранного им губительного для нации курса.

Широкие массы английского народа все более решительно настаивали на заключении с Советским Союзом пакта о взаимопомощи, в котором они видели реальную возможность сорвать агрессивные планы нацизма. В апреле — мае 1939 г. 92 процента выборочно опрошенных англичан высказались за такой союз⁵. Национальный совет труда от имени кооперативного, профсоюзного и лейбористского движения призвал заключить пакт мира с Францией и СССР. «События доказали, — говорилось в его обращении, — что политика умиротворения, базирующаяся на обещаниях Гитлера, является катастрофической иллюзией»⁶. Несколько позднее специальная конференция конгресса британских тред-юнионов потребовала от правительства немедленного заключения соглашения с Советским Союзом «с целью создания подлинного фронта мира»⁷.

На заседаниях в парламенте представители оппозиции поднимали вопрос о переговорах с Советским Союзом. Гринвуд заявил, что именно СССР «может явиться в конечном счете решающим фактором в деле сохра-

¹ Еще в 1936 г. в меморандуме одного из лондонских банкирских домов, предназначенном для узкого круга посвященных, по поводу англо-германских отношений говорилось: «Если будет достигнут определенный уровень сотрудничества в экономической сфере, то в последующем будет легче прийти к политическому взаимопониманию» (German Foreign Policy Archives. Foreign Office Library. Vol. 5841, London).

² «Financial News», January 29, 1939.

³ «Manchester Guardian», April 4, 1939.

⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II, стр. 195.

⁵ D. Fleming, The Cold War and its Origins 1917—1960, vol. I, p. 90.

⁶ «Daily Herald», March 22, 1939.

⁷ «Daily Herald», May 20, 1939.

нения и укрепления мира во всем мире»¹. За заключение англо-советского соглашения выступил также лидер либералов А. Синклер². Ллойд-Джордж настойчиво убеждал правительство, что «без участия России невозможно создание сколько-нибудь эффективной системы обороны, охватывающей Запад, Восток и район Средиземного моря»³. «Вам нужна Россия,— говорил он, обращаясь к правительству,— но вы не хотите России. А без нее, если вы должны выполнить данные вами обязательства, имеются только две возможности — расплатиться катастрофой или уклониться от выполнения обязательств, как вы делали в прошлом»⁴. Черчиллю принадлежат слова: «Мы окажемся в смертельной опасности, если не сможем создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы... мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией»⁵.

В то же время чемберленовцы продолжали добиваться сближения с Германией. Летом 1939 г. вопрос об отношениях с ней стал основной проблемой внутривластной жизни Англии. Однако, несмотря на все ухищрения реакционеров, становилось все более ясным, что политика «умиротворения» агрессора полностью провалилась. В Берлине уже было принято решение о военной расправе с Польшей; переговоры с Лондоном велись лишь в целях обеспечения полной изоляции Польши. Война надвигалась на Европу.

И все же иллюзии о возможности сговориться с нацизмом за счет других народов и государств продолжали жить в официальных кругах Лондона. «Английская общественность,— пишут британские историки,— не имела представления, что за энергичными публичными заявлениями скрывалась столь сильная решимость заставить поляков капитулировать»⁶. 25 августа был подписан англо-польский договор о взаимопомощи, и тогда же некий немецкий информатор прямо заявил Хору, что, если Германия нападет на Польшу, Англия «всегда сможет выполнить свое обещание формально, не выступая в полную силу»⁷. Так закладывались основы чемберленовской политики последующего периода, получившей название «странной войны».

Франция накануне второй мировой войны также переживала глубокий социально-экономический кризис. В стране продолжалось разложение режима третьей республики, который за 70 лет существования исчерпал себя.

Франция из гордого победителя Германии, диктовавшего ей в июне 1919 г. в Версале условия мирного договора, превратилась, по существу, в покорного спутника Англии. Генерал де Голль, оценивая причины разгрома страны Германией в 1940 г., впоследствии писал: «В конечном счете развал государства лежал в основе национальной катастрофы. В блеске молний режим предстал во всей своей ужасающей немощи...»⁸

С 1930 г. экономика Франции находилась в состоянии хронического застоя. Не успев оправиться от кризиса 1929—1933 гг., она в 1937 г. вступила в полосу нового спада. В 1938 г. уровень промышленного производства страны снизился на 7,5 процента по сравнению с предыдущим годом; производство стали сократилось на 22 процента, чугуна — на 24 процен-

¹ Parliamentary Debates, House of Commons, vol. 345, col. 2486.

² Ibid, col. 2499.

³ «Daily Herald», April 12, 1939.

⁴ «Manchester Guardian», May 9, 1939.

⁵ Цит. по: В. Т р у х а н о в с к и й. Внешняя политика Англии. М., 1962, стр. 356.

⁶ M. G i l b e r t, R. G o t t. The Appeasers, p. 276.

⁷ Ibid, p. 274.

⁸ Ш. де Г о л л ь. Военные мемуары. Т. I. Призыв. 1940—1942 годы. Перевод с французского. М., 1957, стр. 107.

та; объем промышленной продукции в целом был на 8 процентов меньше, чем в 1913 г.¹ К июлю 1939 г. положение почти не изменилось индекс промышленного производства составил 98 процентов к 1928 г., насчитывалось более 350 тыс. безработных². Таким образом, экономика Франции десятилетиями оставалась, по существу, на одном уровне. Доля Франции в мировом промышленном производстве сократилась³. В целом промышленная продукция Франции в 1937 г. составляла 45,7 процента германской⁴.

Тяжелое положение сложилось в области финансов. В результате организованной крупной буржуазией утечки капитала золотые запасы Франции в 1937 г. были наименьшими за весь период 30-х годов. Только в 1938 г. они были в какой-то степени восстановлены, однако и тогда сохранялась крупная задолженность Соединенным Штатам Америки и Англии.

С начала 30-х годов большие трудности испытывало сельское хозяйство. Многие тысячи мелких крестьянских хозяйств разорялись. Производительность труда и урожайность во Франции были значительно ниже, чем в Англии, Германии, Бельгии и Голландии.

В сентябре 1936 г. французское правительство приняло четырехлетнюю программу перевооружения. Она предусматривала развертывание массового производства танков, современной артиллерии, противотанковых и зенитных средств. Вместе с дополнительной программой, принятой в 1938 г., на перевооружение французской армии с 1 января 1937 г. по 1 сентября 1939 г. было израсходовано 30 млрд. франков⁵.

И все же для перевооружения армии было сделано далеко не все. Заказанные в 1935—1936 гг. 600 танков типа «Рено» были выпущены только в апреле 1938 г. В 1936 г. выпускалось в среднем по 120 танков в месяц, а в январе 1937 г. заводы дали всего 19 танков⁶. Еще хуже обстояло дело с производством самолетов. В марте 1938 г. на заседании высшего комитета национальной обороны отмечалось, что у Франции имеются хорошие образцы самолетов, но их серийное производство не налажено⁷. В 1938 г. производилось в среднем 53 самолета в месяц, в 1939 г. — 185; снарядов для 90-мм зенитных орудий до 1940 г. не производилось⁸.

Хотя по объему производства и техническому уровню Франция отставала от Германии, тем не менее уже в тот период она обладала первоклассными по технической оснащенности металлургическими, металлообрабатывающими, электротехническими, химическими, автомобильными и другими предприятиями, на которых в короткий срок можно было наладить военное производство. Как сообщал член французской военной делегации генерал Вален в ходе англо-франко-советских переговоров в августе 1939 г., «мобилизация французской индустрии в отношении материальной части авиации» позволяла через три месяца после начала войны производить столько самолетов, чтобы перекрыть возможные потери⁹. В том же духе высказывался министр авиации Ги ля Шамбр на заседании совета национальной обороны 23 августа 1939 г.¹⁰.

¹ Н. С л а у д е Les monopoles contre la nation Paris, 1956, p. 17

² J. D e l p e r r i é d e B a y a c Histoire du Front Populaire Paris, 1972, p. 463, 513—514

³ Ю. К у ч и н с к и й История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г. Перевод с немецкого М., 1950, стр. 209

⁴ Л. Л а в р о в История одной капитуляции М., 1964, стр. 23

⁵ G. R o t o n Années cruciales La course aux armements (1933—1939) Paris, 1947, p. 41—42.

⁶ I b i d., p. 45

⁷ J. D e l p e r r i é d e B a y a c Histoire du Front Populaire, p. 445

⁸ Франция и ее владения М., 1948, стр. 50

⁹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 596

¹⁰ Ж. Т а б у и Двадцать лет дипломатической борьбы Перевод с французского. М., 1960, стр. 456.

Таким образом, Франция имела реальные возможности для успешного сопротивления германо-итальянскому фашизму. Не относительная слабость военно-промышленного потенциала Франции, а прежде всего капитулянтская, антинациональная политика французских монополистов сыграла важную роль в том, что страна оказалась не подготовленной к войне с Германией.

Внутриполитическая обстановка во Франции перед второй мировой войной характеризовалась серьезным обострением классовой борьбы. В 1935—1937 гг. трудящиеся во главе с Французской коммунистической партией организовали народный фронт и объединенными силами добились серьезных успехов в борьбе против фашизма. Но с конца 1937 г. в наступление перешла крупная буржуазия, которая решила взять реванш за поражение в 1936 г. и отстоять свои привилегии, даже в ущерб национальным интересам страны. Представитель монополий в международном бюро труда Ламбер-Рибо заявил, что единственным средством обуздания рабочих является закрытие заводов, остановка экономической жизни страны. Эти слова не остались пустой угрозой. С приходом к власти правительства народного фронта буржуазия начала сокращать производство, увольнять рабочих, переводить капиталы за границу, саботировать государственные займы, что подрывало устойчивость франка. Так, хозяева авиационных заводов отказались ввести многосменную работу, саботируя тем самым военное производство.

Когда в марте 1938 г. второе правительство Блюма добилось от профсоюза металлистов согласия на установление в оборонных отраслях, и прежде всего в авиационной промышленности, 45-часовой рабочей недели, руководители промышленности отказались от этого под предлогом, что на оборонных заводах еще не начато серийное производство и «совершенно незачем удлинять рабочий день»¹. В декабре 1938 г. на ряде авиационных предприятий был проведен локаут, в результате которого было потеряно свыше 1,3 млн. рабочих часов².

Французские монополисты осуществляли на практике лозунг «Лучше Гитлер, чем народный фронт!». Многие банки и компании устанавливали сотрудничество с монополиями Германии и Италии, фактически способствуя укреплению их военно-промышленного потенциала. Химический концерн «Кюльман», например, сотрудничал с «ИГ Фарбениндустри», объединение сталелитейных заводов «Комите де Форж» было связано с германским стальным концерном, а международный алюминиевый картель соединял французские монополии с германскими и итальянскими.

Конечно, между французским империализмом и германским милитаризмом существовали острые противоречия, явившиеся одной из причин второй мировой войны. Однако в правящих кругах Франции имелось влиятельное течение, выступавшее за соглашение с гитлеровской Германией. Ни для кого не было секретом существование в высшем парижском обществе кружка «Большой щит», выступавшего за сближение с рейхом. Среди его членов находились герцог де Брогли, граф Жан де ля Рошфуко, принц де Полиньяк, герцог де Клермон-Тоннер, принц д'Аранберг и владелец газеты «Пти паризьен» Этьен Бюно Варийа³. Все они состояли в многочисленных правых партиях, подобных монархической «Аксьон Франсез», или таких открыто фашистских организациях, как «Боевые кресты»⁴.

¹ J. Delperrié de Bayac. Histoire du Front Populaire, p. 449.

² Le Parti communiste français dans la Résistance. Paris, 1967, p. 26.

³ A. Tolle. La classe ouvrière dans la Résistance. Paris, 1969, p. 19.

⁴ После провала фашистского путча в феврале 1934 г. «Боевые кресты» были преобразованы во французскую социальную партию, получившую на парламентских выборах 1936 г. 8 мандатов (E. Bonnet. Histoire politique de la Troisième République. T. VI. Vers la guerre: du Front Populaire à la conférence de Munich (1936—1938). Paris, 1965, p. 34, 436).

полковника де ля Рока, «Патриотическая молодежь». Реакционные политические деятели, объединившиеся вокруг графа Парижского, открыто делали ставку на победу фашизма¹.

Победа народного фронта помешала фашизму прийти к власти во Франции, однако он не был разгромлен до конца. Раскрытый в 1937 г. заговор «тайного комитета революционного действия» (кагуляров), руководимого А. Мартэном и Делонклем, свидетельствовал о том, что фашистские организации продолжали существовать; в их рядах было немало богатейших людей Франции. Кагуляры вели борьбу против демократических организаций путем провокаций, саботажа и террора. Именно они устроили взрыв в управлении концерна «Комите де Форж», обвинив в этом рабочие организации. Специальная группа кагуляров, руководимая графом Жюрке де ля Саль, занималась вербовкой провокаторов и штрейкбрехеров².

В годы, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне, соглашательство в отношении гитлеровской Германии достаточно глубоко проникло в традиционные буржуазные партии Франции. Этому курса придерживалась и социалистическая партия. Часть ее правых лидеров создала группу «неосоциалистов», отличавшихся особенно злобным антикоммунизмом и антисоветизмом и в то же время питавших явные симпатии к нацистам и французским фашистам. Лидер этой группы Деа опубликовал статью «Умереть за Данциг?», в которой призывал не препятствовать гитлеровской агрессии против Польши. А Фланден еще в 1938 г. прямо заявил: «Существует только одна опасность — коммунистическая»³.

Профашистские силы занимали прочные позиции во французской печати. Наряду с газетой «Пти паризьен» прогитлеровскую пропаганду вели «Тан», «Журналь», «Пари-суар», «Републик», «Матен», «Эвр», «Жур», «Гренгуар», «Же сюи парту», агентство «Гавас» и другие. О степени проникновения германской агентуры в органы печати свидетельствует тот факт, что после мюнхенского сговора 132 французские газеты обратились с призывом к парламенту запретить компартию⁴.

Центром подрывной работы «пятой колонны» во Франции являлся созданный нацистским агентом Отто Абецем комитет «Франция — Германия», председателем которого был граф де Бринон. Комитет развил бурную деятельность, организуя обмен делегациями с рейхом и проводя через правые газеты фашистскую пропаганду. «Пятая колонна» настолько распоясалась, что пошла на прямой подкуп некоторых французских газет. В июле 1939 г. «Юманите» разоблачила журналистов Пуарье из «Фигаро» и Обена из «Тан», получивших за «оказанные гитлеровской Германии услуги» 4,5 млн. франков⁵. Большое внимание комитет уделял распространению нацистской идеологии среди французской интеллигенции, в частности в профессорско-преподавательских кругах.

Правительство Франции не предпринимало серьезных мер пресечения этой подрывной деятельности, ибо соглашательство и капитулянтство, граничившие с прямой изменой, глубоко проникли в высшие сферы государственной политической системы. Так, на заседании совета национальной обороны 23 августа 1939 г. генерал Гамелен воздержался от приведения всех данных о состоянии французской армии, поскольку на заседании

¹ J. D e b û - B r i d e l. L'Agonie de la Troisième République. Paris, 1948, p. 399.

² A. T o l l e t. La classe ouvrière dans la Résistance, p. 18, 19; J. D e b û - B r i d e l. L'Agonie de la Troisième République, p. 401—402.

³ J. D e l p e r r i é d e B a y a c. Histoire du Front Populaire, p. 440.

⁴ Le Parti communiste français dans la Résistance, p. 25.

⁵ J. D u c l o s. Mémoires. T. II. 1935—1939. Aux jours ensoleillés du Front Populaire. Paris, 1969, p. 434, 437.

присутствовал министр иностранных дел Боннэ. Премьер-министр Франции Даладье одобрил сдержанность Гамелена: «Если бы вы сказали о слабости французской армии, на следующее утро Гитлер был бы в курсе ваших слов»¹.

Особое место в политической жизни предвоенной Франции занимала армия, руководители которой находились в плену опыта первой мировой войны, несмотря на то что военное дело ушло далеко вперед. Французская военщина вмешивалась во внутреннюю и внешнюю политику. Генералитет усердно распространял среди населения иллюзии относительно высокой боеспособности армии. Буквально накануне войны, выступая 2 июля 1939 г., генерал Вейган заявил: «Я думаю, что французская армия имеет самую большую военную ценность, чем когда-либо прежде. Она обладает первоклассным вооружением, превосходными оборонительными сооружениями, прекрасным духом и замечательным командованием»². В таком же духе выступал 13 августа 1939 г. на трехсторонних переговорах военных миссий в Москве глава французской делегации генерал Думенк³.

В генералитете и офицерском корпусе французской армии всегда имелись люди с крайне реакционными политическими настроениями. Из армейской среды вышли такие реакционные деятели, как маршал Петэн, генералы Кастельно, Вейган, адмирал Дарлан и другие; не случайно сторонниками «Боевых крестов» и кагуляров были многие офицеры. В то же время среди командного состава имелись и патриотически настроенные люди (де Голль, Делатр де Тассиньи, де Отеклок, Вален, Катру и другие), но тогда они еще не играли решающей роли в вооруженных силах. Что касается полиции, особенно парижской, то она была не столько стражем порядка, сколько штабом фашистских заговоров.

Капитулянтам-«умиротворителям» решительно противостояли левые партии, в первую очередь Французская коммунистическая партия. В 1936—1939 гг. она значительно укрепила свои позиции. Компартия имела большое влияние среди рабочих крупных предприятий и добилась определенных успехов в завоевании на свою сторону трудящихся крестьян, а также многих видных представителей французской интеллигенции⁴.

Французская компартия последовательно проводила линию на сохранение и укрепление мира, защиту национальной независимости страны, организацию отпора фашистской агрессии. Состоявшиеся в 1936 и 1937 гг. VIII и IX съезды ФКП выдвинули развернутую программу борьбы за мир.

Выступивший с докладом на IX съезде ФКП генеральный секретарь партии М. Торез потребовал от правительства проведения демократической и подлинно французской внешней политики, «которая бы отражала перемены, происшедшие в нашей стране после победы народного фронта и обеспечила бы сохранение верности высокой миссии Франции в мире»⁵. ФКП руководствовалась тем, что для французских трудящихся «борьба за свободу и мир в настоящий момент (декабрь 1937 г.— *Ред.*) сливается с борьбой за независимость и безопасность Франции»⁶.

Победа народного фронта, объединившего широкие антифашистские силы страны, создала реальные предпосылки для проведения в жизнь

¹ Цит. по: A. T o l l e t. La classe ouvrière dans la Résistance, p. 21.

² Цит. по: E. B o n n e f o u s. Histoire politique de la Troisième République. T. VII. La course vers l'abîme: La fin de la III-e République (1938—1940), p. 87.

³ M. B a u m o n t. Les origines de la deuxième guerre mondiale. Paris, 1969, p. 330.

⁴ Histoire du Parti communiste français. Paris, 1964, p. 343.

⁵ М. Т о р е з. Избранные произведения. Т. I. Перевод с французского. М., 1959, стр. 244.

⁶ Т а м ж е, стр. 258.

программы мира¹. Народный фронт располагал прочным большинством в парламенте, именно на него опиралось правительство Блюма. Однако уже в июне 1937 г., столкнувшись с крупными экономическими трудностями и не решаясь преодолеть их революционным путем, правительство Блюма предпочло уйти в отставку. В последующие 15 месяцев до Мюнхена ось политической жизни во Франции постепенно сползала вправо. Сформированное в июне 1937 г. правительство Шотана, а затем и его второй кабинет (январь 1938 г.) были более правыми, хотя и продолжали опираться на партии, входившие в народный фронт. В марте — апреле 1938 г. у власти находилось второе правительство Блюма, на смену которому 10 апреля того же года пришло правительство одного из лидеров радикал-социалистов — Даладье. В него вошли еще более правые деятели.

Окончательный удар по народному фронту был нанесен мюнхенским соглашением. Правительство Даладье сразу же поставило вопрос о доверии и после длительной дискуссии добилось нужного вотума от палаты депутатов, а позже и от сената: против голосовали в основном коммунисты². В октябре 1938 г. радикал-социалистическая партия на своем съезде окончательно порвала с коммунистами.

В этой сложной международной обстановке 22—23 ноября 1938 г. пленум ЦК ФКП сформулировал задачи борьбы рабочего класса и трудящихся Франции: «Центральный Комитет торжественно заявляет, что коммунистическая партия требует своей доли ответственности и руководства как в оздоровлении страны, так и в усилиях по общему вооружению народа, чтобы обеспечить Франции непоколебимую мощь на службе социального прогресса, свободы и мира»³.

Но крупная буржуазия, захватив ключевые позиции в правительстве, стала все более решительно применять репрессивные меры против народного фронта, левых политических сил, и в первую очередь против компартии. Добившись от парламента предоставления чрезвычайных полномочий, правительство Даладье опубликовало декреты, которые, по существу, сводили на нет социальные завоевания трудящихся и демократические свободы. Под предлогом ликвидации бюджетного дефицита декретом от 13 ноября 1938 г. был отменен контроль над ценами и кредитом. Хотя закон о 40-часовой рабочей неделе формально сохранялся, он претерпел значительные изменения: была сокращена оплата сверхурочных часов, отменена неделя с двумя выходными днями.

С целью деморализации трудящихся и предотвращения классовых волнений было решено призвать в армию железнодорожников, поступивших на работу после 1936 г. Сокращались пенсии бывшим фронтовикам, увеличивались налоги и переоценивались золотые запасы Французского банка⁴.

30 ноября 1938 г. трудящиеся Франции ответили на эти решения правительства всеобщей 24-часовой забастовкой. Вследствие плохой подготовки, раскольнической деятельности реформистских лидеров, засевших во Всеобщей конфедерации труда, и мобилизации правительством огромного репрессивного аппарата, забастовка не имела успеха. Власти

¹ 12 января 1936 г. в печати была опубликована программа народного фронта. Она предусматривала национализацию военной промышленности и ликвидацию частной торговли оружием, а в области внешней политики — международное сотрудничество в рамках Лиги наций, организацию коллективной безопасности и применение санкций в случае агрессии. В программе содержался также призыв к народным массам бороться за мир.

² Кроме 73 депутатов коммунистической фракции против мюнхенского сговора голосовали лишь А. Кериллис и социалист Буэ.

³ «L'Humanité», 23 novembre, 1938.

⁴ E. Bonnefous. Histoire politique de la Troisième République, t. VI, p. 358.

подвергли репрессиям множество ее участников¹. Сотни тысяч стали жертвой локаута.

Невзирая на эти репрессии, передовые рабочие Франции оставались верны коммунистическому знамени. При наличии единства левые силы еще могли обуздать внутреннюю реакцию. Однако французская социалистическая партия, за которой в тот момент шли значительные слои трудящихся, предала народный фронт. Внутри этой партии разгорелась борьба между различными течениями, главным образом по вопросам внешней политики и отношений с компартией. На чрезвычайном съезде социалистической партии в Монруже (декабрь 1938 г.) произошло острое столкновение между двумя группами; одну из них возглавлял генеральный секретарь партии Фор, другую — ее лидер Блюм. Фор представил на рассмотрение съезда резолюцию, одобрявшую мюнхенское соглашение. Блюм, учитывая мнение пролетарской части социалистической партии, внес проект резолюции, выражавшей недовольство капитулянтской политикой кабинета министров Даладье и содержавшей требование создать правительство, которое будет «защищать демократию»². За резолюцию Блюма было подано большинство голосов делегатов съезда социалистической партии.

Однако уже на очередном съезде в мае 1939 г. в Нанте Блюм, по существу, согласился с Фором. Сторонники Форы, считавшие, что «важнее всего мир»³, объединились в «пацифистскую» фракцию и одержали победу. В отчете Форы о деятельности партийного руководства всячески оправдывалось мюнхенское соглашение. Не сказав ни слова о росте фашистской опасности для Франции и угрозе миру со стороны Германии, он сосредоточил основное внимание на требовании созыва международной конференции, на которой, по его мнению, демократические государства должны пойти на уступки фашистским агрессорам. Эта резолюция, как и резолюция, запрещавшая членам социалистической партии работать в организациях, связанных с Французской компартией, получила большинство голосов⁴.

Ослепленное антикоммунизмом, правое руководство социалистической партии нанесло этим серьезный удар по единству действий рабочего класса и помешало организовать достаточно мощное сопротивление мюнхенцам и «умиротворителям».

Подавление сопротивления республиканской Испании, захват гитлеровской Германией Чехословакии и выдвижение ею территориальных претензий к Польше рассеяли порожденные Мюнхеном иллюзии о возможности соглашения с агрессором. В этой тревожной и сложной обстановке наиболее дальновидные деятели Франции выдвигали конкретные предложения по укреплению мобилизационной готовности страны. Так, в марте 1939 г. французский посол в Германии Кулондр в письме министру иностранных дел Боннэ рекомендовал «безотлагательно мобилизовать все усилия нации на самое широкое и скорейшее развитие и укрепление военной мощи страны и, в частности, на создание мощной авиации», а также, «сохраняя как можно большую секретность», немедленно приступить «к мобилизации промышленности страны»⁵. Следует отметить, что против соглашения с гитлеровской Германией выступили даже отдельные пред-

¹ E. Bonnefous. Histoire politique de la Troisième République, t. VI, p. 362.

² Р. Варфоломеев а. Реакционная внешняя политика французских правых социалистов (1936—1938 гг.), стр. 101—103.

³ S. Stelling-Michaud. Les partis politiques et la guerre. Neuchatel, 1945, p. 72.

⁴ Р. Варфоломеев а. Реакционная внешняя политика французских правых социалистов (1936—1938 гг.), стр. 121.

⁵ Documents diplomatiques. 1938—1939. Paris, 1939, p. 92.

ставители монополистического капитала. Директор «Комптуар сидерюрик» П. Пюше критиковал мюнхенское соглашение. Вслед за Шнейдером, который боялся потерять завод Шкода в Чехословакии и АРБЕД в Люксембурге, некоторые видные французские промышленники начали поддерживать программу перевооружения страны. Ряд крупных банков Франции стали финансировать газету А. Кериллиса «Эпок», стоявшую на патриотических позициях¹.

В такой обстановке правительство Даладье было вынуждено принять некоторые меры по укреплению обороноспособности Франции. В январе 1938 г. был создан специальный комитет, которому поручалось обеспечение «развертывания военного производства». В соответствии с законом «об организации в военное время», принятым в июле того же года, создается «военный совет по делам войны», в который вошли начальники штабов трех видов вооруженных сил².

Принимались меры и по укреплению внешнеполитических позиций Франции. 21—24 марта президент Лебрен и Боннэ находились в Англии с официальным визитом, в ходе которого была достигнута договоренность об усилении связей между двумя странами³.

По мере нарастания угрозы второй мировой войны судьба Франции все больше зависела от ее отношений с Советским Союзом. Формально Советский Союз и Франция были связаны договором о взаимопомощи, заключенным в мае 1935 г. Но Мюнхен перечеркнул этот договор. Захват Чехословакии и появление угрозы нападения фашистской Германии на Польшу отрезвили некоторых французских политических и военных деятелей. Они стали высказываться за укрепление отношений с Советским Союзом. Так, полпред СССР во Франции сообщил 24 апреля 1939 г. о «повышенном интересе к нам (представителям СССР. — *Ред.*) со стороны военных. Военные, чего раньше не было, ищут сейчас встреч со мной»⁴. В советское посольство прибыл начальник генерального штаба французской армии генерал Гамелен, который прямо заявил в беседе с полпредом 8 апреля, что, по его мнению, «наступил момент сплотить все силы, способные и готовые бороться с агрессией»⁵.

Стремление к упрочению связей с СССР привело к активизации всех прогрессивных сил страны. Конкретную программу усиления обороноспособности Франции выдвинул пленум ЦК ФКП 19 мая 1939 г. Коммунисты требовали создать подлинное правительство национальной обороны, которое осуществило бы важнейшие пункты программы народного фронта, прежде всего в области независимой внешней политики и социальных преобразований, и приняло бы меры по укреплению республиканского духа в армии, развертыванию строительства оборонительных сооружений, обезвреживанию предателей, капитулянтов и фашистских шпионов. Однако, подчеркнул выступивший на пленуме М. Торез, «тяжесть связанных с этим жертв» необходимо возложить «в первую очередь на богатых». Такое правительство, продолжал он, должно опираться на рабочий класс. В этом случае трудящиеся сознательно пойдут «на жертвы, которых требует защита страны и мира», ибо они считают «необходимым усиление обороноспособности Франции и продиктованное обстоятельствами массовое производство вооружения»⁶.

¹ J. d e L a u n a y. Histoire contemporaine de la Diplomatie secrète (1914—1945). Lausanne, 1965, p. 299.

² A. K a m m e r. La vérité sur l'armistice. Ephéméride de ce qui s'est réellement passé au moment du désastre. Paris, 1944, p. 13.

³ E. B o n n e f o u s. Histoire politique de la Troisième République, t. VII, p. 40—41.

⁴ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 347.

⁵ Т а м ж е, стр. 313.

⁶ М. Т о р е з. Избранные произведения, т. I, стр. 385.

Однако правительство Даладье пошло по другому пути. 18 апреля 1939 г. оно опубликовало новую серию декретов, означавших наступление на экономические и социальные права трудящихся. Социальное законодательство было отброшено во Франции фактически на целое столетие назад.

Реакционная политика правительства Даладье в отношении трудящихся способствовала активизации капитулянтских сил, которые стремились подтолкнуть германскую агрессию на Восток. Не случайно во французской правой печати совершенно открыто обсуждалась проблема создания «немецкой Украины»¹. 25 июля 1939 г. полпред СССР во Франции телеграфировал в Москву о том, что «громко провозглашающийся лозунг борьбы с германским шпионажем и коррупцией начинает здесь превращаться в борьбу с коммунистической партией и с «агентами Москвы». Это не усиливает доверия к искренности желания сотрудничать с нами»².

Спекулируя на страхе буржуазии перед народом, мюнхенские круги сумели навязать свою линию. Они настояли на том, чтобы военную миссию Франции на переговорах в Москве летом 1939 г. возглавили не столь ответственные лица, как того требовала обстановка, и чтобы полномочия миссии не давали ей юридического права для подписания конвенции. Именно они затягивали ход переговоров, а когда в августе 1939 г. Советский Союз был вынужден заключить с гитлеровской Германией пакт о ненападении, развязали яростную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию.

Одним из первых шагов правительства Даладье после заключения советско-германского пакта о ненападении явилось запрещение изданий Французской компартии. После обысков в коммунистических организациях и запрещения публичных собраний в департаменте Сена Французская компартия фактически лишилась возможности вести свою пропагандистскую работу³.

Так находившиеся у власти мюнхенцы разоружили Францию перед лицом гитлеровской агрессии и подготовили сокрушительное поражение страны.

Соединенные Штаты Америки не входили ни в одну из группировок держав, сложившихся к началу второй мировой войны, но политические и экономические интересы и связи влекли их к англо-французской группировке. Наряду с этим в руководящих сферах США было немало сторонников сближения Англии и Франции с Германией и Италией. Бывший американский президент Г. Гувер откровенно говорил в конце октября 1938 г.: «Я убежден, что ни Германия, ни другие фашистские страны не хотят воевать против западных демократий, при условии, что последние не будут препятствовать продвижению фашизма на Восток»⁴.

В начале 1939 г. на Западе широко распространилось убеждение, что поход держав оси против Советского Союза не за горами и начнется не позднее весны. Под таким углом зрения в Вашингтоне анализировались все факты, свидетельствовавшие об экспансионистских намерениях гитлеровцев на Востоке. Поэтому, когда в первой декаде марта Ф. Рузвельт получил сообщения от своих дипломатических представителей в Европе о том, что «14 марта он (Гитлер.— *Ред.*) захватит Чехословакию, а летом

¹ J. B o u v i e r, J. G a s o n. La vérité sur 1939 (La politique extérieure de l'URSS d'octobre 1938 à juin 1941). Paris, 1953, p. 49.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 516.

³ A. G u e r i n. La Résistance. Chronique illustrée, 1930—1950. Paris, 1972, p. 309.

⁴ Цит. по: А. К л о д. Куда идет американский империализм. Перевод с французского. М., 1951, стр. 118.

поставит под контроль оставшуюся часть Центральной и Восточной Европы»¹, это не встревожило руководителей Соединенных Штатов Америки. 15 марта 1939 г. Германия ликвидировала независимость оставшейся части Чехословакии, но и тогда Рузвельт, по словам официальных американских историков, «не особенно обеспокоился этим... Он был убежден, что Гитлер приступает к выполнению своей восточной программы. Президент полагал, что любые экономические мероприятия или иные меры воздействия могут затруднить ее осуществление»².

Однако захват Германией Чехословакии вызвал взрыв возмущения во всем мире. В глазах общественного мнения мюнхенская политика «лежала в руинах». И хотя правительства Чемберлена и Даладье еще не утратили надежд на сговор с Германией, новые агрессивные действия нацистского руководства породили недоверие к нему многих влиятельных представителей правящих кругов и в Англии, и во Франции, и в США. В сложившейся обстановке Рузвельт предпринял серьезные усилия, чтобы не допустить дальнейшего осложнения отношений Запада с фашистскими державами: 1 апреля США признают де-юре Франко; 15 апреля президент обратился к Гитлеру и Муссолини с просьбой дать заверение, что они не нападут на 31 перечисленное им государство. Но Гданьск (Данциг), избранный Германией в качестве повода для враждебной кампании в отношении Польши, был пропущен в списке, а главное — Советский Союз именовался в послании «Россией» (понятие, естественно, не адекватное). Значение этой семантической тонкости станет понятным, если учесть, что на Западе господствовало убеждение: гитлеровцы начнут поход на Восток с захвата Украины. Обращение Рузвельта независимо от его намерений объективно имело только те последствия, что в Берлине и Риме лишний раз убедились в нежелании США занять решительную позицию в отношении агрессоров. От фашистских диктаторов последовал вызывающий ответ.

Несмотря на все усилия мюнхенцев, не прекративших своих попыток сговориться с Германией, реалистически мыслявшие деятели Запада не могли не видеть, что державы оси создали угрозу и их собственным странам. В Вашингтоне понимали, что Германия рано или поздно неизбежно станет вооруженным противником и Соединенных Штатов Америки. В основе политики Рузвельта, поддерживавшего англо-французскую дипломатию, лежало стремление отвести угрозу от США. Дальнейшее отступление перед Германией и ее союзниками было чревато серьезными последствиями для самих США. Война в Европе отвечала бы их традиционной стратегии — пусть Англия и Франция ведут боевые действия и за своего заокеанского союзника. Кроме того, американские правящие круги были убеждены в том, что война между странами оси и западными державами неизбежно втянет в свою орбиту и Советский Союз.

Крупные американские монополии были прямо заинтересованы в военной конъюнктуре. Уже в середине 30-х годов число корпораций в США превысило 530 тыс. Но решающая роль принадлежала сравнительно небольшой горстке монополистов — перед второй мировой войной 10 тыс. человек (0,008 процента населения) владели четвертью, а 75 тыс. человек (0,06 процента населения) — половиной всех акций корпораций США³. В экономическом отношении США являлись главной страной капитализма. Занимая 7,1 процента всей территории и насчитывая 6,5 про-

¹ H. T r e f o u s s e. Germany and American Neutrality 1939—1941. New York, 1969, p. 20.

² W. L a n g e r, S. G l e a s o n. Challenge to Isolation 1937—1940. New York, 1952, p. 67.

³ Д. Б л э р, Х. Х а у г т о н, М. Р о у з. Экономическая концентрация и вторая мировая война. Перевод с английского. М., 1948, стр. 5, 18.

цента населения капиталистического мира, Соединенные Штаты Америки в 1937 г. произвели 41,4 процента всей его промышленной продукции. В предвоенные годы они давали около половины продукции машиностроения капиталистических стран, свыше трети добычи каменного угля, более двух третей добычи нефти, свыше двух пятых производства чугуна и стали, обладали почти двумя пятыми установленной мощности электростанций и вырабатывали около 40 процентов электроэнергии. За последние три года перед началом второй мировой войны США давали в среднем треть сбора в капиталистическом мире четырех важнейших зерновых культур (пшеницы, кукурузы, ячменя и овса) и свыше половины сбора хлопка. В Соединенных Штатах Америки было сосредоточено около трети всей железнодорожной сети капиталистического мира и свыше двух третей автомобильного парка. В США находилось свыше 62 процентов общей суммы монетных золотых запасов капиталистического мира (на конец августа 1939 г. — 28 млрд. 483 млн. долларов)¹.

В то же время обнаружилось, что «новый курс», проводимый правительством Рузвельта, так и не разрешил социально-экономических проблем страны: недогрузка предприятий, составлявшая в 1929 г. 19 процентов всех производственных мощностей, увеличилась к 1939 г. до 33 процентов; по официальным данным, количество безработных в течение 1939 г. составляло в среднем 9,5 млн. человек². В избытке оказались три «М» — men (люди), machines (машины) и money (капиталы). Американские деловые круги надеялись, что война в Европе обеспечит еще больший приток военных заказов. Это сулило огромные возможности для выведения экономики из затяжной депрессии³.

Доверенный советник Рузвельта С. Розенман подчеркивал: «Я не знаю, какую дорогу избрал бы Рузвельт в 1939 г., если бы события не приковали его внимание к международным делам. Но я знаю, что он был разочарован в проведении дальнейших реформ»⁴. Другой сторонник «нового курса» — Р. Тагуэлл отмечал: «В 1939 г. правительство не могло добиться никаких успехов... Впереди лежало открытое море до того дня, когда в Польшу вторгнется Гитлер. Туман мог развеять только могучий ветер войны. Любые иные меры, которые были во власти Франклина (Рузвельта. — *Ред.*), не принесли бы никаких результатов»⁵.

Поэтому, отказавшись от дальнейших преобразований «нового курса», которые являлись главным источником внутривнутриполитических раздоров, «Рузвельт приступил к объединению консерваторов и либералов вокруг программы подготовки страны к встрече с опасностями, грозящими ей на международной арене»⁶.

В послании конгрессу от 28 января 1938 г. Рузвельт заявил: «Наша национальная оборона не отвечает задачам обеспечения государственной безопасности и требует укрепления»⁷. С этого времени началось перевооружение Соединенных Штатов. Первоначально главный упор делался на укрепление морской мощи. После захвата Германией Австрии и Судетской области конгресс 14 ноября 1938 г. принял новую программу перевооружения, по которой большая часть средств выделялась на развитие ВВС: на производство 10 тыс. самолетов ассигновывалось 500 млн.

¹ Ф. Михалевский. Золото в период мировых войн. М., 1945, стр. 192.

² J. Allen, D. Wilkerson (Eds.). The Economic Crisis and the Cold War. New York, 1949, p. 31.

³ R. Goldston. The Great Depression. The United States in the Thirties. New York, 1968, p. 191, 195.

⁴ S. Rosenman. Working with Roosevelt. New York, 1952, p. 181.

⁵ R. Tugwell. The Democratic Roosevelt. A Biography of Franklin D. Roosevelt. New York, 1957, p. 477.

⁶ R. Divine. The Illusion of Neutrality. Chicago — London, 1968, p. 230—231.

⁷ R. Weigley. History of the United States Army. New York, 1967, p. 417.

долларов¹. Главное внимание уделялось созданию прочной экономической базы, подготовке к переводу ее на военные рельсы, накоплению запасов промышленного сырья.

США были почти полностью обеспечены основными видами стратегического сырья за счет внутренних ресурсов, а дефицитные (марганец, хром, олово, никель, вольфрам, бокситы и каучук) в больших количествах закупались за границей. Созданные в стране запасы могли обеспечить промышленность в течение нескольких месяцев. В середине 1939 г. конгресс принял «Акт о стратегических сырьевых материалах». Тогда же совет вооружений армии и флота и другие организации, занимавшиеся планированием мобилизации ресурсов страны и созданием военных запасов на случай войны, были переданы в непосредственное подчинение канцелярии президента².

К началу войны выполнением внутренних и иностранных военных заказов занимались 9515 промышленных предприятий, 536 заводов и фабрик были готовы к приему таких заказов при первой необходимости. Кроме того, в случае широкого конфликта предусматривалось загрузить военными заказами еще и многие десятки тысяч других, более мелких предприятий. На день объявления мобилизации программой перевооружения предусматривалось обеспечить оружием, снаряжением и боевой техникой вооруженные силы численностью 1 млн. человек³. Крупные стальные и авиационные компании приступили к планированию строительства новых заводов⁴. 9 августа 1939 г. был создан совет военных ресурсов во главе с Э. Стеттиниусом, младшим директором стальной корпорации США. Через три недели развернул свою деятельность совет национальной обороны, одной из обязанностей которого являлось осуществление контроля за мобилизацией экономических ресурсов Соединенных Штатов Америки.

Военные ассигнования США в 1939 г. увеличились по сравнению с 1938 г. почти на 55 процентов. С 1936 по 1939 г. ассигнования конгресса на военные нужды возросли с 924 млн. долларов до 1 634 млн.⁵

Ежегодно около 7 млн. долларов отводилось на научно-исследовательскую работу и разработку новой техники⁶. Руководство военными научными учреждениями осуществлялось правительственным консультативным комитетом по авиации, исследовательским комитетом национальной обороны, комитетом медицинских исследований и другими органами, подчиненными непосредственно президенту. Комитет национальной обороны имел 19 отделов, каждый из них занимался разработкой одного вида оружия или техники: ракет, радаров, приборов управления огнем и т. д.⁷.

Все эти предварительные меры отнюдь не имели в виду срочного участия США в боевых действиях за океанами, а преследовали цель подготовить страну к вступлению в войну впоследствии.

К концу 30-х годов принятый в свое время конгрессом США закон о нейтралитете стал в определенной мере связывать свободу действий правительства, ибо усиливал позиции английской и французской реакции, ратовавшей за дальнейшие уступки агрессорам. 19 мая 1939 г. Руз-

¹ R. Weigley. History of the United States Army, p. 417.

² United States Army in World War II. R. Smith. The Army and Economic Mobilization. Washington, 1959, p. 40—42.

³ Ibid., p. 58—60, 128.

⁴ R. Goldston. The Great Depression, p. 190.

⁵ Ch. Beard. American Foreign Policy in the Making 1932—1940. A Study in Responsibilities. New York, 1946, p. 38.

⁶ R. Smith. The Army and Economic Mobilization, p. 125.

⁷ G. Hartcup. The Challenge of War: Britain's Scientific and Engineering Contributions to World War Two. New York, 1970, p. 26—27.

вельт разъяснил лидерам конгресса, что закон о нейтралитете в случае войны в Европе делает более вероятной победу держав, враждебных США. Президент и государственный секретарь предложили внести к закону поправку, отменявшую обязательное введение эмбарго на вывоз вооружения и военных материалов в воюющие страны. Несмотря на значительные усилия администрации, конгресс не принял этого предложения. Провал попытки изменить закон о нейтралитете Рузвельт оценил как «стимул к войне» в Европе¹.

«Я... уверен, что если бы эмбарго на оружие,— вспоминал К. Хэлл,— было отменено в мае, июне или даже в июле 1939 г., то он (Гитлер.— *Ред.*) непременно принял бы этот фактор к сведению. Я также уверен, что срыв отмены эмбарго поощрил его выступить, припимая также во внимание заверение Риббентропа в том, что Англия и Франция не придут на помощь Польше и что даже если они попытаются что-либо сделать, то не смогут предпринять что-либо эффективное, так как будут лишены материальной помощи со стороны Америки»².

В Соединенных Штатах Америки по-прежнему господствовали изоляционистские настроения, глубину которых показывает так называемая «поправка Лудлоу» — предложение изменить конституцию так, чтобы объявление войны решалось всенародным референдумом. Как замечает американский военный историк Р. Леки, «поправка Лудлоу считалась взвешенной мудростью американских конгрессменов, и, когда палата представителей вернула ее в комитет 209 голосами против 188, не хватило только 21 голоса, чтобы представить ее на рассмотрение всего конгресса. Итак, Америка оставалась изоляционистской, будучи уверенной, что два благословенных океана подобно рвам защищают ее берега, тем самым убедив державы оси, что она не вступит в войну»³.

Буржуазная историография, стремящаяся оправдать предвоенный внешнеполитический курс США, пытается доказать, что именно изоляционистские настроения широких народных масс связали руки правительству. Не отрицая факта распространения этих настроений, следует, однако, заметить, что они были следствием рассчитанных усилий правящих кругов, насаждавших их долгие годы в разгар политики поощрения и сговора с агрессорами. Все достижения науки и техники были брошены на то, чтобы убедить «среднего американца» в его незаинтересованности в европейских делах, в том, что никакой фашистской опасности для США не существует. «У нас это невозможно» — таков был лейтмотив изоляционистской пропаганды монополистов США. И надо признать, что им удалось достичь определенных успехов в этом отнюдь не благородном деле. По свидетельству одного из сыновей президента, «...в сентябре и октябре 1938 г. мы, американцы, в большинстве своем находились еще на расстоянии нескольких сот световых лет от понимания действительности...»⁴.

Немалую роль в создании психологического климата, благоприятствовавшего довольно лояльному отношению к актам фашистской агрессии, сыграли многочисленные антидемократические организации⁵, особенно легально действовавшие в США тридцать с лишним организаций, либо представлявших американский фашизм, либо открыто поддерживавших страны оси. Руководимый нацистскими агентами германо-американский союз («Бунд») к началу второй мировой войны имел в крупнейших горо-

¹ J. Lash. Eleanor and Franklin. New York, 1971, p. 582.

² The Memoirs of C. Hull, vol. I, p. 653.

³ R. Leskiewicz. The Wars of America. New York, 1968, p. 683.

⁴ Э. Рузвельт. Его глазами. Перевод с английского. М., 1947, стр. 22.

⁵ Если в 1932 г. в США насчитывалось не более десятка антидемократических организаций, то в 1939 г. их было уже более 750 (М. Сейерс, А. Кан. Тайная война против Америки. Перевод с английского. М., 1945, стр. 98).

дах США 71 отделение, издавал четыре газеты (в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии и Лос-Анджелесе); число членов «Бунда» достигало 200 тыс. человек¹.

Монополистические круги США продолжали всячески содействовать развитию германской экономики. Самые большие капиталовложения были сделаны ими в автомобильную промышленность рейха. Компании Форда, например, принадлежала большая часть капитала германского предприятия «Форд мотор компани А. Г.». В 1938 г. под ее техническим руководством была создана новая немецкая автомобильная компания «Фольксваген». За особые заслуги перед нацистской Германией Генри Форд получил от гитлеровского правительства орден «Большой крест германского орла», а немецкий генеральный штаб охарактеризовал действовавшее на территории рейха отделение компании Форда как «подлинно германское предприятие»².

Американская компания «Дженерал моторс корпорейшн» владела 100 процентами капитала крупнейшего в Европе германского автомобильного предприятия «Опель»³.

В канун войны Соединенные Штаты Америки так и не заняли решительной позиции по отношению к агрессорам; правительство ограничилось препирательствами с конгрессом по поводу внесения изменений в закон о нейтралитете.

Вашингтон был полностью в курсе интриг английской и французской дипломатии. Чемберлен сообщал американскому послу в Лондоне Кеннеди «почти о каждом шаге, предпринимавшемся английским правительством. Таким образом, через Кеннеди президент и государственный секретарь получали своевременные и точные отчеты об английских планах... а также о переговорах с Кремлем»⁴. Американские представители в Европе отнюдь не были пассивными наблюдателями за ходом англо-франко-советских переговоров. В статье, посвященной дипломатической деятельности В. Буллита, сказано: «В течение всего лета он находился в самой гуще переговоров, поддерживая контакты с Даладье и генеральным секретарем МИД Франции А. Леже. Иногда он даже брал на себя роль активного посредника, в особенности между французами и поляками, отношения между которыми были полны подслащенной горечи»⁵.

Буллит особо предупреждал Даладье, что «каждое советское предложение нужно рассматривать через микроскоп»⁶. Американские представители в Москве непрерывно «советовали» и «предостерегали» английского посла Сидса, непосредственно ведшего переговоры. Государственный департамент был в курсе действий и гитлеровской дипломатии. Через информатора в германском посольстве в СССР «американское посольство в Москве получало полные и точные отчеты» о намерениях и действиях гитлеровцев⁷. Однако личный представитель Рузвельта Д. Фарли, находившийся во второй половине августа 1939 г. в Варшаве, не сделал ничего, чтобы побудить польское правительство отказаться от обструкции переговоров. Он хладнокровно выслушивал заявления Бека, Мосцицкого и Рыдз-Смиглы о том, что для Польши вступить в союз с СССР будто бы означает «оказаться в пасти медведя»⁸.

¹ А. К а н. Измена Родине. Заговор против народа. Перевод с английского. М., 1950, стр. 246.

² J. T e n e n b a u m. American Investments and Business Interests in Germany. New York, 1940, p. 11—12.

³ I b i d., p. 12.

⁴ W. L a n g e r, S. G l e a s o n. Challenge to Isolation 1937—1940, p. 123.

⁵ «World Politics», October 1957, p. 73.

⁶ I b i d e m.

⁷ W. L a n g e r, S. G l e a s o n. Challenge to Isolation 1937—1940, p. 124, 125.

⁸ J. F a r l e y. Jim Farley's Story. The Roosevelt Years. New York, 1948, p. 193.

В то же время на приглашение Чемберлена и Даладье принять участие в подготовке второго Мюнхена (на этот раз за счет Польши) правительство США дало понять, что оно против даже такого мирного решения польского вопроса. При этом оно подчеркнуло, что, если Англия и Франция не объявят войну Германии после ее нападения на Польшу, они не смогут рассчитывать на американскую помощь.

Американский посол в Англии в 1938—1939 гг. Д. Кеннеди позднее вспоминал: «Ни французы, ни англичане никогда бы не сделали Польшу причиной войны, если бы не постоянное подстрекательство из Вашингтона... Летом 1939 г. президент непрерывно предлагал мне подложить горячих углей под зад Чемберлену»¹.

Американский историк Ч. Тэнзилл высказал суждение, проливающее свет на мотивы американской политики: «...президент вовсе не хотел, чтобы война, которая начнется в Европе, закончилась столь быстро, что Соединенные Штаты не успели бы вмешаться. В сентябре 1938 г. против Гитлера могли бы выступить французская, английская, русская и чешская армии, которые разгромили бы его довольно быстро. К лету 1939 г. обстановка коренным образом изменилась: Россия заключила договор с Германией, а чешская армия исчезла. Война, начавшаяся в 1939 г., могла бы затянуться до бесконечности»².

Таким образом, и американский империализм несет долю ответственности за возникновение второй мировой войны. Это признавали, правда много лет спустя, ответственные политические деятели США. Конгрессмен Л. Джонсон (в 1963—1968 гг. президент США), выступая в конгрессе в 1947 г., говорил: «Франция могла остановить Гитлера, когда он вторгся в Саарскую область. Франция и Англия могли бы предотвратить оккупацию Австрии, а позднее не дать возможности нацистам захватить Чехословакию. Соединенные Штаты, Англия и Франция могли бы не допустить разгрома Польши, если бы была общая решимость остановить агрессию. Японию можно было бы остановить перед тем, как она вторглась в Маньчжурию, и, вне всяких сомнений, ее можно было бы остановить, когда она начала войну против Китая. Однако сирены умиротворения убедили нас, что происходящее в Европе или даже в мире нас не касается, и вследствие этого Франция была принесена в жертву замыслам фашистов, а судьба Англии решалась в небе над Лондоном»³. Соединенные Штаты Америки, так же как Англия и Франция, проводили политику поощрения агрессии, которая сыграла немалую роль в возникновении мирового военного конфликта.

Польша в годы, непосредственно предшествовавшие сентябрьской катастрофе, переживала резкое обострение и углубление всех противоречий общественной жизни. Система экономических, политических и идеологических отношений, сложившаяся к тому времени в стране, все больше обостряла кризис, назревавший в правящей верхушке.

В мае 1935 г. умер военный и политический диктатор страны Ю. Пилсудский. Последним государственным документом, подписанным им, была так называемая «апрельская конституция 1935 г.», которая открывала широкий путь дальнейшей фашизации страны. Государственная власть сосредоточилась в руках наиболее последовательных идеологических преемников «коменданта»: генерального инспектора вооруженных сил маршала (с 11 ноября 1936 г.) Э. Рыдз-Смиглы, президента И. Мосьцицкого, министра иностранных дел Ю. Бека и послушного исполнителя их приказов премьера Ф. Славой-Складковского, издавшего в июле 1936 г.

¹ The Forrestal Diaries. New York, 1951, p. 121—122.

² H. Barnes (Ed.). Perpetual War for Perpetual Peace. Caldwell, 1953, p. 171.

³ Congressional Record. Vol. 93, pt. 4, p. 4695—4696.

декрет, по которому фактически устанавливалась военная диктатура Рыдз-Смиглы.

Выражая интересы наиболее реакционных сил буржуазии и крупных землевладельцев, новая «смена караула» продолжала антинародную политику. В условиях нарастания военной опасности со стороны фашистской Германии, хронического разлада экономики, значительного господства в ней иностранного капитала, отсутствия нормальных отношений с Советским Союзом эти силы делали ставку на дальнейшую фашизацию страны, видя в этом средство для подавления революционных сил, перекладывания на плечи трудящихся всей тяжести экономического застоя. Именно с этим правящие круги Польши связывали реализацию своих давнишних анти-советских планов.

Решительное сопротивление польского народа вынуждало правящую верхушку тщательно скрывать свои истинные намерения и полагаться на поддержку международного империализма и внутренней реакции. Большие надежды в выполнении стратегических и тактических замыслов она возлагала на созданную в начале 1937 г. по инициативе Рыдз-Смиглы новую правящую политическую партию — лагерь национального единства (обуз зъєдночєня народового — ОЗН). Эта политическая партия была призвана предотвратить явно обозначившийся раскол в господствующей клике, упрочить ее власть и заменить окончательно скомпрометировавший себя так называемый беспартийный блок сотрудничества с правительством¹. Новая правящая партия, построенная по фашистскому образцу, являлась ударной силой польской реакции, за спиной которой стояла главная организация национального капитала — центральный союз польских промышленников («Левиафан»), тесно связанный с французским капиталом². ОЗН поддерживали и союзы польских помещиков.

Программа лагеря национального единства отличалась крайним национализмом, католическим клерикализмом и приверженностью к фашистским методам управления. Широко пропагандировались милитаризация страны, культ армии и нового «вождя народа» Рыдз-Смиглы. Милитаристская группировка не признавала политического и культурного равноправия национальных меньшинств, составлявших значительную часть населения Польши. Только в Западной Украине было закрыто 3518 украинских школ³; в Западной Белоруссии к 1939 г. не осталось ни одного печатного органа на белорусском языке. У крестьян были отобраны лучшие земли и отданы польским колонистам-осадникам⁴.

Программа националистов была пронизана ненавистью к коммунизму вообще и к первой стране социализма в особенности. Антисоветский курс нового правительства был продиктован также великодержавными устремлениями имущих классов и «ягеллонской идеей»⁵ создания Польши «от можа и до можа» («от моря и до моря»).

В решении задачи по укреплению единства народа в борьбе против наступления германского фашизма и внутренних сил реакции важную роль могли бы сыграть так называемые «оппозиционные» партии,

¹ Созданный перед выборами в сейм в 1928 г., этот блок сыграл существенную роль в процессе фашизации Польши. Распущен после смерти Пилсудского из-за разногласий и раскола в нем.

² J. Z a r n o w s k i. Społeczeństwo Polski międzywojennej. Warszawa, 1969, str. 151, 152.

³ История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1969, стр. 456.

⁴ Всего на территории Западной Украины и Западной Белоруссии существовало 40 тыс. осаднических хозяйств (История Украинской ССР, т. 2, стр. 455).

⁵ То есть идеей расширения территории Польши за счет захвата земель на востоке.

которых в предвоенной Польше насчитывалось несколько десятков. Однако в переломные 1935—1939 годы, когда решалась судьба дальнейшего развития страны, лагерь буржуазно-либеральных и социал-демократических партий легальной оппозиции не представлял единого целого. Вся деятельность этих партий проходила в ожесточенной борьбе за узкокорыстные программные и тактические цели. Объединяло их лишь одно — классовая ненависть к Советскому Союзу, международному и польскому рабочему движению. Правительственные круги умело использовали соглашательство и неспособность оппозиционных партий к решительным действиям.

В то же время особенно острые противоречия существовали между партиями легальной демократической оппозиции и эндеками — наиболее реакционной профашистской националистической партией «Стронництво народово», лидеры которой претендовали на руководящую политическую роль в стране, оспаривая ее даже у правящего лагеря, и пытались установить ничем не прикрытую фашистскую диктатуру. Это обстоятельство в ряде случаев вынуждало демократическую оппозицию объединять свои усилия с коммунистической и другими партиями в борьбе против эндеков.

Только Коммунистическая партия Польши (КПП) разработала реальную программу защиты государства от гитлеровской угрозы, фашизации страны и последовательно с позиций пролетарского интернационализма выступала за братский союз польского и советского народов. Компартии, находившейся в подполье, приходилось действовать в чрезвычайно трудной и сложной обстановке: ей противостояли объединенные силы буржуазной реакции, государственного аппарата, правого крыла социалистической и крестьянской партий. Кроме того, наиболее испытанные и закаленные в революционной борьбе партийные работники томились в тюрьмах и концентрационных лагерях¹.

В феврале 1936 г. состоялся IV пленум ЦК КПП, который обсудил вопрос о последовательном проведении линии VII конгресса Коминтерна². Обобщив опыт освободительного движения в Польше, пленум указал, что цели пролетарской борьбы против фашизма, реакции и войны совпадают с общенациональными интересами.

«Борясь против военных махинаций Бека и Гитлера, — говорилось в постановлении пленума, — наша партия защищает как мир, так и национальную независимость... мы — коммунисты — не позволим превратить нашу страну в плацдарм или в проходной коридор для гитлеровских генералов, стремящихся поработить как польский народ, так и народы Советского Союза»³.

V пленум ЦК КПП (февраль 1937 г.) подчеркнул, что «оборону Польши должен взять в свои руки польский народ. Польская армия... должна быть превращена в сознательного защитника независимости народа, освобожденного от фашистской диктатуры»⁴.

В результате последовательной и гибкой линии КПП и ее союзников развертывался фронт сопротивления антинародной внутренней политике буржуазно-помещичьего правительства. Под лозунгами народного фронта налаживалась совместная деятельность коммунистов, левых социалистов,

¹ По заниженным официальным данным правительства, в 1935 г. количество политических заключенных в Польше составляло около 16 тыс. человек, среди них большинство коммунистов (H. Zieliński. Historia Polski 1864—1939. Warszawa, 1968, str. 164).

² Dokumenty KPP 1935—1938. Warszawa, 1968, str. 121—126.

³ Цит. по: История Польши. Т. III. М., 1958, стр. 399.

⁴ KPP w obronie niepodległości Polski. Materiały i dokumenty. Warszawa, 1954, str. 342.

а также некоторых групп демократической интеллигенции. Более радикальным становилось крестьянское движение. Коммунистическая партия развернула борьбу по оказанию действенной помощи борющейся Испании. Реальным выражением интернационализма КПП явился тот факт, что в интернациональных бригадах под лозунгом «За вашу и нашу свободу!» сражались тысячи польских добровольцев. Под руководством коммунистов усилилось национально-освободительное движение в Западной Украине и Западной Белоруссии.

В период 1935—1938 гг. в стране развернулось мощное забастовочное движение и начались крестьянские волнения, часто перераставшие в вооруженные столкновения трудящихся с полицией и жандармерией. Революционные выступления трудящихся Польши основательно потрясли устои реакционного режима. Однако, поддержанный правыми политическими группировками, правыми лидерами польской социалистической и крестьянской партий, он удержался и продолжал свою антинародную политическую линию. Весной 1936 г. начались массовые репрессии против участников революционного движения. Осенью 1937 г. многочисленные организации профсоюзов, в которых коммунисты и левые социалисты пользовались значительным влиянием, были распущены. В 1938 г. спала волна забастовочного движения в городах (число бастующих сократилось до 268 тыс. человек вместо 675 тыс. в 1936 г.)¹.

Осенью 1938 г. в силу вступили декреты, ограничившие и без того урезанные до минимума гражданские права и свободы народа. Новыми законами предусматривалось наказание за «преступления в печати», «пораженческую пропаганду», то есть предусматривались репрессивные меры за распространение правды о последствиях антинародной внешней и внутренней политики санации, а также тюремное заключение за участие в забастовках на военных заводах, за организацию всеобщих и крестьянских стачек². В мае 1939 г. сейм принял закон о предоставлении президенту права издавать в период между сессиями чрезвычайные законы. Движимое страхом перед народом, польское правительство старалось ограничить публичные манифестации и митинги антигитлеровской направленности.

В 1936—1939 гг. правящие круги Польши осуществили ряд мероприятий по перестройке и расширению экономической программы, направленной на милитаризацию и подготовку страны к войне³. Решить эту проблему было весьма нелегко. Уровень производства основных отраслей тяжелой промышленности к концу 30-х годов не достигал даже показателей 1913 г., что видно из данных таблицы 12.

По технической оснащенности предприятий и уровню производительности труда Польша значительно отставала от наиболее развитых западноевропейских стран. В 1938 г. на одного жителя Польши приходилось промышленной продукции примерно в пять раз меньше, чем в Германии, Англии, Франции и Италии⁴. Производство и добыча важнейших видов стратегического сырья фактически контролировались иностранным капиталом. В 1939 г. доля его составляла в польской горнодобывающей (без нефтяной) и металлургической промышленности 63,6 процента, электротехнической — 74,2, химической — 76,2, нефтя-

¹ Mały rocznik statystyczny 1939. Warszawa, 1939, str. 284.

² Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964. T. 1. Warszawa, 1967, str. 548, 549.

³ Тенденция милитаризации страны была четко выражена в тезисах Рыдз-Смиглы от 30 ноября 1936 г. о переводе работы гражданских министерств на военные рельсы (Centralne Archiwum Wojskowe, Akta SeKOR, t. 3; E. K o z ł o w s k i. Wojsko Polskie 1936—1939. Próby modernizacji i rozbudowy. Warszawa, 1964, str. 31).

⁴ «Gospodarka planowa», 1968, № 7, str. 3.

Производство важнейших видов промышленной продукции Польши
(в тыс. тонн)¹

Виды сырья и продукции	Годы		
	1913	1932	1938
Железная руда	493	77	872
Чугун	1 055	199	879
Сталь	1 677	564	1 441
Цинк	192	85	108
Олово	45	12	20
Уголь	41 000	28 800	38 100
Нефть	1 114	557	507

ной — 89,9 процента². Производство цинка и олова почти полностью находилось в руках иностранных компаний. Цинком, добывавшимся в стране, распоряжались германские фирмы³. Кроме того, во все отрасли экономики Польши глубоко проникла тщательно замаскированная разведка различных империалистических государств, и прежде всего германская⁴.

Польская экономика, поставленная на службу подготовки к войне, была весьма уязвима из-за хронического недостатка стратегического сырья и материалов. Ежегодно Польша закупала за границей промышленного сырья в среднем на сумму более 500 млн. злотых, что составляло около 40 процентов стоимости всего импорта⁵.

Географическое расположение промышленных предприятий было исключительно неблагоприятным. В основном они размещались в районах, которые непосредственно прилегали к границе с фашистской Германией. Например, 67,3 процента всех промышленных и ремесленных предприятий находилось в зоне, расположенной к западу от Вислы и составлявшей лишь 30 процентов всей территории страны.

К началу войны доля сельского хозяйства в национальном доходе достигала 68 процентов⁶. В руках крупных помещиков (около 20 тыс. хозяйств) находилось 24,2 процента всей обрабатываемой земли, тогда как почти 3 млн. крестьянских хозяйств с наделом до 5 гектаров имели всего 17,2 процента⁷. Более 2 млн. крестьян и сельскохозяйственных рабочих совсем не имели земли⁸ и владели нищенское существование.

Начиная с 1936 г. руководство экономической подготовкой Польши к войне фактически было сосредоточено в руках генералитета. Организованный в 1936 г. комитет обороны Польши был обязан разрабатывать и рекомендовать правительству исходные данные для определения военной политики государства. На него возлагалась также задача координации всех мероприятий, проводимых в соответствии с мобилизационными планами⁹. Однако практически все эти задачи выполнял главный секре-

¹ Mały rocznik statystyczny 1939, str. 128—130.

² Ibid., str. 108.

³ Centralne Archiwum Wojskowe, O. I Sztabu Generalnego, SeKOR, str. 50.

⁴ T. Grabowski. Inwestycje zbrojeniowe w gospodarce Polski międzywojennej. Warszawa, 1963, str. 151—152.

⁵ Centralne Archiwum Wojskowe, O. I Sztabu Generalnego SeKOR, t. 16.

⁶ T. Rawski, Z. Stapor, J. Zamojski. Wojna wyzwolenia narodu polskiego w latach 1939—1945. Warszawa, 1966, str. 64.

⁷ M. Mieszczański. Struktura agrarna Polski międzywojennej. Warszawa, 1960, str. 329, 337.

⁸ Mały rocznik statystyczny 1939, str. 17.

⁹ Dziennik Ustaw RP, № 38, poz. 286.

тариат комитета обороны страны, входивший в состав главного штаба вооруженных сил. Таким образом, секретариат являлся основным правительственным органом по вопросам экономики, размещения и строительства объектов гражданской и оборонной промышленности и использования стратегического сырья¹.

В соответствии с планами перестройки промышленности и военного производства были разработаны четырехлетний план развития народного хозяйства Польши на 1936—1940 гг. и шестилетний план модернизации и развития вооруженных сил на 1936—1942 гг.

Основные объекты промышленного и военного производства предполагалось развернуть в районе, который польские правители называли «треугольником наибольшей безопасности» из-за его относительной удаленности от границ. Этот район, прикрытый с востока и запада водными рубежами Вислы и Сана, а с юга — Карпатскими горами, именовался центральным промышленным округом². На его территории в 1939 г. строилось 105 промышленных предприятий, не считая заводов и фабрик по производству вооружения. Однако к началу войны их строительство не было завершено³.

Программой модернизации и перевооружения армии предусматривалось расширение производства и освоение выпуска некоторых образцов вооружения, создание резервов оружия, боеприпасов, а также военнотехнического имущества. Большое место в планах отводилось увеличению огневой мощи вооруженных сил. Но значительное развитие танковой промышленности, а также моторизация армии из-за экономической слабости страны не предусматривались⁴. Для реализации этой программы требовалось 5—6 млрд. злотых⁵. Ежегодно на вооружение и армию в среднем предполагалось выделять до 1 млрд. злотых, в то время как фактически из военного бюджета страны можно было ассигновать максимум 150—200 млн. злотых⁶. Финансирование вооруженных сил Польши происходило за счет ограбления и эксплуатации трудящихся, увеличения как прямых, так и косвенных налогов, а также путем увеличения государственного долга и иностранных займов.

В 1936 г. Франция предоставила Польше заем на проведение комплекса военно-экономических мероприятий общей суммой свыше 2 млрд. франков (около 500 млн. злотых)⁷. Реализация этого займа происходила очень медленно. Так, в соответствии с договором первые зенитные орудия для Польши Франция должна была направить 15 декабря 1939 г., а завершить поставки лишь в 1942 г. К началу немецко-фашистского вторжения в Польшу французская материальная помощь была реализована только на 13 процентов⁸. Непосредственно накануне войны Польша получила от Франции дополнительный заем; на основе его было поставлено 50 легких танков⁹, которыми удалось укомплектовать один танковый батальон. За несколько недель до начала войны был подписан договор

¹ Centralne Archiwum Wojskowe, akta Departamentu Artylerii M S Wojsk., 1936, t. 20.

² Общая площадь округа составляла 59 935 кв. км, или 15,4 процента всей территории Польши (H. R a d o s k i. Centralny Okręg Przemysłowy w Polsce. Warszawa, 1939, str. 25).

³ «Wojskowy przegląd historyczny», 1971, № 3, str. 253.

⁴ E. K o z ł o w s k i. Wojsko Polskie 1936—1939, str. 25—27.

⁵ Доклад начальника главного штаба Войска Польского по вопросу развития вооруженных сил. Приложение № 18 (Centralne Archiwum Wojskowe, akta Szefa Sztabu Głównego, t. 59); График стоимости военного строительства начиная с 1938 г. (i b i d., t. 69; M. T u r l e j s k a. Rok przed klęską, str. 299).

⁶ E. K o z ł o w s k i. Wojsko Polskie 1936—1939, str. 40.

⁷ Wojna obronna Polski 1939. Wybór źródeł. Warszawa, 1968, str. 74, 76, 105.

⁸ Polskie Siły Zbrojne w II wojnie światowej. T. I. Cz. I. Londyn, 1951, str. 175.

⁹ W. I w a n o w s k i. Wojna obronna Polski 1939 r. Warszawa, 1964, str. 17—19.

с Англией на приобретение вооружения и военно-стратегических материалов в кредит на сумму 8 млн. фунтов стерлингов¹. Получить что-либо с Британских островов Польша не успела.

Медлительность в реализации займов свидетельствовала о том, что английское и французское правительства на деле не были склонны помочь Польше в случае войны. Они и по отношению к ней проводили мюнхенскую политику.

Тем не менее меры, принятые по перестройке промышленности на военный лад, позволили повысить производство в 1935—1939 гг. примерно на 10 процентов в год². Однако к началу фашистского нападения Польша не достигла главной цели — обеспечения мобилизационных потребностей армии — и была далека от реализации основных заданий военных экономических планов. Военное производство едва обеспечивало текущие потребности армии мирного времени.

Несмотря на то что угроза гитлеровской агрессии против Польши становилась все более очевидной, буржуазно-помещичье правительство продолжало руководствоваться доктриной антикоммунизма, не отказываясь от поиска путей сотрудничества с наиболее агрессивными силами Европы. Продолжая претендовать на роль равноправного партнера в готовившемся антисоветском походе, польская реакция была не прочь поживиться за счет народов соседних стран. Готовя почву для вторжения в Литву, польская пропаганда усиленно муссировала спровоцированный самой польской стороной инцидент на польско-литовской границе в марте 1938 г. Вступление гитлеровцев в Вену сопровождалось истерическими призывами польских шовинистов, обращенными к Рыдз-Смиглы: «Веди нас, вождь, на Ковно!» Польское правительство благожелательно отнеслось к гитлеровскому плану захвата Австрии, а затем не преминуло принять участие в разделе Чехословакии и оказало помощь хортистской Венгрии в оккупации Закарпатской Украины.

Заветной мечтой польских реакционеров было участие в вооруженном походе против Советского Союза. В докладе «двуйки» — 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска Польского, составленном в декабре 1938 г., подчеркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна оставаться пассивной в этот знаменательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»³.

Польский народ на примере мюнхенского сговора распознал реальную опасность утраты его страной национальной независимости и государственной самостоятельности, превращения в колонию «третьего рейха». Вскрылось полное банкротство прежней ставки правительства на антисоветский блок с гитлеровской Германией и губительность такой ставки для судеб Польши. Однако даже в этот решающий момент реакционные правящие круги страны не пожелали учесть веление времени и пойти на коалицию с Советским Союзом. Теперь они рассчитывали на поддержку Англии и Франции, с которыми укрепляли союзные отношения.

Несмотря на необоснованный роспуск КПП, идейно выдержанный ее костяк сохранял верность ленинским принципам интернационализма и продолжал борьбу за национальные интересы страны. Польские коммунисты принимали активное участие в деятельности легальных рабочих

¹ M. Turlejska. Rok przed klęską, str. 335.

² «Wiadomości statystyczne», 1939, № 7.

³ Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. T. III. Warszawa, 1968, str. 262, 287.

и демократических организаций, особенно профсоюзов, культурно-просветительных учреждений, демократических клубов, низовых организаций крестьянской партии. Позиция коммунистов, а также левых социалистов существенным образом повлияла на то, что за несколько месяцев до нападения Германии на Польшу проявилось решительное стремление трудящихся к активной борьбе во имя защиты независимости страны, к действенному отпору фашистской агрессии. В эти трагические для польского народа дни рабочий класс проявил высокую сознательность и дисциплинированность. В конце августа 1939 г. трудящиеся спешно копали противотанковые рвы и строили бомбоубежища. 27 августа только в Варшаве на эти работы вышло 20 тыс. человек, а спустя два дня — уже 40 тыс.¹ Находившиеся в заключении коммунисты требовали у тюремной администрации допустить их к активному участию в оборонительных работах².

* * *

Взаимоотношения Англии, Франции, США и Польши в конце 30-х годов обуславливались как империалистической внутренней политикой правящих кругов этих стран, так и прежде всего все более зримой опасностью развязывания гитлеровской Германией и ее союзниками новой мировой войны. Уже в эти годы начинают складываться основы военного союза между Англией, Францией и Польшей.

В связи с отказом Германии от локарнских соглашений и ремилитаризацией Рейнской зоны Англия и Франция 19 марта 1936 г. заключили соглашение о двусторонних гарантиях. После захвата Германией Чехословакии и в связи с усилившейся угрозой гитлеровской агрессии против Польши в двадцатых числах марта 1939 г. Англия и Франция обменялись нотами, в которых содержались взаимные обязательства об оказании друг другу помощи в случае нападения на одну из стран³. Тогда же была окончательно достигнута договоренность о взаимной военной помощи в случае нападения Германии на Голландию или Швейцарию. Так, незадолго до второй мировой войны был сделан новый шаг в оформлении англо-французского военно-политического союза. 31 марта Англия предоставила гарантии Польше.

В отношении сотрудничества с Советским Союзом французская дипломатия заняла крайне пассивную позицию. Нарком иностранных дел СССР Литвинов 4 апреля 1939 г. писал: «Франция, поскольку дело нас касается, как будто совершенно ступсевалась, предоставив даже разговоры с нами одной Англии»⁴.

Весной и летом 1939 г. между Англией, Францией и США состоялись предварительные тайные переговоры о сотрудничестве в случае войны. На англо-французском совещании генеральных штабов 4 апреля 1939 г. было решено: «Уже теперь, в мирных условиях, как и позднее во время войны, следует использовать все дипломатические возможности для обеспечения благожелательного нейтралитета или активной поддержки других держав, особенно США»⁵. В марте Лондон предупреждал Вашингтон, что обострение обстановки в Европе не даст возможности Англии отправить флот на Дальний Восток⁶. В апреле эту позицию поддержал Париж: если английский средиземноморский флот отправится на свою базу в Син-

¹ Cywilna obrona Warszawy we wrześniu 1939 r. Dokumenty, materiały prasowe, wspomnienia i relacje. Warszawa, 1964, str. 4.

² Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964, t. 1, str. 553—554.

³ DBFP. Third series, vol. IV, p. 423—427, 457—463.

⁴ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, стр. 304.

⁵ J. Butler. Grand Strategy. Vol. II. London, 1957, p. 11.

⁶ FRUS, 1939, vol. I, p. 88, 123.

гапур, Франция не сможет принять участия в войне в случае агрессии Германии. Учитывая эти обстоятельства, в апреле 1939 г. по приказу Рузвельта американский флот на Тихом океане получил подкрепление. Тем самым США, заботясь прежде всего о собственных интересах, в какой-то степени хотели обеспечить позиции Англии и Франции.

В июле 1939 г. по приглашению президента Рузвельта Соединенные Штаты с большой помпой посетила королевская чета Англии. Этот визит был задуман как демонстрация солидарности Великобритании и США в международных делах. В ходе переговоров стороны детально обсудили предложение президента: с началом военных действий вести патрулирование кораблями военно-морского флота США Западной Атлантики, а для этого Великобритания должна предоставить американцам базы в своих владениях в Западном полушарии¹.

В конце июля — начале августа 1939 г. в США находилась секретная миссия лорда Ривердаля, обсуждавшая проблему экономического сотрудничества во время войны. Было достигнуто принципиальное соглашение о том, что продукция американской военной промышленности будет распределяться между Англией и США в соотношении 3 : 5. Подводя итоги этих переговоров, Ривердаль заключил: «В целом английские заявки в течение двух ближайших лет могут быть удовлетворены, если США не вступят в войну, а Англия изыщет доллары для их оплаты»².

Резкое осложнение международной обстановки весной и летом 1939 г. со всей остротой поставило вопрос о позиции Франции в отношении Польши. Национальные интересы страны и давление общественности вынудили министра иностранных дел Боннэ подтвердить верность Франции договорам, заключенным ею с Польшей и Румынией. В мае 1939 г. было подписано франко-польское соглашение (протокол Гамелена — Каспритцкого), предусматривавшее взаимную военную помощь в случае германской агрессии против Франции или Польши, а также материальную и финансовую помощь со стороны Франции в целях «укрепления польской армии и развертывания польской военной промышленности»³. Но по настоянию Боннэ из соглашения был исключен пункт об оказании Польше «автоматической военной помощи всеми родами войск»⁴. Таким образом, этот протокол, по словам Гамелена, «не имел никакой ценности» и «нисколько не связывал» Францию, а неоднократные заявления Боннэ о сохранении обязательств по оказанию помощи Польше, по его собственному признанию в беседе с тогдашним германским послом в Париже Вельчеком, были предназначены лишь для «внутреннего потребления»⁵.

Последовательно проводя эгоистически классовую империалистическую политику, игнорируя коренные интересы своих наций, правители Англии, Франции, США и Польши, мечтавшие об уничтожении Страны Советов, сорвали попытки прогрессивных сил организовать коллективный отпор гитлеровской Германии и фактически расчищали дорогу все более наглежащему фашистскому агрессору.

¹ J. Wheeler-Bennett. King George VI. London, 1958, p. 391—392.

² H. Hall. North American Supply. London, 1955, p. 67, 43.

³ J. de Launay. Histoire contemporaine de la Diplomatie secrète (1914—1945), p. 344, 345.

⁴ M. Gamelin. Servir. Le prologue du drame, p. 423; G. Bonnet. Le Quai d'Orsay sous trois Républiques 1870—1961. Paris, 1961, p. 267.

⁵ Les Archives secrètes de la Wilhelmstrasse. T. IV. Paris, 1961, p. 346.

СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК

1. Военные доктрины стран фашистского блока

Состояние вооруженных сил стран фашистского блока — Германии, Италии, Японии — обуславливалось многими факторами. Не в последнюю очередь оно зависело от характера их военных доктрин¹, которые определяли основные направления строительства вооруженных сил и способы их боевого использования.

Военные доктрины Германии, Италии и Японии, имея общие черты, присущие всем империалистическим державам, обладали своими особенностями.

Сущность и основное содержание военной доктрины каждого государства определяется прежде всего политикой его господствующего класса. М. В. Фрунзе писал: «...характер военной доктрины, принятой в армии данного государства, определяется характером общей политической линии того общественного класса, который стоит во главе его»². На формирование военных доктрин государств оказывают влияние экономические возможности страны, состояние военно-технической базы, политико-географическое и военно-стратегическое положение ее в системе других держав, исторические и национальные особенности, военные традиции народа, участие государства и его вооруженных сил в прошлых войнах (особенно первой мировой) и оценка их опыта.

В содержании военных доктрин империалистических держав учитывался и такой важнейший социально-политический элемент, как существование и укрепление первого в мире социалистического государства — Советского Союза.

Военная доктрина фашистской Германии была наиболее полно разработанной и занимала ведущее положение среди доктрин стран фашистского блока. Решающую роль в выработке доктринальных положений сыграли высшие военно-политические руководители «третьего рейха»: Гитлер, Геринг, Бломберг, Браухич, Рейхенау, Кейтель, Иодль, Фрич, Бек и Редер. Они опирались на работы немецких военных теоретиков (А. Шлиффена, Э. Людендорфа, Ф. Бернгарди, Х. Риттера, Г. Золдана, Э. Бухфинка, Х. Метцша, О. Грооса, Г. Ветцеля, Ф. Кохенхаузена,

¹ Понятие «военная доктрина» включает в себя выработанные и принятые политическим и военным руководством взгляды по вопросам характера и целей предстоящей войны, способов ее подготовки и ведения. Военная доктрина представляет органическое единство социально-политических и собственно военных (военно-технических) концепций, причем методы подготовки и ведения вооруженной борьбы находятся в прямой зависимости от социально-политических целей войны.

² М. Ф р у н з е. Избранные произведения. М., 1954, стр. 148.

Л. Эймансбергера, Г. Гудериана, В. Эрфурта¹ и других), на исследования и разработки генштабистов (Цейцлера, Варлимонта, Штюльпнагеля, Гальдера, Манштейна, Паулюса, Хойзингера, Вильберга, Вефера, Каммхубера и других). Немецкая доктрина учитывала также и новое в военной теории и практике строительства вооруженных сил Англии, Франции, Италии, Японии, США. По ряду оперативно-стратегических и тактических вопросов имелись заимствования у советской военной мысли. Положения доктрины фашистской Германии излагались в директивах, военных планах, ежегодных стратегических указаниях верховного командования вермахта, выступлениях Гитлера на совещаниях генералитета², а также в меморандуме ОКВ от 19 апреля 1938 г. «Руководство войной как проблема организации» и приложении «Какова война будущего?»³

Социально-политическая основа немецко-фашистской военной доктрины определяла захватнические замыслы, изложенные Гитлером в книге «Майн кампф». С приходом нацистов к власти эта библия фашизма превратилась в государственную программу, для реализации которой руководство «третьего рейха» стремилось использовать все средства, и главным образом военные. Гитлеровцы, действуя прежде всего в интересах наиболее хищнических и агрессивных групп германского империализма, выдвинули широкую программу завоеваний, которая в конечном счете сводилась к установлению мирового господства.

Решающим этапом на пути к европейской и мировой гегемонии нацисты считали уничтожение Советского Союза, завоевание «жизненного пространства» на Востоке. Гитлер писал: «если мы ныне и говорим о новых земельных владениях в Европе, то речь идет прежде всего о России и подвластных ей окраинных государствах». Последовательность этапов борьбы за мировое господство достаточно четко выражена в следующем заявлении фюрера: «Ничто не удержит меня от того, чтобы напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на Западе. Мы пойдем на эту борьбу. Она раскроет перед нами ворота к длительному господству над всем миром». В секретном меморандуме от 26 августа 1936 г. об основных задачах «четырёхлетнего плана» рейхсканцлер Германии обосновывал форсированную подготовку экономики страны к войне неизбежностью «исторического столкновения» с Советским Союзом⁴.

¹ A. Schliffen, Cannae, Berlin, 1913, E. Ludendorff, Kriegführung und Politik, Berlin, 1922, E. Ludendorff, Der totale Krieg, München, 1935, F. Bernhardt, Vom Kriege der Zukunft, Berlin, 1920, H. Ritter, Der Krieg der Zukunft, Leipzig, 1931, G. Soltan, Der Mensch und die Schlacht der Zukunft, Oldenburg, 1925, E. Buchfink, Der Krieg von Gestern und Morgen, Langensalza, 1930, H. Metzsch, Krieg als Saat, Breslau, 1934, G. Wetzell, Der Bündniskrieg, Berlin, 1937, F. Cöchenhausen, Die Truppenführung, 9. Aufl., Berlin, 1934, L. Eimansberger, Der Kampfwagenkrieg, München, 1934, H. Guderian, Achtung — Panzer, Stuttgart, 1937, W. Erfurth, Die Überraschung im Kriege, Berlin, 1938, W. Erfurth, Der Vernichtungssieg, Berlin, 1939.

² Важнейшие из этих документов: Reichsverteidigungsgesetz vom 21. Mai 1935, «Weisung für die einheitliche Kriegsvorbereitung der Wehrmacht» vom 26. Juni 1936, 24. Juni 1937, 3. April 1939, «Weisung № 1» und «Weisung № 2» vom 11. März 1938, Die Weisung «Aufmarsch Grün» vom 30. Mai 1938. F. Hossbach, Niederschrift über die Besprechung in der Reichskanzlei am 5. November 1937, Aufzeichnung über die Besprechung in der Reichskanzlei am 23. Mai 1939, Aufzeichnung über Hitlers Ansprache am 22. August 1939.

³ IMT, vol. XXXVIII, p. 38—50, Г. Ферстер, Г. Гельмерт, Г. Отто, Г. Шниттер, Прусско-германский генеральный штаб 1640—1965. Его политическая роль в истории. Перевод с немецкого М., 1966, стр. 483—485. О военной доктрине фашистской Германии см. также W. Wunsche, Strategie der Niederlage, Berlin, 1961, G. Forster, Totaler Krieg und Blitzkrieg, Berlin, 1967.

⁴ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1955, H. 2, S. 204.

Развивая тезис «о необходимости» разбить СССР любыми методами, Гитлер заявил, что «потомки не спросят нас», какими методами или в соответствии с какими нынешними представлениями мы действовали, а лишь о том, чего мы добились¹.

Для нападения на СССР гитлеровцы считали необходимым иметь следующие предпосылки: во-первых, выдвинуться к его границам и создать плацдарм для вторжения вермахта; во-вторых, обеспечить свой тыл на Западе, устранив главных соперников в борьбе за гегемонию в Европе; в-третьих, усилить экономический и военный потенциал рейха, улучшить его стратегическое положение путем захвата европейских стран или превращения их в своих сателлитов. Одной из важных предпосылок в войне с СССР гитлеровцы считали подрыв его изнутри. В беседе с главой белогвардейцев-мусаватистов Эмин-беем в мае 1939 г. представитель иностранного отдела фашистской партии особенно интересовался «степенью сопротивляемости и наличием национальной воли у народов Советского Союза»². Но при всей своей авантюристичности гитлеровская клика вынуждена была считаться с огромными успехами, достигнутыми в стране победившего социализма. Поэтому на первом этапе более посильной задачей гитлеровцы считали разгром Франции и Англии.

Идея уничтожения «смертельного врага» — Франции (как предварительное условие похода на Восток) довольно подробно освещается в книге «Майн кампф». На секретном совещании 5 ноября 1937 г. Гитлер заявил командованию вермахта: «Для Германии вопрос стоит так: где можно добиться максимального выигрыша ценой наименьших потерь? Германские политики должны считаться с наличием двух заклятых врагов: Англии и Франции, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом на глазу. Оба эти государства выступили бы против дальнейшего усиления Германии как в Европе, так и вне ее...»³

Перед решающим столкновением с западными противниками политическое и военное руководство рейха стремилось максимально использовать антисоветскую позицию правящих кругов этих империалистических держав для захвата соседних малых и больших стран. Только слепая ненависть реакционеров-мюнхенцев к коммунизму помешала им разглядеть всю опасность проводимой ими политики попустительства фашистской агрессии для европейских народов, в том числе и народов государств, которые они представляли.

В то же время налицо было явное несоответствие вынашиваемых руководством фашистской Германии политических целей и имевшихся в его распоряжении экономических и военных средств. Именно в этом выражался крайний авантюризм немецко-фашистской политики и стратегии. В какой-то мере руководящие деятели рейха и командование вермахта сознавали это несоответствие. Даже Гитлер неоднократно признавал рискованность пути, на который вступило государство. Тем не менее лидеры германского империализма всячески стремились обосновать необходимость завоевательной политики. 5 ноября 1937 г. фюрер заявил следующее: «Мы живем в век экономических империй, в котором стремление к захвату колоний порождается теми же причинами, что и завоевание земель в прошлом. Экономические мотивы Японии и Италии являются основой их стремления к экспансии. Экономические потребности Германии также ведут к этому... Единственным выходом, представляющимся нам, быть может, мечтой, является приобретение

¹ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1955. Н. 2, S. 205.

² ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7062, л. 100.

³ IMT, vol. XXV, p. 406.

обширного жизненного пространства... А всякое расширение пространства происходит только путем преодоления сопротивления, притом с риском, что доказано историей всех времен, в том числе Римской империи и Британской империи. Неизбежны также и неудачи. Ни раньше, ни сейчас не было и нет территории без хозяина, нападающий всегда наталкивается на владельца... Для разрешения германского вопроса существует только путь насилия, который никогда еще не обходился без риска»¹.

Авантюризм в политике и стратегии «третьего рейха» буржуазные историки, особенно западногерманские, приписывают, как правило, личности фюрера, пытаясь таким образом реабилитировать немецких монополистов и генералитет вермахта. Однако глубокий анализ экономических, политических и духовных процессов в Германии XX столетия показывает, что первопричина агрессивной авантюристической политики этого государства кроется прежде всего в крайне экспансионистских и реваншистских устремлениях монополистического капитала, юнкерства и военщины, вызвавших к жизни и приведших к власти гитлеровскую партию, ее руководителей, которые и попытались воплотить эти устремления в жизнь с крайним фанатизмом и самыми жестокими методами по отношению к другим народам.

Борьба господствующей верхушки Германии за власть привела к тому, что к руководству государством и вооруженными силами пришло наиболее авантюристическое крыло германского империализма, а относительно трезво мыслящим политикам и стратегам пришлось отойти на задний план или же «перевоспитаться».

Анализ особенностей военной доктрины и строительства вермахта дает ответ на вопрос, на что рассчитывали гитлеровцы, пытаясь осуществить свои сумасбродные планы. Эти расчеты, несмотря на ограниченные природные, экономические и людские ресурсы Германии, основывались на таких предположениях: превосходстве над противниками в тотальной² подготовке страны и вооруженных сил к войне, внезапности и молниеносности проведения кампаний, последовательном разгроме противников поодиночке, максимальном использовании союзников по агрессии. В соответствии с этим концепции тотальной и «молниеносной войны» составляли основное содержание и суть немецко-фашистской военной доктрины.

Идеи тотальной войны легли в основу меморандума «Руководство войной как проблема организации». В этом официальном документе верховного командования вермахта принципы подготовки и ведения будущей войны рассматривались как «принципы тотальной войны»³. Авторы документа, прежде всего Кейтель и Иодль, определили войну как «насильственное разрешение спора между двумя или несколькими государствами всеми имеющимися силами» и считали ее «законом природы, который можно ограничить, но нельзя устранить, ибо война служит делу сохранения нации и государства или обеспечивает их историческое будущее. Эта высокая моральная цель придает войне тотальный характер и служит ее нравственным оправданием. Она ставит войну выше чисто политического акта и выше военного поединка из-за экономических выгод. Испол-

¹ IMT, vol. XXV, p. 405—406, 408.

² Тотальный (от total (франц.) — весь, полный) — всеохватывающий, всеобъемлющий, полный. В 1939 г. ежегодник германского общества военной политики и военных наук к основным признакам тотальной войны относил «тотальность участия всех слоев населения в войне, тотальность охвата всех сфер жизни народа и тотальность использования всех средств войны» (Jahrbuch für Wehrpolitik und Wehrwissenschaften 1939. Hamburg, 1939, S. 93).

³ IMT, vol. XXXVIII, p. 37.

зование военной мощи, военная добыча и потери приобретают невиданные донные размах и значение. В конечном итоге проигранная война угрожает государству и народу не только ущербом, но и уничтожением»¹.

Рассматривая войну как «борьбу за существование» государств и каждого человека в отдельности, командование вермахта пыталось обосновать идею тотальной мобилизации всех сил нации на подготовку и ведение агрессивной войны: «Поскольку в такой войне каждый человек может все обрести и все потерять, он должен отдать войне все силы. Тем самым понятие всеобщей воинской повинности расширяется и приобретает значение всеобщего участия в войне. Это означает прекращение на время войны всякой частной деятельности и подчинение всех форм проявления государственной и частной жизни одному руководящему принципу — «все для победы»².

Эти исходные положения определяли практическую деятельность не только военных, но и всех фашистских организаций и органов — государственных, партийных, общественных. Не только в военное, но и в мирное время все должно работать на войну — вот важнейший из этих принципов, основанный на стремлении нацистов вести всеобъемлющую и решительную борьбу на уничтожение целых народов и государств. В секретном меморандуме от 26 августа 1936 г. Гитлер указывал: «Масштабы и темпы военного использования наших сил должны быть максимально большими и быстрыми... Если нам не удастся в кратчайший срок превратить наши вооруженные силы в смысле боевой подготовки, количества соединений, технического оснащения и в первую очередь идейного воспитания в самую сильную армию в мире, то Германия погибнет. В данном случае действует принцип: что будет упущено за несколько месяцев в условиях мира, невозможно будет наверстать и в течение столетий. Поэтому перед этой задачей все другие требования должны отступить на задний план»³.

Тотальная милитаризация страны дала свои результаты: уже к 1939 г. «третья империя» оказалась по ряду показателей несравненно более подготовленной к войне, чем другие буржуазные государства.

Принцип тотальности требовал решительного и беспощадного применения всех самых диких, варварских и бесчеловечных средств и методов ведения военных действий для сокрушения противника, не считаясь с обычаями и международными правовыми нормами и не принимая во внимание соображения гуманности. В меморандуме ОКВ указывалось: «Война ведется всеми средствами: не только оружием, но и при помощи пропаганды и экономики. Она направлена против вооруженных сил врага, против материальных источников его мощи и духовных сил народа. При нужде все средства хороши — вот ее руководящий принцип»⁴. Гитлер подобный принцип выразил так: «Когда начинают и ведут войну, значение имеет не право, а победа... Право же на стороне сильного»⁵.

Эти установки открывали дорогу тягчайшим, массовым преступлениям немецко-фашистской военщины против человечества. Верховное командование вермахта сознательно готовилось применить самые изуверские методы ведения войны и задолго до нее изыскивало способы сокрытия и оправдания их. В октябре 1938 г. ОКВ подготовило и разослало

¹ IMT, vol. XXXVIII, p. 48.

² *Ibid.*, p. 48—49.

³ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1955, H 2, S. 205.

⁴ IMT, vol. XXXVIII, p. 49.

⁵ Geheime Kommandosache. Hinter den Kulissen des zweiten Weltkrieges. Bd. I. Stuttgart — Zürich — Wien, 1965, S. 18.

соответствующим инстанциям руководство, в котором подробно разъяснялось, какие аргументы следует использовать для оправдания нарушений международных конвенций по вопросам военного права. Террор против гражданского населения, обстрел невоенных объектов, нарушение суверенитета нейтральных стран, Женевской конвенции об обращении с военнопленными и другие противозаконные действия рекомендовалось объяснять «военной необходимостью». В то же время предписывалось выявлять малейшие нарушения международных соглашений по вопросам ведения войны со стороны противника и всячески использовать это в своей пропаганде¹.

Гитлеровцы считали, что истребление населения других стран даст им преимущество в войне и приведет к «радикальному решению» проблемы «жизненного пространства» для рейха. На деле же применение преступных методов по отношению к другим народам вызывало такую реакцию протеста, силу которой гитлеровцы, по-видимому, недооценили.

Античеловеческие методы войны, необузданный террор на оккупированной территории вытекали из политической и военной доктрины фашизма, и поэтому попытки западногерманской мемуарной, военно-исторической и юридической литературы оправдать преступления вермахта, его генералитета ссылками на «военную необходимость» являются совершенно несостоятельными. Так же лживы и распространяемые ими утверждения, будто исход войны мог бы оказаться иным, если бы гитлеровцы придерживались норм международного права и проводили «более гибкую» оккупационную политику. Но уже война в Эфиопии и Испании, а затем первые шаги народного сопротивления в Чехословакии показали, что никакая политика оккупантов не в состоянии сломить волю народов к национальной независимости и свободе.

Германские милитаристы, учитывая печальный опыт первой мировой войны, не питали больших иллюзий относительно способности населения своей страны, а тем более ее экономики выдержать испытания длительной войны на два фронта против мощной коалиции². Однако лишь немногие из них разделяли взгляды генерал-полковника Л. Бека, считавшего необходимым до поры до времени избегать большой войны, делая ставку на постепенное достижение захватнических целей по мере роста могущества вермахта. Такая осторожная тактика не устраивала наиболее агрессивные круги германского империализма. В 1938 г. произошла перетасовка в руководстве вермахта, в результате которой «медлителям» и «всезнайкам», как «заклеймил» их Гитлер, пришлось оставить свои посты; ключевые позиции полностью оказались в руках тех, кто был готов пойти на все.

Готовность германских милитаристов идти на агрессивные акции большого масштаба возрастала по мере того, как они проникались верой в способность вермахта вести быстротечные победоносные кампании. Концепция «молниеносной войны» подавала надежду на успешное разрешение тех острых военных проблем, над которыми германские стратеги настойчиво ломали голову в межвоенный период, а именно: как выиграть войну против более сильных в военном и особенно экономическом отношении противников; как исключить вероятность одновременной борьбы на нескольких фронтах; как избежать изнурительной позиционной борьбы, поскольку к длительной войне Германия, по имеющемуся опыту, была не способна; чем возместить недостаточный экономический потенциал страны, как добиться укрепления материальной базы; как поддерживать моральный дух армии и населения в ходе войны.

¹ IMT, vol. XXXIV, p. 148.

² G. F ö r s t e r. Totaler Krieg und Blitzkrieg, S. 70—71, 80.

Хотя основные идеи и положения «молниеносной войны» разрабатывались длительное время и находились в центре внимания генерального штаба и военных теоретиков, вплоть до 1936—1938 гг. в них отсутствовали важные звенья, без которых все теоретические построения носили проблематичный характер и у ряда видных немецких военных деятелей вызывали сомнения в возможности практического их применения. Развернувшаяся в середине 30-х годов в военной печати дискуссия о роли пехоты, артиллерии и танков в будущей войне в известной мере отражала эти сомнения. В 1936 г. в одном из военно-теоретических журналов высказывалось мнение: развитие вооружений в течение последнего десятилетия пока не дает оснований утверждать, что будущая война станет маневренной, а не позиционной¹. И только когда были выявлены и проверены на практике в Эфиопии, Испании, Китае, в агрессивных акциях против Австрии и Чехословакии новые оперативно-тактические формы применения танковых и моторизованных войск во взаимодействии с авиацией, концепция блицкрига² получила полное признание и как важнейшая составная часть военной доктрины определила основные направления строительства вермахта. Окончательное утверждение идеи оперативного использования танковых масс в наступлении и превращение ее в один из важнейших элементов немецко-фашистской военной доктрины нашли свое выражение в директиве по руководству и боевому использованию танковой дивизии от 1 июня 1938 г. Если в полевых уставах германской армии, вышедших в 1933—1937 гг., использование танков не мыслилось без тактического взаимодействия с пехотой, то указанная директива исходила из необходимости широкого оперативного применения танковой дивизии в наступлении³.

Идеи и принципы «молниеносной войны» были положены в основу всех стратегических планов фашистской агрессии, начиная с «Отто», «Грюп» и «Вайс».

Концепция блицкрига нашла свое выражение в установочных положениях немецко-фашистской военной доктрины, определявших как общую стратегию большой войны за осуществление важнейших политических целей германского империализма, так и оперативно-стратегические и тактические методы проведения военных кампаний, а также организацию, вооружение, боевую и морально-психологическую подготовку вооруженных сил.

Стержнем военной стратегии фашистского руководства являлось нанесение последовательных ударов по противникам с целью разгрома их одного за другим. Предполагалось самое широкое использование не только военных средств, но и различных методов из арсенала политики, дипломатии, пропаганды. Среди них наиболее излюбленными были шантаж, вероломство, обман, провокации, клевета, игра на противоречиях между государствами, а внутри них — между различными политическими партиями и народностями, лицемерные заверения в мирных намерениях и дружбе с целью усыпить бдительность страны, на которую организуется очередное нападение; целенаправленная пропаганда, экономическое и политическое давление, угрозы применения военной силы, подрывная деятельность и, наконец, убийства тех иностранных политических деятелей и дипломатов, которые пытались направить политику своего государства вразрез с интересами рейха.

¹ «Militärwissenschaftliche Rundschau», 1936, Н. 9, S. 607.

² Термин «Blitzkrieg» («молниеносная война») начал широко употребляться в печати фашистской Германии с 1939 г. До этого предпочтение отдавалось терминам «быстротечная война», «подвижная война», «война на сокрушение».

³ Richtlinien für Führung und Einsatz der Panzerdivision vom 1. Juni 1938. Berlin, 1938, S. 7.

Глубоко заблуждаются те буржуазные военные историки и мемуаристы, которые утверждают, будто гитлеровцы недооценивали средства политики и дипломатии и только потому в конце концов оказались перед перспективой безнадежной борьбы против превосходящей военной коалиции. В действительности они довольно ловко использовали эти средства и длительное время добивались «бескровных побед», ликвидировав Версальский договор, захватив Австрию, Чехословакию, Саарскую и Мемельскую области.

Таким путем нацисты значительно улучшили экономическое и военно-стратегическое положение «третьей империи» и, осуществив свои ближайшие задачи, создали важнейшие предпосылки для перехода к следующему этапу борьбы за мировое господство.

Фашистско-милитаристские вожаки намечали наращивать силу ударов вермахта по принципу снежной лавины. Это была коварная и опасная для народов всего мира стратегия, поскольку после каждой успешно проведенной вермахтом блицкампании его ударная сила значительно возрастала, а экономические ресурсы оккупированных стран поступали в распоряжение гитлеровцев для осуществления агрессивных акций против других государств.

При подготовке и проведении молниеносных военных нападений особое внимание обращалось на использование благоприятной политической и стратегической обстановки, заблаговременное сосредоточение превосходящих сил и средств на направлении главного удара, упреждение противника в стратегическом развертывании войск и обеспечение полной внезапности.

Уже в 1937 г. политическое и военное руководство Германии считало свои вооруженные силы способными использовать любой благоприятный момент для осуществления агрессивной акции. В связи с этим в директиве о единой подготовке вермахта от 24 июня 1937 г. прямо указывалось, что вермахт должен быть готовым «начать войну внезапным нанесением сильного удара»¹.

Развивая данные положения, Гитлер в директиве, составившей основу плана «Грюн», указывал: «Неизбежное развитие условий внутри самой Чехословакии или другие политические события в Европе, которые, возможно, больше никогда не создадут такой ситуации, могут меня заставить выступить раньше намеченного срока. Правильный выбор и решительное использование благоприятного настоящего момента являются наиболее надежной гарантией для достижения успеха»². Гитлеровцы не только выжидали благоприятного момента для агрессии, но и всеми средствами, в том числе самыми провокационными и гнусными, стремились создать его. Известно, что верховное командование вермахта готовилось спровоцировать «инцидент», который послужил бы оправданием вторжения в Чехословакию. При этом предусматривалось, что «срок инцидента должен быть установлен, когда условия погоды будут благоприятными для действий... военно-воздушных сил...»³. Известно также, что агрессию против Польши гитлеровцы начали после невероятной шумихи вокруг «зверств», якобы учиненных поляками по отношению к немецкому населению, а затем инсценировали налет на радиостанцию в Глейвице.

Вопрос о сроке развязывания войны решался руководителями рейха главным образом с точки зрения использования благоприятной стратегической ситуации. В 1937 г. Гитлер считал необходимым «разрешить про-

¹ IMT, vol. XXXIV p. 735.

² Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 387.

³ Там же, стр. 271—272.

блему жизненного пространства для Германии не позднее 1943—1945 гг.»¹, требуя скорее завершить выполнение программы перевооружения армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил. Фюрер выражал опасение, что с дальнейшей задержкой развязывания войны будет возрастать угроза потери временного военного перевеса Германии. Уже в 1939 г. Гитлер и его ближайшее окружение пришли к выводу, что достигнутое к этому времени превосходство вермахта в количестве и качестве вооружения не может длительно удерживаться. Это обстоятельство послужило дополнительным основанием для развязывания войны, несмотря на то что программа перевооружения сухопутных войск, военно-воздушных сил и в особенности военно-морского флота еще не была завершена².

Бывший министр вооружения гитлеровского правительства А. Шпеер пишет, что Гитлер, Риббентроп и другие сторонники немедленного развязывания войны руководствовались именно этими соображениями. По их мнению, Германия к середине 1939 г. добилась значительного превосходства над своими потенциальными противниками на Западе. Однако после захвата Чехословакии западные державы начали быстро вооружаться, и, чтобы поддерживать достигнутое превосходство, Германия должна была увеличить военное производство в четыре раза, что было совершенно нереально. Поэтому нацисты уповали на то, что вермахт был уже полностью оснащен новейшими типами вооружения, а «противная сторона, наоборот, имела устаревшую технику»³. В любом случае германский генералитет рассчитывал на военное превосходство над своими будущими противниками, не считаясь с тем, что такое превосходство может иметь только временный характер.

В период подготовки к проведению в жизнь конкретных планов войны гитлеровское руководство первостепенное значение придавало созданию наиболее благоприятных условий для нанесения первого удара по противнику. В меморандуме ОКВ по этому вопросу говорилось следующее: «Формы развязывания войны и открытия военных действий с течением времени изменяются. Государство, его вооруженные силы и население приводятся в состояние возможно более высокой мобилизационной готовности еще до опубликования приказа о мобилизации. Фактор внезапности как предпосылка для быстрых и крупных первоначальных успехов часто будет вынуждать начинать боевые действия до окончания мобилизации и даже до завершения развертывания сухопутных войск. Объявление войны уже не во всех случаях будет предшествовать началу военных действий. В зависимости от того, насколько международные нормы ведения войны выгодны или невыгодны для воюющих сторон, последние будут считать себя в состоянии войны или мира с нейтральными странами»⁴.

В первый удар по противнику, ставшему главным объектом агрессии, гитлеровцы стремились вложить всю наступательную мощь вермахта, не оставляя сколько-нибудь значительных резервов и сводя до минимума силы прикрытия на других стратегических направлениях. В директиве Гитлера к плану «Грюн» указывалось: «а) все силы должны быть брошены против Чехословакии; б) на западе должны находиться только небольшие силы, необходимые для тылового прикрытия; остальные границы на востоке с Польшей и Литвой только охраняются, юг держать под наблюдением»⁵.

¹ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. I, стр. 611.

² A. H i l l g r u b e r. Hitlers Strategie, Politik und Kriegführung 1940—1941. Frankfurt a/M., 1965, S. 34, 38.

³ A. S p e e r. Erinnerungen. Berlin, 1969, S. 178.

⁴ IMT, vol. XXXVIII, p. 50.

⁵ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 388.

Вместе с тем гитлеровцы хотели достигнуть максимальной внезапности как по времени, так и по мощи первого удара. «Для вооруженной борьбы,— рекомендовала упомянутая директива,— важно умело использовать момент внезапности как самый важный фактор победы, который может быть достигнут в результате соответствующих подготовительных мероприятий еще в мирное время...»¹ К таким мерам руководство вермахта относилось прежде всего тщательную маскировку всей подготовки к агрессии, дезинформацию. Была разработана целая система мероприятий с целью ввести противника в заблуждение относительно действительных намерений немецко-фашистского командования. Особое внимание уделялось проведению скрытой мобилизации частей и соединений вермахта в мирное время. В плане «Вайс», например, указывалось: «Все приказы по проведению мобилизации должны основываться на законодательстве мирного времени... не следует рассчитывать на публичное объявление мобилизации...»²

Принципы подготовки и проведения операций и кампаний в основном сводились к следующему: массирование сухопутных сил (большую часть которых составляли танковые и моторизованные соединения), а также авиации на направлении главного удара с целью быстрого прорыва оборонительных линий противника и стремительного продвижения в глубь его территории, нарушение связи и взаимодействия, захват коммуникаций и других стратегических пунктов, охват, окружение и уничтожение крупных группировок.

В конечном счете имелось в виду достигнуть полного разгрома вооруженных сил противника в самом начале войны. Все другие стратегические, политические и экономические задачи решались сообразно с ходом таких действий. Там, где гитлеровцам такой вариант удавался, военные кампании действительно носили быстротечный характер и заканчивались в две — шесть недель. Такие успехи захватчиков стали возможными в силу глубокого внутреннего разложения в правящих кругах капиталистических стран — жертв агрессии.

Концепция блицкрига отнюдь не представляла собой универсального средства решения всех проблем победоносного ведения войны, как это считали гитлеровцы. Она, как и вся военная доктрина фашистской Германии, была внутренне противоречива и порочна во многих своих аспектах. Авантюристический характер политических целей фашизма, их несоответствие имевшимся силам, закономерностям исторического развития, коренным интересам народов неизбежно сказывались на содержании военной стратегии, на способах и методах вооруженной борьбы. Хищнические аппетиты германского империализма, выражавшиеся в откровенно захватнической, агрессивной политике, неизбежно толкали немецко-фашистских военных теоретиков и генералитет на самые крайние методы и средства подготовки и боевого использования вермахта.

Военная доктрина гитлеровской Германии имела некоторые сильные стороны. Но она была в своей основе авантюристичной. Ей были присущи органические пороки фашистской военной теории и военного планирования «третьего рейха», такие, как узость взглядов, недальновидность в решении многих коренных вопросов стратегии, неспособность предвидеть последствия предпринимаемых акций и другие.

Расчет на использование благоприятной ситуации, ставка на временные факторы (опережение противника в подготовке к войне, внезапность нападения, захват инициативы и т. д.), склонность к неоправданно

¹ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 387.

² Там же, стр. 427—428.

рискованным действиям, непрерывное балансирование на грани успеха и поражения, обстановка подозрительности, интриг, недоверия, царившая среди гитлеровской клики, опасение оппозиции со стороны определенной части высшего офицерства, постоянная боязнь утечки информации — все это вынуждало Гитлера и его окружение, как правило, до поры до времени держать в тайне военные планы, поручать генштабу разработку лишь ближайших акций. И хотя эти обстоятельства не имели решающего значения для исхода войны в целом, они, безусловно, усиливали авантюризм немецко-фашистской стратегии. Возомнив себя хозяевами положения, гитлеровцы в действительности оказывались неспособными противостоять ходу событий.

Достигнутые фашистами в первое время «эффектные» победы не решали вопроса об исходе войны в целом. Немецкие фашисты все более запутывались в своей азартной игре судьбами народов, пока, наконец, их не настигло неизбежное возмездие.

Ограниченность взглядов нацистов выражалась также в известной переоценке чисто военных и военно-технических факторов и недооценке социально-экономических и морально-политических. И хотя формально военные теоретики и командование вермахта, учитывая опыт первой мировой войны, говорили о большом значении данных факторов, но они понимали их чрезмерно узко, односторонне и поэтому допускали серьезные просчеты в оценке стратегической обстановки и складывавшегося соотношения сил на мировой арене, роли и значения социалистического государства, подъема национально-освободительного движения народов многих стран.

Немецко-фашистская военная доктрина абсолютизировала принципы «молниеносной войны». Конечно, ряд этих принципов не противоречил требованиям ведения современной войны, но одностороннее их применение в борьбе с сильным противником могло повернуться против агрессора.

Командование вермахта использовало положения своей доктрины для разработки способов боевого применения новой военной техники и вооружения, особенно танковых, моторизованных войск и авиации. Упор на использование новейших средств вооруженной борьбы и разработку форм и методов их боевого применения для достижения быстрого и решительного результата на главных направлениях давал военной доктрине гитлеровской Германии известные преимущества в отношении вооруженных сил других капиталистических стран. Это превосходство выражалось, в частности, в способности быстро ориентироваться в выборе наиболее активных форм вооруженной борьбы, во временном поддержании наступательного духа, решительности, стремительности и маневренности в действиях войск, умении эффективно использовать подвижность и ударную мощь современных средств борьбы.

В то же время, сосредоточивая внимание на наступательных формах борьбы, военная доктрина в известной мере недооценивала оборону, а иногда и пренебрегала ею; подчеркивая роль инициативы и смелости в принятии решения и готовности идти на риск, она, однако, стимулировала авантюризм; самоуверенность, высокомерие перерастали в бахвальство и неспособность к трезвой оценке сложившейся ситуации; детально разработанные способы вооруженной борьбы нередко превращались в шаблон; преувеличение роли оперативного использования танков приводило к недооценке организации тесного взаимодействия с пехотой.

Командование вермахта считало, что на первых этапах войны, когда вооруженная борьба будет вестись против континентальных государств Европы, главная роль принадлежит сухопутным войскам. «Успехи или

неудачи германской армии, —говорилось в меморандуме ОКВ,—будут оказывать, как правило, решающее влияние на выигрыш или проигрыш войны»¹.

Однако в этом же документе подчеркивалось, что при определенных условиях, в особенности в связи с изменениями, которые произойдут в ходе войны, роль различных видов вооруженных сил может изменяться и «решающее значение приобретут операции в воздухе или на море»².

На совещании командования вермахта 23 мая 1939 г. Гитлер уточнил эти положения: как только сухопутные силы при поддержке авиации и флота оккупируют Голландию, Бельгию и Францию, германские ВВС и ВМФ получают важнейшие базы, необходимые для борьбы против Англии, и «тогда потоки промышленного производства направляются не в бездонную бочку сражений сухопутных войск, а на нужды люфтваффе³ и военно-морского флота»⁴.

В ходе второй мировой войны гитлеровцам не удалось осуществить это намерение.

Во взглядах на боевое использование военно-воздушных сил среди военных теоретиков гитлеровской Германии существовало два мнения: командование сухопутных сил и военно-морского флота рассматривало ВВС как средство поддержки в операциях; руководство люфтваффе во главе с Герингом подчеркивало их самостоятельное назначение.

Основным документом, в котором излагались взгляды командования люфтваффе на роль, задачи и способы боевого использования военно-воздушных сил, являлось «Руководство по ведению воздушной войны»⁵. Составленный штабом ВВС в 1936 г. этот своеобразный оперативно-стратегический и тактический устав служил руководством по строительству и боевой подготовке люфтваффе в довоенный период; переизданный без каких-либо изменений в 1940 г., он сохранил свою силу и в годы войны.

В этом документе ВВС рассматривались как вид вооруженных сил, способный самостоятельно решать оперативно-стратегические задачи и оказывать непосредственную поддержку сухопутной армии и военно-морскому флоту. Главное внимание в нем уделялось вопросам самостоятельных действий авиации, но вместе с тем отмечалось, что важнейшие для нее цели и задачи «должны устанавливаться на основе тщательного учета всех военных, политических и экономических факторов»⁶. Известно, что до такого учета немецко-фашистская военная доктрина подняться не смогла.

Люфтваффе, говорилось в руководстве, являются наиболее мобильным и быстродействующим инструментом современной войны, способным в решающей степени содействовать осуществлению планов сокрушительных операций и кампаний. Их «внезапное использование в самом начале войны может оказать решающее влияние на ход войны. Путем выбора соответствующего способа и момента развязывания войны необходимо... вынудить противника с самого начала вести боевые действия в невыгодных условиях... ВВС... дают командованию возможность молниеносно и неожиданно для врага создать ударную группу, а также перенести направление главного удара»⁷.

¹ IMT, vol. XXXVIII, p. 40.

² *I b i d e m*.

³ *L u f t w a f f e* — военно-воздушные силы фашистской Германии.

⁴ IMT, vol. XXXVII, p. 553—554.

⁵ K. V ö l k e r (Hrsg.). *Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe*. Stuttgart, 1968, S. 466—486.

⁶ *I b i d.*, S. 469.

⁷ *I b i d.*, S. 471.

Важнейшей предпосылкой для решения всех стоящих перед военно-воздушными силами задач считалось уничтожение или подавление авиации противника, завоевание господства в воздухе. Борьбу с авиацией неприятеля предполагалось вести прежде всего нанесением внезапных ударов по аэродромам. Использование истребителей для ведения воздушных боев признавалось менее эффективным способом борьбы за завоевание господства в воздухе ¹.

Взгляды сухопутного командования на роль авиации в войне излагались в полевом уставе сухопутной армии. В нем ВВС рассматривались как средство завоевания господства в воздухе на решающих направлениях, чтобы создать необходимые условия для поддержки стремительного наступления полевых армий ². Взаимодействуя с сухопутными войсками, авиация должна выполнять роль дальнобойной артиллерии, расчищать путь ударным группировкам, наносить удары по коммуникациям и резервам противника, сеять панику в его тылу и войсках, при необходимости обеспечивать снабжение с воздуха прорвавшихся в глубь территории противника бронетанковых войск.

На люфтваффе также возлагались задачи, связанные с подрывом экономики врага. В блицкампаниях против соседних малых стран авиации подобных задач не ставилось, поскольку гитлеровское руководство было заинтересовано в сохранении их экономического потенциала для дальнейшего использования в интересах рейха. В войне с Англией и в случае неудачи блицкрига против крупных континентальных государств авиацию предполагалось использовать прежде всего для нанесения массированных ударов по стратегически важным промышленным объектам противника с целью их уничтожения ³.

Проблемы строительства военно-морского флота, его наиболее эффективного использования в борьбе против крупных морских держав, прежде всего Великобритании, были решены военной доктриной рейха далеко не полностью.

В феврале 1937 г. адмирал Редер выступил перед руководителями рейха с изложением военно-морской концепции. Исходя из уроков первой мировой войны, которая, по его мнению, была проиграна из-за преимущественно континентальной стратегии кайзеровского генерального штаба и недооценки флота, главнокомандующий ВМФ настаивал на приоритете военно-морского строительства и переносе центра тяжести стратегии на ведение войны на море ⁴. Эти взгляды не нашли полной поддержки у руководства рейха, которое стремилось сначала осуществить свои политико-стратегические планы на континенте Европы и поэтому главное внимание уделяло форсированному перевооружению сухопутной армии и ВВС. Экономических и финансовых ресурсов для столь же быстрого строительства военно-морского флота не хватало.

Гитлеровцы, стремясь замаскировать направленность германских ВМС против Англии, в качестве главных противников на море называли Советский Союз и Францию. Однако уже в мае 1938 г. Гитлер объявил главнокомандующему ВМС, что Великобритания является потенциальным про-

¹ K. V ö l k e r (Hrsg.). Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe, S. 477; K. V ö l k e r. Die deutsche Luftwaffe 1933—1939. Stuttgart, 1967, S. 212—213.

² Die Truppenführung. Ein Handbuch für den Truppenführer und seine Gehilfen. Berlin, 1935, S. 65, 77, 78.

³ K. V ö l k e r (Hrsg.). Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe, S. 479—481.

⁴ Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR (1933—1941). Berlin, 1970, S. 432.

тивником ¹, и потребовал соответствующей ориентации в подготовке флота к войне. Главное командование военно-морских сил создало комитет планирования с целью исследования новых проблем и задач, вставших перед флотом. Комитет пришел к выводу, что главная стратегическая задача ВМФ — нарушение морских и океанских коммуникаций островной державы путем уничтожения ее торгового флота. Для решения этой задачи главнокомандующий ВМС предложил фюреру развернуть ускоренное строительство мощного, хорошо сбалансированного флота, который должен был действовать против транспортных судов и сил их охранения на британских коммуникациях в Атлантике. Не отрицая важной роли подводных лодок, командование ВМС первостепенное значение придавало действию боевых групп надводного флота в составе линкоров, броненосцев, «карманных линкоров», вспомогательных крейсеров, миноносцев, которые, как правило, имели преимущество в скорости над кораблями подобных классов английского военно-морского флота. В соответствии с этой концепцией и была разработана новая программа строительства флота.

Иной концепции придерживались командующий германскими подводными силами Дениц и его сторонники, которая была изложена в 1937 г. в плане «сокрушительного удара» по Англии при помощи подводных лодок ². Они считали, что главным оружием в борьбе против британского торгового судоходства являются подводные лодки, и поэтому основные усилия в военно-морском строительстве должны быть сосредоточены на строительстве мощного подводного флота. Зимой 1938/39 г. в ходе штабных игр командованием подводных сил было установлено, что для успешной борьбы на коммуникациях в Атлантическом океане «необходимо иметь по меньшей мере 300 подводных лодок», а имеющиеся в строю 22 немецкие подводные лодки способны наносить противнику «только булавочные уколы» ³. Эти выводы были доложены главному командованию ВМС, но и они существенно не изменили принятых установок по коренным вопросам военно-морской стратегии и строительства флота. Лишь с началом войны военно-морская программа была пересмотрена.

Немецкая военная доктрина, учитывая ограниченные возможности Германии в войне против могущественных континентальных и морских держав, считала необходимым создание мощной военной коалиции. Однако многие существенные проблемы ведения коалиционной войны так и не были решены. Одной из главных причин этого было отношение фашистской Германии к своим союзникам как к неравноправным.

Военная доктрина Италии определялась агрессивной сущностью политики фашизма, уровнем экономического развития страны, спецификой ее географического и стратегического положения. Относительная экономическая и военная слабость страны побуждала итальянских фашистов, жаждавших обширных территориальных завоеваний, продолжать традиционную политику лавирования между более сильными империалистическими государствами. Это и определило непоследовательность курса итальянского фашизма и его дуче Муссолини.

Известный итальянский историк Ф. Вентури констатирует, что у Муссолини не было достаточно определенной, четкой внешнеполитической идеи, а для глубокого анализа общей обстановки ему явно не хватало способностей. Вот почему в решительные моменты он чаще полагался

¹ К. Д е н и ц. Немецкие подводные лодки во второй мировой войне. Перевод с немецкого. М., 1964, стр. 55.

² К. D ö n i t z. Mein wechselvolles Leben. Göttingen, 1968, S. 201.

³ К. D ö n i t z. Deutsche Strategie zur See im zweiten Weltkrieg. Frankfurt a/M., 1970, S. 40.

на интуицию. Она подсказывала дуче, что Европа переживает кризис, поэтому тот, кто не боится риска, может больше получить. Главное — не упустить момент, хватать все, что можно, дабы расширить территорию метрополии и колоний¹.

Цели Италии в войне, которая считалась неизбежной, были сформулированы Муссолини в выступлении на заседании большого фашистского совета в феврале 1939 г. По сути, эта речь явилась развернутой программой действий итальянского империализма в надвигавшейся мировой войне. Независимость каждой страны, философствовал дуче, определяется доступом к морям. Италия — пленница Средиземного моря, поэтому, чем могущественнее она будет, тем невыносимее станет ее положение. Выходы к океанам преграждает ей «железная решетка»: Корсика, Тунис, Мальта, Кипр, Суэц и Гибралтар. Вот почему первоочередная внешнеполитическая задача Италии, которая не имеет территориальных претензий к Европе, за исключением Албании, — прорвать указанную преграду. После этого Италии, уверял Муссолини, останется одно — продвижение к океанам: к Индийскому — через Судан, Ливию, а к Атлантическому — через французскую Северную Африку. Как при выполнении ближайшей задачи, так и в дальнейшем ей предстоит иметь дело с Великобританией и Францией. Именно поэтому, утверждал дуче, союз с Германией, которая прикроет свою союзницу с тыла, «является основополагающей исторической необходимостью»².

У руководителей итальянского фашизма не было недостатка в претензиях на разработку собственной «новой и оригинальной» военной доктрины. Однако в предвоенный период по этой проблеме не появилось сколько-нибудь значительных трудов. Военные теоретики и военные деятели, окружавшие дуче, в угоду ему перепевали известные истины о характере будущей войны, когда-то высказанные им и другими «признанными» авторитетами итальянского фашизма или зарубежными военными теоретиками.

В Италии в 30-е годы дважды издавалась книга «Клаузевиц и современная война». Автор ее полковник Э. Каневари доказывал жизненность разработанных немецким военным теоретиком еще в XIX веке принципов ведения войны, по поводу которых споры продолжались чуть ли не целое столетие. Этот труд явился для итальянских фашистов одним из источников при разработке военной доктрины.

Военно-теоретические взгляды и стратегические концепции фашистского руководства Италии на характер будущей войны были сформулированы еще в 1935 г. в инструкции «О вождении крупных соединений»³. Этот документ был официально прокомментирован заместителем военного министра генералом Байстрокки, выступившим с пространной речью в сенате в марте 1935 г. Позднее основные идеи этой инструкции были развиты в книге В. Праски «Война на сокрушение»⁴, которую Муссолини назвал «подлинно фашистской» по своему духу и содержанию, и труде Т. Силлани «Вооруженные силы фашистской Италии»⁵ с предисловием начальника генерального штаба вооруженных сил маршала П. Бадольо.

В военной доктрине фашистской Италии, как и Германии, подчеркивался тотальный, «интегральный» характер будущей войны. Поэтому для достижения победы предполагалось мобилизовать все промышленные,

¹ История Италии. Т. 3. М., 1971, стр. 111—112.

² F. D e a k i n. Storia della repubblica di Saló, p. 7.

³ L'Esercito italiano tra la 1-a e la 2-a guerra mondiale. Novembre 1918 — giugno 1940. Roma, 1954, p. 115.

⁴ V. P r a s c a. Der Entscheidungskrieg. Berlin, 1936.

⁵ T. S i l l a n i. Le forze armate dell'Italia fascista. Roma, 1939.

сельскохозяйственные, материальные и людские ресурсы. Уже в мирное время считалось необходимым осуществить все возможное для перевода экономики на военные рельсы. Вместе с тем признавалось, что для Италии, которая не имела собственного сырья и, кроме того, могла быть легко подвергнута морской блокаде, затяжная война может оказаться губительной. Поэтому итальянская военная доктрина предусматривала решительный, наступательный и маневренный характер вооруженной борьбы с целью быстрого сокрушения противника. В итальянских уставах оборона рассматривалась как временный вид боевых действий, в ходе которых должны подготавливаться условия для быстрого перехода в наступление.

Итало-фашистская военная доктрина декларативно признавала, что победа в войне должна достигаться объединенными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск. Поскольку воплотить в жизнь захватнические планы итальянского фашизма могли лишь сухопутные войска, им отводилась роль основного вида вооруженных сил. Считалось, что применение бронетанковых войск в военных действиях против Франции и на Балканах из-за горного характера местности будет носить ограниченный характер, а в пустынях Северной Африки и Ближнего Востока вообще исключалось.

Роль военно-воздушных сил военной доктриной преувеличивалась. Упор делался на внезапное применение мощной бомбардировочной авиации, объединенной в крупные самостоятельные соединения. Появился даже термин — «воздушная война», под которым подразумевалась самостоятельная борьба воздушных сил, преследующих свои особые цели, но связанных с действиями и функциями прочих видов вооруженных сил¹. Предполагалось, что авиация должна наносить удары по наиболее важным и уязвимым объектам противника, как военным, так и гражданским. Действиям авиации по обеспечению наступления сухопутных войск на поле боя отводилась второстепенная роль.

На формирование концепции использования военно-воздушных сил известное влияние оказала теория «самостоятельной воздушной войны» итальянского генерала Д. Дуэ, изложенная в книге «Господство в воздухе»². Дуэ считал, что авиация призвана совершить революцию в способах ведения войны и стать решающим фактором победы. По его мнению, победа может быть достигнута посредством установления господства в воздухе, в результате чего противник лишается всех самолетов, авиабаз и авиапромышленности. Рассматривая армию и флот как вспомогательные виды вооруженных сил, необходимые для оборонительных действий в начальном периоде войны, он полагал нецелесообразным использовать авиацию в совместных с ними действиях.

Важное место в предстоящей войне итальянские фашисты отводили военно-морскому флоту, который предназначался для борьбы с морским флотом противника и обеспечения коммуникаций на Средиземном море. Наиболее эффективными считались совместные действия надводных сил, подводных лодок и авиации. Вице-адмирал О. Джамберардино в своей книге «Искусство ведения войны на море» рекомендовал наступательные действия как главный вид боевой деятельности флота, для чего предлагал правительству использовать международные противоречия с целью улучшения стратегических позиций итальянского флота за счет захвата чужих территорий. По мнению Джамберардино, для обеспечения господства на море необходимо иметь в строю большое число линейных кораблей. Он также считал, что итальянский флот должен противопоставить

¹ Enciclopedia italiana. Vol. XVIII. Roma, 1938, p. 92.

² Д. Дуэ. Господство в воздухе. Перевод с итальянского. М., 1935.

бронированного английского флота большую скорость и высокую маневренность, позволяющие уйти от преследования превосходящих сил противника¹.

В целом итальянская военная доктрина, во многом копирующая немецкую концепцию «молниеносной войны», не соответствовала экономическим возможностям страны. Итальянская промышленность почти полностью зависела от ввоза сырья. В стране добывалось только 8 из 34 основных видов стратегического сырья. «Экспансионистские тенденции и хищнические устремления самых реакционных и самых алчных кругов итальянского общества, — указывал выдающийся деятель компартии Италии П. Тольятти, — всегда наталкивались на непримиримое противоречие между этой непомерной жаждой наживы со стороны касты, привыкшей жить за счет безудержной эксплуатации масс, и той крайней бедностью материальной базы для подобной завоевательной политики, какая отличает Италию...»².

Итальянское верховное командование пыталось найти выход из этого положения путем ориентации на победоносное ведение войны Германией. По его расчетам, Италия в начале войны должна занять выжидательную позицию, сосредоточивая силы в районах будущих боевых действий, а затем, после поражения англичан и французов в Европе, ее армия без особых трудностей захватит французские Ниццу, Савойю, Корсику; Балканский полуостров; английскую военно-морскую базу в Средиземном море — Мальту; Египет и Суэцкий канал; Британское Сомали; Англо-Египетский Судан; Уганду и Кению³.

Таким образом, итальянская военная доктрина носила ярко выраженный агрессивный характер и по своему существу была авантюристичной. Определяемые ею цели, характер и размах войны не обеспечивались экономическими возможностями страны. Расчеты на использование в своих интересах успехов Германии и ее помощь были нереальными, так как последняя сама была заинтересована в захвате тех районов, на которые претендовала Италия.

Военная доктрина Японии служила главной политической цели японского империализма — завоеванию господства в Азии, бассейне Тихого океана и районах стран Южных морей. Японской и мировой общественности эта цель преподносилась завуалированной идеями паназиатизма и фразами о необходимости установления «нового порядка» в этих районах, означавшего японское колониальное господство.

Курс Японии на завоевание господства в Азии и бассейне Тихого океана был определен на конфиденциальных заседаниях правительства 7 и 11 августа 1936 г. В принятом кабинетом министров совершенно секретном документе «Курс внешней политики Японии» цель национальной политики определялась как «обеспечение с помощью координированных действий дипломатии и военных кругов своих позиций на восточноазиатском континенте и расширение продвижения на юг»⁴. Причем под «действиями военных кругов» понималась, как заявил военный министр С. Араки в июне 1938 г., защита идеи так называемого «императорского пути», то есть пути завоевания соседних стран.

Стремление высшего военно-политического руководства к господству над огромной территорией земного шара, ведущее к столкновению с ве-

¹ O. di G i a m b e r a r d i n o. Seekriegskunst. Berlin, 1938, S. 45—46, 163, 168, 184.

² П. Т о л ь я т т и. Избранные статьи и речи. Перевод с итальянского. Т. 1. М., 1965, стр. 219.

³ В. Б е л л и, К. П е н з и н. Боевые действия в Атлантике и на Средиземном море. 1939—1945 гг. М., 1967, стр. 129.

⁴ История войны на Тихом океане, т. II, стр. 341.

ликими державами, обуславливало особую агрессивность японской военной доктрины и свидетельствовало о ее авантюризме.

Правительство и командование вооруженных сил Японии длительное время считали необходимым главный удар направить против Советского Союза и вследствие этого предусматривали создание на Дальнем Востоке сильной армии, превосходящей советские войска. Военная мощь Японии, говорилось в документе кабинета от 11 августа 1936 г., должна быть такой, чтобы «противостоять любым вооруженным силам, которые Россия сможет выставить и использовать на Дальнем Востоке», и «нанести решающий удар русским в самом начале войны»¹.

Антикоммунистическая, антисоветская направленность военной доктрины была следствием классовой ненависти империалистических кругов Японии к социалистическому государству, коммунистическому движению, в которых они видели главное препятствие в осуществлении своих агрессивных замыслов.

Военная доктрина Японии предусматривала также использование благоприятных условий для нанесения ударов по вооруженным силам США, Великобритании, Франции и Голландии с целью захвата колониальных владений этих стран в Азии и на Тихом океане. Таким благоприятным условием она считала назревавший конфликт крупнейших колониальных стран с Германией и Италией. Высшее военно-политическое руководство Японии считало необходимым использовать самые разнообразные формы давления на колониальные державы: запугивание «красной опасностью», шантаж, дипломатический нажим, пропаганду панasiatских идей среди колониальных народов Азии, заговоры, убийства, подкуп. Оно намеревалось распространять свое влияние «шаг за шагом», до поры до времени не доводя дело до крупного конфликта². Придавалось серьезное значение разработке операций по захвату ключевых позиций США и Великобритании — Филиппин, Сингапура и Гонконга — и уничтожению американского тихоокеанского флота³. Завоевание господства на море рассматривалось как решающее условие захвата обширных территорий.

Особенно серьезное внимание обращалось на подготовку к войне с Соединенными Штатами, отношения с которыми все более обострялись. Это обусловило значительное увеличение военно-морских сил Японии. В решении правительства от 11 августа 1936 г. указывалось: «Военно-морские вооружения должны быть усилены до такой степени, чтобы в западной части Тихого океана было обеспечено превосходство над флотом Соединенных Штатов»⁴.

Агрессивность японского империализма и военщины породила реакционную теорию «кото сорёкусэн» («всеобщая война согласно императорскому пути»), которая являлась, по существу, японской разновидностью гитлеровской теории тотальной войны. В теоретических выкладках высшего военно-политического руководства Японии, изложенных в исследовании генерального штаба армии, указывалось, что «всеобщая война» — это не только действия вооруженных сил, но и подчинение интересам войны деятельности внутриполитических и внешнеполитических органов, экономики, науки и пропаганды⁵. Реакционность теории «всеобщей войны» состояла в том, что она предусматривала агрессивные военные действия в нарушение норм международного права и применение преступных методов ведения войны (в том числе бомбардировку городов, массовое

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 136.

² Japan's Decisions for War. Stanford, 1967, p. 74.

³ 大東亜戦争公刊戦史, 第8巻, 大本営陸軍部<1>, 414—416頁。

⁴ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 136.

⁵ 高島辰彦 皇戦, 51頁。

уничтожение мирного населения, использование химического и бактериологического оружия).

Высшее командование считало, что предстоящая война будет мировой, коалиционной, в ней будут использованы многомиллионные армии, новейшая техника и вооружение. В связи с механизацией войск и развитием авиации территории всех воюющих стран станут полем боя¹. Достижение победы потребует не только напряжения всех сил страны во время войны, но и тщательной и всесторонней подготовки в мирное время².

В доктрине было определено, что «политическое и стратегическое руководство в войне имеет исключительно большое значение. Без правильного и полного использования этого руководства нельзя добиться победы»³.

Японская военная доктрина предусматривала контроль со стороны военного руководства над экономикой, внешней и внутренней политикой, идеологией и общественной жизнью, для того чтобы мобилизовать на войну все ресурсы государства. Это положение особенно активно отстаивала тосэйха («группа контроля»), возглавляемая генералом Тодзио и поддерживаемая дзайбацу⁴. Поддержка монополий позволила «группе контроля» последовательно осуществлять свои замыслы: в 1937 г. правительство приняло ряд планов развития военной промышленности, рассчитанных на пятилетку, а закон «О всеобщей мобилизации нации» (1938 г.) предоставил военщине важнейшие рычаги управления государством и оккупированными районами. В соответствии с доктриной военный потенциал страны должен был увеличиваться за счет ресурсов захваченных территорий на континенте и островах Тихого океана.

Военная доктрина Японии исходила из необходимости строить армию из двух видов вооруженных сил: сухопутных войск и военно-морского флота (авиация входила в состав армии и военно-морского флота в качестве рода войск).

Свои наиболее боеспособные сухопутные войска японская военщина концентрировала у границ СССР: в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Учитывая превосходство американских и английских военно-морских сил, военная доктрина предусматривала поочередный разгром вражеских флотов путем внезапных ударов авианосной и базовой авиации по основным группировкам противостоящей стороны с последующим вводом в сражение объединенного флота, особенно его линейных сил.

Роль подводного флота и действий его по нарушению коммуникаций противника японским военно-политическим руководством недооценивалась. Значительное место отводилось авиации армии и флота. Нанесение авиацией первых мощных ударов по военным объектам противника считалось предпосылкой для завоевания господства в воздухе, необходимого для успешных боевых действий на суше и на море. «Исход операции решает авиация. Судьбу операции определяет тот, кто обладает наивысшей способностью маневрирования, зависящего от развития авиации, мотомехчастей, путей сообщения». Доктрина определяла, что «без господства в воздухе не может быть господства на море».

Вместе с тем между командованием армии и флота велась борьба за приоритет своего вида вооруженных сил, предопределявшаяся их ориентацией на две конкурировавшие между собой монополистические группи-

¹ 高島辰彦 皇戦, 6 1—6 2 頁。

² 高島辰彦 皇戦, 7 5 頁。

³ Архив МО, ф. 6598, оп. 12521, д. 16, л. 8.

⁴ Очерки новейшей истории Японии. М., 1957, стр. 186.

ровки: армия была тесно связана с концернами Мицуи, Ясуда, Мангё, флот — с концернами Мицубиси и Сумитомо. Разногласия стратегического характера обуславливались интересами монополий, особенностями театров военных действий и самих видов вооруженных сил: командование сухопутных войск выступало за приоритет подготовки войны на материке, военно-морское руководство — за приоритет подготовки войны в акватории Южных морей и Тихого океана. Несмотря на борьбу между армейской и флотской группировками, главное командование добивалось тесного взаимодействия между видами вооруженных сил, особенно при отработке организации и проведения морских десантных операций.

В октябре 1938 г. командование армии, основываясь на опыте войны в Китае и боев у озера Хасан, приняло полевой устав японской армии, который рекомендовал главное внимание уделять организации взаимодействия между всеми родами сухопутных войск. Основным видом военных действий японской армии считалось наступление, проводившееся с решительными целями: «окружить и уничтожить противника на поле боя»¹. Обороне должного значения не придавалось².

Командование военно-морских сил видело ключ к победе над флотом США и Великобритании в создании и использовании линкоров с орудиями сверхкрупных калибров, а также большого числа авианосцев для действий на удалении от метрополии и нанесения мощных ударов по неприятельскому флоту и его военным базам³.

* * *

Характеризуя военные доктрины наиболее реакционных агрессивных империалистических государств, следует подчеркнуть их взаимосвязь, наличие общих черт. Господствующие классы Германии, Италии и Японии открыто выступали за передел мира в свою пользу. Именно они стояли в авангарде сил империализма, развязавших вторую мировую войну.

Хотя антисоветская направленность была характерной для военных доктрин всех крупных империалистических держав, однако степень и формы ее выражения были различны. Военные доктрины государств фашистского блока, особенно Германии и Японии, прямо и непосредственно нацеливали свои вооруженные силы на войну против Советского Союза. Вместе с тем это не исключало других направлений агрессии, которые на определенных этапах войны могли стать главными.

Решительность политических и стратегических целей, которые фашистские государства ставили в предстоящей войне, обуславливали средства, способы, формы и методы ее подготовки и ведения. Военные доктрины Германии, Италии и Японии предполагали максимальное напряжение сил и ресурсов нации, использование самых коварных и истребительных форм и методов вооруженной борьбы, не считаясь с международным правом и обычаями. Особое внимание уделялось нанесению сокрушительных ударов по противнику в начале войны, в начале военных кампаний и операций. В связи с этим ставка делалась на опережение противника в развертывании вооруженных сил и внезапность нападения. В разработке новых способов борьбы, отвечавших уровню военной техники и вооружения того времени, фашистская Германия и от-

¹ Полевой устав японской армии 1938 г. Перевод с японского. М., 1939, стр. 168.

² Там же, стр. 219—236.

³ 小林宏 太平洋海戦と経営戦略, 東京, 昭和38年, 4—5頁。

части Япония выдвинулись несколько вперед по отношению к другим капиталистическим странам. Более отсталой была военная доктрина фашистской Италии.

2. Состояние вооруженных сил стран фашистского блока

Вооруженные силы Германии строились в соответствии с ее агрессивной политикой и военной доктриной. Стремление фашистского руководства в максимально короткий срок создать мощные ударные силы определило необычайно быстрые, лихорадочные темпы строительства сухопутной армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота.

После 1935 г., когда гитлеровцы официально отбросили все ограничения, наложенные военными статьями Версальского договора, и ввели всеобщую воинскую повинность, многократно возросли численность вермахта, его вооружение и оснащение новейшей техникой. С захватом Австрии и Судетской области темпы вооружения стали расти. На совещании 14 октября 1938 г. Геринг объявил: «Гитлер поручил мне создать гигантскую программу вооружения, перед которой померкнут все предыдущие достижения. Я получил от фюрера задание беспредельно увеличивать вооружение. Я приказал с наибольшей скоростью произвести строительство военно-воздушных сил и увеличить их в пять раз против существующих»¹. Такой размах военного строительства позволил фашистской Германии значительно опередить другие капиталистические страны в подготовке к войне.

В соответствии с основными положениями военной доктрины вермахт создавался как орудие молниеносной и тотальной войны. При этом максимальное развитие должны были получить высококомобильные войска, обладающие большой ударной силой. Поскольку на первых этапах борьбы за мировое господство гитлеровцы стремились в быстротечных кампаниях сокрушить все крупные державы Европейского континента, особое внимание уделялось строительству сухопутной армии и военно-воздушных сил.

Сухопутная армия по традиции считалась главным видом вооруженных сил Германии, несмотря на выделение военно-воздушных сил в самостоятельный вид, получивший особенно быстрое развитие. На сухопутные войска, действующие при поддержке авиации, возлагались основные задачи в разгроме вооруженных сил противника и закреплении захваченной территории.

О размахе и темпах строительства сухопутной армии Германии свидетельствуют данные таблицы 13.

Большую часть сухопутных войск составляла пехота. В кадровой армии первой половины 1939 г. из 51 дивизии было 35 пехотных, 3 горнострелковые, 4 моторизованные, 5 танковых и 4 легкие. Кроме того, имелись 2 отдельные танковые и 1 кавалерийская бригады².

В пехотную дивизию входили 3 пехотных полка, артиллерийский полк, имевший на вооружении 36 полевых гаубиц калибром 105 мм и 12 гаубиц калибром 150 мм, истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион (36 противотанковых пушек и 12 зенитных пулеметов), саперный батальон, батальон связи, полевой запасный батальон, тыловые службы. Горнострелковая дивизия состояла из 2—3 горнострелковых полков, артиллерийского полка, имевшего на вооружении 16 гор-

¹ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 147.

² Б. М ю л л е р - Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 168—173. Здесь и далее типы соединений именуются по немецким документам того времени.

Рост количества соединений и частей сухопутных войск Германии¹

Объединения, соединения, части	Годы						
	1933	1935	1936	1937	1938	1939	
						до мобилизации	после мобилизации
Командования округов, групп армий (армий)	2	3	3	4	6	6	11
Корпусные командования . .	—	10	12	13	19	22	26
Дивизии (пехотные, танковые и др.)	10	29	39	39	51	51	102
Отдельные танковые бригады	—	—	—	—	—	2	—
Кавалерийские бригады . . .	—	—	—	—	—	1	—
Пехотные полки	21	77	93	112	129	129	292
Кавалерийские полки	18	14	14	14	15	15	2
Артиллерийские полки	7	25	41	43	57	57	128
Мотопехотные полки	—	3	3	4	13	13	13
Танковые полки	—	6	8	10	14	14	14
Противотанковые дивизионы	—	30	36	41	53	53	121
Моторизованные разведывательные батальоны	—	9	9	11	17	17	17
Саперные батальоны	7	28	48	55	75	75	133
Батальоны связи	7	40	50	55	69	71	160

ных орудий калибром 75 или 105 мм и 8 тяжелых гаубиц калибром 150 мм, истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона (24 противотанковые пушки), саперного батальона, батальона связи, горнострелкового запасного батальона, тыловых служб².

Несмотря на то что моторизованные, легкие и танковые дивизии (бригады) составляли 26 процентов общего количества дивизий вермахта³, именно на них возлагались главные задачи в ведении маневренной быстротечной наступательной войны. Они имели приоритет в комплектовании и вооружении. Личный состав этих войск подбирался из технически подготовленных призывников, преданных фашизму. Это были прежде всего квалифицированные механики, шоферы, слесари, монтеры. Главным резервом пополнения кадров мотомеханизированных и танковых соединений служили моторизованные организации гитлерюгенда и национал-социалистский автомобильный корпус.

Моторизации армии гитлеровцы уделяли особое внимание. Так, в пехотных дивизиях были моторизованы тяжелая артиллерия, подразделения противотанковых орудий, пулеметные батальоны, саперные подразделения и подразделения связи. В целом к началу войны сухопутная армия Германии была моторизована на 40 процентов⁴.

Мотопехотная дивизия отличалась от обычной пехотной дивизии полной моторизацией всех частей и подразделений, а также наличием разведывательного батальона, состоявшего из эскадрона бронемашин и мотоциклетного стрелкового эскадрона. Полевого запасного батальона в ней не было.

¹ G. T e s s i n. Formationsgeschichte der Wehrmacht 1933—1939. Stäbe und Truppenteile des Heeres und der Luftwaffe. Boppard a/R, 1959, S. 14; H. P o d z u n (Hrsg.). Das deutsche Heer 1939. Bad Nauheim, 1953, S. 69—712.

² Б. М ю л л е р - Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 199—201, 203—205.

³ Auf antisowjetischem Kriegskurs, S. 314.

⁴ Ibid., S. 368.

Танковая дивизия имела танковую бригаду (324 танка), моторизованную бригаду, артиллерийский полк, мотоциклетно-пехотный батальон, моторизованные разведывательный батальон, истребительно-противотанковый дивизион, саперный батальон, батальон связи, а также тыловые службы ¹.

Танковые дивизии накануне войны были вооружены в значительной степени легкими танками Т-I и Т-II, которые еще в ходе итало-германской интервенции в Испании легко поражались огнем противотанковой артиллерии. На вооружении танка Т-I имелись лишь пулеметы, Т-II — легкая (20-мм) пушка и пулемет. В 1936—1937 гг. вермахт начал получать более мощные танки Т-III и Т-IV, а в 1938—1939 гг. началось их серийное производство ². Тем не менее накануне войны с Польшей бронетанковые войска были оснащены главным образом легкими танками. По состоянию на 1 сентября 1939 г. в вермахте насчитывалось 3195 танков, из них 1445 типа Т-I, 1223 — Т-II, 98 — Т-III, 211 — Т-IV, 3 огнеметных и 215 командирских ³.

Организационно танки не распылялись по пехотным соединениям, большая их часть была сосредоточена в основном в танковых дивизиях, для руководства которыми имелся особый штаб, подчиненный командующему бронетанковыми войсками. На время войны предусматривалось создание танковых корпусов, предназначенных для наступления на главных направлениях.

Пехотные дивизии были оснащены вполне современным для того времени оружием, в частности пулеметом MG-34, имевшим небольшой вес и высокую скорострельность. К началу войны войска получили 50-мм и 81-мм минометы. Универсальным вооружением дивизионной артиллерии являлись 75-мм пушки, 105-мм и 150-мм гаубицы.

Слабым звеном была противотанковая артиллерия. Для борьбы с танками предназначались 37-мм противотанковые пушки, которые, однако, не могли справиться с тяжелыми и хорошо бронированными средними танками. В то же время в сухопутных войсках вермахта было мало полевых пушек. 90 процентов полевой артиллерии составляли гаубицы ⁴, малопригодные для борьбы с танками. 105-мм пушки имелись только в танковых дивизиях. На вооружении вермахта находились также тяжелые артиллерийские системы на механической тяге и железнодорожных платформах ⁵. Оснащение войск тяжелой и сверхтяжелой артиллерией отражало стремление немецких монополистов поставлять наиболее дорогие системы с большей металлоемкостью.

К началу войны в войсках имелись лишь опытные образцы самоходных артиллерийских установок, появилось небольшое количество противотанковых ружей, предназначенных для борьбы с бронированными целями на близком расстоянии. С осени 1939 г. начали поступать автоматы ⁶.

По состоянию на 1 сентября 1939 г. в сухопутной армии вермахта имелось 2770 тыс. винтовок и карабинов, 126 800 пулеметов, 11 200 противотанковых орудий, 4624 81-мм миномета, 2933 75-мм пушки, 4845

¹ Б М ю л л е р - Г и л л е б р а н д Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 206—209

² F S e n g e r u. E t t e r l i n Die deutschen Panzer 1926—1945. Munchen, 1965, S. 18—56, F S e n g e r u. E t t e r l i n Die Kampfpanzer von 1916—1966. Munchen, 1966, S. 55, 58, 63, 68

³ Б М ю л л е р - Г и л л е б р а н д Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 144

⁴ H H o h n Feuerkraft der Aggressoren. Berlin, 1961, S. 49

⁵ F S e n g e r u. E t t e r l i n (Hrsg.) Die deutschen Geschütze 1939—1945. Munchen, 1960, S. 82, 83, 151—170

⁶ W E c k a r d, O M o r a w i t z Die Handwaffen des brandenburgisch-preussisch-deutschen Heeres 1640—1945. Hamburg, 1957.

105-мм гаубиц, 2049 150-мм гаубиц, 410 тяжелых 150-мм пушек и 22 210-мм мортиры ¹. В это количество не входит оружие, захваченное в Чехословакии.

В марте 1939 г. был принят мобилизационный план на 1939/40 г., положенный в основу развертывания сухопутных сил, с которыми Германия вступила во вторую мировую войну. По этому плану надлежало от мобилизовать 103 соединения: 86 пехотных (в том числе 35 — первой волны, 16 — второй волны, 20 — третьей волны, 14 — четвертой волны и 1 дивизию ландвера), 3 горнострелковые, 4 моторизованные, 4 легкие пехотные, 5 танковых дивизий и 1 кавалерийскую бригаду ². Термин «волна» не означал какой-то очередности в проведении мобилизации, а отражал качественное состояние соединений. Пехотные дивизии первой волны — это кадровые дивизии, наиболее подготовленные соединения; к дивизиям первой волны относились также танковые, легкие и моторизованные соединения. Остальные в основном формировались за счет резервистов различных категорий.

К началу войны сухопутные войска Германии (полевые войска, войска гарнизонов пограничных и укрепленных районов, а также строительные войска) насчитывали свыше 2,7 млн. человек, а резервной армии — около 1 млн. человек ³. Офицерский корпус состоял из 70 524 офицеров, из них 21 768 — кадровых и 48 756 — из запаса ⁴. Сухопутные войска в основном завершили программу перевооружения. Они были оснащены новыми образцами оружия, в то время как в армиях других капиталистических государств на вооружении находилось сравнительно устаревшее оружие. Сухопутные войска вермахта имели не только бóльшую численность, но, самое важное, больший удельный вес танковых и моторизованных соединений, более современную организацию и высокий уровень боевой подготовки. Унтер-офицерский состав был тщательно подобран и обучен, обладал высокими профессиональными качествами.

Военно-воздушные силы фашистской Германии состояли преимущественно из бомбардировочной авиации; удельный вес истребителей накануне войны был значительно ниже, чем в других странах. Истребители широко привлекались для непосредственной поддержки сухопутных войск. Противовоздушную оборону имперских областей, в первую очередь Рура и промышленных районов Центральной Германии, предполагалось обеспечить главным образом зенитной артиллерией, которая организационно входила в состав ВВС.

В 1935—1936 гг. планы строительства люфтваффе предусматривали создание большого количества четырехмоторных бомбардировщиков дальнего действия. Однако к 1937 г. положение изменилось: приоритет получили бомбардировщики среднего радиуса действия, способные тесно взаимодействовать с сухопутными войсками. Некоторые буржуазные историки, в том числе Хильгрубер, пытаются истолковать это как свидетельство того, будто Гитлер не собирался вести большой войны, а стремился осуществить свои политические цели в малых локальных войнах ⁵. В действительности данное обстоятельство подтверждает неуклонное

¹ Б. М ю л л е р - Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 49.

² С. Н е р м а н н. Die deutsche Militärgeschichte. Frankfurt a/M., 1966, S. 433—435; Б. М ю л л е р - Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 81.

³ Б. М ю л л е р - Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 79.

⁴ W. K e i l i g. Das deutsche Heer 1939—1945. 1—3 Lieferung, № 203. Bad Nauheim, 1957, S. 2.

⁵ А. H i l l g r u b e r. Hitlers Strategie, Politik und Kriegführung 1940—1941, S. 38—39.

следование фашистского руководства доктрине блицкрига и в строительстве ВВС. Будучи не в состоянии одновременно решать в полном объеме все политические, стратегические и вытекающие из них военно-экономические задачи, оно откладывало строительство мощной стратегической авиации на более поздние сроки. Развитие военно-воздушных сил вермахта в предвоенные годы характеризуют данные таблицы 14.

Таблица 14

Рост количества соединений и частей военно-воздушных сил Германии¹

Объединения, соединения, части	Годы						
	1934	1935	1936	1937	1938	1939	
						до мобилизации	после мобилизации
Воздушные флоты	—	—	—	—	3	4	4
Авиационные дивизии	1	—	—	—	6	7	7
Авиэскадры	—	—	8	13	22	22	23
Авиагруппы	3	13	37	66	85	86	89
Резервные авиаотряды	—	6	14	15	16	25	—
Зенитные дивизионы	12	19	42	55	74	79	284
Параютные батальоны	—	—	1	1	1	4	4
Батальоны связи ВВС	1	1	8	8	21	54	59

Основной тактической единицей ВВС считалась эскадрилья (10 самолетов), состоявшая из трех звеньев. Эскадрильи объединялись в авиагруппы (30—40 самолетов), которые по две-три сводились в эскадры, входившие с 1938 г. в состав авиадивизий и воздушных флотов.

Программа строительства военно-воздушных сил фашистской Германии неоднократно изменялась. Последняя, десятая по счету программа, принятая 7 ноября 1938 г., предусматривала к весне 1942 г. иметь в ВВС готовых к действию: 8 тыс. бомбардировщиков, 2 тыс. пикирующих бомбардировщиков, 3 тыс. истребителей-бомбардировщиков, столько же истребителей, 250 штурмовиков, 750 разведчиков, 2500 самолетов военно-морской авиации, 500 транспортных самолетов, всего — 20 тыс. самолетов ².

Фактически к началу войны фашистская Германия имела 4093 самолета (из них 3646 в полной боевой готовности), в том числе 1176 бомбардировщиков Хе-111, До-17, Ю-88, 366 пикирующих бомбардировщиков Ю-87, 408 истребителей-бомбардировщиков Ме-109, Ме-110, 771 истребитель (в основном Ме-109Е, Ме-109Д и небольшая часть Арадо), 40 штурмовиков Хе-123, 613 самолетов-разведчиков До-17, Хш-126, Хе-46, Хе-45, 552 транспортных Ю-52 и 167 гидросамолетов Хе-60, Хе-59, Хе-115, До-18 ³.

К началу войны после проведения мобилизации в зенитной артиллерии имелось: 1217 зенитных батарей, в которых насчитывалось 2600 88-мм и 105-мм пушек, предназначенных для борьбы с высоколетящими

¹ G. T e s s i n. Formationsgeschichte der Wehrmacht 1933—1939, S. 15.

² K. V ö l k e r. Die deutsche Luftwaffe 1933—1939, S. 170.

³ I b i d., S. 189. По данным западногерманского историка и специалиста в области авиации Фойхтера, в ВВС Германии насчитывалось 4333 самолета, в том числе бомбардировщиков — 1180, пикирующих бомбардировщиков — 336, истребителей-бомбардировщиков — 408, истребителей — 771, штурмовиков — 40, разведчиков — 721, самолетов авиации ВМФ — 240 и других (G. F e u c h t e r. Der Luftkrieg. Vom Fesselballon zum Raumfahrzeug. Frankfurt a/M.— Bonn, 1962, S. 335).

целями, и 6700 20- и 37-мм пушек для поражения низколетящих и пикирующих самолетов. Кроме того, на вооружении зенитной артиллерии имелось 188 прожекторных батарей (1700 прожекторов диаметром 150 сантиметров и 1300 прожекторов диаметром 60 сантиметров)¹

Относительно парашютно-десантных войск вермахта в буржуазной историографии второй мировой войны распространено мнение, далеко не соответствующее действительности. Так, например, в книге Г. Фойхтера подчеркивается, что «только люфтваффе еще до начала второй мировой войны в широком масштабе использовали эту идею и затем воплотили ее в жизнь в кампаниях в Норвегии, Голландии, на Крите и т. д.»². В действительности же парашютно-десантные войска вермахта к началу войны находились в процессе формирования и были незначительны. Номинально созданная воздушно-десантная дивизия состояла лишь из 4 батальонов³.

Военно-воздушные силы имели хорошо организованную службу связи. К осени 1939 г. без учета запасных частей было создано 16 полков и 59 батальонов связи ВВС⁴.

Первоначальная боевая подготовка рекрутов, призванных в ВВС, осуществлялась в 23 учебных авиационных полках и 2 батальонах морской авиации. Ежегодно здесь проходили подготовку 60 тыс. человек⁵. Для их дальнейшего обучения имелись 21 школа пилотов, в том числе 3 для морской авиации, 10 школ боевого применения авиации; 2 авиатехнические школы. Большое внимание командование ВВС уделяло подготовке классных пилотов, которая широко развернулась в последние два предвоенных года. В июне 1939 г. в ВВС насчитывалось 8 тыс. пилотов повышенного разряда, имевших право дневного и ночного вождения любых военных самолетов⁶. К началу войны около 25 процентов всех пилотов владели мастерством слепого пилотирования.

Офицерский состав пополнялся в основном за счет оберфранценюнкеров, заканчивавших специальные военно-воздушные учебные заведения. Офицерские кадры готовились в четырех школах ВВС и двух академиях: военно-воздушной и военно-технической.

В августе 1939 г. в ВВС насчитывалось 373 тыс. человек, в том числе в авиации и воздушно-десантных войсках — 208 тыс. человек (из них 20 тыс. летного состава), в зенитной артиллерии — 107 тыс. человек и в войсках связи — 58 тыс. человек. Количество офицеров в ВВС увеличилось с 12 тыс. в июне 1939 г. до 15 тыс. в августе того же года⁷. Немецкие ВВС располагали большим количеством боевых самолетов новейших типов. Летный состав имел надлежащую подготовку, а часть его — и боевой опыт.

На Нюрнбергском процессе бывший начальник генерального штаба люфтваффе Кессельринг показал: «Все было сделано для того, чтобы сделать германский военно-воздушный флот в отношении его личного летного состава, боевых качеств самолетов, зенитной артиллерии, службы воздушной связи и т. д. наиболее грозным флотом в мире. Это усилие привело к тому факту, что в начале войны или, самое позднее, в 1940 году мы имели исключительно высококачественный флот, даже если не было

¹ H. K o c h. Flak. Die Geschichte der deutschen Flakartillerie und der Einsatz der Luftwaffenhelfer. Bad Nauheim, 1965, S. 81—82.

² G. F e u c h t e r. Der Luftkrieg, S. 121.

³ G. T e s s i n. Formationsgeschichte der Wehrmacht 1933—1939, S. 15, 96.

⁴ I b i d., S. 104.

⁵ K. V o l k e r. Die deutsche Luftwaffe 1933—1939, S. 183, G. T e s s i n. Formationsgeschichte der Wehrmacht 1933—1939, S. 90.

⁶ K. V o l k e r. Die deutsche Luftwaffe 1933—1939, S. 183.

⁷ I b i d e m.

единой формы стандарта»¹. Это заявление в какой-то степени отражало действительное положение вещей. Воздушные армады Геринга сыграли немалую роль в наступательных операциях германских вооруженных сил 1939—1940 гг.

Однако имелись и существенные просчеты в строительстве ВВС. Гитлеровцам не удалось создать сильной стратегической авиации. Авиация все более ориентировалась на оперативно-тактическое взаимодействие с сухопутными войсками, что отвечало концепции блицкрига. Кроме того, люфтваффе оказались недостаточно подготовлены для широкой поддержки действий военно-морского флота, так как численность военно-морской авиации была невелика. Малый радиус действия военно-морской авиации и отсутствие авианосцев не позволяли использовать ее для борьбы на отдаленных (свыше 500 км) морских коммуникациях. Порядок подчинения и управления военно-морской авиацией не обеспечивал тесного взаимодействия с военно-морским флотом. Геринг решительно отклонял предложения о непосредственном подчинении этой авиации флоту.

Военно-морской флот Германии вступил во вторую мировую войну менее подготовленным, чем сухопутная армия и военно-воздушные силы. И дело не только в том, что на первом этапе главные усилия «третьего рейха» направлялись на создание максимально мощных сил для ведения войны на сухопутных театрах. Основным фактором являлась неверная оценка государственным руководством и военно-морским командованием Германии реальных возможностей страны в строительстве флота, роли различных классов военно-морских кораблей, а также военно-морской авиации в будущей войне.

Это отразилось на разработке в конце 1938 г. большой программы строительства крупного «сбалансированного» военно-морского флота, получившей название плана «Z».

По этому плану к 1948 году предусматривалось построить и иметь в составе флота 10 тяжелых боевых кораблей (линкоров водоизмещением 50—54 тыс. тонн и линейных крейсеров по 29 тыс. тонн), 12 броненосцев по 20 тыс. тонн, 3 «карманных» крейсера (по 10 тыс. тонн), 4 авианосца, 5 тяжелых крейсеров, 22 легких крейсера, 22 разведывательных (дозорных) крейсера, 68 миноносцев (в том числе эскадренных), 249 подводных лодок, 10 минных заградителей, 75 торпедных катеров и 227 других военных судов специального назначения². В январе 1939 г. Гитлер утвердил этот план и потребовал выполнить его в течение шести лет, то есть в 1944 г.³, одновременно объявив развитие ВМФ первоочередной задачей военного строительства⁴.

План «Z» основывался на глубоко укоренившемся среди высшего военно-морского командования Германии убеждении, будто война на море решается надводным, прежде всего линейным и крейсерским, флотом. Поэтому в первую очередь строились надводные корабли, а во вторую — подводные лодки. Предусматривалось, что военно-морские силы по количеству, качеству и огневой мощи должны превосходить английский флот. Но для достижения этого не хватало ни средств, ни времени. По общему водоизмещению германский военно-морской флот уступал английскому в 7 раз, а французскому — почти в 3 раза⁵. Адмирал Дениц отмечал: «Летом 1939 г. мы не располагали даже приблизительно доста-

¹ Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 118.

² IMT, vol. XXXV, p. 585.

³ «Marine Rundschau». Beiheft 3. Berlin — Frankfurt a/M., April 1958, S. 57.

⁴ IMT, vol. XXXV, p. 597.

⁵ Мировая война. 1939—1945 годы. Сборник статей. Перевод с немецкого. М., 1957, стр. 283.

точными военно-морскими силами, при помощи которых могли бы противостоять Англии на решающем театре военных действий — в Атлантическом океане»¹.

К началу второй мировой войны военно-морские силы фашистской Германии насчитывали 159 557 человек личного состава и имели 107 боевых кораблей общим водоизмещением свыше 350 тыс. тонн, в том числе 86 новейших кораблей водоизмещением 250 тыс. тонн, построенных в период с 1933 по 1939 г. Из 107 боевых кораблей в строю находилось 2 линкора, 2 тяжелых и 3 «карманных» крейсера, 6 легких крейсеров, 22 эскадренных миноносца, 15 миноносцев, 57 подводных лодок². Кроме того, строилось еще 35 кораблей (общим водоизмещением 225 тыс. тонн)³, из них 1 авианосец, 2 линкора, 3 тяжелых крейсера, 1 эскадренный миноносец, 19 миноносцев, 9 подводных лодок⁴. «В результате, — справедливо замечает советский адмирал В. А. Алафузов, — германский флот, будучи по своему качественному составу (по классам и типам кораблей) надводным флотом, призванным к борьбе за достижение господства на море, по своему количественному составу не соответствовал этому назначению. Не соответствовал он и задачам подводной войны (всего 57 подводных лодок), выдвигавшейся как средство поражения Англии сторонниками сильного подводного флота, возглавлявшимися Деницем»⁵. Тем не менее английский военно-морской флот оказался не подготовленным к борьбе даже с тем небольшим количеством подводных лодок, которыми располагала Германия к началу войны.

Руководство каждым из трех существовавших в фашистской Германии видов вооруженных сил осуществлялось их главнокомандующими, имевшими свои генеральные штабы. Главнокомандующими сухопутными силами были генерал-полковник Фрич (до 1938 г.) и генерал-полковник Браухич (с начала 1938 г.), военно-воздушными силами — рейхсмаршал Геринг, военно-морским флотом — адмирал Редер. Руководство вермахтом до февраля 1938 г. осуществлял военный министр генерал-фельдмаршал Бломберг, отдававший по согласованию с фюрером общие указания в отношении строительства вооруженных сил и подготовки их к войне.

С целью создания высшего военного руководящего органа, который полностью отвечал бы условиям тотальной войны, и концентрации всей власти в одних руках Гитлер 4 февраля 1938 г. взял на себя не только формально, но и фактически функции верховного главнокомандующего вермахтом⁶. Военное министерство было упразднено, а его функции переданы вновь созданному верховному главному командованию, начальником штаба которого стал генерал-полковник Кейтель.

ОКВ предназначалось для координации действий всех видов вооруженных сил, гражданской администрации и экономических органов. В нем объединялись функции военного министерства, генерального штаба вермахта и личного штаба Гитлера как верховного главнокомандующего.

В рамках ОКВ был создан штаб оперативного руководства, призванный заниматься вопросами стратегического и оперативного руководства,

¹ К. D o n i t z. Mein wechselvolles Leben, S. 201.

² Морской атлас Т III Ч 2 М, 1963, лл 12, 15.

³ С. H e r m a n n. Die deutsche Militargeschichte, S. 436, IMT, vol XXXV, p. 571, К. Т и п п е л ь с к и р х. История второй мировой войны. Перевод с немецкого М., 1956, стр. 12.

⁴ Учитывались только корабли, которые должны были вводиться в строй вскоре после 1 сентября 1939 г. С началом войны строительство многих крупных кораблей, в том числе авианосца, было законсервировано и основные усилия направлены на форсированное строительство подводных лодок.

⁵ В. А. Алафузов. Доктрины германского флота. М., 1956, стр. 156.

⁶ «Reichsgesetzblatt», 1938, T. I, S. 111.

координировать деятельность генеральных штабов трех видов вооруженных сил. Начальнику штаба генералу Иодлю было предоставлено право непосредственного доклада фюреру.

В результате мер, осуществленных в феврале 1938 г., наиболее агрессивные круги генералитета взяли на себя руководящую роль в подготовке войны; они стали определять стратегию немецкого милитаризма и темпы военных приготовлений.

В августе 1939 г. были полностью введены штаты военного времени. Главное командование и генеральный штаб сухопутных войск разделились на две части. Одна — основная стала осуществлять руководство действующей армией и образовала ставку (*Das Oberkommando des Heeres — OKH*), на другую возлагалось руководство вновь созданной резервной армией, а также производством вооружения, мобилизацией и подготовкой людских и материальных резервов.

Все строительство вермахта проходило под непосредственным руководством нацистской верхушки. Гитлер утверждал, что партия и вермахт — это две опоры, несущие на себе национал-социалистскую Германию. В брошюре, усиленно рекомендованной главнокомандующим вермахтом и военным министром генерал-фельдмаршалом Бломбергом, говорилось: каждый «солдат — это национал-социалист, хотя у него и нет партийного билета. Новый вермахт, обязанный национал-социализму своим существованием и своей свободой, связан с ним и на жизнь и на смерть»¹.

За шесть предвоенных лет рейхсвер из небольшой профессиональной сухопутной армии, которой по Версальскому договору запрещалось иметь танки, тяжелую артиллерию, самолеты, противотанковые орудия, превратился в самую сильную армию капиталистического мира.

Личный состав вермахта, особенно офицерский корпус, в подавляющем большинстве был заражен нацистской идеологией, ревностно исполнял волю господствующих классов фашистской Германии и послушно следовал за фюрером.

Выступая в рейхстаге 1 сентября 1939 г., Гитлер заявил: «Более чем в течение 6 лет я был занят созданием германских вооруженных сил. В течение этого периода более 90 млрд. рейхсмарок было потрачено на создание вооруженных сил, и теперь наши вооруженные силы — самые лучшие в мире с точки зрения количества и качества их вооружения. Они также гораздо лучше теперь, чем были в 1914 году»².

Фашистские заправилы «третьего рейха» полагали, что вооруженные силы Германии готовы к осуществлению намеченной ими программы, и были до надменности уверены в успешном исходе войны.

Вооруженные силы Италии комплектовались на основе всеобщей воинской повинности со сроком действительной службы 1,5 года. К началу второй мировой войны в стране насчитывалось 8,8 млн. мужчин в возрасте от 18 до 55 лет, в том числе годных к военной службе — около 7,2 млн. человек. Мобилизационные возможности Италии ограничивались сравнительно небольшой численностью населения.

Милитаризация населения Италии получила юридическое оформление в законе «Об организации нации для войны» от 8 февраля 1925 г., изданном вскоре после прихода фашистов к власти. Закон устанавливал не только общие принципы мобилизации, но и функции отдельных ведомств, а также структуру государственного аппарата в условиях войны. Эти положения затем были развернуты в законе от 8 мая 1931 г. «О военной дисциплине», предусматривавшем личное участие всех граждан в на-

¹ W. J o s t. Verteidigung — politische Revolution des Nazionalsozialismus. Hamburg, 1935.

² Цит. по: Нюрнбергский процесс (в семи томах), т. II, стр. 49.

циональной обороне. В другом законе — «О военизации итальянской нации», принятом 31 декабря 1934 г., военное обучение было установлено с того момента, как ребенок пошел учиться, и должно продолжаться в течение всего времени, пока гражданин способен владеть оружием.

Вооруженные силы состояли из трех видов (сухопутных сил, военно-воздушных сил и военно-морского флота) и войск национальной безопасности. Всего в итальянской армии летом 1939 г. насчитывалось 1 753 тыс. человек. Формально во главе вооруженных сил стоял король. Однако в действительности власть принадлежала военному, авиационному и морскому министерствам, которые возглавлял Муссолини. Ему непосредственно был подчинен генеральный штаб, начальник которого имел ранг заместителя министра. На этой должности в течение почти 15 лет (1925—1940 гг.) Муссолини держал маршала Бадольо, в функции которого входила координация деятельности всех видов вооруженных сил, а фактически он довольствовался ролью технического консультанта главы правительства. Наряду с министерствами существовал межведомственный орган — высший совет национальной обороны, низведенный до роли совещательного органа ¹.

Сухопутные войска — наиболее многочисленный вид вооруженных сил — состояли из армии, находившейся в метрополии, и колониальных войск. К середине апреля 1939 г. в армии метрополии по штатам мирного времени насчитывалось 450 тыс. человек — 67 слабо укомплектованных дивизий (в том числе 58 пехотных, 2 танковые, 2 моторизованные и 5 горнострелковых), объединенных в 22 корпуса и 5 армий ². По мобилизационному плану в сухопутных войсках предусматривалось иметь 88 дивизий. Дополнительно планировалось формирование танковой и 12 специальных моторизованных дивизий для действий в Африке.

Пехотная дивизия состояла из двух пехотных и артиллерийского полков, минометного батальона, роты противотанковых орудий, легиона фашистской милиции, частей обеспечения и обслуживания. Всего в дивизии насчитывалось 12 979 человек, 34 орудия полевой артиллерии (65-мм и 100-мм), 126 45-мм и 30 81-мм минометов, 8 47-мм противотанковых и 8 20-мм зенитных пушек ³.

В состав танковой дивизии входили танковый, берсальерский, артиллерийский полки, части обеспечения и обслуживания. В ней насчитывалось 7439 человек, 184 легких танка, вооруженных 37-мм пушками, 24 75-мм орудия полевой артиллерии на мехтяге, 8 47-мм противотанковых и 16 20-мм зенитных пушек, 581 автомашина, 1170 мотоциклов и 48 тракторов ⁴.

Моторизованная дивизия имела два моторизованных, берсальерский и артиллерийский полки, минометный батальон, а также части и подразделения обеспечения и обслуживания. Всего в дивизии насчитывалось 10 500 человек, 24 75-мм и 100-мм орудия полевой артиллерии, 56 45-мм и 12 81-мм минометов, 24 47-мм противотанковых и 16 20-мм зенитных пушек, 581 автомашина, 1170 мотоциклов и 48 тракторов ⁵.

Горнострелковая дивизия в организационно-штатном отношении значительно отличалась от пехотной. В своем составе она имела 14 786 человек, 24 75-мм горных орудия, 54 45-мм и 24 81-мм миномета ⁶.

¹ La Guerre en Méditerranée 1939—1945. Actes du Colloque International tenu à Paris du 8 au 11 avril 1969. Paris, 1971, p. 45—47, 56.

² Storia della artiglieria italiana. Parte V. Vol. XVI (L'artiglieria italiana nelle operazioni belliche: dal 1920 al 1945). Roma, 1955, p. 27.

³ L'Esercito italiano tra la 1-a e la 2-a guerra mondiale, p. 307.

⁴ I b i d., p. 312.

⁵ I b i d., p. 311.

⁶ I b i d., p. 308.

Рядовой состав колониальных войск Италии комплектовался из местного населения на добровольных началах, сержантский и офицерский — за счет итальянцев. Перед войной в этих войсках насчитывалось около 223 тыс. человек. Высшим их соединением являлась пехотная бригада.

Сухопутные войска итальянской метрополии в большей части были слабо вооружены, недостаточно экипированы и плохо обучены. Они предназначались главным образом для обороны района Альп. Армия не располагала современными типами танков, противотанковым оружием, автотранспортом; производство орудий часто ограничивалось устаревшими образцами. Муссолини отдал распоряжение до июня 1938 г. использовать для армии чрезвычайные фонды, но их хватило только на выпуск нового вооружения, предназначенного для боевых действий в Испании.

Огромные средства правительство вкладывало в военно-воздушные силы. К началу войны в Европе в ВВС насчитывалось 2802 самолета, из них 2132 самолета находилось в войсках (890 бомбардировщиков, 691 истребитель, 354 разведчика, 197 самолетов морской авиации)¹. При этом только около 1690 самолетов, из них 200 машин устаревших марок, были готовы к участию в боевых действиях².

По своим тактико-техническим данным итальянская истребительная авиация отставала от английской и немецкой, а бомбардировочная хотя и не уступала им, но имела более слабое вооружение.

Высшим органом ВВС являлось министерство, которому подчинялись все боевые части, территориальные авиационные формирования и учреждения (авиационные округа, базы и другие). Высшим соединением военно-воздушных сил была эскадра, состоявшая из двух-трех дивизий и одной-двух бригад. Дивизия имела три-четыре полка, бригада — два-три полка. Полк включал в себя две-три группы, а группа — две-три эскадрильи. По штатам в эскадрилье было девять-десять самолетов³.

Готовясь к завоеванию господства на морских пространствах, Италия содержала крупный военно-морской флот, который по численности надводных боевых кораблей занимал после Великобритании и Франции третье место в Европе, а по подводным лодкам — первое место в мире. К началу второй мировой войны в составе итальянского флота было 4 линейных корабля, 22 крейсера, 128 эсминцев и миноносцев, 105 подводных лодок⁴.

ВМФ возглавляло министерство, при котором имелся морской генеральный штаб как орган управления всеми надводными и подводными силами флота, военно-морскими округами и базами.

По своим боевым качествам итальянские линкоры и крейсера уступали английским и французским, были слабо оснащены новейшими техническими средствами. Линкоры были по преимуществу устаревших конструкций, крейсера имели ряд конструктивных недостатков. По количеству эсминцев итальянские военно-морские силы превосходили английский и французский флоты в Средиземном море, но у последних почти все корабли этого класса имели большее водоизмещение и артиллерию более крупного калибра.

Большую часть итальянских подводных лодок составляли малые лодки, с низкой боеспособностью и маневренностью, медленным погру-

¹ G S a n t o r o L'aeronautica italiana nella seconda guerra mondiale Documenti aeronautici. Vol I Roma — Milano, 1957, p 33—34

² I b i d e m

³ R G e n t i l e Storia delle operazioni aeree nella seconda guerra mondiale (1939—1945) Roma, 1952, p 185—189

⁴ La marina italiana nella seconda guerra mondiale Dati statistici Roma, 1950, p 15

жением, с большим шумом механизмов. Подводные лодки не имели бесследных торпед. К ночным боям флот подготовлен не был. Но самыми значительными недостатками его были слабая подготовка командного состава, отсутствие авианосной авиации (если не считать 20 корабельных самолетов), а также хронический недостаток топлива. Все это привело к тому, что итальянский флот оказался плохо подготовленным к борьбе на средиземноморских коммуникациях, защите своих морских сообщений и обороне побережья, что являлось его главной задачей.

Войска национальной безопасности включали фашистскую милицию, военную полицию (карабинеров), пограничные и таможенные войска, специальную милицию (железнодорожная, портовая, охраны лесов, дорожная) и войска морской пехоты. Фашистская милиция состояла из отдельных легионов, батальонов чернорубашечников и войск противовоздушной и береговой обороны страны.

К началу войны в Европе в войсках ПВО имелось 22 легиона зенитной артиллерии фашистской милиции, 4 отдельных зенитных полка (по 64 76-мм пушки и 32 пулемета) и 3 дивизиона (по 16 76-мм пушек и 8 пулеметов) в сухопутных войсках; они предназначались для противовоздушной обороны крупных городов метрополии и за ее пределами (Триполи и Бенгази).

Для организации противовоздушной обороны страны вся ее территория делилась на 28 зон, для руководства которыми было создано 15 командований. Последние непосредственно подчинялись заместителю начальника генерального штаба по территориальной обороне, являвшемуся одновременно командующим противовоздушной обороной.

К началу второй мировой войны итальянские вооруженные силы дислоцировались в различных районах Средиземноморья. В метрополии находилось 48 дивизий (2-я и 4-я армии) и большая часть ВВС. В портах и военно-морских базах Апеннинского полуострова (Таранто, Неаполь, Бриндизи, Бари, Специя и другие), острова Сицилия (Мессина, Аугуста, Сиракузы, Палермо) и острова Сардиния (Кальяри) базировались основные силы флота. В Ливии, на границе с Тунисом, Алжиром и Египтом были развернуты 5-я и 10-я армии, насчитывавшие 12 дивизий и 315 боевых самолетов. В портах Тобрук и Триполи (Ливия) базировались 12 эсминцев и миноносцев, 3 эскортных корабля и 9 подводных лодок. На Додеканезских островах дислоцировалась одна дивизия, на их порты базировались 6 миноносцев, 20 торпедных катеров и 8 подводных лодок. Крупные группировки итальянских войск из метрополии и колоний находились в Албании и Эфиопии.

В целом вооруженные силы Италии не были готовы к войне. Боевая подготовка и моральный дух армии не отвечали требованиям ведения борьбы с сильным противником. Широкая пропаганда силы и могущества Италии, насаждение фашистской идеологии, призывы к созданию «великой Римской империи» и заверения в возможности достижения этой цели не вызывали энтузиазма в народе и вооруженных силах.

Вооруженные силы Японии возглавлял император, руководивший ими через ставку — высший военный орган страны. Созданная в ноябре 1937 г. и находившаяся под контролем императора, ставка обладала широкими полномочиями и имела право принимать решения по важнейшим вопросам оперативно-стратегического характера без утверждения со стороны правительства и даже без его ведома¹. Однако это был «слабо скоординированный орган», ибо «отдел армии и отдел флота стремились действовать самостоятельно»².

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 227.

² Там же.

Сухопутные войска возглавляли военный министр и начальник генерального штаба армии, а флот — морской министр и начальник морского генерального штаба. При главнокомандующем (императоре) имелись совещательные органы: совет маршалов и высший военный совет. Основная задача высшего военного совета состояла в согласовании требований армии и флота. Главным мобилизационным органом являлся совет национальных ресурсов (под председательством премьер-министра), который ведал всесторонней подготовкой страны к войне.

На конец марта 1939 г. в сухопутных войсках, состоявших из групп армий, армий, соединений и частей, насчитывалось 1 240 тыс. человек ¹. Высшим тактическим соединением являлась дивизия. В 1937—1939 гг. их число с 30 (в том числе 6 резервных) возросло до 41 ². Дивизии делились на три типа: «А-I» — двухбригадного состава (штатная численность 29 400 человек, 148 орудий, 81 танк); полкового состава — усиленная («А») (24 600 человек, 102 орудия и 7 танков) и обычная (13—16 тыс. человек, 75 орудий) ³. Основная масса сухопутных войск вела боевые действия в Китае (25 дивизий). В метрополии и Корее дислоцировалось 7 дивизий. Кроме того, на территории Японии имелось 10 учебных дивизий. В 1939 г. в состав Квантунской армии были включены 3 армии (9 пехотных дивизий усиленного состава, авиационная дивизия, кавалерийская бригада, 13 пограничных охранных отрядов и другие отдельные части) общей численностью более 300 тыс. человек (без учета местных формирований) ⁴.

В 1937—1939 гг. огневая мощь сухопутных войск значительно возросла, в первую очередь за счет оснащения пехотных частей и подразделений новым и модернизированным артиллерийским и стрелковым оружием. Вместо устаревших 72-мм мортир и 37-мм пушек образца 1922 г. на вооружение поступили 70-мм пушки-гаубицы. В пехотные полки кроме батарей полковой артиллерии, вооруженных 75-мм пушкой образца «41», были включены противотанковые батареи, оснащенные новыми 37-мм скорострельными пушками. Артиллерийские полки пехотных дивизий имели на вооружении модернизированные 75-мм пушки образца «38» и 105-мм гаубицы образца «91» ⁵. К 1939 г. в танковых войсках насчитывалось более 2 тыс. танков, из них около половины — устаревших конструкций ⁶.

За этот же период количество эскадрилий авиации сухопутных войск увеличилось с 54 до 91 (44 тыс. человек, около 1 тыс. самолетов). Военно-воздушные силы армии были сведены в авиационные дивизии, бригады и отряды, имевшие на вооружении одноместные истребители типов «95» и «96» (скорость 380 км/час), разведывательные самолеты «94», одномоторные и двухмоторные легкие бомбардировщики «93», средние бомбардировщики «93» и «97» (скорость 220 и 474 км/час) с бомбовой нагрузкой от 500 до 1000 кг ⁷.

Согласно принятому в конце 1938 г. полемому уставу особое внимание уделялось обучению войск ведению наступательных боевых действий. Главный удар рекомендовалось наносить во фланги, стыки, по незащищенным участкам, районам расположения слабых войсковых частей противника и там, где он не ожидал нападения ⁸.

¹ 服部卓四郎 大東亜戦争全史, 第四卷, 東京, 昭和31年, 137頁。

² 服部卓四郎 大東亜戦争全史, 東京, 昭和45年, 184頁。

³ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 99.

⁴ 太平洋戦争への道, 開戦外交史, 第七卷, 東京, 昭和38年, 97頁。ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 136.

⁵ Артиллерия японской армии. М., 1939, стр. 4—17.

⁶ 太平洋戦争終結論, 321頁。

⁷ 服部卓四郎 大東亜戦争全史, 第二卷, 東京, 昭和31年, 150—157頁。

⁸ Полевой устав японской армии 1938 г., стр. 168.

При отработке вопросов организации обороны большое внимание уделялось противотанковой обороне. Для борьбы с танками предусматривалось создание противотанковых штурмовых групп, вооруженных связками гранат, минами, шестами со взрывными зарядами, использование тяжелых пулеметов, скорострельных противотанковых пушек, орудий полковой и дивизионной артиллерии, создание минных полей, ям-ловушек и т. д.¹ Сухопутные войска обучались в основном ведению боевых действий в сложных условиях: ночью, в горах, лесу, джунглях, населенных пунктах².

Летный состав военно-воздушных сил армии готовился в четырех авиашколах. При подготовке летчиков широко практиковались длительные групповые, ночные и высотные полеты, а также слепые полеты в сложных метеорологических условиях. Каждый летчик имел в год в среднем по 150 часов налета.

Осенью 1939 г. в состав военно-морских сил Японии входили: объединенный флот, состоявший из 1-го и 2-го флотов; флот китайского фронта, в состав которого входили 3, 4 и 5-й флоты; учебный флот; сторожевая эскадра, охранявшая восемь военно-морских баз; учебная флотилия; флотилия вспомогательной службы и флотилия резерва³.

Особое внимание японское командование уделяло строительству линейных кораблей с орудиями сверхкрупных калибров, рассматривая это как залог победы в морской войне. Из десяти линейных кораблей два имели главную артиллерию калибром 406 мм и восемь — калибром 356 мм. В ноябре 1937 г. в Кобе был заложен сверхмощный линкор «Ямато» водоизмещением 69 100 тонн, имевший на вооружении орудия калибром 460 мм⁴.

Большая роль отводилась развитию авианосного флота. Два авианосца («Кага» и «Акаги») были переоборудованы из линкора и линейного крейсера, а «Рюдзё», «Хосё», «Сорю» и «Хирю» построены заново⁵.

Ведя войну в Китае и готовясь к расширению агрессии, японские милитаристы принимали все меры для ввода в строй новых боевых кораблей. В 1937 г. были спущены на воду 3 тяжелых крейсера, авианосец и 19 других боевых кораблей, в 1938 г. — 16 кораблей, в 1939 г. — 23 корабля.

За три года флот пополнился 62 боевыми кораблями общим водоизмещением 154 994 тонны⁶. В конце 1939 г. ВМФ имел 10 линкоров, 6 авианосцев с 396 самолетами, 35 крейсеров, 121 эскадренный миноносец, 56 подводных лодок⁷.

Военно-морской флот Японии располагал целой системой морских баз, обеспечивавших развертывание агрессии против Советского Союза, европейских колониальных держав и Соединенных Штатов Америки.

В связи с подготовкой нападения на СССР были построены военно-морские базы на побережье Кореи — Расин, Сейсин, Юки, для воздушных и морских сил созданы опорные пункты на Курильских островах и укрепления на обоих берегах пролива Лаперуза — на острове Иесо и Южном

¹ Артиллерия японской армии, стр. 13.

² Г. Чепраков, Л. Соколов. Действия японских войск в сложных условиях. М., 1941.

³ 福井静夫 日本の軍艦, 東京, 昭和45年, 290—292頁。

⁴ 小林宏 太平洋海戦と経営戦略, 168頁。

⁵ M. Okumiyu, J. Horikoshi, M. Caidin. Zero! The Story of Japanese Navy Air Force 1937—1945. London, 1957, p. 138—139.

⁶ 太平洋戦争終結論, 321頁。ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 189.

⁷ Подсчитано по: 福井静夫 日本の軍艦, 300—310頁。

Сахалине. Одновременно строились военно-морские базы на мандатных островах (Марианских, Каролинских и Маршалловых) ¹.

Опираясь на широкую сеть баз, военно-морское командование Японии развернуло усиленную подготовку личного состава к войне. В 1938—1939 гг. особенно интенсивно отрабатывались вопросы ведения боевых действий против советского Тихоокеанского флота и флота США в районе Филиппинских островов и острова Гуам.

К 1939 г. Япония завершила создание кольцевой системы противовоздушной обороны, имевшей трехзонное построение. Глубина всей системы обороны в приморских районах достигала 160—170 км. На вооружении войск ПВО состояли современные стационарные и подвижные зенитные орудия, истребители-перехватчики, зенитные пулеметы, аэростаты заграждения ².

Придавая большое значение идеологической обработке военнослужащих, командование японских вооруженных сил содержало специальный пропагандистский аппарат. Оно прививало личному составу монархистско-милитаристскую идеологию, имевшую антикоммунистическую направленность. Солдаты и офицеры воспитывались в духе безграничной верности и преданности императору и беспрекословного подчинения старшим ³.

Идея паназиатизма являлась одной из главных основ шовинистической пропаганды. Повсеместно внушалась мысль о «великой миссии» Японии по освобождению народов желтой расы от гнета белых, об установлении на Востоке «рая и благоденствия», «вечного мира» и т. д. Как правило, в пропаганде широко использовались религиозные догмы о божественном происхождении Японии и ее императора, почитании предков и обожествлении героев. В целом японским милитаристским кругам удалось создать преданную и послушную армию, готовую выполнить любой приказ.

Таким образом, хотя высшее военно-политическое руководство планировало завершить подготовку вооруженных сил в 1941—1942 гг. ⁴, однако уже к началу второй мировой войны Япония обладала значительной военной мощью.

* * *

Накануне войны вооруженные силы главных стран фашистского блока были далеко не равноценны. В то время как вермахт имел современную военную технику и по вооружению, боевой подготовке войск, выучке офицерского и унтер-офицерского состава превосходил сухопутные армии и авиацию Франции, Англии, тем более Польши, вооруженные силы фашистской Италии отставали по всем этим показателям не только от своего главного союзника, но и от основных противников. Японская армия и военно-морской флот отличались хорошей боевой подготовкой личного состава, которая в ходе войны в известной мере могла компенсировать отставание по некоторым видам вооружения от главного противника в бассейне Тихого океана — США.

На основе фашистско-милитаристского режима в Германии, Италии и Японии проводилась максимальная милитаризация всех сфер общественной жизни и подготовка массовых вооруженных сил.

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, лл. 190, 247; «Морской сборник», 1940, № 6, стр. 67—68.

² 国防制度と開発任務名分, 東京, 昭和13年, 18頁。

³ 飯塚小路 日本の軍隊, 40頁。

⁴ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 192.

3. Военные доктрины Великобритании, Франции, США и Польши

Накануне второй мировой войны в противовес фашистскому блоку складывалась другая группировка капиталистических государств, ведущую роль в которой играли Англия, Франция и США, связанные между собой общими интересами. Отношения между Англией, Францией и Польшей были оформлены союзными договорами. На формирование военных доктрин этих стран все большее влияние оказывали не только стремление каждой из них к упрочению и расширению своего влияния на мировой арене и общая антисоветская направленность их политики, но и сложившаяся международная обстановка, явно агрессивный курс германского фашизма и японского милитаризма, рассчитанный на ревизию итогов первой мировой войны и завоевание мирового господства.

Военная доктрина Великобритании складывалась, кроме того, под влиянием особенностей географического положения и многовекового процесса развития этой колониальной державы.

Относительно небогатая экономическими и людскими ресурсами метрополия Британской империи расположена на островах. Моря и проливы, омывающие Англию, представляют собой серьезное естественное препятствие на пути внешних врагов. Огромные колониальные владения являлись основным источником продовольствия и сырья, а также рынком сбыта промышленной продукции. Во время войн, которые вела Великобритания в Европе и других частях мира, ее колонии платили дань и поставкой солдат.

Разработка важнейших положений военной доктрины, составлявших так называемую «большую стратегию», входила в компетенцию комитета имперской обороны, его подкомитетов, комитета начальников штабов и колледжа имперской обороны. Однако особенностью межвоенного периода явилось то, что наибольший вклад в развитие военно-теоретической мысли был сделан учеными, не являвшимися официальными военными теоретиками, — Б. Лиддел Гартом, Д. Фуллером, Х. Тренчардом, Г. Ричмондом и другими. И хотя их взгляды на характер и способы ведения войны не были приняты в качестве официальной доктрины, они оказали существенное влияние на ее формирование.

Политическое содержание военной доктрины Англии обуславливалось прежде всего задачей обеспечения и расширения господства британского империализма в обширных колониальных владениях и сохранения лидирующего положения среди стран Европейского континента. Сформулированные военно-политическим руководством Англии и положенные в основу имперской стратегии принципы ведения войны сводились к следующему¹:

— владения империи разбросаны по всем частям земного шара, поэтому море является основным средством связи между ними и метрополией и важнейшим театром военных действий в случае конфликта с другими государствами. Основные способы в достижении победы — прежде всего борьба за господство на море, операции на морских коммуникациях и морская блокада противника;

— метрополия, являющаяся главной финансовой и промышленной базой империи, находится в непосредственной близости от государств Западной Европы, с которыми она поддерживает традиционные политические и экономические связи. Угроза безопасности Британских островов может возникнуть лишь со стороны европейских государств. Поэтому Англия должна стремиться последовательно проводить политику «равно-

¹ P. Walker. The Commonwealth. London, 1962, p. 292—293; D. Cole. Imperial Military Geography. London, 1950, p. 1—3.

весия сил», то есть максимально использовать в своих интересах противоречия между ее империалистическими соперниками, а в случае конфликта создавать коалиции, возлагая при этом основную тяжесть ведения вооруженной борьбы на армии союзников;

— огромная протяженность сухопутных границ в колониях и зависимых странах империи и постоянная угроза усиления национально-освободительного движения в них требуют наличия значительных сухопутных сил для поддержания английского господства.

Характеризуя традиционные военно-политические концепции английского империализма, Фуллер писал: «Британия стремилась... разделять путем соперничества великие континентальные державы и сохранять равновесие между ними... Врагом становилось не самое плохое государство, а то, которое больше, чем остальные, угрожало Британии или ее империи. Так как такое государство обычно было сильнейшим из числа континентальных держав, британские государственные деятели в мирное время были на стороне второго по силе государства или группы государств, коалиция которых только слегка уступала сильнейшему государству. Исходя из этого принципа, они вовсе не стремились к уничтожению противника, ибо это навсегда расстроило бы равновесие сил. Поэтому целью войны было такое ослабление сильнейшего государства, чтобы можно было восстановить равновесие сил. Как только достигалось нужное ослабление, начинались переговоры о мире»¹.

Таким образом, основными задачами имперской стратегии являлись обеспечение безопасности морских коммуникаций, недопущение перехода их в руки противника; защита Англии, главного арсенала империи, от воздушного нападения; оборона сухопутных границ империи; подавление освободительного движения в колониях и революционного движения в метрополии и доминионах; выполнение союзнических и договорных обязательств Англии в Европе².

Политическое содержание английской военной доктрины определяло и ее военно-техническую сторону. В обеспечении задач имперской стратегии должны были участвовать все страны, входившие в состав империи. Формы и степень этого участия определялись следующими моментами. В мирное время Британская империя не имела единой армии, флота и военно-воздушных сил. Лишь в наиболее важных ее стратегических пунктах и базах находились английские гарнизоны, все остальные территории содержали собственные вооруженные силы, способные справиться с угрозой внешнего вторжения или внутренними волнениями до прибытия подкреплений из метрополии или соседних британских владений. Основным стратегическим резервом являлась англо-индийская армия. В случае большой войны в ней должны были участвовать вооруженные силы всех остальных колоний и доминионов³. Для превращения этих разрозненных многонациональных сил в единые армию, флот и ВВС требовались и единые организация, вооружение и система военного обучения.

Великобритания готовилась прежде всего к войне на море. Исход войны на море ставился в зависимость в основном от наличия крупных надводных кораблей. Значение подводных лодок и морской авиации недооценивалось. Военно-морские силы предназначались для борьбы с флотом противника, обеспечения морских коммуникаций и переброски сухопутных войск в различные районы мира.

¹ Д. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Перевод с английского. М., 1956, стр. 37—38.

² D. Cole. Imperial Military Geography, p. 3.

³ D. Cole. Imperial Military Geography, p. 21; R. Higham. Armed Forces in Peacetime. Britain, 1918—1940, p. 77; W. Elliott, H. Hall (Eds.). The British Commonwealth at War. New York, 1943, p. 59—60.

В официальном заявлении премьер-министра по вопросу обороны, сделанном в связи с предстоящими 11 марта 1935 г. дебатами в палате общин, это положение излагалось следующим образом:

«Если мир будет нарушен, флот, как всегда, окажется в первой линии обороны в деле обеспечения наших жизненно важных морских коммуникаций. Наши специфические проблемы обороны возникают в первую очередь из-за зависимости нашей страны от существующих ныне морских перевозок продовольствия и сырья и, во-вторых, из-за уникального положения Британской империи, ее разбросанности по всему миру и из-за того факта, что все ее территории в большей или меньшей степени зависят от морских сообщений для поддержания своего благосостояния или в ряде случаев для самого их существования; более того, различные части империи опираются как на последнее средство на транспортировку соответствующих сил и на их снабжение по морю, с тем чтобы противостоять агрессии и для обеспечения своих интересов и неприкосновенности территории.

Таким образом, безопасность морских путей в нашу страну, а также путей во все концы империи и обратно составляет основу нашей системы обороны империи, без которой все другие меры будут иметь очень слабую эффективность»¹.

Важные задачи возлагались и на авиацию, которая рассматривалась как стратегическое средство ведения войны. С 1923 г. в Англии была принята наступательная доктрина «воздушного устрашения». Военное руководство полагало, что, опираясь на военно-морские силы и авиацию, Великобритания сможет подорвать военно-экономический потенциал противника путем разрушения воздушными бомбардировками его политических и промышленных центров. В соответствии с этим наземные силы предполагалось использовать только в заключительных сражениях, чтобы нанести завершающий удар по врагу. Однако в 1937 г., когда министерство авиации приступило к планированию боевых действий против конкретного противника — Германии, выяснилась полная невозможность претворения этой концепции в жизнь². Английские самолеты того времени не могли достичь не только Берлина, но даже ближайшей германской границы. Великобритания не имела ни военно-воздушных баз на континенте, ни подготовленных кадров для нанесения сокрушительных ударов по Германии. Более того, концепция была признана опасной для самой Англии, поскольку она обуславливала одностороннее развитие ВВС — только как наступательной силы, в то время как вопросы воздушной обороны заморских владений и обеспечения возможности отразить удар противника по самой метрополии стояли на втором месте. На основании изучения имеющихся сил и потенциальных возможностей британской промышленности, а также опыта войны в Испании и Китае исследовательская группа министерства авиации пришла к выводу, что одна бомбардировочная авиация не сможет ни поразить Германию, ни защитить Англию и что лучшим средством обороны Британских островов явится истребительная авиация и зенитная артиллерия. В соответствии с этими выводами правительство выделило значительные средства на создание ПВО, и с 1938 г. в Англии в срочном порядке начали создаваться радарные станции и истребительная авиация³.

¹ Statement Relating to Defence issued in Connexion with the House of Commons Debate on March 11, 1935. London, 1935.

² C. B a r n e t t. Britain and Her Army 1509—1970. A Military, Political and Social Survey. New York, 1970, p. 417.

³ R. H i g h a m. Armed Forces in Peacetime. Britain, 1918—1940, p. 169, 179—181, 184—185; R. H i g h a m. The Military Intellectuals in Britain: 1918—1939. New Brunswick, 1966, p. 18.

С 1938 г. военно-воздушные силы стали считаться первым по значению видом вооруженных сил, им была поручена и оборона страны с воздуха¹. После 1936 г. началась разработка тактики использования ВВС во взаимодействии с другими видами вооруженных сил. «Воздушные силы,— подчеркивалось в английском уставе полевой службы,— будут содействовать подавлению сопротивления противника как путем самостоятельной атаки военных объектов с целью поражения противника, так и путем тесного взаимодействия с морским флотом и сухопутной армией»². Однако до начала войны многие вопросы теории и практики строительства и использования тактической авиации и авиации береговой обороны так и не были решены. К сентябрю 1939 г. штаб ВВС не имел ни точных оперативных оценок соотношения сил, ни законченного плана действий авиации в предстоящем военном конфликте.

До сентября 1939 г. роль сухопутных войск в английской военной доктрине никогда по-настоящему не определялась. Они являлись главным средством ведения захватнических колониальных войн, а их применение в возможных военных действиях в Европе сводилось к участию в боях одной или двух дивизий³. «От сухопутной армии,— указывалось в уставе,— может потребоваться в первую очередь обеспечение и защита баз для действий морского флота»⁴.

В соответствии с военной доктриной были сформулированы принципы стратегии. Основными из них были: правильное определение цели военных действий, внезапность, сосредоточение основных усилий на главном направлении, наступательные действия, четкое взаимодействие войск, экономия сил, обеспечение войск всем необходимым.

Еще в 1929 г. военное министерство издало официальный устав механизированной войны. В межвоенные годы разрабатывалась теоретически и отрабатывалась на практике тактика механизированных войск. Большой вклад в развитие этой области военного искусства внесли Фуллер, Линдсей, Брод, Пайл, Хобарт, Мартель⁵.

Английский экспериментальный центр механизированной войны, находившийся в Фарнборо, имел свой филиал в Египте. Новая бронетанковая техника проходила испытания в условиях пустыни⁶.

В ноябре 1937 г. Лиддел Гарт, назначенный советником военного министра, подготовил по его заданию труд «Роль армии», в котором рассматривалась стратегия Англии в случае войны со странами оси. Основным выводом автора сводился к тому, что Британская империя сможет удерживать свои позиции на Среднем Востоке и оказать помощь Франции только за счет максимального увеличения механизированных войск в составе армии метрополии и широкого использования ресурсов Индии как стратегического резерва для Среднего и Дальнего Востока. «Если обстоятельства вынудят нас оказать помощь Франции,— писал Лиддел Гарт,— наиболее эффективным ее видом будут мобильные танковые, а не пехотные дивизии: у Франции много последних и мало первых»⁷. Однако вследствие консерватизма высшего военного руководства Англии вопрос об увеличении количества бронетанковых частей так и не был решен до начала войны.

¹ R. Higham. *Armed Forces in Peacetime. Britain, 1918—1940*, p. 80.

² Английский устав полевой службы. Ч. III. Перевод с английского. М., 1937, стр. 10.

³ R. Higham. *Armed Forces in Peacetime. Britain, 1918—1940*, p. 81.

⁴ Английский устав полевой службы, ч. III, стр. 11.

⁵ P. Young, J. Lawford (Eds.). *History of the British Army*. New York, 1970, p. 249—250.

⁶ G. Hartcup. *The Challenge of War: Britain's Scientific and Engineering Contributions to World War Two*, p. 22.

⁷ P. Young, J. Lawford (Eds.). *History of the British Army*, p. 250—251.

Таким образом, несмотря на правильность некоторых принципов, в целом английская военная стратегия в предвоенные годы оставалась консервативной, неспособной решить стоявшие перед ней проблемы: она в не полной мере учитывала распространение новых средств вооруженной борьбы — танков и самолетов, не ориентировалась на массированное применение их в будущей войне. Основываясь прежде всего на опыте первой мировой войны, английская военная мысль не смогла дать всестороннего определения характера будущего конфликта.

Придавая первостепенное значение вопросу защиты Британской империи, военно-политическое руководство страны оценивало положение дел в любой части мира, в том числе и в Европе, прежде всего с точки зрения их влияния на незыблемость английского господства в обширных колониальных владениях. Начиная с 1933 г. в планах командующих видами вооруженных сил допускалась возможность ведения одновременной войны против Германии и Японии; с июля 1937 г. начали разрабатываться планы войны и против Италии. Каждая попытка английской дипломатии отколоть Италию от Германии сопровождалась отправкой подкреплений в зону Суэцкого канала¹. В период чехословацкого кризиса 1938 г. и после него Англия содержала в Египте и Палестине значительно больше войск, чем готовилась послать во Францию².

В феврале 1939 г. комитет начальников штабов представил кабинету министров доклад об обстановке в Европе, в котором стратегически наиболее важной вновь признавалась оборона Египта, Суэцкого канала и Индии, а также рекомендовалось выслать дополнительные силы британского флота на Дальний Восток³. Что касается Европы, то здесь Англия и накануне войны продолжала неуклонно придерживаться традиционной политики «баланса сил».

Стремление гитлеровской Германии к установлению мирового господства, и прежде всего господства в Европе, представляло непосредственную угрозу исконным интересам британского империализма. В решении комитета имперской обороны от 17 апреля 1939 г. подчеркивалось, что расчленение Германией Чехословакии и нападение Италии на Албанию существенно изменили обстановку в Европе, поставив Англию перед опасностью установления германо-итальянского политического господства на Европейском континенте⁴. Поэтому обе фашистские державы рассматривались как вероятные противники в будущей войне.

Предполагалось, что война с Германией вовлечет в свою орбиту многие страны и превратится в мировую войну, которая вряд ли будет скоротечной. Великобритания войдет в состав коалиции европейских государств, выступающих против держав фашистского блока. Ведущими странами коалиции должны стать Англия и Франция. Такая концепция определялась общностью империалистических интересов обеих стран.

В марте — мае, а затем в августе 1939 г. генеральные штабы Англии и Франции согласовали некоторые вопросы сотрудничества в случае войны в Европе, которые сводились к следующему.

Вооруженные силы Англии и Франции в случае войны предпримут совместные действия против Германии и Италии. Руководство общими боевыми операциями на определенных театрах военных действий возлагалось на командование одной из сторон. Английское командование с началом войны должно было предпринять активные действия силами военно-мор-

¹ I. Playfair. The Mediterranean and the Middle East. Vol. I. London, 1954, p. 2, 8, 10, 11—12.

² E. Robertson (Ed.). The Origins of the Second World War. London, 1971, p. 22.

³ Д. К и м х е. Несостоявшаяся битва, стр. 42.

⁴ «Новая и новейшая история», 1972, № 1, стр. 38.

ского флота и авиации, а также послать во Францию четыре пехотные дивизии.

Поскольку основную массу войск (свыше 100 дивизий) на Европейском театре выставляла Франция, планирование операций сухопутных войск возлагалось на французского главнокомандующего, которому подчинялись британские экспедиционные силы.

Предполагалось, что операции военно-морских флотов будут разрабатываться национальными командованиями и согласовываться через представителей союзников при штабах флотов.

Политическое и военное руководство Великобритании и Франции рассчитывало, что к англо-французской военной коалиции примкнут и другие европейские государства.

В мае 1939 г. состоялись англо-польские и франко-польские военные переговоры, на которых обсуждались вопросы оказания военной помощи Польше со стороны Англии и Франции в случае германской агрессии. Подписание 25 августа 1939 г. англо-польского договора о взаимопомощи и франко-польского договора 4 сентября 1939 г. означало официальное присоединение Польши к англо-французской коалиции.

Бельгия и Голландия занимали позицию нейтралитета. Правительство Великобритании 28 августа 1939 г. подтвердило свои обязательства об уважении нейтралитета Бельгии, затем аналогичное заявление было сделано в отношении Голландии. Однако в планах английского и французского генеральных штабов предусматривались действия по обороне Бельгии и Голландии, поскольку удержание этих стран в качестве союзников имело для Англии и Франции большое значение.

Несмотря на активные контакты между генеральными штабами, англо-французская коалиция накануне войны только начала создаваться. Единого стратегического плана ведения войны не было; серьезные противоречия между обеими странами, стремление каждой из них захватить ключевые позиции в коалиции мешали разработке согласованной совместной стратегии.

С конца июля 1939 г. принимаются некоторые меры по созданию единого союзнического руководства. С этой целью Чемберлен направил Даладье письмо, в котором предложил для координации совместных политических, военных и экономических усилий на период войны организовать такое руководство «по системе, аналогичной той, которая уже действовала в 1917 г., но с учетом некоторых изменений и приспособлений к соответствующей обстановке»¹. Считая необходимым в случае войны иметь объединенный высший военный совет, в котором Англию и Францию будут представлять премьер-министр каждой страны и еще один министр, Чемберлен предложил немедленно создать постоянно работающие межсоюзные военные штабы² с местопребыванием их в Лондоне или Париже.

Даладье поручил генералу Гамелену подготовить ответ на это письмо, а 3 августа направил Чемберлену свои предложения. Соглашаясь с необходимостью создания высшего военного совета как органа военного времени, Даладье предложил ввести в него представителей высшей военной власти и высказался за то, чтобы он собирался поочередно в Англии и во Франции³. Даладье согласился с предложением Чемберлена о формировании англо-французских миссий для пребывания на франко-германском фронте с самого начала войны и сообщил, что «с французской стороны такая миссия уже подготовлена»⁴. Он поддержал также идею Чемберлена о создании уже в самое ближайшее время организации

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7073, л. 3.

² Там же, л. 13.

³ Там же, л. 15.

⁴ Там же.

высших офицеров Англии и Франции, однако предложил назвать ее не штабом, а межсоюзным комитетом военных исследований (*Comité d'Études militaires interallié*)¹. Кроме того, Даладье предложил в ближайшее время заняться изучением совместных планов операций, созданием межсоюзных служб по вопросам экономики, военного транспорта и снабжения, организацией совместных театров военных действий (*Des théâtres d'opérations interalliés*)².

По всем этим вопросам генерал Гамелен обменялся мнениями с начальником комитета имперской обороны генералом Г. Исмэем, а 17 августа 1939 г. Чемберлен выразил свое согласие с предложением Даладье о введении представителей высшей военной власти в состав межсоюзного высшего военного совета и сообщил, что постоянные военные советники, которые будут находиться при этом совете, получают назначение в ближайшее время³. Но до начала войны оставалось всего две недели, и за этот короткий срок единое союзное командование, а тем более руководство создано не было.

И это не было случайностью. Стоявшая у власти в Англии реакционная группировка во главе с Чемберленом до последнего дня не оставляла надежд на возможность сговора с гитлеровской Германией, с тем чтобы направить фашистскую агрессию на Восток. «Не могло быть никакого сомнения,— писал впоследствии Фуллер,— что в 1939 г. лучшей политикой для Великобритании было остаться в стороне от войны, предоставив Германии и СССР возможность ослаблять друг друга»⁴. Эта политика наложила свой отпечаток на всю военную стратегию Англии, обусловив ее пассивный и нерешительный характер.

Военная доктрина Франции формировалась под влиянием итогов первой мировой войны. Ее политическое содержание определялось империалистической сущностью интересов правящих классов, стремлением сохранить выгодное политическое и стратегическое положение страны в Европе, создавшееся в результате поражения Германии и ее союзников в войне 1914—1918 гг.

Понимая, что своих сил для осуществления этих политических целей недостаточно, и учитывая растущую угрозу со стороны Германии, правящие круги Франции охотно шли на создание коалиции. Однако классовые интересы французской буржуазии привели в конечном счете к тому, что рамки коалиции не вышли за пределы капиталистической системы, а практически дело свелось лишь к военно-политическому сотрудничеству с Англией.

Объявив победу государств Антанты торжеством военной стратегии союзников, якобы обеспечившей истощение сил противника в ходе позиционной войны, военное руководство Франции полагало, что является единственным носителем прогресса военной мысли своего времени. Французские руководящие военные деятели не признавали серьезных ошибок, допущенных в годы первой мировой войны, и не хотели слышать никаких критических оценок ее опыта. «Любое исследование прошедшей войны,— пишет французский военный теоретик Э. Каррьас,— могло быть опубликовано только с разрешения военного министра... Благодаря этой замаскированной цензуре царил почти абсолютная косность, казенщина»⁵. Поэтому французская военная доктрина развивалась весьма медленно и отражала по многим пунктам ошибочность военно-теоретических воззрений.

¹ ИВИ. Документы и материалы, инв. № 7073, л. 15об.

² Там же, л. 17об.

³ Там же, л. 19.

⁴ J. Fuller. The Conduct of War 1789—1961. London, 1961, p. 264.

⁵ E. Carrías. La pensée militaire française. Paris, 1960, p. 317.

Французский генеральный штаб не придал должного значения тому, что появление моторизованной пехоты, танков и авиации наряду с внедрением для управления ими радио изменило характер вооруженной борьбы, сделав ее маневренной и динамичной¹. Многие военные теоретики доказывали, что в противовес развитию новых средств вооруженной борьбы — танков и авиации — появились не менее мощные средства противодействия — противотанковые и зенитные орудия, заранее созданные инженерные сооружения, увеличивавшие возможности обороны². Вследствие этого считалось, что надвигающаяся война вначале примет позиционный характер и мало чем будет отличаться от предшествовавшей.

Французская военная доктрина признавала, что будущая война неизбежно явится коалиционной и длительной и победа в ней может быть достигнута совместными усилиями всех видов вооруженных сил: сухопутных войск, авиации и военно-морского флота. Для коалиции западных держав (Франция, Англия, Польша, Бельгия, Голландия и другие) предполагались два периода военных действий: оборонительный, в котором силы противника будут истощены, и наступательный, в ходе которого армии союзников нанесут удар по неприятелю. Перед началом крупных сражений предусматривалось проведение мобилизации, стратегическое сосредоточение и развертывание подобно тому, как это происходило в начальный период первой мировой войны.

Идея позиционной войны нашла практическое воплощение в строительстве многочисленных укрепленных позиций вдоль всей восточной границы и морского побережья³.

Вся «система постоянных (долговременных) укреплений, созданных для прикрытия территории государства от возможности внешнего нашествия, — говорится в официальном документе, — позволяет в настоящее время: проводить мобилизацию под солидным прикрытием, требующим сравнительно небольшого расхода личного состава; обеспечить возможно лучшим образом наши крупные промышленные районы и важные пункты пограничных окраин; обеспечить для действий наших армий мощно оборудованную базу»⁴.

Основные положения наставления о роли крепостей в обороне государства пытался обосновать и развить известный французский военный теоретик Шовино в книге «Возможно ли еще вторжение?», вышедшей в начале 1939 г. Как в самом труде, так и в предисловии к нему, написан-

¹ L. Chassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale, p. 12, 13.

² Одним из сторонников этой теории являлся бывший военный министр Франции генерал Морэн.

³ На франко-германской границе протяженностью 351 км была создана мощная система долговременных укреплений, получившая название линии Мажино (по имени военного министра Франции с 1922 по 1931 г. А. Мажино). На севере она примыкала к стыку границ Франции, Бельгии и Люксембурга, на юге — к северным отрогам гор Юра. На этой линии было возведено около 5600 долговременных оборонительных сооружений со средней плотностью 15 сооружений на 1 км фронта. Линия Мажино включала четыре укрепленных района (Саарский, Метцский, Лаутерский и Бельфорский). На франко-бельгийской границе протяженностью 620 км был создан оборонительный рубеж, состоявший из одной полосы обороны, вторая перед войной только начинала строиться. Вдоль швейцарской границы (573 км) находилось два укрепленных участка — «Алькирх» и «Юра». На границе с Италией протяженностью 484 км были воздвигнуты северный (в Савойских Альпах), центральный (в Котских Альпах) и южный (в Приморских Альпах) укрепленные участки. Всего здесь насчитывалось около 400 долговременных оборонительных сооружений. На побережье Франции, в важных в оперативно-тактическом отношении районах, портах, военно-морских базах, были созданы узлы сопротивления и опорные пункты с долговременными пулеметными и артиллерийскими сооружениями — всего около 1000.

⁴ Французское наставление по использованию крупных войсковых соединений 1937 г. Перевод с французского. М., 1937, стр. 7—8.

ном маршалом Петэном, доказывалось, что в современных условиях при соответствующем фортификационном укреплении приграничных районов государства вторжение противника немыслимо. Основываясь на своих расчетах, Шовино утверждал, что при наличии непрерывного фронта укреплений на протяжении всех северо-восточных границ Франции (400 км) и своевременно развернутых войск с необходимым количеством пулеметов можно будет «удерживать германскую армию в течение трех лет». Иными словами, непрерывный приграничный укрепленный фронт должен сыграть роль непреодолимого барьера, каким, по расчетам французских правящих кругов и генерального штаба, и являлась линия Мажино, строительство которой было закончено к 1939 г.

В действительности строительство укрепленных районов и оборонительных линий протяженностью несколько сот километров имело для французов и некоторое отрицательное значение: вместо того чтобы использовать огромные средства на модернизацию вооруженных сил, их тратили на строительство укреплений, а французскому народу и армии внушалась успокоительная мысль, будто теперь страна надежно защищена от всякого вторжения.

В соответствии с общей оборонительной концепцией вырабатывались способы ведения боевых действий и использования родов войск и видов вооруженных сил. Предусматриваемые формы и способы вооруженной борьбы были пассивными, нерешительными, исключавшими риск и смелый маневр и основывались на устаревшем опыте первой мировой войны. Доказательством этого служит доклад редакционной комиссии упоминавшегося выше наставления. В нем говорилось: «Не отрицая значения успехов, достигнутых за истекшее время в области различных боевых средств и средств передвижения войск... комиссия... считает тем не менее, что технический прогресс не отразился существенным образом в тактической области на установленных ранее основных правилах». Поэтому комиссия определила, что «сущность военной доктрины, объективно зафиксированной на следующий день после победы¹ выдающимися начальниками, незадолго перед тем находившимися на высоких командных постах, должна оставаться основной базой для тактического использования наших крупных соединений»².

Французская военная доктрина основой непреодолимости обороны считала организацию непрерывного сплошного фронта вооруженной борьбы и огневого заграждения. Во имя создания такого фронтального огневого заграждения игнорировались глубина обороны и выделение резервов. При этом совершенно не учитывалось, что оборона должна быть активной³.

Конечно, было бы неверно утверждать, что французская теория абсолютно отвергала идею наступления. Но этот вид боевых действий допускался только в рамках мощной коалиции и против значительно ослабленного противника. Кроме того, в соответствии с наставлением по использованию крупных войсковых соединений наступление предполагалось проводить последовательно, по этапам, с предшествующей длительной и тщательной подготовкой. Идея внезапности совершенно исключалась⁴.

Французские военные специалисты много говорили о роли маневра и подвижности в вооруженных действиях, возросших благодаря широкой

¹ Имеется в виду первая мировая война 1914—1918 гг.

² Французское наставление по использованию крупных войсковых соединений 1937 г., стр. 6.

³ «Revue de défense nationale», décembre 1953, p. 566.

⁴ J. Chastenet. Cent ans de République. Vol. VII. Le drame final (1938—1940). Paris, 1970, p. 125.

моторизации и механизации войск. Однако маневр и подвижность рассматривались, по крайней мере для французской стороны, прежде всего в рамках оборонительных действий.

Основным видом вооруженных сил признавались сухопутные войска, а главным родом войск в них — пехота. «Пехота, — говорилось в уставе, — играет главную роль в бою... Все остальные рода войск используются в интересах пехоты»¹. Главной огневой и ударной силой считалась артиллерия, а значение танков недооценивалось. Французы полагали, что танки должны играть прежде всего роль поддержки пехоты, а самостоятельные действия их весьма ограничены и не могут иметь существенного значения в ходе вооруженной борьбы.

Французская военная мысль недооценивала и роль военно-воздушных сил в будущей войне. Считалось, что авиация будет больше применяться для ведения разведки, прикрытия и обеспечения безопасности наземных войск и тылов от ударов авиации противника². Выполнению самостоятельных воздушных операций с целью нанесения бомбовых ударов по войскам и тыловым объектам неприятеля придавалось второстепенное значение.

Французская теория использования военно-морского флота также носила оборонительный характер. Большая протяженность морских границ Франции и наличие обширных колониальных владений выдвигали на первое место задачу защиты морских коммуникаций. Решение этой проблемы предполагалось осуществить совместно с английскими военно-морскими силами путем блокады побережья Германии и Италии, их флотов в базах и непосредственным охранением и обеспечением своих морских перевозок. Наиболее активным сторонником теории морской войны являлся адмирал флота Ф. Дарлан, занимавший тогда пост начальника морского штаба.

Пассивный характер французской военной доктрины нашел отражение и в плане войны, разработанном генштабом в 1938 г. В соответствии с планом предусматривалось «обеспечить целостность национальной территории и прикрыть развертывание вооруженных сил, прочно защищая оборудованные оборонительные позиции по границе или в непосредственной близости от нее. Эти оборонительные позиции должны служить в дальнейшем базой для будущих операций»³. При этом французское командование допускало просчет, исключая возможность прорыва немецких армий через Арденны в обход укрепленных линий.

В апреле 1939 г. французские стратегические планы на случай войны были согласованы с английским генеральным штабом. «В случае если противник вторгнется в Голландию и Бельгию, — говорилось в соглашении французского и английского штабов, — Великобритания и Франция попытаются остановить его продвижение и создадут настолько выдвинутый вперед фронт, насколько это позволит обстановка»⁴.

Если же Италия начнет военные действия в Северной Африке, предусматривалось проведение ряда контрнаступлений, но «без ущерба для успеха обороны в Европе» и «без излишних потерь».

Таким образом, французская военная доктрина не только оказалась не в состоянии правильно определить характер будущей войны, но и фактически отдавала инициативу ведения войны в руки противника, что,

¹ Французский пехотный устав. Ч. II. Бой. Перевод с французского. М., 1940, стр. 5.

² Французское наставление по использованию крупных войсковых соединений 1937 г., стр. 59—61.

³ La campagne de France. Mai — juin 1940. Paris, 1959, p. 16.

⁴ Д. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. Перевод с английского. М., 1959, стр. 37.

безусловно, отрицательно сказывалось на укреплении обороноспособности страны и в итоге привело к трагедии 1940 г.

Военная доктрина Соединенных Штатов Америки исходила из того, что выгодное географическое положение страны на Американском континенте, отделенном океанскими просторами от наиболее сильных государств Европы, вполне обеспечивает ей надежную безопасность, а развитая экономика создает благоприятные предпосылки для военно-экономического проникновения США во внутренние дела государств Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Принципы комбинированного воздействия на другие страны — военного, экономического и политического порядка — определили сущность военной доктрины США. Эти принципы в обобщенном виде были сформулированы в американском уставе, согласно которому «ведение войны есть искусство применения вооруженных сил нации в сочетании с мерами экономического и политического принуждения в целях достижения удовлетворительного (с точки зрения правящих кругов США.— *Ред.*) мира»¹. Эта концепция получила свое выражение во всей внешнеполитической деятельности США в межвоенный период.

В интересах установления мирового господства Соединенные Штаты не отказывались и от вступления в коалицию. Однако подобно Англии американские правящие круги полагали, что их вооруженные силы должны вступить в войну только на ее завершающем этапе. Именно при этом условии мощный военно-экономический потенциал в сочетании с сохранившимися вооруженными силами позволит империалистам США продиктовать выгодные условия мира как противнику, так и союзникам по коалиции, взаимно истощенным и ослабленным в ходе борьбы.

Военно-политическое руководство страны, понимая, что грядущая война будет мировой, длительной, развернется на больших пространствах суши и моря, полагало, однако, что она не захватит Американского континента. Но под влиянием событий в Китае, Испании и Центральной Европе эти иллюзии относительно американского «нейтралитета» начали постепенно рассеиваться.

Военно-техническая сторона военной доктрины США основывалась на концепции войны на истощение: достичь конечной цели предполагалось с помощью так называемой «периферийной стратегии», или «стратегии не прямых действий». Ее сущность выражалась в том, чтобы, не прибегая к решительным действиям в начале войны, путем периферийных операций подорвать обороноспособность врага и создать наиболее благоприятные условия для последующего его разгрома. Нетрудно заметить, что подобная стратегия основывалась на опыте первой мировой войны. Исходя из этой концепции, определялись пути строительства и задачи видов вооруженных сил.

Своеобразие географического положения страны обусловило преимущественно морской характер официальной военной стратегии США. В предвоенные годы в Америке была популярна теория «морской силы» (господство на море, обладание морем), родоначальником которой был А. Мэхен, утверждавший, что военно-морской флот должен оставаться основным видом вооруженных сил. И хотя из-за своей односторонности эта теория не была принята в качестве официальной военной доктрины, некоторые ее положения учитывались при разработке вопросов ведения войны.

Важнейшей задачей в войне считалось завоевание господства на море путем создания мощного надводного флота, способного в морских сраже-

¹ Временный полевой устав армии Соединенных Штатов Америки. Перевод с английского. М., 1941, стр. 36.

ниях разгромить морские силы противника. Предполагалось, что лишь при этом условии США смогут перебросить войска на другие континенты и оказать помощь союзникам. На флот возлагались также организация морской блокады врага и борьба с его флотом на коммуникациях и в базах.

Придавая важное значение военно-морским силам, американское военное руководство тем не менее не принижало и роли сухопутных войск, в которые организационно входила авиация. Сухопутные войска (армию) предусматривалось использовать в качестве экспедиционных сил (в первый период войны — небольших) за океаном для захвата и охраны военно-морских, военно-воздушных баз и отражения морских и воздушных десантов противника на побережье США (что американское военно-политическое руководство считало маловероятным). Крупные силы сухопутных войск в боевых действиях предполагалось применять лишь на заключительном этапе войны.

Из отчетов военного министра следует, что до 1938 г. штаб сухопутных войск придерживался теории «пассивной обороны» территории США в начальный период войны¹. В 1939 г. произошел коренной пересмотр некоторых положений военной доктрины. На смену прежней теории «пассивной обороны» была выдвинута новая теория «динамичной обороны», в соответствии с которой оборона США должна была начинаться далеко от их государственных границ. Американские правящие круги возлагали на свою армию «защиту» всего Западного полушария. В одном из заявлений генерального штаба говорилось: «В соответствии с политикой защиты полушария мы сформулировали новые задачи сухопутным силам... Эта политика предусматривает сокращение до минимума вероятности ведения боевых действий на нашей собственной территории»². Согласно теории «динамичной обороны» вооруженные силы США должны были «перейти к действиям до того, как противник сможет предпринять наступление»³.

Хотя авиация и рассматривалась в качестве вспомогательной силы, способной решать задачи только во взаимодействии с военно-морским флотом и наземными войсками, американское военное руководство отводило важную роль бомбардировочной авиации. Она должна была наносить удары по главным центрам врага, противодействовать созданию неприятелем военно-воздушных баз вблизи Американского континента.

Основным видом боевых действий военная доктрина США считала наступление⁴, а важнейшим средством достижения успеха в наступательных операциях — сосредоточение сил на суше и в воздухе в решающих местах и в решающий момент. Однако при организации боевых действий недооценивалась возросшая роль боевой техники. Именно поэтому авиация США не была выделена в самостоятельный вид вооруженных сил, а бронетанковые войска — в самостоятельный род войск. Следовательно, как во Франции и Англии, военная доктрина США базировалась в основном на опыте первой мировой войны. Поскольку США не грозило непосредственное вторжение, предполагалось, что будет достаточно времени для развертывания и подготовки массовых вооруженных сил к решительным действиям в конце войны.

Военная доктрина Польши после заключения ею в 1934 г. договора с Германией основывалась прежде всего на сотрудничестве этих двух го-

¹ United States Army in World War II. M. Watson. Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950, p. 88.

² Ibid., p. 88—89.

³ Ibid., p. 95.

⁴ Ibid., p. 87.

сударств, порожденном общим для них антикоммунизмом и антисоветизмом.

На политическом содержании польской военной доктрины сказывалось также влияние националистической концепции «двух врагов», согласно которой западные и восточные соседи Польши — Германия и Советский Союз — рассматривались как потенциальные противники, угрожающие безопасности, суверенитету и территориальной целостности польского государства. Эта теория нашла свое конкретное воплощение в разработке главным штабом вооруженных сил Польши планов ведения войны по вариантам «Р» (русские) и «Н» (немцы), или «Р» + «Н». Однако, считая Советский Союз главным противником, польское военное-политическое руководство особое внимание уделяло «восточной политике», то есть подготовке к вооруженной борьбе против СССР. Характерно, что в марте 1939 г., незадолго до нападения Германии на Польшу, польское командование после длительных экономических, политических и оперативных исследований закончило разработку плана войны против СССР. К подготовке же плана обороны против агрессии фашистской Германии оно приступило лишь весной 1939 г., так и не завершив его к моменту немецко-фашистского вторжения¹.

Сущность теоретических взглядов польской военщины на характер войны, ее подготовку и ведение наиболее полно была выражена политическим и военным диктатором страны Ю. Пилсудским. Он и его последователи полагали, что военное искусство со времени польско-советской войны 1920 г. не претерпело заметных изменений. Эффективным видом боевых действий для достижения оперативно-стратегических целей считалось наступление. Доктрина не признавала позиционную оборону правомерным способом ведения боевых действий. В военной теории и практике строительства вооруженных сил не уделялось должного внимания определению роли и места новых родов войск и видов вооруженных сил в будущей войне. Роль механизированных войск, танков и авиации недооценивалась. Танковые подразделения предназначались для непосредственной поддержки кавалерии и пехоты. Противовоздушная и противотанковая оборона стояли на втором плане. Отсутствовала определенная и ясная теория боевого использования авиации, имевшей к тому же на вооружении устаревшую материальную часть. Не придавая должного значения взаимодействию авиации с сухопутными и морскими силами, военные руководители Польши слишком мало заботились о развитии тактической авиации. В то же время явно переоценивались оперативно-стратегические возможности кавалерии вследствие односторонних выводов из уроков войны Польши с Советской Россией. В целом военно-теоретические взгляды Польши в области использования родов войск не отвечали современным требованиям ведения вооруженной борьбы.

Накануне войны во всей полноте проявились острые противоречия между пагубной антинародной политикой, проводимой польским правительством, и требованиями обороны государства в связи с нараставшей угрозой агрессии со стороны фашистской Германии. В этой обстановке политическое и военное сближение с Советским Союзом было бы единственным правильным решением. Но польское руководство отвергло этот союз.

¹ В протоколе совещания № 25 от 15 ноября 1935 г. у начальника главного штаба Войска Польского отмечено, в частности: «Правилом является — разрабатываем «Восток» (план нападения на СССР. — *Ред.*), а после этого попытаемся решить «Запад» (план ведения войны с фашистской Германией. — *Ред.*) в рамках плана «Восток». В протоколе совещания № 94 от 4 марта 1939 г. говорится: «Приступаем к разработке «Запад». Эта работа может и должна продвигаться быстрее, чем предыдущая, так как принципы и методы испытаны во время разработки плана «Восток» (Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych, R-16/1).

В результате Польша оказалась в одиночестве перед угрозой столкновения с неизмеримо превосходившей ее в военном и экономическом отношении фашистской Германией.

* * *

Анализ военных доктрин Англии, Франции и США показывает, что как в социально-политическом, так и в военно-техническом отношении они имели много общих черт, выражавшихся в пассивности и оборонительном характере намечаемых действий. Много слабых сторон имела и военная доктрина Польши. Это обуславливалось прежде всего анти-советской политикой правящих кругов данных стран, а также ошибочными выводами из опыта первой мировой войны и недооценкой глубоких изменений в военном деле в связи с бурным ростом технических средств вооруженной борьбы, механизацией и моторизацией армий.

Основой, на которой строилась англо-франко-американская группировка, была определенная общность интересов, не исключавшая противоречий и расхождений между монополиями.

Стремление направить фашистскую агрессию против СССР помешало этим странам мобилизовать и объединить всю свою военно-экономическую мощь для решительного пресечения агрессивных замыслов государств фашистского блока.

4. Вооруженные силы Великобритании, Франции, США и Польши

В соответствии с военными доктринами осуществлялось и строительство вооруженных сил капиталистических государств.

Вооруженные силы Великобритании состояли из сухопутных войск (армии), военно-морских (флот и морская авиация) и военно-воздушных сил. Регулярные вооруженные силы комплектовались добровольцами в возрасте от 18 до 25 лет. В июле 1939 г. в метрополии вступил в силу закон об обязательной воинской повинности, по которому все мужчины, достигшие двадцатилетнего возраста, должны были проходить службу в течение шести месяцев в регулярной армии, после чего на три с половиной года зачислялись в территориальную армию¹. Доминионы Великобритании имели свои национальные вооруженные силы, также состоявшие из трех видов и комплектовавшиеся добровольцами. В наиболее важных стратегических пунктах и базах империи находились английские части, выполнявшие полицейские функции. Во всех остальных частях английской империи содержались колониальные войска из местных жителей, которые правительство могло использовать за пределами их территорий. Данные о численности британских вооруженных сил по их видам приведены в таблице 15.

Верховным главнокомандующим вооруженными силами Британской империи номинально считался король, фактически ими руководил премьер-министр Великобритании, который возглавлял комитет имперской обороны.

В отношении доминионов комитет ограничивался общими указаниями по вопросам строительства вооруженных сил. Порядок же строительства вооруженных сил колоний определялся им полностью. Все решения по этому вопросу в колониях проводились в жизнь соответствующими военными министрами (армии, военно-морских и военно-воздушных сил) через генерал-губернаторов колоний, а в Индии — через вице-короля.

¹ E. S h e p p a r d. A Short History of the British Army. London, 1950, p. 373—375.

Вооруженные силы Британской империи накануне второй мировой войны¹

Страны	Количество личного состава (тыс чел)			
	сухопутные войска (армия)	военно-морские силы	военно-воздушные силы	всего
Соединенное королевство (метрополия)	897,0	180,0	193,0	1270,0
Индия	205,0	2,0	3,7	210,7
Канада	61,5	1,8	4,0	67,3
Австралийский Союз	45,7	9,3	3,7	58,7
Новая Зеландия	3,0	1,3	0,5	4,8
Южно-Африканский Союз . . .	22,5	—	1,5	24,0
Колонии в Африке	19,0	—	—	19,0
Англо Египетский Судан . . .	7,5	—	—	7,5
И т о г о	1261,2	194,4	206,4	1662,0

Исходя из общей военной доктрины, основное внимание в строительстве вооруженных сил уделялось флоту и военно-воздушным силам.

К началу второй мировой войны флот Англии насчитывал 15 линейных кораблей и линейных крейсеров, 7 авианосцев, 64 крейсера, 184 эсминца, 45 тральщиков и кораблей береговой обороны, 58 подводных лодок². Некоторые корабли, в том числе 2 линкора, реконструировались, 4 устаревших линкора могли использоваться лишь для конвойной службы. В авиации берегового командования имелось 232 боевых самолета, сведенных в 17 эскадрилий³; около 500 самолетов находилось на авианосцах и 490 — в резерве⁴.

Организационно британский флот включал в себя флот метрополии, средиземноморский, восточный и резервный. Кроме того, имелись флоты и соединения кораблей в доминионах. В составе флотов корабли были сведены в эскадры линкоров, крейсеров, авианосцев, флотилии эскадренных миноносцев и подводных лодок.

Большая часть флота метрополии базировалась в Скапа-Флоу, а некоторые его корабли — в военно-морских базах Хамбер и Портленд. В Западной Атлантике действовала вест-индская станция (4 крейсера), в Южной Атлантике — южноатлантическая (8 крейсеров). Средиземноморский флот базировался в Гибралтаре и Александрии, восточный флот дислоцировался в основном в Сингапуре. В Красном море действовал отряд легких сил. Кроме того, в водах Китая находилась восточнокитайская станция (4 крейсера).

Военное руководство Великобритании считало, что превосходство над флотами Германии и Италии в крупных надводных кораблях позволит обеспечить безопасность морских коммуникаций, а возможную угрозу со стороны немецких подводных лодок рассчитывало преодолеть с помо-

¹ Составлена по: W. Hancock (Ed.) Statistical Digest of War, p.9; Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War 1939—1945. Vol. I Calcutta, 1956, p. 400—401, 408—409; Canada in World War II. Montreal, 1945, p. 22; K. Hancock. New Zealand at War. Wellington, 1946, p. 16, 170, 334; D. Cole. Imperial Military Geography, p. 147; K. Kirkwood. Britain and Africa. London, 1965, p. 77; C. Stacey. Six Years of War The Army in Canada, Britain and the Pacific. Ottawa, 1955, p. 55; Australia in the War of 1939—1945. Series I. Vol. I, G. Long. To Benghazi. Canberra, 1961, p. 14.

² Encyclopedia Britannica. Vol. 23. Chicago—London, 1973, p. 780 C.

³ Д Б а т л е р. Большая стратегия. Сентябрь 1939— июнь 1941, стр. 46.

⁴ PRO. Cab., 23/97, p. 126.

пью новых средств их обнаружения, внедрявшихся на кораблях английского флота. В планах британского адмиралтейства учитывалось, что в случае вступления в войну Японии британский флот, находившийся на Дальнем Востоке, окажется намного слабее флота противника.

После пересмотра «воздушной доктрины» в связи с появлением новых взглядов на использование авиации в конце 30-х годов началось перевооружение и реорганизация военно-воздушных сил. В 1936 г. в их составе организуются три командования: истребительное, бомбардировочное и береговое¹. В ноябре 1938 г. в Великобритании был утвержден план «М», по которому в метрополии предполагалось иметь в ближайшие годы 163 эскадрильи (2549 боевых самолетов первой линии), а на заморских базах — 49 эскадрилий (636 самолетов)².

Однако полностью план «М» выполнить не удалось, и к началу второй мировой войны в метрополии имелось 78 эскадрилий (1456 боевых самолетов, в том числе 536 бомбардировщиков). Около 2 тыс. машин находилось в резерве³. В заморских военно-воздушных силах было 34 эскадрильи (435 самолетов), из которых 19 эскадрилий базировались на Среднем Востоке, 7 — в Индии и 8 — в Малайе⁴. Командование бомбардировочной авиации располагало всего 17 эскадрильями самолетов «уитли», «веллингтон» и «хэмпден», 10 эскадрильями самолетов «бленхейм» и 12 эскадрильями самолетов «бэтл», признанных устаревшими. Большая часть истребительной авиации к началу войны имела на вооружении вполне современные самолеты «спитфайер», «хэррикейн» и «бленхейм»⁵. Но в целом по численности и подготовке летного состава английская авиация отчасти уступала немецкой.

План противовоздушной обороны страны был утвержден в 1938 г. Общее руководство ПВО осуществлялось комитетом во главе с премьер-министром. Начальником противовоздушной обороны метрополии являлся командующий истребительной авиацией, которому в оперативном отношении подчинялись все средства ПВО.

Территория Британских островов была разделена на четыре района ПВО: первый район охватывал юго-восточную часть страны, второй — юго-западную, третий — центральную, четвертый — северную часть страны и Шотландию. В организационном отношении войска противовоздушной обороны были сведены в три дивизии (за исключением истребительной авиации). Одна дивизия ПВО обороняла Лондон, другая — города, расположенные в центре и на севере страны, третья — города Шотландии.

Сухопутные войска подразделялись на регулярную, территориальную армии и резерв. Их основу составляла регулярная армия, включавшая все рода войск. Территориальная армия являлась своего рода резервом первой очереди и комплектовалась за счет лиц, главным образом отслуживших в регулярной армии. Резерв состоял из демобилизованных офицеров и лиц, прошедших службу в территориальной армии.

В 1936 г. английское правительство приступило к коренной реорганизации сухопутных войск. Основное внимание в их строительстве уделялось моторизации. Началось создание первых моторизованных и бронетанковых частей и соединений⁶.

Отсутствие четко разработанной теории и тактики использования бронетанковых сил в боевых действиях привело к тому, что перед войной

¹ R. H i g h a m. Armed Forces in Peacetime. Britain, 1918—1940, p. 179.

² Д. Б а т л е р. Большая стратегия. Сентябрь 1939— июнь 1941, стр. 53.

³ R. H i g h a m. Armed Forces in Peacetime. Britain, 1918—1940, p. 188.

⁴ I b i d e m; Д. Р и ч а р д с, Х. С о н д е р с. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне 1939—1945. Перевод с английского. М., 1963, стр. 45.

⁵ R. H i g h a m. Armed Forces in Peacetime. Britain, 1918—1940, p. 188.

⁶ E. S h e p p a r d. A Short History of the British Army, p. 373—375.

английская армия имела на вооружении самые различные по своим тактико-техническим данным типы танков. Даже в начале 1939 г. генеральный штаб не мог окончательно решить, какой вид танков нужен армии: считалось, что для колониальных войн нужны легкие машины, а для посылки во Францию — тяжелые, для поддержки пехоты — тихоходные, хорошо бронированные, а для мобильной войны — легкие крейсерские танки¹. Тем не менее к началу войны процесс моторизации соединений регулярной армии был в основном завершен.

Коренной реорганизации подверглась и территориальная армия, на которую возлагалась также задача противовоздушной обороны метрополии. Для этой цели из ее состава были выделены 7 дивизий². 29 марта 1939 г. английское правительство решило увеличить количество территориальных дивизий с 13 до 26, в результате чего общее количество дивизий сухопутных войск возрастало до 32 (из них 6 регулярных)³. Фактически к началу войны Великобритания имела 9 регулярных и 16 территориальных дивизий, 8 пехотных, 2 кавалерийские и 9 танковых бригад⁴. Территориальные дивизии спешно переводились на штаты регулярных. Индия имела семь регулярных дивизий и значительное количество отдельных бригад; Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз — по несколько отдельных бригад.

Английская пехотная дивизия в 1939 г. состояла из штаба, трех пехотных бригад, механизированного полка, трех полков полевой, полка противотанковой артиллерии, трех противотанковых рот и подразделений обеспечения и обслуживания. Общая численность личного состава равнялась 14,5 тыс. человек, из них 500 офицеров. На вооружении дивизии имелось 140 бронетранспортеров, 28 легких танков, 156 тягачей, 147 орудий, 810 грузовых автомобилей, 644 легких и 56 тяжелых пулеметов, 126 минометов, 10 222 винтовки, 361 противотанковое ружье и другая техника⁵.

Организация высших соединений и объединений английских сухопутных войск к началу войны окончательно еще не сложилась. Из-за нехватки офицерского состава, вооружения, военной техники и снаряжения к развертыванию корпусов и армий англичане так и не приступили. Для оказания помощи Франции в отражении возможной агрессии со стороны Германии было создано командование экспедиционных сил Великобритании, которому подчинялись дивизии, намеченные для отправки на Европейский континент, а также командование вооруженных сил Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, в распоряжение которого выделялись две пехотные и одна бронетанковая дивизии (еще не полностью укомплектованные)⁶. Основные силы сухопутных войск накануне войны дислоцировались в метрополии.

Все расчеты английского командования строились на предположении, что, если Германия предпримет войну против Франции, военные действия будут протекать медленно. В соответствии с этим первые английские пехотные дивизии должны были прибыть во Францию лишь через 33 дня с момента объявления мобилизации, две бронетанковые — через 8 месяцев, а в последующем — по 2—3 дивизии с интервалом 6—8 месяцев.

По утверждению фельдмаршала Монтгомери, в конце августа 1939 г. английские сухопутные войска были якобы совершенно неготовы к веде-

¹ C. Barnett. Britain and Her Army 1509—1970, p. 419.

² E. Sheppard. A Short History of the British Army, p. 375.

³ C. Barnett. Britain and Her Army 1509—1970, p. 420.

⁴ Подсчитано по: H. Jolsen. Orders of Battle of the Second World War 1939—1945. Vol. I—II. London, 1960.

⁵ H. Jolsen. Orders of Battle of the Second World War 1939—1945, vol. I, p. 131.

⁶ E. Sheppard. A Short History of the British Army, p. 375.

нию крупных боевых операций: они испытывали нехватку танков, орудий, имели слабую противотанковую артиллерию, несовершенную связь, плохой тыл и были недостаточно обучены¹.

Однако в действительности, несмотря на многие упущения и недостатки в организации и оснащении своих вооруженных сил, Великобритания располагала к началу войны крупными военно-морскими и военно-воздушными силами и некоторым количеством сухопутных войск в метрополии, достаточными резервами в империи. Это позволяло ей вместе с Францией и Польшей успешно вести вооруженную борьбу против фашистской Германии.

Вооруженные силы Франции состояли из трех видов: сухопутной армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Их организация и строительство основывались на официальной военной доктрине.

В соответствии с законом «Об организации нации в период войны» от 11 июля 1938 г. вся верховная политическая и военная власть сосредоточивалась в руках правительства. Для решения принципиальных вопросов подготовки страны к войне был реорганизован высший совет национальной обороны, в состав которого вошли все члены кабинета министров, маршал Петэн и начальник генерального штаба генерал Гамелен, а с правом совещательного голоса — главнокомандующие видами вооруженных сил и начальник штаба колониальных войск.

В военное время для руководства вооруженными силами на всех театрах военных действий предусматривалось создать военный комитет. Председателем комитета и верховным главнокомандующим являлся президент республики.

Накануне второй мировой войны во Франции существовали министерства: национальной обороны, армии, авиации и военно-морского флота. Министерства национальной обороны и армии имели единый орган управления — генеральный штаб, другие министерства — главные штабы видов вооруженных сил. Начальник генерального штаба одновременно являлся и командующим сухопутными войсками, расположенными в метрополии и колониях.

Командующие авиацией и ВМФ начальнику генштаба не подчинялись; он лишь координировал действия авиации и флота с действиями сухопутных сил.

Согласно закону «Об организации нации в период войны» территория Франции делилась на три фронта: северо-восточный, юго-восточный и пиренейский. Командующие этими фронтами подчинялись непосредственно начальнику генерального штаба².

В стране было 20 военных округов, в каждом дислоцировалось по 1—2 кадровые дивизии. В случае войны мобилизационным планом предусматривалось развернуть на базе этих соединений 80—100 дивизий типа «А» и «Б»³.

Вооруженные силы комплектовались на основе всеобщей воинской повинности. В 1936 г. срок службы был увеличен с одного года до двух, для моряков и солдат колониальных войск оставался прежним — три года. После введения двухлетнего срока службы вооруженные силы Франции имели около 700 тыс. человек переменного состава. В случае войны могло

¹ The War on Land. The British Army in World War II. New York, 1970, p. 6—7.

² Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Annexes, t. III, p. 811.

³ Дивизия «А» укомплектовывалась на 75 процентов кадровым составом, остальные являлись резервистами молодых возрастов. Оснащенная в основном современным оружием, она имела высокую боеспособность. Дивизия «Б» состояла на 45 процентов из кадрового состава и пополнялась до нормы за счет резервистов старших возрастов. Вооружение было в основном устаревшим. Боеспособность такой дивизии была низкой.

быть мобилизовано до 6 млн. резервистов. Однако контингенты, из которых по плану предполагалось сформировать многочисленные части и соединения, основательной боевой подготовки не проходили. До середины 20-х годов переподготовка военнообязанных запаса вообще не проводилась. Позднее их стали призывать на сборы, которые, однако, были слишком короткими, да и количество призванных резервистов явно недостаточным. В результате резервные соединения не обладали высокой военно-технической и тактической подготовкой, что отрицательно сказалось на их боеспособности.

Французские вооруженные силы мирного времени насчитывали свыше 1 млн. человек, в том числе в сухопутных войсках — 865 тыс. (550 тыс. — армия метрополии, 199 тыс. — экспедиционные войска и 116 тыс. — колониальные формирования), в военно-воздушных силах — 50 тыс., военно-морском флоте — 90 тыс. человек.

К концу августа 1939 г. после проведения ряда внеочередных призывов численность вооруженных сил увеличилась до 2 674 тыс. человек (2 438 тыс. — в сухопутных войсках, 110 тыс. — в военно-воздушных силах и 126 тыс. — в военно-морском флоте)¹. Сухопутная армия состояла из 108 дивизий, в том числе 1 танковой, 2 механизированных, 5 кавалерийских и 13 дивизий крепостных районов. Танковая и 8 пехотных дивизий к моменту вступления Франции в войну еще не были полностью укомплектованы.

Франция располагала 14 428 орудиями (без железнодорожных платформ и крепостной артиллерии)²; в сухопутной армии насчитывалось 3100 танков³, большая часть их находилась в 39 отдельных танковых батальонах⁴.

Пехотные дивизии обоих типов («А» и «Б») имели одинаковую организацию: три пехотных и два артиллерийских (легкой и средней артиллерии) полка, противотанковый дивизион, части и подразделения обеспечения и обслуживания⁵. Всего в дивизии насчитывалось 17,8 тыс. человек, 62 75-мм и 155-мм орудия, 8 47-мм противотанковых пушек и 52 25-мм универсальных орудия.

Легкие механизированные дивизии были переформированы в 1932 г. из кавалерийских соединений. Каждая из них имела танковую и моторизованную бригады, разведывательный и артиллерийский полки, части и подразделения обеспечения и обслуживания, 11 тыс. человек личного состава, 174 танка и 105 бронеавтомобилей (в основном устаревших конструкций).

Кавалерийская дивизия состояла из двух бригад (кавалерийской и легкой механизированной) и артиллерийского полка. Всего в ней насчитывалось 11,7 тыс. человек, 22 танка и 36 бронеавтомобилей⁶.

Существовавшие во французской армии серьезные недостатки в техническом оснащении значительно снижали ее боеспособность. Хотя вооружение в большей своей части отвечало современным требованиям, многие образцы оружия остались еще от первой мировой войны. Артиллерия была представлена главным образом 75-мм пушкой, которая значительно уступала немецкой 105-мм гаубице. Французская тяжелая артиллерия и артиллерия большой мощности была многочисленной и по огневой мощи превосходила соответствующую немецкую артиллерию.

¹ M. G a m e l i n. Servir. Le prologue du drame, p. 448.

² Archives nationales de France. Cour de Riom. W¹¹. Serie XIX, cartone 48, doc. 9.

³ «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1964, № 53, p. 5.

⁴ Ж. Б у ш е. Бронетанковое оружие в войне. Перевод с французского. М., 1956, стр. 83—86.

⁵ Там же, стр. 86—87.

⁶ La campagne de France. Mai — juin 1940, p. 21.

Военно-воздушные силы Франции с учетом морской авиации насчитывали 3335 боевых самолетов. Вооружение и организация их к началу войны были еще в стадии становления. Высшим объединением ВВС являлась смешанная воздушная армия (всего их было три), состоявшая из бомбардировочной дивизии и нескольких истребительных бригад. Во французских ВВС истребители составляли 36 процентов, разведчики — 25, а бомбардировщики — 39 процентов всего самолетного парка. Руководство военно-воздушными силами Франции, в противоположность немецким, было децентрализовано. В каждом армейском корпусе, армии и фронте имелась своя авиация, которая базировалась на аэродромы, расположенные в тыловых районах войсковых соединений и объединений.

Франция располагала значительным военно-морским флотом, занимавшим четвертое место среди флотов капиталистических стран. В его составе числилось 7 линейных кораблей, 1 авианосец, 19 крейсеров, 32 эскадренных миноносца, 38 миноносцев, 26 минных тральщиков и 77 подводных лодок¹.

Таким образом, Франция к началу второй мировой войны располагала значительными вооруженными силами, достаточно оснащенными боевой техникой и вооружением, в том числе и современными. Однако в результате политики, стремившейся направить агрессию в сторону Советского Союза, и предательства национальных интересов Франции ее правящими кругами, а также вследствие серьезных недостатков в подготовке страны к войне французские вооруженные силы неизбежно должны были столкнуться с большими трудностями в борьбе с сильным противником.

Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки состояли из сухопутной армии и военно-морского флота. Военно-воздушные силы входили в состав сухопутных войск.

Верховным главнокомандующим являлся президент США, который осуществлял руководство вооруженными силами через военное и военно-морское министерства. Вооруженные силы комплектовались на добровольных началах.

Численность американской армии составляла в 1939 г. всего 544,7 тыс. человек, из которых 190 тыс. находились в регулярной армии, 200 тыс. в национальной гвардии и 154,7 тыс. — в военно-морском флоте². Военно-политическое руководство полагало, что, находясь на достаточном удалении от возможных театров военных действий, США успеют в случае необходимости быстро развернуть свои вооруженные силы до нужного количества и вступить в войну в решающий момент.

В соответствии с военной доктриной США основное внимание в строительстве вооруженных сил уделялось военно-морскому флоту, главным образом мощным линейным кораблям и авианосцам. К началу второй мировой войны военно-морские силы США насчитывали более 300 боевых кораблей, из них 15 линейных кораблей, 5 авианосцев, 36 крейсеров, 181 эсминец, 99 подводных лодок, 7 канонерских лодок и 26 минных тральщиков³. Флот располагал также большим количеством вспомогательных кораблей различного назначения. Однако многие эсминцы и подводные лодки являлись устаревшими.

В организационном отношении до второй мировой войны корабли были сведены в два флота — тихоокеанский и атлантический, в которых

¹ P. Auphan, J. Mordal. La Marine Française pendant la seconde guerre mondiale. Paris, 1958, p. 481—511.

² The Information Please Almanac, 1950. New York, 1951, p. 206; R. Weigley. History of the United States Army, p. 419.

³ W. Churchill. The Second World War. Vol. I. The Gathering Storm. New York, 1961, p. 617.

имелись соединения линкоров, авианосцев, крейсеров, эсминцев, подводных лодок, вспомогательных и амфибийных сил. В состав морской авиации входило около 300 самолетов.

Основные силы военно-морского флота базировались в Норфолке (побережье Атлантического океана), Сан-Диего (побережье Тихого океана) и Пёрл-Харборе (Гавайские острова).

Военно-морские силы США в основном были готовы к выполнению поставленных перед ними задач по обороне Американского континента и обеспечению переброски сухопутных войск для высадки десантов на других континентах.

Немногочисленные сухопутные войска состояли из регулярной армии, национальной гвардии и организованных резервов. Более подготовленными были части и соединения регулярной армии. Национальная гвардия представляла собой милиционную армию отдельных штатов, предназначенную в первую очередь для поддержания внутреннего порядка и не подчинявшуюся федеральному правительству. Организованные резервы состояли из офицеров запаса и лиц, отслуживших определенный срок в регулярной армии.

Накануне второй мировой войны в регулярной армии имелось всего три полностью и шесть частично укомплектованных пехотных дивизий, две кавалерийские дивизии, отдельная бронетанковая бригада и несколько отдельных пехотных бригад¹. В национальной гвардии насчитывалось 17 дивизий. Эти войсковые соединения и части были объединены в четыре армии, дислоцировавшиеся в континентальной части страны. Небольшие гарнизоны сухопутных войск находились на Аляске, Гавайских и других островах Тихого океана.

В декабре 1936 г. в директиве начальника штаба сухопутных войск было объявлено о начале разработки «плана мобилизации сил прикрытия», которая закончилась к 1939 г. План предусматривал развертывание в течение 90 дней со дня объявления мобилизации 730-тысячных хорошо оснащенных сухопутных сил. Затем в короткий срок армия должна развернуться до 1 млн. человек. До 1940 г. все расчеты по производству вооружения для армии основывались на такой численности сухопутных сил².

В 30-е годы на вооружении американской армии находились преимущественно легкие танки. Только в 1939 г., учитывая уроки войны в Испании, американцы приступили к созданию средних танков³.

Общее руководство авиацией, входившей в состав сухопутных войск, военный министр осуществлял через своего помощника по авиации, а оперативное — через генеральный штаб. В военно-воздушных силах армии накануне войны было 1576 боевых самолетов. С начала второй мировой войны конгресс США выделил дополнительные средства на развитие самолетостроения. Производство самолетов планировалось увеличить до 5500 машин в год⁴. Одновременно предусматривалось подготовить 20 тыс. пилотов, штурманов и стрелков. Ускоренными темпами строились военно-воздушные базы в Панаме, на Аляске, в Пуэрто-Рико и на Гавайских островах.

Военно-воздушные силы армии делились на тактические и обороны континента. В их строительстве главное внимание уделялось стратегиче-

¹ M. K r e i d b e r g, M. H e n r y. History of Military Mobilization in the United States Army, 1775—1945. Washington, 1955, p. 548—552.

² R. S m i t h. The Army and Economic Mobilization, p. 54, 127—128.

³ R. W e i g l e y. History of the United States Army, p. 411.

⁴ The War Reports of General of the Army G. Marshall, Chief of the Staff; General of the Army H. Arnold, Commanding General, Army Air Forces; Fleet Admiral E. King, Commander-in-Chief, United States Fleet and Chief of Naval Operations. Philadelphia—New-York, 1947, p. 308; The Army Almanac. Washington, 1950, p. 214.

ской авиации, значение же тактической авиации недооценивалось. К началу войны США имели хороший тяжелый бомбардировщик Б-17 («летающая крепость»), но не имели равных ему истребителей и штурмовиков, необходимых для поддержки сухопутных войск¹. По количеству и качеству боевой техники и вооружения американская авиация в целом уступала английской и немецкой.

В целях противовоздушной обороны территория США была разделена на четыре округа, в которых обеспечение взаимодействия истребительной авиации, зенитной артиллерии, службы воздушного оповещения и аэростатов воздушного заграждения было поручено командующим военно-воздушными силами этих округов, подчинявшимся командующему ВВС армии.

Таким образом, состояние вооруженных сил США в 1939 г. в основном соответствовало требованиям, предъявляемым к ним военно-политическим руководством. Однако для реализации намеченных американским правительством планов развертывания вооруженных сил необходимы были значительные средства и время.

Вооруженные силы Польши состояли из сухопутных войск и военно-морского флота. Согласно конституции 1935 г. верховным главнокомандующим являлся президент, но фактически вооруженные силы, как и вся власть в стране, после смерти Пилсудского находились в руках военного и политического диктатора, генерального инспектора вооруженных сил маршала Э. Рыдз-Смиглы.

Армия и флот комплектовались на основе закона о всеобщей воинской повинности, принятого 9 апреля 1938 г. По состоянию на 1 июня 1939 г. вооруженные силы Польши насчитывали 439 718 человек, из них в сухопутных войсках — 418 474, авиации — 12 170 и военно-морском флоте — 9074 человека². Численность обученных резервов достигала 1,5 млн. человек³.

В социальном отношении польская армия в подавляющем большинстве (около 70 процентов) состояла из крестьян при незначительной прослойке рабочих. До 30—40 процентов составляли представители национальных меньшинств (украинцы, белорусы, литовцы и другие). Система комплектования вооруженных сил носила ярко выраженный классовый характер и призвана была сделать их послушным орудием в борьбе против революционного движения и в войне против Советского социалистического государства.

Правящие круги Польши в течение длительного времени воспитывали армию в духе враждебного отношения к Советскому Союзу и трудящимся самой Польши. Войска часто использовались для подавления революционных выступлений народных масс Польши, национально-освободительного движения белорусов, украинцев и литовцев. В отдельных гарнизонах имелись особые части, специально предназначенные для этих целей⁴.

Польская буржуазия рассчитывала тщательно продуманной системой идеологической обработки личного состава обеспечить надежность своих

¹ R. W e i g l e y. History of the United States Army, p. 414.

² В это число не входят части корпуса пограничной охраны. Пограничные войска состояли из полков и бригад. В мае 1939 г. они насчитывали 25 372 человека. Подсчитано на основании ежемесячных отчетов фактического состояния вооруженных сил Польши: Centralne Archiwum Wojskowe. Departament Dowództwa Ogólnego MS Wojsk., t. 4393. L. dz. 8838/tj. z dn. 14.8.1939 r.; Akta Departamentu Art. MS Wojsk., t. 11, Akta gisz, t. 287—667, 960.

³ W. I w a n o w s k i. Wyśięk Zbrojny Narodu Polskiego w czasie II Wojny Światowej. T. I. Warszawa, 1961, str. 66.

⁴ S. R o w e c k i. Walki uliczne. Warszawa, 1928, str. 286.

вооруженных сил, оградить их от проникновения революционных идей и настроений.

Система обучения и воспитания солдат и офицеров была направлена на то, чтобы сгладить существующие противоречия между социальным составом армии и ее предназначением, изолировать солдат от народных масс, отвлечь их от политики, притупить классовое сознание и превратить в слепых исполнителей воли господствующих классов. Объявив армию вне политики, военное руководство запрещало солдатам и офицерам состоять в политических партиях, участвовать в митингах, на собраниях и в других общественно-политических мероприятиях и кампаниях¹. Реакционное правительство беспощадно преследовало военнослужащих за участие в революционном движении и настойчиво внушало им якобы установленную богом и религией необходимость защиты буржуазно-помещичьего строя Польши, слепого подчинения его законам.

Основной организующей силой польской армии являлся офицерский и унтер-офицерский состав. Офицерский корпус почти полностью подбирался из лиц, принадлежащих к господствующим и привилегированным слоям и классам. Руководящая роль в армии среди польского офицерства принадлежала пилсудчикам, преимущественно бывшим legionерам. В 1939 г. из 100 генералов 64 являлись legionерами, более 80 процентов должностей армейских инспекторов и командиров корпусных округов было укомплектовано приближенными Пилсудского². Важнейшие командные должности в армии занимали люди, военные познания которых не выходили за рамки опыта антисоветской войны 1920 г. Именно пилсудчики являлись наиболее откровенными носителями буржуазно-помещичьей идеологии и политики реакционного режима в армии.

Поскольку польская военная доктрина рассматривала будущую войну как преимущественно континентальную, главная роль в ней, а следовательно, и в строительстве вооруженных сил отводилась сухопутным войскам. В состав сухопутных войск входили пехота, кавалерия, корпус пограничной охраны, а также авиация.

Основу сухопутных сил составляли пехотные дивизии, распределявшиеся по корпусным округам³. Пехотная дивизия состояла из трех пехотных полков, полка легкой и дивизиона тяжелой артиллерии, подразделений обеспечения и обслуживания. В ней насчитывалось до 16 тыс. человек. По сравнению с немецкой пехотной дивизией она не имела достаточного количества артиллерии (42—48 орудий и 18—20 минометов в основном устаревших конструкций). В дивизии было 27 37-мм противотанковых орудий, значительно меньше, чем в немецкой дивизии. Слабой была и противовоздушная оборона — всего четыре 40-мм зенитных орудия.

Польская военная теория рассматривала кавалерию как основное маневренное средство для достижения решительных целей. Кавалерия должна была восполнить отсутствие в армии технических подвижных средств. Именно на нее, «королеву армии», возлагалась задача сломить волю противника к сопротивлению, парализовать его психологически, ослабить боевой дух.

Все кавалерийские формирования были сведены в 11 бригад; штатная численность каждой бригады составляла 3427 человек. В отличие от пехотных дивизий штаты кавалерийских бригад в военный период оставались почти такими же, как в мирное время. Ударная сила кавалерийской

¹ См. art. 55 § I Dekretu o służbie wojskowej oficerów. Warszawa, 1937.

² P. S t a w e c k i. Następcy komendanta. Warszawa, 1969, str. 76.

³ Корпусные округа, являвшиеся в мирное время военно-административными единицами, в период войны были расформированы.

бригады была невелика: ее огневая мощь равнялась силе огневого залпа одного польского пехотного полка ¹.

В состав бронетанковых войск входили: моторизованная бригада (сформированная в 1937 г.), три отдельных батальона легких танков, несколько отдельных разведывательных танковых и бронеавтомобильных рот, а также подразделения бронепоездов.

Моторизованная бригада состояла из двух полков, противотанкового и разведывательного дивизионов, а также подразделений обслуживания. В ней насчитывалось около 2800 человек. Бригада имела на вооружении 157 пулеметов, 34 орудия и миномета, 13 разведывательных танков ². На время войны бригада усиливалась танковым батальоном из резерва главного командования и другими подразделениями.

Всего в польских вооруженных силах в июле 1939 г. насчитывалось 887 легких танков и танкеток, 100 бронеавтомобилей, 10 бронепоездов ³. Основная часть танкового парка по своим тактико-техническим данным была непригодна для эффективного использования в боевых условиях.

Военная авиация состояла из шести авиационных полков, двух отдельных воздухоплавательных батальонов и двух дивизионов морской авиации. Всего в воздушном флоте к началу войны было 824 боевых самолета всех типов ⁴, большинство из них по своим летно-техническим характеристикам уступали самолетам главных европейских государств. В 1939 г. на вооружение поступили бомбардировщики польского производства типа «лось» с более высокими летными качествами, но к началу войны в войсках их было всего лишь 44.

Авиация предназначалась прежде всего для сопровождения пехоты и танков в бою и кавалерии в ее рейдах. Однако во всех случаях роль армейской авиации сводилась главным образом к неглубокой разведке противника, а в отдельных случаях — к бомбовым ударам по его войскам. Использование авиации для проведения самостоятельных операций фактически не предусматривалось. Возможности бомбардировочной авиации недооценивались, ей не уделялось должного внимания ⁵.

Военно-морские силы подразделялись на военный флот (корабельный состав) и береговую оборону. В их состав входили 4 эскадренных миноносца, 5 подводных лодок, минный заградитель, 6 тральщиков и 8 батальонов береговой обороны, имевших на вооружении 42 полевых и 26 зенитных орудий ⁶.

К выполнению задач в войне против фашистской Германии флот не был готов. В его составе не хватало судов для действий в прибрежных водах, отсутствовали эскортные корабли. В судостроении главное внимание уделялось строительству дорогостоящих тяжелых кораблей. Проблеме обороны баз с суши и воздуха польское командование не придавало большого значения.

Проведенный главным штабом в 1935—1936 гг. анализ боеспособности армии в сравнении с армиями СССР, Германии и Франции показал, что польские вооруженные силы находились на уровне 1914 г. и значительно отставали по всем основным показателям.

¹ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. *Wojna Wyzwolenicza Narodu Polskiego w latach 1939—1945*, str. 104.

² E. K o z ł o w s k i. *Wojsko Polskie 1936—1939*, str. 172.

³ Centralne Archiwum Wojskowe, Akta DDO MS Wojsk., t. 27.

⁴ E. K o z ł o w s k i. *Wojsko Polskie 1936—1939*, str. 238; *Mała Encyklopedia Wojskowa*. T. 2. Warszawa, 1970, str. 693—694.

⁵ Общую директиву начальника штаба по использованию авиации см. A. K u r o w s k i. *Lotnictwo Polskie w 1939 r.* Warszawa, 1962, str. 333—335.

⁶ A. R z e p n i e w s k i. *Obrona Wybrzeża w 1939 r.* Warszawa, 1970, str. 134—143, 241—242; M. P o r w i t. *Komentarze do historii polskich działań obronnych 1939 roku*. Cz. I. Warszawa, 1969, str. 65.

Разработанный в Польше план модернизации и развития армии, рассчитанный на шесть лет (1936—1942 гг.), предусматривал значительное укрепление основных видов вооруженных сил, расширение промышленной и сырьевой базы страны, строительство оборонительных сооружений и т. д.¹ Однако отсутствие заранее установленной единой концепции развития и модернизации армии приводило в конечном счете к выполнению лишь отдельных мероприятий этого плана.

За первые три года реализации этого плана произошло лишь некоторое количественное изменение в вооружении и оснащении армии, однако пропорции родов войск остались прежними. Все виды вооружения и боевой техники, за исключением материальной части военно-морского флота, были в значительной степени изношенными, устаревшими. Не хватало самолетов, танков, полевой артиллерии и стрелкового вооружения.

Таким образом, численность и организационная структура армии, ее вооружение, система комплектования, обучения и воспитания личного состава не соответствовали требованиям подготовки страны к обороне в условиях надвигавшейся войны.

* * *

Накануне второй мировой войны наиболее агрессивная группировка империалистических государств (Германия, Италия, Япония) взяла на вооружение доктрину тотальной, «молниеносной» войны. Эта доктрина предусматривала мобилизацию всех ресурсов государства и нанесение внезапных молниеносных ударов по фронту и тылу противника с целью достижения победы в самое короткое время. На службу этой стратегии были поставлены заблаговременная милитаризация экономики и всей общественной жизни, использование внезапности вероломных нападений, звериная жестокость, установление в мире «нового порядка», колониальное рабство для побежденных.

Другая группировка капиталистических государств (Англия, Франция, США, Польша), располагавшая огромным экономическим потенциалом, руководствовалась военными доктринами, которые больше склонялись к стратегии истощения. Вследствие этого экономические и финансовые возможности Англии, Франции и США не были использованы для подготовки вооруженных сил в такой мере, как это было сделано в странах фашистского блока.

Немецко-фашистская военная машина оказалась подготовленной ко второй мировой войне значительно лучше. Гитлеровская армия, получившая высокую профессиональную выучку и имевшая опытный, тщательно подобранный командный состав, оснащенная новейшими по тому времени военной техникой и оружием, представляла смертельную угрозу для человечества.

¹ Z. L a n d a u, J. T o m a s z e w s k i. Zarys historii gospodarczej Polski 1918—1939. Warszawa, 1960, str. 166—191; Zeszyty naukowe. WAP. Seria ekonomiczna. Warszawa, 1970, № 13, str. 158—165.

ПЕРЕД СХВАТКОЙ

1. Непримиемые противоречия между капиталистическими державами

Опыт истории свидетельствует, что мировой войне предшествует предвоенный политический кризис. Он представляет собой промежуточный этап, связующее звено между длившимся годами накоплением горючего материала в мировой политике и воспламенением этого материала в виде войны.

Предвоенный политический кризис возникает тогда, когда империалистические противоречия и жажда территориальных приобретений доходят до предельного обострения, за которым следует военный взрыв. Таким образом, к предвоенному кризису ведут не случайные и внешние обстоятельства, а глубинные внутренние противоречия империализма. Этот кризис закономерно возникает на экономической основе империализма, на почве стремления монополистического капитала к мировому господству, в результате экономической и политической неравномерности развития капиталистических держав и скачкообразного изменения в соотношении их сил.

Исторический опыт свидетельствует также, что империалистические агрессоры развязывают войну не только тогда, когда на их стороне оказывается экономическое превосходство, но и тогда, когда им удается достичь превосходства лишь в военном отношении.

Такое марксистско-ленинское понимание сути предвоенного политического кризиса способствует глубокому усвоению установленной В. И. Лениным истины, что война представляет собой продолжение насильственными средствами той политики, которую господствующий класс проводил в течение длительного времени, предшествовавшего войне. Оно опрокидывает теории буржуазных и реформистских идеологов о внезапном, случайном и необъяснимом возникновении войны. Оно дает возможность правильно, с классовых позиций, дать оценку политического характера войны.

Первый предвоенный политический кризис, который привел к войне 1914—1918 гг., развернулся в условиях только еще начинавшегося общего кризиса капитализма. Второй предвоенный политический кризис, предшествовавший войне 1939—1945 гг., развернулся в условиях, когда уже назревал второй этап общего кризиса капитализма. Эта главная особенность нового предвоенного политического кризиса существенно влияла на ход событий. Характерной чертой последних было то, что правящие круги Англии, Франции и США — стран, которым непосредственно угрожала итало-германо-японская агрессия, — не принимали мер к

ее обузданию, а, напротив, поощряли и поддерживали ее. Эта политика исходила из неправильного в корне расчета, что путем уступок агрессору можно будет откупиться от него, отвести его удар в направлении Советского Союза.

Особенности второго предвоенного политического кризиса неизбежно должны были сказаться и сказались на его разворачивании. Первый этап этого кризиса связан с последствиями Мюнхена. Вызывающе наглое нарушение Германией условий мюнхенского соглашения и захват ею всей Чехословакии в марте 1939 г. наряду с явной подготовкой нападения на Польшу (с апреля 1939 г.) положили начало предвоенному политическому кризису. Мюнхенской политике Англии и Франции был нанесен прямой удар. «Между тем,— писал В. И. Ленин в 1908 г.,— при сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя»¹.

Однако от первого «щелчка» в марте — апреле 1939 г. пламя еще не вспыхнуло. На первом этапе предвоенного политического кризиса война не возникла. Правительства Англии и Франции все еще рассчитывали на успех их мюнхенской политики; теперь они ее продолжали в переговорах с Советским Союзом (апрель — август 1939 г.). Когда эти переговоры по вине правительств Англии и Франции, вовсе не стремившихся к их успеху, оказались безрезультатными, предвоенный политический кризис вступил во второй этап.

Основой кризиса являлась глубочайшая, неискоренимая рознь экономических интересов, борьба капиталистических держав за рынки сбыта и сырья, сферы приложения капитала, за мировое господство, к которому стремились как Германия, так и Англия и США. Именно экономические интересы крупнейших империалистических держав определяли в конечном счете их политическую борьбу и внешнюю политику при всей сложности и зигзагообразности исторического процесса.

Экономика и политика, объективные и субъективные факторы накануне войны взаимодействовали. Но при всем этом глубинные противоречия экономического характера разъединили одни империалистические державы и объединили другие для политической и военной борьбы на блоковой основе. Взаимодействие коренных противоречий и сближающих интересов оказалось в основе политической борьбы и сотрудничества Англии, Франции, США, Германии, Италии, Японии в критические дни лета 1939 г.

Вся система международных противоречий и общих интересов империалистических блоков складывалась из экономических и политических противоречий, а также интересов отдельных капиталистических стран.

Взрыв империалистических противоречий, проявлением которого явился предвоенный политический кризис 1939 г., а затем и мировая война, был обусловлен законом неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран. В результате действия этого закона выделилась группа государств, развивавшихся более быстрыми темпами. Их правящие круги стремились к радикальному перераспределению мировых источников сырья, рынков сбыта, сфер приложения капитала, а в политическом плане — к тому, чтобы любыми средствами ликвидировать узду, надетую именно на эти страны версальско-вашингтонской системой. Монополистическому капиталу стран с более низкими темпами развития приходилось вести упорную борьбу со своими империалистическими соперниками. Версальско-вашингтонская система представлялась им важным политическим орудием для удержания и расширения своих владений.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 186.

В преддверии предвоенного политического кризиса по темпам промышленного развития среди капиталистических держав на первом месте находилась Япония, на втором — Италия, на третьем — Германия, на четвертом — США, на пятом — Англия, на шестом — Франция. Различие в темпах развития вело к изменению доли стран в мировом капиталистическом производстве и соотношения их военно-промышленной мощи.

О соотношении экономических потенциалов капиталистических держав в канун экономического кризиса, начавшегося в 1937 г., свидетельствует следующая таблица.

Таблица 16

Соотношение промышленной мощи главных капиталистических стран (1937 г.)¹

	США	Англия	Франция	Германия	Япония	Италия	США, Англия, Франция, вместе взятые	Германия, Италия, Япония, вместе взятые
Добыча угля (млн. т)*	450	244	45	240	45,3	1,5	739	286,8
Выплавка стали (млн. т)	51	13,2	7,9	19,2	5,8	2,3	72,1	27,3
Производство электроэнергии (млрд. квт/ч)	146	31,9	20	49	30,4	15,4	197,9	94,8

* Включая бурый в пересчете на каменный.

Из данных таблицы видно, что уже в 1937 г. Германия уступала Англии лишь по добыче угля, однако значительно опережала ее в выплавке стали и производстве электроэнергии. Она превзошла Францию более чем в 5 раз по добыче угля, в 2,5 раза по выплавке стали, более чем в 2 раза по производству электроэнергии. Отставание Германии от США в 1937 г. было еще значительным (по добыче угля почти в 2 раза, по выплавке стали более чем в 2,5 раза, по производству электроэнергии почти в 3 раза). Однако к 1939 г. Германия намного превзошла США в использовании промышленной мощи для военных целей.

Япония к 1937 г. почти догнала Англию по производству электроэнергии, но в 2,2 раза меньше выплавляла стали. Промышленная мощь Японии значительно уступала американской. Но потенциальное развитие промышленности Японии было таково, что она в недалеком будущем могла угрожать не только Англии, но и США.

Из многих противоречий внутри капиталистической системы с середины 30-х годов наиболее острым стало англо-германское и франко-германское соперничество. Именно оно было решающим в становлении двух империалистических группировок, которые к лету 1939 г. оформились в военно-политические блоки.

Резкое обострение англо-германских экономических противоречий было вызвано тем, что к концу 30-х годов Германия вышла на мировые рынки как наиболее серьезный конкурент Великобритании, успешно соперничавший в экспорте капитала. Однако главной сферой борьбы оставался экспорт товаров. Германия вывозила не только уголь, чугун, сталь, химические продукты, но и станки, аппараты, электротехнические изделия, автомобили. В мировом экспорте промышленных изделий ее доля была равной доле Англии². Но Германия в сравнении с Англией вырва-

¹ Составлена по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1, стр. 7; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. V, S. 168.

² D. A l d c r o f t. The Inter-War Economy: Britain, 1919—1939. London, 1970, p. 22.

лась вперед по экспорту станков, оборудования и запасных частей, химических продуктов, стали и электротехнических изделий.

Торговая война между Англией и Германией велась не только на Европейском континенте, где Англия теряла позиции прежде всего в Юго-Восточной Европе. Она протекала с переменным успехом, но чаще всего в пользу Германии на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии и Африке, Латинской Америке, несмотря на преобладающее влияние там Соединенных Штатов Америки. Германия начала проникать на имперские рынки Великобритании.

Постепенно сопротивление Англии натиску германских монополий заметно слабело. Это было связано, во-первых, со вступлением ее в полосу экономического кризиса, продолжавшегося вплоть до начала войны, во-вторых, с ослаблением позиций внутри империи.

Противоречия между Англией и Германией в 30-х годах носили иной характер, чем накануне первой мировой войны. Тогда кайзеровская Германия претендовала лишь на колонии Великобритании, но не на территорию самих Британских островов. Теперь положение изменилось. Почему, рассуждали германские монополисты, мы будем ограничиваться колониями, оставляя британским промышленникам их фабрики и заводы? Если уж воевать, так забирать все. Англии угрожало прямое германское вторжение. Английский исследователь К. Кларк с полным основанием писал: «Тень свастики нависла над Англией с 1931 г., то есть за два года до фактического прихода нацистов к власти в Германии и за восемь лет до начала войны... Нацисты планировали покорить Англию с первых своих дней»¹. Внешнеполитическая и военная стратегия немецких монополий была ориентирована в первую очередь на территориальные захваты в Европе непосредственно с германского плацдарма.

Англо-германские противоречия вплетались в англо-итальянские, хотя последние имели вполне самостоятельный характер в связи с претензиями итальянского империализма на влияние в Средиземном море, выраженными известной формулой «*mare nostrum*» («наше море»). Кроме того, британские колонии в Африке давно привлекали алчные взоры итальянских монополистов.

Программа экспансии Италии в Средиземноморском бассейне, в Африке и на Балканах была весьма опасной для интересов Великобритании, поскольку она затрагивала важнейшие имперские коммуникации, проходившие через Гибралтар, Средиземное море и Суэцкий канал в Африку, на Ближний Восток, в Австралию, Новую Зеландию, Индию, Бирму и Сингапур. Хотя английское правительство и пыталось добиться «умиротворения» Муссолини (даже за счет французских интересов), однако Италия стала союзником Германии, и прежде всего по борьбе против Англии и Франции. Англию беспокоили и попытки Германии, Италии и Японии объединиться для совместной против нее борьбы на Дальнем Востоке.

Однако при всей сложности положения английские правящие круги отнюдь не стремились к лобовому военному противоборству с Германией. Даже летом 1939 г. они по-прежнему упорно надеялись канализировать германскую экспансию на Восток, чтобы изнурить своего соперника в войне с СССР. Сущность такой политики убедительно раскрыл американский посол В. Буллит министру внутренних дел США Икесу в декабре 1938 г.: «Германия... в свое время попытается захватить Украину — богатейшую житницу Советского Союза. В ходе этого Германия истощит себя до такой степени, что не сможет выдержать напряжения и в конце концов рухнет под его бременем. Соответственно Япония завоюет

¹ C. C l a r k e. England under Hitler. New York, 1961, p. 53—54.

или попытается завоевать Сибирь и в свое время также рухнет из-за перенапряжения. Бросив Россию на произвол судьбы, Англия и Франция отвратят от себя угрозу нападения Германии»¹. Антисоветские устремления Великобритании, сочувственно воспринимавшиеся Берлином на протяжении первой половины 1939 г., вели к поискам общих платформ и средств сближения, даже взаимного блокирования.

Борьба этих двух тенденций в британской политике прослеживается достаточно четко. Разумеется, в несколько ином виде ее можно обнаружить и в германской политике. Вот почему между Англией и Германией стала возможной линия на переговоры, империалистические компромиссы и сделки, которая давала о себе знать прежде всего в букве и духе мюнхенского соглашения и в попытках добиться распространения сговора на область англо-германских экономических противоречий на мировых рынках. Поиск экономического эквивалента Мюнхена воплотился в контактах и переговорах британских и германских монополий, которые велись в конце 1938 г., став более результативными в первой половине 1939 г.

Объективной основой для англо-германского сговора даже при существовавших весьма острых противоречиях оставались тесные международные связи монополистических гигантов британской и германской промышленности: Виккерса и Круппа, «Импириэл кемикл индастриз» и «ИГ Фарбениндустри», в конечном счете всей «Федерации британской промышленности» и «Имперского союза германской промышленности». Когда это было им выгодно, они умели не только воевать за свои монополистические интересы, но и договариваться о разделе интересов и сфер влияния.

Еще в июле 1938 г. было подписано англо-германское платежное соглашение, давшее возможность деловым кругам обеих стран вести переговоры о расширении торговли. В конце того же года начались переговоры, которые затрагивали более серьезную и широкую проблему — перераспределение колоний и полюбовный раздел мировых рынков². Ставилась далеко идущая задача образования англо-германского экономического союза, рассчитанного на преодоление противоречий и создание предпосылок к политическому сотрудничеству. Но из месяца в месяц Германия повышала ставку в этой игре. 10 августа 1939 г. она выдвинула требование о передаче ей богатых нефтеносных территорий на Ближнем Востоке³.

Наступил момент — это был самый канун войны, — когда в Лондоне поняли, что Германия не остановится перед вторжением в святая святых английского империализма: в его колонии и даже в его собственный дом, перед ликвидацией английского влияния в странах континентальной Европы. Острота англо-германских противоречий, прорвав хрупкую оболочку соглашений о «разделе рынков» и «сотрудничестве», одолела тенденцию к антисоветскому сговору, дошла до высшей и опасной точки. Взаимная схватка Англии и Германии стала неизбежной. Борьба была перенесена в плоскость военного столкновения двух империалистических блоков, в которых и та и другая сторона оказались центрами сплочения других заинтересованных капиталистических держав.

Вторым важнейшим комплексом противоречий, приведших к созданию двух империалистических блоков, явились франко-германские противоречия.

Франция испытывала большие трудности в конкурентной борьбе с растущей мощью Германии на рынках экспорта капиталов и товаров:

¹ H I c k e s. The Secret Diary Vol. II New York, 1952, p. 519.

² «The Times», December 20, 1938

³ DBFP. Third series, vol. VI, p. 756—757.

по темпам своего промышленного развития она оказалась на последнем месте среди «шестерки» империалистических конкурентов. Соотношение основных промышленных показателей свидетельствовало о значительном, иногда практически несопоставимом отставании Франции от Германии.

Германские планы создания колониальной империи в Европе, в состав которой предполагалось включить и Англию, в то время для многих были не только не ясны, но и казались порождением больного воображения. Но территориальные претензии Германии к Франции, и не только на Эльзас-Лотарингию, проявлялись совершенно открыто. Вот почему в комплексе франко-германских противоречий проблема сохранения государственных границ и территориальной целостности Франции занимала решающее место.

«Третья империя» устремлялась на все рынки, в которых были кровно заинтересованы французские монополии, и отовсюду их вытесняла. Это наступление охватило Юго-Восточную Европу, где французские позиции были сильны со времен первой мировой войны, Ближний и Средний Восток, Африку, Азию, в которых французские монополии имели обширные колониальные владения, а также Латинскую Америку.

Франции приходилось считаться и с теми острыми противоречиями, которые разделяли ее с Италией. По своему характеру они не были чисто экономическими, поскольку столкновение Франции и Италии на мировых рынках, даже в Средиземном море и Африке, не было ни обширным, ни глубоким. Италия как конкурент едва ли могла что-либо предпринять в борьбе с более мощным французским капиталом, имевшим сильные позиции в этих районах.

Однако итало-германский союз делал Италию серьезным врагом Франции не только в политическом, но и военном отношении. По соседству с Францией — в Средиземноморье и на альпийских границах — готовился к агрессивной войне союзник Германии — Италия. Претензии Италии касались не только французских колоний в Северной Африке, но и территории самой метрополии — Ниццы, Савойи, Корсики. В Юго-Восточной Азии французским колониям угрожала союзница Германии и Италии — Япония.

Опасаясь Германии и Италии, а также японских претензий на колонии в Юго-Восточной Азии, Франция все более склонялась к союзу с Англией. Однако французские правящие круги весной и летом 1939 г. вовсе не исключали для себя компромисса и сговора с фашистскими странами, прежде всего за счет Советского Союза. До последнего момента они делали ставку на подталкивание германской экспансии на Восток, и потому одно время «пражский» маршрут Гитлера казался им хорошим предзнаменованием.

Большое значение при формировании двух блоков накануне войны имел третий комплекс империалистических противоречий — американо-английские и американо-французские, с одной стороны, американо-германские и американо-итальянские — с другой.

В 30-е годы американо-английские противоречия отошли на второй план. Это отнюдь не значит, что они исчезли, полностью уступив место сотрудничеству этих стран. В экономической области Великобритания продолжала довольно успешную борьбу с США на рынках сбыта и сырья. В 1938 г. доля Соединенных Штатов Америки в мировой торговле составляла 10,6 процента, Англии — 13,8 процента. Англия господствовала на своем внутреннем рынке и на рынках большинства доминионов, колониальных стран, хотя Германия и Япония почти всюду оказывали на нее ощутимое давление.

В то время как США сокращали вывоз капитала, Англия наращивала его. Доходы от британских капиталовложений за границей почти в два

раза превышали американские. За предвоенное десятилетие эти доходы составляли в среднем в год: у Англии — 1 178 млн., у США — 654 млн. долларов¹. Борьба доллара и фунта стерлингов, привела к девальвации доллара. Несмотря на все это, соотношение экономических сил Англии и США стало складываться в пользу последних. Из Канады английский капитал был вытеснен американским. Американский капитал вторгся и в английские колонии. США угрожали экономическим интересам Англии в Европе и на Дальнем Востоке. Обострялась и англо-американская политическая борьба. Соединенные Штаты претендовали на мировое господство. «Как и Вудро Вильсон, правительство Рузвельта,— отмечает американский историк В. Вильямс,— отстаивало право Америки играть руководящую роль в установлении и поддержании упорядоченного мира»². Это до известного времени сталкивало США с Великобританией, но потом резко противопоставило их Германии и Японии. Возникла основа для создания американо-английского блока.

Американо-французские противоречия не были столь существенными, как англо-американские, даже в то время, когда Франция также претендовала на господство в Европе. В условиях предвоенного политического кризиса проявлялись экономические, а главным образом политические противоречия США и Франции, особенно по вопросам средиземноморской политики. Однако борьба Франции с Германией и Японией делала ее естественным союзником США.

Перенос центра тяжести мировых межимпериалистических противоречий с англо-американских на англо-германские отразился на американо-германских экономических отношениях, и без того обострившихся в результате торговой войны.

Германская экономическая политика в конце 30-х годов привела к усилению экспансии на тех рынках, в которых Соединенные Штаты были особенно заинтересованы, прежде всего в Европе и Латинской Америке. Столкновение американских и германских монополий проявлялось в острых и продолжительных торговых конфликтах.

Накануне 1939 г. экономические отношения между США и Германией были весьма напряженными. Кризис 1937 г., особенно поразивший США, побудил американские деловые круги усилить внешнеторговую экспансию. Но мировой рынок к тому времени оказался значительно суженным из-за растущей конкуренции Германии и Японии.

Настроения торгово-промышленных кругов США получили отражение в заявлении торговой палаты, сделанном в октябре 1937 г. В нем подчеркивалось, что США способны обеспечить («это должны знать другие страны» — имелись в виду Германия и Япония.— *Ред.*) «должную защиту» своей промышленности от стран, продолжающих осуществлять «политику дискриминации» по отношению к американской торговле³.

С другой стороны, крупнейшие американские монополии Моргана, Дюпона, Рокфеллера, Меллона были тесно связаны с германскими концернами сетью картельных и торговых соглашений, займами и кредитами, взаимными и совместными капиталовложениями.

Уже в начале 1939 г. в Вашингтоне сознавали, что германские товары энергично проникают во все районы мира, и особенно в Центральную и Южную Америку — «заповедную зону» американского империализма. США были фактически вовлечены в торговую войну с Германией⁴.

¹ S. E n k e, Ph. S a l e r a. International Economics. New York, 1947, p. 35.

² В. В и л ь я м с. Трагедия американской дипломатии. Перевод с английского. М., 1960, стр. 126.

³ «The New York Times», October 6, 1937.

⁴ «Congressional Record», vol. 84, pt. I, p. 376—377.

Но американские правящие круги понимали, что угроза их интересам и формы борьбы не сводятся только к торговле. Президент Рузвельт отмечал: «Одним из итогов успешной военной агрессии со стороны любой страны или же группы стран становится контроль над торговлей не только на собственной территории, но и на других территориях других независимых стран, в отношении которых они могут применить угрозу военной силы. К примеру, если сфера военного господства должна постоянно увеличиваться, то воздействие этой агрессии на мировую торговлю во всех частях света окажется существенным по той весьма простой причине, что агрессивные страны будут распространять свою бартерную систему... Продолжающееся распространение военной агрессии неизбежно приближает с каждым новым днем тот момент, когда мы столкнемся с потерями в нашей торговле и в нашем судоходстве»¹.

США опасались сговора Англии, Франции, Германии и Италии в Европе и этих держав с Японией на Дальнем Востоке, что могло означать экономическую и политическую изоляцию американского империализма. Стремясь предотвратить это, США в конце 30-х годов пытались заключить торговый союз с Англией, покончить со взаимной конкуренцией и создать основу военного блока двух стран. Это был существенный поворот от торговой войны к союзу против Германии, становившейся самым опасным конкурентом США.

Американо-итальянские экономические противоречия были незначительны, однако в политическом отношении они затрагивали интересовавший американский империализм район Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока. США стремились помешать сближению Италии с Германией даже ценой уступок за счет Англии и Франции. Американские политики всячески противодействовали заключению итало-германского договора, а также присоединению к нему Японии. Американское правительство, всегда относившееся к итальянскому фашизму с симпатией, не сумело предотвратить военный союз Италии с Германией. Как справедливо отмечает американский исследователь, «не Америка отвергла фашизм, а Муссолини отверг Америку»². Дальнейшее обострение американо-итальянских политических противоречий наступило весной и летом 1939 г. в связи с расширением итальянской экспансии в Средиземноморском бассейне, занимавшем важное место в планах установления мировой гегемонии США.

Четвертый комплекс империалистических противоречий, имевший решающее значение для формирования двух блоков, сложился на почве отношений Англии и Японии, США и Японии, отчасти Франции и Японии в Юго-Восточной Азии.

Усиливавшаяся японская агрессия все более угрожала экономическим и политическим интересам Англии, США и Франции, завязывая тугой узел межимпериалистической борьбы. Япония стремилась не только захватить китайскую территорию и напасть на советские и монгольские земли. Она имела далеко идущую программу экономического и политического вытеснения Англии, США, Франции и Голландии из Юго-Восточной Азии и Тихого океана, достижения безраздельного господства в этом районе.

В экономическом плане Япония пыталась закрепить сравнительно высокие темпы промышленного развития, сократить свое отставание

¹ The Public Papers and Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1939. Washington, 1940, p. 190—191. Бартерная система — система непосредственного обмена одних товаров на другие.

² J. Diggin s. Mussolini and Fascism. The View from America. Princeton, 1972, p. 361.

от США и Англии в экономическом потенциале, обогнать Францию, обеспечить себя необходимым сырьем. Она ощущала нехватку чугуна, нефти, цветных металлов, хлопка, каучука, шерсти, а без таких материалов не могла серьезно продвинуться в производстве и торговле и выдержать конкурентную борьбу с США и Англией в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Сырьем в этом районе владели английские, французские, голландские монополии. Оно было и в соседнем Китае, но и здесь контролировалось Англией и другими империалистическими державами. Поэтому борьба за рынки и источники сырья представлялась правящим кругам Японии прежде всего в прямой вооруженной форме.

Борьба Японии с другими империалистическими державами возникла в сфере экономических интересов, поскольку японское вторжение в Китай ударило прежде всего по английским позициям в китайской экономике. Использование Японией американской доктрины «открытых дверей» не внесло успокоения, так как на деле Япония стремилась к ликвидации всех иностранных интересов на китайской территории. Как отмечал английский историк-международник В. Медликотт, к 1935 г. «иностраные, неазиатские интересы в Маньчжоу-Го были в значительной степени подорваны... Политика «открытых дверей» вызывала открытый смех»¹. Военные действия Японии в Центральном и Южном Китае поставили под угрозу английские капиталовложения, торговлю и судоходство.

Еще более серьезной оказалась японская угроза политическим интересам Англии, США и Франции на Дальнем Востоке. Отказ Японии от соблюдения вашингтонской пропорции военно-морских кораблей, требование равенства флотов трех держав, начавшаяся гонка военно-морских вооружений привели к такому смещению в «балансе сил», при котором ущерб наносился прежде всего Англии.

Сближение Англии и США с целью укрепления своих позиций в Китае усилило англо-японские и американо-японские противоречия. Новое наступление японцев на китайской территории четко выявило южное направление их экспансии. Возникла реальная угроза британским владениям в Индии, Бирме, Малайе, Гонконге, Австралии и Новой Зеландии, что означало подрыв мировых, в том числе и европейских, позиций Англии. Японская экспансия угрожала также французским колониям в Индокитае, голландским колониям и американским позициям на Филиппинах и островах Тихого океана. «Если мы хотим всерьез осуществить океанскую часть японской политики,— утверждалось в одном из японских журналов,— мы, разумеется, должны быть заранее готовы к прямому столкновению с разными силами, находящимися на пути к ее реализации. Такими силами являются: Америка — опекун Филиппин, Голландия — владелец островов Ява, Борнео и Суматра, Франция с ее Французским Индокитаем и Великобритания, которая владеет проливами Малаккского полуострова и держит в своих руках Сингапур»².

Отстаивая свои рынки сырья и сбыта, сферы влияния, США и Англия перед лицом японской угрозы пытались отвести японскую агрессию на север — на МНР и СССР. Однако решительный отпор Советского Союза и Монгольской Народной Республики, накал межимпериалистических противоречий привели к разворачиванию борьбы Японией и на южном и юго-западном направлениях. Это создавало предпосылки для блокирования Японии с Германией и Италией, а Англии — с США и Францией.

Несмотря на антикоммунистические выпады и явный антисоветский подтекст, японо-германское соглашение от 25 ноября 1936 г. было рас-

¹ W. Medlicott. British Foreign Policy since Versailles. London, 1940, p. 200.

² 大亜細亜主義, 東京, 昭和11年10月, 18頁。

ценено Англией, США и Францией как военный союз, направленный и против их интересов. «Нью-Йорк геральд трибюн» отмечала, что соглашение может явиться «звеном в цепи событий, которые вовлекут Америку в новую мировую войну»¹.

Объективной основой японо-германского союза было активное участие немецких монополий — Круппа, Тиссена, «ИГ Фарбениндустри» — в создании военной индустрии Японии. Фирма Круппа реконструировала японскую металлургическую промышленность. Германия поставляла Японии химическое сырье и фабрикаты, станки и оборудование, оказывала помощь технической консультацией и комплектными поставками технологических линий для алюминиевых и химических заводов, а также предприятий, производящих танки. Японское авиастроение получало помощь БМВ, Дорнье, Юнкерса, Хейнкеля. Цейс помогал в области точной механики. Германия оказала помощь Японии в производстве синтетических бензина и каучука на основе рецептуры, полученной ее промышленниками от американской «Стандард-ойл».

В то же время многие интересы Германии и Японии сталкивались между собой. В 1936 г. германские товары занимали второе место в импорте Китая. Немецкие и японские монополии конкурировали на островах Тихого океана, в Южной Америке (Бразилия) и на Ближнем Востоке. Но накануне войны японо-германские экономические противоречия отступили на второй план под влиянием политических интересов, спланивавших обе страны в общий империалистический блок.

Неотвратимая логика развития империалистических антагонизмов привела к столкновению в 1939 г. в Юго-Восточной Азии англо-японских, а затем и американо-японских интересов. Это способствовало в последующем вовлечению Соединенных Штатов в англо-французский блок, а Японии — в германо-итальянский.

Однако формирование обеих империалистических группировок натолкнулось на серьезные трудности. В основе их лежали противоречия между государствами, стремившимися к военно-политическим объединениям.

Характерно, что английская дипломатия высоко оценивала выгоды для Германии, Италии и Японии, которые давало им образование единого блока. Так, министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс сообщал послу в Токио Крейги, что с помощью союза с Японией и Италией Германия могла бы угрожать Англии одновременно в Северном и Средиземном морях, а также на Дальнем Востоке. Италия, по его мнению, может использовать этот блок для достижения своих целей на Средиземном море и Ближнем Востоке, поскольку силы США и Англии будут отвлечены на Дальнем Востоке. Тройственный союз мог бы заставить Соединенные Штаты Америки и Великобританию воздержаться от поддержки Франции в борьбе с итальянскими притязаниями, что побудило бы ее пойти на уступки.

На пути создания военного союза агрессивных государств нужно было преодолеть серьезные препятствия. Япония стремилась избежать обязательств, согласно которым она механически вовлекалась бы в любой международный конфликт на Европейском континенте. Япония не хотела сталкиваться с США, Англией и Францией уже в 1939 г. и выжидала своего часа. Однако Германия настаивала на этом, поскольку стремилась создать для Англии и Франции «дальневосточный фронт».

Серьезные колебания в вопросе о вступлении в тройственный блок проявляла и Италия. Она опасалась, что ее союз с Германией и особенно с Японией будет отрицательно воспринят в США, вызовет разрыв с Анг-

¹ «The New York Herald Tribune», November 27, 1936.

лией, которая ради его предотвращения шла на некоторые уступки Италии в упрочении ее позиций в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Поэтому Италия хотела ограничиться союзом только с Германией. Это позволило бы ей не быть втянутой в конфликт Японии с Англией, Соединенными Штатами и Францией на Дальнем Востоке. Римские политики до весны 1939 г. считали возможным добиться того, чтобы США не рассматривали позицию Италии как открыто антиамериканскую.

Только 6—7 мая 1939 г. после переговоров министров иностранных дел Риббентропа и Чиано был решен вопрос о двустороннем германо-итальянском военном союзе.

Таким образом, хотя к лету 1939 г. два противоборствующих блока и не получили еще окончательного политического оформления, расстановка сил, определявшаяся экономическими и другими противоречиями между ними, выявилась уже довольно четко.

Создание каждого блока не означало простого суммирования противоречий и взаимных интересов его участников. После образования блока возникало качественно новое политическое отношение одного из них в целом к другому, во многом отличавшееся от чисто двусторонних противоречий и взаимных интересов, на основе которых они первоначально сформировались. Империалистические блоки, вышедшие на международную арену в канун войны, несли на себе неизгладимый отпечаток как старых противоречий между их участниками, так и новых, которые возникли уже на «блоковой» почве, выражая взаимоотношающиеся тенденции.

Характер и цели этих союзов определялись тем, что каждый из них создавался для вооруженной борьбы за экономический и территориальный передел мира. В. И. Ленин приводил слова Ф. Энгельса, который писал о конкуренции завоеваний, как об одной из наиболее характерных черт внешней политики великих держав¹. В этом смысле англо-франко-американский и германо-итало-японский блоки носили экспансионистский характер и были нацелены на взаимную борьбу за рынки сырья и сбыта, за экономическое и политическое господство в мире. Уроки предвоенного кризиса 1939 г. еще раз доказали глубокий смысл ленинского положения, что «мировое господство» есть «содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война»².

Рядом с союзами капиталистов на почве экономического раздела мира складывались отношения между политическими союзами, государствами, отношения на базе территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию». Это сказывалось на характере и целях двух военно-политических блоков империализма, во взаимной борьбе которых территориальные и колониальные проблемы играли важную роль.

Германский, японский, тем более итальянский империализм, каждый в отдельности, не обладали силой, необходимой для ведения борьбы за экономический и территориальный передел мира, за колонии, мировое или хотя бы региональное господство. Они нуждались друг в друге, в организации единого военно-политического союза. В свою очередь английский, французский и даже американский империализм не могли защитить поодиночке существующий порядок экономического и территориального раздела мира, свои колониальные империи, господство в капиталистическом мире. Им также был необходим военно-политический союз.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 11.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 85.

Некоторые буржуазные историки пытаются доказать, будто возникшие империалистические блоки являлись сугубо «мирными», призванными бороться друг с другом любыми экономическими и политическими средствами, вплоть до угрозы войны, но без нее. Война, по их мнению, была лишь случайным трагическим исходом событий.

На деле характер и цели противостоявших летом 1939 г. империалистических блоков были порождены сложными взаимосвязями и переходами мирных и немирных форм взаимной борьбы. «Мирные союзы,— подчеркивал В. И. Ленин,— готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»¹.

Вторая мировая война была не случайностью, а прямым результатом империалистической борьбы. Ее цели были predeterminedены правительствами стран — участниц враждующих блоков. Так, в речи Гитлера 8 марта 1939 г. перед руководящими представителями экономики, нацистской партии и военного командования в качестве целей войны указывалось на уничтожение Франции, покорение Англии и захват «английских богатств и территорий во всем мире», а затем уничтожение США². Генеральный уполномоченный по особым вопросам химического производства К. Краух в проекте доклада на генеральном совете «четырехлетнего плана» в апреле 1939 г. по вопросу о подготовке к предстоящей войне отмечал, что уже с марта отсутствовала возможность избежать столкновения с руководимой Англией группой стран. «Теперь под руководством Англии, Франции и США окончательно провозглашена экономическая война против государств антикоминтерновского пакта, которая уже давно велась втайне; со временем она приобретет еще более острые формы»³.

Складывавшиеся военно-политические союзы империализма являлись порождением милитаризма. Уже в то время, когда еще не произошло четкого размежевания двух империалистических группировок, тенденция к их созданию и развязыванию войны между ними отчетливо обозначилась. Это был тот период, когда международные отношения определялись порожденными первой мировой войной острейшими противоречиями между странами-победительницами и странами побежденными, между метрополиями и колониями и зависимыми странами, между буржуазией и пролетариатом.

Это совсем не означает, что вызревавшие в течение ряда лет империалистические блоки были сразу же ориентированы на междоусобную войну. Они искали общую стратегию совместной войны против Советского Союза, надеясь таким путем сгладить, если не устранить, межимпериалистические противоречия.

Формированию агрессивного блока на базе «антикоминтерновского пакта» способствовала и многолетняя помощь итальянскому и германскому фашизму, японскому милитаризму со стороны Англии, Франции и США, а также отказ правящих кругов этих стран от создания системы коллективной безопасности.

Соотношение противоречий и взаимных интересов, разделявших либо сплачивавших империалистические державы в противоположные военно-

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 417—418.

² Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны (далее — Анатомия войны). Перевод с немецкого. М., 1971, стр. 187.

³ Т а м ж е, стр. 192.

политические союзы с присущей им антисоветской направленностью, менялось в зависимости от конкретной исторической обстановки.

Общая стратегия империалистических государств против мировых революционных сил, прежде всего против СССР, существовала в течение всего межвоенного периода. Накануне второй мировой войны империалистическим державам не удалось сформировать единый антисоветский фронт, хотя определенные, в том числе и объективные, предпосылки к его созданию были. Дипломатия империализма действовала в этом направлении как задолго до наступления предвоенного кризиса, так и во время его, вплоть до начала войны и даже в ходе ее. Однако межимпериалистические противоречия и взаимная борьба капиталистических держав оказались преобладающими. В результате единый лагерь империализма под влиянием нараставших экономических и политических противоречий раскололся на два противоборствующих военно-политических блока.

Такова совокупность факторов, в силу которых взаимная империалистическая борьба в конкретных условиях лета 1939 г. привела к войне двух капиталистических коалиций, к которой они готовились на протяжении длительного времени.

2. Стратегические планы империалистических группировок

Политическая цель германского империализма — завоевание мирового господства — определила характер и направленность всей его военной стратегии.

Руководство гитлеровской Германии полагало, что метод отдельных молниеносных кампаний со значительными стратегическими паузами, предназначенными для наращивания сил за счет побежденного, позволит постепенно добиться общего превосходства над основными противниками и обеспечит установление мирового господства.

Такой план ведения мировой войны в общих чертах был изложен в книге Гитлера «Майн кампф». В дальнейшем он был конкретизирован. Гитлеровское руководство имело ясное и четкое представление о том, как оно будет вести будущую войну. Анализ документов верховного командования вермахта, командования сухопутной армии, директив и указаний Гитлера, а также практические действия руководства вермахта позволяют выявить немецко-фашистскую стратегическую концепцию второй мировой войны и последовательные этапы ее осуществления.

1. Аннексия малых государств Центральной, Восточной, Юго-Восточной и Северной Европы «мирными» или военными средствами с целью улучшения стратегических и экономических позиций Германии для последующей борьбы против главных противников — Советского Союза, Франции, Англии.

2. Разгром Франции и удушение Англии с целью захвата всей Западной Европы и создания решающих предпосылок для последующего уничтожения Советского Союза.

3. Разгром Советского Союза как решающее условие установления полного господства фашистской Германии в Европе и последующей борьбы на других континентах.

4. Создание германской колониальной империи путем завоевания стран Африки, Ближнего Востока и других частей мира.

5. Вторжение в США.

Немецкие империалисты стремились создать великую германскую империю в качестве руководящего ядра и господствующей силы, окруженную зависимыми и колониальными странами. Гитлер говорил: «Мы никогда не сможем заниматься большой политикой без прочного, зака-

ленного, могучего ядра, образованного восемьдесятю или ста миллионами немцев, проживающих в замкнутом поселении. Следовательно, первой задачей является создание великой Германии. Вокруг великой Германии мы создадим систему мелких и средних вассальных государств, в которую войдут прибалтийские государства, Польша, Финляндия, Венгрия, Югославия, Румыния, Украина и многочисленные южнорусские и кавказские государства. Это будет федеративная германская империя. Эти территории нужно заселить немецкими крестьянами, славян нужно частично уничтожить, а частично переселить в Азию, у остальных нужно отнять землю и превратить их в слуг господствующей германской расы. На Востоке мы должны распространить свою власть до Кавказа или Ирана, на Западе нам необходимы Фландрия и Голландия, но мы не откажемся и от Швеции. Либо Германия будет господствовать над Европой, либо она распадется на множество мелких государств»¹.

С особенным вожделием немецкий монополистический капитал планировал захват военным путем важных экономических районов Советского Союза и создание стратегических предпосылок для последующей борьбы за мировое господство². Вот что писал начальнику имперской канцелярии Г. Ламмерсу брат крупного германского промышленника Ф. Рехберга относительно главной цели Германии в войне: «В качестве объекта экспансии для Германии существуют территории России... которая обладает неслыханно богатыми возможностями получения высоких урожаев и запасами полезных ископаемых. Если экспансия в этом направлении позволит превратить Германию в империю с достаточной самостоятельной аграрной и сырьевой базой, то она должна была бы охватывать по крайней мере русские территории до Урала с его колоссальными запасами железной руды. При этом необходимо взвесить, какие великие державы в случае экспансионистской войны против Востока, от исхода которой зависит существование и будущее Германии, будут вероятными противниками и какие союзниками рейха...» Рехберг подчеркивал, что «только в том случае, если попытка создать европейский фронт против большевистской России (для чего теперь имеются во всяком случае более существенные предпосылки и для реализации чего следовало бы идти новыми, иными, чем перед 1933 годом, путями) окончательно провалится, Германии можно и надо будет, на мой взгляд, пойти на риск экспансионистской войны против Востока и вопреки противодействию западных держав»³.

Планируя войну против Советского Союза, немецкие империалисты преследовали не только экономические цели. Они стремились стереть с лица земли страну, жестоко покарать народы, осмелившиеся бросить вызов миру капитала.

Уничтожением социалистического государства германские монополисты хотели создать политические условия для установления своего господства в мире, укрепить положение командующей силы в империалистическом лагере, окончательно разрешить в пользу империализма основное противоречие эпохи — противоречие между капитализмом и социализмом.

Успешное осуществление программы завоевания мирового господства нацистское руководство Германии связывало с определенными поли-

¹ Цит. по: Э. К а р ш а и. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. Перевод с венгерского. М., 1968, стр. 7.

² Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940—1941). Berlin, 1970; D. E i c h h o l t z. Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945. Berlin, 1966, S. 46—48.

³ Анатомия войны, стр. 181.

гическими предпосылками. Главная из них — предотвращение образования антигитлеровской коалиции великих держав и одновременно объединение фашистских государств в единый блок.

В 1945 г. шеф-референт Гитлера Шмидт в показаниях Международному трибуналу писал: «Общие цели нацистского руководства были очевидны с самого начала — установление господства на Европейском континенте. Осуществление этой основной цели создало впечатление импровизации. В действительности же каждый новый шаг находился в соответствии с вышеупомянутой конечной целью»¹.

Вскоре после Мюнхена германское правительство стало готовить захват Польши, считая вначале возможным решить эту задачу и без войны. Когда Риббентроп предъявил Польше требования о передаче Германии Гданьска и предоставлении ей права на сооружение экстерриториальной транспортной магистрали через «польский коридор», то в качестве компенсации гитлеровцы обещали передать Польше часть Советской Украины. Это обещание было с дальним прицелом, Польше предлагали стать соучастницей войны против СССР.

Отрицательный ответ польского правительства отнюдь не вытекал из его предыдущей политики. Видный историк Польской Народной Республики В. Ковальский пишет в книге, вышедшей в 1970 г.: «...недвусмысленное «нет» поставило крест на всех иллюзиях, какие мог питать Берлин относительно позиции Варшавы. Решающим в этом был голос польского народа, который хотя и был лишен правдивой информации о действительном положении вещей, однако чувствовал надвигающуюся опасность. Его решимость и воля не оставили места для маневрирования и дипломатического торга»².

Получив отрицательный ответ, германские империалисты решили разделаться с Польшей военной силой. Важную роль в принятии такого решения играли опасения, что в случае германского вторжения во Францию Польша может прийти на помощь своей западной союзнице. Выступая перед главнокомандующими 22 августа 1939 г., Гитлер говорил: «Сперва я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы прежде всего повести борьбу против Запада. Однако этот привлекательный для меня план оказался неосуществимым, так как изменились важные обстоятельства. Мне стало ясно, что при нашем столкновении с Западом Польша нападет на нас»³.

На принятие решения о войне против Польши повлияла и давнишняя ненависть германских завоевателей к польскому народу как к одному из славянских народов, постоянно противопоставлявших захватчикам свою неизменную волю к национальной независимости и свободе. Отмечая этот факт, гитлеровцы в своих секретных планах именовали поляков «опаснейшим» для них народом, подлежащим полному уничтожению⁴.

11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил директиву о единой подготовке вермахта к войне на 1939/40 год. Основу ее составил план нападения на Польшу под кодовым названием план «Вайс». Главная стратегическая цель состояла в уничтожении польских вооруженных сил путем внезапного нападения.

Фашистские лидеры считали нападение на Польшу предварительным этапом войны против СССР. Гитлер говорил Кейтелю: Польша должна

¹ IMT, vol. X, p. 207.

² W. K o w a l s k i. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie 1939—1945. Warszawa, 1970, str. 113.

³ IMT, vol. XXVI, p. 338.

⁴ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1958, № 3.

стать выдвинутым вперед плацдармом, предназначенным для военного использования, для сосредоточения войск¹.

Решая начать войну в 1939 г., немецко-фашистское командование исходило из того, что к этому времени ему удалось обеспечить себе преимущество в подготовке, развертывании и оснащении вооруженных сил. Геринг после войны (еще до суда над ним) признал, что 1939 год Гитлер считал оптимальным для начала войны².

С 18 августа 1939 г. в Германии начались усиленные предмобилизационные мероприятия, а 25 августа был отдан приказ о скрытой мобилизации основных сил сухопутной армии военного времени³. В соответствии с замыслом командования вермахта основные силы сосредоточивались против Польши с целью быстрого ее разгрома; на западе, против Франции, было оставлено минимальное количество войск. Военно-морской флот привлекался к операциям против Польши лишь частично. Значительные силы надводного и подводного флотов были подготовлены к военным действиям против военно-морских баз, кораблей и коммуникаций Англии и Франции.

В эти критические дни правительство Англии занимал лишь один вопрос: каковы намерения германского руководства. Если бы в планы последнего входило немедленное нападение на СССР, Чемберлен и его окружение были готовы и без войны отдать Польшу на растерзание, как они поступили с Чехословакией. Подтверждением этого явилась речь Чемберлена в палате общин 24 августа, которая содержала соответствующий аванс Гитлеру. 25 августа посол Великобритании в Берлине Гендерсон имел продолжительную беседу с Гитлером. Правящие круги обеих стран большое значение придавали также и неофициальным контактам через родственника Геринга — шведского промышленника Б. Далеруса, который вплоть до начала войны подобно челноку сновал между обеими столицами.

Британское правительство хотело теперь заполучить определенные гарантии со стороны Германии, чтобы обеспечить себе более выгодные позиции для последующего торга с ней. Именно для этого оно 25 августа подписало с польским правительством договор о взаимной помощи против агрессии. Характерно, что в те же часы проходила беседа Гендерсона с Гитлером. Чемберлен не хотел упустить момента. Однако на Гитлера эта беседа оказала не совсем такое действие, которого ожидала британская дипломатия: он не поверил Гендерсону и первое время принимал обязательства Англии по ее договору с Польшей за чистую монету. В Берлине произошло замешательство.

Война на два фронта — и против Польши, и против англо-французского блока — не входила в планы германского правительства и военного командования. В последний час, когда занесенный над Польшей меч было уже крайне трудно удерживать, Гитлер личным приказом отсрочил нападение.

Вновь обе стороны нажали на все рычаги разведки и зондажа. Дополнительная проверка, проведенная Берлином, еще раз подтвердила, что правительства Англии и Франции на деле не собираются оказывать военную помощь Польше и предпочитают оставить ее один на один с Германией. Окрыленный этим, 31 августа Гитлер подписал директиву № 1, установившую дату нападения на Польшу — 1 сентября 1939 г.

Хотя германские империалисты решили начать войну с нападения на Польшу, они целились не только на нее. Главными их противниками

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. I, стр. 158.

² I. Kirkpatrick. The Inner Circle. London, 1959, p. 195.

³ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 10.

в капиталистическом мире оставались Англия и Франция. Война с ними была предрешена, как и война против СССР.

В критические дни августа 1939 г. англо-германские противоречия неоднократно вырывались наружу. 25 августа гитлеровская Германия бросила открытый вызов, прервав воздушное сообщение, телефонную и телеграфную связь с Англией и Францией. Новая встреча Гитлера с Гендерсоном 29 августа была лишена даже формальной дипломатической вежливости, собеседники во весь голос кричали друг на друга, перечисляя все прежние обиды. В ночь на 31 августа в этом же стиле прошла беседа Гендерсона с Риббентропом.

Правительство Великобритании располагало вполне достаточными доказательствами далеко идущих захватнических намерений Германии. Но его решение оставалось неизменным: не воевать в защиту Польши. Подписывая 25 августа договор, британское правительство заведомо и хладнокровно готовилось совершить предательство в отношении Польши. Это, конечно, не составляло тайны для германского правительства, тем более что недостатка в информаторах не было. Барон де Ропп в конфиденциальной беседе с Розенбергом прямо заявил: «Для Англии Польша более полезна в роли мученицы, чем в качестве существующего государства»¹.

Две недели, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне, трудно сравнить с другим периодом межвоенной истории по насыщенности напряженной дипломатической борьбы, ее сложности и запутанности, резкости политических изменений и поворотов. Английский журналист и историк Л. Мосли писал: в эти недели «над Европой воцарилась зловещая тишина, нарушаемая только шумом разрываемых конвертов, когда государственные деятели раскрывали письма и телеграммы, в которых то просили о помощи, то умоляли пойти на уступки, то выдвигали лицемерные предложения с целью уклониться от выполнения ранее взятых обязательств»². Капиталистический мир вплотную подошел к войне.

Планируя наступление на Польшу крупными силами из Восточной Пруссии, ОКВ заблаговременно перебросило туда несколько соединений и начало мобилизацию в этой части Германии с 16 августа 1939 г., то есть на девять дней раньше, чем по всей стране; были объявлены маневры и большие празднества, посвященные 25-летию «битвы под Танненбергом», под предлогом которых происходило стратегическое развертывание.

В Центральной Германии проводились крупные маневры танковых и моторизованных соединений с расчетом их выхода непосредственно в исходные районы для наступления.

К утру 1 сентября 1939 г. в боевой готовности против Польши было сосредоточено 54 дивизии, сведенные в две группы армий: «Север», состоявшую из 3-й и 4-й армий (21 дивизия, в том числе 2 танковые), и «Юг», включавшую 8, 10 и 14-ю армии (33 дивизии, из них 4 танковые). Сухопутной армии были подчинены 28 авиационных разведывательных эскадрилий и 26 зенитно-артиллерийских дивизионов³.

Для поддержки сухопутных сил на востоке было выделено два воздушных флота: 4-й для действий с группой армий «Юг» и 1-й — с группой армий «Север». Всего воздушные флоты имели около 2 тыс. самолетов.

Стратегическое развертывание на западе осуществлялось с целью прикрытия западных границ Германии со стороны Франции, Люксембурга и Бельгии. Командование всеми войсками, сосредоточенными на западе от нижнего течения Рейна до швейцарской границы в районе

¹ DGFP. Series D, vol. VIII, p. 367.

² Л. Мосли. Утраченное время, стр. 329.

³ В. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 14, 20.

Базеля, было возложено на штаб группы армий «Ц». В нее входили три армии: 1, 5 и 7-я — всего 32 дивизии. Из них только 12 были полностью укомплектованы, остальные значительно уступали им по своим боевым возможностям. Группировка войск на западе танков не имела, ее поддерживали 2-й и 3-й воздушные флоты — более 800 самолетов¹.

На 1 сентября 1939 г. весь состав войск фашистской Германии на востоке насчитывал свыше 1,5 млн. человек, в том числе группа армий «Север» — 630 тыс., группа армий «Юг» — 886 тыс., а на западе группа армий «Ц» — около 970 тыс. человек².

Военно-политическое руководство Японии своей ближайшей целью считало завоевание господства в Азии и бассейне Тихого океана путем захвата Китая, азиатских и тихоокеанских колониальных владений западноевропейских держав и США, советского Дальнего Востока. Предполагалось, что владычество над многими сотнями миллионов человек, их порабощение и превращение захваченных территорий в военно-экономические плацдармы для дальнейшей борьбы за мировое господство приведут к созданию грандиозной колониальной империи.

Стратегические планы Японии предусматривали прежде всего северное (против СССР), а также южное (против Франции, Великобритании и США) направления агрессии, выбор которых зависел от наличия благоприятных условий. Связанная «антикоминтерновским пактом» с Германией и Италией, Япония учитывала в своих стратегических планах замыслы этих фашистских государств.

Итальянский империализм намеревался нажиться на «молниеносной войне», которую осуществит Германия. Однако ввиду экономической слабости и неподготовленности вооруженных сил Италия на первом этапе собиралась ограничиться ролью наблюдателя, а после поражения англичан и французов в Европе легко захватить многие принадлежавшие им территории.

Особенность блока фашистских государств состояла в неполной координации политических и военных акций; его участники не разработали общего плана совместных действий. Предполагалось, что война против одних и тех же противников будет протекать не в единстве, а как бы параллельно. Это объяснялось наличием взаимных противоречий. Обе сильнейшие страны фашистского блока — Германия и Япония — стремились к мировому господству, что делало их не только союзниками, но и соперниками, недоверчиво относившимися друг к другу. Каждая из них предполагала в перспективе подчинить себе своего союзника даже путем войны. Италию гитлеровцы рассматривали как будущую провинцию Германии, а ее дуче отводили роль немецкого гаулейтера.

Накануне войны правительство Англии убедилось, что Британской империи и Франции грозит германо-итальянская агрессия. Поэтому весной 1939 г. военное руководство обеих стран сделало шаг по пути разработки стратегического плана войны. Дело не пошло все же далее согласования самых общих установок, по которым Англия и Франция должны были отразить нападение Германии, а в дальнейшем подготовить и предпринять наступление против нее.

В соглашении английского и французского штабов указывалось: «Нам придется иметь дело с противниками, которые будут более подготовленными к тотальной войне, чем мы... В этих условиях мы должны быть готовыми отразить широкое наступление против Франции или против Великобритании или одновременно против обоих государств. Поэтому

¹ Б. М ю л л е р-Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 22—23.

² Ф. Г а л ь д е р Военный дневник, т. I, стр. 86.

на начальной стадии войны нам придется сосредоточить все наши усилия с целью отразить такое наступление; следовательно, в этот период наша стратегия будет в общем оборонительной... Наша последующая политика должна быть направлена на то, чтобы, сдерживая Германию и нанося решающие удары Италии, наращивать в то же время наши силы, чтобы быть в состоянии предпринять наступление против Германии»¹.

В вопросе об оказании помощи Польше Англия и Франция исходили прежде всего из политического расчета на то, что после ее разгрома германский фашизм нападет на Советский Союз. Тем временем они развернут свои вооруженные силы и впоследствии перейдут в решительное наступление против Германии. Исходя из этого, английский и французский штабы пришли к единодушному решению, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою очередь будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале»².

В основе французского плана лежала идея позиционной обороны. Предусматривалось, что Франция мобилизует свои резервы и сформирует максимальное количество дивизий, сосредоточив их на оборонительных позициях вдоль французской и бельгийской восточных границ, где они и будут ждать наступления вражеских войск. «Таким образом,— пишет Шарль де Голль,— мыслилось, что вооруженная нация, укрывшись за этим барьером, будет удерживать противника в ожидании, когда, истощенный блокадой, он потерпит крах под натиском свободного мира»³.

В случае вступления в войну Японии английский и французский штабы основной задачей своих вооруженных сил в Юго-Восточной Азии считали удержание военно-морской базы Сингапур. С этой целью в этот район предполагалось направить дополнительные военные подкрепления. В совместном документе генеральных штабов учитывалась взаимозависимость возможных фронтов второй мировой войны: «Если бы союзные державы потерпели поражение на Западе, то их полное поражение на Дальнем Востоке последовало бы автоматически»⁴.

К началу вступления Франции в войну мобилизация и развертывание французских вооруженных сил не были завершены. На границе с Германией, Люксембургом и Бельгией занимали оборону на укрепленных позициях войска северо-восточного фронта под командованием генерала Жоржа (три группы армий). Группировка фронта насчитывала (с учетом 13 крепостных, резервных и колониальных формирований) 78 дивизий (из них 7 находились в стадии формирования), 17 500 орудий и минометов, около 2 тыс. танков (без учета легких разведывательных машин).

Против Италии и на Средиземноморском побережье, также на заранее подготовленных позициях, развернулся юго-восточный фронт (одна армия), имевший 16 дивизий, 5426 орудий и минометов, 200 танков.

Во французских владениях — Алжире, Тунисе (на границе с итальянской колонией Ливией) и Марокко — было развернуто 14 дивизий, 3620 орудий и минометов, 227 танков⁵.

Для обеспечения обороны сухопутных войск с воздуха на аэродромах Франции было сосредоточено не менее 1400 современных боевых самолё-

¹ Д. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941, стр. 32.

² Там же, стр. 34.

³ Ш. де Голль. Военные мемуары, т. I, стр. 35.

⁴ Д. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941, стр. 53.

⁵ Guerre 1939—1945. Les grandes unités françaises. Historiques succincts. Paris, 1967. Carte: Situation du 2 septembre 1939—soir.

тов, а в колониях — 335 самолетов. В резерве находилось 1600 самолетов¹.

Большие силы французского военно-морского флота, включая 3 линейных корабля, 10 крейсеров, 20 эсминцев и 53 подводные лодки, были сосредоточены в Средиземном море в военно-морских базах Тулон, Марсель, Оран и Бизерта, остальные силы базировались на Шербур, Брест, Лориан и Сен-Назер, в проливе Ла-Манш и в Бискайском заливе².

Таким образом, основным театром военных действий правительства и военные командования Великобритании и Франции считали Европу. Англия возлагала большие надежды на вооруженные силы Франции и военную помощь Соединенных Штатов Америки.

Агрессивные действия Германии в Европе в 1938—1939 гг. существенно изменили политическую обстановку. Под угрозой оказались не только Великобритания, союз с которой обеспечивал США господство на Атлантическом океане, но и непосредственные интересы самих Штатов. В связи с этим в конце 30-х годов началось заметное сближение США с Англией, закладывалась основа их коалиционной стратегии.

В июне 1939 г. объединенный комитет планирования США дал руководящие установки для разработки пяти вариантов нового плана войны под кодовым названием «Рейнбоу»³.

План «Рейнбоу-1» предусматривал оборону Западного полушария от Бразилии и Гренландии на востоке до острова Мидуэй (в Тихом океане) на западе. Планы «Рейнбоу-2» и «Рейнбоу-3», нацеливавшие главные усилия США на тихоокеанское направление, после того как Германия и Италия стали угрожать союзникам, оказались неприемлемы. План «Рейнбоу-4» намечал сосредоточение главных военных усилий США на Европейском континенте⁴. План «Рейнбоу-5», в котором был определен состав коалиции, наиболее отвечал расстановке сил во второй мировой войне. Он предусматривал активное сотрудничество США с Великобританией и Францией. Предполагалось быстрое выдвижение американских вооруженных сил через Атлантический океан в Африку и Европу с целью нанесения решительного поражения Германии или Италии или им обеим. В этом плане была заложена концепция, явившаяся основой военной стратегии США во второй мировой войне. Суть стратегического расчета заключалась в установке на то, что главным противником в войне будет Германия в союзе с европейскими партнерами по оси и Японией. Основные усилия США намечалось сосредоточить в Европе.

В то же время империалисты США под предлогом защиты своего континента активизировали действия, чтобы окончательно захватить в Западном полушарии рынки сбыта и источники сырья, находившиеся под контролем английских и других монополий. Огромный военно-экономический потенциал страны они намеревались использовать для установления своего полного господства в этом районе.

Трудное время переживала Польша. После предъявления фашистской Германией требования о передаче ей Гданьска и предоставлении экстерриториальной автострады и железной дороги в «польском коридоре» политические и военные руководители этой страны приступили к непосредственному стратегическому планированию войны. Учитывая экономическую и военную слабость своей страны, они строили стратегические

¹ «Forces aérienne françaises», décembre 1962, p. 782; B. C o l l i e r. The Defense of the United Kingdom. London, 1957, p. 78.

² P. A u p h a n, J. M o r d a l. La Marine Française pendant la seconde guerre mondiale, p. 481—511.

³ Важнейшие решения. Перевод с английского. М., 1964, стр. 44.

⁴ Т а м ж е, стр. 50, 51.

планы в расчете на успешное ведение войны в коалиции с сильными союзниками — Англией и Францией. В мае 1939 г. Польша и Франция договорились, что в случае немецко-фашистской агрессии против Польши, на пятнадцатый день после объявления всеобщей мобилизации Францией, она начнет наступление против Германии «своими главными силами». Французская авиация обязывалась выделять для бомбардировки объектов Германии 60 самолетов с радиусом действия 1500 км и с бомбовой нагрузкой 1500 кг на каждый самолет¹. Английское правительство также взяло на себя обязательство в первые же дни войны начать бомбардировку территории Германии и боевые действия на акватории².

Разработка плана войны против Германии под кодовым названием «Запад» («Захуд») была начата польским командованием в марте 1939 г. Стратегический замысел плана состоял в следующем: оборонять необходимую для ведения войны оперативную зону, нанося контрударами возможно больший урон противнику, не допустить разгрома своих сил до начала операции союзников на Западе, с началом их боевых действий и отвлечением с польского фронта части сил противника на западный фронт действовать в зависимости от складывающейся обстановки³.

Войска, предназначенные для достижения главной стратегической цели, к концу августа 1939 г. были сведены в семь общевойсковых армий и четыре оперативные группы⁴. Всего для ведения боевых действий в начальный период войны предполагалось выделить 30 пехотных и 9 резервных пехотных дивизий, 11 кавалерийских и 2 моторизованные бригады⁵, а также войска обороны морского побережья и военно-морской флот⁶. Предусматривалось развертывание вооруженных сил численностью до 1,5 млн. человек⁷, то есть по сравнению с мирным временем армия увеличивалась почти в 3,5 раза.

Основная оборонительная группировка вооруженных сил Польши состояла из одного стратегического эшелона (шесть армий и одна отдельная оперативная группа) и резерва главного командования. На северном крыле польского фронта вдоль границ Восточной Пруссии и в зоне «польского коридора» на рубеже Пуца Августовска, реки Бебжа, Нарев, Буг, Висла развертывались отдельная оперативная группа «Нарев», армии «Модлин» и «Поможе». На всем остальном участке польско-германской границы фронтом на запад, от реки Варта до чехословацкой границы, развертывались в линию армии «Познань», «Лодзь», «Краков». На южном крыле фронта в предгорьях Карпат на 350-километровом фронте располагалась армия «Карпаты» (две горные бригады и несколько пограничных частей), а также три оперативные группы резерва. Резерв главного командования, основу которого составила армия «Прусы», сосредоточивался в районе Радом, Лодзь, Кельце.

Морские базы в Гдыне и на полуострове Хель к началу войны не были надежно защищены ни с моря, ни с воздуха, ни с суши. Польское командование не имело реальной возможности обеспечить морские кораб-

¹ *Wojna obronna Polski 1939. Wybór źródeł*. Warszawa, 1968, str. 253—257.

² *Ibid.*, str. 264—277, 279—284.

³ *Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej*, t. I, cz. I, str. 273.

⁴ *T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945*, str. 133.

⁵ Весной 1939 г. принято решение о формировании новой моторизованной бригады. Фактически создание ее началось за две недели до начала войны. Укомплектованная личным составом и боевой техникой на 75 процентов, бригада ко времени нападения гитлеровской армии на Польшу еще не достигла боевой готовности (*Centralne Archiwum Wojskowe, GISZ. MS Wojsk.*, t. 996).

⁶ *Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej*, str. 267; *M. P o r w i t. Komentarze do historii polskich działań obronnych 1939 roku*. Cz. I, str. 63.

⁷ «*Myśl Wojskowa*», 1971, № 8, str. 57—58.

ли горючим¹. Поэтому при разработке плана войны против Германии было принято решение отослать три эскадренных миноносца в Англию². Оставшимся судам ставилась задача во взаимодействии с частями морского побережья оборонять полуостров Хель, не допустить высадку морского десанта гитлеровцев, поставить минные заграждения в территориальных водах до начала войны, а в ходе ее — на морских коммуникациях противника³.

Мобилизационное развертывание польских вооруженных сил проводилось по плану «В»⁴, принятому в апреле 1938 г.⁵ Он предусматривал в основном скрытую мобилизацию в мирное время.

Стратегическое развертывание польских вооруженных сил велось крайне медленно⁶. Всеобщая мобилизация была объявлена и начата 31 августа 1939 г.

К утру 1 сентября 1939 г. Польша располагала следующими готовыми к военным операциям силами: 21 пехотной дивизией, 3 резервными дивизиями, моторизованной бригадой, 8 кавалерийскими бригадами, 3 горнострелковыми бригадами и 56 батальонами национальной обороны, а также частями пограничных войск и охраны морского побережья. Запланированный резерв главного командования находился в процессе мобилизации и формирования.

Польша сосредоточила в приграничных районах около 70 процентов сил, предусмотренных для ведения стратегической операции. В первом оперативном эшелоне находилось около 840 тыс. солдат⁷. Были созданы армейская авиация, авиационный резерв главнокомандующего польскими войсками и морская авиация⁸. Управления авиационных полков упразднились. Армиям придавались подразделения истребительной и разведывательной авиации, а также самолеты наблюдения (17—53 самолета на армию)⁹.

Резерв главнокомандующего польскими войсками составили истребительная (56 самолетов) и бомбардировочная (86 самолетов) бригады¹⁰. Авиация использовалась децентрализованно, что привело к ее распылению по всему фронту.

Несомненно, что трудящиеся и все прогрессивные силы Польши могли противопоставить агрессору всенародную войну, в которой их патриотизм проявился бы в полную силу. Но правящие буржуазно-помещичьи круги были неспособны на такую войну и боялись ее, боялись своего народа. Порочным оказался и их главный расчет на помощь Англии и Франции. Все это обрекало Польшу на неизбежное поражение и ужасы немецко-фашистской оккупации.

¹ A. Rzeźniowski, *Obrona Wybrzeża w 1939 r.*, str. 144—154, 553, 554, 556.

² 31 августа 1939 г. в Англию ушли три эсминца и две подводные лодки.

³ M. Porwit, *Komentarze do historii polskich działań obronnych 1939 roku*, str. 92, 93, A. Rzeźniowski, *Obrona Wybrzeża w 1939 r.*, str. 197—201.

⁴ По имени автора этого плана — Ежи Вятра. План был разработан в двух вариантах: на случай ведения войны с Германией или же с Советским Союзом.

⁵ Centralne Archiwum Wojskowe, Departament MS Wojsk, t. 142.

⁶ Первая частичная и скрытая мобилизация была объявлена 22 марта 1939 г. (пять соединений) с целью обеспечения прикрытия мобилизации и сосредоточения главных сил польской армии, вторая — 13—18 августа 1939 г. (девять соединений). Скрытая мобилизация основных сил армии была начата за восемь суток до возникновения боевых действий.

⁷ T. Rawski, Z. Stapor, J. Zamojski, *Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945*, str. 136—137.

⁸ W. Zaczekiewicz, *Lotnictwo polskie w kampanii wrześniowej 1939 r.* Warszawa, 1947, str. 39.

⁹ M. Porwit, *Komentarze do historii polskich działań obronnych 1939 roku*, str. 103.

¹⁰ A. Kurowski, *Lotnictwo polskie w 1939 r.*, str. 65.

* * *

Стратегические замыслы и цели государств двух капиталистических коалиций имели как определенную общность, так и существенное различие. Общее состояло в том, что в их планах отсутствовал точный учет соотношения сил на мировой арене, возможных перспектив войны, роли народных масс; проявлялось враждебное отношение к СССР как стране социализма. Общим было и то, что обе капиталистические коалиции готовились к войне друг с другом за преобладание в мире. Различие заключалось в том, что блок Германии, Италии, Японии ориентировался на наступательную, быстротечную войну, коалиция Англии, Франции, США, Польши — на длительную позиционную войну, относя наступательные операции на заключительную стадию войны. Если военное руководство Германии и Японии использовало последние достижения в военной технике, оперативном искусстве, но явно преувеличивало свои наступательные возможности, то военное руководство Англии, Франции и Польши оказалось неспособным учесть новое в военном деле, недооценило силу предстоящего фашистского наступления и переоценило свои оборонительные возможности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В четверг 31 августа 1939 года люди европейских стран любовались последним летним закатом. Провожая день, они не знали, что уходил и последний день мира, что через несколько часов предутренняя тишина будет разорвана бомбами и снарядами всемирной войны.

Пройдут многие десятилетия, сменятся поколения, на всей планете будет построено общество, достойное гордого имени Человек, но и тогда не потеряет актуальности вопрос: почему в середине XX века при достигнутом уже тогда уровне цивилизации человечество оказалось ввергнутым в кровавую пучину мировой войны? Этот вопрос еще долго будет привлекать внимание.

История возникновения второй мировой войны, прослеженная в первом и втором томах, неопровержимо доказывает, что единственным источником, породившим ее, был международный империализм. Война зародилась и вызрела внутри капиталистической системы в результате свойственной ей неравномерности развития отдельных стран, в результате острейших империалистических противоречий. Именно это привело к возникновению в капиталистическом мире двух военных группировок и к последующей вооруженной схватке между ними.

Как в любом крупном преступлении не одинакова роль его участников, так и в подготовке и развязывании второй мировой войны степень виновности различных людей, классов, партий, режимов, государств империалистического лагеря не одинакова.

Главная вина за подготовку и развязывание второй мировой войны лежит на империалистах Германии, Японии, Италии. Порожденный империализмом террористический режим в преступном союзе с военщиной превратил эти страны в государства войны, которые открыто заявили о своих притязаниях на мировое господство. Лихорадочным темпом создавались гигантские военные машины, испытанные во время разбойничьих акций на полях Азии, Африки, Европы. Подготовка большой войны подчинялись все сферы экономической, политической и идеологической жизни общества в этих странах.

Казалось бы, каждый непредубежденный человек должен был понять, что империалистическая агрессия в Китае, Эфиопии, Испании, Австрии, Чехословакии, Албании не только ослабляет позиции противников фашизма, но и является кровавой прелюдией мирового военного пожара, грозящего неисчислимыми бедами народам всего мира. Но реакционные круги Англии, Франции, США не хотели, а буржуазно-демократические режимы этих стран оказались неспособными дать отпор наглым агрессорам и совместно с СССР спасти человечество от новой мировой войны.

Неспособность эта объяснялась отнюдь не мнимым недостатком военно-экономической мощи, на который часто ссылаются фальсификаторы истории. Объединенные возможности тех стран, которые могли бы остановить войну, значительно превосходили мощь государств-агрессоров. Дело было прежде всего в ледяном эгоистическом классовом расчете правящих верхушек Англии, Франции, США. Они прекрасно знали и понимали, чем грозит миру расширение агрессии фашистского блока. Но пока удары агрессоров обрушивались на другие народы, эти политические деятели думали только о своих корыстных интересах и бросали очередные жертвы на растерзание фашистским стервятникам как своеобразные подачки за то, чтобы в конечном счете направить агрессию фашистских государств против Советского Союза. Господствующие классы этих стран, спекулируя на антисоветских лозунгах, оставляя малые народы в беде, стремились нажиться на горе, несчастьях и жертвах миллионов людей, укрепить и расширить свои позиции на земном шаре.

Предвоенная политика Англии, Франции, США не выдержала поставленного историей экзамена. И дело здесь было не только в том, что на политической авансцене действовали такие люди, как Чемберлен, Галифакс, Даладье, Боннэ, Буллит, Бек, но прежде всего в классовой позиции империалистических правительств.

Реальный ход исторических событий показал, что подобная политика была губительной даже для самих господствующих классов Англии, Франции, США. Навязчивые идеи антисоветизма, которыми руководствовались их лидеры, породили расчеты на то, что Германия, Италия, Япония будут воевать только в одном направлении — против СССР и не будут воевать в другом направлении — против Англии, Франции, США, несмотря на всю остроту империалистических противоречий.

Ослепленные классовой ненавистью к Советскому социалистическому государству, ко всем прогрессивным силам, империалисты в эпоху всеобщего кризиса капитализма были готовы на самые крайние меры, дабы продлить свое господство. Политикой «невмешательства», «умиротворения» агрессоров правящие круги Англии, Франции, США попустительствовали империалистам Германии, Японии, Италии, оказали им неоценимую помощь в подготовке и развязывании второй мировой войны. Вдохновителям и проводникам политики поощрения агрессоров никуда не уйти от исторической ответственности перед современным и будущими поколениями за это тягчайшее преступление.

Уже тогда человечество располагало значительными силами мира. Советский Союз, международное коммунистическое и рабочее движение, национально-освободительное и демократические движения вели напряженную борьбу за избавление человечества от новой военной катастрофы. Но в конкретных исторических условиях 30-х годов при сложившемся соотношении сил на мировой арене они не смогли преградить путь второй мировой войне. Однако усилия борцов против империалистической агрессии и понесенные ими жертвы не пропали даром. Их самоотверженность несколько затормозила начало войны, а главное, заложила определенные предпосылки для сотрудничества народов и государств с Советским Союзом, как самым последовательным борцом против фашизма, для создания в будущем антигитлеровской коалиции, обогатила антивоенное движение важным историческим опытом, имеющим огромное непреходящее значение.

Один из уроков истории состоит в том, что малейшая недооценка, а тем более попустительство империалистической реакции, выступает ли она в фашистской или какой иной форме, несут величайшую опасность для судеб народов. С такой реакцией надо вести бескомпромиссную и беспощадную борьбу.

История 20—30-х годов XX века особенно ярко показала, что террористическая диктатура наиболее реакционных кругов буржуазии в любом своем проявлении несет не только уничтожение элементарных демократических свобод в тех странах, где она возникла, но и военную угрозу народам других стран, всему человечеству.

Капиталистической реакции противостояла новая общественно-экономическая формация — социализм. Советский Союз неизменно выступал как последовательный, непримиримый, бескорыстный борец против любых проявлений империалистической агрессии. И хотя уже тогда великие преимущества новой социальной системы становились все очевиднее, молодое социалистическое государство еще не было настолько могущественным, чтобы самостоятельно обуздать фашистских агрессоров. Войне можно было тогда преградить путь лишь едиными действиями международного рабочего класса, совместными с Советским Союзом усилиями капиталистических стран, не заинтересованных в мировой войне. Однако в те годы достичь такого единства действий не удалось.

Значительная часть рабочих шла за социал-демократическими партиями, правые лидеры которых стояли на позициях антикоммунизма и антисоветизма. Именно это прежде всего не позволило осуществить в ту пору единство действий коммунистов, социалистов, социал-демократов и других демократических партий, различных отрядов рабочего класса, организовать достаточно прочный единый фронт всех трудящихся и других прогрессивных сил в борьбе против военной опасности.

В течение всех лет, отделяющих две мировые войны, Коммунистическая партия и Советское правительство, неуклонно руководствуясь ленинскими принципами пролетарского интернационализма и мирного сосуществования государств с различными общественными системами, решительно и последовательно боролись против империалистической реакции в ее фашистском облики. При этом Страна Советов стремилась обеспечить мир не только для себя, но и для других стран и народов. Выдвинутое Коммунистической партией положение «мир неделим» было констатацией реального факта и благородным призывом к объединению всех противников фашистской агрессии. Этот призыв противостоял стремлению многих буржуазных политических деятелей канализировать агрессию в одном направлении — против СССР.

В условиях нараставшей угрозы новой мировой войны и образования ее первых очагов в Азии и Европе Советское государство выдвинуло конструктивную идею создания системы коллективной безопасности и многое сделало для претворения этой идеи в жизнь. Однако курс Советского Союза на обеспечение мира и безопасности для всех народов был торпедирован правящими кругами Англии, Франции, США, ослепленными ненавистью к коммунизму и советскому строю.

В основе политики правительств Англии, Франции и США находился антикоммунизм и антисоветизм. В событиях предвоенных лет в полной мере выявилась роковая роль антисоветизма для судеб государств и народов. Ибо для того, чтобы война, вызревшая в недрах капиталистического мира, не обрушилась на человечество, требовалась совместная с СССР защита мира на основе отказа правительств западных стран от антикоммунизма и антисоветизма как государственной политики. Попытки сохранить мир ценой предательства в отношении малых стран и путем канализации фашистской агрессии против СССР могли дать только один результат — мировую войну. Так оно и случилось.

В событиях предвоенных лет с предельной ясностью раскрылось, что правительства буржуазных стран не собирались остановить фашистского зверя. Решить эту жизненно важную для всего человечества задачу можно было только совместно с СССР. Его военная, экономическая и по-

литическая мощь представляла собой главный оплот всех миролюбивых сил земного шара. В капиталистических странах, противостоявших Германии и Японии, были политические деятели, не желавшие войны, понимавшие опасность рискованной игры судьбами народов. Но и они, как правило, не подымались до понимания подлинной роли социалистического государства в обеспечении прочного мира.

История свидетельствует, что борьба за мир требует активных действий, сплочения и единства всех антивоенных сил. Отмечая эту историческую закономерность применительно к современным условиям, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил в 1973 г. на Всемирном конгрессе миролюбивых сил: «...ни мир, ни разрядка не утверждаются на мировой арене сами собой как некое благое даяние свыше. Они могут быть достигнуты лишь в результате упорной, неустанной борьбы всех миролюбивых сил — государств, политических партий и течений, общественных организаций и отдельных лиц — против всего, что противодействует разрядке, угрожает миру, создает опасность войны».

Правильность марксистско-ленинской политики Коммунистической партии и Советского правительства в предвоенные годы, их предвидение грядущего развития мировой истории полностью подтверждены последующим ходом исторических событий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

1935 год

- 3 октября** — Вторжение войск фашистской Италии в Эфиопию. Начало итапо эфиопской войны.
- 3—15 октября** — IV всегерманская конференция Коммунистической партии Германии (Брюссельская конференция), постановившая считать главной задачей создание народного фронта против фашизма и войны.
- 5 октября** — Согласно закону о нейтралитете от 31 августа 1935 г. США запретили вывоз оружия в Италию и Эфиопию.
- 7 октября** — Решение Лиги наций об объявлении Италии агрессором — Воззвание Исполкома Коминтерна «Долой войну!» в связи с нападением Италии на Эфиопию.
- 12 октября** — Исполком Социнтерна отверг предложение Коминтерна о единстве действий в связи с итапо-эфиопской войной.
- 12—13 октября** — Антифашистский конгресс итальянских эмигрантов выступил против войны в Эфиопии (Брюссель).
- 10 ноября** — Обращение ЦК Коммунистической партии Германии к правлению СДПГ с предложением о создании единого фронта борьбы против фашизма и войны.
- 22 ноября** — Заявление СССР в связи с итапо-эфиопской войной. Осуждение агрессивных действий фашистской Италии.
- Ноябрь** — Организация Японией марионеточного правительства в Хэбэе.
- 7 декабря** — Закон о роспуске военизированных фашистских организаций во Франции.

9 декабря — Соглашение министра иностранных дел Великобритании С. Хора с премьер-министром Франции П. Лавалем об отторжении части территории Эфиопии в пользу Италии с предоставлением ей исключительных экономических и политических прав во всей Эфиопии.

9 декабря — Массовая антияпонская демонстрация студентов в Бэйпине (Пекине). Начало «движения 9 декабря».

9 декабря 1935 г. — 25 марта 1936 г. — Лондонская морская конференция.

18 декабря — Вступление в силу решения Лиги наций об экономических и финансовых санкциях против Италии.

Декабрь — Начало химической войны Италии против Эфиопии.

1935 г. — Создание фонда мира в помощь жертвам агрессии.

1936 год

- 11 января** — Народный фронт Франции выдвинул к парламентским выборам программу, содержащую требования роспуска фашистских организаций, создания системы коллективной безопасности.
- 15 января** — Уход Японии с Лондонской морской конференции.
- 16 февраля** — Победа народного фронта на парламентских выборах в Испании.
- 26—29 февраля** — Военно-фашистский путч в Токио.
- 7 марта** — Оккупация Германией Рейнской зоны и расторжение ею локарнских соглашений.
- 12 марта** — Подписание советско-монгольского протокола о взаимопомощи.

19 марта — Итало албанское соглашение; полное политическое и экономическое порабощение Албании фашистской Италией

— Англо-французское соглашение о двусторонних гарантиях, заключенное в связи с отказом Германии от локкарнских соглашений и демилитаризацией Рейнской зоны.

19—20 марта — Совместное заседание Исполкомов Социалистического рабочего интернационала и Международного объединения профсоюзов осудило оккупацию Рейнской зоны германскими войсками и подчеркнуло значение коллективной безопасности.

Март — Пленум ЦК Коммунистической партии Польши отметил растущую угрозу нападения гитлеровской Германии на Польшу.

Март — апрель — Президиум Исполкома Коминтерна обсудил важнейшие задачи борьбы против войны и тактику народного фронта.

26 апреля — 3 мая — Победа народного фронта на выборах во Франции.

30 апреля — Правительство Англии приняло самую широкую с 1921 г. программу строительства военного флота.

5 мая — Захват итальянскими войсками столицы Эфиопии Аддис-Абебы.

18 июня — Декрет правительства Л. Блюма во Франции о роспуске фашистских союзов.

22 июня — 20 июля — Международная конференция о режиме черноморских проливов в Монтре (Швейцария).

26—29 июня — Английский национальный конгресс мира в Лидсе.

4 июля — Отмена Лигой наций экономических санкций против Италии.

17—18 июля — Начало фашистского мятежа в Испании и национально-революционной войны испанского народа против мятежников и германо-итальянских интервентов.

25 июля — Решение правительства Франции о строгом нейтралитете в отношении войны в Испании.

Июль — Начало открытой германо-итальянской интервенции в Испании. — Начало массового антифашистского движения во многих странах мира в защиту республиканской Испании.

1 августа — Заявление французского правительства о невмешательстве в войну в Испании.

3 августа — Обращение ЦК КПГ ко всем антифашистам, прошедшим военную подготовку, поддержать борьбу испанских республиканцев.

4 августа — Установление фашистской диктатуры генерала Метаксаса в Греции.

7 августа — Распространение американским конгрессом закона о нейтралитете на войну в Испании.

11 августа — Принятие кабинетом министров Японии секретного документа «Курс внешней политики Японии», ставившего целью завоевание господства в Азии и в бассейне Тихого океана.

13 августа — Европейская конференция в защиту Испанской республики, демократии и мира (Париж).

19 августа — Правительство Англии присоединилось к политике невмешательства в войну в Испании.

25 августа — Обращение Коммунистической партии Китая к гоминьдану с предложением о создании единого национального антияпонского фронта.

31 августа — 6 сентября — I Всемирный конгресс молодежи.

3—6 сентября — Международный конгресс мира. Создание Всемирного объединения за мир (Брюссель).

7 сентября — Французская коммунистическая партия потребовала от правительства Л. Блюма снять эмбарго на вывоз оружия в республиканскую Испанию.

8—14 сентября — Провозглашение «четырёхлетнего плана» подготовки войны на съезде нацистской партии в Германии (Нюрнберг).

9 сентября — Создание Международного комитета по невмешательству в дела Испании (Лондон).

16 сентября — Опубликование в Греции фашистского закона «О мерах борьбы с коммунизмом и его последователями».

Сентябрь — Президиум и Секретариат Исполкома Коминтерна выдвинули программу единых действий рабочего класса и всех антифашистов мира в защиту Испанской республики.

1 октября — Глава фашистского мятежа в Испании генерал Франко провозглашен руководителем «национального правительства».

14 октября — Декрет республиканского правительства Испании о строительстве народной армии.

16 октября — Телеграмма Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина Хосе Диасу о том, что борьба испанского народа «не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

25 октября — Итало-германское соглашение о разграничении сфер экономической экспансии на Балканах и в Дунайском бассейне, о совместной борьбе против Испанской республики и признании захвата Эфиопии Италией. Оформление оси Берлин — Рим.

— Обращение Коминтерна к Амстердамскому интернационалу профсоюзов с предложением организовать немедленную помощь испанскому народу.

Октябрь — Декрет о преобразовании испанской народной милиции в регулярную армию.

— Призыв Международной ассоциации писателей помочь испанскому народу разбить фашизм, защитить испанскую культуру от фашистского варварства.

Октябрь — ноябрь — Сражение испанских республиканцев с войсками мятежников на подступах к Мадриду.

7 ноября — Призыв Коминтерна к Социалистическому рабочему интернационалу и Амстердамскому интернационалу профсоюзов организовать совместную помощь испанскому народу.

8 ноября — Прибытие на мадридский фронт первых интернациональных бригад.

18 ноября — Признание Германией и Италией правительства Франко.

25 ноября — Заключение «антикоминтерновского пакта» между гитлеровской Германией и милитаристской Японией.

28 ноября — Подписание секретного договора о сотрудничестве между испанскими мятежниками и фашистской Италией.

5 декабря — Принятие VIII Чрезвычайным съездом Советов новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик.

28 декабря — Новое обращение Коминтерна к Социалистическому рабочему интернационалу и Амстердамскому интернационалу профсоюзов с предложением организовать совместную помощь испанскому народу.

Декабрь — Восстание голландских войск в Сиани.

1936 г. — Всемирный юношеский конгресс борьбы за мир (Женева).

— Межамериканская конференция за сохранение мира (Буэнос-Айрес).

1936—1938 гг. — Участие добровольцев 54 стран в борьбе испанского народа за свободу и независимость.

1937 год

2 января — Итало-английское «соглашение о Средиземном море». Италия получила свободу действий в борьбе против Испанской республики.

8 января — Запрещение правительством США экспорта оружия и военного снаряжения в Испанию.

Январь — Прибытие в Испанию итальянского фашистского экспедиционного корпуса.

2 февраля — Опубликование во Франции четырехлетнего плана вооружения.

17—18 февраля — Принятие в Англии расширенной военной программы.

8—20 марта — Поражение итальянского фашистского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой.

20 марта — Подписание соглашения о сотрудничестве между испанскими мятежниками и фашистской Германией.

21 апреля — Конференция коммунистических партий 21 страны об объединении усилий по оказанию помощи Испанской республике (Париж).

26 апреля — Уничтожение испанского города Герника германской авиацией.

27 апреля — ЦК ВКП(б) принял постановление о создании при СНК СССР Комитета Обороны СССР.

28 апреля — Постановление СНК СССР «О третьем пятилетнем плане народного хозяйства».

1 мая — Принятие конгрессом США закона о нейтралитете, заменившего временный закон от 31 августа 1935 г.

10 мая — Решение ЦИК и СНК СССР о введении института военных комиссаров в Советских Вооруженных Силах и о создании военных советов округов.

29 мая — Опубликование в Японии «Основных положений пятилетней программы развития важнейших отраслей промышленности» — программы милитаризации японской экономики.

31 мая — Обстрел германскими военными кораблями испанского города Альмерия.

Весна — Развертывание партизанской борьбы против итальянских захватчиков в ряде провинций Эфиопии.

21 июня — Соглашение между Коминтерном и Социнтерном о проведении совместной политики в испанском вопросе (Анмас, Франция).

24 июня — Директива главнокомандующего вермахтом «О единой подго-

товке вермахта к войне», включавшая мероприятия по подготовке захвата Австрии, войны против Франции и Польши, по продолжению интервенции в Испании.

7 июля — Нападение Японии на Китай. Начало японо-китайской войны.

28—29 июля — Захват Бэйпина и Тяньцзиня японскими войсками.

Июль — II Международный конгресс писателей в защиту мира и культуры.

21 августа — Подписание советско-китайского договора о ненападении.

25 августа — Принятие на расширенном совещании Политбюро ЦК Коммунистической партии Китая «Программы сопротивления Японии и спасения родины».

6 сентября — Протест СССР правительству Италии в связи с потоплением советских судов в Средиземном море.

10 сентября — Вступление в силу закона «О мобилизации военной промышленности» в Японии.

10—14 сентября — Нионская международная конференция по борьбе с пиратскими действиями подводных лодок фашистских держав.

12 сентября — Опубликование японским правительством программы «всеобщей мобилизации национального духа».

22—23 сентября — Принятие декларации ЦК Коммунистической партии Китая и заявления Чан Кай-ши о взаимном сотрудничестве в борьбе против японской агрессии.

3 октября — Директива Исполкома Коминтерна «О помощи испанскому и китайскому народам».

5 октября — Выступление Рузвельта в Чикаго с призывом к установлению «карантина» в отношении агрессоров.

Октябрь — Заявление представителя СССР в Комитете по невмешательству с резкой критикой деятельности комитета.

3—24 ноября — Брюссельская международная конференция по вопросу о японской агрессии в Китае.

5 ноября — Провозглашение гитлеровской Германией ближайших целей агрессии: присоединение Австрии и Чехословакии.

6 ноября — Присоединение Италии к «антикоминтерновскому пакту».

12 ноября — Захват японскими войсками Шанхая.

19 ноября — Переговоры Гитлера с Галифаксом в Оберзальцберге. Со-

гласие Англии на германскую аннексию в Центральной Европе.

26—28 ноября — Национальный конгресс за демократию и мир, созванный Американской лигой борьбы против фашизма и войны.

Ноябрь — Раскрытие фашистского заговора кагуляров во Франции.

11 декабря — Выход Италии из Лиги наций.

13 декабря — Захват японцами Нанкина.

30 декабря — Постановление ЦИК и СНК СССР об образовании Народного комиссариата Военно-Морского Флота.

1938 год

28 января — Принятие США программы вооружения, предусматривавшей усиление воздушной обороны, расширение военной промышленности и увеличение военно-морского флота.

Январь — Создание в Китае правительства освобожденного района Шаньси — Чахар — Хэбэй.

4 февраля — Реорганизация военного министерства Германии. Назначение Гитлера верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами.

10 февраля — Установление монархо-фашистской диктатуры в Румынии.

1 марта, 1 июля — Договоры СССР с Китаем о предоставлении кредита и военной помощи Китаю в борьбе с японской агрессией.

11 марта — Директива верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о вторжении в Австрию (операция «Отто»).

12 марта — Вторжение германских войск в Австрию.

13 марта — СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о создании Главного Военного Совета РККА и Главного Военного Совета Военно-Морского Флота СССР.

— Заявление Коммунистической партии Австрии с резким осуждением аншлюса страны гитлеровской Германией.

17 марта — Заявление правительства СССР, осуждающее захват Австрии фашистской Германией и выражающее готовность Советского Союза оказать помощь Чехословакии в случае агрессии.

— Предложение СССР созвать международную конференцию в интересах сохранения мира.

- Март** — Воззвание коммунистических партий Австрии, Германии, Чехословакии, Франции и итальянских политэмигрантов с осуждением захвата Австрии Германией.
- 2 апреля** — Правительство Англии официально признало аншлюс Австрии.
- 6 апреля** — Правительство США признало аншлюс Австрии.
- 10 апреля** — Поражение японских войск под Тайэрцжуаном.
- 16 апреля** — Заключение в Риме англо-итальянского «джентльменского» соглашения, по которому Великобритания признала захват Эфиопии и «особые интересы» Италии в Испании.
- 26 апреля** — Заявление Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина о решении Советского правительства оказать помощь Чехословакии в случае агрессии.
- Апрель** — Заявление Советского правительства правительству Чехословакии о готовности СССР совместно с Францией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии.
— Правительство Англии приняло новую программу вооружения.
- 5 мая** — Издание в Японии императорского указа «О всеобщей мобилизации нации».
- 7 мая** — Заседание Исполкома Всемирного объединения за мир, осудившее фашизм и аннексию Австрии гитлеровской Германией.
- 17 мая** — Принятие программы морских вооружений в США.
- 30 мая** — Утверждение правительством Германии плана «Грюн» (план нападения на Чехословакию).
- 31 мая** — Применение впервые в истории советской авиации летчиком А. А. Губенко тарана в воздушном бою в небе Китая.
- 11 июня** — Пятидесятитысячная демонстрация в Праге под лозунгом «Мы не сдадимся!».
— Президиум Исполкома Коминтерна принял резолюцию, указывающую на необходимость воспитания кадров Коммунистической партии Китая на основе учения марксизма-ленинизма.
- 13 июня** — Закрытие правительством Франции франко-испанской границы.
- 22 июня** — Введение в Германии всеобщей принудительной трудовой повинности.
- 1 июля** — Преобразование ОКДВА в Краснознаменный Дальневосточный фронт.
- 29 июля — 11 августа** — Вторжение у озера Хасан японских милитаристов и их разгром Советской Армией.
- 30 августа, 12 ноября** — Чрезвычайные антирабочие декреты правительства Даладье во Франции.
- Август** — II Всемирный конгресс молодежи за мир (Паукинси, США).
- 4 сентября** — Принятие в Германии секретного «Закона об обороне империи».
- 5 сентября** — Предложение СССР созвать международную конференцию в связи с угрозой немецко-фашистской агрессии против Чехословакии.
- 15 сентября** — Переговоры Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене.
- 17 сентября** — Начало выступления «судетского корпуса» в Чехословакии.
— Политбюро ЦК ВКП(б) поручило НКВД разъяснить на пленуме Лиги наций позицию Советского Союза в отношении Чехословакии.
- 19 сентября** — Англо-французский ультиматум правительству Чехословакии с требованием предоставить «самоуправление» Судетской области.
- 20 сентября** — Договоренность о координации военных действий Польши и Германии против Чехословакии.
— Положительный ответ правительства СССР на запрос президента Чехословакии о готовности Советского Союза помочь Чехословакии в случае агрессии со стороны гитлеровской Германии.
- 21 сентября** — Выступление Советского правительства в Лиге наций в защиту Чехословакии.
— Принятие правительством Чехословакии англо-французского ультиматума.
- 22—23 сентября** — Встреча Чемберлена с Гитлером в Годесберге.
- 23 сентября** — Объявление всеобщей мобилизации в Чехословакии.
- 28 сентября** — Начало мобилизации в Германии.
— Обмен посланиями между Председателем Президиума Верховного Совета СССР и президентом США о созыве международной конференции для выработки мер противодействия агрессии и спасения мира коллективными усилиями.
- 29—30 сентября** — Подписание представителями Англии, Франции, Германии и Италии на конференции в Мюнхене соглашения о расчленении Чехословакии.
- 30 сентября** — Подписание англо-германской декларации о ненападении

и мирном урегулировании спорных вопросов

Сентябрь — Сосредоточение на западной границе СССР тридцати стрелковых дивизии, приведение в боевую готовность авиации и танковых частей Советской Армии для оказания помощи Чехословакии

1—10 октября — Оккупация Германией пограничных районов Чехословакии

2 октября — Оккупация польскими войсками Тешинской Силезии

9 октября — Предложение правительства СССР правительству Чехословакии гарантировать ее новые границы

21 октября — Директива Гитлера о подготовке оккупации остальной части Чехословакии

22 октября — Захват японскими войсками Кантона

27 октября — Захват японскими войсками Ухани

Октябрь — Хортистская Венгрия поддержала мюнхенское соглашение и начала подготовку к вторжению в Чехословакию

3 ноября — Японская «Декларация о новом порядке в Восточной Азии».

7 ноября — Манифест Коминтерна против мюнхенского сговора. Предложение созвать всемирную конференцию всех рабочих организаций для создания единого фронта борьбы против фашизма

25 ноября — Подписание японо-германского пакта об укреплении «культурных связей»

30 ноября — Депутаты парламента и пресса фашистской Италии начали кампанию за передачу Италии Туниса, Корсики и Ниццы

Ноябрь — Захват Венгрией части Словакии и Закарпатской Украины

6 декабря — Подписание франко-германской декларации о ненападении

1938 г. — Международная конференция писателей в защиту культуры (Париж)

— Международный антивоенный конгресс (Мехико)

1939 год

3 января — Принятие в СССР нового текста Военной присяги для воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота

20 января — Выступление представителя СССР в Лиге наций с подтверждением готовности СССР выполнить любое решение Лиги наций, направ-

ленное на принятие мер по коллективной безопасности

26 января — Захват испанскими фашистами Барселоны

30 января — 1 февраля — V всегерманская конференция Коммунистической партии Германии (Бернская конференция) разработала программу борьбы за новую демократическую Германию

24 февраля — Присоединение Венгрии к «антикоминтерновскому пакту»

27 февраля — Признание Англией и Францией правительства Франко и разрыв ими дипломатических отношений с республиканским правительством Испании

Февраль — Оккупация острова Хайнань японскими войсками

1 марта — Постановление СНК СССР об отзыве представителя Советского Союза из Комитета по невмешательству

4—5 марта — Мятежи против Испанской республики в Картахене и Мадриде

10—21 марта — XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Утверждение третьего пятилетнего плана

14 марта — Венгрия с согласия гитлеровской Германии заняла войсками всю Закарпатскую Украину — Создание в Словакии марionеточного прогерманского правительства

15 марта — Оккупация всей территории Чехии германскими войсками

15—16 марта — Конференция германских и английских промышленников в Дюссельдорфе, на которой было подписано соглашение о тесном взаимодействии в разделе рынков

18 марта — Нота НКВД СССР германскому правительству о непризнании захвата Чехословакии

— Предложение Советского правительства Великобритании немедленно созвать конференцию Англии, Франции, СССР, Турции, Польши, Румынии — государств, наиболее заинтересованных в предотвращении агрессии

21 марта — Предъявление Германией ультимативного требования польскому правительству о передаче ей Гданьска (Данцига)

22 марта — Захват гитлеровской Германией Клайпеды (Мемеля) — Заявление Англии и Франции об оказании помощи Голландии, Бельгии и Швейцарии в случае агрессии

23 марта — Подписание германо-румынского экономического соглаше-

ния, подчинившего фашистской Германии экономику Румынии.

27 марта — Подписание секретных соглашений о присоединении Испании к оси Берлин — Рим.

28 марта — Вступление в Мадрид войск интервентов и Франко.

28 марта — 1 апреля — Оккупация франкистскими войсками всей территории Испании.

31 марта — Предоставление Англией гарантий Польше.

Март — Совместное заявление коммунистических партий Германии, Австрии и Чехословакии против немецко-фашистской оккупации Чехословакии.

Март — апрель — Переговоры Советского правительства с правительством Финляндии о заключении договора о взаимопомощи и гарантиях территориальной неприкосновенности.

1 апреля — Правительство США признало франкистский режим в Испании.

3 апреля — Гитлер утвердил план «Вайс» («Белый план») — план нападения на Польшу.

7 апреля — Присоединение Испании к «антикоминтерновскому пакту». — Захват Албании фашистской Италией.

11 апреля — Директива гитлеровского верховного главнокомандования «О единой подготовке вооруженных сил к войне», включавшая план «Вайс». — Выход Венгрии из Лиги наций.

13 апреля — Предоставление Францией гарантий Польше. — Англо-французское заявление о гарантиях безопасности Румынии, Греции и Турции.

17 апреля — Предложение Советского правительства правительствам Англии и Франции заключить трехсторонний договор о взаимопомощи в случае агрессии.

27 апреля — Закон о всеобщей воинской повинности в Англии.

28 апреля — Расторжение Германией в одностороннем порядке договора о ненападении с Польшей и морского соглашения с Англией.

Апрель — Принятие правительством Англии новой программы вооружения.

8 мая — Выход франкистской Испании из Лиги наций.

10 мая — Решение ОКВ Германии о ведении экономической войны.

11 мая — В Германии подписаны «Основные указания о единой подготовке обороны империи» — программа мо-

билизационных мероприятий.

— Отклонение Польшей предложения СССР о военной помощи в случае агрессии.

11 мая — 31 августа — Нападение японских империалистов на Монголию и их разгром частями Советской Армии и войсками МНР у реки Халхин-Гол.

13—14 мая — Международная конференция в защиту мира, демократии и прав человека (Париж).

19 мая — Подписание франко-польского договора о военном союзе.

22 мая — Подписание гитлеровской Германией и фашистской Италией «стального пакта» — договора о военном и военно-хозяйственном сотрудничестве.

23 мая — Секретное совещание высших руководителей вооруженных сил фашистской Германии, посвященное планам развязывания мировой войны.

Май — Совместное заявление коммунистических партий Германии и Италии против германо-итальянского договора.

Май — август — Секретные англо-германские переговоры о разделе мировых рынков. Попытка договориться за счет СССР и других стран Европы.

2 июня — Новое предложение СССР правительствам Англии и Франции о заключении трехстороннего договора в случае агрессии.

13 июня — Подписание нового договора о предоставлении СССР финансовой и материально-технической помощи Китаю в его борьбе с японскими оккупантами.

16 июня — Подписание торгового договора между СССР и Китайской республикой.

8 июля — Опубликование в Японии императорского указа о всеобщей трудовой повинности.

24 июля — Подписание англо-японского соглашения о признании Англией «особых нужд» японских империалистов в Китае (соглашение Арита — Крейги).

26 июля — Денонсация правительством США торгового договора 1911 г. с Японией.

2 августа — Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о составе делегации СССР для участия в переговорах с военными миссиями Англии и Франции.

12—21 августа — Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве.

14 августа — Комитет Обороны при СНК СССР принял постановление об усилении обороны северного побережья СССР.

21 августа — Срыв Англией и Францией переговоров с СССР о заключении пакта взаимопомощи против агрессии.

23 августа — Подписание советско-германского пакта о ненападении.

24 августа — Предоставление парламентом Англии чрезвычайных полномочий правительству.

25 августа — Подписание англо-польского договора о взаимной помощи в случае агрессии

— Запрещение правительством Франции газеты «Юманите» — центрального органа Французской коммуни-

стической партии.

— Приказ о скрытой мобилизации сухопутной армии гитлеровской Германии.

26 августа — Завершение приготовлений фашистской Германии к нападению на Польшу.

30 августа — Учреждение в Германии совета министров по обороне

31 августа — Утверждение правительством Германии директивы № 1 о нападении на Польшу.

— В Польше объявлена всеобщая мобилизация

— Последний день мира перед началом второй мировой войны, развязанной международным империализмом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абебе Арегай — 48, 49
Абец Отто — 334
Аварин В. Я. — 40
Агальцов Ф. А. — 55
Адлер Фридрих — 239
Айелу — 46
Айни Садриддин — 165
Айронсайд Уильям — 142, 149
Айхольц Дитрих — 427
Аламышев Аман-Дурды — 165
Алафузов В. А. — 55, 180, 381
Александровский С. С. — 97, 99
Алекин В. А. — 180
Алексеев А. М. — 301
Алексеев И. П. — 218
Алкснис Я. И. — 173, 204
Аллен — 317
Аллен Джеймс — 341
Алферов И. П. — 73
Альбарда И. — 269
Альварес дель Вайо Хулио — 29, 53
Алябушев А. А. — 73
Амирагов Л. С. — 173, 174
Амон Лео — 141
Аморт Честмир — 104
Анисимов П. Н. — 73
Антонов-Овсеенко В. А. — 55
Араки Садао — 313, 370
Аранберг, де — 333
Арита Хатио — 41, 42
Арман П. М. — 55
Арнольд Генри — 409
Архангельский А. А. — 194
Асанья Мануэль — 257
Астахов Г. А. — 280, 281
Ауэзов Мухтар — 165

Б

Бабуров И. П. — 73
Бадольо Пьетро — 14, 17, 18, 368, 383
Бажан Микола — 165
Базаров В. К. — 212
Баймлер Ганс — 57
Байстрокки Федерико — 368
Бак Тим — 57
Бакстон Чарльз — 147—149
Баланов Н. Ф. — 55
Барбюс Анри — 237
Бардин И. П. — 183
Баркер А. — 18, 45, 46
Барнет Корелли — 391, 405
Барнс Г. — 345
Баррозо — 27
Барыков Н. В. — 192
Басарджаб — 216
Басистый Н. Е. — 55
Басторрече Франсиско — 54
Батицкий П. Ф. — 73
Батлет Джеймс — 352, 398, 403, 404
Батлер Ричард — 147
Батлер Эрик — 151, 284, 285
Батов П. И. — 55
Батурин М. — 91
Бах А. Н. — 159
Бевин Эрнст — 253
Бек Людвиг — 354, 359
Бек Юзеф — 83, 84, 115, 138, 139, 233, 275, 279, 345, 346, 347, 438
Белли В. А. — 180, 181, 370
Белов И. П. — 204
Белов П. А. — 176
Белов П. Д. — 73
Беляев В. Н. — 194
Бенеш Эдуард — 83, 84, 87, 88, 91, 92, 97—100, 103, 104, 109, 111, 112, 257

Бенуа-Мешен Ж. — 79, 80, 84, 90, 91
 Бер Феликс — 21
 Берар Арман — 13
 Березин Н. Е. — 196
 Берестов А. К. — 73
 Берзарин Н. Э. — 212
 Берзин Я. К. — 55
 Бернал Джон — 260
 Бернгард Иоганн — 24
 Бернгарди Ф. — 354, 355
 Бернет Чарльз — 141, 405
 Бестейро Хулиан — 63
 Билибин К. Я. — 55
 Бирд Чарльз — 262, 342
 Бирнат К. — 254
 Бирюков Н. И. — 217
 Бисмарк Отто Кристиан — 86
 Биссон Т. — 313
 Благовещенский А. С. — 73
 Благодравов А. И. — 193
 Блатта Такеле — 49
 Блекетт Д. — 242
 Бломберг Вернер — 354, 381, 382
 Блэр Джон — 340
 Блюм Изабелла — 242, 260
 Блюм Леон — 28, 98, 227, 243, 327, 333, 336, 337
 Блюхер В. К. — 203, 204, 211, 212
 Бобров Н. А. — 73
 Богданов М. А. — 217
 Боголюбов А. Н. — 73
 Бо Гу — 66, 67
 Боденшатц Карл — 92
 Бодуэн — 121
 Бока Анжело, дель — 45, 47—49
 Бокка Джорджно — 309, 311
 Болдуин Стенли — 28, 77
 Болдырев Г. И. — 316
 Болл Джозеф — 147
 Болховитинов В. Ф. — 195
 Бомон Морис — 153, 335
 Боннэ Жорж — 86, 89, 90, 93, 94, 97, 98, 100, 102, 121, 131, 132, 149, 335, 337, 338, 353, 438
 Боно Эмилио, де — 14
 Борель Э. — 242
 Боркенау Франц — 223
 Борман Мартин — 289
 Боровиков О. Н. — 73
 Бородин Б. А. — 74
 Бофр Андре — 123, 142, 143, 151, 153
 Бочаров В. М. — 55
 Брантинг Георг — 242, 245, 260
 Брасильяк Роберт — 30
 Браун Фред — 262
 Браунталь Юлиус — 265

Браухич Вальтер — 125, 129, 354, 381
 Бредель Вилли — 246
 Брежнев Л. И. — 113, 157, 272, 440
 Брейтшейд Рудольф — 242
 Бринон Фернан, де — 120, 334
 Брод — 392
 Брогли — 333
 Брукер Луи, де — 242, 257
 Бубнов А. С. — 171
 Бувье Жан — 339
 Буденный С. М. — 203, 204
 Буллит Вильям — 28, 77, 78, 84, 86, 87, 91, 139, 344, 417
 Бунфу Эдуард — 333, 335—338
 Буркхард Карл — 147, 149
 Бурмистров И. А. — 55
 Бутби Роберт — 328
 Бухфинк Эрнст — 354, 355
 Буше Ж. — 407
 Буэ — 336
 Быстров С. М. — 55
 Бэтти Питер — 315
 Бэш Антонин — 294, 296, 297
 Бюлов-Шванте Бернгард — 24
 Бюно Варийа Этьен — 333

В

Вагнер Д. — 80, 81
 Вайнерт Эрих — 246
 Вален — 142, 332, 335
 Вандервельде Жан — 245
 Ван Мин — 66
 Ванситтарт Роберт — 324
 Варлимонт Вальтер — 26, 355
 Варфоломеева Р. С. — 263, 337
 Василевский А. М. — 214
 Васильев А. В. — 73
 Васин В. П. — 298
 Вацетис И. И. — 204
 Вейган Максим — 335
 Вейцекер Эрнст — 32, 89, 117, 279—281, 287, 288
 Вельчек Иоганнес — 89, 90, 353
 Вентури Франко — 367
 Вентцель Д. А. — 178
 Ветцель Георг — 354, 355
 Ветчинкин В. П. — 194
 Вефер Вальтер — 355
 Вечный П. П. — 55
 Видеман Фриц — 78, 89, 90
 Вийом — 142
 Виктор Эммануил III — 307
 Викторов Д. П. — 216
 Викторов М. В. — 204
 Вильберг Гельмут — 25, 355
 Вильсон Вудро — 420

Вильсон Гарольд — 116, 140, 147, 148, 324
 Вильсон Хью — 87, 91, 109
 Вильямс Вильям — 420
 Винке — 117
 Виолет Морис — 245
 Витторио Джузеппе, ди — 57
 Вихман Я. Е. — 193
 Вишневский В. В. — 165
 Владимиров П. П. — 69
 Владимиров С. В. — 196
 Власов В. З. — 194
 Вобликов Д. Р. — 12, 48, 49
 Вознесенский Н. А. — 183
 Вольный — 167
 Вольтат Гельмут — 123, 147, 148, 151
 Воронов Н. Н. — 55, 58, 217
 Ворошилов К. Е. — 74, 104, 107, 141, 144, 147, 171, 203, 204, 212, 283
 Вултон — 328
 Вургун Самед — 165
 Вюнше Вольфганг — 355
 Вятра Ежи — 435

Г

Гайдар А. П. — 165
 Гайдаренко С. С. — 73
 Гакон Жан — 339
 Гал Янош — 57
 Галифакс Эдуард — 77, 86, 89, 95, 98, 114, 116, 118, 120, 122, 124, 135, 137—140, 142, 147, 148, 150, 252, 423, 438
 Галковский В. Н. — 190
 Галлахер Уильям — 328
 Галлер Л. М. — 203, 204
 Галло Макс — 17
 Гальдер Франц — 129, 135, 306, 355, 429, 431
 Гамарник Я. Б. — 204
 Гамелен Морис — 126, 146, 334, 335, 338, 353, 394, 395, 406, 407
 Гаха Эмиль — 122
 Гвай И. И. — 190
 Гвоздев И. В. — 213
 Геббельс Иозеф — 167, 168
 Гебрак Янош — 235
 Гейдрих Рейнгард — 301
 Гелег-Батор Л. — 216
 Гельвих П. А. — 178
 Гельмерт Г. — 355
 Гендерсон Невиль — 89, 93, 109, 149, 326, 429, 430
 Генлейн Конрад — 82, 83, 86—88, 92, 96, 101, 121
 Генри М. — 409
 Георг V — 324
 Герен А. — 339

Геринг Герман — 24, 78, 90, 92, 120, 123, 127, 135, 147, 149, 150, 293, 296, 300, 301, 354, 365, 374, 380, 381, 429
 Герман Карл — 377, 381
 Гесс Рудольф — 293
 Гжибовский Вацлав — 281
 Гильфердинг Рудольф — 254
 Гинзбург С. А. — 192
 Гитлер Адольф — 17, 19—21, 76—78, 80, 82, 83, 84, 87, 89—95, 98, 99, 101, 102, 108—111, 113—115, 117, 122, 124—126, 128, 129, 131, 135, 138, 147, 149—152, 168, 229, 233, 234, 249—254, 258, 262, 264, 278, 279, 282—284, 286, 287, 289, 293, 294, 297, 298, 300, 302, 304, 306, 311, 319—322, 324, 327—330, 333, 335, 339—341, 343, 345, 347, 354—356, 358, 359, 361, 362, 364—366, 374, 377, 380—382, 419, 425, 426, 428—430
 Глисон Сарелл — 340, 344
 Глод — 332
 Глотов Ф. Г. — 213
 Глухарев К. К. — 190
 Гове А. — 182
 Гоголь Н. В. — 311
 Годжа Милан — 83, 87, 97, 99, 109
 Голдстоун Р. — 341, 342
 Голль Шарль, де — 331, 335, 432
 Головки А. Г. — 55
 Голубев В. В. — 194
 Голубев И. Б. — 73
 Гончаров Л. Г. — 197
 Горбунов В. П. — 195
 Гордиенко М. Х. — 195
 Гордон М. — 317
 Горев В. Е. — 55
 Горегляд А. А. — 193
 Горлицкий Л. И. — 190
 Горький А. М. — 165
 Госсбах Ф. — 355
 Готвальд Клемент — 96, 97, 100, 229, 239, 249—251
 Готовцев А. И. — 177
 Готт Ричард — 324, 327, 328, 331
 Гофман Артур — 254
 Грабин В. Г. — 190
 Грабовский Тадеуш — 349
 Граве И. П. — 178
 Гранди Дино — 116
 Грациани Родольфо — 18, 48
 Грациolini — 181
 Грейнер Гельмут — 129
 Грендал В. Д. — 178
 Григорович Д. П. — 195
 Гринвуд Артур — 330
 Гринфильд Р. — 19, 48, 49
 Грифоне Пьетро — 308—310
 Грицевец С. И. — 55, 220

Гроос Отто — 354
 Гросс — 324, 327
 Гроссман Е. П. — 194
 Груздев Н. Н. — 193
 Грухин Н. Ф. — 218
 Гуалерни — 308
 Гуарнери Фелисиано — 310
 Губенко А. А. — 73, 216
 Гувер Герберт — 339
 Гуддорф Вильгельм — 254
 Гудериан Гейнц — 181, 355
 Гудков М. И. — 195
 Гукса — 46
 Гуревич М. И. — 195
 Гурович П. В. — 244
 Гусев В. М. — 165
 Гусев С. И. — 171
 Гутор А. Е. — 177

Д

Даладье Эдуард — 32, 33, 85, 86, 89, 91, 94, 95, 100, 108—110, 121, 122, 129, 134, 137, 143, 152, 252, 263, 264, 270, 278, 286, 335—337, 339, 340, 344, 345, 394, 395, 438
 Далем Франц — 57, 246
 Далерус Биргер — 147, 149, 429
 Даль Понт Адриано — 312
 Дандар Л. — 216
 Данкельман О. — 24, 31
 Дарлан Франсуа — 335, 398
 Датт Раджани Палм — 284
 Даусон Джеффри — 92, 330
 Деа Марсель — 334
 Дебю-Бридель Жак — 334
 Дегтярев В. А. — 189, 197
 Делатр де Тассиньи Жан — 335
 Делонкль Эжен — 334
 Дельбос Ивон — 28, 245, 255
 Дельпери де Байак Жак — 332—334
 Денисов С. П. — 55
 Дениц Карл — 367, 380, 381
 Деста Дамту — 46—48
 Дзюкки Л. — 312
 Джалиль Муса — 165
 Джамберардино Оскар — 369, 370
 Джамбул Джабаев — 165
 Джексон — 48
 Джелдер С. — 68
 Дженнари Эудженио — 255
 Джентиле Родольфо — 384
 Джибелли П. А. — 55
 Джильберт Мартин — 324, 327, 328, 331
 Джонс Т. — 77
 Джонсон Линдон — 345
 Джонсон Нельсон — 70
 Джослен А. — 405

Джудиче Гаспаре — 310
 Диас Хосе — 444
 Дивайн Р. — 341
 Диггинс Д. — 421
 Дикгоф Ганс — 29
 Дикин Фредерик — 309, 319, 368
 Димитров Георгий — 52, 224, 225, 237, 239, 241, 242, 255, 257, 305
 Димитров Сыби — 57
 Динкевич А. И. — 317
 Дирксен Герберт — 88—90, 117, 129, 139, 143, 147, 330
 Дитрих Этель — 300
 Додд Уильям — 13
 Дольфус Энгельберт — 78
 Дорнье Клаудиус — 423
 Дракс Реджинальд — 141, 144, 146, 147
 Дратвин М. И. — 73
 Дрозд В. П. — 55
 Дроздов Н. Ф. — 178
 Друммонд-Вольф Генри — 148
 Дубовой И. Н. — 204
 Дугаржав Ч. — 216
 Думенк Жозеф — 142, 144, 146, 147, 151, 335
 Душенов К. И. — 204
 Душкин Л. С. — 196
 Духов Н. Л. — 192
 Дуэ Джулио — 369
 Дыбенко П. Е. — 176, 204
 Дьяконов В. Г. — 178
 Дэвис Джозеф — 91
 Дюкло Жак — 242, 255, 334
 Дюпон Ламмот — 420
 Дюпре А. — 46

Е

Егинко Н. П. — 55
 Егоренко А. Т. — 213
 Егоров А. И. — 171, 173, 174, 176, 204
 Еккель Е. — 285
 Елисейев И. Д. — 55
 Енеке Эрвин — 25
 Ермолаев А. С. — 192
 Е Тин — 69
 Ефремов В. В. — 193
 Е Цзянь-ин — 67, 68

Ж

Жданов А. А. — 136, 203
 Жигарев П. Ф. — 73
 Жилин П. А. — 143
 Жиромский Ж. — 242, 243
 Жорж Жозеф — 146, 432
 Жувенель Бертран — 289
 Жугдар-Намжил Ч. — 216
 Жуков Г. К. — 217

Жуковский Н. Е.— 194
 Жуо Леон — 242, 245, 257
 Журавченко А. Н.— 194
 Жэнь Би-ши — 68

З

Завьялов А. С.— 193
 Залка Матэ — 57
 Зальцман И. М.— 193
 Замоиский Ян — 349, 412, 434, 435
 Зарновский — 346
 Засецкий Г. Ф. — 193
 Захаров М. В.— 176
 Зачкевич Владислав — 435
 Зверев В. В.— 73
 Зейбт К.— 232
 Зейсс-Инкварт Артур — 80
 Зелинский Генрик — 347
 Зенгер-Эттерлин Ф.— 376
 Зефков Антон — 231
 Зиг — 254
 Зиллиакус Кони — 108
 Зимелев Г. В.— 193
 Зогу Ахмет — 124
 Золдан Георг — 354, 355
 Зоммер Рудольф — 166
 Зорге Рихард — 41
 Зульфия — 165

И

Ибаррури Долорес — 52
 Иванов В. Н.— 165
 Иванов И. И.— 190
 Иванов П. А.— 55
 Ивановский Винценты — 350, 410
 Игнатъев А. А.— 178
 Иден Антони — 5, 20, 328
 Иидзука Кодзи — 313, 388
 Икес Гарольд — 417, 418
 Ильин В. А.— 190
 Ильюшин С. В.— 194, 195
 Имаи Сэйити — 317, 318
 Имру — 46, 47
 Инграм К.— 152
 Иненю Исмет — 277
 Иноуэ Кнеси — 315
 Инский Томас — 94
 Иодль Альфред — 19, 81, 354, 357, 382
 Ионов П. П.— 180
 Иост Вальтер — 382
 Исаакян А. С.— 165
 Исаков И. С.— 180, 203
 Исмай Гастингс — 395
 Иссерсон Г. С.— 176
 Итагаки Сэйсиро — 35, 41, 68

И

Иованович Д.— 235

К

Кавабэ Торадзиро — 36
 Кайзер А.— 232
 Кайлиг Вольф — 377
 Калинин М. И.— 84, 85
 Калиновский К. Б.— 176
 Кальтенбруннер Эрнст — 79, 306
 Калягин А. Я.— 73, 74
 Камал Шариф — 165
 Камарицкий И. А.— 196
 Каменев С. С.— 171, 204
 Каммерер Альбер — 338
 Каммхубер Иозеф — 355
 Кан Альберт — 343, 344
 Канарис Вильгельм — 21, 135, 168
 Каневари Эмилио — 368
 Каневский Л. А.— 193
 Капиев Эффеңди — 165
 Капустин Н. Я.— 177
 Карбышев Д. М.— 177
 Кароль II — 102
 Каррьас Эжен — 395
 Каршаи Элек — 427
 Касадо Сехисмундо — 63
 Каспритцкий — 353
 Касса — 45—47
 Кастельно — 335
 Кастнер — 167
 Катон П.— 126
 Катру Жорж — 335
 Качанов К. М.— 55
 Кашен Марсель — 238, 245, 257, 269
 Каширин Н. Д.— 176, 204
 Кейтель Вильгельм — 80, 108, 115, 126, 293, 303, 354, 357, 381, 428
 Кекконен Урхо — 274
 Келдыш М. В.— 194
 Келлог Фрэнк — 263
 Кеннан Джордж — 112
 Кеннеди Джозеф — 91, 139, 344
 Кербабоев Берды — 165
 Кериллис Анри — 336, 338
 Кессельринг Альберт — 379
 Киачели Лео — 165
 Киллингер Манфред — 78
 Ким Ир Сен — 69, 236
 Ким Чак — 70
 Кимхе Джон — 121, 131, 393
 Кинг Эрнест — 409
 Кинделан Альфредо — 58
 Кирквуд Кеннет — 403
 Киркпатрик Айвон — 11, 86, 429
 Кларк К.— 417

Клаузевиц Карл — 368
 Клейст Пауль — 76, 278
 Клермон-Тоннер — 333
 Клод Анри — 332, 339
 Князев М. С. — 177, 181
 Кобаяси Хироси — 373, 387
 Ковалев А. П. — 73
 Ковальский Влодзимеж — 428
 Ковров Ф. К. — 55
 Ковтун К. И. — 55
 Кодовилья Викторио — 57
 Коен Джером — 316
 Кожанов И. К. — 204
 Козак — 233
 Козловский Д. Е. — 178
 Козловский Эугениуш — 348, 350, 412
 Кока В. — 124
 Коккинаки В. К. — 195
 Колас Якуб — 165
 Колесников Г. Я. — 213
 Колесников К. И. — 55
 Коломейцев П. И. — 178
 Колпакчи В. Я. — 55
 Колльер Базиль — 433
 Кольт Ганс — 57
 Конев И. С. — 211
 Коница Мехмет — 124
 Коноэ Фумимаро — 38, 314
 Константинов С. П. — 73
 Контерерас Карлос — 57
 Конец И. И. — 55
 Копырин Г. П. — 193
 Кордт Теодор — 275, 324
 Кордт Эрих — 147
 Корзин Ф. Г. — 217
 Корк А. И. — 176, 204
 Коркодинов П. Д. — 178
 Корнев Г. С. — 213
 Корнейчук А. Е. — 165
 Королев С. П. — 196
 Корсун Н. Г. — 15, 18, 44—46, 181
 Косарев А. В. — 267
 Кот Пьер — 256, 257
 Котин Ж. Я. — 192
 Коул Д. — 389, 390, 403
 Коутс Зелда — 135
 Коутс Уильям — 135
 Кофуэндо — 214
 Кох Хорст — 379
 Кохенхаузен Фридрих — 354, 355
 Кочетков Д. Е. — 193
 Кошкин М. И. — 192
 Кравченко Г. П. — 73, 220
 Крайдберг М. — 409
 Крал В. — 83, 84, 87, 97
 Красильников С. Н. — 173, 174

Красильщиков П. П. — 194
 Краусхаар Луиза — 254
 Краух Карл — 296, 425
 Крейги Роберт — 42, 70, 151, 423
 Кривошеин С. М. — 55
 Криппс Стаффорд — 268, 269, 329
 Крофта Камил — 85, 97, 98, 100
 Крупп Густав — 315, 418, 423
 Крупчатников М. Я. — 190
 Ксиландер Р. — 12, 15, 45
 Кузнецов К. М. — 191
 Кузнецов М. А. — 217
 Кузнецов Н. Г. — 55, 141, 203
 Кулиев Кайсын — 165
 Кулик Г. И. — 203
 Кулишенко Г. А. — 74
 Кулондр Жозеф — 337
 Кундт Эрнст — 121
 Купала Янка — 165
 Купер Альфред Дафф — 328
 Куприянов П. Е. — 55
 Куровский Адам — 412, 435
 Куусинен О. В. — 224
 Кучеренко Н. А. — 192
 Кучинский Д. А. — 176
 Кучинский Юрген — 297, 332
 Кэйдин М. — 387
 Кэлвин Д. — 88
 Кэрр Арчибалд Кларк — 69
 Кэттл Д. — 33
 Кюне — 246, 247

Л

Лаваль Пьер — 13, 17, 238
 Лавочкин С. А. — 195
 Лавров Л. П. — 332
 Лайонс Е. — 223
 Лакруа Виктор, де — 97, 98
 Ламбер-Рибо — 333
 Ламмерс Ганс — 293, 427
 Лангер Уильям — 340, 344
 Ландау Збигнев — 413
 Ланжевен Поль — 242, 255, 268
 Лапчинский А. Н. — 173, 179, 180
 Ларго Кабальеро Франсиско — 22, 51, 53, 59, 60
 Ларин А. Т. — 193
 Латрэй А. — 290
 Лебедев Н. И. — 276
 Лебедев-Кумач В. И. — 165
 Лебрен Альбер — 338
 Левандовский М. К. — 204
 Левченко Г. И. — 203
 Леже Алексис — 132, 344
 Лейт-Росс Фредерик — 117

Лейшнер Бруно — 232
 Леки Р. — 343
 Ленин В. И. — 11, 50, 157, 158, 162, 165,
 171, 172, 182, 183, 220, 222, 271, 272,
 275, 414, 415, 424, 425
 Леонетти Альфонсо — 312
 Лето Гунуо — 311, 312
 Ли Д. — 111
 Лиддел Гарт Базиль — 19, 127, 138,
 152, 389, 392
 Линдсей — 392
 Линь Бяо — 68
 Липский Юзеф — 115, 125
 Лисовский П. А. — 16
 Листер Энрике — 25, 51, 62
 Литвинов М. М. — 12, 33, 99—104, 120,
 212, 276, 352
 Ли Чжао линь — 65
 Ллойд-Джордж Дэвид — 130, 135, 245,
 328, 331
 Локс Д. — 325, 326
 Локтев Л. А. — 190
 Локтионов А. Д. — 141
 Лонг — 403
 Лонг Брекенридж — 16
 Лонге Жан — 255
 Лонго (Галло) Луиджи — 56, 57
 Лонэ Жак, де — 338, 353
 Лотиан Филипп — 20, 330
 Луазо — 181
 Луганец-Орельский И. Т. — 73
 Лудлоу Льюис — 343
 Лукасевич Ю. — 84, 90, 275
 Лэфорд — 392
 Лэффен Р. — 81, 85, 92, 102
 Лэш Джозеф — 343
 Любарский С. — 181
 Лю Бо-чэн — 68
 Людендорф Эрих — 354, 355
 Люльев Н. К. — 190
 Лю Чжи-дань — 66
 Лященко Н. Г. — 55

М

Маддалена Макс — 232
 Мажино Андре — 396
 Мазерель Франц — 246
 Майданик К. Л. — 52
 Майелло Паскуале — 312
 Майский И. М. — 32, 95, 102, 144
 Макдональд Джеймс Рамсей — 14
 Маклеод Ян — 110
 Макмиллан Гарольд — 328
 Максарев Ю. Е. — 193
 Макшерри Д. — 221
 Макэлви Уильям — 323—325, 327
 Малиновский П. И. — 179

Малиновский Р. Я. — 55
 Малышев В. А. — 193
 Мандель Жорж — 142
 Манн Генрих — 246, 255
 Манн Томас — 246
 Мануильский Д. З. — 225
 Манштейн Фриц — 355
 Мао Цзэ-дун — 65—69, 74, 236
 Маркс Карл — 50, 162, 182, 305
 Мартель Джиффорд — 392
 Марти Андре — 57
 Мартинелли Т. — 307
 Мартынов А. А. — 216
 Мартэн А. — 334
 Марушкин Б. И. — 40
 Марченков М. Н. — 73
 Маршалл Джордж — 409
 Масаржик Губерт — 110
 Масарик Ян — 88, 89
 Масленников В. А. — 64
 Мастны — 110
 Махонин С. Н. — 193
 Мацуи Иванэ — 37
 Медликотт Вильям — 422
 Меднис А. К. — 180
 Мейер А. — 279
 Меликов В. А. — 173
 Меллон — 420
 Мерецков К. А. — 55, 176
 Меркес М. — 25, 27
 Метцш Хорст — 354, 355
 Мехлис Л. З. — 203
 Мечников В. В. — 178
 Мешчанковский Мечислав — 349
 Миаха Хосе — 22
 Микоян Анастас И. — 183
 Микоян Артем И. — 195
 Минаев А. И. — 55
 Мира Джованни — 310
 Михайлов Г. М. — 216
 Михалевский Ф. И. — 341
 Модесто Хуан — 25, 61
 Монтгомери Бернард — 405
 Моравиц Отто — 376
 Морган Джон Пирпойнт — 36, 420
 Мордаль Жак — 408, 433
 Морэн Луи — 396
 Мориак Франсуа — 290
 Морозов А. А. — 192
 Мосли Леонард — 138, 149, 150, 301,
 302, 430
 Мосли Освальд — 228
 Мостовенко В. Д. — 192
 Мосьцицкий Игнаци — 233, 344, 345
 Моуот — 326
 Мошин А. Ф. — 216

Мошляк И. Н. — 213
 Муканов Сабид — 165
 Мулугета — 45, 46
 Мурен Максим — 139, 290
 Муссолини Бенито — 11—14, 17—20, 24—26, 41, 110, 118, 119, 124, 127, 240, 241, 252, 258, 262, 286, 307—312, 319—321, 340, 367, 368, 383, 384, 417
 Мэкинтош М. — 220
 Мэнвелл Роджер — 306
 Мэхен Альфред — 399
 Мюллер-Гиллебранд Буркхард — 302, 303, 374—377, 429—431
 Мюнних Ференц — 57
 Мяо Чу-хуан — 67
 Мясищев В. М. — 195

Н

Наджафов Д. Г. — 262
 Накана — 214
 Насибу — 46, 47
 Негрин Хуан — 56, 59, 61, 63
 Неделин М. И. — 55
 Не Жун-чжэнь — 68
 Неедлы Зденек — 260
 Нейрат Константин — 29
 Нельсон К. — 18
 Ненни Пьетро — 255
 Неру Джавахарлал — 237
 Неруда Пабло — 30
 Нестеренко И. Н. — 55
 Нечас Яромир — 98
 Никитин А. О. — 193
 Никитин В. В. — 195
 Никиш Э. — 285
 Никишев М. С. — 217
 Николаенко Е. М. — 73
 Николаи Вальтер — 82
 Николь Л. — 260
 Никольсон Гарольд — 13, 324, 326, 328
 Никонов А. В. — 55
 Нисенбаум Б. — 57
 Новинов В. М. — 55
 Новицкий В. Ф. — 173
 Ногер А. — 153
 Ноздрунов М. К. — 178
 Норден Альберт — 24
 Норман Монтегю — 117, 301
 Ньютон Базиль — 87, 88, 96, 98
 Нэмир Л. — 152
 Нянтайсурэн Д. — 216

О

Обен — 334
 Обухов В. Т. — 178
 Обысов И. П. — 176
 Овинников Р. С. — 24, 31

Огису Ринпо — 216
 Одри Колетта — 28
 Окада Кэйсукэ — 35
 Оконоги Синдзабуро — 315
 Окумиа Масатакэ — 387
 Олдкрофт Д. — 416
 Олзвой Ц. — 216
 Олин М. Я. — 325, 326
 Опрощенко Ф. Т. — 55
 Орано Паоло — 310, 311
 Орлов В. М. — 204
 Осадчий С. К. — 55
 Осима Хироси — 169, 287
 Островский Н. А. — 164
 Остряков Н. А. — 55
 Отеклок (Леклерк) Филипп, де — 335
 Отт Ойген — 41, 315
 Отто Гельмут — 355
 Офан Поль — 408, 433

П

Павленко А. П. — 190
 Павленко П. А. — 164
 Пайл Фредерик — 392
 Пайяр Жан — 101
 Палас — 107
 Палло А. В. — 196
 Панин Р. И. — 73
 Панкрашова М. И. — 132, 136
 Панкхерст Э. — 18, 48
 Пантелеев Ю. А. — 180
 Панферов Ф. И. — 164
 Панфилов А. П. — 212
 Панюшкин А. С. — 73
 Папен Франц — 77
 Парижский, граф — 334
 Паркинсон Р. — 139
 Парович Благое — 57
 Патон Е. О. — 193
 Паулюс Фридрих — 355
 Пензин К. В. — 370
 Пенроз Э. — 317
 Перт Эрик — 118
 Пертинакс (Жеро Андре) — 85
 Петляков В. М. — 194, 195
 Петров Ф. Ф. — 190
 Петров Ю. П. — 207
 Петэн Филипп — 228, 335, 397, 406
 Пик Вильгельм — 231, 232
 Пиккенброк Ганс — 167, 168
 Пилсудский Юзеф — 345, 346, 401, 410, 411
 Пинна — 47
 Пинтилие И. — 235
 Питт Б. — 20

Питтмэн Кэй — 317
 Пишо А. — 264
 Плейфер Иан — 393
 Победоносцев Ю. А. — 191
 Погодин Д. Д. — 55
 Поддубный М. П. — 193
 Подлас К. П. — 211
 Подцун — 375
 Пожарский И. А. — 213
 Поливалов М. М. — 55
 Поликарпов Н. Н. — 194, 195
 Полиньяк — 333
 Поллард С. — 323, 325
 Поллит Гарри — 141, 238, 252
 Поль-Бонкур Жозеф — 97, 100, 245
 Польшин Ф. П. — 73
 Поляков В. Г. — 114
 Попов И. И. — 42
 Попов М. Н. — 193
 Порвит Марпан — 412, 434, 435
 Постан М. — 326, 327
 Потапов М. И. — 217
 Потемкин В. П. — 97, 99, 103, 138, 277, 279
 Прайс Д. — 14
 Праска Себастьяно Висконти — 368
 Прието Индалесио — 60, 61
 Прицкер Д. П. — 32, 56
 Прокофьев А. А. — 165
 Прокофьев Г. М. — 55
 Проскуров И. И. — 55
 Прот Андрей — 235
 Птухин Е. С. — 55
 Пуарье — 334
 Пудро — 257
 Пушкарев К. И. — 213
 Пышинов В. С. — 194
 Пьерар Л. — 245
 Пьетромарчи — 26
 Пэн Дэ-хуай — 68
 Пюше Пьер — 338

Р

Равский Тадеуш — 349, 434, 435
 Рагинский М. Ю. — 34, 35, 38, 42
 Радоцкий — 350
 Рамшвили С. С. — 55, 180
 Рау Густав — 21
 Рахманов А. С. — 74
 Редер Эрих — 354, 366, 381
 Рейнольдс П. — 111
 Рейхенау Вальтер — 27, 354
 Рейхер Густав — 57
 Ремизов И. М. — 219
 Ренн Людвиг — 57
 Ренсимен Вальтер — 90—93, 96, 251

Рехберг Арнольд — 427
 Рехберг Фриц — 427
 Рехлинг Герман — 322
 Ржепневский Анджей — 412, 435
 Рибар И. — 235
 Риббентроп Иоахим — 114, 115, 117—120, 125, 278, 280, 320, 321, 343, 362, 424, 428, 430
 Ривердаль — 353
 Риттер Герхард — 353, 355
 Ричардс Денис — 404
 Ричмонд Герберт — 389
 Роатта Марио — 21
 Робертсон Э. — 20, 393
 Робсон Поль — 246
 Ровецкий Стефан — 410
 Родимцев А. И. — 55
 Розенберг Альфред — 149, 430
 Розенблит С. Я. — 34, 35, 38, 42
 Розенман Самуэль — 341
 Розницкий — 293
 Рок Казимир, де ля — 334
 Рокфеллер Джон — 420
 Роллан Ромен — 257
 Ромео Розарио — 308
 Ролп — 147, 149, 430
 Россер Р. — 285
 Росси Эрнесто — 308, 309
 Россо — 281
 Ротон Ж. — 332
 Ротштейн Эндрю — 99, 100, 122, 123, 329
 Роуз Меттью — 340
 Рохо Висенте — 59, 61
 Роша Джорджин — 44, 45
 Рошфуко Жан, де ля — 333
 Рузвельт Франклин Делано — 40, 91, 101, 229, 339—344, 353, 420, 421
 Рузвельт Эллиот — 343
 Рыдз-Смиглы Эдвард — 233, 344—346, 348, 351, 410
 Рычагов П. В. — 55, 73
 Рэк — 135
 Рютер — 117, 148

С

Саймон Джон — 13, 135, 330
 Салера Ф. — 420
 Салливан А. — 18
 Саль Жюрке, де ля — 334
 Сальваторелли Луиджи — 310
 Самойлов П. И. — 51
 Сантарелли Энцо — 307, 311
 Санторо Джузеппе — 384
 Санхурхо Хосе — 21, 23, 25
 Сапожников Б. Г. — 36, 37
 Сараджоглу Шюкри — 277

Сверчевский Кароль — 57
 Светлов М. А.—165
 Седякин А. И.—176, 204
 Сейерс Майкл — 343
 Сейюм — 46, 47
 Селиванов И. П.—73
 Селицкий Н. А.—55
 Селье Анри — 245
 Сергеев Л. В.—193
 Сергеев-Ценский С. Н.—164
 Серов А. К.—55
 Сесиль Роберт — 256, 257
 Сигемицу Мамору — 212
 Сидс Уильям — 120, 130, 131, 135, 137, 344
 Силлани Томазо — 368
 Симон Андре — 13
 Симонов Б. М.—55
 Симонов В. Т.—213
 Симонов К. М.—165, 219
 Синклер Арчибалд — 331
 Синклер Эптон — 245
 Сиполс В. Я.—132, 136
 Сирков Димитр — 57
 Скобарихин А. Ф.—216
 Славой-Складковский Фелициан — 345
 Сладковский М. И.—64
 Слободской С. М.—308, 310
 Слюсарев С. В.—73
 Смирнов М. Д.—180
 Смирнов П. А.—203
 Смирнова Н. Д.—124
 Смит Ральф —342, 409
 Смоленский С. И.—193
 Смородинов И. В.—141
 Смушкевич Я. В.—55, 217, 220
 Сноу Эдгар — 67, 68
 Соболев Л. С.—165
 Соколов Л.—387
 Соловьев В. А.—164
 Сондерс Хилари — 404
 Спенсер — 149
 Ставецкий Петр — 411
 Ставицкий С. П.—197
 Сталин И. В.—5, 100, 121, 158, 171, 188, 203, 285
 Стальский Сулейман — 165
 Станевич Мариан—139
 Стараче Акиле — 307
 Стасова Е. Д.—255
 Стейси — 403
 Стелен Поль — 92
 Стеллен-Мишо С.—337
 Стенден Джон — 325
 Степанов Ю. А.—193
 Стомпор Здислав — 349, 412, 434, 435
 Стрэнг Уильям — 134, 135, 142

Стэнли Оливер — 117, 120, 122
 Судаков Ф. П.—177
 Судзуки Сеси — 315
 Супрун С. П.—73
 Суриц Я. З.—30
 Сурков А. А.—165
 Суругин А. Н.—194
 Сухов И. С.—73
 Сухой П. О.—195
 Сухэ-Батор — 220
 Сыровы Ян — 99
 Сэндис Дункан — 328
 Сюй Сян-цянь — 68
 Сян Ин — 69
 Сяо Кэй — 68
 Сяо Фын — 65

Т

Табуи Женестьева — 332
 Табунченко Я. М.—73
 Тагуэлл Рэксфорд — 341
 Тадзака Томотака — 319
 Таками Дзюн — 319
 Такасима Тацухико — 313, 372
 Такидзава Эйсуке — 319
 Тамия Торахико — 319
 Тархов С. Ф.—55
 Таршинов М. Н.—192
 Татарченко Е. И.—15, 47
 Твардовский А. Т.—165
 Тевосян И. Ф.—183
 Тезен Матиас — 231
 Тейлор А.—278
 Тененбаум Джозеф — 344
 Терлиця Марко — 168
 Терсфилд — 128
 Тессин Георг — 375, 378, 379
 Тимошенко С. К.—105, 176
 Тимченко И. Ф.—193
 Типпельскирх Иозеф — 78
 Типпельскирх Курт — 381
 Тиссен Фриц — 423
 Тито Иосип Броз — 235
 Тихонов Н. С.—165
 Тодзио Хидеки — 35, 372
 Тоеда Сиро — 319
 Тозарелли Эудженио — 307
 Тойнби Арнольд — 20, 283
 Тойнби Вероника — 283
 Токарев Ф. В.—190
 Толле Андре — 333—335
 Толстой А. Н.—164
 Толстой Л. Н.—311
 Тольятти Пальмиро — 57, 225, 230, 240, 241, 370
 Томас Георг — 297—300

Томашевич А. В.—180
 Томашевский Ежи — 413
 Томковиц Г.—80, 81
 Томпсон Л.—111
 Торез Морис — 224, 238, 269, 287, 289, 335, 338
 Тоскано М.—119
 Тояма Сигэки — 317, 318
 Трайфес — 340
 Траутман Оскар — 70
 Трашутин И. Я.—193
 Тренев К. А.—165
 Тренчард Хью — 389
 Триандафиллов В. К.—171, 176
 Тротт цу Зольц Адам — 147, 148
 Троянов Л. С.—192
 Трояновский А. А.—100
 Трухановский В. Г.—331
 Туполев А. Н.—194
 Тургенев И. С.—311
 Туржанский Б. М.—55
 Турлеиска Мария — 126, 350, 351
 Турсун-заде Мирзо — 165
 Тутуба — 216
 Тухачевский М. Н.—171, 173, 176, 204
 Тхор Г. И.—55, 73
 Тычина Павло — 165
 Тэнзилл Чарльз — 345

У

Уайгли Р.—341, 342, 408—410
 Уард Гарри — 263
 Уборевич И. П.—176, 204
 Угаки Иссэй — 315
 Угроватов П. В.—55
 Уилер-Беннет Джон — 13, 20, 92, 111, 353
 Уилкерсон Д.—341
 Умари Амин — 165
 У Минь — 65
 Унковский В. Н.—197
 Уолкер П.—389
 Уорд-Прайс — 83
 Уотерфилд Гордон — 13
 Уотсон М.—400
 Урих Роберт — 254
 Утида Тому — 319
 Ушаков В. Б.—29
 Уэйвелл Арчибальд — 182

Ф

Фабрициус Вильгельм — 102
 Фавагросса Карло — 309
 Файфр Я.—104
 Фалькенхаузен Александр — 70

Фарли Джеймс — 344
 Фаттах Тимур — 165
 Федерату Ф.—300
 Федоров В. П.—196
 Федько И. Ф.—176, 203, 204
 Фелькер Карл — 365, 366, 378, 379
 Ферстер Герхард — 355, 359
 Филатов Г. С.—307
 Филинг Кейт — 118
 Фикре Мариам — 47, 48
 Фиммен Э.—255
 Финне Эрик — 93, 102, 116
 Фирлингер Зденек — 84, 85, 90, 97, 99, 103
 Фишер Луис — 284
 Фланден Пьер — 86, 334
 Флеминг Д.—134
 Фойхтер Георг — 378, 379
 Фомин В. Т.— 78, 299
 Фор Поль — 257, 337
 Форд Генри — 352
 Фостер Уильям — 262
 Фош Фердинанд — 153
 Франко Франсиско — 21—33, 35, 61, 63, 340
 Франсуа-Понсэ Андре — 117
 Фрейнд Михаэль — 282, 320
 Френкель Генрих — 306
 Фридендер Саул — 129
 Фридмен Д.—317
 Фрик Вильгельм — 293
 Фрич Вернер — 354, 381
 Фровайн — 135
 Фрунзе М. В.—171, 354
 Фудзивара Акира — 317, 318
 Фукуи Сидзуо — 387
 Фуллер Джон — 389, 390, 392, 395
 Функ Вальтер — 120, 293, 302

Х

Хабашпашев А. А.—194
 Хаванский И. А.—55
 Хагер Курт — 246
 Хадсон Роберт — 120, 122, 147, 148, 151
 Хайле Селассие I — 12, 18, 44, 46, 47, 49
 Хайэм Робин — 325, 390—392, 404
 Халепский И. А.—204
 Харви Оливер — 97
 Харнак Арвид — 254
 Хартвуд Аллен — 328
 Харткаш — 342, 392
 Харьковский М. А.—55
 Хатт А.—323
 Хаттори Такусиро — 386
 Хаугтон Х. — 340
 Хаян-Харве Д.—216

Хвалковский Франтишек — 114, 122
 Хейвуд Т.—141
 Хейнкель Эрнст — 423
 Хетцлер — 148
 Хен Ганс — 376
 Хилд С.—13
 Хилджер Д.—279
 Хильгрубер Андреас — 362, 377
 Хирабари — 214
 Хираль Хосе — 51
 Хиранума Киихиро — 35, 119, 314, 315, 321
 Хирота Хиротакэ — 35
 Хисторикус — 309
 Хобарт П.—392
 Хойзингер Адольф — 355
 Холл Г.—353, 390
 Хользунов В. С.—55
 Хондзе Тамио — 319
 Хонеккер Эрих — 231, 232
 Хор-Белиша Лесли — 95
 Хор Самуэль — 17, 18, 140, 327, 331
 Хорикоши Дзиро — 387
 Хориноуци Кенсукэ — 288
 Хоув Куинсли — 134
 Хрипин В. В.—179
 Хрюкин Т. Т.—73
 Ху Цяо-му — 67
 Хьюзинги Д.—20
 Хэ Ин-цинъ — 73
 Хэкси Саймон — 323, 324
 Хэлл Корделл — 16, 17, 343
 Хэ Лун — 68
 Хэнкок Уильям — 326, 403

Ц

Цаплин П. А.—55
 Цвейг Арнольд — 246
 Цейс Карл — 423
 Цейцлер Курт — 355
 Ципперер Вильям — 254
 Цог — 216
 Цой Ен Ген — 70

Ч

Чан Кай-ши — 41, 66—68, 71, 73—75, 235, 236, 315
 Чаплыгин С. А.—194
 Челпан К. Ф.—193
 Чемберлен Невиль — 31—33, 77, 85, 86, 88, 89, 93—95, 98, 99, 108—111, 117—120, 122, 125, 126, 129—131, 133—135, 139—142, 147—149, 153, 228, 251—253, 261, 270, 278, 286, 324, 326—330, 340, 344, 345, 394, 395, 429, 438
 Чепраков Г.—387

Черепанов А. И.—73
 Черчилль Уинстон — 16, 86, 123, 126, 130, 328, 331, 408
 Чесноков Н. К.—73
 Чжан Сюэ-лян — 67
 Чжоу Бао-чжун — 65
 Чжоу Энь-лай — 67
 Чжу Дэ — 68
 Чиано Галеаццо — 29, 49, 51, 116, 118, 119, 121, 127, 312, 320, 321, 424
 Чойбалсан Хорлогийн — 217
 Чопич Валемир — 57
 Чупахин Т. П.—193
 Чэтфильд Альфред — 126, 140

Ш

Шавырин Б. И.—190
 Шагинян М. С.—164
 Шамбр Ги, ля — 332
 Шапиро Я. М.—178
 Шапошников Б. М.—107, 141, 144, 171, 176, 203, 204
 Шассен Лионель — 290, 396
 Шастене Жан — 397
 Шатилов П. Н.—22
 Шахт Ялмар — 78, 79, 117
 Шварц Георг — 254
 Шварц Л. Э.—190
 Шверин-Крозиг Люц — 301, 303
 Шверма Ян — 238
 Шверник Н. М.—255, 257—259
 Шевников И. В.—217
 Шевченко В. В.—195
 Шелленберг Вальтер — 166
 Шеппард Э.—402, 404, 405
 Шерер Андре — 153, 285
 Шилов И. А.—73
 Шиловский Е. А.—173, 174, 176, 181
 Ширер Уильям — 141, 152
 Шлиффен Альфред — 354, 355
 Шмераль Богумир — 255, 258—260
 Шмидт Н. В.—193
 Шмидт Пауль — 99, 428
 Шнейдер Шарль — 338
 Шниттер Гельмут — 355
 Шнурре Юлиус — 279
 Шовино — 396, 397
 Шолохов М. А.—164
 Шотан Камил — 77, 80, 227, 336
 Шпагин Г. С.—197
 Шпеер Альберт — 108, 296, 362
 Шпирт А. Ю.—297
 Шпитальный Б. Г.—196
 Штерн Г. М.—55, 59, 212, 217
 Штерн Манфред — 57
 Штраус Франц-Иозеф — 284

Штромберг А. И.—178
Штюльпнагель Карл-Генрих — 355
Шуленбург Фридрих — 100, 280, 281
Шульце-Бойзен Харро — 254
Шуман Георг — 254
Шумилов М. С —55
Шумпетер Э.—317
Шушниг Курт — 80, 83

Щ

Щаденко Е. А.—203
Щедловский А. М.—213
Щербаков А. Я.—196
Щетинков Е. С.—194

Э

Эйдеман Р. П.—173
Эйдус Х. Т —321
Эймансбергер Людвиг — 355
Эккард Вернер — 376
Эллиот У.—390
Эмери Леопольд — 328
Эмин-бей — 356
Энгельс Фридрих — 50, 162, 182, 424
Энджелл Норман — 246, 268

Эрольди И.—264
Эррио Эдуард — 97, 257
Эрфурт Вальтер — 355
Эстер Сидней — 148
Эттли Клемент — 257, 329
Эштон-Гуэткин Фрэнк — 117, 120

Ю

Юбенк К.—111, 112, 151
Юдин М. В.—55
Юнкерс Гуго — 423
Юшкевич В. А.—55

Я

Ягудин К. М.—213
Ягья В. С.—45
Якир И. Э.—204
Якобсен Ганс — 300
Яковлев А. С.—195
Яковлев М. П.—216
Якушин М. Н.—55
Янг Питер — 392
Янгсон А.—326
Ян Ху-чэн — 66, 67
Ян Цзин-юй — 65

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абби-Адди — 47
Абиссиния — см. Эфиопия
Австралийский Союз — 326, 403, 405, 417, 422
Австралия — см. Австралийский Союз
Австрия — 5—7, 16, 23, 32, 57, 76—82, 86, 90, 91, 99, 101, 125, 127, 173, 181, 225, 226, 230, 248—251, 253, 254, 263, 266, 297, 299, 300, 302, 306, 341, 345, 351, 360, 361, 374, 437, 439
Аддис-Абеба — 13, 14, 18, 46—48
Аден — 15
Адиграт — 15
Адуа — см. Адува
Адува — 15, 46
Азия — 13, 19, 23, 30, 34, 35, 151, 235, 241, 271, 314, 315, 370, 371, 399, 417, 419, 427, 431, 437
Акмолинск — 161, 184
Аксум — 15, 46
Аландские острова — 145
Албания — 120, 124, 125, 154, 181, 320, 368, 385, 393, 437
Александрия — 15, 240, 403
Алжир — 239, 311, 385, 432
Аликанте — 27, 53, 61
Альбасете — 57
Альпы, горн. сист.—57, 384
Аляска — 409
Амбо — 48
Америка — см. Соединенные Штаты Америки (США)
Америка, конт.—195, 399, 400, 409
Амстердам — 231
Амур, р.—184, 210
Амурская область — 215
Англия — см. Великобритания
Англо-Египетский Судан — 370, 403
Ангола, порт. кол.—117
Анкара — 277

Анмас — 56
Апеннинский полуостров — 15, 385
Аравийское море — 11
Аргентина — 17, 237, 244
Арденны, плато — 398
Арль — 261
Ассаб — 14, 17
Астурия — 31
Атлантический океан (Атлантика) — 367, 368, 381, 409, 433
Аугуста — 385
Афины — 124
Африка — 11, 13—15, 17, 19, 23, 30, 237, 238, 240, 241, 271, 383, 399, 403, 417, 419, 426, 433, 437
Ашанги, оз.—18

Б

Баб-эль-Мандебский пролив — 13
Баварские Альпы, горы — 80, 93
Бадахос — 26
Баден — 231
Базель — 431
Баин-Цаган, г.—216
Байкал, оз.—35
Баку — 201
Балеарские острова — 25
Балканский полуостров — 11, 23, 28, 116, 119, 121, 123, 125, 148, 152, 250, 277, 369, 370, 417
Балканы — см. Балканский полуостров
Балтийское море — 35, 123, 131, 135, 143, 145, 210, 246, 280
Балхаш, оз.—184
Баодин — 37
Бари — 385
Барселона — 22, 25, 27, 55, 61
Батуми — 277
Бибжа, р.—434
Бегемдер, пров.—49
Бегомль — 106

Безымянная, выс.—38, 211, 212, 214
 Белая Церковь — 106
 Белград — 124
 Белое море — 143
 Бельгийское Конго — 117
 Бельгия — 20, 85, 126, 134, 136, 226, 235, 245, 248, 251, 252, 258, 265, 266, 332, 365, 394, 396, 398, 430, 432
 Бенгази — 385
 Березино — 106
 Берлин — 23, 25, 28, 76, 78, 80, 83, 86—90, 92, 94, 95, 102, 109, 114, 115, 117—122, 125, 129, 135, 138, 142, 143, 148, 149, 169, 214, 231, 250, 254, 279—281, 286—288, 304, 306, 320, 330, 331, 340, 391, 418, 428, 429
 Берхтесгаден — 80, 93, 251
 Бизерта — 433
 Бильбао — 25, 31, 59
 Бирма — 36, 236, 417, 422
 Бискайский залив — 433
 Бискайя, пров.—59
 Благовещенск — 38, 210
 Ближний Восток — 235, 369, 405, 417—419, 421, 423, 426
 Богемия — 121, 320
 Болгария — 120, 230, 234, 258, 261, 266, 277
 Болонья — 312
 Большой Ферганский канал — 161
 Борнео, о.—422
 Босфор, прол.—145
 Бочкарево — 211
 Бразилия — 237, 423, 433
 Бремен — 231
 Бреннер, пер.—78
 Брест — 433
 Бриндизи — 385
 Бристоль — 261
 Британская империя — 32, 130, 148, 150, 325, 357, 389—393, 402, 403, 431
 Британские острова — см. Великобритания
 Британское Сомали — 370
 Брно — 114
 Брунете — 60
 Брюссель — 40, 231, 258, 266
 Буг, р.—434
 Будапешт — 276
 Бухарест — 99, 102
 Бэйпин (Пекин) — 36, 37, 39

В

Валенсия — 22, 25, 32, 61, 62, 245
 Вальсезия — 312
 Варта, р.—434
 Варшава — 84, 125, 126, 138, 142, 150, 233, 248, 279, 284, 344, 352, 428

Ватикан — 27
 Вашингтон — 18, 20, 87, 100, 109, 139, 268, 278, 288, 339, 340, 345, 352, 420
 Великобритания — 5—7, 11—20, 23, 24, 26, 28—36, 40—44, 50, 61, 63, 72, 76, 77, 80, 81, 85—99, 101, 104, 109—114, 116—154, 172, 181, 224, 228, 238, 239, 241, 243, 245, 247—253, 257, 258, 261, 262, 264, 267, 268, 270, 272—275, 277—284, 287—289, 296, 305, 313—315, 319—332, 338—340, 343, 345, 348, 351—353, 355, 356, 365—368, 371, 373, 381, 384, 388—396, 398—400, 402—406, 413—426, 429—439
 Вена — 78—81, 114, 351
 Венгрия — 16, 81, 83, 90, 108, 110, 114, 119, 169, 230, 276, 279, 351, 427
 Верона — 312
 Версаль — 305, 331
 Верхняя Австрия, земля — 306
 Винарос — 61
 Висла, р.—349, 350, 434
 Витебск — 106
 Владивосток — 38, 167, 169, 210
 Волга, р.—107
 Воллега, пров.—47, 49
 Волло, пров.—49
 Волочаевка — 184
 Воронеж — 105
 Восточная Азия — 35, 71, 116, 321
 Восточная Африка — 11, 15—17
 Восточная Европа — 77, 116, 118—120, 123, 126, 132, 133, 139, 148, 149, 153, 154, 275, 328, 340, 426
 Восточная Маньчжурия — 38, 215
 Восточная Пруссия — 125, 145, 430, 434
 Восточная Сибирь — 186
 Восточное Средиземноморье — 15
 Восточный Китай — 37
 Вроцлав (Бреслау) — 114

Г

Гавайские острова — 409
 Гайнаш (совр. Айнажи) — 145
 Галиция, ист. обл.—145, 146
 Гамбург — 149, 254
 Ганге — 145
 Ганьсу, пров.—66, 73
 Гапсаль (совр. Хаапсалу) — 145
 Гвадалахара — 30, 31, 58, 59
 Гвинея — 121
 Гданьск (Данциг) — 77, 115, 125, 147, 149, 254, 334, 340, 428, 433
 Гдыня — 434
 Герлогуби — 15
 Германия — 5—7, 11—13, 16, 19, 21, 23, 24, 26—32, 35, 38, 40, 41, 43, 50, 53, 62, 70, 72, 75—84, 86—101, 103, 104, 108—133, 135—141, 143, 145—154, 166—170, 172, 174, 210, 216, 220,

224, 226, 229—232, 239, 240, 245—249,
251—255, 258, 261—263, 270, 271,
273—290, 293—306, 311, 312, 314, 315,
319—334, 337—341, 344—346, 348,
349, 351—360, 362—365, 367, 368,
370, 371, 373—375, 377, 378, 380—382,
388, 391, 393, 395, 398, 400—403,
405, 406, 412, 413, 415—424, 426—438

Германская Демократическая Респуб-
лика (ГДР) — 111

Германская империя — см. Германия

Герника — 27

Гессен, земля — 231

Гётеборг — 231

Гибралтар — 15, 23, 271, 368, 403, 417

Гибралтарский пролив — 25

Годесберг — 98, 110

Годжам, пров. — 46, 47, 49

Голландия — см. Нидерланды

Голубой Нил, р.—13

Гонконг — 15, 371, 422

Горе — 48

Горраhey — 15

Горький — 186

Грац — 79

Гренландия, о.—433

Греция — 125, 134, 136, 230, 258

Гуам, о.—388

Гуанчжоу (Кантон) — 37—39, 71, 73,
116

Д

Дагабур — 18

Дальний Восток — 34—36, 38, 40—42,
113, 116, 215, 225, 236, 287, 313, 315,
319, 352, 371, 392, 393, 404, 417,
420—424, 432

Дальний Восток (советский) — 42, 153,
182, 185, 186, 210, 211, 215, 217, 315,
431

Данакиль, геогр. обл.—14, 17, 49

Дания — 239

Данциг — см. Гданьск

Дарданеллы, прол.—145

Дессие — 14, 18

Джезказган — 184

Джибути — 13, 45, 47, 310

Днепропетровская область — 167

Додеканес, о-ва — 385

Доло — 15

Дортмунд — 254

Дравей — 232

Думейра, о.—13

Дунай, р.—114, 123, 145

Дунайский бассейн — 11, 28, 72, 116,
119, 127, 276

Дуранго — 27

Дуррес — 124

Дюссельдорф — 121

Е

Европа — 6, 11, 14, 19, 20, 25, 27, 28,
30, 33, 35, 38, 40, 56, 63, 76, 77, 81, 83,
87, 91, 97, 99—102, 109, 110, 112—114,
116, 118, 123—133, 140, 143, 144,
151, 153, 154, 172, 183, 195, 215, 216,
222, 234, 240—242, 245, 248—254,
268, 271, 273—276, 278—280, 284,
288, 315, 321, 325, 330, 331, 339—341,
343—345, 352, 355, 356, 361, 365,
366, 368, 370, 374, 384, 385, 389, 390,
392, 393, 395, 398, 399, 405, 417—421,
423, 426—428, 430, 431, 433, 437

Египет — 19, 239, 240, 370, 385, 392,
393

Ж

Жарык — 184

Женева — 16, 97, 100, 102, 104, 238,
258, 263

Жэхэ, пров.—35

З

Забайкалье, геогр. р-н — 41, 211

Закарпатская Украина — 114, 279, 351

Зальцбург — 321

Заозерная, выс.—38, 211—214

Западная Атлантика — 353, 403

Западная Белоруссия — 283, 346, 348

Западная Европа — 21, 51, 63, 76, 77,
87, 182, 289, 389, 426

Западная Сибирь — 186

Западная Украина — 283, 346, 348

Западная Эфиопия — 48

Запорожская область — 167

Зеленая, выс.—219

И

Илубабор, пров.—47

Иман — 38

Индийский океан — 11, 368

Индия — 15, 17, 36, 236, 240, 392, 393,
402—405, 417, 422

Индокитай — 236, 248, 422

Ирак — 17, 239

Иран — 427

Ирун — 26

Испания — 5—7, 12, 21—34, 36, 43,
50—59, 61—64, 77, 101, 118, 127,
128, 153, 162, 173, 180, 181, 192, 195,
201, 214, 217, 224, 233, 234, 241—247,
251—253, 259, 266, 273, 286, 337, 348,
360, 376, 384, 391, 399, 409, 437, 439

Испанское Марокко — 21, 25

Италия — 5—7, 11—21, 23, 24, 26—33,
35, 40, 41, 43, 44, 49, 50, 54, 61, 62,
70, 72, 76—78, 95, 109, 110, 113,
116—121, 123, 124, 126, 127, 147, 148,
152, 153, 182, 216, 226, 230, 234,
237—241, 252, 253, 258, 261, 262, 271,

287, 293, 296, 306—309, 311, 314, 319—322, 324, 328, 333, 339, 348, 354—356, 367—371, 373, 374, 382, 384, 385, 388, 393, 396, 398, 403, 413, 415—417, 419, 421—424, 431—433, 436—438

Итальянская Восточная Африка — 19, 48

Итальянская Эритрея — см. Эритрея

Итальянское Сомали — 12, 14, 19

К

Кавказ, геогр. р-н — 427

Казахская Советская Социалистическая Республика — 185, 186

Кальяри — 385

Камерун, фр. подмандатная тер. — 117

Канада — 235, 248, 252, 297, 326, 403, 405, 420

Канарские острова — 25

Кантон — см. Гуанчжоу

Караганда — 184

Кардифф — 240

Карельский перешеек — 273

Карлсбад (совр. Карлови-Вари) — 83

Каролинские острова — 321, 388

Карпаты, горн. сист.—350, 434

Карталы — 161, 184

Картахена — 25, 53, 63

Крымская — 211

Каталония, ист. обл.—32, 52, 59, 61—63, 245

Кейптаун — 240

Кельце — 434

Кения — 370

Киев — 105, 167, 169, 181

Кипр, о.—368

Киргизская Советская Социалистическая Республика — 186

Китай — 5, 6, 34—43, 49, 64—66, 68—75, 78, 101, 117, 148, 151, 153, 162, 174, 180, 181, 195, 201, 214, 216, 217, 219, 224, 225, 235, 236, 244, 247, 248, 255, 286, 313—318, 321, 345, 360, 373, 386, 387, 391, 399, 403, 422, 423, 431

Клайпеда (Мемель) — 123, 125, 131

Клайпедская область — 123, 125, 128, 135, 154, 361

Кливленд, шт. Огайо — 256

Кобе — 319, 387

Ковно (совр. Каунас) — 351

Коми Автономная Советская Социалистическая Республика — 185

Комсомольск-на-Амуре — 184, 211

Копенгаген — 231

Корея — 38, 41, 69, 70, 317, 372, 386, 387

Корсика, о.—116, 368, 370, 419

Котские Альпы, горы — 396

Краков — 232

Красное море — 11, 15, 19, 403

Крит, о.—379

Куба — 237

Куйбышевская-Восточная (совр. Белогорск) — 38

Кульджа — 73

Курильские острова — 372, 387

Л

Ла-Манш, прол.—145, 433

Лаперуза, прол.—210, 387

Латвия — 131, 133—136, 234, 273, 274, 283

Латинская Америка — 24, 237, 399, 417, 419, 420

Лейпциг — 254

Ленинград — 100, 144, 167, 169, 185, 201, 214

Лепель — 106

Лерос, о.—15

Либава (совр. Лиепая) — 145

Ливия — 12, 13, 368, 385, 432

Лидс — 257

Лилль — 269

Линц — 79

Литва — 123, 131, 135, 145, 234, 266, 283, 302, 351, 362

Лодзь — 232, 233, 434

Локарно — 32

Локоть — 184

Лондон — 13, 20, 30, 32, 49, 62, 85, 86, 88—92, 94—98, 116, 117, 120, 125, 126, 129, 135, 138, 139, 142—144, 147—149, 152, 154, 228, 240, 256, 275, 278, 288, 324—326, 330, 331, 344, 345, 352, 394, 404, 418

Лориан — 433

Лос-Анджелес — 344

Львов — 232, 233, 268

Люксембург — 338, 396, 430, 432

М

Мадрид — 22, 23, 25, 26, 30, 31, 51, 52, 57—61, 63, 219, 242, 246

Макалле — 18, 46

Малага — 25, 58

Малайя — 404, 422

Малакка, п-ов — 422

Малая Азия — 311

Мальмё — 231

Мальорка, о.—27

Мальта, о.—15, 368, 370

Мангейм — 254

Манчестер — 240, 252

Маньчжоу-Го — 38, 41, 42, 317, 321, 422

Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) — 34, 35, 38, 39, 41, 64—66,

69—71, 169, 210, 247, 317, 345, 372, 437, 439
 Марианские острова — 321, 388
 Марокко — 13, 121, 311, 432
 Марсель — 240, 433
 Маршалловы острова — 321, 388
 Мексика — 237, 248, 266
 Мемель — см. Клайпеда
 Мемельская область — см. Клайпедская область
 Менорка, о.—25, 33
 Мессина — 385
 Мехединци, уезд — 234
 Мидуэй, о.—433
 Милан — 312
 Мозель, р.—146
 Монгольская Народная Республика (МНР) — 34, 38, 39, 41—43, 151, 172, 210, 215—217, 219, 273, 282, 286, 316, 422
 Монруж — 337
 Моонзундский архипелаг — 145
 Моравия, ист. обл.—121
 Моравска-Острава (совр. Острава) — 92
 Москва — 19, 53, 84, 88, 91, 99, 100, 102, 104, 105, 114, 118, 133—135, 138, 140—142, 144, 149—152, 166, 167, 169, 184, 185, 201, 230, 268, 275, 276, 279—281, 283, 287, 335, 339, 344
 Москва — Волга, канал (совр. канал имени Москвы) — 184
 Мурсия — 22
 Мусан — 70
 Мюнхен — 86, 91, 94, 98, 108—111, 113, 116, 121, 129, 134, 139, 148, 151, 153, 252, 264, 265, 269, 270, 278, 283, 285, 302, 327—329, 336—338, 345, 415, 418, 428

Н

Нагасаки — 315
 Нагоя — 319
 Нанкин — 37, 39, 67, 73, 74
 Нант — 269, 337
 Наньвэй (Спратли), о.—39
 Нанькоу — 37
 Наньпайцза — 70
 Наньчан — 39, 69
 Нарев, р.—434
 Находка — 211
 Неаполь — 385
 Нидерланды — 17, 235, 239, 247, 252, 300, 332, 352, 365, 371, 379, 394, 396, 398, 421, 422, 427
 Никольск-Уссурийский (совр. Уссурийск) — 38
 Нинся, пров.—66
 Нион — 29
 Ницца — 370, 419

Новая Зеландия — 17, 403, 405, 417, 422
 Новоград-Волынский — 105
 Новокиевка — 212
 Новосибирск — 167, 169
 Номон-Хан-Бурд-Обо, г.—217, 218
 Норвегия — 145, 244, 379
 Норфолк — 409
 Нью-Йорк — 78, 241, 267, 344
 Нью-Йорк, шт.—267
 Нюрнберг — 91, 92, 138

О

Оберзальцберг — 77, 129
 Огаден, пров.—17
 Одер, р.—114
 Одесса — 167, 169
 Оран — 433
 Орша — 106
 Осака — 319
 Осло — 250

П

Палермо — 385
 Палестина — 239, 393
 Палец, выс.—218, 219
 Панама — 409
 Париж — 20, 28, 30, 56, 62, 84, 88—90, 98—100, 102, 114, 116—118, 123, 126, 139, 141, 142, 149, 152, 154, 231, 232, 234, 237, 238, 242, 243, 245, 246, 253, 255, 257, 259, 263, 267, 268, 278, 352, 353, 394
 Паукинси — 267
 Пернов (совр. Пярну) — 145
 Песчаная, сопка — 213, 219
 Пёрл-Харбор — 409
 Пинсингуань, горн. прох.—68
 Пиренеи — см. Пиренейский полуостров
 Пиренейский полуостров — 23, 27, 31, 50, 64, 78, 246
 Питсбург — 262
 Поволжье — 185, 186
 Подмосковье — 74, 186
 Полоцк — 106
 Польская Народная Республика (ПНР) — 428
 Польша — 12, 83, 84, 90, 100, 102, 106, 108, 110, 111, 114—116, 124, 125—132, 134, 136, 138, 139, 141—143, 145—152, 168, 224, 225, 230, 232—234, 251, 254, 258, 261, 267, 275, 278, 279, 281—284, 321, 322, 330, 331, 334, 337, 338, 340, 341, 343—353, 361, 362, 376, 388, 389, 394, 396, 400—402, 406, 410, 411, 413, 415, 427—430, 432—436, 439
 Померания, ист. обл.—145
 Поморье, ист. обл.—115
 Портленд — 403
 Португалия — 28

Посъетский район — см. Хасанский район
 Почхонбо — 70
 Прага — 83, 84, 86—91, 93—101, 103, 109, 111, 114, 122, 231, 245, 246, 257, 320
 Прибалтика — 123, 135
 Приморские Альпы, горы — 396
 Приморский край — 215
 Приморье — 38, 41, 167
 Проскуров (совр. Хмельницкий) — 105
 Пруссия — 295
 Пукоу — 37
 Пулеметная Горка, выс.—212
 Пучжоу — 37
 Пуща Августовска — 434
 Пуэрто-Рико, о.—409

Р

Радом — 434
 Расин — 387
 Рейн, р.—146, 430
 Рейнская зона — 5, 19—21, 43, 352, 439
 Ремизова, выс.—219
 Риддер (совр. Лениногорск) — 184
 Рим — 13, 16, 17, 23, 25—28, 48, 86, 110, 118, 121, 214, 340
 Римская империя — 357
 Родос, о.—15
 Россия (до 1917 г.) — 211, 281
 Россия (после 1917 г.) — см. Союз Советских Социалистических Республик (СССР)
 Румыния — 17, 99, 100, 102, 119, 120, 123—126, 131, 132, 134, 136, 142, 143, 145, 146, 150, 168, 169, 234, 251, 261, 275, 276, 330, 353, 427
 Рур — см. Рурская область
 Рурская область — 231, 377

С

Саар — см. Саарская область
 Саарская область — 19, 231, 345, 361, 439
 Савойские Альпы, горы — 396
 Савойя — 116, 370, 419
 Сан, р.—350
 Сан-Диего — 409
 Сан-Себастьян — 26
 Сантандер — 25, 59
 Сан-Франциско — 78
 Сарагоса — 60
 Сардиния, о.—385
 Саутгемптон — 248
 Свердловск — 186
 Северная Африка — 23, 311, 369, 398, 419
 Северная Европа — 426

Северная Испания — 25
 Северная Италия — 312
 Северная Маньчжурия — 210
 Северная Франция — 248
 Северное море — 35, 145, 246, 423
 Северный Китай — 7, 34, 36, 37, 39, 40, 68, 69, 317
 Северный морской путь — 210
 Северо-Восточная Маньчжурия — 210
 Северо-Восточный Китай — см. Маньчжурия
 Северо-Восточный Харар — 47
 Седан — 122
 Сейсин — 387
 Сена, департ.—339
 Сен-Назер — 433
 Снам (совр. Таиланд) — 17
 Снань — 66, 67, 74
 Сибирь — 185, 186, 418
 Сидамо, пров.—47
 Сидней — 256
 Сингапур — 15, 352, 371, 403, 417, 422, 432
 Синьцзян, пров. (совр. Синьцзян-Уйгурский автономный район) — 67, 73
 Сиракузы — 385
 Сирия — 239
 Сицилия, о.—15, 385
 Сизтл — 247
 Скапа-Флоу — 403
 Словакия — 83, 114, 115, 121, 122
 Советская Гавань — 211
 Советский Союз — см. Союз Советских Социалистических Республик (СССР)
 Соединенное Королевство — см. Великобритания
 Соединенные Штаты Америки (США) — 5—7, 11, 12, 14, 16—20, 26, 28—30, 32—36, 40, 42, 43, 50, 61, 72, 76, 77, 81, 87, 88, 90, 91, 109, 111, 113, 114, 116, 119—121, 125, 127—129, 139, 151, 152, 223, 224, 228, 229, 240, 241, 244, 245, 247—252, 262—264, 267, 268, 270, 274, 278, 282, 288, 297, 300, 302, 305, 313—315, 317, 321, 322, 326, 332, 339—345, 352, 353, 355, 371, 373, 387—389, 399, 400, 402, 408—410, 413—417, 419—426, 431, 433, 436—439
 Солфорд — 252
 Соль-Илецк — 184
 Сомали — см. Итальянское Сомали
 Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — 5—8, 12, 16, 17, 19—21, 24, 29, 30, 32—36, 38—43, 50—56, 59, 63, 69, 71—74, 76—78, 81, 84, 85, 87—90, 94—104, 106—109, 111—113, 115, 116, 118—124, 126, 127, 130—154, 157—162, 164—170, 172, 174, 175, 181—187, 191, 196—200, 202—204, 206, 208—211, 213—215, 219—221, 223—225, 228, 231—234,

237, 246, 247, 249—254, 256, 260, 261, 268, 269, 271—290, 305, 311, 313—316, 319, 321, 322, 324, 327—331, 338—340, 344—347, 351—356, 366, 371—373, 387, 395, 401, 402, 408, 410, 412, 415, 417—419, 422, 425—432, 435—439
 Специя — 385
 Средиземное море — 11, 15, 23, 29, 32, 35, 61, 124, 127, 145, 320, 331, 368—370, 384, 417, 423, 433
 Средиземноморский бассейн (Средиземноморье) — 11, 29, 310, 385, 417, 419, 421, 424
 Средний Восток — 235, 392, 404, 405, 417, 419, 421
 Средняя Азия — 166, 186
 Средняя Европа — 23
 Сталинград (совр. Волгоград) — 186
 Страна Басков, ист. обл.—31
 Стреза — 14
 Судан — 368
 Судетская область — 78, 81—84, 92, 93, 95, 98, 110, 111, 113, 251, 297, 327, 341, 374
 Судеты — см. Судетская область
 Суйюань, пров.—35
 Суматра, о.—422
 Сучан — 211
 Суэц — 310, 368
 Суэцкий канал — 18, 145, 370, 393, 417
 Сычуань, пров.—39
 Сюйчжоу — 37, 70, 71

Т

Тайвань, о.—73, 317
 Тайэрчжуан — 71
 Тайюань — 37, 68
 Тана, оз.—13
 Танненберг — 430
 Таранто — 385
 Тбилиси — 277
 Темблен — 18, 47
 Теруэль — 60, 61
 Тегуан — 25
 Тешин — 84
 Тешинская область — см. Тешинская Силезия
 Тешинская Силезия — 90, 114
 Тибет, нагорье — 35
 Тигре, пров.—17, 49
 Тирана — 124
 Тихий океан — 211, 315, 321, 353, 370—373, 388, 409, 421, 423, 431, 433
 Тобрук — 15, 385
 Токио — 42, 210, 212, 235, 287, 315, 319, 423
 Триполи — 385
 Тулон — 433
 Тумень-Ула, р.—38, 211, 212

Тунис — 13, 116, 239, 310, 311, 368, 385, 432
 Турий Рог — 210
 Туркменская Советская Социалистическая Республика — 185
 Турция — 12, 132, 134, 136, 172, 277
 Тюрингия, ист. обл.—306
 Тяньцзинь — 36, 37

У

Уал-Уал — 12
 Уганда — 370
 Украинская Советская Социалистическая Республика — 113, 169, 186, 340, 417, 427, 428
 Умань — 106
 Урал, геогр. р-н — 107, 185, 186, 427
 Уральск — 184
 Уссурийская область — 214, 215
 Ухань — 39, 71, 74
 Учан — 71

Ф

Фарнборо — 392
 Федеративная Республика Германии (ФРГ) — 284, 297
 Филадельфия — 344
 Филиппинские острова (Филиппины) — 371, 388, 422
 Филиппины, гос-во — 236
 Финляндия — 17, 131, 133—135, 145, 146, 168, 169, 234, 273—275, 427
 Финский залив — 135
 Фландрия, ист. обл. — 427
 Франция — 5—7, 11—21, 23, 24, 26, 28—36, 40, 41, 43, 44, 50, 53, 54, 56, 61, 63, 72, 76—78, 80, 81, 84—88, 90—92, 94—98, 100—104, 106, 109, 110, 111—114, 116—154, 172, 182, 224, 225, 227, 228, 236, 243—245, 249—253, 257, 258, 261, 263—266, 268, 270—275, 277—283, 287, 289, 296, 311, 312, 315, 319—322, 327—340, 343—345, 348, 350—353, 355, 356, 365, 366, 368, 369, 371, 384, 388, 389, 392—398, 400, 402, 405—408, 412—426, 428—439
 Французская Северная Африка — 368
 Французский Индокитай — 422
 Фусун — 69

Х

Хабаровск — 38, 169, 210, 211, 215
 Хайнань, о.—37, 39, 40
 Халхин-Гол, р. — 42, 43, 74, 162, 172, 181, 215—217, 219, 220, 282, 287, 288, 315
 Хамар-Даба, г.—217
 Хамбер — 403
 Хами — 73
 Хаңка, оз.—210

Ханчжоу — 37
 Ханькоу — 37, 71, 74
 Ханьян — 71
 Харама, р.—31, 58
 Харар — 14, 18
 Хартфордшир, граф.—150
 Харьков — 167
 Хасан, оз.—38, 41, 43, 74, 162, 181, 211—215, 220, 373
 Хасанский район — 215
 Хеб — 81
 Хель, п-ов — 434
 Хельсинки — 274
 Хихон — 60
 Хуадянь — 69
 Хуанхэ, р.—66
 Хубэй, пров.—71
 Хунань, пров.—71
 Хунедоара, уезд — 234
 Хэбэй, пров.—35, 71

Ц

Центральная Америка — 420
 Центральная Африка — 49
 Центральная Германия — 377, 430
 Центральная Европа — 13, 77, 89, 95, 99, 116, 127, 132, 133, 139, 153, 247, 253, 275, 340, 399, 426
 Центральный Китай — 7, 37, 39, 69, 422
 Цзянси, пров.—71
 Цзяньсяньфэнь — 70
 Цзяохэ — 69
 Цюрих — 231, 269

Ч

Чанбай — 69, 70
 Чахар, пров.—35
 Челябинск — 186
 Черное море — 131, 145, 277, 280
 Чехия — 115, 121, 122, 251
 Чехословакия — 5—7, 17, 32, 38, 53, 57, 76—78, 81—116, 118, 121—125, 127, 128, 133, 137, 150, 151, 153, 154, 173, 181, 224—226, 229, 230, 233, 234, 239, 249—254, 258, 261, 263, 264, 267, 268, 271, 273, 276, 286, 299, 301, 302, 329, 330, 337—340, 345, 351, 352, 360—362, 377, 393, 415, 429, 437, 439
 Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР) — 111, 123
 Чжанцзякоу (Калган) — 37
 Чжэндин — 37
 Чикаго — 344
 Чили — 237
 Чунцин — 39, 74

Ш

Шанхай — 37, 271
 Шаньдун, пров.—321
 Шаньси, пров.—66, 68
 Шаньтоу (Сватоу) — 37, 39
 Швейцария — 29, 53, 82, 252, 258, 326, 352
 Швеция — 24, 145, 149, 239, 245, 252, 273—275, 326, 427
 Шепетовка — 105
 Шербур — 433
 Шицзячжуан — 37
 Шлезвиг-Гольштейн, земля — 149
 Шоа, пров.—47, 49
 Шотландия — 404
 Шэньси, пров.—66, 68

Э

Эбро, р.—62
 Эдинбург — 243
 Эльзас-Лотарингия, ист. обл.—419
 Эмполи — 312
 Эритрея, ит. кол.—12—14, 19, 45
 Эстония — 131, 133—135, 146, 168, 274, 283
 Эфиопия — 5, 6, 11—20, 28, 34, 43—50, 101, 118, 153, 173, 174, 181, 237—241, 311, 360, 385, 437, 439

Ю

Юго-Восточная Азия — 35, 321, 419, 421—423, 432
 Юго-Восточная Европа — 13, 99, 116, 119, 123, 126, 148, 154, 319, 329, 417, 419, 426
 Юго-Восточный Китай — 37
 Юго-Западная Европа — 21
 Юго-Западная Испания — 25
 Юго-Западная Эфиопия — 48
 Югославия — 81, 119, 120, 125, 235, 251, 258, 427
 Южная Америка — 121, 235, 420, 423
 Южная Атлантика — 403
 Южная Африка — 239
 Южная Эфиопия — 48
 Южно-Африканский Союз — 240, 326, 403, 405
 Южные моря — 35, 370, 373
 Южный Китай — 69, 116, 422
 Южный Сахалин — 372, 387
 Южный Урал — 185
 Южный Уэльс — 228, 252
 Юки — 387
 Юра, горы — 396

Я

Ява, о.—422

Ялуцзян (Амноккан), р.—70

Янминбао — 68

Янцзы, р.—39, 40

Яньань — 68

Япония — 5—7, 18, 34—38, 40—43, 64—66, 68—72, 74, 113, 116, 119, 123, 151, 153, 166, 169, 170, 172, 174, 182, 210, 211, 214—216, 219, 220, 226, 235, 236, 247, 248, 253, 258, 261, 262, 271, 272, 282, 287, 288, 290, 293, 296, 312—322, 324, 345, 354—356, 370—374, 385—388, 393, 403, 413, 415—417, 419—424, 431—433, 436—438

П Е Р Е Ч Е Н Ь К А Р Т

1. Война Италии против Эфиопии. 1935—1936 гг. . .	16— 17
2. Гражданская война и итало-германская интервенция в Испании. Июль 1936 г.— март 1939 г.	24— 25
3. Расширение японской агрессии на Дальнем Востоке. 1935—1939 гг.	40— 41
4. Подготовительные мероприятия Советского Союза по оказанию помощи Чехословакии в 1938 г.	104—105
5. Нарастание фашистской агрессии в Европе. Март 1935 г.— август 1939 г.	128—129
6. Помощь Советского Союза Испанской республике. Октябрь 1936 г.— февраль 1939 г.	136—137
7. Помощь Советского Союза Китаю в борьбе против японской агрессии. 1938—1939 гг.	144—145
8. Рост экономической базы обороны СССР. 1935—1939 гг.	184—185
9. Разгром японских милитаристов у озера Хасан. 29 ию- ля— 11 августа 1938 г.	216—217
10. Разгром японских милитаристов у реки Халхин-Гол. 20—31 августа 1939 г.	224—225
11. Главные устремления Германии, Японии и Италии в борьбе за мировое господство	368—369
12. Развертывание вооруженных сил двух капиталистиче- ских коалиций в Европе к 1 сентября 1939 г.	432—433
13. Условные обозначения и сокращения, принятые на картах	472—473

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ АРХИВОВ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

АВП — Архив внешней политики СССР

Архив МО — Архив Министерства обороны СССР

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР

ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии

ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

PRO. Cab. — Public Record Office. Cabinet Papers (Государственный архив Великобритании. Документы кабинета министров)

ZPA — Zentrales Parteiarchiv der SED (Центральный партийный архив Социалистической единой партии Германии)

ЦПА — ЦК на БКП — Центральный партийный архив при ЦК Болгарской коммунистической партии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
--------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИМПЕРИАЛИЗМ — ВИНОВНИК РАЗВЯЗЫВАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава первая

ПЕРЕХОД ФАШИЗМА К ВООРУЖЕННОЙ АГРЕССИИ

1. Захватнические действия Италии и Германии	11
2. Итало-германская интервенция в Испании и политика «невмешательства»	21
3. Дальнейшее расширение японской агрессии	34

Глава вторая

ОТПОР НАРОДОВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

1. Сопротивление Эфиопии итальянским колонизаторам	44
2. Национально-революционная война Испанской республики	50
3. Борьба китайского народа против агрессии японского империализма	64

Глава третья

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР — ПРЯМОЙ КУРС НА РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ

1. Захват Австрии фашистской Германией	76
2. Чехословацкий кризис	81
3. Подготовка мюнхенской сделки	90
4. Борьба Советского Союза в защиту Чехословакии	99
5. Мюнхенский империалистический сговор	109

Глава четвертая

НАРАСТАНИЕ УГРОЗЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Последствия мюнхенской политики	113
2. Англо-франко-советские переговоры	130
3. Вероломство правительств Англии и Франции	147

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

**СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ
НАДВИГАВШЕЙСЯ ВОЙНЕ**

Г л а в а п я т а я

ПОДГОТОВКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА К ОТРАЖЕНИЮ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

1. Политическая и идеологическая подготовка народа к защите социалистического Отечества	157
2. Пресечение враждебных происков империалистических разведок	166
3. Советская военная теория накануне второй мировой войны	170
4. Социалистическая экономика — основа материально-технического оснащения Вооруженных Сил СССР	182
5. Укрепление Советских Вооруженных Сил	199
6. Вооруженная защита государственных интересов СССР	210

Г л а в а ш е с т а я

НАРОДЫ МИРА ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ

1. Ведущая роль коммунистических партий в антивоенной борьбе масс . . .	222
2. Поддержка жертв империалистической агрессии	237
3. Движение за создание международного фронта защиты мира	255

Г л а в а с е д ь м а я

СРЫВ ПОПЫТОК МЕЖДУНАРОДНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА СОЗДАТЬ
ЕДИНЫЙ ФРОНТ ПРОТИВ СССР

1. Советский Союз — поборник коллективной безопасности	271
2. Срыв Советским Союзом коварных планов империалистов	278

Ч А С Т Ь Т Р Е Т ь я

**ДВЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ**

Г л а в а в о с ь м а я

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНАХ ДВУХ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК

1. Страны фашистского блока накануне войны	293
2. Англия, Франция, США и Польша накануне войны	322

Г л а в а д е в я т а я

СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ
ГРУППИРОВОК

1. Военные доктрины стран фашистского блока	354
2. Состояние вооруженных сил стран фашистского блока	374
3. Военные доктрины Великобритании, Франции, США и Польши	389
4. Вооруженные силы Великобритании, Франции, США и Польши	402

Глава десятая

ПЕРЕД СХВАТКОЙ

1. Непримиимые противоречия между капиталистическими державами . . .	414
2. Стратегические планы империалистических группировок	426
З а к л ю ч е н и е	437

П р и л о ж е н и я

Хроника основных событий	443
Указатель имен	451
Указатель географических названий	464
Перечень карт	473
Сокращенные названия архивов, встречающиеся в тексте	474

* * *

В труде использованы документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архива внешней политики СССР, Историко-дипломатического архива Министерства иностранных дел СССР, Архива Министерства внешней торговли СССР, Архива Министерства обороны СССР, Архива Министерства юстиции СССР, Института военной истории Министерства обороны СССР, Партийного архива Хабаровского крайкома КПСС, Центрального партийного архива СЕПГ, Государственного архива Германской Демократической Республики, Архива Военно-исторического института венгерской Народной армии, Архива Института военной истории Чехословакии, Центрального архива ЦК Польской объединенной рабочей партии, Центрального военного архива Польской Народной Республики, Центрального партийного архива при ЦК Болгарской коммунистической партии, Государственного архива Великобритании, Центрального государственного архива Италии, Национального архива Франции, Государственного архива Федеративной Республики Германии, Архива Института современной истории в Мюнхене.

Иллюстративный материал подобран в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов СССР, Госфильмофонде СССР, Государственном музее Революции СССР, Центральном музее Вооруженных Сил СССР, Фотохронике ТАСС, Агентстве печати «Новости» СССР, в архивах ГДР, Польши, а также в советских и зарубежных публикациях.

Авторские макеты карт составлены В. Г. Клевцовым и выполнены сотрудниками отдела картографии и фотодокументации Института военной истории МО СССР.

Карты изготовлены Военно-топографической службой Советской Армии.

При написании некоторых разделов использованы материалы И. И. Гаглова, Г. О. Гутмана, В. Д. Данилова, А. Ф. Клушина, Н. А. Кучеренко, К. Маммаха (ГДР), Ф. Несвадбы (ЧССР), Г. К. Плотникова, В. И. Рычкова, Г. О. Татеусова, В. П. Серегина, Н. Г. Цырульникова, И. А. Челышева, И. В. Юрасова.

В консультировании тома участвовали: И. Х. Баграмян, П. Ф. Ба-тицкий, А. М. Василевский, П. И. Ефимов, П. И. Ивашутин, М. Х. Ка-лашник, М. С. Колесников, К. В. Крайнюков, В. В. Курасов, П. С. Ку-тахов, К. С. Москаленко, И. Г. Павловский, П. А. Ротмистров, Ф. А. Сам-сонов, Н. Д. Сергеев, Е. И. Смирнов.

Литературные редакторы Н. Н. Виноградова, Г. А. Хвилевицкая.

Хроника событий составлена Н. А. Виленским и М. С. Зинич, указа-тели — Н. А. Семеновым и Ю. В. Соколовым.

Научно-организационную и вспомогательную работу по тому выпол-нили А. Я. Анфиногенов, Б. И. Баромыкин, А. И. Борисов, Р. Т. Горбу-нова, Т. А. Зайцева, М. С. Зинич, В. Д. Козинец, В. Г. Коновалов, Е. Н. Морозова, В. В. Муратов, Е. Р. Некрашевич, А. А. Пастухов, Р. Б. Самофал, И. В. Ставицкии, Н. Е. Яковлева.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, оказавшим помощь при под-готовке тома.

ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939 – 1945

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

А. А. ГРЕЧКО (председатель)

Г. А. АРБАТОВ, В. А. ВИНОГРАДОВ, Б. Г. ГАФУРОВ, С. Г. ГОРШКОВ,
А. А. ГРОМЫКО, А. Г. ЕГОРОВ, А. А. ЕПИШЕВ, А. С. ЖЕЛТОВ, П. А. ЖИЛИН
(заместитель председателя), Е. М. ЖУКОВ (заместитель председателя), С. П. ИВАНОВ,
Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ, В. М. КОЖЕВНИКОВ, В. Г. КУЛИКОВ (заместитель председа-
теля), С. К. КУРКОТКИН, Е. Е. МАЛЬЦЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. Л. НАРОЧНИЦ-
КИЙ, П. Н. ПОСПЕЛОВ, А. И. РАДЗИЕВСКИЙ, С. И. РУДЕНКО, А. М. РУМЯН-
ЦЕВ, М. И. СЛАДКОВСКИЙ, Т. Т. ТИМОФЕЕВ, П. Н. ФЕДОСЕЕВ (заместитель
председателя), С. К. ЦВИГУН, С. М. ШТЕМЕНКО

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1975

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939 – 1945

ТОМ ПЯТЫЙ

ПРОВАЛ
АГРЕССИВНЫХ ПЛАНОВ
ФАШИСТСКОГО БЛОКА

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1975

9(М)72
И90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПЯТОГО ТОМА

В. П. МОРОЗОВ (главный редактор), А. В. БАСОВ (заместитель главного редактора),
В. В. ВОЗНЕНКО, И. И. ДЖОРДЖАДЗЕ, В. М. КОВАЛЬЧУК, М. М. НАРИНСКИЙ,
И. В. ПАРОТЬКИН, Ю. В. ПЛОТНИКОВ, С. П. ПОЖАРСКАЯ, А. М. САМСОНОВ,
Б. С. ТЕЛПУХОВСКИЙ, Г. Т. ХОРОШИЛОВ

ВВЕДЕНИЕ

Весной 1942 г. мир еще находился под впечатлением выдающейся победы Советского Союза под Москвой: на главном фронте второй мировой войны «непобедимому» вермахту было нанесено первое крупное поражение. Здесь, где в течение десяти месяцев проходила ожесточенная схватка главных сил противоборствующих коалиций — Советского Союза и фашистской Германии, Советская Армия преградила путь фашистскому агрессору, сорвала пресловутый план «молниеносной войны», окончательно похоронила доктрину блицкрига, на что германские политики и стратеги делали главную ставку в достижении своих захватнических целей.

Первая военная весна не принесла заметной передышки на советско-германском фронте. На одних направлениях еще продолжались боевые действия по планам зимней кампании, на других — обеими сторонами готовились новые операции, которые развернулись в конце апреля — начале мая. Это открывало новый этап войны, продолжавшийся до осени 1942 г.

В ходе этого этапа вооруженным силам фашистского блока удалось вновь перейти в наступление на всех театрах военных действий и первоначально добиться определенных успехов. Военные события, особенно на советско-германском фронте, развивались стремительно. Период между победой под Москвой и началом сокрушительного разгрома немецко-фашистских полчищ у Сталинграда для Советского Союза был крайне тяжелым и драматичным. Первоначально, весной и в начале лета 1942 г., обе стороны боролись за сохранение или захват стратегической инициативы. К концу июня эта борьба в силу ряда причин закончилась не в пользу Советской Армии. В течение лета и осени 1942 г. Советские Вооруженные Силы вынуждены были под напором численно превосходившего врага отойти к Волге и предгорьям Кавказа. Они второй раз за время Великой Отечественной войны вели активную стратегическую оборону, в ходе которой враг был обескровлен и остановлен, не достигнув своей главной военно-политической цели — вывести СССР в 1942 г. из войны и перенести военные действия в другие районы мира. Окончательно преградив путь фашистскому агрессору на волжском и кавказском рубежах, Советские Вооруженные Силы, руководимые Коммунистической партией, создали необходимые условия для перехода в решительное контрнаступление под Сталинградом.

Героическое сопротивление Советской Армии и отражение ею второго, «генерального», наступления фашистского вермахта вынудили гитлеровское командование вновь привлечь на советско-германский фронт все